Т5(2 Морд)
Э91

41677

ЭТНОГЕНЕЗ МОРДОВСКОГО НАРОДА

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1965

+5(2морд)
Э91

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ЭТНОГЕНЕЗ МОРДОВСКОГО НАРОДА

(Материалы научной сессии. 8—10 декабря 1964 года)

41617

Под общей редакцией
академика Б. А. РЫБАКОВА,
члена-корреспондента АН СССР Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВА,
доктора исторических наук А. П. СМИРНОВА

XX. МАР. 19

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1965

Редакционная коллегия:

доктора исторических наук **А. П. Смирнов** *и* **В. Н. Белицер,**
доктор филологических наук **М. Н. Коляденков,**
кандидат филологических наук **И. К. Инжеватов,**
кандидат исторических наук **К. А. Котков, С. О. Циркин**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Срединное положение мордовского народа в многонациональной семье Советского Союза среди русских, татар, марийцев, чувашей ставит проблему происхождения мордвы в число важнейших (общих) вопросов этногенеза.

Созванная по инициативе Института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР научная сессия по этногенезу мордовского народа явилась большим событием в научном мире.

С разных концов нашей страны съехались в Саранск ученые разных специальностей — лингвисты, археологи и этнографы, специалисты по топонимике и изучению социалистических наций. Результатом сессии явился этот том докладов и выступлений.

Четыре тысячи лет истории народов нашей страны были рассмотрены в связи со сложными вопросами этногенеза мордвы. Для установления языковых и историко-культурных связей мордвы с другими народами понадобилась карта чуть ли не всей Европейской части СССР: Прибалтика и Урал, Северная Двина и южные степи.

Научная сессия в Саранске позволила преодолеть разобщенность ученых разных специальностей и впервые объединила их усилия на более глубокое изучение тысячелетней истории мордовского народа. Публикуемые статьи представляют собой ценнейшие исследования, посвященные разным важным вопросам этногенеза. Без этих исследований, отражающих сегодняшний день советской науки, немыслимо двинуться дальше. Но есть еще много белых пятен, много нерешенных вопросов.

Всем ученым, занимающимся историей мордовской культуры, языка, фольклора, предстоит еще большая, увлекательная работа по воссозданию многовековой истории эрзи и мокши, по определению исторической роли и связей мордовского народа с другими народами нашей страны.

В дальнейшем нужно будет шире привлечь ученых Эстонии и Карелии для совместного рассмотрения многих общих вопросов финно-угорских народов.

Сборник трудов Саранской сессии — залог успешного содружества ученых Советской страны в разработке сложных и важных проблем национальной истории.

Академик *Б. А. Рыбаков.*

Раздел I

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ

П. Н. Третьяков,
член-корреспондент АН СССР

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ФИННО-УГОРСКИХ ПЛЕМЕН ПОВОЛЖЬЯ

1

Среди вопросов, еще далеко не решенных советской исторической наукой, существенное место занимает вопрос о происхождении народов нашей страны, о началах их исторического бытия. Каждая народность хочет знать, откуда она произошла, где лежат истоки ее языка и культуры, ее специфических особенностей. Без решения этого вопроса остаются неразъясненными многие явления последующей истории и истории культуры. Марксизм-ленинизм учит нас каждое историческое явление рассматривать в его происхождении и развитии. И это, конечно, в полной мере относится к такому большому и сложному историческому явлению, как народность, национальность.

Происхождение народности — это длительный процесс. Он складывается из трех основных этапов, теснейшим образом друг с другом связанных, переплетающихся. Во-первых, когда-то, в далеких глубинах первобытной истории, возникли те первичные этнические образования, первые камни того фундамента, которые легли в основу каждой из больших существующих поныне этнических группировок. В данном случае речь идет о первобытных финно-угорских племенах — протофинно-уграх или прафинно-уграх, которые были далекими предками всех древних и современных финно-угорских народностей.

Во-вторых, в рамках этих первобытных образований в ходе истории складывались более компактные по языку и культуре группы племен. Каждая из них была предком уже не всех финно-угров, а лишь определенной их части, группы близких народностей. Применительно к финно-уграм это будут пермская, поволжская, прибалтийская и другие группировки.

И, наконец, в-третьих, происходило сложение самих народностей. Если первые два явления протекали в рамках первобытной истории, то сложение народностей было результатом распада первобытного строя, результатом сложения классовых отношений в обществе. Не следует лишь думать, что с возникновением классового общества народность складывалась сразу, как бы автоматически. Это новое качество оформлялось в зависимости от конкретных исторических условий по-разному и далеко не прямолинейно. Известно, скажем, что древнерусские, восточнославянские племена первоначально, после распада первобытных норм жизни, шли по пути образования единой древнерусской народности. Но этот процесс так и не завершился. Он был прерван в результате изменившихся конкретных исторических условий, объясняющихся главным образом татарско-монгольской агрессией, и образовалась не одна, а три народности — русская, украинская и белорусская, близко родственные друг другу.

Задачей моего выступления, касающегося далекого прошлого предков мордовского народа, является освещение лишь первых этапов этногенетического исторического процессов, приведших к образованию финно-угорских народностей Поволжья.

Археологические исследования в нашей стране ведутся в больших масштабах, не идущих ни в какое сравнение с тем, что было достигнуто в этой области исторической наукой до Октябрьской революции. В свете археологических данных, освещенных с позиций марксизма-ленинизма, перед нами встают во весь рост тысячелетия далекой истории наших народов. Много нового внесено и в освещение вопроса о происхождении древних финно-угорских племен. Новые данные позволили высказать ряд соображений о месте, времени и обстоятельствах образования основного ядра финно-угров и последующем распространении их по обширным пространствам лесных областей Восточной Европы и западной окраины Сибири. Существенно отметить при этом, что наблюдения, основанные на изучении остатков древней культуры, не идут в разрез с выводами о генезисе финно-угров, основанными на данных языкознания. Тоже самое можно сказать о результатах сопоставления археологических и палеантропологических наблюдений. Поскольку вопрос о происхождении финно-угров еще не вышел за рамки гипотез, здесь нельзя ждать полного единства взглядов не только у представителей разных дисциплин, но и среди специалистов одной и той же отрасли знания. Но основные вопросы этногенеза и древнейшей истории финно-угров решаются большинством исследователей более или менее в общем направлении.

Как и любая этническая общность первобытной эпохи, древнейшие финно-угры сложились некогда на сравнительно ограниченной территории, в пределах которой первобытные племена находились не только в равноценных хозяйственных и исторических условиях, но и были как-то связаны между собой.

Такие условия сдерживали процесс культурно-этнической дифференциации родственных групп населения, обычный для первобытности и ведущий к характерной для той эпохи культурно-этнической пестроте. Тем самым создавались предпосылки укрепления и нарастания одинаковых явлений в ходе развития языка и культуры, ведущих к образованию первобытной культурно-этнической общности.

Для того чтобы такая первобытная общность оказалась жизнеспособной, чтобы она была в силах пройти длительный путь развития, расширить свою территорию и составить в последующем основу современной этнической группировки, должно было иметься еще одно существенное условие. Древняя общность должна была быть более мощной, чем окружающие ее соседние группы населения. Ведь первобытные племена и племенные группы — большие и малые — были весьма многочисленны, но большинство из них рано или поздно навсегда исчезло в ходе исторического процесса. Они были частью уничтожены или потеряли свой язык и культурные особенности, были поглощены более сильными этническими общностями.

Древнейшие финно-угры представляли собой одну из таких мощных племенных группировок Старого Света. Еще в конце XIX в., на основании данных языкознания, в частности, следов связей финно-угорских языков с самодийскими и некоторыми другими языками Азиатского материка, было высказано предположение, что территория древней финно-угорской общности лежала где-то на пограничье Европы и Азии, а временем ее возникновения было приблизительно III тысячелетие до н. э., то есть тот отдаленный неолитический период, когда на материках Старого Света складывались и некоторые другие культурно-этнические общности, дожившие до современности, в частности, индоевропейские. В связи с этим в трудах археологов уже давно велись поиски истоков древнейших финно-угров среди неолитических древностей лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири (Ю. Айлио, И. Р. Аспелин, А. М. Тальгрен и др.). В свете данных, известных в настоящее время, эти поиски должны получить в целом положительную оценку. Но степень изученности неолитических древностей вплоть до 40-х гг. нашего века была настолько невысокой, что сколько-нибудь определенной картины генезиса и древнейшей истории финно-угров на их основании нарисовать было нельзя.

2

В 40—60 гг. в изучении неолитических племен лесной полосы Европейской части СССР и Зауралья были достигнуты особенно большие успехи (О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов, Н. Н. Гурина, Д. Я. Телегин, М. Е. Фосс, А. Х. Халиков, И. К. Цветкова, В. Н. Чернецов, Л. Ю. Янтис и др.). Впервые появилась возможность подойти к лесному неолиту, как к конкретному историческому явлению. Несмотря на то, что в настоящее время здесь еще много неясного и дискуссионного, некоторые существенные вопросы истории и этногении того времени так или иначе начинают проясняться.

Если раньше охотничье-рыболовческая неолитическая культура лесной полосы представлялась в виде чего-то единого («культура ямочно-гребенчатой керамики»), то теперь удалось выяснить, что в действительности она состояла из ряда различных культурно-этнических общностей, имевших неодинаковое происхождение и сыгравших в первобытной истории нашей страны далеко не равноценную роль. Это были общности: уральско-камская, волго-окская, охватившая к исходу неолита обширные пространства на севере и северо-западе Европейской части СССР, неолитическая общность в поречье Среднего и Верхнего Днепра, ряд общностей в Юго-Восточной и Восточной Прибалтике. Есть основания предполагать, что основы этих группировок неолитических племен (или некоторых из них) были заложены еще в мезолите (VII—IV тыс. до н. э.) в ходе освоения древними племенами, двигавшимися с юга на север, обширных, почти лишенных населения пространств лесной полосы[1]. И в дальнейшем в истории культуры неолитических общностей лесной полосы большую роль играли их исторические и культурные связи с населением южных областей. Это и понятно: в эпоху неолита (IУ—III тыс. до н. э.) южные племена Европы и Азии по уровню развития своей культуры стояли намного выше своих северных современников. Они жили в более благоприятных естественных условиях, что было весьма существенно в те далекие первобытные времена, когда люди находились в значительной зависимости от природы.

В весьма благоприятных естественных и исторических условиях развивались в то время племена Прикамья и Приуралья. Их южным соседом была обширная группа племен неолитического Приаралья (келтеминарская культура), связанная с одной из наиболее передовых цивилизаций Старого Света — с древней культурой южных областей Средней Азии. Характер связей камско-уральских племен с Приаральскими племенами еще недостаточно разъяснен. Возможно, что между ними имелись не только культурные, но и генетические связи и что само формирование камско-уральской общности во многом обязано этим связям[1]. Во всяком случае, отчетливые следы контактов с неолитическим Приаральем отмечены в уральско-камском неолите повсюду, во всех его локальных вариантах. Они проявляются в формах орудий труда и в орнаментации керамики.

---

[1] *А. Я. Брюсов,* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М. 1952. *М. Е. Фосс,* Древняя история севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху. Материалы и исследования по археологии СССР, № 29, 1952, стр. 153—193; *X. А. Моора,* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, стр. 61; *А. А. Формозов,* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М. 1959, стр. 97—106. *П. Н. Третьяков,* У истоков этнической истории финно-угорских племен. «Советская этнография», 1961, № 2.

Следует думать, что имелись и другие причины, обусловившие сравнительно высокий уровень материальной жизни (каменные орудия, керамика, жилище) племен уральско-камской неолитической общности, например, разнообразные и богатые ландшафтные условия Приуралья и др. К исходу неолита, в начале II тыс. до н. э., у уральско-камских племен несколько раньше, чем в соседней Волго-Окской области, стали распространяться металлургия меди и бронзы, скотоводство, а возможно и земледелие, хотя потребовалось еще много времени прежде чем эти новые для той эпохи элементы культуры завоевали себе господствующее положение в местной экономике.

В основном присвояющий характер производства неолитических охотничье-рыболовецких племен требовал больших пространств. Поэтому развитие этих племен, если оно шло по восходящей линии, неизбежно было связано с освоением ими новых территорий. История неолитических общностей Восточной Европы и Сибири, сложившихся в пределах лесной полосы, повсеместно протекала в условиях движения людей на север, в слабозаселенные области.

Так обстояло дело и с уральско-камскими племенами, главные центры которых лежали у границы леса и степи на Южном и Среднем Урале. Отсюда люди рассеялись далеко на север по поречью Оби и бассейну Камы. Имелось, однако, и другое направление, по которому расселялись уральско-камские племена,— западное. Исследователи, занимавшиеся неолитом центральных частей Восточной Европы, полагают, что в области нижнего течения Оки, в Верхнем Поволжье и в некоторых более северных восточно-европейских областях на рубеже III и II тыс. до н. э. и в начале II тыс. до н. э., а в некоторых местах и раньше, произошли значительные изменения состава древнего населения за счет проникновения сюда выходцев из уральско-камской неолитической области (О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов, Д. А. Крайнов, А. Х. Халиков и др.). В результате там распространялась новая культура — на Оке так называемая волосовская и близкие ей культуры в более северных областях. Мало того, перед наукой стоит сейчас вопрос о проникновении уральско-камских племен в относительно раннее время далеко на запад, вплоть до Восточной Прибалтики (А. Я. Брюсов и др.)[1].

---

[1] *В. Н. Чернецов,* К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этнических исследований. М. 1951, стр. 24;

Его же, Древняя история Нижнего Приобья, Материалы и исследования по археологии СССР № 35, 1953, стр. 7.

С. П. Толстов, Древний Хорезм, М. 1948, стр. 63—66.

А. П. Смирнов, Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии. «Советская археология», № 3, 1957.

Все это вместе взятое — территория и условия формирования племен уральско-камской неолитической общности, их распространение на запад, то, что эти многочисленные племена составили основу всего последующего исторического развития в обрисованных выше областях (о чем речь пойдет ниже) — заставляет рассматривать уральско-камские неолитические племена в качестве древних финно-угров, прафинно-угров или того этнического фундамента, на котором финно-угры образовались. Имеются и другие данные, позволяющие протянуть генетическую нить от неолитических племен уральско-камского типа доисторических финно-угров. К ним относятся, например, некоторые элементы древних верований, возникшие в камско-уральском неолите и дожившие у финно-угров до позднесредневекового языческого прошлого.

Распространение древних финно-угорских (уральско-камских) племен в области Поволжья и бассейна р. Оки происходило в сложных исторических условиях, в целом весьма неблагоприятных для древнего местного волго-окского населения и его культуры, и, наоборот, по-видимому, благоприятных для уральско-камских племен. Еще в конце III тыс. до н. э. волго-окские неолитические племена испытали на себе значительное влияние и, возможно, давление со стороны юго-западных соседей — днепро-донецких неолитических племен. А несколько позднее, на рубеже и в первые века II тысячелетия до н. э., в Поволжье вторглись с юго-запада многочисленные группы пастушеских племен со своеобразной культурой (фатьяновские, балановские, позднее — абашевские племена). Имеются основания рассматривать их в качестве индоевропейцев, близких древним балтам, освоившим в это время обширные пространства в Верхнем Поднепровье и Юго-Восточной Прибалтике[2]. Местные волго-окские и пришлые племена вели между собой борьбу, по-видимому, ослаблявшую обе стороны. Появление в Верхнем Поволжье и на Оке древних финно-угорских племен еще больше усложнило сложившуюся здесь напряженную межплеменную обстановку.

---

[1] *О. Н. Бадер,* Очерк шестилетних работ Камской экспедиции. Ученые записки Пермского (Молотовского) госуниверситета, т. XI, вып. 3, 1956, стр. 10—20. *А. Х. Халиков,* Неолитические памятники в Казанском Поволжье, Материалы и исследования по археологии СССР, № 61, 1958, стр. 43; *А. Я. Брюсов,* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М. 1952, стр. 25—41.

[2] *Х. А. Моора,* О древней территории расселения балтийских племен. «Советская археология», 1958, № 2.

На основании археологических данных обычно трудно восстановить конкретные исторические события, в частности, состояние войны между племенами. Но в данном случае имеются убедительные свидетельства того, что Верхнее Поволжье было в то время (2 и 3 четверти II тыс. до н. э.) ареной жестоких столкновений между племенами. Имеются братские могилы, где похоронены люди одного племени, пораженные стрелами, бывшими в употреблении у другого племени[1]. В ходе этих древних войн через некоторое время в Верхнем Поволжье навсегда исчезли фатьяновские пастушеские племена. Позднее их судьбы разделили другие индоевропейские племена, проникшие в Поволжье — балановские и абашевские. Если в середине II тыс. до н. э. в результате передвижений племен состав населения Верхнего и Среднего Поволжья и бассейна Оки отличался значительной пестротой, то к началу I тыс. до н. э. картина изменилась, пестрота культуры стала изживаться. В этой области, как и в местностях, лежащих между Верхним Поволжьем и Восточной Прибалтикой, мало-помалу сложилась культура более или менее однородного облика (культура текстильной керамики). При этом есть все основания полагать, что главным ее создателем были потомки племен уральско-камского происхождения — древние предки финно-угров, смешавшиеся с местным неолитическим населением и вышедшие победителем в обрисованной выше межплеменной борьбе.

Возникновение у них новой культуры в этот период было следствием того, что финно-угорские племена перешли в это время от охотничье-рыболовецкого быта к скотоводческому и земледельческому. В соответствии с этим совершался переход от древних форм родо-племенного устройства к патриархальному строю. В последующие столетия в бассейне Оки и Верхней (и отчасти Средней) Волги, в области Валдайской возвышенности, в Эстонии и южных областях Финляндии новая культура, существенно не изменившись, переросла также в более или менее однородную культуру раннего железного века — непосредственную предшественницу культуры западных и поволжских финно-угорских племен I тыс. н. э., известных не только по археологическим, но и по историческим данным.

По мнению некоторых исследователей (О. Н. Бадер, Т. Б. Попова), в конце II тыс. до н. э. в среде населения бассейна Средней и Нижней Оки произошло еще одно существенное этническое изменение, а именно: сюда якобы продвинулась с юга группа степных племен, вытеснявшая и уничтожившая местное население (поздняковская культура)[1]. Я не разделяю этой точки зрения и считаю, что следует говорить не о смене населения в поречье Оки, а лишь о том, что процесс сложения здесь новой скотоводческой и земледельческой культуры происходил в условиях тесного контакта со скотоводческими племенами соседних степных пространств (срубная культура). Ведь есть все основания полагать, что степные племена Поволжья и Подонья (второй половины II тыс. до н. э.) явились непосредственными генетическими предшественниками западноиранских скифских племен (М. И. Артамонов, О. А. Гракова). Если бы ими было занято поречье Оки, то и дальнейшее развитие культуры пошло бы в этой области по скифскому или близкому к нему пути. Этого, однако, не произошло. Развитие культуры в бассейне Средней и Нижней Оки в последующие столетия пошло в основном в том же самом направлении, что и во всех других лесных областях Поволжья, занятых финно-угорскими племенами — выходцами с Урала и Прикамья. Более того, следует признать очень правдоподобной мысль о некотором продвижении финно-угров, ставших скотоводами и земледельцами, в направлении Среднего Поволжья (В. П. Шилов и др.).

---

[1] *В. М. Раушенбах,* Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Никола Перевоз. Труды Гос. Исторического музея, вып. 37, 1960;

А. Х. Халиков и Е. А. Халикова, Васильсурское городище эпохи бронзы. Материалы и исследования по археологии СССР, № 110, 1963, стр. 265.

Последним вопросом, касающимся культурно-исторического процесса, протекавшего в конце II—I тыс. до н. э. в лесной полосе Восточной Европы, является вопрос о наблюдаемом в это время культурно-этническом размежевании племен Поволжья, с одной стороны, и Прикамья, с другой.

Если признать, что скотоводческо-земледельческая культура (с текстильной керамикой), складывающаяся в это время в Волго-Окской области и Восточной Прибалтике, являлась по своему происхождению финно-угорской, то нужно объяснить, почему она была неизвестной населению материнских финно-угорских земель — Прикамья, Урала и Зауралья, у которого к началу I тыс. до н. э. сложилась скотоводческо-земледельческая культура другого облика (ананьинская культура)? Не следует ли думать, что ареал культуры с текстильной керамикой следует сопоставить не столько с областями Поволжья и Прибалтики, занятыми финно-угорскими племенами, сколько с картой размещения древних волго-окских неолитических племен, распространившихся, как известно, и в Восточной Прибалтике? При распространении на запад уральско-камских племен местное волго-окское население сыграло, очевидно, роль мощного субстрата. И, быть может, именно его наследием следует объяснить факт культурного размежевания камско-уральского населения и обитателей более западных областей лесной полосы?

---

[1] *О. Н. Бадер,* Из последних наблюдений над стратиграфией окских стоянок в связи с палеоклиматической схемой Блитта-Сернандера. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, №№ 6—7, 1940; Т. Б. Попова, Происхождение поздняковской культуры, Труды Гос. Исторического музея, вып. 37, 1960.

Вероятно, волго-окский этнический субстрат действительно сыграл здесь существенную роль. Но вместе с тем, нельзя не отметить, что в конце II — начале I тыс. до н. э. в составе населения Камско-Уральской области происходили заметные изменения, отразившиеся на характере культуры. Причины этого явления еще окончательно не выяснены. Это один из спорных вопросов волго-камской археологии. Большинство исследователей придерживается взгляда, что в эту область в указанное время проникали из-за Урала значительные группы монголоидного населения, смешавшиеся с местными волго-камскими племенами. В частности, одна из таких монголоидных групп сыграла существенную роль в формировании прикамской ананьинской культуры раннего железного века[1]. Именно они, новые пришельцы, послужили, возможно, главной причиной культурного размножения камско-уральских и более западных финно-угорских племен на рубеже II и I тыс. до н. э.

3.

Если II тыс. до н. э. в истории населения Волго-Окской области ознаменовалось значительными передвижениями племен, вытеснением одних племен другими, энергичными процессами ассимиляции, то последующее I тыс. до н. э. не знало здесь никаких существенных перемещений населения и вторжений извне. Сложившийся повсюду патриархальный уклад и скотоводческо-земледельческий быт прочно привязали людей к своим территориям. Там, где рыболовам и охотникам становилось «тесно», вследствие экстенсивности их экономики, для скотоводов и земледельцев открылись широкие возможности «внутренней колонизации». Столетиями люди жили теперь на одних и тех же местах, на своих поселениях-городищах, ставших при патриархальном строе наиболее характерной формой поселений. Они вырубали леса под пашни; луга давали корм для скота; охота и рыбная ловля служили важным подспорьем. Облик быта и культуры за I тысячелетие до н. э. особенно не изменился, хотя и наблюдалось дальнейшее усовершенствование в области железной металлургии и других отраслей производства.

---

[1] *П. П. Ефименко,* До питання про джерела культуры пізньої бронзи на територіі Волго-Камья Археологія, II, Київ, 1948;

О. Н. Бадер, Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции, стр. 54—55;

Т. А. Трофимова, Антропологический состав древнего населения Прикамья и Приуралья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 22, 1951, стр. 100—101.

Таким образом, если II тыс. до н. э. должно быть охарактеризовано как время формирования финно-угорского населения в Поволжье на основе племен камско-уральского происхождения, то последующее тысячелетие «раннего железного века» было временем стабилизации поволжской группы финно-угров на основе новых (скотоводческо-земледельческих) форм экономики, культуры и общественных порядков (патриархально-семейный строй).

Городища «раннего железного века» в области Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья известны в археологии под наименованием дьяковских, а в поречье Нижней и Средней Оки и ее правых притоков — городецких. Эти определения, введенные в науку в начале нашего века, когда изучение древностей указанных областей только лишь началось (В. А. Городцов, А. А. Спицин), в настоящее время нуждаются в значительных уточнениях. Прежде всего, когда хронология волго-окских городищ более или менее определилась, стало очевидным, что большинство элементов культуры, считавшихся до сих пор характерными для дьяковских древностей и отличающих их от древностей городецких, в действительности не имеет отношения к местной финно-угорской культуре («грузики дьякова типа», ряд форм украшений, типы неорнаментированной керамики, формы укрепленных поселений и домостроительства). Эти элементы культуры появились в западной и центральной частях Волго-Окского междуречья лишь в первых веках н. э. в результате проникновения сюда восточно-балтийского населения, вытесненного из области Верхнего Поднепровья расселяющимися с юга славянскими племенами (зарубинецкая культура)[1].

Что же касается дьяковских и городецких древностей I тыс. до н. э., то они по сути дела почти не отличаются друг от друга, и между областями, ими занятыми, нельзя провести сколько-нибудь определенной границы. Обычно эти древности различаются по облику керамики, поверхность которой к северу и югу от течения Оки обрабатывалась несколько по-разному («текстильная» и «рогожная» керамика). Но это отличие для данной эпохи вряд ли следует считать особенно существенным. Во всяком случае это отличие нельзя признать более заметным, чем некоторые второстепенные локальные особенности внутри самих дьяковских или городецких древностей.

Древности поречья Оки (в его нижнем и среднем течении) обычно относят к городецким, но здесь были представлены оба названных выше типа керамики, причем в нижнем течении Оки и на участке вблизи устья Москвы-реки «текстильная» керамика явно преобладала. Словом, поречье Оки с равными основаниями может быть отнесено и к дьяковской и к городецкой культурам.

---

[1] *П. Н. Третьяков,* Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура, «Советская археология», № I, 1960.

Т5(2 Морд)
791

Все это говорит, очевидно, о том, что в I тыс. до н. э. культурные особенности, разделяющие позднее отдельные группы поволжских финно-угорских племен, еще не сформировались. Применительно к этому времени еще нельзя говорить о мерянских, муромских и мордовских (эрзянских и мокшанских) племенах как особых этнических группах. Временем их сложения (обособления), судя по археологическим данным, было последующее I тыс. н. э.— период распада первобытного строя жизни и формирования классового общества, в конце которого стали закладываться основы средневековых народностей.

И так, в свете археологических данных представляется бесспорным, что областью, где в III тыс. до н. э. обитали древние предки финно-угров, были Урал и Прикамье, вероятно, преимущественно более южные части этой обширной страны. Отсюда потоки древнего населения шли на север и запад. Результатом этих вековых переселений и всех сложных этнических процессов и конфликтов, им сопутствующих (ведь расселение шло по заселенным пространствам), было распространение древних финно-угров по лесной полосе Европейской части СССР вплоть до Восточной Прибалтики.

В I тыс. до н. э. поволжское население по облику своей культуры обособилось от уральско-камского. Началась история поволжской группы финно-угров, в рамках которой уже в последующее время возникли отдельные локальные группы поволжских финно-угорских племен, в том числе обширной группы мордовских племен. Но это является темой уже следующего доклада.

41617

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

А. П. Смирнов,
доктор исторических наук

ЭТНОГЕНЕЗ МОРДОВСКОГО НАРОДА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ I—XV ВВ. Н. Э.

В первом тысячелетии до н. э. определилась этническая карта финно-угорских народов. Правобережье Волги, междуречье Цна-Волга, где позднее были известны мордовские племена, были заняты городецкой культурой, близко дьяковской, но отличающейся от нее рядом признаков.

Для городецкой культуры характерно присутствие в керамическом комплексе обломков керамики с отпечатками рогожи. В разных местах правобережья Волги количество этой керамики различно. В некоторых местах, например на поселениях рязанского течения Оки и саратовского — Волги, она превалирует, исчезая окончательно только в III—IV—V вв. н. э. Для городецкой культуры характерны определенной формы рыболовные грузила. Резко отличает ее от дьяковской культуры отсутствие в ней грузиков дьякова типа. Их совсем нет на территории городецкой культуры.

В настоящее время городецкая культура не однородна на всем протяжении, а распадается на ряд локальных вариантов, представляющих какие-то племенные объединения. Эти территории сохраняются и позднее хорошо разделяются по украшениям и некоторым деталям обряда погребения. Так, достаточно четко выделяется мурома, могильники которой хорошо датируются в пределах V—XI вв. н. э. По рязанскому течению обитали племена, культура которых представлена рязанскими могильниками. Это население одни исследователи считают мещерой, другие мордвой-эрзей. Могильники датируются с первых веков н. э. приблизительно до XI в. н. э. Дата, установленная П. П. Ефименко, была основана на выборочном материале, и в нее не были включены поздние погребения. Последние работы А. Л. Монгайта позволяют пересмотреть дату.

Существующая точка зрения считать население территории рязанского течения Оки мордвой-эрзей, переселившейся позднее, около V—VI вв., н. э. на Нижнюю Оку, не подтверждается данными хронологии. Значительная группа погребений VII—XI вв. н. э. свидетельствует о том, что финно-угорское население оставалось там и было ассимилировано пришельцами русскими.

Собственно, мордва, т. е. мокша и эрзя, также известна по могильникам в пределах Тамбовской, Пензенской и Горьковской областей и Мордовской АССР с первых вв. н. э.

Племенная карта мордвы изучена еще недостаточно. Однако наличие племен, которые объединяли родовые группы, уходит в далекое прошлое. Эти племенные группы хорошо прослеживаются в эпоху раннего железа. Несомненно, они существовали и в более раннее время, однако приход иноплеменников в конце III—II тысячелетий до н. эры, в числе которых были и фатьяновцы, и племена срубной культуры, привел к сложной обстановке, в которой выявить отдельные племенные группы не представляется возможным.

Территория Среднего правого Поволжья в течение длительного времени была тесно связана с кочевым миром, с населением лесостепной и степной полосы. Изучая ранние городища мордовского края, А. Е. Алихова отметила близость некоторых керамических форм городецких городищ керамике южной бондарихинской культуры[1]. Материал Частых курганов также не оставляет сомнения в тесных культурных связях племен городецкой культуры с будинами, известными нам по сообщению Геродота.

Ряд вещей сарматского облика и керамика, характерная для полей погребений, встречаются на городецких городищах первых вв. н. э.

В течение длительного времени прослеживается инфильтрация племен из области Прикамья. По-видимому, племена пьяноборской культуры продолжали продвигаться южнее реки Утки, где проходила их граница со степным миром. Двигались они и вдоль правого берега Волги на юг, по-видимому, значительно дальше Самарской луки. Эта инфильтрация населения Прикамья сохранилась и много позднее. Исследования последних лет принесли нам весьма интересные и пока еще в значительной мере неясные открытия весьма оригинальных памятников курганного типа, раскопанных в Горномарийском районе близ Писералы (раскопки А. Х. Халикова) и в пределах Мордовской республики у дер. Андреевки, раскопанные П. Д. Степановым. Последний из них содержал грунтовые и погребения в насыпи. Исследователь выделил несколько погребений, которые по своему устройству, размерам и погребальному инвентарю отличаются от других могил. Могилы №№ 25, 50, 54, по-видимому, принадлежали представителям формирующейся племенной знати. Рядовые могилы располагались по периферии кургана. Могилы в насыпи представляли собою длинные узкие, неглубокие ямы, в которых довольно тесно располагались костяки и вещи. Они лежали вытянуто на спине с различной ориентировкой. Исследователь отмечает положение женских костяков с обратной ориентировкой по сравнению с мужской.

---

[1] *А. Е. Алихова,* Некоторые древние городища Мордовской АССР. Сборник «Из древней и средневековой истории мордовского народа», Саранск, 1959, стр. 113.

Могила с погребением племенного вождя представляла большую и сравнительно глубокую яму с заплечиками и отделкой стен деревянной облицовкой. Умерший был положен на помост вместе с оружием: кольчугой, копьем, мечом, кинжалом и колчаном. Умерший имел богатое ожерелье из стеклянных бус. Пояс был богато украшен сапожковыми подвесками пьяноборского типа. Справа и слева были положены трупы, по-видимому, нарочно умерщвленных дружинников с оружием, в богатой одежде. Здесь же, в могиле, лежали части лошади (череп и ноги). В самом конце находился костяк мужчины. Бедный инвентарь и руки, лежавшие под тазовой костью и, по-видимому, связанные, изобличают в погребенном раба. В погребении № 37 были найдены отрубленные человеческие челюсти. Захоронение раба было встречено и в могиле № 50. Исследователь на основе весьма скрупулезного анализа погребального инвентаря убедительно отнес курган к I—II вв. н. э. Он правильно отметил наличие в комплексе вещей большого числа украшений пьяноборского типа, которые до настоящего времени в таких количествах в могилах не встречались, и вещей сарматского облика. Настоящий курган интересен и для характеристики социальных отношений и этнического состава населения. Перед нами вождь племени общества, знающего рабство, которое характеризует закат родового общества. Распад родовых отношений облегчил проникновение иноплеменников в среду древней мордвы. В числе пришельцев были и племена пьяноборской культуры. Точно так же, по-видимому, проникали в этот край группы племён, обитавших в скифскую эпоху в левостепной зоне, и сарматы. Дальнейшие исследования помогут выявить истоки курганного обряда захоронения.

Гунское нашествие сыграло известную роль в этнической истории края. И хотя гунские орды не попали на территорию Среднего Поволжья, некоторое передвижение населения из области лесостепи к северу имело место и привело к появлению здесь чуждых племенных групп.

Материал мордовских могильников первого тысячелетия н. э. позволяет говорить о том, что территория современной Мордовии не являлась глушью, а была связана культурными связями со своими соседями, а через них — и с культурными центрами того времени. В материале могильников имеются вещи, восходящие к сарматским прототипам, украшения с выемчатой эмалью, напоминающие подвески древних славян. Целый ряд вещей, известных под именем салтовских, широко представлен в мордовских могильниках второй половины первого тысячелетия н. э. По-видимому, ряд изделий прикладного искусства сложился под влиянием сасанидского искусства. Ряд вещей свидетельствует о связях с северными соседями.

И вместе с тем, несмотря на внешнее воздействие, мы можем говорить об оригинальной, самобытной мордовской культуре, в которой заимствованные сюжеты творчески переработаны в соответствии с бытом и духовным складом народа.

К середине VI в. н. э. относится первое историческое свидетельство о мордве, в котором она выступает под своим именем. Аланский монах Иордан в своем замечательном труде «О происхождении и деяниях готов» — «Cetica», замечательном источнике по истории Европы раннего средневековья, отмечает мордву в числе племен, платящих дань готскому королю Германариху. В перечне подвластных ему народов Иордан отмечает народы Поволжья «меренс», «морденс»... Это свидетельство Иордана не пользуется признанием в советской исторической науке. Готы, связанные своими интересами с югом Европы, куда они стремились с грабительскими целями, как типичные представители варварского общества, едва ли из области Днепра могли пойти на северо-восток. История сохранила нам описание их походов на города побережья Черного и Эгейского морей. Трудно думать, что военные походы готов, предпринятые с целью обогащения, направились в лесную область, заселенную племенами, не вышедшими еще окончательно из первобытности.

Однако Иордан знал мордву, знал мерю и весь. Это могло явиться в результате тех оживленных торговых сношений, которые сложились у мордвы с их южными соседями еще значительно раньше.

Область, занимавшаяся мордовскими племенами, в середине первого тысячелетия до н. э. оставалась в основном той же, что и раньше. Мордва является прямым потомком племен городецкой культуры раннего железного века. Археологи, учитывая специфику костюма, женских украшений, считают, что на территории Западного Поволжья жили хотя и родственные, но различные племена. Область рязанского течения Оки очень специфична по отдельным украшениям, в частности, по головному убору, который отличается от тех, которые характерны для Нижней Оки, где, по данным русской летописи, жила мурома. Какие-то племена, близкие мордве, жили по чувашскому течению Волги. Наконец, по Цне, Мокше и Суре жили мокша и эрзя. Для этих последних групп характерны привески в виде стержня с горизонтальной спиралью и грузиком. Эти последние племена несколько разделялись по обряду погребения: мокша хоронила своих умерших головой на юг, эрзя — на север.

По-видимому, все правобережье Волги заселяли родственные племена, которые, если и считать мордовскими, то во всяком случае не эрзей.

Последние исследования в пределах Горьковской области и Чувашской АССР дали материал, свидетельствующий о продвижении эрзянских племен к северу от своей основной территории и расселении среди других финно-угорских племен. Об этом можно судить по Таутовскому могильнику в Чувашии, где была найдена типичная мордовская височная привеска в виде стержня с грузиком и спиралью, и по Иванковскому могильнику, давшему типичные мордовские украшения. Продвижение эрзи на север нашло отражение в фольклоре. В деревне Новое Ядрино была записана легенда, рассказывающая о том, как Эрзей женился на чувашке. Нельзя не отметить и буртасскую топонимику, встречаемую в этих местах. Эрзянские могильники известны в Горьковской области.

Около VI—VII вв. н. эры мордовские племена, по-видимому, в связи с переходом к плужному земледелию расселились по левому берегу, осваивая участки чернозема. Их поселения открыты на значительных пространствах левого берега Волги от Камы до Саратова.

В настоящее время слабая изученность правобережья Волги лишает нас возможности осветить ряд вопросов этнической истории мордвы. Однако следует отметить появление некоторых типов вещей бахмутинского типа, широко распространенных в области Башкирии, что свидетельствует о связях с Западным Приуральем. Однако точка зрения о появлении на этой территории венгров, высказанная в литературе, пока еще не подкреплена достаточным материалом.

Середина 1-го тысячелетия н. э. была неспокойным временем. В VII—VIII вв. в Прикаспии складывалась Хазарская держава, оказавшая огромное влияние на все народы Восточной Европы. Довольно быстро она подчинила себе многие племена как Причерноморья, так и Поволжья. Напряженные отношения с хазарами, опасность, вызванная движением болгарских племен на север, заставила мордовские племена объединиться в союз, по-видимому, достаточно мощный, нашедший отклик в сведениях восточных авторов. В связи с этим мы должны обратиться к буртасам, которые имели ближайшее отношение к истории мордовских племен VIII—X вв. Вопрос об их этнической принадлежности остается спорным. Одни считают их тюрками и помещают на Северном Кавказе, другие относят их к числу финно-угорских племен и помещают на Волге. Причем и в последнем случае также нет согласованного решения: одни причисляют буртас к мокше, другие считают их особым племенем.

Сведения восточных авторов не оставляют сомнения в том, что буртасы жили на Волге. Ибн Русте и Эль Балхи точно локализуют буртас на Волге, помещая землю буртасов между Хазарской и Болгарской землей. С середины первого тысячелетия они занимали не только лесную, но и степную полосу. Этому территориальному размещению не будет противоречить характеристика, которую дают буртасам восточные авторы. Буртасы выступают перед нами, с одной стороны, как народ лесной, а с другой, — как степной. Ибн Русте пишет: «Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду, главное же их богатство состоит в куньих мехах». Средневековые авторы характеризуют буртасов как общество, стоявшее на высокой ступени общественного развития. Ибн Русте отмечает, что «Буртасы подчиняются царю хазар и выставляют в поле 10.000 всадников. Нет у них верховного главы, который бы управлял ими и власть которого признавалась бы законною; есть у них в каждом селении только по одному или по два старшины, к которым обращаются они за судом в своих распрях. Настоящим образом подчиняются они царю хазар. На болгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги. Собою они стройны, красивы и дородны». Этот текст свидетельствует о том, что к концу 1-го тысячелетия н. э. здесь, в правобережье Волги, возник союз племен, объединивший многоплеменное население этого края.

Если оставить в стороне зависимость от хазар, то перед нами общество, объединенное в крупный союз племен, имеющий возможность выставлять по требованию хазар 10.000 всадников. Их отряды предпринимают походы довольно далеко на печенегов и болгар. Вместе с тем, по-видимому, у них родовые старейшины, которые разрешают все несложные дела родовых общин.

О тяжелой хазарской неволе достаточно четко говорит письмо хазарского царя Иосифа (X век), которое, как считают историки, отражает более ранние отношения. В нем царь Иосиф перечисляет племена, платившие ему дань. В их числе бур-тас, бул-г-р, с-вар, арису, ц-р-мис и т. д. Среди этих племен буртас и арису, или иначе эрзя, могут быть причислены к мордве. Эта зависимость, как можно судить по данным русской летописи и восточным данным, продолжалась до победы русского князя Святослава над хазарами в 965 году.

В эпоху хазарского владычества через мордовские земли прошли болгары. Этот переход достаточно хорошо документируется археологическими данными. В жизни мордовских племен и народов Поволжья болгары сыграли большую роль. Первоначально они были известны византийским историкам на территории Приазовья в числе тюркских племен, где в V—VI вв. они проявили большую активность в политической жизни юго-восточной Европы. Древнейшая их история довольно туманна. Их имя источники часто путают с именами других народов. Участие в одних и тех же событиях приписывают то болгарам, то гуннам, то другим народам. Это обусловило много неясного в их ранней истории. В конце VII века, в связи с возникновением хазарской державы, в положении болгар наступила тяжелая полоса, вызванная какими-то внутренними причинами, о чем можно догадываться, основываясь на сообщении, переданном византийскими писателями. Какие-то внутренние конфликты явились причиной ухода части болгар на запад, где они сыграли известную роль в оформлении феодального государства в Подунавье. Там на территории Мезии они явились одним из компонентов в этногенезе болгарского народа. Другая часть племен ушла на север, где болгары стали основной группой племен в создании государства волжских болгар. Это государство было первым феодальным государством на Волге. Его история тесно связана с историей казанских татар, чувашей и в известной мере мордвы. Археологические данные, достаточно полные в наше время, заставляют считать началом движения болгар на север VIII век. Это движение документируется рядом могильников, открытых в Среднем Поволжье, и городищами. Оно захватило довольно широкую полосу левого и правый берег Волги. Здесь болгары столкнулись с аборигенами, мордовскими племенами и в некоторой части потеснили их в глубь страны. Часть населения, видимо, осталась на месте и вошла в состав Болгарского государства. Это особенно хорошо ощущается в памятниках левого берега Волги.

Значение мордовских племен в формировании государства волжских болгар довольно значительно. Об их роли свидетельствуют такие памятники, как Балымерское городище и древнейшие поселения на городище Болгары, у сел Именьково, Рождественно, Тарновка и святилище Шолом. Балымерское городище— типичный мордовский поселок. Его возникновение относят к VI—VII веку. В VIII веке здесь появились болгары. Есть все основания утверждать, что старое население не было вытеснено пришельцами, но осталось на своем месте и внесло свой вклад в создание новой культуры. В Балымере, который позднее упоминается в письменных документах, проживали и потомки городецких племен, древняя мордва. Точно такую же картину наблюдали археологи и на поселениях, разбросанных по рекам Ахтае и Бездне. На всех этих памятниках нижний слой принадлежит древнемордовским племенам, верхний — смешанному мордовско-болгарскому.

Город Болгары, судя по всем материалам, имел смешанный этнический состав. Почти во всех случаях аборигены и болгары жили мирно в одних и тех же поселках. Пришельцы болгары оказали большое влияние на древнюю мордву. Под влиянием болгарского ремесла мордва постепенно переходит к гончарному горну, причем в обиходе появляются местные формы сосудов, приготовленных уже на гончарном круге. Следует отметить, что близкая картина наблюдалась и в области Правобережья, где по течению реки Усы был исследован ряд поселений, в культуре которых совмещаются черты, с одной стороны, свойственные мордве, а с другой,— пришлым болгарским племенам. О процессе ассимиляции мордвы болгарами можно судить и по Кайбельскому могильнику, открытому в Ульяновской области. Вопрос о приходе болгарской орды имеет самое непосредственное отношение к истории мордвы, которая в некоторой части была захвачена этим движением и ассимилирована. Часть мордвы ушла на запад, в леса, что хорошо документируется археологическим материалом. В прибрежной полосе правого берега Волги имеется немало поселений, таких, например, как селище, открытое и обследованное археологами в 1961 г. близ деревни Городище Ульяновской области. Там напластования мордовского поселка резко отделяются от лежащего выше слоя поселения, заселенного болгарами. Этот памятник свидетельствует о вытеснении аборигенов.

При своем движении на север из Приазовья болгарская орда, тюркоязычная по языку, какое-то время, по-видимому, задержалась в области лесостепи. Здесь, судя по сведениям византийских источников, обитали анты, входившие в состав древнеславянских племен. Часть этого населения продвинулась вместе с болгарами на север, доказательством чему служит общий тип жилищ и обряд погребения. За последние годы в Татарской АССР близ села Рождественно был открыт и исследован Рождественский могильник, давший кремированные захоронения в грунтовых могилах, аналогичные Волынцевскому могильнику Сумской области. Эти могильники всеми исследователями считаются древнеславянскими. Такие группы смешанного пришлого населения, несомненно, сыграли какую-то роль в этногенезе мордвы.

Наряду с болгарским влиянием как в культурном, так и в этническом отношении большое влияние на мордву оказали русские X—XIII вв. Это сказывается и в проникновении отдельных русских вещей, и в проникновении населения, русских земледельцев. По-видимому, складывавшаяся тяжелая обстановка феодального гнета заставила русских крестьян искать лучшей доли за пределами родной земли. С такими выходцами из русских земель следует связать погребение № 74 Елизавет-Михайловского могильника (собрание Моршанского музея) с типично славянским курганным горшком. Интересно в этом отношении погребение № 507 того же могильника, в котором найдены две семилучные подвески радимического типа, датируемые в пределах IX—X вв. н. э. Погребения с русскими вещами дает и Пановский могильник, исследованный П. П. Ивановым, материал которого хранится в Моршанском музее. Имеются и мордовско-русские селища, чему в качестве примера можно привести Березовское селище на Самарской луке, исследованное А. Е. Алиховой. Русские крестьяне в начале XIII века были известны на берегах Волги под именем бродников. Следует заметить, что в сложной этнической обстановке мордва сумела сохранить свою культуру, правда, осложненную новыми компонентами, привнесенными пришельцами. В некоторых поселениях встречается большое число прекрасной болгарской или русской курганной посуды. Лепная мордовская в ряде мест совершенно исчезла.

В эпоху XI века, во время напряженных отношений между болгарами и русскими княжествами, на территорию мордвы проникают половцы. Их плохо исследованные курганы известны на территории Тамбовской и Пензенской областей по раскопкам Дружинина. Сложная международная обстановка, сложившаяся в Среднем Поволжье, несомненно, сыграла известную роль в консолидации мордовских племен, в их объединении. Крупные союзы племен стали известны с эпохи сложения Хазарского каганата. Этот процесс шел параллельно укреплению экономического положения племенной аристократии и развитию рабства. Правда, мы не располагаем пока большой суммой фактов для доказательства этого тезиса. Однако ряд богатых погребений с дорогим оружием и привозными вещами не оставляет в этом никакого сомнения. Заслуживают внимания и предания о мордовских князьях, феодалах и их борьбе между собою, записанные за последние годы археологами при исследовании некоторых средневековых городищ Мордовии. Все это подводит нас к пониманию обстановки, которая отразилась в летописи при характеристике двух мордовских князей — Пуреша и Пургаса.

В литературе было высказано мнение о политической ориентации этих феодалов. Князь Пургас, по-видимому, придерживался болгар, а Пуреш находился в зависимости от владимирского князя Юрия. Эти два княжества завершили процесс объединения ряда мордовских племен. Эти крупные племенные объединения и стали известны под именем мокши и эрзи. В основе их лежат племена с этими этнонимами, которые улавливаются археологами в начале нашей эры, а может быть, и раньше. Однако к XII веку они стали во главе объединения других мордовских племен, образовав крупные племенные союзы. В XII веке под именем мокши и эрзи надо понимать или союзы племен или народности с некоторыми отличиями в языке и культуре. В своей классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс, касаясь вопроса сложения народов, отмечает, что союз племен прослеживается всюду, где происходит процесс классообразования. Эти два процесса идут параллельно. «Союз родственных племен,— становится повсюду необходимостью; а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа».

Во всяком случае, говоря о мокше и эрзе XII века, нельзя сравнивать их с племенами начала н. э. или более раннего времени, которые охватывали только небольшую племенную территорию, представляя собою только одно племя, объединявшее отдельные роды.

Монгольское нашествие и политика, проводимая Золотой Ордой в завоеванных землях, оказала большое влияние на последующую этническую историю мордвы. С влиянием татар связывается формирование каратаев. Здесь большую роль сыграли золотоордынские центры, созданные для эксплуатации местного населения, такие, как Темников, Мухши и другие, к сожалению, еще мало исследованные. Только раскопки в больших масштабах позволят проследить процесс влияния культуры Золотой орды на мордву. В настоящее время можно с этой целью использовать только небольшой материал Аткарского могильника, в котором вещи золотоордынского облика и в значительной мере курганный обряд погребения, свойственный кочевникам, свидетельствуют о культурном влиянии Золотой орды. По-видимому, этот памятник принадлежит каратаям, однако, окончательное решение вопроса о каратаях возможно будет только при постановке широких раскопок центров золотоордынской культуры в мордовских землях.

Проникновение русских в земли мордвы, которое можно отметить с довольно раннего времени, усилилось в XII—XIII веке и за счет крестьян-переселенцев, образовавших Пургасову Русь, подчиненную мордовскому князю Пургасу, а с другой стороны, за счет феодального захвата, с чем можно связать начало формирования терюхан.

Этноним мордва, известный со времени Иордана, повторяется и позднее в русских документах в XII веке и в произведениях западных авторов. Так, знает мордву и моксель (мокшу) миссионер Рубруквис. Есть все основания предполагать, что термин мордва относится в основном к эрзянскому населению.

Сложная политическая обстановка, существовавшая в Поволжье, несомненно, усложнила процесс этногенеза. Существование территориальной общины, которая зарождалась довольно рано и стала господствующей в эпоху XII—XIII вв., когда у мордвы сложились феодальные отношения, облегчило проникновение чужеземцев. Политическая ориентация мордовских князей, сложившаяся в домонгольский период, продолжала развиваться в том же направлении и позднее, в XIII—XIV вв. Часть мордовских князей ориентировалась на Русь, другая на болгар. Присутствие мордвы в болгарских городах золотоордынского периода документируется значительным материалом. Не считая большого числа типичных мордовских укреплений, нужно отметить раскопки могильника на Бабьем Бугре, где был найден ряд мордовских погребений, а также погребение знатной мордовки, открытое в Ханской усыпальнице в городе

Болгары[1]. Все эти факты свидетельствуют о тесной связи мордвы с болгарами, в частности, мордовской и болгарской феодальной знати.

Процесс сложения мордовского народа был весьма сложным и не таким прямолинейным, как большинство из нас склонно было представлять не так давно. Мордва не была отгорожена от всего мира своими дремучими лесами. Она находилась в тесных этнических и культурных связях с окружающим миром, и ее оригинальная культура несет в себе черты многих культур, творчески переработанных народом. Для углубленного и всестороннего изучения истории мордвы и ее культуры нужны объединенные усилия представителей всех гуманитарных наук.

---

[1] *А. П. Смирнов,* Волжские болгары, М. 1951, стр. 65—66.

К. Ю. Марк,
кандидат биологических наук

ЭТНОГЕНЕЗ МОРДОВСКОГО НАРОДА ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Антропологический материал для данной работы был собран в течение четырех лет (с 1955 до 1958 г.) Мордовской экспедицией, организованной Институтом этнографии Академии наук СССР совместно с Мордовским научно-исследовательским институтом. Впоследствии Институт истории Академии наук Эстонской ССР организовал целый ряд экспедиций в соседние области Среднего Поволжья, а также в Приуралье. Здесь эти материалы использованы в качестве сравнительных данных. Вообще обследовано 30 групп мордвы на территории Мордовской АССР, Горьковской, Пензенской, Ульяновской, Куйбышевской и Оренбургской областей, а также в Татарской АССР. Из них 15 территориальных групп эрзи, 13 групп мокши, 1 группа терюхан и 1 группа каратаев.

В проблеме этногенеза мордовского народа так же, как всех финно-угорских народов, центральным является вопрос о степени их родства с народами Европы и Сибири. По всем признакам первого порядка мордва занимает промежуточное положение между народами Европы и Сибири.

Наш материал позволяет выделить группы с большей или меньшей степенью выраженности признаков монголоидной большой расы. Эти признаки более отчетливо выражены у мордвы-мокши на северо-западе Мордовской АССР (особенно в Зубово-Полянском, Атюрьевском, Торбеевском, Краснослободском и Старошайговском районах). У них отмечается сравнительно слабый рост бороды, более узкий разрез глаз, встречается эпикантус, лицо более плоское, скулы более выступающие, переносье ниже, чаще встречаются прохейличные формы профиля верхней губы. По этим признакам перечисленные группы мало отличаются от татар и марийцев, чувашей, а также у некоторых групп марийцев этот комплекс признаков выражен еще более резко.

Некоторые южные группы мордвы-мокши, а особенно мордва-эрзя и терюхане, по всем перечисленным признакам первого порядка приближаются к европейским народам. Однако и среди этих групп наблюдается некоторое отличие от западных и южных европейцев, свидетельствующее о наличии небольшой примеси монголоидного элемента. Монголоидная примесь наиболее слабо выражена у мордвы-эрзи на востоке Мордовской АССР (Атяшевский район) и на востоке Пензенской области (Сосновоборский район), а также среди терюхан в Горьковской области. В этом отношении названные группы сходны с соседними русскими.

Особое место занимает вопрос о пигментации. Наиболее светлопигментированным народом на территории Среднего Поволжья оказалась мордва-эрзя. По цвету глаз и волос они сходны с коми-зырянами, по цвету глаз также с прибалтийскими финнами. Большинство групп мордвы-мокши, а также соседние русские отличаются от эрзи более темной пигментацией глаз. У марийцев глаза и волосы еще темнее. Самыми темнопигментированными среди народов Среднего Поволжья являются тюркские народы — чуваши и татары.

Если у тюркских народов усиление монголоидных особенностей явно сопровождается усилением пигментации, то среди финно-угорских народов эта связь менее отчетлива. По всей вероятности, процесс депигментации в Восточной Европе имел место в уже смешанных группах, включавших в свой состав какую-то долю монголоидного элемента.

Групповая изменчивость целого ряда признаков второго порядка среди мордовского населения дает довольно яркую картину. Выделяется северо-западная зона, где цвет глаз темнее, длина тела меньше, размеры головы меньше, голова более долихокефальная, лицо уже, надбровье слабее развито, подбородок более отрицательный, а губы толще. Эта зона включает в себя всю западную половину Мордовской АССР, в основном мокшанские районы. Наиболее типичными районами в этой зоне являются Атюрьевский и Рыбкинский.

Почти по всем этим признакам противоположными оказались восточные районы Мордовской АССР с эрзянским населением, где наиболее типичными следует считать Ичалковский и Атяшевский районы. Здесь цвет глаз светлее, длина тела больше, размеры головы крупнее, голова более брахикефальная, лицо шире, надбровье сильнее развито, подбородок положительный и губы более тонкие. Эта зона включает в себя еще терюхан, а также все мордовские группы Пензенской, Ульяновской и других областей. Все же следует отметить, что эти более южные группы характеризуются и некоторыми признаками, типичными в общем для мокши северо-западной зоны. На границе обеих зон наблюдаются некоторые группы, которые носят переходный характер (лукояновские эрзя и мельцанские мокша).

В большинстве групп мордвы-мокши на территории западной Мордовии более темная пигментация, более низкий рост, более долихокефальная голова, общая грацильность, узкое лицо и остальные перечисленные признаки второго порядка сопровождаются более отчетливо выраженными признаками монголоидной большой расы. Этот комплекс признаков следует отнести к урало-лапоноидной группе типов или уральской расе.

Ареал уральской расы захватывает обширные пространства Среднего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири, а также Крайний Север Восточной Европы. Признаки уральской расы наиболее ярко выражены у уральского и лапоноидного типов. При выделении этих типов принимается во внимание форма головы и лица — более брахикефальные группы, с более широким и низким лицом относятся к лапоноидному типу, менее брахикефальные — к уральскому. Характерными представителями лапоноидного типа считаются лопари, а уральского типа—ханты и манси.

Варианты этих типов, занимающие промежуточное положение между ними, называются сублапоноидным и субуральским типами. Коми-пермяки и удмурты, а также марийцы и чуваши отличаются более брахикефальной головой и более широким лицом, что дает основание отнести их к сублапоноидному типу. Мордва-мокша в северо-западных районах Мордовской АССР является более долихокефальной и может считаться представителем субуральского типа.

Принимая во внимание факты изменения формы головы в течение сравнительно коротких отрезков времени, этим различиям вряд ли следует придавать большое значение для установления степени родства между разными группами.

Встает вопрос о том, какие именно европеоидные группы и в какой мере приняли участие в формировании физического типа мордовского народа. Разные группы европеоидной большой расы наиболее отчетливо различаются между собой по цвету глаз и волос. Деление европеоидной расы на светлопигментированную северную и более темнопигментированную южную ветви в наибольшей мере отражает характер родственных связей между ними.

Мордва-мокша в некоторых южных районах западной Мордовии и в Пензенской области по ряду признаков второго порядка сходны с субуральским типом. Однако комплекс монголоидных признаков выражен у них очень слабо. Так как они характеризуются сравнительно темной пигментацией, можно говорить о наличии в составе мордовского народа южных европеоидов, точнее, того варианта, который именуется северопонтийским типом. Этот тип преобладает особенно в Ширингушском, Рыбкинском и Сосновоборском районах, а также среди соседних русских. Все же примесь северопонтийского типа наблюдается и в других группах мордовского населения. Вообще северопонтийский (или восточно-великорусский тип) локализуется в южных областях Восточной Европы, от берегов Черного моря дальше к северу, вплоть до области расселения восточных великорусов и мордвы-мокша.

Мордва-эрзя, особенно на востоке Мордовской АССР, а также терюхане отличаются светлой пигментацией глаз и волос. Это позволяет отнести их к северным европеоидам. Они сходны с северными европеоидами также по относительно большой длине тела и крупным размерам головы и лица.

Североевропеоидная малая раса делится на ряд типов — западнобалтийский, восточнобалтийский, беломорский, из которых мордва-эрзя, скорее всего, сходна с западнобалтийским типом. Типичными представителями западнобалтийского типа считаются западные эстонцы, латыши и ливы. Мордва-эрзя отличается от них менее крупным ростом и более темными волосами. Эти отличия можно объяснить примесью северопонтийского типа среди мордвы-эрзя.

Таким образом, среди мордвы можно выделить три антропологических типа: субуральский, северопонтийский и близкий западнобалтийскому. Субуральский тип преобладает на северо-западе Мордовской АССР, северопонтийский — к югу от него, а западнобалтийский в восточных районах Мордовии. Между ними отмечаются переходные группы.

Данные о физическом типе древних народов Среднего Поволжья и Волго-Окского междуречья позволяют установить основные генетические связи и пути формирования современных антропологических типов. К сожалению, палеоантропологические материалы, относящиеся к предкам мордвы, весьма скудны. Если судить по данным палеоантропологии из других областей, где соответствующих материалов гораздо больше, оказывается, что корни современных антропологических типов следует искать в далеком прошлом, еще задолго до нашей эры.

Основные большие расы человечества дифференцировались в позднем палеолите. Нам неизвестно, к какой расе относились позднепалеолитические и мезолитические племена на территории Среднего Поволжья.

В III тыс. до н. э. во всей лесной полосе Восточной Европы были распространены культуры ямочно-гребенчатой керамики. До сих пор считали, что носителями всех этих культур были древние финно-угорские племена. Однако в последнее время некоторые авторы высказали другое мнение.

Кажется правдоподобным, что волго-окские племена не были финно-уграми. Их антропологический тип нам неизвестен, но по ряду причин можно полагать, что они принадлежали к европеоидам.

С угро-финнами может быть связана волосовская культура, лучше всего исследована на Оке около Мурома. Племена этой культуры, по-видимому, пришли из Прикамья в конце III или начале II тыс. до н. э.[1]. Антропологически носители волосовской культуры не являются совсем однородными[2]. У них преобладает брахикранный тип с широким и низким лицом и монголоидной примесью. Так как этот тип, несомненно, относится к уралолапоноидной группе, но несколько отличается от современных типов этой группы, целесообразно назвать его протолапоноидным.

В рассматриваемую эпоху он распространен на обширной территории всей лесной полосы Восточной Европы, а также в Западной Сибири. Представляется правдоподобным, что протолапоноидный тип в основном характерен для древних угро-финских племен.

Среди черепов носителей волосовской культуры встречаются также черепа, отличающиеся менее брахикранным черепом и в меньшей степени выраженными признаками монголоидной расы или даже отсутствием их. Возможно, что они сохранили еще некоторые признаки местных волго-окских племен.

Во II тысячелетии до н. э. из южных степных районов на север стали проникать разные скотоводческие племена. В Волго-Окское междуречье пришли носители фатьяновской культуры, а на территорию Восточной Прибалтики родственные им представители культуры боевых топоров. Полагают, что обе культуры генетически связаны в основном с Приднепровьем. Эти племена были, по всей вероятности, ранними балтийскими племенами. Об этом свидетельствуют данные топонимики, а также балтийские заимствования в прибалтийско-финских и поволжских финно-угорских языках, в особенности в эрзя-мордовском и марийском языках[3].

Антропологически большинство фатьяновцев относится к длинноголовому массивному европеоидному, так называемому протоевропейскому типу[4]. С ними сходны также носители культуры боевых топоров Прибалтики[5]. Только восточная группа фатьяновцев отличается более узким лицом[6].

В Среднее Поволжье проникли еще племена срубной культуры, возможно ирано-язычные, которые тоже были представителями протоевропейского типа[1]. Все эти переселения приводили к увеличению доли европеоидного элемента.

---

[1] *П. Н. Третьяков,* У истоков этнической истории финно-угорских племён. «Советская этнография», № 2, 1961, стр. 76 и след.

[2] *М. С. Акимова,* Новые палеоантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы европейской части СССР. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. XVIII, 1953, стр. 59 и след.

[3] *Х. А. Моора,* О древней территории расселения балтийских племён. «Советская археология», № 2, 1958, стр. 19—21.

[4] *М. С. Акимова,* Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Труды Института этнографии АН СССР, т. 1, 1947, стр. 171—174.

[5] *К. Ю. Марк,* Палеоантропология Эстонской ССР. Труды Института этнографии АН СССР, т. XXXII, 1956, стр. 178.

[6] *М. С. Акимова.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника. Приложение в книге О. Н. Бадера, «Балановский могильник», М. 1963, стр. 322—351.

В конце II тыс. до н. э. в бассейне Оки и среднего течения Волги была распространена абашевская культура, происхождение которой пока еще не выяснено. Антропологический тип абашевцев — протоевропейский, причем довольно близкий к типу фатьяновцев.

В I тыс. до н. э. в нижнем течении Оки, по Цне, Мокше, а также в прилегающих областях Западного Поволжья выделяются памятники городецкой культуры, которые, по всей вероятности, принадлежат предкам мордовских племен. Палеоантропологические материалы этой культуры, к сожалению, отсутствуют.

Начиная с I тысячелетия н. э., по археологическим данным, а позднее и по письменным источникам, выделяются уже более точно разные группы мордвы. В бассейне Мокши и Цны обитали мордва-мокша, к северу от них — эрзя. В среднем и нижнем течении Оки осели мещера и мурома, которых, возможно, также следует считать мордовскими племенами.

Мордва-мокша представлена черепами из могильников VIII—X вв. по реке Цне. Эти черепа — долихокранны, очень грацильны, узколицы и европеоидны[2]. С ними сходны также мордовские черепа XIII—XV вв. из могильников на территории современных Куйбышевской и Саратовской областей[3].

Они обнаруживают сходство с черепами племен срубной культуры, которые обитали на этой же территории во II тыс. до н. э. Мокшанские черепа являются только менее массивными. Эти отличия можно объяснить процессом грацилизации, который обнаружен во многих местах, но особенно в более южных областях.

Черепа мордвы-эрзя из могильника XVI—XVIII вв. в Кочкуровском районе характеризуются более крупными размерами мозговой коробки и лица, а также брахикранностью. У них наблюдается небольшая примесь монголоидного элемента[4]. Эти черепа обнаруживают сходство с черепами эстонцев XVI—XVIII вв.[5].

Что касается антропологического состава славянских племен начала II тыс. н. э., они в основном принадлежат к длинноголовому грациальному узколицему европеоидному типу, так же, как и мокша. Однако для славянских племен с нижнего течения Оки характерны особенности сублапоноидного типа, который, по всей вероятности, связан с муромой. Об этом свидетельствуют и два черепа из муромского могильника X—XII вв., относящиеся к тому же типу[1].

---

[1] *Г. Ф. Дебец,* Палеоантропология СССР, М. 1948, стр. 104—106.

[2] *Г. Ф. Дебец,* Палеоантропология СССР, стр. 229—230.

[3] *Г. Ф. Дебец,* Палеоантропология СССР, стр. 217—219.

[4] *М. С. Акимова,* Краниологическая характеристика мордвы-эрзи. Труды Института этнографии АН СССР, т. LXIII, М. 1960, стр. 83 и след.

[5] *К. Ю. Марк,* Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 238 и след.

Таким образом, среди мордовских племен конца I и начала II тыс. н. э. встречаются те же антропологические типы, как и в настоящее время.

Долихокранный грацильный европеоидный тип среди современной мордвы-мокши известен под названием северопонтийского. Этот тип, возможно, связан с иранскими племенами, которые проникли на эту территорию вместе со срубной культурой, а также смешением с русскими.

Субуральский тип, наверное, образовался из протолапоноидного типа, который в эпоху неолита был распространен среди всех финно-угорских племен, в процессе смешения с долихокранным грацильным европеоидным типом.

Возникает вопрос о том, не является ли более значительная степень выраженности монголоидных признаков на северо-западе Мордовии результатом смешения с татарами? Тем более, что в тех же районах локализуется древний центр татар. Не стараясь отрицать и эту возможность, все же отметим, что у соседних татар монголоидная примесь связана с другим антропологическим типом — южносибирским обликом, а мокша обнаруживает гораздо более близкое сходство с остальными волжскими и пермскими финнами, среди которых также преобладают типы уралолапоноидной группы.

Что же касается происхождения светлопигментированного массивного европеоидного типа, преобладающего среди мордвы-эрзи, то этот тип, несомненно, генетически связан с древним протоевропейским типом. Вероятно, он господствовал уже у ранних волго-окских племен. Однако на территорию, где позднее известны предки эрзи, во II тыс. до н. э. проникли фатьяновцы, которые принесли с собой протоевропейский тип. В Прибалтике, где палеоантропологических материалов, относящихся к более поздним эпохам, значительно больше, установлена, что депигментированные потомки носителей культуры боевых топоров являются представителями западнобалтийского типа. Возможно, что преобладание сходного типа среди мордвы-эрзи отражает аналогичный процесс. Можно полагать, что этот тип связан с потомками фатьяновцев.

---

[1] *Т. А. Трофимова,* Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. «Советская этнография», № 1, 1946.

П. Д. Либеров,
кандидат исторических наук

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР НА СРЕДНЕМ ДОНУ ЗА 11 ЛЕТ

Лесостепная скифская экспедиция ИА АН СССР проводит археологические исследования с 1954 года.

За этот отрезок времени на широкой территории проведены раскопки и разведки многих памятников не только эпохи раннего железа, интересующие экспедицию прежде всего, но и эпохи бронзы.

Доследованы большие и интересные в историко-культурном отношении могильники в урочище «Частые курганы» и у с. Мастюгино, составляющие в общей сложности 90 курганов; почти наполовину исследован могильник у с. Русской Тростянки, состоящий из 40 курганов, и начат новый, четвертый большой курганный могильник у дер. Дуровка Алексеевского района Белгородской области.

Раскопки курганов велись и в других пунктах (на рр. Потудани, Ведуге и Битюге).

И если перед началом работы нашей экспедиции было известно кое-что о содержании курганов (публикации В. А. Городцова, С. Н. Замятнина и Н. Е. Макаренко), то о характере поселений и их содержании мы почти ничего не знали. Теперь в результате наших разведок и раскопок на территории Воронежской области в границах довоенного времени нам известно свыше 20 городищ и 36 открытых поселений эпохи раннего железа[1]. Большинство городищ и открытых поселений подверглось серьезным раскопкам, давшим большой и очень важный массовый материал для характеристики культуры, занятий, быта и этнической принадлежности племен Среднего Дона в эпоху раннего железа.

---

[1] В числе 36 поселений 21 поселение обнаружено на р. Воронеж разведками Н. В. Валукинского. Н. В. Валукинский, Материалы к археологической карте территории г. Воронежа. СА, 1948, X, стр. 293 и след.

Кроме того, исследовались курганы и поселения эпохи бронзы на правобережье и левобережье Дона.

Особенно большая работа в этой части была проведена в Аннинском районе местным краеведом, учителем географии Аннинской средней школы Г. И. Корнюшиным, который обследовал почти весь Аннинский район и нашел свыше 100 поселений и зафиксировал около 500 курганов. Известно, что до этого времени территория Аннинского района в археологическом отношении была белым пятном. В результате этих обследований получен большой и интересный материал для характеристики племен, живших на территории Среднего Дона в эпоху бронзы.

Изучение этих материалов раскрывает особенности культур эпохи бронзы на Среднем Дону, их взаимоотношения и хронологическую последовательность, а также роль их в сложении культур эпохи раннего железа.

Новым в работе нашей экспедиции было сочетание исследований памятников эпохи раннего железа и эпохи бронзы, с одной стороны, и курганов и поселений,— с другой.

Такой подход к исследованиям на Среднем Дону вызывался не только желанием раскрыть культуру, быт и экономику племен эпохи раннего железа, но и определить происхождение и этническую их принадлежность.

Список работ, главным образом публикаций, касавшихся памятников эпохи раннего железа, был очень невелик и односторонен[1].

Только на одних, хотя и исключительно богатых курганных комплексах, невозможно было поставить и решить всю сумму вопросов, связанных с изучением истории, культуры и экономики племен Среднего Дона.

Отсюда и попытки некоторых исследователей (А. Ф. Шоков), предпринимаемые в этой области, не шли дальше самой общей постановки вопросов, а культура племен Среднего Дона рассматривалась как часть единой Скифской культуры[2], или памятники типа «Частые курганы» в развитии местной культуры рассматривались как инородное явление[3].

Попытки исследователей строить свои выводы на ограниченном и односторонне представленном материале терпели неудачу, а действительная конкретная история племен Среднего Дона оставалась нераскрытой.

Решение этой задачи могло быть обеспечено лишь длительной и упорной полевой работой, широким сбором нового материала и лабораторными исследованиями.

---

[1] *С. Н. Замятин,* Скифский могильник «Частые курганы».

[2] *А. Ф. Шоков,* Скифы на Среднем Дону, Воронеж, 1952.

[3] *Г. В. Подгаецкий,* Предскифский период на Среднем Дону. КСИИМК АН СССР, 1946, вып. XIII, стр. 137, § 19.

Этим основным условием в изучении памятников и руководствовалась наша экспедиция в течение истекшего времени.

В результате исследований дореволюционного и советского времени и в том числе лесостепной скифской экспедиции в нашем распоряжении оказался огромный материал, который позволяет по-новому ставить и решать вопросы истории и культуры, экономики и быта, обычаев и социальных явлений племен Среднего Дона в эпоху раннего железа.

Сочетание исследования памятников эпохи бронзы и раннего железа привело к раскрытию связей этих двух эпох.

Особенности памятников Среднего Дона, выявившиеся в процессе исследований, и отличие их от памятников соседних территорий степных скифских и сарматских племен лесостепного Поднепровья и Северного Донца, а также племен городецкой культуры, позволили выделить их в особую этно-культурную племенную группу.

Таковы самые общие выводы, вытекающие из изученного материала и частично освещенные пока в небольшом числе публикаций сотрудников экспедиции в изданиях Института и Воронежского областного краеведческого музея, включающих весь археологический материал эпохи раннего железа, собранный в дореволюционное и послереволюционное время на Среднем Дону.

В процессе работы над этим материалом мы уже и теперь приходим к следующим положениям и основным выводам.

Топография памятников и выводы, вытекающие из нее

В ходе обследования курганов, поселений и городищ выяснилось, что на территории правого и левого берегов Дона концентрация этих памятников очень различна.

На правобережье Дона и на р. Воронеж в пределах нижнего его течения наблюдается большая насыщенность открытых поселений и городищ, а также большое скопление курганов в отдельных курганных группах (ур. Ч. К.— св. 40, у с. Мастюгино до 50, у с. Колбино — св. 50, у с. Р. Тростянка до 40, и дер. Дуровка — 28).

Городища и поселения в большинстве своем отличаются хорошо насыщенным культурным слоем. Среди массового материала встречаются предметы, свидетельствующие о земледельческом производстве (зернотерки, серпы, отпечатки зерен), а остеологический материал указывает на оседлый образ жизни с его пастушеским скотоводством (крупный рогатый скот, лошадь, мелкий рогатый скот, свинья).

И, наоборот, в левобережье Дона, по материалам хорошо обследованной территории Аннинского района, поселений эпохи раннего железа почти не прослеживается; из 100 с лишним поселений к эпохе раннего железа принадлежат лишь 2—3 с редкими находками керамики этого времени. Известные здесь 2 весьма своеобразных по своему устройству городища при шурфовке не дали никаких культурных остатков, за исключением золы. Курганные же группы состоят из очень малого числа отдельных насыпей, но не больше 10.

Не вдаваясь в более подробное рассмотрение этого вопроса и опираясь только лишь на указанные довольно-таки убедительные факты, мы приходим к выводу о том, что на правобережье Среднего Дона и на побережье р. Воронеж в эпоху раннего железа жили оседлые земледельческие племена и, наоборот, территория, расположенная к Востоку от гор. Воронежа, целиком занималась племенами кочевников.

Происхождение культуры

Наши исследования показали, что теперь уже невозможно исходить из тезиса, выдвинутого в свое время Г. В. Подгаецким о том, что памятники типа «Частые курганы», относимые к IV—III вв. до н. э., в большинстве своем поздние и не имеют генетической связи ни с предшествовавшими, ни с современными им этапами в развитии местной культуры и представляют собой инородное явление.

Нельзя также считать, что они имеют скифское происхождение, и отбрасывать местную нескифскую подоснову.

Во всяком случае было известно уже до наших исследований, что памятники типа «Частые курганы» в этой же группе начинают свое существование на рубеже VI—V вв. до н. э. К ним примыкает ряд более ранних погребений, часто впускных в курганы эпохи бронзы, которые небогаты инвентарем, но связаны с более поздними погребениями ориентировкой могил и костяков и сходством керамики.

Более того, изучение погребальных комплексов эпохи бронзы, относящихся к катакомбной культуре на Среднем Дону, привели к открытию ритуальных ямок «бофров» в могилах катакомбной культуры. Открыты они и в могилах эпохи бронзы в курганной группе урочища «Частые курганы». Как известно, «бофры» продолжают свое существование и в богатых могилах скифского времени на позднем этапе (могильники «Частые курганы», Мастюгино, Русская Тростянка). Есть основание предполагать также, что и ритульные сосудики с двумя отверстиями, обнаруженные в значительном количестве в могилах скифского времени, могут быть связаны с маленькими острореберными сосудиками с двумя отверстиями, которые известны в комплексах керамики абашевской культуры (Магнитогорская группа). Наличие памятников абашевской культуры в настоящее время не может быть поставлено под сомнение. Материковые возвышения, глиняная подмазка и деревянная подстилка под костяками в могилах скифского времени на Среднем Дону имеет свои аналогии и в эпоху бронзы в могилах катакомбной и абашевской культур. Что касается керамики, особенно лепных мисок, существующих в скифское время, то они появляются на Среднем Дону уже в эпоху бронзы и прежде всего в керамике абашевской культуры из широкогорлой невысокой посуды. Связь мисок скифского времени с керамикой эпохи бронзы видел и Г. В. Подгаецкий[1]. Следовательно, культура скифского времени на Среднем Дону уходит своими корнями в эпоху бронзы, имеет свою местную основу.

В эпоху раннего железа в связи с появлением железа и усилением связей с внешним миром, ускоривших процесс развития в области экономики, культуры и в общественных отношениях, племена сделали такой быстрый скачок в своем развитии, который пока очень трудно улавливается в наших археологических исследованиях. Чтобы уловить его более ощутимо, необходимы были широкие и массовые исследования.

И вот накопление материала за истекшие 11 лет позволяет решать эти вопросы несколько иначе, чем это возможно было нашим предшественникам.

Своеобразие культуры племен Среднего Дона

В настоящее время, обладая столь обширным археологическим материалом, собранным на Среднем Дону, мы не можем уже поддерживать ранее существовавшую точку зрения о скифском происхождении этих памятников.

При анализе этой культуры необходимо обращать внимание не столько на ее сходство со скифской культурой или культурами других соседних племен, сколько на особенности и своеобразие ее черт, выделяющих культуру племен Среднего Дона в особую группу среди других этнокультурных групп.

Это своеобразие мы видим прежде всего в погребальном обряде и погребальных сооружениях, в отдельных и подчас весьма ярких элементах материальной культуры.

К таким своеобразным чертам в культуре племен Среднего Дона относятся:

а) в погребальных сооружениях — устройство огромных, иногда до 60 кв. м, могил на многостолбовом деревянном каркасе с мощным деревянным перекрытием; сооружение больших колец из выкида из могильной ямы, аккуратно уложенных вокруг могилы; устройство деревянных помостов или материковых возвышений для умерших и инвентаря на дне могилы[2];

---

[1] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. «Краткие отчеты и исследования». М.—Л., 1941, стр. 156 и след. публикация Г. В. Подгаецкого; он же, Поселения эпохи бронзы на Среднем Дону. КСИИМК, 1939, вып. II, стр. 18—19.

[2] *П. Д. Либеров,* Мастюгинские курганы, СА, 3, М. 1961, стр. 153 и след.

б) в погребальном обряде — устройство специальных ритуальных ямок «бофров», наличие которых в достаточно убедительной форме доказано еще В. А. Городцовым, а также в процессе наших раскопок, подмазка из глины и деревянных помостов на дне могилы как для костяков, так и жертвенной пищи[1];

в) в инвентаре — широкое использование поясных крючков, сделанных в роскошном зверином стиле из различных материалов: золота, бронзы, железа и кости. Ни одна синхронная культура близких и дальних областей не дает такого обилия этих изделий.

На территории ананьинской культуры крючки в весьма схематичном зверином стиле встречены в небольшом числе и чаще из обычной кости[2]. На территории Чувашской АССР известен только один бронзовый крючок в зверином стиле (медведь)[3]. Сарматские крючки, обычно бедные по своему оформлению, также не могут быть источником происхождения крючков Среднего Дона[4]. В других районах лесостепи восточной Европы они совершенно неизвестны.

Особенно ярким проявлением особенностей этой культуры являются небольшие «ритуальные» сосудики с отверстиями с двух сторон для подвешивания, находимые чаще всего в могилах и даже в упомянутых выше ритуальных ямках.

Перечисление отдельных элементов особенностей культуры Среднего Дона в эпоху раннего железа можно было бы перечислять и дальше. Но и указанных выше элементов своеобразия достаточно для того, чтобы сказать, что в сопоставлении с другими синхронными культурами на территории Восточной Европы эта культура является особой, самостоятельной, представляет совершенно особую этно-культурную группу.

Связи с внешним миром

Как любая культура эпохи раннего железа, когда устанавливаются наиболее широкие межплеменные контакты и связи, а также торговые отношения с внешним миром и в том числе с Причерноморскими античными колониями и торговыми центрами, культура племен Среднего Дона не была от них изолирована.

---

[1] *В. А. Городцов,* Ук. соч.; *П. Д. Либеров.* Мастюгинские курганы.

[2] *А. В. Збруева,* Итория населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. МИА, 30, М., 1952, стр. 168, табл. XXXI.

[3] *В. Ф. Каховский,* Чуракский могильник. Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 гг. УЗ, вып. XXV, Чебоксары, 1964, стр. 88, р. 13, 18.

[4] *К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко,* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, САИ, вып. ДI-9, табл. 15; М. Г. Мошкова, Памятники прохоровской культуры, САИ, ДI-10, табл. 20.

Доказательством этому является богатый и широко представленный ассортимент вещей античного производства: серебряные и бронзовые сосуды, чернолаковая и простая глиняная посуда, амфоры, разного рода украшения и поделки. Встречаются скифские изделия, нехарактерные для культуры племен Среднего Дона: глиняные шаровидные кубки, некоторые формы оружия, сбруи и погребальных сооружений (катакомба).

Погребальный инвентарь правобережья Дона не дает нам сколько-нибудь серьезных оснований для установления этнических связей с сарматским миром. Попытки К. Ф. Смирнова связать материальную культуру и погребальный обряд Среднего Дона с сарматскими памятниками Поволжья не являются сколько-нибудь убедительными, так же как и возникновение на Серднем Дону обряда трупосожжения из сарматского погребального обряда нами не может быть принято в силу недостаточной развитости такого обряда у савроматов и позднее сарматов[1]. Сарматские погребения с типично сарматским инвентарем на Среднем Дону появляются только со II в. до н. э.

Влияние на Серднедонскую группу соседних племен сказывалось, по-видимому, и на некоторых формах погребальных сооружений и погребального обряда. К этому влиянию можно отнести появление в V—IV вв. до н. э. могил с входом — дромосом и трупосожжения, наиболее широко распространенных в более раннее время в правобережье украинской лесостепи.

Высокий уровень культуры

В силу благоприятных естественных, климатических и природных условий племена Среднего Дона имели все необходимое для более быстрого развития. Внешние взаимоотношения лишь содействовали убыстрению этих процессов.

Не случайно поэтому весь комплекс памятников, известных нам на Среднем Дону, свидетельствует об очень высоком уровне развития культуры и общественных отношений.

В частности, высокого уровня достигло бронзо-литейное дело, проявляющееся в большом количестве бронзовых котлов, в прекрасных формах других бронзовых изделий и наиболее раннем переходе сравнительно с другими районами Восточной Европы к массовому производству железа.

Как известно, во второй половине первого тысячелетия до н. э. ни в одной культуре не было столь массового производства железных стрел, как на Среднем Дону. Здесь широко использовались железные копья, дротики, панцири, много найдено и железных орудий, используемых в быту местного населения. Вряд ли есть необходимость доказывать, какую роль в истории человечества сыграло открытие и широкое использование железа.

---

[1] *К. Ф. Смирнов,* Савроматы. М., 1964, стр. 261—264.

Сравнительные данные показывают, что и в общественных отношениях племена Среднего Дона не отставали от племен, хорошо известных Геродоту. В частности, это проявляется в количестве парных и коллективных захоронений, которые часто принимаются как указание на зависимое положение рядовых людей от господствующей верхушки.

Так, в правобережном лесостепном Поднепровье, где культура достигла довольно высокого уровня, количество парных и коллективных захоронений не превышает 14% к общему числу погребений, между тем правобережье Среднего Дона дает до 25%.

По-видимому, не случайно Геродот наиболее полно по сравнению с другими племенами лесостепи рассказывает о племенах Среднего Дона, которые, как мы полагаем, он назвал будинами, принявшими в свою среду греческих колонистов — гелонов. У будинов существовал, по сообщению Геродота, и город Гелон, местоположение которого предположительно нами определяется у деревни Волошино Острогожского района Воронежской области в виде целой системы городищ, расположенных вблизи друг от друга.

Указание Геродота относительно города Гелона имеет особое значение как свидетельство высокого уровня общественного развития будинов.

Геродот не знает такого города ни у одного из известных ему племен в скифском и сарматском мире и у племен, расположенных к северу от Скифии.

Единство культуры

Наши исследования, основанные преимущественно на изучении памятников правобережья Среднего Дона и лишь частично его восточных районов, позволяют все же говорить о единстве культуры племен Среднего Дона на широкой территории независимо от различного образа их жизни. Эта культура охватывает правый берег р. Дона от р. Быстрой Сосны на севере до левого берега р. Тихой Сосны на юге, на востоке она распространяется, по предварительным данным, до течения р. Хопра включительно, захватывая частично верхние течения левых притоков р. Среднего Дона (Воронеж, Битюг, Хопер и др. уч.) вплоть до их устья. Это огромная территория, на которой с одной стороны жили оседлые племена, с другой — кочевые. Однако следует подчеркнуть, что различие занятий и быта не может служить основанием для отрицания единства их культуры. История знает близкие примеры, когда этнически родственные племена ведут разный образ жизни и отличаются по ведению хозяйства (скифы).

Но что служит основанием для объединения племен, ведущих разный образ жизни, в одну этническую и культурную группу?

Изучение памятников в Аннинском (р. Битюг) и Борисоглебском (р. Хопер) районах, находящееся пока что на начальном этапе, показывает сходство керамического материала и погребального обряда (трупосожжение) — (Аннинский район). Отличие этой керамики от керамики синхронных культур, расположенных к северу (городецкая культура) с одной стороны и к югу и юго-востоку (сарматская культура) с другой, как нельзя лучше подтверждает это положение.

Однако поскольку изучение восточных районов Среднего Дона выполнено пока очень слабо, положение о единстве культуры на всей указанной территории требует более серьезного обоснования. Поэтому наше пожелание в этом вопросе сводится к тому, чтобы в будущем развернуть здесь более широкие исследования.

Этническая принадлежность

Вопрос об этнической принадлежности племен Среднего Дона в эпоху раннего железа интересовал многих исследователей. Этому вопросу посвящена значительная литература, которая не принесла пока желаемых результатов.

Основной причиной такого положения является слабая изученность археологических памятников.

В настоящее время археологические исследования позволяют вернуться к нему на более широкой основе.

Исследование памятников эпохи бронзы показывает, что на изучаемой территории в это время происходили сложные процессы, вызванные передвижением больших этно-культурных групп.

Наша точка зрения по этому вопросу изложена в специальной работе «Племена Среднего Дона в эпоху бронзы», поэтому в настоящем докладе нет надобности сколько-нибудь подробно на ней останавливаться.

Укажем лишь основные ее положения.

В начале эпохи бронзы на Среднем Дону широко распространяется катакомбная культура в виде воронежского варианта, которая появляется здесь раньше, чем другие известные нам культуры. Это показывают исследованные курганы у сел Н. Ведуги и Кондрашовки (раскопки Мартиновича, Дольского, Юргенсон и нашей экспедиции).

Несколько позднее сюда приходят племена срубной культуры, наиболее яркое проявление которой прослежено на поселении Монастырщина (раскопки Г. В. Подгаецкого). Г. В. Подгаецкий датирует это поселение XV—X в. до н. э.[1] Однако нижняя граница его вызывает сомнение. Такое длительное существование поселения не может быть подтверждено ни толщиной культурного слоя, ни характером вещественных материалов, найденных на поселении. Возникновение поселения скорее всего может быть датировано не раньше XIII столетия.

---

[1] *Г. В. Подгаецкий,* Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 156 и след.

Наконец, в четвертой четверти второго тысячелетия на Средний Дон приходят племена абашевской культуры, которые расселялись, по нашим данным, широким фронтом не только в области Среднего Дона, но и далеко за его пределами.

Поэтому существующее ранее представление об ассимиляции срубниками местных племен уже в XIV в. до н. э. и образовании единой срубной культуры на Среднем Дону (Т. Б. Попова и отчасти О. А. Кривцова-Гракова) не соответствует действительности[1].

Разнокультурность и, следовательно, этническая разноплеменность памятников наблюдается вплоть до конца эпохи бронзы, а некоторые формы погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря переходят в эпоху раннего железа. Мы имеем в виду ритуальные ямки, подстилку из дерева и подмазку из глины под костяками и вещами, сопровождавшими покойника, а также некоторые формы керамики.

Исходя из всего очень сложного комплекса вещей, погребальных сооружений и погребального обряда, а также письменных источников античных авторов, мы склонны видеть в абашевских племенах то население, которое сыграло в эпоху поздней бронзы и раннего железа основную роль в образовании многолюдного народа, названного Геродотом будинами.

Геродот знает здесь многолюдный народ будинов. Он отличает их язык от языка эллинов и скифов, а, следовательно, и савроматов, язык которых близок скифскому.

Следовательно, язык будинов не скифский и не савроматский. А раз это так, то может ли он принадлежать племенам срубным, которые генетически связываются с савроматами, как предки. По-видимому, нет. Вряд ли он может принадлежать и племенам катакомбной культуры, которая распространилась здесь из южных степных областей.

Поэтому мы не можем выводить язык будинов из языков племен, представляющих катакомбную и срубную культуры. Это была, как мы полагаем, иная языковая общность, пришедшая из Среднего Поволжья и представлявшая культуру абашевских племен.

Поэтому, к какой языковой группе следовало бы относить абашевские племена и их потомков будинов, мы не знаем, как не беремся судить и об их родстве с предками мордовского народа, несмотря на территориальную близость в прошлом во время пребывания их на Среднем Поволжье и особенно в эпоху раннего железа на Среднем Дону.

---

[1] *Т. Б. Попова,* Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, 1955, вып. 24; *О. А. Кривцова-Гракова,* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху бронзы. МИА, 1955, № 46.

О языковой и культурной близости этих народов в эпоху бронзы, по-видимому, скажут свое слово специалисты этой эпохи.

Что касается памятников материальной культуры эпохи раннего железа, то народ будинов, которым мы приписываем памятники Среднего Дона и фиссагеты — носители городецкой культуры, которая приписывается мордовским племенам, жили по соседству, но их материальная культура была разной. По-видимому, разным был и язык, поскольку Геродот рассматривает их как самостоятельные народы.

Такое решение вопроса является весьма предварительным. Последнее слово за будущими исследователями, так как в настоящее время нет еще достаточных данных для решения этого вопроса.

Свое сообщение мы попытаемся закончить постановкой вопроса о локализации будинов.

По этому вопросу в историографии существует много самых разнообразных и иногда совершенно невероятных гипотез. Почти все они так или иначе исходят из сообщения Геродота или иногда, считая его сообщения ошибочными, пытаются исправить, запутывая тем самым этот вопрос еще больше. Мы считаем, что сообщение Геродота по вопросу о будинах предельно ясно и не может быть сомнения в его достоверности.

Геродот совершенно ясно ограничивает территорию савроматов, за ними располагает будинов, а к северу от них указывает территорию, на которой некоторые современные исследователи помещают городецкую культуру[1], представляемую, как нам кажется, племенем фиссагетов.

Если мы примем тезис о единой культуре, расположенной в границах на правом берегу Среднего Дона от реки Быстрой Сосны с севера и Тихой Сосны — с юга, а к востоку, по крайней мере, включая р. Хопер, то к Югу от нее, по современным археологическим данным, нет никакой другой культуры, кроме савроматской, а к северу — культуры городецких племен.

Мы сознательно здесь не касаемся локализации других племен и народов, расположенных к западу от будинов и к северу от северной границы Скифии, территория которой в результате исследований последних лет определяется довольно ясно и в соответствии с основными указаниями Геродота, ибо это увело бы нас в сторону от основной темы.

---

[1] *Н. В. Трубникова,* Племена городецкой культуры. Археологический сборник, М. 1953, Труды ГИМ, вып. XXII, стр. 63 и след.

П. Д. Степанов,
кандидат исторических наук

АНДРЕЕВСКИЙ КУРГАН

Андреевский курган входит в состав курганной группы, обнаруженной археологической экспедицией МНИИ в 1946 году близ с. Андреевка Б.-Игнатовского района МАССР, расположенной близ верховий реки Пьяны на пашне, вдоль дороги из с. Андреевки на с. Чамзино.

В 1958 году при хозяйственных работах были обнаружены в кургане разные вещи, которые были доставлены в МНИИ. Своеобразный набор этих вещей послужил поводом для организации охранных раскопок. Раскопки были проведены в 1963—1964 гг.

В результате раскопок было обнаружено 56 захоронений, в могилах двух типов: в грунтовых и в насыпи кургана. Было установлено, что некоторые могилы в насыпи кургана перекрывали грунтовые могилы.

Костяки умерших, как правило, лежали на спине в вытянутом положении, одинаково как в грунтовых могилах, так и во впускных. Существовали различия в ориентировке умерших. Преобладала ориентировка к северу: на С—18, СВ—9, СЗ—7, ССЗ—1, ССВ—1. Погребений с южной ориентировкой меньше: Ю—7, ЮВ—1, ЮЗ—3. Головой на восток лежали только два костяка. Замечено, что женские костяки чаще лежали головой к югу.

Могильные сооружения были двух типов: могилы в грунте, прямоугольные, глубокие — до 3 м; часто обширные — (могила № 25 имела в длину 6,6 м, в ширину—4,5 м, в глубину—2,4м.) и могилы в насыпи — узкие, длинные — до 2,2 и не глубже 1,4 м от верха кургана.

Грунтовые могилы отличаются от впускных тем, что в них часто имеется по нескольку погребений: в могиле № 25—4 погр., в могиле 37 — 2 погр., в могиле 50 — 2 погр., в могиле 32—2 погр. Отличаются они и своим устройством. В могилах

25 и 50 обнаружены по бокам выступы-плечики. Могилы 25, 50, 32 были обложены по стенам деревом. Дно также было застлано или корой или тонкими плашками. В могиле 25 умершие сверху были покрыты древесной корой. Эта могила вообще сильно выделяется размерами, устройством, а также местоположением. Это — центральная могила, по периферии которой располагаются все другие грунтовые могилы. Для этой могилы, вероятно, и был первоначально насыпан курган.

Все умершие, за редким исключением, сопровождались разнообразными вещами: оружием, украшениями, одеждой, глиняными горшками. Встречены бронзовая чаша и бронзовый котелок. По числу вещей грунтовые могилы были несколько богаче впускных, но часть вещей была та же.

В большом количестве встречено разнообразное вооружение: мечи, кинжалы, копья, кольчуги, стрелы, ножи. Много найдено предметов конской сбруи, удил, псалий, пряжек от упряжи. В трех могилах найдены были кости коня, причем в двух могилах — 25 и 37 — были обнаружены полные конские шкуры с черепами и конечностями.

Совершенно очевидно, что в кургане находятся захоронения, оставленные двумя группами населения, которые имели своеобразные похоронные обряды и различались также набором вещей.

В грунтовых могилах мы находим кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием — типично сарматские вещи. Находим также железные трехперые черешковые мелкие наконечники стрел — также сарматского типа. Были найдены 2 кольчуги (п. 25 и 50), пластинчатые шлемы (п. 25 и 50). В этих погребениях оказались бронзовые прямоугольные поясные пряжки и богато украшенные пояса, с нашивными и навесными украшениями, так называемыми «сапожками», «уточками» и конусами из бронзы. Захороненные воины имели богатые шейные украшения из стеклянных золоченых бус.

Особо выделяются в этой группе две могилы — 25 и 50, принадлежащие, по всем данным, вождям племени или главам племенных групп.

Могила 25 имела площадь около 70 м², и все стены ее были обложены деревянными плахами. В центре на 6 столбах был устроен помост, на котором покоился костяк вождя в богатой одежде и с оружием. В изголовье лежали два железных наконечника, копья, шлем и кольчуга. Справа у пояса находились кинжал и нож, слева же лежал длинный однолезвийный меч с прямой рукоятью, к ножнам которого была прикреплена крупная бронзовая плоская бляха. Пояс умершего был обшит рядом бронзовых литых «сапожков», и к нему справа были привешены бронзовые плоские бляхи. Близ левой ступни лежали железные и костяные наконечники стрел (более 60 штук). Поблизости лежали удила.

По обе стороны от помоста вождя на дне могилы лежали костяки двух мужчин — дружинников, в полном вооружении — с мечами, копьями, колчаном со стрелами и в богатой одежде, о чём свидетельствуют пояса с привесками из «сапожков» и нашитыми бронзовыми конусами. На шее у всех покойников были ожерелья из стеклянных золоченых бус.

Обращаем внимание на различие в форме мечей — у вождя однолезвийный, а у воинов — двулезвийные.

Все костяки лежали головой к СВ на спине в вытянутом положении.

В могиле близ ЮЗ стены был обнаружен еще один костяк мужчины, лежавший головой к ЮВ на спине в вытянутом положении. Кисти рук умершего находились под крестцом и были, по всей вероятности, связаны. При костяке оказалось несколько бусин на шее, миниатюрный ножичек, бляшка от пояса и близ левой ступни несколько костяных наконечников стрел.

По всем данным, это — захоронение лица, отличавшегося в социальном отношении от остальных трех захоронений, о чем свидетельствует и особая ориентировка умершего, и связанные за спиной руки, и, вероятно, вынужденная смерть и бедность сопровождавших его вещей. Можно думать, что перед нами — положенный в могилу вождя пленник или раб.

Несколько отличная по величине могила 50, вероятно, также содержала захоронение вождя в сопровождении пленника или раба.

Следует отметить неизвестное до сего времени в археологии Поволжья явление — находку в мог. 25 и 37 в изголовье умерших амулетов или трофеев, состоящих в одном случае из отрубленных верхних человеческих челюстей с просверленными отверстиями для подвешивания бронзовых блях и в другом случае из таких же человеческих челюстей, медвежьих клыков со сверлиной и костяной привесками.

Как уже отмечалось, впускные могилы в насыпи кургана были в виде простых неширокихям. Костяки в них во всех случаях лежали на спине в вытянутом положении головами к С и в других направлениях. В большинстве могил также оказались мечи, копья, железные наконечники стрел — плоские, с «жальцами» черешковые и костяные наконечники, ножи, удила и разнообразные украшения из бронзы: застежки, фибулы, пряжки, шейные гривны, браслеты, бляхи и ожерелья из бус. В могилах были найдены также глиняные горшки. В одном захоронении найдена бронзовая чаша италийской работы, в другом — бронзовый кованый котелок сарматского типа, в третьем — деревянная чаша, окованная бронзой.

Присутствие в кургане двух типов захоронений с рядом однородных вещей затрудняет решение вопроса о хронологии памятника. Наличие ряда типичных вещей: кинжалов, трехперых железных наконечников стрел, фибул, бронзовой чаши,— позволяет датировать наш памятник первыми двумя веками нашей эры. Этой дате не противоречат и другие вещи: плоские наконечники стрел с «жальцами», бронзовые плоские застежки, привески «сапожки», «гусиные лапки», «уточки».

Однако предложенная датировка вызывает сомнения в связи с тем, что в погребениях оказались вещи, о которых сложилось мнение, как о более поздних. Мы имеем в виду однолезвийные мечи и кольчуги.

К Андреевскому кургану, как памятнику исключительному как по характеру захоронений, так и по набору вещей, нам кажется, нельзя подходить с обычной меркой. Здесь такое сочетание вещей, которое впоследствии будет служить датирующим материалом для других памятников. Поэтому мы настаиваем на нашей датировке.

Вопрос о племенной принадлежности памятников вообще трудный. В отношении же Андреевского кургана эта трудность усугубляется его исключительным характером. Раскопки его дали возможность по-другому оценивать другой памятник в бассейне той же реки Пьяны. Мы имеем в виду Сергачский могильник у Кожиной слободы с. Сергача. Оказывается, что погребения этого «могильника» были обнаружены в «курганообразной насыпи», которую разрушала дорога[1]. Таким образом, совершенно очевидна причина большой близости сергачских вещей андреевским — они взяты из однородных памятников, оставленных скорее всего одной племенной группой.

Анализируя вещевой материал и характер захоронений, правда пока в предварительном виде, мы устанавливаем присутствие четырех культурных компонентов.

Один компонент — позднегородецкий. Свидетельством его присутствия является такой материал, как керамика — грубая, ручной лепки, без орнамента, горшковидной формы. Аналогичная керамика найдена на соседнем селище, вместе с характерным для городецких памятников Присурья пирамидальным грузилом от ткацкого станка. О принадлежности селища тем же людям, которые хоронили покойников в Андреевском кургане, говорит находка на селище отрубленной верхней человеческой челюсти с отверстиями для подвешивания. Такие же челюсти, как говорилось выше, найдены в могилах 25 и 37. Памятники позднегородецкой культуры широко распространены по нижней Суре.

Вторым культурным компонентом является прикамский, точнее пьяноборский. Он резко выступает в вещевом материале как грунтовых могил — прямоугольные пряжки, нагрудные бляхи, «сапожки», «уточки», «гусиные лапки» и некоторые другие вещи, так и менее резко в могилах в насыпи кургана.

---

[1] Выражаю благодарность Е. А. Халиковой, давшей мне необходимые сведения.

Ближайшие аналогичные памятники найдены по соседству — Писеральские курганы, раскопанные А. Х. Халиковым.

Третий культурный компонент — южный, сарматский. Он наблюдается как в вещах из грунтовых могил — кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием, мелкие железные, трехперые черешковые наконечники стрел, золоченые стеклянные бусы, так и во впускных захоронениях — бронзовая чаша, бронзовый кованый котелок, фибулы «Avcissa», вероятно, однолезвийные мечи, бусы и другие вещи. Путь проникновения этих вещей может быть прямой, т. е. непосредственно с юга из сарматско-причерноморского мира, или же через заволжские и прикамские степи, где сарматское влияние было весьма ощутимо.

Четвертый компонент — древнемордовский. Его присутствие мы наблюдаем наиболее ярко и полно во впускных захоронениях. Здесь мы находим типичные древнемордовские вещи: плоские бронзовые нагрудные застежки, бронзовые шейные гривны, сюльгамы железные и бронзовые разных типов, бусы и другие вещи пьяноборского типа, которые в древнемордовском Кошибеевском могильнике представлены в довольно значительном числе.

Присутствие древнемордовского культурного компонента, который сам является соединением тех же компонентов, которые отмечены нами в Андреевском кургане, дает нам право рассматривать Андреевский курган как памятник самого раннего этапа формирования древнемордовской культуры типа Кошибеево-Сергач, несколько отличного от типа Селиксы I.

Находка значительного числа вещей привозных (фибулы[1], бронзовая чаша, бусы, янтарная привеска) свидетельствует о весьма тесных связях населения, оставившего Андреевский курган с Причерноморскими римскими колониями, а также и с Прикамьем. Связи эти были, по-видимому, торговыми и осуществлялись через посредство купцов из причерноморских торговых центров.

Андреевский курган — важный памятник при решении вопросов о формах общественных отношений. Совершенно очевидно наличие социальной дифференциации в обществе, оставившем этот памятник. Вся обстановка в погребениях 25 и 50 говорит о том, что общество имело патриархально-родовой строй с племенной формой организации. Именно вожди, а не родовые старейшины были захоронены в этих могилах, особенно в могиле 25. Нельзя допустить, что родового старейшину сопровождали в могилу два хорошо вооруженных и богато одетых воина. Это были воины-дружинники, одноплеменники вождя. Очень трудно показать обстановку их смерти, так как костяки имели плохую сохранность и по ним нельзя было определить причину смерти. Есть предположение, что они вместе с вождем погибли в одном сражении и потом были похоронены в одной могиле. Но не исключено и убийство, чтобы воины «сопровождали» вождя.

---

[1] Фибула «Avcissa» была найдена на Кобяковом городище в устье р. Дона.

Бесспорно, важным обстоятельством является находка в могилах 25 и 50 костяков пленников или рабов. Рабство здесь возможно только патриархального типа, при условии, что рабами становились пленники из соседних племен. Насильственная смерть раба в могиле 25—яркое свидетельство существования жестоких обычаев при погребении вождя.

Очень интересно то обстоятельство, что умерший раб или пленник был снабжен таким предметом, как колчан со стрелами, не говоря о том, что хотя бедные и незначительные, но у него были и бусы на шее, и нож на поясе, и пояс с небольшой пряжкой.

Находка уникальных вещей в двух могилах — отрубленных верхних человеческих челюстях, в которых затем были просверлены отверстия для подвешивания,— приоткрывает завесу над совершенно неизвестными сторонами жизни племени, оставившего Андреевский курган. Мы пока нигде не нашли аналогий к нашей находке. Определяем же эти предметы как трофеи-амулеты, которые, весьма возможно, прикреплялись к седлу или конской сбруе. Геродот говорил о скифах, что они снимали скальпы с врагов, а затем привязывали их к уздечке как трофеи. Может быть, в Андреевском кургане своеобразное применение того же древнего обычая и вместо скальпов использовали человеческие челюсти.

Подводя общий итог, можно сказать, что Андреевский курган вносит много нового и притом необычного в историю народов Поволжья, в частности мордвы, на чрезвычайно раннем этапе, и, видимо, теперь мы на конкретном памятнике видим подтверждение такой важнейшей проблеме, как установление генетической связи древней эрзи и мокши с племенами городецкой культуры.

Н. В. Трубникова,
кандидат исторических наук

ДРЕВНИЕ МОРДОВСКИЕ ПЛЕМЕНА В НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

В настоящее время в большом массиве племен северо-востока Европы с начала 1-го тысячелетия н. э. все более четко обрисовывается одна из племенных групп, занимающая в это время (с конца 1 века н. э. по IV в. включительно) территорию в междуречье Цны и Волги: по рекам Цне, Мокше, Суре.

Эту группу выделяет своеобразный археологический комплекс вещей, представленный находками большого количества могильников и городищ. Количество этих памятников увеличивается с каждым раскопочным сезоном.

Центральное место в этой группе занимает давно известный Кошибеевский могильник, затем могильник Польно-Ялтуновский, два могильника у города Сергача (один у Кожиной Слободы, другой в местности Св. Ключ), а также памятники на территории Чувашии, большая часть которых открыта и исследована за последние годы. Это городище Ножа-Вар между г. Ядриным и д. Сареево, городище Пичке Сорче у д. Ягаткино, городище у д. Адабай, городище у д. Чебаково II, Засурье, Янымово (Мурза-касы), Досаево (Хула-ту), Юнга-пось (Хула-Вар), Иваньково (Хула-Сюче), Тиханкино, Русские Атаи, городище у Пчельника на 22 квартале у д. Тиханкино, у д. Юваново (Арату), малые Яуши (Укся-сют) и др.[1].

По характеру материальной культуры, типам вещей, погребальному обряду, типам жилых строений, конструкций оборонительных укреплений памятники очерченного выше района имеют общие и вполне закономерно должны рассматриваться, как принадлежащие одним и тем же племенным группам, одной и той же культуре.

Мысль о выделении этих памятников в особую группу не нова. Ее высказывал еще А. А. Спицын.

---

[1] Большая часть отчетов о раскопках опубликована в Ученых записках Чувашского научно-исследовательского института, вв. XVI, XIX, XXV.

В архиве Института археологии в Ленинграде, среди бумаг А. А. Спицына хранится небольшой листок с зарисовками предметов, типичных для Кошибеевского вещевого комплекса, и очень краткая аннотация к ним под общим заголовком «Кошибеевская культура».

Из этих небольших набросков и очень кратких замечаний к зарисовкам следует, что для А. А. Спицына Кошибеевский вещевой комплекс представлялся как состоящий из целого ряда различных элементов: южных, прикамских, западных, рязанских.

Из вещей это: фибулы («узкие и зонтичные»), пряжки, типы которых известны нам по сарматским памятникам Поволжья и Юга и которые в Кошибеевском могильнике представлены весьма богато; гривны с петлей и крючком, бляхи большие, гладкие, прикамского типа, а также бляшки круглые, одиночные и двойные; подвески в виде уточек, коньков, утиных лапок, колокольчиков, также известные по памятникам Прикамья; браслеты: пластинчатые и круглые в сечении, а также проволочные с щитком; топоры железные и кельты, стрелы, копья, дротики и мечи.

А. А. Спицын указывает и направление связей по рекам Дону, Днепру, Западной Двине, указывает и на связи с Кавказом (о последних, по мысли А. А. Спицына, свидетельствовали пирамидальные подвески и оружие). Что касается этнической принадлежности, то в этой краткой записке она определялась фразой «начало финских подвесок с ушком»[1].

Характеристика вещевого комплекса, его хронологическое членение были затем даны П. П. Ефименко в двух его работах[2].

Выделяя даже специальную кошибеевскую стадию, П. П. Ефименко мыслил ее как своеобразное сочетание местных и прикамских элементов с преобладанием последних на ранней стадии, осложненной поздней «пришлым элементом». П. П. Ефименко считал возможным говорить о смене населения в III веке, а сложные и многосоставные погребальные комплексы Кошибеевского могильника пытался объяснить как итог смешения различных групп населения.

П. Н. Третьяков и М. Г. Худяков рассматривали этот памятник как пьяноборский.

Следует заметить, что все эти точки зрения основывались на том, что Кошибеевский могильник был единственным памятником этого типа. В настоящее время в связи с раскопками на территории Чувашии появилась возможность выделить территорию, занятую культурой этого облика. Точку зрения о возможности выделения этих памятников в особую культуру обосновывал и А. П. Смирнов[1].

---

[1] Архив Института археологии, фонд 5, № 364, лист 2.

[2] *П. П. Ефименко,* Рязанские могильники. Гос. Русский музей. Материалы по этнографии, т. III, в. 2, Л. 1926, стр. 59—84, рис. 6. *П. П. Ефименко.* К истории Западного Поволжья в I-м тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, № 2, М.—Л, 1937, стр. 39—56.

Тем не менее выделить специальный, характерный только для этой группы памятников, вещевой комплекс очень трудно, потому что для памятников этого типа как раз и является характерным чрезвычайная этническая пестрота и разнообразие составляющих его типов вещей, повторяющиеся с неизменной закономерностью во всех памятниках этой группы.

По-видимому, в этой большой пестроте различных элементов материальной культуры, в своеобразном сочетании их отразилась вся сложность исторических взаимоотношений эпохи, культурные и торговые связи, передвижения племен, присущие каждому из отдельных временных отрезков в истории этих племенных групп.

Так, характерным будет наличие большого количества прикамских (пьяноборских) вещей, встречающихся в комплексах могильников, особенно в более ранних (I, II, начало III вв.) и в меньшем количестве в более поздних (III—IV вв.); предметов сарматских, предметов, характерных для рязанских могильников и западных областей, включая Прибалтику, вещей, известных в Приднепровье, в комплексах черняховской культуры. Причем вещи всех перечисленных типов встречаются как в могильниках, так и на городищах в пределах очерченного нами района.

Помимо этнографической пестроты вещевых комплексов, эта же пестрота — различные элементы культуры, различные влияния — охватывала, по-видимому, различные стороны жизни и проникала очень глубоко в быт этих племен, проявляясь в таких областях, как погребальный обряд, религиозные верования, костюм.

В ряде погребений Кошибеевского могильника присутствуют элементы сарматского погребального обряда, да и самая ориентировка погребений могильника, различная для различного времени, соответствует в значительной мере ориентировке сарматских могильников Заволжья и Прикубанья. Находим и другие элементы обряда, характерные для сармат, как положение в могилу костей и зубов лошади, гальку в изголовье, разбитое зеркальце, как это встречено в одном из погребений могильника у Кожиной слободы близ Сергача.

Все эти элементы, отмеченные нами для определенной территории, определенных племенных групп, являются результатом в одних случаях непосредственного проникновения людей с соседних территорий, в других — результатом мирных торговых сношений, иногда враждебных столкновений.

---

[1] *А. П. Смирнов,* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА № 28, М. 1952, стр. 50, 134 и др.

По краям, на валах некоторых исследованных нами городищ, нередко находим мелкие железные трехлопастные сарматские стрелы (городище Пичке-Сорче), по-видимому, указывающие на столкновения с сарматами, проникавшими далеко на север.

В ином плане может рассматриваться женское погребение IV в. Таутовского могильника в Чувашии, где костюм, головной убор, украшения типичны не для Кошибеевского могильника, а для соседней Пензенской племенной группы, может быть, эта могила женщины, вышедшей сюда замуж.

Полученными в итоге торговых связей могут считаться многие украшения, бусы, причем некоторые из этих предметов, возможно, делались уже на месте, но по привозным образцам; таковы, например, очень распространенные сарматские пряжки с круглыми и овальными щитками, мечи с округлыми навершьями и шариками на концах, фибулы разных типов.

Прикамскими будут разнообразные формы нагрудных блях, подвесок.

Общими с Пензенской племенной группой будут круглые бляхи с валиками или прочерченным круговым узором, некоторые типы украшений. Другие типы украшений (например, звездчатые, коробчатые подвески к головным уборам) ближе к костюмам и убранству рязанских могильников.

Привозными являются также очень распространенные и многочисленные бусы — стеклянные золоченые, красные из стеклянной пасты с инкрустацией и т. п. На городище Ножа-Вар было найдено очень интересное ожерелье из проволоки, скрученной в виде спирали, с продетым внутрь ремнем и прикрепленными к ним голубыми бусами с инкрустацией ожерелье, абсолютно тождественное найденному в сарматском кургане у с. Блюменфельд в Заволжье.

Но если целый ряд моментов сближает костюмы, украшения с другими финно-угорскими группами, то целый ряд моментов коренным образом и отличает культуру этой племенной группы от их соседей.

При несомненной близости ряда вещевых категорий с прикамскими в целом костюм в междуречье Цны и Волги иной, отличается он и от костюмов и головных уборов, известных по рязанским могильникам. Имеются и местные типы вещей и украшений, не известные в других местах.

Для кошибеевской группы будут характерны женский костюм и определенные типы головных уборов, некоторые из которых имеют аналогии в современном этнографическом материале.

На основании раскопок упомянутых выше могильников женский костюм представляется нам в виде прямой одежды — рубашки с разрезом спереди. В пользу такого покроя говорит наличие в большинстве погребений Кошибеевского могильника бронзовых пряжек или бляшки-застежки в верхней части груди, у шеи. Обычным украшением являлись также на шее бронзовые или железные гривны, типы которых разнообразны до чрезвычайности. В Кошибеевском могильнике насчитывается 13 различных типов гривен.

Наиболее же характерными и наиболее распространенными в Кошибеевском могильнике будут проволочные гривны с застежкой в виде крючка, с грибовидной головкой или фигурными щитками-застежками.

Некоторые формы этих гривен известны и за пределами означенной территории, некоторые же известны пока только по Кошибеевскому могильнику. Наряду с гривнами шею украшали разнообразные бусы: стеклянные золоченые круглые, продолговатые, мелкие в виде бисера. Бусы из синего и голубого стекла, красной стеклянной пасты, часто с инкрустацией.

Одежду на груди украшали и скрепляли большие тонкие бронзовые бляхи, часто с иглой, украшенные выпуклыми валиками или прочерченными круговыми линиями. Эти два типа блях являются наиболее распростарненными в самом Кошибеевском могильнике.

Наряду с ними, имеется большое количество блях разных типов и форм, одни из них имеют вид колпачков, другие плоские ажурные, третьи с крестообразной накладкой и т. п.

Подобные бляхи в различных вариантах известны по находкам и на территории пензенских и рязанских могильников и в других местах, населенных финно-угорскими племенами.

Возможно, что в некоторых случаях женский костюм имел особый нагрудник, сходный с нагрудником прикамских племен, но в целом женский костюм Кошибеевского могильника отличается от Прикамского и ближе к костюму рязанских могильников.

Обязательной принадлежностью женского костюма был пояс. В целом ряде могильников были найдены очень богатые пояса с металлическими наконечниками и кистями.

По материалу погребений Кошибеевского могильника можно в какой-то мере восстановить и мужской костюм с металлическим колпачком, скрепляющим разрез одежды у шеи, поясом с пряжкой. Типы пряжек различны: одни из них очень своеобразные, полукруглые с иглой, расплюснутой в средней части, они являются особенностью Кошибеевского могильника. Из других типов пряжек следует указать на таковые с большим железным прямоугольным щитком. К мужским поясам подвешивались ножи, иногда в металлических же ножнах и кремни.

Характерны и женские головные уборы различные для различных периодов существования этой племенной группы. На основании аналогий с этнографическим материалом (мордовскими головными уборами) можно выделить уборы девичьи и женские. Для большинства выделенных нами девичьих уборов находим подтверждение в дневнике А. А. Спицына в виде указания на «отроческий» возраст погребенной.

Встречаются девичьи уборы в виде повязок по сути дела, ремня, украшенного спиралями с бляшками, украшенными маленькими колпачками в середине, с подвешенными к ним на висках, а иногда в виде косника, всевозможными подвесками. В более ранних погребениях эти подвески имеют вид гусиных лапок, фигурок уточек, в более поздних в виде колокольчиков, звездочек и т. д. Эти же типы головных уборов, судя по сохранившимся их частям, подвескам, были найдены в кладах на городищах Ножа-Вар и Пичке-Сорче.

Женские головные уборы часто имели вид шапочек, сплошь зашитых металлическими украшениями, иногда с своеобразным узором. Типы этих уборов опять-таки различны для разных периодов. Очень любопытны украшения этих уборов в виде спиралей с широкими ромбическими щитками, очень напоминающие украшение за ушами современных уборов в Шумерлинском районе Чувашии.

Кроме могильников, в эту группу входят открытые и исследованные за последние годы городища, главным образом, территории Чувашии. Целый ряд общих черт объединяет их. Прежде всего характерным будет самое местоположение этих памятников, расположенных всегда на мысу среди оврагов таким образом, что окружающие холмы прикрывали их, и увидеть такой поселок можно было только с небольшого расстояния. Это отличает их от городищ соседних районов, например, дьяковских, по своему местоположению обычно доминирующих над местностью.

В настоящее время обследовано довольно много памятников этого рода и имеется возможность наметить типы оборонительных укреплений, а также проследить постепенное развитие и изменение их форм. На городищах более поздних обычно под насыпями валов сохраняются следы валов более древних, а также следы бревен от ограды. Кроме того, на городище Пичке-Сорче были замечены следы небольшой канавы, пересекающей городище и, возможно, являющейся следом еще более древней ограды поселка, занимающего тогда совсем маленькую площадь. На более древних городищах (городище у д. Малые Яуши, городище у д. Таганаши) прослеживаются еще следы укреплений на склоне холма с мысовой части. На городище Укся-Сют у д. Малые Яуши сохранилась целая линия забитых вертикально бревен и обуглившаяся завалившаяся часть ограды.

Для городищ сравнительно более поздних, первых столетий н. э., характерны земляные валы один, два, иногда три, иногда не только с напольной стороны, но и дополнительным валом на мысу. Иногда валы охватывают городище кругом в виде кольца. Городища с напластованиями периода времени около середины I тысячелетия нередко имеют систему укреплений в виде незамкнутого кольца (городище Ножа-Вар, Арату).

Но наиболее интересным в оборонительной системе этих городищ является внутреннее устройство земляных насыпей, внутри которых заключается сложная и своеобразная конструкция из обугленных бревен и обожженой глины. Причем бревна эти специально уложены и укреплены вертикальными стояками, обмазаны сверху глиной, обожжены и составляют очень крепкую основу оборонительного вала, сверху засыпанного землей. В местах, не имеющих земляных насыпей, стояли деревянные ограды часто из двух рядов бревен, переплетенных плетнем и засыпанных землей.

Описание этого типа укреплений у сарматов сохранилось у историка I в. Тацита[1].

Что касается в целом всей системы с внутренними конструкциями в валах, то, по-видимому, она была близка западноевропейским того же времени. Близкие типы подобных сооружений были открыты раскопками укреплений кельтов[2].

Аналогичным образом строились, по-видимому, укрепления и у других племен Восточной Европы, племен дьяковских, юхновских, что еще раз свидетельствует о межплеменных связях, об освоении чужого опыта, особенно необходимого в деле защиты жизни и имущества населения.

На всех открытых городищах обнаружены строения. От 12 до 16 жилых строений обычно помещалось на их площади. Можно уловить некоторые особенности в расположении жилых строений в разные периоды их существования.

Небольшие размеры площадок городищ, собственно, исключали возможность какой-либо особой планировки. Как правило, жилища в большинстве случаев разбросаны беспорядочно, но некоторые закономерности все-таки можно подметить.

На городищах I—II столетий жилые строения располагались обычно таким образом, что примыкая вплотную к ограде, составляли ее часть, т. е. их задняя стенка являлась стеной ограды.

Сами жилища были небольшими прямоугольными строениями с очагом внутри. Высота их, по-видимому, была около двух метров (городище Пичке-Сорче, где сохранилась завалившаяся часть бревен сгоревшей стены).

По находкам на городищах можно составить представление и о быте, и о занятиях населения, о производственной деятельности людей.

---

[1] *Тацит,* Летопись, ч. 2, М. 1858, стр. 40.

[2] *Werner Krämer.* The oppidium of Manching. Antiquity XXIV, 1960, стр. 191—200. или Ян Филип, Кельтская цивилизация и её наследие. Прага, 1961.

Находки серпов, плиток для растирания зерна свидетельствуют о земледелии, большое количество костей животных — о скотоводстве, кости рыб — о рыболоводстве. Сохранились следы местной плавки руды и выработки из нее изделий (городище Ножа-Вар). На этом же городище найдены были различные инструменты для работы по металлу и дереву. На основании находок можно говорить, что вырабатывали вещи из железа, бронзы, кости, камня, дерева. Известно было прядение, ткачество (пряслица, грузики, фрагменты тканей в могильниках и на городищах).

Имеются данные для суждения и о религиозных верованиях этой эпохи. Сохранились следы, по-видимому, ритуальных жертвоприношений. (На городище Ножа-Вар сохранились следы столба и в кострище остатки четырех человек. Следы каких-то очень сложных ритуальных действий прослежены в валу городища у д. Тоганащи.) О мировоззрении свидетельствует также и обряд погребения, изученный нами на материале могильников. Особенно интересным в этой связи представляется погребение 22 раскопок Спицына в Кошибеевском могильнике, сохранившем явные следы шаманства.

О характере жизни той эпохи, постоянных военных столкновениях свидетельствует и само существование многочисленных укреплений, следы пожарищ, открываемых раскопками, частое нахождение зарытых в землю кладов вещей.

Клады украшений были найдены в последние годы на городище у д. Тиханкино, городище Пичке-Сорче у д. Ягаткино, городище Ножа-Вар у д. Сареево. Зарытые в землю в момент опасности, они свидетельствуют о гибели их владельцев и наряду со следами пожарищ и разрушения поселка являют яркую картину жизни этой эпохи и последних страниц истории каждого из этих городищ.

Таким образом, учитывая специфику и своеобразие памятников на очерченной нами территории между Цной и Волгой, мы вправе поставить вопрос о выделении этой племенной группы как одного из локальных вариантов поздней городецкой культуры.

Мне кажется, не имеет большого значения, как называть эту группу кошибеевской по одному из наиболее крупных и исследованных памятников или чувашской, на территории которой за последние годы открыто и исследовано около 20 памятников этого типа, или, может быть, лучше называть ее цнинско-сурской по ее географическому положению.

Как и другие группы городецкой культуры, по своему происхождению группа эта хорошо связывается с местными племенами на этой территории (по-видимому, многие ее особенности и объясняются сложной в ее переплетении историей племен в предшествующий период) и так же, как и другие территориальные группы этой культуры, связывается с исторически известными в более позднее время и существующими до нашего времени народами Поволжья — мордовским народом.

В хронологическом отношении история выделенной нами племенной группы в соответствии с типами вещей, изменениями в костюмах, головных уборах, погребальном обряде, типа укреплений членится на отдельные временные отрезки. Так, можно выделить периоды: 1) I—II вв. н. э., 2) III век, 3) IV в. н. э.

А. Е. Алихова,
кандидат исторических наук

РАСПАД ПЕРВОБЫТНООБЩИННЫХ ОТНОШЕНИЙ И СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У МОРДВЫ

Вопрос о социально-экономических отношениях у древней мордвы неоднократно разбирался рядом исследователей. Одни утверждали, что мордва, будучи экономически слабо развитым народом, оставалась на стадии первобытнообщинных отношений вплоть до монгольского завоевания. Другие же утверждали, что у мордвы задолго до этого начали складываться феодальные отношения. Подобное утверждение в первую очередь было основано на коротких летописных сведениях о Пургасе и Пуреше. В качестве дополнительных доказательств был привлечен этими исследователями фольклор, лингвистические данные и отчасти археологические материалы. Развитие археологической науки за последние годы позволяет несколько шире осветить этот вопрос.

Я здесь не буду касаться арабских письменных источников о буртасах, так как считаю, что их невозможно отождествлять с мордвой-мокшей. Это пришлый народ, который поселился на мордовской земле, по-видимому, в период татаро-монгольского завоевания. Здесь я не буду касаться обоснований для подобного вывода, так как они изложены мной в специальной статье.

Процесс разложения первобытнообщинных отношений чрезвычайно длительный. Этот процесс, как и завершение его — становление феодальных отношений, сложение собственности на землю — не освещается у мордвы письменными документами, и поэтому проследить его можно только по археологическим данным и в первую очередь по материалам могильников. Но, к сожалению, они пока известны в Среднем Поволжье лишь с начала нашей эры. Они появляются здесь по всей территории распространения городецкой культуры и выявляют ряд локальных вариантов — это рязанские могильники, муромские и междуречья Цны и Суры или мордовские.

В этой последней группе при первом появлении могильников уже ярко выступает имущественное расслоение. В Кошибеевском могильнике, одном из наиболее ранних, половина погребений относится к очень бедным.

Социальные изменения неразрывно связаны с хозяйственной деятельностью племен, оставивших эти могильники. Однако не следует думать, что процесс хозяйственного развития на всей территории расселения древних мордовских племен был однообразен. Это связано со своеобразием природных условий. Здесь, наряду с участками лесостепи, имеются большие лесные массивы и зоны настоящей степи. Почва отличается во многих местах большим плодородием благодаря распространению чернозема.

Земледелие в Среднем Поволжье было известно, начиная с эпохи бронзы. Хотя для эпохи раннего железа мы пока не имеем прямых доказательств, но оно, очевидно, существовало и к началу I тысячелетия нашей эры и достигло довольно высокого уровня. В лесных районах было подсечное земледелие, а в лесостепных, вероятнее всего, появилось пашенное. Находка в торфянике на северной Украине деревянного пашущего орудия типа рала без металлических частей, существовавшего там в скифское время, позволяет предположить, что и на мордовской земле оно, вероятно, было распространено, но обнаружить его может только счастливая случайность. Бесспорным же доказательством для более позднего времени, а именно для VI—IX вв., существования у мордвы пашенного земледелия являются находки двух сошников на городище Ош-Пандо, исследованном П. Д. Степановым. Интересно, что эти сошники почти тождественны найденному в славянском поселении, а также одному раннеболгарскому. Следовательно, в конце первого тысячелетия мордва по развитию сельского хозяйства была на одном уровне со своими соседями.

Большое хозяйственное значение для мордвы имело скотоводство, а также охота на животных, пригодных для пищи, и промысловая охота на пушного зверя. Некоторые исследователи склонны преувеличивать значение охоты в хозяйственной деятельности мордвы, забывая при этом, какую большую долю в питании человека занимает растительная пища.

Развитие пашенного земледелия ускорило процесс разложения первобытной общины. Оно индивидуализировало сельское хозяйство. Для обработки участка земли уже не требовался большой коллектив, какой был необходим при подсечном земледелии. Появилась возможность накопления отдельными семьями большего количества продуктов, что постепенно привело к выделению экономически более сильных семей. Это явилось одной из причин, приведших к распаду первобытнообщинных отношений. Процесс разложения первобытной общины очень сложный и длительный. Уже в начале нашей эры, с момента появления могильников, четко выступало имущественное неравенство. Встречаются захоронения мужчин с редким оружием, с мечом, свидетельствующим об особом положении погребенного. Постепенно начинает выделяться группа воинов. Примерно с средины первого тысячелетия можно уже говорить о существовании у мордвы военной дружины.

Большие раскопки, проведенные в Армиевском могильнике, расположенном на реке Узе притоке Суры, в двадцатых годах П. С. Рыковым и в последнее время продолженные М. Р. Полесских выявили интересную картину. Среди женских захоронений прослеживалась небольшая группа погребенных, выделявшаяся большим количеством бронзовых украшений. У них был богатый головной убор, на шею надето по нескольку шейных гривен, руки обильно украшены браслетами, одежда и обувь усеяны бляшками и застежками. Учитывая возможные возрастные особенности в наряде этих женщин, тем не менее обращает внимание обилие металлических украшений, точнее количество одноименных украшений, например, гривен.

Среди мужских захоронений выявляется другая особенность. Здесь четко выделяется группа воинов, снабженных стрелами, копьями и мечом. Они составляют 40% от общего количества мужских захоронений. Некоторые могут возразить, что копья и стрелы употребляются и на охоте. Это верно. Возможно, количество воинов было несколько меньше. Но на сколько? Погребения, в которых был встречен меч, составляют 12,0% и те, в которых были удила одновременно со стрелами или копьем,—7,0%. В последних, очевидно, были погребены конные воины. В целом эти две группы составляют около 20%.

В Серповском могильнике, относящемся к более узкому хронологическому периоду, а именно VI—VII вв., конные воины вооружены в первую очередь однолезвийным мечом или, точнее, саблей. Количество таких захоронений велико. Оно составляет 30%. Но здесь следует оговориться, что раскопан далеко не весь могильник и цифра эта, возможно, в действительности несколько меньше.

Все захоронения воинов выделяются обилием положенных им вещей, среди которых встречаются и женские украшения. В одном случае был погребен воин и вместе с ним девочка.

В могильнике у колхоза «Красный Восток» в одной могиле были погребены двое: мужчина — по обряду трупоположения и женщина — по обряду трупосожжения. Причем пережженные кости вместе с женскими украшениями были сложены у черепа умершего.

Это позволит высказать предположение, что и при обряде трупосожжения, распространенном, начиная с конца VII — начала VIII вв., среди захоронений воинов присутствие в могиле одновременно с оружием и инвентарем, типичным для мужских могил, также и женских украшений, свидетельствует о возможных случаях одновременного захоронения насильственно умерщвленной женщины, очевидно, рабыни.

Рабство у мордвы не имело широкого распространения. Однако его следы прослеживаются вплоть до X века. В относящемся к тому времени Лядинском могильнике рабыня была погребена вместе с богатой женщиной. Этот могильник относится к последнему этапу разложения первобытнообщинных отношений. В нем особенно ярко выступает имущественная дифференциация. Особый интерес представляет одно захоронение, в котором одновременно с мужчиной была погребена женщина. Кроме того, ему было положено семь монет и ключ. Очевидно, здесь был похоронен купец. Находка ключа в этом могильнике не единична. Они были встречены и в двух других могилах. Развитие у мордвы торговли прослеживается на протяжении всего I тысячелетия н. э. Об этом можно судить хотя бы по все увеличивающемуся количеству бронзовых украшений. А, как известно, на территории расселения древних мордовских племен нет месторождений ни меди, ни олова. Очевидно, привозным было и оружие. Сабли, встреченные в мордовских могильниках, а также поясные наборы шли к мордве из Хазарии от аланских племен.

Природные богатства древней мордовской земли (ценный пушной зверь и мед диких пчел), наряду с развитием пашенного земледелия, давшего излишки сельскохозяйственных продуктов, дали возможность мордве широко развернуть торговлю.

Первоначально торговля была меновая, но, очевидно, к X веку вошло в обиход денежное обращение. Платежным знаком стал диргем. Факт существования частной собственности, наряду с обособлением незначительной группы лиц, отличающихся имущественным достатком, знаменует о распаде первобытнообщинных отношений.

Именно только этим и можно объяснить те большие изменения, которые прослеживаются в материалах мордовских могильников последующего времени.

Одиннадцатый и отчасти двенадцатый века являются переходным периодом, когда одновременно со старыми чертами в обряде погребения имеются уже новые и наряду со старыми типами производственного инвентаря и украшений широкое развитие получают новые формы.

В обряде погребения прослеживается окончательное исчезновение трупосожжений и насильственного захоронения женщин. В то же время постепенно появляется новый обычай — хоронить женщин в позе спящей, то есть на боку с согнутыми в коленях ногами и руками, как бы подложенными под щеку, то есть расположенными у лица. Этот обряд к XIII веку становится обязательным для мокши и изредка встречается у эрзи.

Большие изменения прослеживаются и в производственном инвентаре. Топор, который играет большую роль не только в быту, но и в сельском хозяйстве в облесенных районах, постепенно приобретает более совершенную форму — близкую к современной. Некоторые типы орудий исчезают и в то же время появляются новые.

В корне преобразился и наряд мордовских женщин. Большая часть украшений исчезла окончательно. Это богатые серебряные и бронзовые наборы головного убора, шейные гривны, сложные ожерелья из различных металлических пронизок и привесок, спиральные и массивные браслеты, различные нагрудные бляхи и привески и металлические украшения обуви. Дольше всех бытует спиральная височная привеска с грузиком. Это типичнейшее мордовское украшение, являющееся в течение всего I тысячелетия н. э. определяющим этническую принадлежность погребенных; оно изредка встречается в могильниках наряду с новым набором украшений вплоть до XII века. В целом наряд женщин стал очень прост и однообразен. У мокши появился накосник в виде трубки, так называемый пулокерь, существовавший до XVIII века. Одежду украшали лишь в небольшом количестве застежки. У мокши это были лопастные сюлгамы, а у эрзи — кольцевые застежки. Претерпели также изменения браслеты, бусы и перстни. В наборе украшений нет столь резких имущественных различий, как это наблюдалось раньше. Здесь вероятнее всего они связаны с возрастными особенностями погребенных.

В мужских захоронениях больше не встречаются женские украшения, положенные вдовами. Мужчины перестали носить украшения: браслеты, височные кольца, бляхи и пояса, богато убранные бляшками, которые чаще всего встречались в могилах воинов. Да и само оружие стало большой редкостью. Так же сильно изменился и ассортимент производственного инвентаря, сопровождавшего умершего. Обычно бывают положены нож, огниво и несколько реже топор.

В целом могильники дают захоронения однородного крестьянского населения.

Некоторые исследователи объясняют это бросающееся в глаза «обеднение», как результат монгольского завоевания. В действительности этот процесс начался задолго до прихода татар.

Зарождение новых форм производственного инвентаря и отчасти украшений начался в X веке. Это не произошло мгновенно и продолжалось не один десяток лет.

Все это свидетельствует о крупных социальных сдвигах, происшедших в мордовском обществе. Это могло быть связано с разложением феодальных отношений. В самом начале этого периода развивается ремесло.

Зачатки ремесла зародились еще в эпоху первобытнообщинного строя. Многообразие, сложность и некоторая стандартность украшений, распространенных у мордвы в I тысячелетии н. э., и обилие производственного инвентаря требовали больших технических навыков. В связи с этим П. П. Ефименко высказал мнение, что ремесло получило развитие уже в I тысячелетии н. э.

Находки льячек в женских захоронениях заставляют предположить, что изготовление женских украшений было женским домашним ремеслом. Наряду с ним, очевидно, были общинники-кузнецы.

На переломном этапе — в XI веке у мордвы появляется ремесленное производство. Для подобного утверждения послужил материал раскопок 1963—1964 гг. Кельгенинского могильника Зубово-Полянского района МАССР, датированного XI—XII вв. В нем, в двух мужских захоронениях, были встречены льячки. Это знаменует о переходе бронзолитейного дела в мужские руки. Следует заметить, что в последующее время льячки в могилах вообще больше не встречаются. Если здесь прослеживаются первые шаги в развитии этого ремесла, обслуживающего широкие круги населения, то уже о вполне развитом ремесле можно говорить с появлением гончарной посуды. В Кельгенинском могильнике $^1/_3$ всей посуды была сделана на гончарном круге. При этом как глина, так и форма сосудов носит явно местный характер.

Ремесло с этого времени начинает быстро развиваться, и к XIV веку мы наблюдаем большую специализацию. Судя по наиболее полно раскопанному Муранскому могильнику, здесь были металлурги, кузнецы, замочники, ювелиры, плотники и т. д.

Развитие ремесла в этот период было неразрывно связано с ростом городов. Пока мы знаем их только два — это Муранское поселение в Куйбышевской области на реке Усе и летописный Наручадь — современный Наровчат Пензенской области или, судя по чекану на монетах, находимых здесь в изобилии, город Мухши. Расположенный в центре мордовской земли, он, по-видимому, возник на месте мордовского поселения в конце XIII — начале XIV вв. Этот город имел большое значение в жизни мордовского народа в период татаро-монгольского завоевания. Раскопки последних лет показали, что это был благоустроенный город. У реки были построены частные и общественные бани. Неподалеку от них обнаружены горны для обжига кирпича, шедшего для постройки этих бань. На другом конце города, рядом с мордовским кладбищем, действовавшем еще до монгольского завоевания и позже, расположилось мусульманское кладбище. Среди него возвышались крупные кирпичные мавзолеи, в которых хоронила своих покойников татарская знать.

Этот город был административным центром, куда поступала дань с подвластных земель. Главное же значение в истории мордовского народа он имел как торговый центр. Об этом можно судить хотя бы по тому, что начиная с 1913 года, здесь начали чеканить монету. Это говорит о том, что далеко не все богатства мордовской земли татары были в состоянии выкачать в виде дани. На определенный период установились мирные отношения. Здесь чеканили преимущественно медную монету.

А. как принято считать, медная монета в тот период служила для обслуживания местного рынка. Большое количество монет, рассеянных по всему городу, свидетельствует об очень оживленной торговле. Эти монеты также встречаются в могилах окрестного мордовского населения.

Итак, на основании археологического материала можно утверждать, что задолго до монгольского завоевания у мордвы шел процесс сложения феодальных отношений.

Из письменных источников домонгольского периода известно существование двух мордовских князей — это Пургаса и Пуреща. Те короткие сведения, которые связаны с этими именами, позволили исследователям прийти к выводу, что Пуреш являлся вассалом русских князей, а Пургас находился в прямой зависимости от волжских булгар.

В письменных источниках XV—XVI вв. встречаются упоминания о мордовских князьях, владевших земельными угодьями. Однако процесс появления частной собственности на землю начался задолго до этого времени. Приведенные выше археологические материалы заставляют прийти к выводу, что переход земли в частную собственность наметился на рубеже I и II тысячелетий н. э., когда шел интенсивный процесс сложения феодальных отношений у мордвы. К приходу татаро-монгольских завоевателей процесс сложения раннефеодальных отношений имел полное завершение.

В. Н. Белицер,
доктор исторических наук

ЭТНОГЕНЕЗ МОРДОВСКОГО НАРОДА ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ

При разработке проблемы происхождения мордовского народа и его древней истории исследователь сталкивается со многими неясными и нерешенными вопросами. Мордва — самый крупный народ в Советском Союзе среди других финно-угорских народов. Особенности расселения, подразделение на несколько этнографических, в прошлом, очевидно, племенных групп, и их различные исторические судьбы, общее единство и культурное своеобразие этих групп, наличие двух литературных языков — эрзянского и мокшанского, богатство устного поэтического творчества — все это указывает на сложность мордовской культуры и позволяет считать проблему этногенеза мордовского народа одной из актуальных в области советского финно-угроведения.

Этнография, изучающая явления более поздние по сравнению с археологией, не в состоянии разрешить вопрос о происхождении мордовского народа. Однако сравнительный анализ этнографических материалов по мордве с соседними финно-угорскими, тюркскими и славянскими народами позволяет выделить в культуре мордовского народа древние местные черты, зачастую общие с другими народами Волго-Камья, наряду с которыми имеются и элементы пришлые, получившие свое распространение у мордвы в результате культурного взаимодействия не только с соседними народами, но часто и весьма далекими по культуре и территории.

Поэтому было бы правильнее назвать мое сообщение «Некоторые вопросы формирования материальной культуры мордовского народа».

Культурное своеобразие мордовского народа нельзя понять и правильно осветить без учета воздействия на него культуры соседних народов. Расселенная на стыке леса и степи в районах более южных по сравнению с другими финно-угорскими народами мордва не только вела борьбу с кочевыми ордами степняков, но имела торговые и культурные связи со своими южными соседями: скифо-сарматскими и тюркскими племенами, половцами, хазарами, а позднее булгарами и татарами.

С другой стороны, мордва очень рано (VII—XI вв.) вошла в соприкосновение со славянскими племенами и, живя позднее чересполосно с русским народом в течение длительного времени, выработала совместно с ним, а в иных случаях заимствовала у него более прогрессивные приемы сельскохозяйственной техники, домостроительства, некоторые виды производства, более совершенные орудия труда. И вместе с тем сохранила и пронесла через века самобытное искусство вышивки, резьбы по дереву, свой народный костюм, богатство устного поэтического творчества, интересные предания и обычаи.

Культура земледелия у мордвы в большинстве районов была та же, что у соседнего русского крестьянства. Однако более глубокий анализ материала легко позволяет выделить в нем два слоя. Первый, наиболее сильный, связывает мордву с русским населением лесостепи — мокшу с южными великорусами, а эрзю со средними великорусами. Эта общность проявляется в типе пахотного орудия «сока» — двузубой перовой сохи с цельной рассохой и перекладной палицей, по всей вероятности, местного происхождения, одинаковых приемах боронования вязаной или рамочной бороной и типе упряжки, общих типах складней снопов в крестцы преимущественно у мокши, а в бабки чаще у эрзи; хранении зерна в закромах, амбарах, липовых и дубовых кадках, способе обмолота снопов цепами южновеликорусского типа и во многом другом. Однако все же при наличии одних и тех же орудий с русскими и зачастую общей терминологии, одинаковых приемах ведения хозяйства нельзя сводить дело к простому заимствованию. Живя длительное время на одной территории, они совместно осваивали ее.

Имеется в мордовском земледелии и второй пласт, более южный и, пожалуй, более древний. На это указывает существование тяжелого пахотного орудия **«керять»**, бытовавшего у мордвы еще в XVIII и начале XIX вв., применяемого на степных целинных землях и близкого к сабану башкир, татар и чуваш. Посевы таких древних южных культур, как просо, конопля, полба, способ молотьбы палками и лошадьми, наконец, архаичный способ хранения зерна не только в деревянных кадках, но и плетеных корзинах из прутьев и соломы, обмазанных изнутри глиной, а иногда и глиняных сосудах связывает земледелие мордвы с земледелием волжских булгар и с земледелием населения более южных степных районов.

Данные этнографии свидетельствуют, что животноводство у мордвы не имело большого самостоятельного значения, а было подсобным к земледелию. Наряду с чисто русскими приемами и навыками в области ухода за животными, у мордвы сохранялся вплоть до недавнего времени свободный выпас свиней в дубовых рощах (с. Киртели Татарской АССР). Подобный способ пастьбы был отмечен археологом Е. И. Горюновой у населения Теньгушевского городища начала нашей эры, расположенного на территории современной Мордовской АССР, что указывает на устойчивые местные традиции у древнего аборигенного населения края, каким является мордва. На большую близость в животноводстве мордвы и других народов края (чуваш, мари, русских) и его древнюю основу указывают также общие дохристианские обычаи и обряды, бытовавшие в прошлом и начале нашего века у этих народов, например, получение путем трения очистительного огня, так называемого «живого», и окуривание им животных, проходящих в земляные ворота; обряд опахивания — проведение черты сохой вокруг деревни при эпидемиях и многие другие.

Древние лесные промыслы такие, как бортничество, углежжение, смолокурение и другие, связанные с обработкой дерева, были распространены издавна у мордвы, живущей по преимуществу в лесных районах. Они близки по своему характеру к таковым у других финно-угорских народов — соседей мордвы, жителей лесной полосы: мари, удмуртов и характеризуют культуру мордвы как древних обитателей лесной зоны, искусных умельцев в обработке дерева, древних лесных пчеловодов, в хозяйстве которых лесные занятия служили важным подспорьем к земледелию.

Сложность культуры мордовского народа подтверждает анализ домашних производств, в которых нашли свое отражение оживленные связи и культурные взаимодействия с народами юга. К ним можно отнести такие производства, как плетение циновок из тростника и соломы, а так же изготовление соломенных и тростниковых чашек и блюд, используемых для хранения муки и круп, валяние войлока и сукон. Белый войлок особенно часто упоминается в песнях — он служил постелью и одеялом. Данные фольклора указывают также на использование верблюжьей шерсти при изготовлении поясов.

Прядение шерсти и теперь производится у мордвы (чаще у мокши) с помощью веретена и прялки в виде палки или вилочки иногда без донца. В этих случаях прялка затыкается за пояс женщины или ставится между ее ног, как это делали раньше, частично делают и теперь в недалеком прошлом полуоседлые народы: башкиры, казахи, киргизы и народы юга — молдаване, крымские татары, народы Кавказа.

Преобладание в посевах мордвы конопли над льном, который более характерен для северных русских районов, и наличие самобытного термина . для конопли и поскони также указывает на южные черты в культуре мордовского народа.

С другой стороны, в первичной обработке волокон и прядении прослеживаются тесные связи с южными великорусами, как-то: типе мялки, прядении растительных волокон с гребня (хотя последний имеет такое же название, как и прялка, лапа (мокша), пакарь (эрзя).

Одновременное бытование у мордвы двух типов ткацкого стана русского с двумя навоями, рамой и вертикальными стойками, чаще встречаемого у эрзи под названием «стан», с одной стороны, и более простого, распространенного у мокши, который не имеет боковых стоек и заднего навоя, его основа заплетается в косу и перекидывается через заднюю стойку. Он близок по своему устройству к трехподставному стану мари и удмуртов и в особенности к стану татар и башкир. Его название «кодваста» и терминология частей местная. Все это указывает, по нашему мнению, на два культурных пласта в ткачестве мордовского народа: древний, местный в своей основе, близкий к другим финно-угорским и тюрко-татарским народам края, и более поздний, славянский. Наличие закладной паласной техники по преимуществу в ткачестве мордвы-мокши также указывает на древние, более тесные связи этой группы с югом, народами Средней Азии, ногайцами, крымскими татарами.

Сохраняются до наших дней и некоторые простейшие приемы тканья и плетения. К ним можно отнести тканье на дощечках, бердышке, плетение на руках поясов, тесьмы, оторочки для рубах и т. д. Хотя почти все эти способы и знакомы очень многим народам, в том числе и финно-уграм, однако наличие их у мордвы указывает на различные этапы в развитии прядения и ткачества и подчеркивает родство мордвы с другими финно-угорскими народами.

При анализе домашних производств нельзя не коснуться и примитивного гончарства, в недалеком прошлом распространенного у мордвы, т. е. изготовления посуды ручным способом без гончарного круга. Близкие аналогии с керамикой из мордовских городищ и могильников, а также сам способ изготовления, дошедший до нас из глубокой древности, позволяют говорить о древних местных традициях в гончарном производстве.

В жилых и хозяйственных постройках мордвы отчетливо прослеживаются два типа. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-эрзи, каратаев, терюхан близки к средневеликорусским. Их бревенчатые избы без наружной обмазки с двухскатной, чаще тесовой, крышей поставлены перпендикулярно улице. В прошлом веке у этих групп мордвы господствовал трехраздельный тип дома. Внутренняя планировка средневеликорусская, связь дома и двора чаще двухрядная. Преобладающий тип двора покоеобразный.

Постройки мордвы-мокши и мордвы, живущей в более южных районах по сравнению с МАССР, близки к южновеликорусским. Они значительно ниже эрзянских, в большинстве случаев имеют глиняную обмазку снаружи и внутри, часто сплошную. Некоторые избы не имеют подполья, крыша дома чаще четырехскатная. Своим фасадом дом стоит по большей части параллельно улице. Преобладающим типом является двухраздельное жилище, внутренняя планировка южновеликорусская, широко распространены плетневые и глинобитные сени, так же как и другие хозяйственные постройки: сараи для дров, хлева и пр.

Двор преобладает открытый с разбросанными хозяйственными постройками, не связанными с домом и стоящими порознь.

Развитие мордовского жилища и хозяйственных построек шло под сильным воздействием русской культуры, в то же время тесно связано с лесостепной зоной, в которой живет мордовский народ и где формировалась его культура. Реликты более древнего жилища — землянки и полуземлянки, шалаши и примитивные срубы прослеживаются в современном подвале — выходе, который ставят обычно на улице против избы, временном летнем жилище — шалаше, бане с плоской земляной крышей и печью-каменкой. Эти виды построек в какой-то степени позволяют восстановить историю мордовского жилища от землянки до современного жилого дома.

Пути развития народной одежды и орнамента у мордвы были совсем иными, чем, например, развитие сельского хозяйства и жилища. Несмотря на раннее знакомство с русской культурой и многовековое близкое соседство с русским народом, мордовский, в основном женский, костюм до наших дней сохранил свою яркую самобытность в расцветке, покрое, своеобразии украшений, терминологии отдельных частей костюма и богатстве орнаментации. В одежде мордовского народа можно выделить элементы, близкие к одежде других финноязычных народов, в частности, к костюму мари и удмуртов, в костюме и орнаменте которых сохраняется, пожалуй, более общих традиционных черт, чем в других сторонах материальной культуры. К ним можно отнести белую туникообразного покроя рубаху, верхнюю холщовую одежду, фибулу-застежку «сюлгамо» и другие многочисленные украшения, шерстяные вязаные узорчатые чулки и пояса. Орнамент мордвы также близок к другим финноязычным народам по технике, расцветке, мотивам и расположению на одежде.

Общность в одежде с тюркоязычными народами больше других проявляется с чувашами и несколько меньше с татарами и башкирами. Для мокшанок, например, типично ношение холщовых штанов, как и для всех тюркских народов, безрукавок типа татарского камзола. С чувашами сближает мордву белая холщовая одежда, однотипность вышивки. Общность в головных уборах проявляется в терюханском «венце» и чувашском «хошпу», форме и материале украшений (бисер, раковины, монеты)

Культурная близость в одежде с русскими проявляется в мужском костюме, который еще в XVIII веке был таким же, как у русских крестьян. Общие черты наблюдаются также и с женским русским костюмом соседних с мордвою областей, а также в костюме мещеры. Они проявляются в некоторых формах традиционной одежды, отделке и украшениях.

Кроме того, во многих эрзянских районах традиционный русский наряд был переходной одеждой от своего «мордовского» костюма к костюму, сшитому по современным городским фасонам. Сложность и многообразие культуры мордовского народа во многом объясняется широтой расселения на стыке двух географических зон: леса и степи.

В культуре мордовского народа: хозяйстве, пище, жилище, одежде и орнаменте — выделяется более ранний древний слой, общий с соседними народами среднего Поволжья. Вместе с тем для мордвы характерно весьма раннее соприкосновение с культурой славянских племен, а позднее длительное близкое общение с русским народом, которое способствовало обогащению культуры мордовского народа.

Расселенная значительно южнее других финно-угорских народов, мордва сильнее других финно-угров впитала в свою культуру более южные черты. Непрерывная борьба с кочевыми племенами прикаспийских степей, неоднократно вторгавшимися в исконные мордовские земли, также оставила свой след как на материальной культуре мордовского народа, так и в его устном поэтическом творчестве.

Г. Я. Меркушкин,
кандидат исторических наук

ВХОЖДЕНИЕ МОРДОВСКОГО НАРОДА В СОСТАВ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Присоединение мордовских земель к русскому централизованному государству — это длительный процесс, продолжавшийся в течение нескольких столетий.

Для удобства анализа этот процесс, на наш взгляд, можно разбить на три периода:

1. Период проникновения славянского элемента, проникновение русских хлебопашцев в мордовский край.
2. Период присоединения части мордовских земель к русским княжествам до монгольского нашествия.
3. Период освобождения мордовского народа из-под ига монголо-татарских ханов и вхождения мордвы в состав русского централизованного государства.

1-й период

Судьба мордовского народа с древнейших времен связана с историей великого русского народа. Мордва задолго до присоединения к Московскому государству имела близкие экономические и культурные связи со своими западными соседями славянскими племенами, Киевским государством, а позднее с русскими княжествами.

Об этих близких отношениях наука накопила достаточно обширный материал. Они проанализированы в исследованиях археологов Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, П. С. Рыкова, А. П. Смирнова, П. Д. Степанова, А. Е. Алиховой, М. Ф. Жиганова и др.

Об этих же близких мордовско-славянских связях свидетельствуют работы лингвистов: академика А. А. Шахматова, крупнейшего финно-угроведа Д. В. Бубриха, М. Н. Коляденкова, Н. Ф. Цыганова и др.

Еще в I тысячелетии н. э. славянское население поселялось в районах восточнее нижнего и среднего течения Оки и жило среди мордвы. Академик Борис Александрович Рыбаков, исследуя проблемы образования древнерусской народности, указывает, что на Оку проникали не только русские вещи, но и русские люди. Еще в прошлом веке в исторической литературе, особенно в работах С. М. Соловьева, М. К. Любавского и др., сложилось мнение о мирном характере русской колонизации Волжско-Окского бассейна.

Наиболее полную теорию мирного проникновения славян в северо-восточный край дал В. О. Ключевский.

В. О. Ключевский, происходивший из мордвы, хорошо знал историю мордовского народа. Он указывал, что русские переселенцы растекались по междуречью Оки и Волги и селились в промежутках между мордовским населением. При этом он не исключал возможность местных стычек между великорусскими племенами и мордвой, но он считал, что «Из этой встречи не вышло упорной борьбы, ни племенной, ни социальной, ни даже религиозной, какая обыкновенно развертывается при завоевании»[1].

Взгляды С. М. Соловьева, В. О. Ключевского встретили возражения у известного дореволюционного археолога В. А. Городцова и академика М. Н. Покровского, которые рассматривали проникновение русского населения на северо-восток как процесс завоевания.

Результаты исследований советских ученых показали несостоятельность подобных взглядов.

Так, академик Ю.В. Готье указывает, что «в могилах славян оружие редкое исключение». Наибольший вклад в данный вопрос внес профессор А. П. Смирнов, отметивший это и в своем докладе на нашей научной сессии.

Итак, на основе материала, накопленного советской наукой, мы можем безошибочно говорить о мирном характере проникновения русского населения в мордовский край, о складывании мирных добрососедских отношений между этими народами.

2-й период

Присоединение части мордовских земель к русским княжествам до монгольского нашествия связано с совместной борьбой русского и мордовского народов против хазар и волжских болгар и обусловлено более высоким экономическим и политическим развитием Руси.

В этот период, как указывает А. П. Смирнов, проходит активный процесс славянизации Среднего Поволжья, в том числе и земель, заселенных мордвой. Но в это время носителями проникновения славянского населения были не только сельские жители, бежавшие от феодального гнета, но и русские князья, стремившиеся включить мордовские племена в свою феодально-хозяйственную систему. Походы киевского князя Святослава в район реки Оки и Волги (964—966 гг.) привели к освобождению части мордовских земель из-под хазарского владычества и присоединению их на какое-то время к Киевскому государству. Летописец упоминает мордву в числе народов, платящих дань киевскому князю.

---

[1] *В. О. Ключевский,* Курс русской истории, ч. 1, 1937, стр. 318.

История мордвы XI—XII вв. и начала XIII в. связана с историей русских земель. С XI века русские князья повели решительную борьбу против волжских болгар. Путь походов русских князей на болгар лежал через земли, заселенные мордвой. Поэтому мордва находилась под постоянным воздействием русских.

Больше того, мордва принимает непосредственное участие в этой борьбе на стороне русских. Поэтому не случайно мордовского князя Пуреша русские летописцы называют «ратником» русских князей.

В процессе этой борьбы к Владимиро-Суздальскому княжеству была присоединена часть земель в междуречье Оки и Волги, заселенная мордвой. Здесь, на этих землях, русские князья стали строить города-крепости (Городец-Радилов на Волге основан в 1152 году. Кадом впервые упоминается в 1209 году, Нижний Новгород — в 1221 году и др.).

Возникшее во второй половине XII века Городецкое удельное княжество включило в свой состав часть мордовских земель, а с ростом Нижнего Новгорода большая часть мордвы, жившая по рекам Пьяне, Теше и Ваду, вошла в состав Нижегородского княжества[1]. С постройкой Курмыша (на Суре) сурская мордва стала также тянуться к Нижегородскому княжеству.

Во второй половине XIII века тамбовская мордва и северные районы территории Тамбовщины отошли к Москве.

К этому же периоду (XII—XIII вв.) отмечено усиление процесса мирного проникновения русского населения в мордовскую среду.

Включение части мордовских земель в состав русских княжеств не всегда проходило мирно, имели место отдельные столкновения. Летописи упоминают о походах русских князей на мордву и, наоборот, о походах мордвы на русские княжества. Следует напомнить, что Нижний Новгород был основан владимирским князем Юрием Всеволодовичем не только как опорный пункт в борьбе с волжскими болгарами, но и как опорный пункт в борьбе с мордвой.

---

[1] *М. К. Любавский,* Образование государственной территории великорусской народности, 1929, стр. 83.

Несмотря на это, присоединение части мордовских земель к русским княжествам имело прогрессивное значение в истории мордовского народа. Мордва освобождалась из-под владычества волжских болгар и приобщалась к более высокой русской культуре.

3-й период

В первой половине XIII столетия монголо-татары завоевали Восточную Европу. В числе других народов в 1239 г. был завоеван и порабощен и мордовский народ. Более 200 лет народы Восточной Европы, в том числе и мордва, страдали под властью монгольских ханов. По словам Маркса, монгольское иго не только подавляло, но иссушало самую душу народа. «Монгольские татары»,— пишет К. Маркс,— установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства».

Мордовский народ не раз выступал против своих поработителей — монголо-татарских ханов. Однако освободиться из-под ханского ига самостоятельно не мог. Поэтому он начинает искать помощь и поддержку со стороны своего соседа, русского народа.

Монгольское нашествие замедлило, но не приостановило присоединение мордовских земель к русским княжествам. Этот процесс проходил в совместной борьбе русского и мордовского народов против монгольского ига, в ходе объединения русских земель. «В России,— как указывал Энгельс,— объединение русских земель путем покорения удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, завершенного при Иване III»[1]. Часть мордовского населения еще в самом начале этого объединительного процесса вошла в состав Московского княжества.

Еще в 1380 г. рязанский великий князь Олег Иванович «отнял» у мещерского князя Александра Уковича «мордовские места», расположенные по течению реки Цны и ее притокам и по нижнему течению реки Мокша[2].

В том же году московский великий князь Дмитрий Иванович Донской «отнял» у того же мещерского князя Александра Уковича «татарские и мордовские места, расположенные по реке Цне...[3]

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, соч. т. XVI, ч. 1, стр. 450.

[2] С. Г. Г. И. Д., т. I, стр. 66—67.

[3] *М. К. Любавский*, Образование государственной территории великорусской народности, стр. 131.

В договоре 1381 г. великие князья Олег Иванович и Дмитрий Иванович договорились между собой об управлении вышеуказанными мордовскими местами.

В 1389 году московский великий князь Василий Дмитриевич приобретает от хана Тахтамыша ярлык на Нижегородское княжество, тем самым присоединяя к Московскому княжеству мордовское население, жившее по рекам Оке, Волге, Суре и Пьяне. Эта мордва нашла достойного защитника и в будущем принимала активное участие в борьбе русского народа против монголо-татарских ханов. Так, например, в 1444 году, когда золотоордынский царевич Мустафа напал на Рязанское княжество, на помощь русским пришли, как указывает летописец, «мордва на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями», совместно с рязанскими и московскими войсками разбили отряды Мустафы. В числе убитых оказался сам царевич и многие знатные князья и мурзы[1].

Участие мордвы в разгроме Мустафы в 1444 г., по-видимому, оказало решающую роль, только этим можно объяснить нападение войск хана на мордву осенью следующего года. Однако, каким бы сильным не был напор татарских ханов на мордву, они не могли вновь восстановить свою власть над мордовским населением, бывшим под властью Рязанского и Московского княжеств. Более того, в середине XV века значительная часть мордвы, до этого еще не входившая в состав русских княжеств, входит в состав Рязанского и Московского княжеств. Так, мордва, жившая по Цне и в Карабугинском уезде Рязанского княжества, позднее упоминается как данники рязанского князя[2], а Кирданская и Сурская мордва по завещанию московского великого князя Ивана III перешла к его преемнику Василию Ивановичу[3].

Иначе сложилась судьба мордовского населения, живущего на юго-востоке, в связи с образованием Казанского ханства. Когда бывший золотоордынский хан Улуг-Мухамед, изгнанный из орды, бежал на северо-восток, он овладел Казанью, а также мордовским населением, обитающим восточнее реки Суры. Улуг-Мухамед впоследствии из Казани совершил ряд разорительных набегов на соседние русские города, расположенные вблизи границ Казанского ханства.

В результате опустошительных набегов Улуг-Мухамед под власть Казанского ханства попала не только восточная мордва, но и мордва, жившая западнее рек Суры и Мокши.

Мордовское население, оказавшееся под властью казанских ханов, как и при Золотой Орде, было обложено большим ясаком в пользу хана.

---

[1] Документы и материалы по Истории МАССР. т. 1, Саранск, 1940, стр. 129.

[2] ПСРЛ, т. XII, стр. 62.

[3] *А. А. Гераклитов,* Материалы по истории мордвы, 1931, стр. 13.

Известно, что в I-й половине XVI века русское правительство для укрепления политической власти на восточных окраинах и для защиты восточных границ Русского государства строило ряд городов-крепостей в районах, населенных мордвой. В начале XVI века на реке Мокше восстанавливается один из старинных городов — Наровчат. В 1523 году в устье реки Суры была построена новая крепость — Васильсурск. Одновременно с укреплением границ в низовьях Суры Русское государство строило крепости по левобережью Суры и по реке Алатырь. В 1535 году в верховьях Мокши вырос город Мокшанск, вскоре в устье реки Алатыря при впадении ее в Суру — город-крепость Алатырь. В 1536 году на правом берегу Мокши, несколько выше Старого Темникова, который был «мал и некрепок», построен новый город Темников.

С основанием новых русских городов, а следовательно, с введением русских гарнизонов, местные татарские князья господствовавшие ранее в этих местах, вынуждены были признать над собой власть великого князя. Таким образом, значительная часть мордовских земель была фактически присоединена к Московскому княжеству.

Вот почему германский посол Герберштейн, бывший в Русском государстве в 1517 и 1526 гг., в своих «Записках о Московитских делах» называет мордву подчиненной государю Московии. Он писал: «К востоку и югу от реки Мокши встречаются огромные леса, в которых живет народ мордва, который имеет особый язык и подчинен государю Московии»[1].

Под властью казанских ханов оставалась лишь та часть мордвы, которая жила на востоке от Суры.

К концу 40-х годов и в начале 50-х годов XVI века Московское государство повело решительную борьбу против Казанского ханства.

В начале 1548 г. Иван IV совершает первый поход на Казань. Зимой 1549—1550 года он совершает второй поход. Важнейшим результатом этих походов было основание Свияжска.

Свияжск явился стратегическим пунктом для дальнейших наступательных действий русских войск на Казань и важнейшим центром Русского государства в Среднем Поволжье, около которого объединились народы Поволжья, освободившиеся из-под ханской власти.

Построение Свияжска, закрепление русских войск на средней Волге имело особое значение в исторических судьбах народов Среднего Поволжья. С этого времени большая часть поволжских народов и в первую очередь мордва и чуваши фактически освободились из-под ханского ига и включились в состав Русского централизованного государства.

---

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1, стр. 183.

Народы Поволжья принимали деятельное участие во всех мероприятиях, проводимых Русским государством в борьбе с казанскими ханами. Как свидетельствует степенная книга, они снабжали продуктами и строительными материалами строителей Свияжска. Не ограничиваясь помощью в строительстве Свияжска, народы Поволжья участвовали и в военных действиях против Казанского ханства.

Летом 1551 года во исполнение жалованной грамоты Ивана IV народы Поволжья принимают присягу на верность русскому царю. «Чувашу и Черемису, и Мордву, и Тарханов,— указывает царственная книга,— привели к правде на том, что им государю и великому князю служить и хотети по всем добра, и от города Свияжского неотступным быти...».

Летописи пестрят указаниями о том, что народы Поволжья ходят на луговую сторону, воюют с казанцами, добывают языки и т. д. «И приходили Чуваши Арская с боем на Крымцев». «На луговую сторону ходити воевати и языков добывати». В тех же летописях встречаем, что в течение лета 1551 г. народы Поволжья не раз направляют своих представителей к Ивану IV.

Когда начался 3-й поход Ивана IV против Казанского ханства в 1552 г., мордовское население приняло самое активное участие в нем. Русские шли на Казань через мордовские земли, везде встречая сочувствие и помощь со стороны мордовского населения. Основные силы Ивана Грозного шли через Муром на Свияжск — к Казани. Русские войска (13 тысяч) под командованием князя Курбского шли на соединение с Грозным через рязанские и мещерские земли, откуда они вышли в мордовские леса и через 5 недель после начала похода дошли, как указывает летописец, до «Суры реки великие», на устье «Барыша речки», где соединились с основными силами русских войск»[1].

Мордовский народ, как и другие поволжские народы, всеми средствами помогал русским войскам, снабжал их продовольствием, а конницу — фуражом, выступая проводником, строил мосты через реки и т. д.

В «Царственной книге» говорится, что черемисы и мордва и прочие снабжали русские войска хлебом, медом, мясом и т. д.

Из среды мордвы выдвинулись не только надежные проводники для русских войск, но и храбрые воины. Во время казанского похода мордвин Чукляев провожал русскую армию от деревни Лесной Муромского уезда до села Кужедеева Арзамасского уезда, а мордвин Кельдяев был провожатым от своего села Кужедеева до Свияжска.

Мордовский народ создавал отряды в помощь русской армии. Так, мордвин Кельдяев не только сам пошел в проводники, но и организовал отряд. Об этом свидетельствует жалованная грамота, данная ему в 1564 году.

---

[1] История о великом князе Московском. Сочинения князя Курбского, т. 1, СПБ. 1914, стр. 177.

Когда Иван IV дошел до реки Алатыря, к нему пришел из Темникова отряд, состоявший из мордвы и темниковских татар под командой князя Еникея. «И пришел князь Еникей с темниковской мордвой и татары», говорится в «Царственной книге». Этот отряд принимал активное участие в осаде и взятии Казани.

С падением Казани 2 октября 1552 года закончилось господство казанских ханов над восточной частью мордовского населения.

С этого времени мордва вошла в состав Русского государства, и мордовский народ навеки связал свою судьбу с великим русским народом.

Вхождение мордвы в состав Русского государства, так же как и других народов Поволжья, было не только прогрессивным явлением, но и единственным спасением от жестокого феодального гнета Казанского царства и опустошительных набегов кочевых племен. Огромное историческое значение этого влияния состоит именно в том, что под влиянием более развитого в экономическом и культурном отношении русского народа у мордвы был ускорен процесс перехода к более прогрессивному способу производства.

Когда мы говорим о прогрессивном, решающем значении добровольного вхождения мордвы в состав Русского государства, мы не забываем, что мордовский народ с русским народом перенес все тяжести эксплуатации царского самодержавия, феодального, капиталистического, национального гнета.

В заключение я хотел изложить свое мнение еще по одному вопросу. О значении казанского взятия для татарского народа.

За столетнее сосуществование Казанского ханства летописи зарегистрировали более 80 крупных военных столкновений, точнее, походов то казанских татар на земли других народов, то походы других народов на Казань. Все эти бесконечные военные действия разоряли земли самих татар, истребляли основное население Казанского царства. Тысячи татар ежегодно погибали под ударами русских, крымцев, ногайцев, астраханцев и других народов. Совершая бесконечные походы, они застилали своими костями земли народов, на которые совершали набеги. В свою очередь земли, населенные казанскими татарами, превращались в пепелище обратными действиями покоренных народов.

Дальнейшее самостоятельное существование ханства неизбежно влекло за собой массовое истребление основной массы казанских татар не только внешними врагами, но и внутренней борьбой за казанский престол между ханскими родами, сопровождающейся невероятными жестокостями и истреблением населения.

Завоевание Казани Россией и ликвидация ханского самоуправления кончало русско-татарскую борьбу и означало ликвидацию бесконечной междоусобицы в Казани. Включением же Казанского ханства в состав русских земель границы Московского государства расширялись далеко за пределы Казани и России, обороняя новые свои границы, положили бы конец бесчисленным набегам южных кочевников на земли казанских татар. А все это вместе взятое прекращало дальнейшее разорение и истребление основного населения Казанского ханства.

Казанское ханство как самостоятельное государство в XVI веке было бы, бесспорно, ликвидировано, ибо к Казани протягивала свою руку Турция через своего вассала крымского хана. Нам известно, что в 1524 году турецкий султан по просьбе казанского хана Сафа-Гирея объявляет Казанское ханство в составе своих владений. Правда, дело не уходит далеко за пределы этого объявления, но сам факт очень характерен.

Вот почему включение ханства в состав Московского государства имело прогрессивное значение, являлось жизненно необходимым для дальнейшего развития казанских татар.

Л. Г. Филатов,
кандидат исторических наук

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ФОРМИРОВАНИЯ МОРДОВСКОЙ НАРОДНОСТИ

В сложной и многогранной проблеме этногенеза мордовского народа, да и в целом всей его дореволюционной истории, одним из самых важных, отправных вопросов является вопрос о мордовской народности. Между тем именно в данной области средневековой истории мордвы наибольшее число белых пятен. И пролить свет на этот интереснейший, но скрытый многими веками период нашей истории, можно только при тщательном, конкретном изучении и глубоком, максимальном использовании данных археологии, этнографии, антропологии, фольклора, языкознания, письменных памятников, топонимики. К сожалению, приходится констатировать, что до настоящего времени эта сложнейшая проблема этногенеза мордвы такому комплексному изучению в должном объеме не подвергалась и остается пока одной из первостепенных задач наших исследователей.

Известно, что некоторыми вопросами истории мордвы занимался в дореволюционное время ряд русских и зарубежных учёных: А. Гакстгаузен, А. О. Гейкель, И. И. Лепехин, В. Майнов, П. С. Паллас, В. А. Сбоев, И. Н. Смирнов, А. А. Шахматов, которые много сделали в этой области, а главное — пробудили интерес передовой научной общественности к самобытной истории мордовского народа.

Однако почти каждый из этих исследователей интересовался, как правило, лишь одной из сторон жизни мордвы: этнографией или фольклором, историей или культурой, бытом или религиозными верованиями.

Несколько особо в этом отношении среди них стоит первый мордовский учёный и видный просветитель М. Е. Евсевьев, который предпринял попытку заняться изучением истории, этнографии, языка и фольклора в взаимосвязи и поставил этот, все же не полный комплекс, в центр всей своей научноисследовательской и общественно-политической деятельности, связав ее с борьбой за национальное возрождение своего родного народа.

Необходимо особо подчеркнуть, что только в наше советское время, в результате совместных творческих усилий многих видных учёных Москвы, Ленинграда, Саратова, Пензы, Рязани и учёных Мордовии, стала, наконец, возможной подлинно научная марксистско-ленинская разработка ранних периодов истории мордвы, что послужило базой и для подхода к проблеме мордовской народности.

Большую ценность представляют труды М. С. Акимовой, А. Е. Алиховой, В. Н. Белицер, Д. В. Бубриха, А. А. Гераклитова, Е. И. Горюновой, К. Ю. Марк, Б. А. Серебренникова, А. П. Смирнова, П. Д. Степанова, П. Н. Третьякова, А. П. Феоктистова, Н. Н. Чебоксарова, которые содействуют разрешению большой и сложной проблемы мордовской народности.

Учёные Мордовии, широко используя помощь и поддержку крупных учёных из Москвы, Ленинграда и других городов страны, впервые создали в последние десятилетия крупную обобщающую монографию по истории мордовского народа «Очерки истории Мордовской АССР» в двух томах.

Первые главы «Очерков» и некоторые отдельные работы наших учёных В. В. Горбунова, М. Ф. Жиганова, М. Н. Колядёнкова, М. Г. Сафаргалиева, Н. Ф. Цыганова и других также послужили базой для подхода к проблеме мордовской народности.

Опираясь на все эти предпосылки, постепенно созданные творческими усилиями многих исследователей, ученые Мордовии предприняли в 50-е годы первые попытки непосредственной разработки проблемы мордовской народности. Честь этих необходимых и важных начинаний принадлежит нашим историкам. В 1955 году в 1-м томе «Очерков истории Мордовской АССР» были подняты и в основном правильно решены некоторые вопросы, непосредственно касающиеся формирования мордовской народности; среди них вопрос о расселении мордвы в период древней и средневековой истории, о феодализме у мордвы, о развитии ее материальной и духовной культуры. Больше того, авторы первой главы «Очерков» кандидаты исторических наук И. М. Корсаков, К. А. Котков, А. Г. Захаркина вплотную подошли к теме мордовской народности, специально выделив такие параграфы, как «К вопросу о происхождении слова «мордва» и «Вопрос об этнической принадлежности населения» Мордовии. Большое и нужное дело сделали эти историки. Они привели интересные данные и по другим смежным вопросам. Но их итоговый материал, обобщенный в специальном параграфе «Вопрос о формировании мордовской народности» слишком общ и чрезвычайно краток. Действительно, весь этот параграф, который должен быть одним из важнейших во всей древней истории мордвы, укладывается буквально в три десятка строк, в нем нет определения народности, не указывается начальный период формирования мордовской народности, не говорится об основных этапах ее развития, не даются хронологические рамки ее истории, не показана некоторая специфика мордовской народности и т. д.

Почти не ушли дальше от этого уровня разработки вопроса о мордовской народности и другие отдельные исследователи, которые касались ее лишь вскользь в связи со своей основной темой.

Все это позволяет считать параграф «Вопрос о формировании мордовской народности» единственной конкретной попыткой в этом направлении. Она несомненно интересна и в основном верна, но все же она не вышла за рамки отдаленного предварительного поиска в область сложной и многогранной проблемы мордовской народности.

Возникает вопрос, почему же так медленно и нерешительно разрабатывается эта узловая тема истории мордовского народа?

Ответ в основном может быть только один: слишком большие трудности стоят еще на пути исследователей.

Главная трудность заключается в том, что до настоящего времени тема мордовской народности не стала еще предметом комплексного изучения, хотя несомненным шагом в этом направлении можно считать успешную работу мордовской этнографической экспедиции, которая с 1953 г. провела комплекс исследований по истории мордвы. Эта экспедиция была организована Институтом этнографии АН СССР и Мордовским научно-исследовательским институтом. В антропологических работах экспедиции принимал участие также Институт истории АН Эстонской ССР. Однако очень важные и интересные результаты многолетней работы Мордовской этнографической экспедиции опубликованы пока лишь частично.

Несомненным препятствием для разработки этногенеза мордвы является неравномерная, а порою и прямо недостаточная разработка многих вопросов этой сложной и многогранной проблемы.

Весьма слабо, например, изучены в этой связи вопросы топонимики, где небольшие работы И. Д. Воронина, А. М. Попова, В. А. Никонова знаменуют лишь первые шаги в этой области.

Явно недостаточно исследованы в этом плане и богатейшие материалы мордовского фольклора, где несомненно можно ожидать большего от работ таких наших ученых, как А. И. Маскаев, К. Т. Самородов, Л. С. Кавтаськин и другие.

Значительные задачи стоят и перед археологами.

Не хватает еще достаточного материала и для некоторых выводов в области антропологии.

Не очень способствуют успеху разработки проблемы мордовской народности некоторые дискуссионные и спорные вопросы из древней и средневековой истории мордвы, среди которых следует назвать «буртасскую проблему», явно затянувшуюся полемику о феодализме у мордвы и т. д.

Ко всему этому возникают и дополнительные трудности при изучении этногенеза мордвы в том плане, что пока еще недостаточно всесторонне изучено само понятие народности, о чем прямо утверждают некоторые ведущие советские ученые в области национального вопроса[1].

Все эти и другие трудности в сочетании с некоторым явно неоправданным снижением интереса в последние годы к вопросам древней и средневековой истории со стороны части исследователей и обусловили настоящее положение в изучении проблемы мордовской народности.

Решительным шагом в этом направлении бесспорно явится данная научная сессия. Задача ученых Мордовии — широко и умело воспользоваться ее большими результатами для успешной разработки проблемы мордовской народности.

В настоящем докладе делаются попытки из всего комплекса сложной проблемы мордовской народности рассмотреть лишь небольшую часть вопросов о некоторой специфике и основных этапах формирования и развития мордовской народности.

Мордва является не только аборигеном, но и одним из крупнейших народов Среднего Поволжья, игравших немаловажную роль в древней и средневековой истории этого обширного, многоязычного района Восточной Европы. Мордва является и самым большим народом всего Поволжья и Приуралья среди родственных финно-угорских народов: марийцев, удмуртов, коми.

Среднее Поволжье, где зарождалась история этих народов, было весьма благоприятным в природно-климатическом отношении для жизни и деятельности человека. Сравнительно мягкий и умеренный климат, обширные хвойные, смешанные и лиственные леса с богатыми угодьями, развитая речная система — выгодно сочетались с значительными открытыми земельными пространствами. Наиболее удобным в этом отношении был южный район, где лесная полоса переходила в лесостепь, где имелись богатые черноземные почвы. Вот этот район Среднего Поволжья и стал колыбелью мордовского народа.

Как говорят данные археологии, древнейшие поселения человека на территории современной Мордовии относятся к эпохе неолита. Именно к этому периоду относятся Теньгушевская и Нароватовская стоянки на Мокше, поселение «Пешкс Сева» в пойме Алатыря и др. Материалы раскопок этих стоянок убедительно показывают, что к данному периоду их население прошло уже большой путь исторического развития. Уже тогда первобытный человек научился изготовлять глиняную посуду без гончарного круга, стал заниматься наряду с охотой рыболовством, мотыжным земледелием и приручением диких животных[1].

---

[1] *М. Вахабов,* Формирование узбекской социалистической нации, Ташкент, 1960, стр. 15.

Люди, оставившие памятники этой эпохи, жили родовыми коллективами, так как крайне низкий и примитивный уровень производительных сил заставлял жить их сообща. Род являлся небольшой группой в несколько десятков человек, связанной узами кровного родства по материнской линии. Род не был замкнутой организацией. Уже тогда появились примитивные формы обмена между родами. Установление закона экзогамии дополнило и укрепило межродовые связи. Роды, связанные между собой брачными отношениями и совместной борьбой за существование, стали составлять более крупные объединения — племена.

Так начиналось развитие истории Среднего Поволжья. Важнейшим событием в жизни его населения на рубеже II и I тыс. до н. э. стало открытие железа, сыгравшее, как указывал Энгельс, огромную революционную роль в жизни человечества.

Открытие железа резко подняло весь уровень развития производительных сил. Широкое применение железных орудий способствовало превращению земледелия в ведущую отрасль хозяйства. Появление железа сделало возможным появление и прибавочного продукта, который, наряду со стадами домашних животных, начал составлять богатства отдельных родовых и племенных групп, т. е. население Среднего Поволжья стало втягиваться в полосу имущественного неравенства. Для охраны этого растущего имущества от посягательств соседних племен люди начали жить в укрепленных поселениях — городищах.

На территории современной Мордовии археологами открыты городища городецкого типа. Наиболее яркими представителями этого периода являются городища «Ош-Пандо», «Ашна-Пандо», «Казна-Пандо» и др. Это было время быстрого совершенствования производства из железа, дальнейшего развития земледелия и скотоводства, хотя немаловажную роль по-прежнему играла и охота.

Развитие производительных сил закономерно влекло за собой изменение в производственных отношениях. Матриархат уступал свое место патриархату.

С средины первого тысячелетия до н. э. население Среднего Поволжья сделало еще один существенный шаг в своей истории — внутри его патриархально-родовых общин стали нарождаться элементы строя военной демократии.

---

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. I, стр. 3—4, Саранск, 1955.

Данные археологических раскопок показывают, что городецкая культура очень сложная по своему составу. Она испытала влияние предшествующих культур. Однако к началу нашей эры из всей массы племен, обитавших в Среднем Поволжье, стали выделяться финно-угорские племенные объединения. В ходе дальнейшего исторического развития, решающая роль в котором принадлежала социально-экономическим факторам, уже из среды финно-угорских племен постепенно начала вырисовываться этническая карта древней мордвы. Мордва, подчеркивает профессор А. П. Смирнов, прямые потомки племен городецкой культуры эпохи раннего железа.

Процесс объединения племен в народность был обусловлен ростом производительных сил, развитием экономических и культурных связей между племенами, но все же необходимые предпосылки для образования народностей сложились лишь к периоду образования классового общества.

Известно, что впервые народности возникли в рабовладельческих государствах Востока.

У мордвы, как и у других народов, которые непосредственно перешли от первобытнообщинного строя к феодализму, формирование народностей началось с возникновением феодализма. Хотя некоторые элементы рабства были и у мордвы, но они не развились дальше своей первоначальной формы — патриархального домашнего рабства, наличие которого подтверждается данными языкознания, археологии и фольклора. Так, в мордовском языке сохранилось название раба — «уре». О существовании элементов рабства у мордвы убедительно говорят и данные археологических раскопок у с. Андреевки в 1963 г.

В последние годы расширились наши представления и о возникновении феодализма у мордвы. И главная заслуга в этом несомненно принадлежит археологам, чьи исследования позволяют говорить о начале выделения феодальной верхушки у мордвы уже в конце X века[1]. В XI—XII веках феодальные отношения у мордвы получили еще большее развитие, тогда же и процесс формирования мордовской народности выявился более четко.

Но что же такое народность? Народность — это исторически сложившаяся общность людей, имеющих свой язык, территорию, известную общность культуры и зачатки экономических связей. Если для рода наиболее характерным было единокровное происхождение его небольшого коллектива, то главным для народности, указывал В. И. Ленин, является наличие территориальных связей[2].

---

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. I, стр. 31, Саранск, 1955.

[2] См. *В. И. Ленин,* соч., том, I, стр. 137.

Территория для народности является прежде всего жизненным пространством. Но территория была и у родов, есть она и у наций. Но между этими категориями разных стадий развития человечества имеются немалые различия, ибо, полнее говоря, территория является пространством, в пределах которого осуществляется материальное производство и на его основе — все социальные, культурные и духовные взаимоотношения между людьми. С изменением формы этих взаимоотношений или формы общежития людей меняются и их отношения к той территории, на которой они живут и трудятся.

Своеобразная территориальная общность была присуща к родам. Это была этническая территория, ее границы определялись границей кровнородственных связей внутри данного коллектива.

Изменилась производственная деятельность людей, главным и основным ее видом стало земледелие, и на месте кровнородственных коллективов появились более крупные коллективы, закрепленные на определенной территории не по признакам кровного родства, а по характеру своей производственной деятельности. Один или в некоторых случаях, как это было вначале у мордвы, несколько видов производственной деятельности(охота, земледелие и бортничество) закрепляли людей на одной территории, которая становилась пространством совместной жизни и сравнительно однородной хозяйственной деятельности.

Так начинала складываться территория мордовской народности.

В конкретно географических пределах постепенно складывающаяся территория формирующейся мордовской народности в I тыс. н. э. находилась в обширном междуречье Оки и Волги. Однако эти ориентиры настоятельно требуют дополнительного уточнения, ибо представляется сомнительным, чтобы все это огромное пространство являлось районом расселения мордовских племен, вступающих на путь консолидации в народность. Скорее всего ее территория была локализирована в рассматриваемое время в западной — Приокской части этого весьма обширного междуречья, откуда мордва затем и распространялась на юго-восток и отчасти на восток. И вот это ее неуклонное движение именно в данных направлениях и составляет первую особенность складывающейся территориальной общности мордвы.

Этот характерный процесс некоторого смещения сочетался с все растущей четкостью очертания границ территории мордвы, которая в начале II тыс. н. э. расселилась уже в бассейне Мокши, Цны и в среднем и верхнем течении Оки[1]. В этот период соседями мордвы на западе в бассейне Оки были славянские племена, на северо-западе, в низовьях Оки — родственные племена — мещеры и муромы, на севере, за Волгой — марийцы, на востоке, за Сурой — волжские болгары[1]. Южные границы мордовской территории тогда совпадали с южной границей основных лесных массивов междуречья Оки и Суры. Соседями мордвы здесь издревле были кочевые племена хазар, а с XII в. — половцы.

---

[1] Вопросы этнической истории мордовского народа, стр. 6.

На последующих этапах развития мордовской народности это движение в основном в юго-восточном направлении продолжалось. В результате в XVI веке почти совершенно исчезает мордовское население на Оке, то же самое происходит вокруг г. Арзамаса — древнейшего расселения мордвы-эрзи[2] и других северо-западных районах, некогда заселенных мордвой.

Упоминание мордвы-эрзи подводит к пониманию другой специфической черты формирующейся территории мордовской народности и всей истории мордовского народа. Дело в том, что после выделения мордвы из финно-угорских племен Среднего Поволжья, она развивалась как единое этническое целое. Но позже, в силу ряда причин, произошло разделение мордвы на два племени или союза племен, которые вначале основательно расселились на своих смежных, но несколько обособленных территориях: мокша в бассейне Мокши и Цны, эрзя — в среднем течении Оки. В ходе дальнейшего исторического развития мокша и эрзя сохранили внутри общей единой мордовской территории это деление на две относительно самостоятельные земли, что совершенно не противоречит марксистско-ленинскому пониманию территории каждой народности[3]. Отличие мордовской народности в этом отношении касается только чисто количественной стороны: ее территория относительно распадалась на две земли (эрзянскую и мокшанскую), у марийцев на три, коми и удмуртов — две.

Причины образования этих двух основных мордовских племен, несколько отличающихся по языку, некоторым элементам материальной и духовной культуры, племенным самоназваниям, а также отчасти и по антропологическому типу, до настоящего времени окончательно не выяснены, хотя первые успехи в этом направлении начали уже обозначаться.

Как показывают данные археологии и языкознания, разделение на эрзя и мокшу произошло до VII в. н. э. Можно также предполагать, что этот процесс в основном происходил так, как его характеризовал К. Маркс, говоря об истории других народов: «Из какого-нибудь переселенного географического центра,— указывал К. Маркс,— имевшего особые преимущества в отношениии добывания средств к существованию (происходил) постепенный отлив населения. Так как это продолжалось из года в год, то на некотором расстоянии от первоначального местопребывания племени вырастало значительное население; с течением времени у переселенцев возникали особые интересы, они становились чуждыми своему племени по чувствам, появлялись различия в языке, за этим следовали разделение и независимость, хотя их территории соприкасались»[1].

---

[1] Вопросы этнической истории мордовского народа, стр. 7.
[2] Известия Нижне-Волжского института краеведения, т. 3, 1924, стр. 237.
[3] См. В. И. Ленин, соч., т. I, стр. 137.

Такова главная тенденция этого сложного явления. Но местные условия Среднего Поволжья и некоторая специфика развития его родственных финно-угорских племен наложили на него существенный отпечаток. Действительно, все они формировались в народность при некоторой разобщенности главным образом в территориальном и языковом отношении и одна из главных причин этого своеобразного явления заключалась в чрезвычайно обширной территории их древнего расселения и сравнительно незначительной плотности населения, когда, в частности, мокше и эрзе пришлось со временем жить и трудиться в несколько различных природных условиях и иметь все больше растущие контакты с другими племенами. Значение этих факторов и особенно местных природных условий для разделения племен наиболее явственно выступают у марийцев, среди которых, думается, далеко не случайно в этом плане появилось три основных племени — луговые, восточные и горные марийцы. В подтверждение этого же положения несомненно говорит и деление удмуртов на северных и южных.

Некоторой особенностью истории мордовских племенных объединений, а затем и мордовской народности, бесспорно являлся тот факт, что уже с VII века н. э. на их земли начинается проникновение славянского, а позже русского населения. Причем этот процесс шел намного интенсивнее и шире, чем у других родственных народов — марийцев, коми, удмуртов. Осуществлялся он в основном двумя путями: путем мирного проникновения на мордовскую территорию русского трудового населения и путем княжеских завоевательных походов.

Приток русских в этот район Среднего Поволжья, почти прекратившийся в период татаро-монгольского нашествия, возобновился в XIV веке и с большей силой развился в XVI веке после падения Казанского ханства в связи с вхождением всей мордвы в состав Русского централизованного многонационального государства.

В результате этого многовекового и все нарастающего процесса русские стали мирно делить с мордвою ее обширные плодородные земли, их поселения вначале нередко только граничили с мордовскими селами, потом русские деревни стали размещаться и в гуще мордовских поселений, а в XVI в. далеко не редкостью стали уже смешанные мордовско-русские села и деревни[1].

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. IX, 1941, стр. 79.

Почти на протяжении всей истории мордовской народности, особенно до XVI в., это несомненно прогрессивное явление имело некоторую специфику: русские поселения концентрировались главным образом на открытых массивах плодородной земли, а мордовские — тяготели еще к лесостепным и лесным районам, где имелись богатые промысловые угодья. Говоря о расселении русских на мордовских землях в тот период, необходимо подчеркнуть, что это явление не меняло в основном главного: мордва по-прежнему оставалась основным и коренным населением этого района Среднего Поволжья, где, несмотря на значительные массивы русского населения и смешанные мордовско-русские поселения, существовали довольно обширные чисто мордовские земли. И не правы те исследователи, которые явно недооценивают этого серьезного фактора[2]. Весьма показательны в этом отношении данные «Саранской таможенной книги за 1692 год», где под весьма примечательным термином «мордовщина» довольно определенно называются некоторые конкретные территории современной Мордовии, компактно заселенные мордвою. Термин «мордовщина» в этом интереснейшем документе упоминается несколько раз, называются и населенные пункты, расположенные на этой территории: один из Краснослободского присуда и три из Саранского уезда[3]. Думается, что этими ограниченными данными далеко не исчерпывается выявление чисто мордовских земель — «мордовщины». Необходимы дальнейшие исследования в этом направлении.

В отличие от других родственных и соседних народов Среднего Поволжья территория мордовской народности отличалась также в целом не столько ее относительным постоянством, сколько сравнительно значительными перемещениями внутри ее. Особенно обращает на себя внимание второй фактор. Причин для этого характерного явления было несколько, и они менялись в ходе исторического развития. Так, в связи с дальнейшим развитием производительных сил, в первый период формирования мордовской народности началось движение части мордовского населения из лесных районов на открытые массивы, удобные для все развивающегося земледелия. Военные походы русских князей также привели к некоторому перемещению части мордвы на юг и юго-восток, например, из района Нижнего Новгорода. Особенно большие, болезненные движения и уже значительно большей части мордвы произошли в тяжелую пору татаро-монгольского нашествия. Героически борясь против огромных орд поработителей, мордва, спасаясь от периодически повторяющихся вражеских набегов, была вынуждена вновь покидать открытые земельные районы и искать убежища в лесах[1]. В период своего господства татаро-монголы нередко прямо практиковали насильственные переселения мордовского населения, на что обратил внимание еще М. Е. Евсевьев[2].

---

[1] *А. А. Гераклитов,* Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII—XVIII вв., стр. 24, 27, 28, Саратов, 1930.

[2] *В. И. Козлов,* Расселение мордвы. «Вопросы этнической истории мордовского народа», стр. 13.

[3] Саранская таможенная книга за 1692 год, Саранск, 1951, стр. 69.

В эту мрачную пору иноземного гнета произошло заметное сокращение численности мордвы. Многие из них погибли в неравной героической борьбе с захватчиками: татаро-монголы дважды — в 1236 и 1239 годах опустошали мордовские земли[3]. Часть мордвы, особенно мокшане, вынуждены были участвовать в дальнейших завоевательных походах татаро-монголов и погибли в передовых отрядах вдали от Родины[4].

После падения кровавого ига передвижение мордвы носило уже другой характер: ранее угнанная в другие места часть мордвы вернулась на свои старые поселения по Мокше и Суре[5]; вновь стали осваиваться открытые районы и т. д.

Почти в это же время на мордовские земли усиливается приток и татарского населения.

С середины XVI в. начинается другое наиболее характерное для мордвы явление, наложившее весьма серьезный отпечаток на всю её историю, — началась миграция мордвы.

Стихийное и все растущее переселение мордвы с исконных своих земель в другие районы Русского государства в период феодализма было обусловлено главным образом захватом земель мордовского крестьянства русскими и мордовскими феодалами. Несомненно, действовали в этом же направлении и все увеличивающиеся феодальные поборы и подати. Насильственная христианизация мордвы также толкала отчасти к переселению.

Миграция мордвы в основном шла в южном и юго-восточном направлении. Подавляющая часть переселенцев оседала в Поволжье. Так, к середине XVIII века завершилось расселение мордвы в Пензенско-Саратовском крае, шло освоение и Заволжья. Однако даже и на последних этапах формирования мордовской народности основная масса ее населения, располагаясь на исконной территории Среднего Поволжья, разумеется, с учетом вышеназванных моментов, которые внесли некоторую специфику в сложный процесс складывания территории мордовской народности, но не изменили главного, не внесли противоречия в марксистско-ленинское понимание этого определяющего компонента каждой народности. В. И. Ленин прямо указывал, что территория народности обычно внутренне распадается на множество областей, «земель», княжеств и т. д., поэтому сама эта сплошная территория может распадаться на разные самостоятельные части[1], ибо территориальная общность народности неустойчива и внутренне не сплочена.

---

[1] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., М., 1937, стр. 168.

[2] *М. Е. Евсевьев,* Мордва Татреспублики, 1925, стр. 182.

[3] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1, стр. 179.

[4] Там же, стр. 182.

[5] *М. Е. Евсевьев,* указ, соч., стр. 182.

Важнейшим признаком каждой народности, является язык. Как же шло формирование этого второго определяющего компонента мордовской народности?

Язык, указывал В. И. Ленин, всегда был «важнейшим средством человеческого общения»[2], так как материальной основой развития языка является развитие и расширение этого общения, что в свою очередь представляет собой результат роста совместных производственных, культурных и духовных действий людей не только в процессе производства, но в обществе в целом и на определенном пространстве. Следовательно, в определении этапов развития мордовского языка необходимо исходить из роста и расширения взаимоотношений между людьми внутри данного коллектива.

В истории общества язык проходит несколько этапов развития. За родоплеменными языками появился язык народности. На первом этапе язык выступал средством общения людей, сплоченных в отдельные коллективы на базе кровнородственных связей. Мала и элементарна была тогда производственная деятельность человека и его связь с окружающими людьми. Поэтому и язык был также прост, в нем не дифференцировались еще средства выражений, в лексике не образовались еще специальные разделы. Мелки были и сами кровнородственные коллективы. Обычно границы диалекта, указывал Энгельс, совпадали с границами племени[3].

Язык народности, как следующий этап развития языка, характеризуется тем, что он выступал уже как средство общения в более широком масштабе, а именно — в масштабе целого территориального коллектива.

На этом этапе выросла производственная деятельность людей, стали сложнее их взаимоотношения между собой. На основе появления классов росло также общественное сознание людей, появились новые отрасли культуры, искусства. В силу этого происходил двоякий процесс: с одной стороны — шло скрещивание диалектов бывших различных племен и родов, связанных теперь между собой общей территорией, и на основании этого происходило формирование общего для всего коллектива средства общения — общенародного разговорного язы ка, с другой стороны — шел процесс специализации внутри самого языка, в зависимости от дифференциации взаимоотношений между людьми — производственных, бытовых, духовных и культурных — в силу чего появились различные специализированные разделы лексики.

---

[1] *В. И. Ленин,* соч., т. I, стр. 137.

[2] *В. И. Ленин,* соч., т. 20, стр. 368.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения в двух томах, т. 2, М., 1949, стр. 234.

Вот в чем главное отличие языка народности от предшествующего этапа его развития, таковы основные тенденции его формирования.

Однако историческое развитие народов, в основном не отклоняясь от этих магистральных направлений, вносило некоторую специфику и в формирование языка каждой народности.

Мордва, как показывают работы наших лингвистов, после выделения из финно-угорской общности имела единый язык. Однако затем в силу ряда причин, о которых говорилось выше, произошло вначале ее территориальное разделение. Подобный процесс имел место и у других народов. К. Маркс указывал, что «локальное разобщение в пространстве вело с течением времени к появлению различий в языке»[1]. И вот у мордвы появилось два ведущих диалекта некогда единого языка. И развитие их пошло в сторону все большей самостоятельности. Но в целом это самобытное явление не меняло тогда существенно главного — единого происхождения и значительный общности этих двух ведущих диалектов формирующейся мордовской народности, о чем убедительно говорит наличие большого числа общемордовских слов.

Несомненным выражением единства происхождения и большого родства мокши и эрзи в области языка являлся рост национального самосознания, нашедшего отражение в появлении этнонима «мордва», который уже с приходом русских на мордовские земли нередко начал применяться ко всем мордовским коллективам. На следующих этапах истории мокша и эрзя все больше называли себя единым мордовским народом. Особенно ярко это единство проявилось в период трех великих крестьянских войн в России, когда не мокша и эрзя, а мордва, как показывают документы того времени, принимала активное участие в борьбе против феодально-крепостнического и национального гнета. Некоторые истоки этой народной борьбы уходят в предшествующие десятилетия. Весьма интересны в этом плане некоторые пункты наказа мордвы Пензенской, Саранской и Петровской провинций, привезенные депутатом-мордвином Федором Сараевым в комиссию, созданную Екатериной II для разработки нового Уложения, где от имени мордовского народа в несколько завуалированной форме поднимался вопрос «о мордовском законе», мордовских управленческих учреждениях, мордовских школах и т. д.»[2]

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. IX, 1941, стр. 79.

[2] Сборник русского исторического общества, т. 115, 1903, стр. 421—424.

Языковую общность мокши и эрзи подтверждают общие иранские и тюркские заимствования.

Об общности этих двух мордовских диалектов, со временем выросших в языки, в какой-то степени говорит и их отличие в целом, как единого мордовского языка, от других родственных финно-угорских языков. Специалисты в этой области называют несколько таких отличий[1].

Среди родственных народов Среднего Поволжья самым близким к мордовскому языку является марийский язык[2].

В отличие от других родственных и соседних народов Среднего Поволжья мордва уже с древних периодов истории стала значительно больше и шире пользоваться русским языком, который оказал значительное влияние на развитие мордовского языка. Это влияние шло в основном двумя путями: 1. Через непосредственное соприкосновение мордвы с русскими, а также через проникновение в их среду орудий и техники производства, навыков обработки земли, ремесла, политических, общественных и культурных понятий. Немало русских политико-административных, торгово-финансовых и ремесленных терминов вошло в мордовскую лексику, в результате чего значительно обогатился ее словарный состав, а главное, большой пласт русских слов, имеющих единое значение и для мокши и для эрзи, служил реальным фактором, усиливающим единство всего мордовского языка. Следовательно, возрастающая роль русского языка в развитии языка мордовской народности является закономерным и прогрессивным явлением, обусловленным целым рядом объективных исторических и экономических причин.

Однако этот сложный и многогранный процесс не носил односторонний характер. Взаимовлияние и взаимообогащение — вот главные черты всего этого процесса и по всему комплексу материальной и духовной культуры русского и мордовского народов, а также и других народов Среднего Поволжья. Разумеется, степень и масштабы этого взаимовлияния были различными на разных этапах исторического развития, они порою охватывали не все направления и менялись в связи со сменой периодов развития народностей. Что конкретно касается выявления влияния мордовского языка на русский, то в этом отношении наши лингвисты сделали предельно мало, а такое влияние, несомненно, было, о чем, в частности, говорят работы профессора В. И. Лыткина, установившего, в частности, что «аканья» у русских появилось под влиянием мордовского языка.

---

[1] *А. П. Феоктистов,* Мордовские языки и их диалекты. Вопросы этнической истории..., стр. 66—67.

[2] Там же.

В процессе сложного, а порою и тяжелого развития мордовский народ создал свою богатую и самобытную культуру. Ее развитие не смогло уничтожить многовековое татаро-монгольское иго, это развитие продолжалось, конечно, в замедленном темпе и в тяжелейших условиях царской России — тюрьмы народов. Но, если самодержавие угнетало и душило самобытную культуру мордвы, то прогрессивные деятели России пытались помочь ее развитию, пропагандировали ее глубокие народные истоки, отмечали самобытность и национальное богатство. Несмотря на некоторые элементы различия в области материальной и духовной культуры мокши и эрзи, есть бесспорное основание констатировать известную общность национальной культуры развивающейся мордовской народности. Особенно ярко эта общность проявляется в резьбе по дереву, в некоторых видах ремесла, мордовском орнаменте, песенном творчестве, цветовом оформлении вышивки, фольклоре и т. д.

Мордовская народность прошла большой и сложный путь развития. Истоки ее возникновения уходят в далекое прошлое. Наиболее определенным рубежом начала ее формирования можно считать X—XI вв. н. э., когда начался процесс феодального развития мордвы. В ходе сложного исторического развития, решающая роль в котором принадлежала социально-экономическим факторам и многовековому общению с русским народом, мордовская народность к концу XVIII века закончила свое формирование.

Определив приблизительно хронологические рамки возникновения и развития мордовской народности, попытаемся еще выделить основные этапы ее истории.

В основу предлагаемой предварительной периодизации положены главные этапы социально-экономического развития мордвы и важнейшие исторические события, определившие в целом весь процесс формирования и развития мордовской народности.

1-й период. Примерно I тыс. н. э. — период освоения территории возникающими союзами мордовских племен. В это время происходил интенсивный распад первобытнообщинного строя, а в X—XI вв. началось зарождение феодальных отношений у мордвы.

2-й период. XI—XIII вв. (до татаро-монгольского нашествия) — были началом становления феодальных отношений у мордвы, развития производства и выхода мордвы на политическую арену Среднего Поволжья, когда она оказалась в зоне сложной и противоречивой борьбы ряда ранее феодальных государств за свое господство в этом обширном районе. Наибольшее влияние на ход событий оказывала борьба русских княжеств с булгарами, которые первые в этой поволжской зоне создали феодальное государство.

3-й период. 40-е годы XIII — начало XVI вв. — тяжелый период господства татаро-монгольского ига, значительный подрыв производительных сил мордовского народа, резкое сокращение его численности, насильственное переселение части мордовского населения в другие районы Среднего Поволжья, усиление феодального гнета.

4-й период. Середина XVI в.— вхождение мордвы в состав Русского централизованного многонационального государства, дальнейшее развитие производства и феодальных отношений, усиление проникновения русских на мордовские земли, миграция части мордвы в юго-восточные районы Поволжья, активное участие мордвы в трех великих крестьянских войнах в России. Завершение в конце XVIII в. формирования мордовской народности.

5-й период. С 80-х годов XVIII в.— период разложения феодально-крепостнической системы и создание некоторых предпосылок для превращения мордовской народности в мордовскую буржуазную нацию, возникновение некоторых элементов мордовской буржуазной нации.

Таковы некоторые проблемы и важнейшие этапы развития мордовской народности, которые требуют специального монографического исследования целого коллектива ученых.

М. В. Дорожкин,
кандидат исторических наук

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ МОРДОВСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

48 лет назад в России совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

За эти 48 лет в мире произошли величайшие изменения. В нашей стране полностью и окончательно победил социализм. Теперь рабочие, крестьяне и интеллигенция под руководством Коммунистической партии строят коммунизм. На базе старых народностей и буржуазных наций сложились и расцвели десятки новых, социалистических наций.

Начало всем этим свершениям положил Великий Октябрь.

Октябрьская революция принесла на своих знаменах социальное и национальное освобождение и небольшому мордовскому народу. Национальное возрождение мордвы, формирование и развитие мордовской социалистической нации — один из примеров ленинского решения национального вопроса в условиях Советской власти.

Что представлял из себя мордовский народ накануне Октября, на какой базе формировалась мордовская социалистическая нация? Этому вопросу посвящен ряд исследований работников местных и центральных научных учреждений. По многим аспектам истории и экономики дореволюционной мордвы единого мнения не имеется. В последнее время появились статьи, в которых указывается, что мордва еще до Октябрьской революции сложилась в буржуазную нацию[1].

Бесспорно, мордовский край, находясь в составе центральных губерний Европейской России, был втянут в капиталистические отношения. Наиболее интенсивный рост торговли и промышленности в Мордовии произошел в начале XX века в связи с постройкой железных дорог. В торгово-промышленные отношения было втянуто и мордовское население. Из его среды выделялся торгово-промышленный элемент. Эти явления в экономической жизни мордвы оживили в ней силы и потенциальные возможности сложиться в буржуазную нацию. Но в условиях самодержавной России эти возможности не успели превратиться в действительность.

---

[1] См. *Л. Г. Филатов,* К вопросу формирования и развития мордовской социалистической нации. «Труды НИИЯЛИЭ» при Совете Министров МАССР, вып. XXIV, Саранск, 1963.

Давая характеристику дореволюционной экономики мордвы, мы обычно исходим из общих экономических показателей по краю без учета их национальной принадлежности. Такой подход приводит к неправильным выводам.

Известно, что мордовский край заселен не только мордвою, сколько русскими. По данным Всероссийской переписи 1897 года, на территории 7 уездов, вошедших в состав Мордовской АССР, мордовское население составляло только 27,3%. Все ключевые позиции в экономике, культуре, административном управлении занимали русские помещики и капиталисты. Им принадлежало господствующее положение в торгово-промышленной жизни края, а не мордве.

Железные дороги оказали значительное содействие экономическому и культурному подъему всего края. Но они были построены незадолго до революции и не успели стать большим фактором ликвидации его серьезного отставания.

Содержание буржуазной нации, ее социальная природа определяется капиталистическим способом производства в экономике, буржуазной классовой структурой в обществе.

Какое место занимал капиталистический способ производства в экономике Мордовии до 1917 года?

В 1913 году, по данным Статуправления МАССР, во всей валовой продукции удельный вес фабрично-заводской промышленности составлял в уездах Мордовии лшиь 1,5%, а по всей Российской империи —42,1%. В том же году все предприятия цензовой промышленности Мордовии[1] выпускали продукции на душу населения в год на 5,6 руб., тогда как по всей России выпускалось продукции на 70 руб., или в 12,5 раза больше, чем в Мордовии.

Эти цифры говорят о крайне слабом промышленном развитии Мордовии в целом. Если же взять отдельно мордву, то, как показывают официальные данные переписи 1897 года, промышленность у ней по сравнению с русским поселением была развита слабее. Так, например, в конце XIX века в промышленности, строительстве, на транспорте было занято у русских 5,0%, у мордвы — только 0,4%, в торговле — у русских 1,6%, у мордвы — 0,1%, в земледелии, животноводстве и пчеловодстве у русских —87,2%, у мордвы —98,2%.

---

[1] К цензовой промышленности относились предприятия с числом рабочих не менее 16 человек при наличии механических двигателей и не менее 30 человек без двигателей. В 1913 году таких предприятий в Мордовии было 50.

В городах проживало всего 6% населения края. Причем из общего состава городского населения мордва составляла только 0,8%, русские — более 98%[1].

Промышленность Мордовии до революции не успела отделиться от сельского хозяйства. Она занималась главным образом переработкой сельскохозяйственных продуктов. В 1909 отчетном году, по данным отдела промышленности Министерства финансов, в Мордовии было 51 цензовое предприятие с общим числом рабочих в 2061 чел. Ими выпущено продукции на общую сумму 8321942 руб. В числе этих предприятий было 30 винокуренных заводов, 2 табачные фабрики, 1 маслозавод, 7 мукомольных мельниц, 1 пенькотрепальный завод, 1 суконная фабрика, 2 полуфаянсовых фабрики, 1 лесопильный завод и 5 металлорежущих заводов. На 40 предприятиях, занимавшихся переработкой сельскохозяйственных питательных продуктов, было занято 1417 рабочих, ими выпущено продукции на сумму 7791495 руб., что составляет 93,5% всей валовой продукции цензовой промышленности[2]. Сырье для пищевкусовой промышленности выращивалось в основном в хозяйствах владельцев этих предприятий. В Мордовию ввозилось земледельческих продуктов в 8—10 раз меньше, чем вывозилось отсюда. В 1910 году, например, был собран чистый урожай зернобобовых культур более 30350 тыс. пудов. Из них было вывезено более 8670 тыс. пудов, в том числе около 2100 тыс. пудтов за границу и в порты Балтийского моря и около 6600 тыс. пудов в Петербург, Москву и другие районы страны. На внутренних рынках Мордовии было продано всего 140 тыс. пудов[3]. Товарный хлеб давали главным образом кулацкие и помещичьи хозяйства. То, что не могли переработать на своих предприятиях, вывозили на внешний и всероссийский рынки. Ввоз растительных сельскохозяйственных продуктов производился в основном для предприятий Саранска и некоторых других городов.

Более 95% промышленных предприятий Мордовии были мелкими, основанными на ручном труде, которые служили подсобным источником доходов к основному сельскому хозяйству[4].

В Мордовии более широкие размеры по сравнению с промышленностью получила торговля. Капитализм здесь складывался и развивался главным образом в виде кулацкого, торгового и ростовщического капитала. А торговый и ростовщический капитал В. И. Ленин называет, как известно, низшей и худшей формой капитала[1]. Этот вид капитала, указывает В. И. Ленин, порождается господством остатков средневековья, которые «...создают громадные препятствия для помещения мелких капиталов в производство, для обращения их на сельское хозяйство и промышленность»[2]. Но и торговля в Мордовии, судя по структуре торговых заведений и товарооборота, больше соответствовала докапиталистическому периоду. В 1911 году, по данным Министерства финансов и промышленности, в Мордовии имелось 2688 торговых предприятий с общим товарооборотом в 13659 тыс. рублей в год. Главными предметами торговли были пищевые продукты сельского хозяйства и предметы хозяйственного обихода. Из названного количества торговых предприятий 156 занимались торговлей земледельческими растительными продуктами, 1200 — торговлей мелкими товарами домашнего обихода, 928 заведений занимались питейно-трактирной торговлей, которые давали более 38% общего торгового оборота. И только 18,5% общего торгового оборота падали на торговлю минеральными продуктами, металлическими изделиями, мануфактурой и галантерейными товарами[3].

---

[1] Подсчеты произведены по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, вып. XXX, Пензенская губ. СПБ, 1903, стр. 192—101, вып. XXXIX. Симбирск. губ. СПБ, 1904, стр. 130—133. Вып. XIX Тамбовская губ. СПБ, 1904, стр. 124—129.

[2] См. Список фабрик и заводов Российской империи, СПБ, 1912.

[3] Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. IV. Центральная хлеботорговая полоса, стр. 250—252, 351, 355, 361—362, 364, 444, 450.

[4] Всероссийский учет промышленных заведений 1920 г. Труды ЦСУ РСФСР, т. 3, вып. I, М., 1921. (По данным этого учета в Мордовии без Ардатовского уезда числилось 4396 действующих и бездействующих промышленных заведений).

Мордовский народ в условиях царской России не успел создать свой единый экономический, торговый и культурный центр. До революции в мордовском крае имелось 13 торгово-промышленных районов: Ардатовский, Инсарский, Кадомский, Краснослободский, Починковский, Рузаевский, Саранский, Спасский, Темниковский, Троицко-Араповский, Чамзинский, Шишкеевский[4].

Министерство финансов и промышленности вело учет торгово-промышленной деятельности именно по этим районам. Между ними происходило соперничество, и в этом соперничестве Саранский район имел некоторое преимущество по общим показателям торгово-промышленного оборота, в Саранске совершались гораздо более широкие финансовые операции. Кроме торговли в стационарных заведениях, здесь проводилась более богатая ярмарочная торговля. Однако Саранск еще не стал экономическим и культурным центром мордовского народа. Мордва северных и северо-западных районов края к Саранску не тяготела.

С Саранским районом успешно соперничали Ардатовский и Троицко-Араповский районы. По отдельным промышленным типам и прежде всего по обработке питательных продуктов, т. е. по ведущей отрасли промышленности Мордовии, Саранский район отставал от них. Например, в Саранском районе предприятий по обработке питательных продуктов было 11 с общим промышленным оборотом на 930 тыс. руб. в год, Ардатовском — тоже 11 с общим оборотом на 976 тыс. рублей, в Троицко-Араповском предприятий было 10, но промышленный оборот составлял 3018 тыс. руб.[1].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 53—54, изд. 4.

[2] Там же, стр. 53.

[3] Торговля и промышленность Европейской России по районам...

[4] Там же.

По отдельным промышленным типам и по общему товарообороту значительно выдвинулся Спасский район, почти половину населения которого составляла мордва.

Но из этих районов ни один не стал экономическим и культурным центром Мордовии. Мордва находилась на пути искания этого центра.

В сельском хозяйстве Мордовии капиталистический способ производства был в самом зачатом состоянии. В. И. Ленин территорию Мордовии относил в состав «оскудевающего центра», т. е. к тем центрально-черноземным губерниям, которые являлись, как выразился он, «...главной местностью отработков, кабалы и всевозможных пережитков крепостничества»[2]. Господствовали здесь феодально-помещичье и мелкотоварное, натуральное крестьянское хозяйство с докапиталистическим способом производства. В начале XX века в Пензенской губернии земля обрабатывалась капиталистическим способом только в 9,7% помещичьих имений[3]. В крестьянских земледельческих хозяйствах той же губернии, по данным подворной переписи 1909—1911 годов, капиталистически обрабатывалось только 13,9% принадлежавшей им посевной площади[4].

Попытка Столыпина насадить в стране крупные кулацкие хозяйства капиталистического типа, как известно, потерпела крах. В центрально-черноземных губерниях, в том числе и в Мордовии, эта реформа успеха имела меньше всего. Так, в Новороссийских губерниях и на правобережной Украине укрепили свое хозяйство до 50% общинников, а в центрально-черноземных губерниях — только 27,6%. В Мордовии же вышли из общины всего 14,6%[5]. Особенно мало выделившихся было из мордовских общин. Начальник Пензенского губернского жандармского управления в одном из своих донесений в департамент полиции отмечал, что мордва вообще отрицательно относилась и к этому закону и к выделявшимся на отруба и хутора лицам[6]. Таким образом, и такая мера, как столыпинская реформа, основы докапиталистических форм земледелия и землепользования в Мордовии мало затронула.

---

[1] Торговля и промышленность России по районам...

[2] *В. И. Ленин,* соч., т. 15, изд. 4, стр. 102.

[3] *А. Кузьмин,* Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Пенза, 1955, стр. 47.

[4] *А. М. Анфимов,* Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961, стр. 106—107.

[5] Очерки истории Мордовской АССР, том I, Саранск, 1955, стр. 430.

[6] ЦГИА, Ф. Дп. 4, делопроизводство, № 49, часть I, л. 1.

Классовая структура в Мордовии вообще и в особенности у мордовского народа далеко не соответствовала характеру буржуазной нации. Население было почти сплошь крестьянским. По официальной статистике 1897 года, крестьяне составляли 97%, дворяне потомственные и личные — 0,5%, духовенство — 0,8%, мещане — 0,5%. Купцов вместе с их семьями числилось около 2-х тыс. человек, что составляло менее 0,2%. (Кулаки, которые составляли в конце XIX века 3—4% крестьянского населения, сюда не входили.) Мордовская буржуазия почти вся состояла из кулачества. Эта деревенская буржуазия насколько была жадной и алчной, настолько слабой и бескультурной. Она даже не сумела создать, как это было у других народов, свои буржуазные националистические организации. Большинство представителей мордовской буржуазии вступало в члены партии и организаций, которые были созданы русской буржуазией.

Промышленной буржуазии рабочего класса, жившего только за счет продажи своей рабочей силы, у мордвы было крайне мало. По статистике 1897 года купцов и промышленников из мордвы числилось всего 175 чел. Совершенно правильно отмечает проф. Раимов, крупный исследователь Поволжья, что буржуазия у мордвы «...находилась еще в начальной стадии развития»[2]. Из ее среды выделялись подрядчики, агенты, ростовщики-торговцы. Промышленность в Мордовии, говорит дальше Раимов, почти отсутствовала, промышленные рабочие только начали появляться.

Какая же буржуазная нация без наличия национальной промышленной буржуазии и промышленных рабочих?

В мордовской деревне, как и в русской, шел усиленный процесс классовой дифференциации. Разорившаяся часть крестьянства давала массу избыточной рабочей силы, значительная часть которой оседала на месте в хозяйствах помещиков и кулаков, в лесной промышленности и в кустарных промыслах. Остальные выезжали на отхожие промыслы в различные районы страны, т. к. местная промышленность ввиду слабого развития не могла поглотить всех желающих получить работу. Отходники нанимались как на сельскохозяйственные работы, так и в промышленность, на стройки, на железные дороги, где использовались они главным образом на подсобной, черновой работе. Только лишь немногим удавалось устраиваться на квалифицированные работы. Таким образом, национальный промышленный пролетариат в Мордовии создавался и воспитывался в духе пролетарской идеологии не только на месте, сколько

---

[1] См. Статью проф. Раимова «Революция 1905—1907 гг. в Поволжье и Приуралье, напечатанную в сб. «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», М., 1949, стр. 663—664.

на стороне из числа разорившихся крестьян, выезжавших на отхожие промыслы.

Царизм искусственно разобщил мордву между различными губерниями. К канун Октябрьской революции мордва проживала в 22 губерниях Европейской и Азиатской России, не имея нигде этнического большинства. Территориальная разобщенность мешала экономическому, административному и культурному объединению народа, развитию его национального самосознания. Это было одним из серьезных препятствий на пути становления мордовской буржуазной нации.

Итак, низкий уровень развития промышленности, слабость и политическая незрелость мордовской буржуазии, почти полное отсутствие кадрового национального пролетариата, господство феодального крепостнического и мелкотоварного крестьянского способа производства в деревне, великодержавная, русификаторская политика царизма и правящих классов России не дали возможности мордовскому народу в условиях царизма завершить процесс консолидации в буржуазную нацию. Мордовская социалистическая нация после Октябрьской революции складывалась на базе народности.

В оценке положения дореволюционной Мордовии многими исследователями допускается крайность другого порядка. Изображается дело так, что Мордовия была внутренней колонией царизма, что мордва была обречена на физическое вырождение и даже на вымирание, что она была сплошь темной и дикой, что грамотность была среди мужчин всего 3,7%, а среди женщин только 4 человека из тысячи могли написать свою фамилию и т. д. Такого рода утверждения также грешат перед объективностью.

Дореволюционную Мордовию, 70% населения которой было русским, несмотря на ее большую отсталость, нельзя называть внутренней колонией царизма. Если это правильно для Мордовии, то будет правильно и для других центрально-черноземных земледельческих губерний. Положение уездов Мордовии мало чем отличалось от других соседних уездов. Если взять отдельно мордовское население, то оно, будучи бесправным в политическом отношении, волею истории оказалось лучше обеспеченным землей, чем русские крестьяне. Физически мордовский народ не вырождался и не вымирал, а, наоборот, численно рос. Мордва— это трудолюбивый, физически крепкий и выносливый народ, с гордым характером и высоким сознанием своего достоинства; он в союзе с русским и другими братскими народами постоянно боролся против своих врагов. Тот факт, что мордва покидала свои исконные земли и уходила в разные края, скорее говорят не о слабости, а о ее силе и непокорности духа.

Что касается образования, то мордовский народ в этом отношении был сильно ущемлен. Вообще в царской России, как писал В. И. Ленин, массы народа были «...ограблены в смысле образования, света и знания»[1]. Мордовский народ был дважды ограблен. В 1908 году на каждую 1000 жителей России, по подсчетам В. И. Ленина, приходилось 46,7 учащихся[2], в Пензенской губернии — 29 учеников, а на каждую 1000 мордвы приходилось 20,9 ученика[3]. Мордва не имела своей письменности и школы на родном языке. Но даже при этих условиях мордва стремилась учиться. По данным переписи 1897 года, общая грамотность среди мордвы составляла около 8%. Отдельно среди мужчин грамотность составляла более 13%, а среди женщин — около 2%. Это крайне мало. Но это все же не 3,7% среди мужчин и 0,4% среди женщин.

К канун Октябрьской революции грамотность была значительно выше, чем в конце XIX века.

Разумеется, самодержавный, феодально-капиталистический режим, великодержавная, шовинистическая политика господствующих классов сковывали творческие силы народа, задерживали его развитие. Всестороннее развитие народа возможно было только в условиях нового общественного строя — в условиях Советского социалистического государства.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, дала возможность осуществить в полной мере ленинскую национальную политику. Она навсегда уничтожила социальный и национальный гнет в нашей стране.

XII съезд РКП(б) отметил, что «Октябрьская революция подвела практические итоги решениям нашей партии по национальному вопросу. Свергнув власть помещиков и капиталистов, основных носителей национального гнета, и поставив у власти пролетариат, Октябрьская революция одним ударом разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его национальных братьев не только в России, но и в Европе и Азии»[4].

Уже через неделю после победы социалистической революции в столице, 2 ноября 1917 года, Советское правительство опубликовало «Декларацию прав народов России», в которой изложены основные принципы национальной политики Советского государства, а именно: «1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»[1].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, изд. 4, стр. 115.

[2] Там же, стр. 114

[3] Подсчитано по данным, опубликованным в брошюре Г. А. Полумордвинова «Мордовское население в Пензенской губернии», Пенза, 1927.

[4] КПСС в резолюциях, изд. 7, часть 1, стр. 711—712.

Дальнейшее развитие национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства нашло яркое отражение в Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа, в программе большевистской партии, принятой в 1919 году, и в Советской Конституции.

Освободительные идеи Октябрьской революции оказали революционизирующее влияние на трудящиеся массы Мордовии. В период подготовки и проведения Октябрьской революции на территории Мордовии национальное движение с особыми националистическими интересами не происходило ни в какой форме. Мордовское население вместе с русскими рабочими и крестьянами принимало активное участие в общедемократическом движении за мир, за землю, за ликвидацию самодержавия и его органов на местах. Это демократическое движение мордвы в союзе с русскими трудящимися объективно было направлено не только против социального, но и против национального угнетения.

В период проведения Октябрьской революции, особенно летом и осенью 1918 года, когда развернулась социалистическая революция в деревне, трудящаяся мордва под руководством большевиков и промышленных рабочих Петроградской, Московской, Ивановской, Владимирской и других промышленных губерний включились в активное социалистическое движение.

Советская власть в уездах Мордовии, кроме Темниковского, благодаря широкой помощи Центрального Комитета партии, большевистских партийных комитетов губернских центров и русского пролетариата, а также благодаря активному участию в революционном движении большинства солдат местных гарнизонов, победила мирным путем в первые три месяца после 25 октября, т. е. в те первые месяцы, когда проходило по стране, как говорил В. И. Ленин, сплошное триумфальное шествие русской революции.

В Темниковском уезде, вернее в самом Темникове и некоторой части волостей, власть находилась в руках комиссара уже несуществовавшего Временного правительства помещика Владимирова и кадетско-эсеровского «Комитета спасения родины и революции» до середины марта 1918 года.

Гнездо контрреволюционных элементов в Темникове было уничтожено вооруженной борьбой, организованной большевиками и революционным Советом, избранным в феврале 1918 года в селе Теньгушеве и признанным большинством волостей уезда.

---

[1] См. Декреты Советской власти, т. I, Госполитиздат, М., 1957, стр. 40.

К июню 1918 года во всех уездах Мордовии были ликвидированы буржуазные административные и земские органы власти и создан в основном новый аппарат местных органов рабоче-крестьянского государства в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

На основе декрета Советской власти о земле проведено распределение помещичьей, монастырской, церковной и кулацкой частновладельческой земли между крестьянской беднотой и середняками. В результате этого трудящееся крестьянство Мордовии получило дополнительно около 800 тыс. десятин земли. На базе части конфискованных помещичьих имений уже в первые годы Советской власти создан ряд хозяйств социалистического типа.

Наиболее крупные промышленные предприятия были национализированы.

Все эти революционные преобразования в Мордовии, осуществленные благодаря победе Октябрьской революции и установлению диктатуры пролетариата в стране, создали политические условия и экономические предпосылки для формирования мордовской социалистической нации.

* * *

Вопрос о формировании мордовской социалистической нации нашел довольно широкое и, на наш взгляд, правильное освещение в работах многих исследователей края[1].

Складывание мордовской социалистической нации происходит одновременно и в неразрывной связи с созданием социалистической экономики в Мордовии, с развитием образования и культуры народа. Это единый поступательный процесс. Но в этом едином процессе заметно выделяются два этапа:

1-й подготовительный, который охватывает время с 1918 г. до 1929 г. Он совпадает с периодом восстановления народного хозяйства в Мордовии и началом строительства социалистической экономики.

2-й завершающий, который охватывает время с 1929 года до середины 30-х годов. В эти годы в Мордовии по наметкам первой и второй довоенных пятилеток идет бурное промышленное строительство, социалистическое переустройство сельского хозяйства, завершается в основном победа социализма, образована Мордовская АССР, принята Конституция автономной республики.

Мордовский народ, разобщенный между различными губерниями страны, не имевший единого центра и единого общенационального языка, не мог собственными силами быстро преодолеть огромную экономическую, культурную и политическую отсталость. Он нуждался в широкой помощи со стороны русского рабочего класса и по сравнению с другими народами Поволжья в более длительной подготовке, чтобы приступить к национальному государственному строительству.

---

[1] Наиболее полное освещение этот вопрос нашел в исследованиях кандидата филологических наук В. В. Горбунова и кандидатов исторических наук И. В. Васькина, И. Я. Яшкина и М. С. Букина.

Эту помощь мордовский народ стал получать с первых же дней Советской власти.

Для более квалифицированного решения и планомерного налаживания экономической, административной и культурной жизни мордовского народа уже в первые годы Советской власти при центральных и губернских партийных и государственных органах были созданы специальные мордовские отделы, подотделы и секции.

Уже в 1920 году были образованы мордовский отдел в Наркомате по делам национальностей и подотдел в Наркомате просвещения. В начале 1921 года создаются мордовские секции при Саратовском, Симбирском, Самарском губкомах партии. А год спустя такие же секции появились при Пензенском и Тамбовском губкомах партии. Для координации деятельности этих секций летом 1921 года при ЦК РКП(б) создается Центральное бюро мордовских секций[1].

Деятельность этих органов проявилась прежде всего в организаторской работе по поднятию грамотности и общей культуры мордовского народа, по повышению его политической активности в административной жизни края, в хозяйственном и культурном строительстве и особенно в подготовке национальных кадров.

В 1921 году в ряде городов края — Пензе, Саранске, Инсаре, Ардатове — были открыты одногодичные курсы по подготовке учителей для мордовских школ. Тогда же в Саранске и Краснослободске были открыты совпартшколы, где готовились национальные кадры для работы в советских, партийных и хозяйственных органах[2].

В 1925 году был открыт в Саранске Мордовский педтехникум, в 1926 году — Краснослободский педтехникум. В эти же годы учителя для мордовских школ готовятся в Мало-Толкайском, Петровском педтехникумах и на мордовских отделениях Пензенского, Алатырского и Лукояновского педтехникумов[3].

Одновременно велась работа по созданию мордовской письменности, в основу которой была положена русская графика, что являлось большим положительным фактором для развития мордовской культуры. Мордовская азбука была разработана в начале 1920 года[1]. Широко обсуждались вопросы методики обучения в мордовских школах на проводившихся в те годы Всероссийских и межгубернских съездах по просвещению мордвы.

---

[1] *М. С. Букин,* Образование Мордовской АССР, Саранск, 1964, стр. 41—42, 47—48.

[2] *И. А. Яшкин,* Формирование мордовской социалистической нации, Саранск, 1960. В дальнейшем: А. А. Яшкин. Указ. работе.

[3] *И. А. Яшкин,* Указ. раб., стр. 44.

Подготовка учительских кадров из мордвы, разработка мордовской азбуки и издание учебных пособий дали возможность улучшить постановку школьного дела, расширить сеть мордовских школ. Уже в 1923 году в Пензенской, Саратовской, Самарской, Симбирской и Тамбовской губерниях имелось в общей сложности более 960 мордовских школ первой ступени и 23 школы второй ступени. Большая работа проводилась по ликвидации неграмотности среди взрослого населения.

Важнейшей идеологической основой процесса складывания социалистической нации явилась пропаганда идей большевистской партии как устным, так и печатным словом. Вся политико-массовая и культурно-просветительная работа партии была направлена на то, чтобы вовлечь трудящиеся массы на борьбу за социалистическое переустройство деревни, чтобы не допустить влияния кулаков и нэпманов на бедняцко-середняцкие массы.

В эти годы выпускались и распространялись среди мордвы несколько названий центральных и местных газет и журналов, издававшихся на русском и мордовских (эрзя и мокша) языках. Наиболее распространенными и популярными мордовскими газетами были: «Якстере теште», которая стала выходить в Москве в 1921 году, а с 1924 года стала издаваться в Саранске под названием «Эрзянь коммуна»; «Од веле», которая с 1924 года была переведена в Саранск и стала выходить под названием «Мокшень правда». Для мордвы, проживавшей в Сибири и на Дальнем Востоке, издавалась в Новосибирске газета «Од эрямо». Кроме указанных газет, в 1923—1924 годах издавались мордовские газеты в Саратове «Якстере сокиця», в Петровске — «Од веле», в Кузнецке — «Якстере веле». Некоторые газеты распространялись среди мордвы бесплатно[2].

Был открыт ряд культурно-просветительных учреждений. Уже в 1923 году только в мордовских селах Пензенской, Самарской, Симбирской и Тамбовской губерний действовали 15 народных домов, 12 изб-читален и 92 библиотеки. В дальнейшем сеть этих учреждений быстро расширяется. В 1928 году, например, на территории Мордовского округа имелось 24 клуба, 175 изб-читален, 28 библиотек, 4 краеведческих музея[3]. Эти мероприятия способствовали повышению политической активности мордвы, поднятию её национального самосознания, значительно поднялся процент мордвы в составе сельских, волостных и уездных Советов. В Пензенской губернии, например, в 1926 году по сравнению с 1924 годом членов сельских Советов из мордовской национальности увеличилось в 3 раза, членов волисполкомов почти в 2 раза. В 1926 году мордва составляла 17% всех членов уисполкомов.

---

[1] *И. А. Яшкин,* Указ, раб., стр. 32.

[2] Там же, стр. 32.

[3] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 289.

Лучшая, наиболее активная часть мордовского населения вступила в ряды партии. Уже в ходе проведения социалистической революции в деревне, в период деятельности комитетов бедноты возникли десятки большевистских партийных организаций в мордовских селах. Наиболее крупными и активными были организации в селах Ачадове, Салазгоре, Дракине, Чамзинке, Лобасках, Козловке, Большом Игнатове[1].

В годы гражданской войны и в годы восстановления и реконструкции народного хозяйства партийная работа в массах усилилась, расширились масштабы работы по подготовке кадров для партийно-политической работы в деревне. В 1926 году в Пензенской губернии более 750 человек окончили курсы по подготовке секретарей волостных партийных и комсомольских ячеек, волостных женских организаторов и избачей, из них более 550 человек были из мордвы[2]. В 1928 году в Саранске было открыто специальное учебное заведение — Дом мордовки, где готовились женщины-мордовки для низовой практической работы на селе.

Результатом усиления партийно-политической работы в массах был рост активности мордвы, тяга ее в партию и комсомол. Только за один год с января 1925 года по январь 1926 года Пензенская губернская организация приняла в ряды большевистской партии более 200 человек из мордвы. В 1926 году в Пензенской губернской парторганизации мордва составляла 19%. Более 630 юношей и девушек мордовской национальности за этот год было принято в комсомол[3].

Трудящиеся Мордовии под руководством коммунистической партии проделали огромную работу по восстановлению и реконструкции промышленности, сельского хозяйства и торговли.

Работы здесь было непочатый край. По данным учета 1920 года, 27% промышленных заведений совсем не работали, а остальные работали с неполной загрузкой. Даже в 1927 году бездействовали 12 цензовых предприятий из 45[4]. Темпы восстановления и реконструкции промышленности проходили медленно. В 1925 году объем промышленной продукции в Мордовии составлял всего 40% довоенного уровня[5], тогда как крупная промышленность СССР производила продукции уже 75% к уровню 1913 года[6].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I, ед. хр. 39, лл. 125—131.

[2] Мордовское население Пензенской губернии, стр. 129.

[3] Там же.

[4] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, Саранск, 1961, стр. 162.

[5] *М. Бор,* Развитие социалист. промыш. Мордовской АССР, Саранск, 1941, стр. 11.

[6] История коммунист. партии Советского Союза, М., 1959, стр. 369.

Мордовия по-прежнему оставалась аграрным районом страны. Если в РСФСР в 1928 году производилось продукции цензовой промышленности на душу населения в среднем на сумму 135 рублей, то в Мордовии всего на сумму 8 рублей[1].

Сельское хозяйство оставалось раздробленным, мелкотоварным. В 1928—1929 годах в Мордовии было более 200 тыс. мелких крестьянских хозяйств, из них более 96 тысяч бедняцких. Товарность продукции сельского хозяйства Мордовии в эти годы была ниже, чем в целом по Союзу.

Советское государство оказало мордовскому народу огромную организационную и материальную помощь, чтобы быстрее преодолеть это отставание. Только на восстановление и реконструкцию цензовой промышленности Мордовии за 1925—1929 годы было вложено около 1800 тыс. рублей государственных средств. В эти же годы осуществлялось строительство ряда новых предприятий.

Огромная помощь была оказана сельскому хозяйству и торговле. Только в 1928—1929 годах на проведение землеустроительных и мелиоративных работ, на приобретение машин, племенного и рабочего скота Советским правительством было отпущено около 1,5 млн. рублей, а в 1929—1930 годах — 3 млн. рублей[2].

В результате этой помощи экономика Мордовии начала заметно подниматься. К 1928 году валовая продукция промышленности почти достигла уровня 1913 года. Социалистический сектор торговли уверенно поднимался в гору и вытеснял нэпмана.

Большое значение в деле подготовки условий для формирования мордовской социалистической нации имело создание в 1925—1928 годах ряда мордовских волостей и образование в 1928 году в составе Средне-Волжской области Мордовского территориального административного округа с центром в городе Саранске. Эти меры способствовали улучшению обслуживания мордовского населения органами Советской власти, привлечению мордвы к непосредственному участию в работе Советов, усилению темпов роста культуры и экономики народа, окончательному выделению и укреплению экономического, административного и культурного центра мордовского края.

Проделав огромную работу по преодолению сильного экономического отставания и поднятию общей культуры мордовского народа, по подготовке национальных кадров, партия и Советское правительство с 1929 и с начала 1930 года приступили к новому этапу социалистического строительства в Мордовии, к непосредственным мерам по созданию мордовской национальной государственности.

---

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 166.

[2] Очерки истории Мордовской АССР, ч. II, стр. 172.

С этого времени начинается второй, завершающий этап на пути складывания мордовской социалистической нации.

К исходу второй довоенной пятилетки (1937 г.) в Мордовии, так же как и во всей стране, победила социалистическая система хозяйства во всех его отраслях.

Особенно быстрыми темпами развивалась социалистическая промышленность Мордовии, что является практическим воплощением в жизнь установки партии об осуществлении более быстрых темпов хозяйственного и культурного развития ранее отсталых и угнетенных народов по сравнению с более развитыми областями страны с тем, чтобы быстрее ликвидировать фактическое неравенство. Темпы роста промышленности в Мордовии в эти годы были выше, чем по Союзу. За годы первой пятилетки основные промышленные фонды в СССР выросли в 2,4 раза, а в Мордовии в 4,7 раза. Среднегодовой прирост фабрично-заводской продукции в целом по стране составил 21,6%, а в Мордовии — 26,7%[1].

За годы первой и второй довоенных пятилеток на развитие крупной государственной, местной и кооперативной промышленности было вложено более 85 млн. рублей государственных средств. Только в итоге второй пятилетки было введено в действие более 90 новых промышленных предприятий, среди них такие крупные предприятия, как пеньковый комбинат и консервный комбинат в Саранске. Постепенно рос удельный вес промышленной продукции во всем народном хозяйстве. В 1937 году он составил уже 30,8%[2]. В 1913 году, как отмечалось выше, он составил всего 1,5%.

В ходе создания социалистической промышленности в Мордовии складывается и кадровый рабочий класс, являющийся ведущей силой социалистического строительства. К концу второй пятилетки в республике было уже более 70 тыс. рабочих и служащих. Третью часть из которых составляла мордва. Создание национального кадрового рабочего класса в Мордовии явилось большой победой народа, важным показателем складывания мордовской социалистической нации.

На базе социалистической индустриализации страны при огромной помощи Советского государства в годы первых двух предвоенных пятилеток коренным образом изменилось сельское хозяйство Мордовии. За годы второй пятилетки в сельском хозяйстве Мордовии социализм победил полностью. К 1937 году были объединены в колхозы около 81% крестьянских хозяйств, 98,3% посевных площадей республики занимали колхозы и совхозы. Государство вложило огромные ассигнования на социалистическое переустройство мордовской деревни. Только за годы первой пятилетки в сельское хозяйство Мордовии было вложено свыше 40 млн. рублей, из них 6200 тыс. рублей было отпущено в виде долгосрочных ссуд.

---

[1] ЦГА МАССР, ф. 149, оп. 1, д. 166, л. 140.

[2] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 251.

Благодаря этой помощи облик колхозного села неузнаваемо изменился, основные виды сельскохозяйственных работ были механизированы, в результате чего поднялась производительность труда, увеличились доходы колхозов и колхозников.

Победа колхозного строя способствовала дальнейшему укреплению союза рабочего класса и крестьянства и созданию нерушимой дружбы между этими основными классами советского социалистического общества.

Одной из важнейших сторон формирования социалистической нации является осуществление культурной революции, создание новой, социалистической интеллигенции, беззаветно преданной своему народу, партии, делу социализма.

Первым условием создания мордовской национальной культуры является крутой подъем образования народа.

В июле 1930 года Центральный Комитет партии принял постановление о введении в стране всеобщего начального обучения. Партийные, советские и общественные организации Мордовии развернули огромную работу по выполнению этого решения. Уже в 1933/1934 учебном году начальный всеобуч в Мордовии был полностью осуществлен. Все дети школьного возраста были охвачены обучением в начальных классах. Одновременно росла сеть семилетних и средних общеобразовательных школ. Это явилось крупной победой культурной революции.

Но большое число неграмотных было среди взрослого населения, особенно среди женщин. Например, в 1928 году грамотность среди взрослого населения составляла всего 27,3%, а среди женщин — 17,6%. В январе 1936 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о полной ликвидации неграмотности в стране. В соответствии с этим постановлением в Мордовии был принят план, предусматривающий ликвидацию неграмотности к концу 1937 года. На эту цель союзным правительством было выделено нашей республике более 550 тыс. руб.[1]. К этой работе были привлечены сотни и тысячи культармейцев.

В результате принятых мер к концу 1939 года неграмотность в республике была в основном ликвидирована. Это было второй крупной победой на фронте культурной революции.

Наряду с развертыванием общего образования в республике, широким фронтом велась подготовка специалистов для разных отраслей народного хозяйства в техникумах и в других специальных учебных заведениях.

В 1931 году в Мордовии было открыто первое высшее учебное заведение — агропедвуз, который быстро вырос в крупное высшее учебное заведение, имевшее дневное, вечернее и заочное отделения. В эти же годы работали Саранский и Темниковский учительские институты, Мордовский комвуз, реорганизованный в 1933 году в Мордовскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. Кроме того, кадры высшей и средней квалификации для народного хозяйства Мордовии готовились в целом ряде других городов, в том числе в Москве, Ленинграде, Куйбышеве, Саратове, Казани, Горьком, Пензе.

---

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 283.

В результате этого Мордовия стала иметь значительный отряд кадров национальной интеллигенции. Уже в 1936 году в Мордовии имелось свыше 1220 специалистов из мордвы, в числе их 250 человек имели законченное высшее образование.

С начала 30-х годов начинается развитие научной мысли в Мордовии. В 1932 году в городе Саранске открывается научно-исследовательский институт мордовской культуры, который в 1937 году реорганизовывается в Мордовский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Институт начинает планомерное изучение истории мордовского народа, его языка и литературы. Он организовал перевод на мордовские языки трудов Маркса, Энгельса, Ленина. Институт сыграл огромную роль в деле подготовки национальных научых кадров, установил прочные связи с центральными научными учреждениями и отдельными учеными страны, которые помогали росту научных кадров. Большим достижением культурной жизни мордовского народа является создание и развитие своей национальной литературы, музыки, живописи, театра.

В 30-е годы выступает значительный отряд мордовских писателей, многие из которых уже тогда создают значительные произведения, получившие признание мордовского читателя. Создается национальный театр, получает широкое развитие художественная самодеятельность. Растущая сеть клубов, Домов культуры оказала большое содействие росту и совершенствованию национального самодеятельного искусства.

В 30-е годы получает большое развитие печатное дело. В целях планомерного и массового издания литературы на родном языке в 1932 году было создано Мордовское книжное издательство. Мордгизом в рассматриваемое время выпущено тысячи экземпляров различных книг, в числе которых, наряду с произведениями классиков марксизма-ленинизма, почетное место занимали произведения классиков русской литературы и советских писателей в переводе на мордовские языки. Издавалось большое количество периодической литературы. В 1934 году, например, издавалось 63 названия газет, 5 общественно-политических и литературно-художественных журналов, 4 из которых выходили на родном языке.

Книги, газеты, журналы, издаваемые как на русском, так и на мордовском языках, находили широкий спрос у населения, что свидетельствует о значительном росте материального благосостояния и культурного уровня трудящихся республики.

В завершении национальной консолидации мордвы исключительно важное значение имело создание мордовской национальной государственности и принятие Конституции Мордовской АССР.

Практические меры, принимаемые Коммунистической партией и Советским правительством по строительству социализма в Мордовии, поднятию ее экономики и культуры, подготовке кадров национальной интеллигенции привели к тому, что к концу 1929 года и началу 1930 года созрели условия для создания Мордовской автономии. 10 января 1930 года президиум ВЦИК вынес постановление о преобразовании Мордовского административного округа в Мордовскую автономную область с центром в городе Саранске с представлением ей прав, установленных действующим законодательством для автономных областей, входящих в состав РСФСР. А через четыре года, 20 декабря 1934 года, ввиду значительных успехов области в социалистическом строительстве Мордовская автономная область постановлением президиума ВЦИК была преобразована в Мордовскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В августе 1937 года на II съезде Советов была принята Конституция Мордовской АССР.

С образованием Мордовской АССР и принятием Конституции республики был завершен процесс формирования мордовской социалистической нации.

Победа социалистического строя, рост экономики и национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, развитие народного образования, литературы и искусства, печатного дела и радио, постоянное обогащение мордовской лексики за счет русских слов и, наконец, образование Мордовской автономной республики способствовали не только экономическому, общекультурному, но и языковому сближению двух частей единого мордовского народа — эрзи и мокши. Задача школ, писателей и работников печати, литературоведов и языковедов состоит в том, чтобы оказывать всяческое содействие этому естественному, закономерному процессу.

Консолидация мордвы в социалистическую нацию во много раз усилила ее связи с другими народами нашей страны и прежде всего со своим старшим братом — великим русским народом. Мордовский народ занял свое место в большой и дружной семье советских народов как ее полноправный член, как почетный труженик и верный строитель коммунизма.

Мордовский народ, сложившись в середине 30-х годов в социалистическую нацию, теперь в условиях полной и окончательной победы социализма и развернутого строительства коммунизма, получил широкую возможность для дальнейшего всестороннего развития и процветания.

И. А. Яшкин,
кандидат исторических наук

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ МОРДОВСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На протяжении всей истории Советского государства Коммунистическая партия проявляла неустанную заботу о последовательном проведении в жизнь ленинской национальной политики, о развитии экономики и культуры всех национальностей, о сплочении народов СССР в единую братскую семью.

Сбылось то, о чем мечтал великий Ленин, над чем неустанно трудился он и созданная им партия коммунистов: народы, населяющие нашу страну, объединились в братскую семью, в нерушимый Союз Советских Социалистических Республик и вместе пошли по пути строительства коммунизма. В итоге полной и окончательной победы социализма в нашей стране и благодаря последовательному осуществлению ленинской национальной политики КПСС в СССР успешно разрешен национальный вопрос, достигнуто фактическое равенство народов во всех областях общественной жизни.

Развернутое коммунистическое строительство означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства. «Целью социализма,— писал В. И. Ленин,— является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»[1]. К этой цели и идет наше социалистическое общество.

На современном этапе перед советским народом встала главная экономическая задача — создание материально-технической базы коммунизма. Это еще больше усилит экономическую общность социалистического государства, расширит и углубит экономические связи между республиками, создаст условия для еще более тесного объединения и сближения советских народов. В свою очередь это расширение и углубление экономических связей способствует ускорению построения материально-технической базы коммунизма, бурному развитию не только страны в целом, но и каждой республики, каждой нации. Вот почему в Программе партии взят курс на дальнейший экономический и культурный расцвет советских республик, на еще более тесное и всестороннее сближение наций. Наш великий вождь В. И. Ленин подчеркивал, что «вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»[1]. Практика строительства социализма убедительно подтвердила этот ленинский вывод.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 135.

Народное хозяйство каждой союзной и автономной республики СССР развивается с учетом ресурсов и потребностей в той или иной продукции каждой республики и всего социалистического государства. Так, главными отраслями, определяющими специализацию Мордовии и ее роль в общесоюзном разделении труда, являются машиностроение и приборостроение. Особенно быстрыми темпами развивается электротехническая отрасль промышленности республики.

В последние годы в Мордовии возникла и в настоящее время бурно развивается светотехника и прежде всего промышленность источников света, являющаяся ее основой. В Мордовии создается крупнейший в стране научный и промышленный комплекс по источникам света. Особенно высокими темпами развивалась промышленность в годы семилетки. Среднегодовой прирост ее продукции составил 16,4%, основные промышленно-производственные фонды выросли в 3,3 раза. Построены и строятся заводы машиностроения, светотехники, приборостроения, синтетической химии, стройматериалов, текстильной и пищевой промышленности. Только за последние годы построено более 50 крупных промышленных предприятий. Производство промышленной продукции на душу населения возросло по сравнению с 1958 годом в два раза. За эти годы производство электроэнергии и теплоэнергии увеличилось в тридцать раз, машиностроение и металлообработка возросла в шестнадцать раз, промышленность строительных материалов — в одиннадцать раз[2]. В 1965 году объем валовой продукции промышленных предприятий Мордовии превысил уровень 1913 года в 81 раз[3]. Показательно, что в республике уже в 1960 году за каждые восемь дней промышленность выпускала столько продукции, сколько она давала ее за весь 1913 год. Теперь промышленные изделия с маркой мордовских предприятий поставляются не только во все союзные республики, но экспортируются более чем 40 странам мира.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 318.

[2] Светотехническая промышленность Мордовской АССР. Сборник статей Мордкнижиздат, Саранск, 1965, стр. 3—4.

[3] Газета «Советская Мордовия», № 294, 14 декабря 1965 г.

За годы семилетки значительные изменения произошли в электрификации народного хозяйства Мордовии. В 1958—1959 гг. в Саранске вступила в строй крупная ТЭЦ № 2, в 1960 году была завершена электрификация участка великой магистрали Москва—Байкал, проходящей через Мордовию (Сасово—Рузаевка—Инза). Линии электропередач Мордовии закольцованы с энергетической системой Европейской части страны.

В 1959 году к Саранску подошел газопровод из Саратовской области — базы бытовой и промышленной энергетики и развития химической промышленности. Все это привело к существенным изменениям в структуре промышленности. Теперь Мордовия выпускает цемент, шифер, экскаваторы, самосвалы, медицинские препараты, приборы, сложнейшие электрические аппараты, моторы, сельскохозяйственные машины, химическое оборудование, большой ассортимент светотехнической арматуры и осветительные электролампы.

Ныне, когда у нас нет отсталых наций, когда все нации и народности достигли высокого уровня экономического и культурного развития, каждая нация и народность вносят большой и ценный вклад в общее дело строительства коммунизма, стало возможным и необходимым их всестороннее сотрудничество и взаимопомощь. Все интенсивнее становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями. В настоящее время Мордовская АССР вывозит свою продукцию почти во все экономические районы Российской Федерации и всем союзным республикам. В свою очередь она завозит продукцию из многих экономических районов и союзных республик страны. Главными предметами вывоза из Мордовской АССР в братские республики являются экскаваторы, электродвигатели, автосамосвалы, люминесцентные и нормально-осветительные лампы, кабельная продукция, медицинские препараты, цемент, химическое оборудование, сложнейшие электротехнические аппараты. Из года в год возрастают кооперированные поставки промышленной продукции. Так, только за первые четыре года семилетки между областями и автономными республиками, ранее входящими в Волго-Вятский экономический район, они выросли: по поковкам в два раза, штамповкам — в 6,8 раза, чугунному и стальному литью — в 7 раз, по цветному литью — в 17 раз.

Все это отражает новый, более высокий этап сближения наций и служит интересам дальнейшего укрепления их единства и складыванию новой экономической общности социалистических наций, в то время как у буржуазных наций она оформляется путем обособления национальных рынков.

«Развернутое строительство коммунизма,— говорится в Программе КПСС,—требует все более рационального размещения промышленности, которое обеспечит экономию общественного труда, комплексное развитие районов и специализацию их хозяйства, устранит чрезмерную скученность населения в крупных городах, будет содействовать преодолению существенных различий между городом и деревней, дальнейшему выравниванию уровней экономического развития районов страны»[1].

Быстрый подъем промышленного производства и капитального строительства, развитие транспорта и торговли привели к коренным качественным изменениям состава рабочего класса и сельского населения Мордовии. Число рабочих и служащих в народном хозяйстве республики в 1963 году составило 220 тысяч человек. Только в 1963 году окончило и направлено на работу в промышленность, строительство, на транспорт 4428 молодых квалифицированных рабочих. Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве республики, в 1963 году составила 35,2 тысячи человек. На 1 декабря 1962 года только в колхозах республики было занято 1177 специалистов с высшим и средним специальным образованием, в том числе более 30% из мордовской национальности[2].

В республике, на территории которой до Октябрьской революции не было ни одного высшего и среднего специального учебного заведения, имеется университет, пединститут, три научно-исследовательских института, 16 средних специальных учебных заведений. В высших и средних специальных учебных заведениях республики в текущем учебном году обучается более 17 тысяч студентов 20-ти национальностей, в том числе более 31% из мордовской национальности.

Развитие экономики, изменение социального состава наций, все возрастающее хозяйственное и культурное общение между ними приводят к появлению общих черт в культуре, морали, быту, растет потребность общества в едином языке, усиливает экономическую общность социалистических наций в пределах всего государства. Экономика каждой союзной и автономной республики развивается как неотъемлемая часть единой экономики СССР.

При сохранении общности территории всех союзных и автономных республик идет интенсивный процесс смешения населения республик. Теряют былое значение такие признаки нации, как общность территории и экономической жизни.

Общностью территории и экономической жизни, общностью языка характеризовались буржуазные нации и то главным образом в государствах, сложившихся как однонациональные. В многонациональных государствах, особенно на высших ступенях общественного развития, национальная экономика выходит за рамки национальности. Для современной эпохи, при всем значении национально особенного, характерно преобладание тенденции к интернационализации всей общественной жизни.

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1961, стр. 72.

[2] Газета «Советская Мордовия», № 25 от 30 января 1963 г.

В статье А. Г. Агаева «Народность, как социальная общность» справедливо подчеркнуто, что «реальное существование отдельных этнических общностей, в том числе народностей и наций, без общности территории, общности языка и т. д. убеждает ... в необязательности проявления признаков во всех случаях и во все времена в форме некоей «общности». И народность и нация в ряде случаев объективно существует без «общности» того или иного признака»[1]. Так, из 1285116 человек мордвы на этнической территории расселено всего лишь 357978 человек, и свыше 280 тысяч человек родным языком считают русский. От этого, думается нам, мордва не перестала быть нацией. Башкиры бытуют как нация без общности языка, а эвенки как народность — и без общности территории.

История знала только донациональные и национальные устойчивые общности людей разных классов.

В межнациональных же отношениях в условиях капитализма могло быть лишь временное и неустойчивое единство наций, живущих в одном государстве, например, в общедемократической борьбе против внешних или внутренних сил реакции. Самым выдающимся достижением социального прогресса при социализме является образование единой для всей страны интернациональной общности людей, как одного народа.

Постоянное длительное сотрудничество свободных социалистических наций привело к совершенно новому, невиданному в условиях капитализма результату, к сближению и взаимообогащению наций.

Если раньше у людей каждой нации на первый план выступали национальные особенности, национальные отличия, то с победой социализма в нашей стране сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты — советский народ. Само понятие. «народ» в результате глубоких социальных и политических преобразований получило новое содержание, новые качества и черты.

Понятие «советский народ» выражает теперь полное отсутствие в нашем обществе антагонистических классовых противоречий; достижение общенародного единства в борьбе за построение коммунизма представляет собой новую, невиданную в истории общность людей, свободную от социальных и национальных антагонизмов. На этой основе и формируется общая воля советского народа, которую выражает и закрепляет в своих законах общенародное государство.

Победа социализма и становление социалистических наций сопровождается небывалым расцветом наций и параллельным размыванием национальных перегородок. Старая экономическая общность уступает место новой экономической общности социалистических наций. Эта общность носит социалистический и общенародный характер, ибо опирается на социалистическую собственность и охватывает всю территорию страны на основе общегосударственного планирования и разделения труда между всеми народами СССР. Материальные и культурные потребности всех народов удовлетворяются в равной степени на всей территории страны, где бы они ни были расселены.

---

[1] «Вопросы философии», № 11, 1965 г., стр. 27.

В современных условиях, когда экономика республики развивается комплексно, когда расширяются рамки специализации и кооперирования производства, а экономические районы устанавливают между собой жизненно необходимые многосторонние связи, экономическая общность всех социалистических наций становится более важной и определяющей, чем экономическая общность отдельной нации. Эту новую интернациональную общность нельзя вместить в старые национальные формы. Ведь вполне понятно, что материально-техническая база коммунизма слагается не из простой суммы хозяйств национальных республик, а из их единства и нераздельности. В самом деле, разве 72% мордвы, 73% татар, 48% чувашей, 44% армян, одна шестая часть узбеков, проживающих вне предела своих национальных республик, рассеянных по всему Советскому Союзу, чувствуют себя менее полноправными, разве экономическая общность у них иная, чем представителей этих национальностей, проживающих непосредственно в данной национальной республике?

Экономика каждой национальной республики развивается как неотъемлемая часть экономики всего Советского Союза. Экономическое сближение социалистических наций ведет к тому, что общность экономической жизни из национального признака становится признаком содружества социалистических наций.

У советских людей развилось чувство территориального единства всего советского народа, понимание того, что национальная территория является прежде всего составной частью территории всего советского народа, используемой в общих интересах всех наций и народностей.

При определении национальной территории нельзя ограничиваться лишь учетом национального состава населения.

В. И. Ленин учил, что национальный признак не может быть единственным фактором, определяющим необходимость создания Советских республик и областей. Следовало также учитывать и экономические соображения, хозяйственную целостность территории. Он указывал на недопустимость отрыва городов с многонациональным населением от территории, с которой у них имеются многообразные экономические связи.

«Отрывать города,— писал В. И. Ленин,— от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального» момента нелепо и невозможно»[1].

И эти указания В. И. Ленина были учтены при образовании Мордовской АССР. Мордва в 1930 году составляла 38,4% населения Мордовии, русские — 56,1%, татары — 5,5%. Если в 1930 году в Мордовии проживали в основном три национальности, то сегодня в Мордовии живут и трудятся представители 20 народов и национальностей СССР. Само мордовское население расселено на территории ряда республик и областей и непосредственно участвует во взаимном общении народов. Так, переписью 1959 года было учтено 1285,1 тыс. мордвы, в том числе в Мордовской АССР—357978 человек, или 28%, остальные 72% проживают на территории Пензенской, Куйбышевской, Ульяновской, Саратовской, Горьковской, Оренбургской, Кемеровской областей, Татарской, Башкирской, Чувашской АССР, Красноярском крае, Узбекской и Казахской ССР. Даже в составе населения Сахалинской области насчитывается около 11 тысяч представителей этой национальности.

Общность территории, пишет известный этнограф С. А. Токарев, конечно, очень важна, она необходима как условие образования этнической общности (ни один народ не мог бы сложиться без территориального общения всех его частей между собою); но в дальнейшей истории народа территориальная общность может ослабеть или даже исчезнуть, вовсе не уничтожая этим и даже не всегда ослабляя этническое единство данного народа: например, мордва, башкиры, якуты, узбеки давно уже не имеют сплошной этнической территории, и отдельные части этих народов почти или совсем не соприкасаются между собой, но это нисколько не нарушает их этнического единства[2].

Если раньше, в период образования СССР, характер национальной государственности, юридическое содержание национально-государственных границ имели значение особой гарантии национальной свободы, то в новых условиях они утрачивают эти свойства. В Советском Союзе давно сломаны национальные перегородки. В ходе строительства социализма в стране сложился прочный союз равноправных народов, сплоченных искренней и глубокой дружбой.

«Границы между союзными республиками,— говорится в Программе КПСС,— в пределах СССР все более теряют свое былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму»[3].

---

[1] *В. И. Ленин,* соч., т. 24, стр. 149.

[2] «Вопросы философии», № 11, 1964, стр. 43.

[3] Материалы XXII съезда КПСС, Москва, 1961, стр. 405.

В условиях вполне дружеских, братских отношений между всеми нациями не столько национальные границы, сколько подлинно демократическая природа СССР все более становится в глазах самих трудящихся масс национальных республик основой, решающей гарантией национальных прав и свобод. Поэтому в отношениях между социалистическими нациями нашей страны территориальное разделение имеет лишь административно-управленческое значение.

Дальнейшее сближение социалистических наций в период развернутого строительства коммунизма охватывает не только область социально-экономических отношений, но и область быта, культуры, духовного облика наций и народностей.

Лучшие качества и традиции каждого народа становятся при социализме достоянием всех других народов. В связи с этим меняется критерий определения национального признака. Возьмем, например, такие замечательные произведения, как «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского или «Судьба человека» М. Шолохова. Они близки каждому советскому человеку, на этих произведениях, написанных русскими писателями, воспитывались и воспитываются миллионы юношей и девушек самых различных национальностей, в том числе и мордовской. Вот почему мы по праву считаем, что эти произведения одновременно и национально-русские и вместе с тем глубоко интернациональные. Следовательно, национальным является не только то, что отличает одну национальную культуру от другой, но и то, что их сближает, что является общим и глубоко отражает современную жизнь народа.

Лучшие произведения литературы и искусства независимо от национальности их авторов и от того, жизнь какого народа в нем отражена, пользуются одинаково огромной популярностью у всех советских людей. И это прежде всего потому, что интересы, цели и стремления трудящихся всех национальностей едины. Их совместная борьба за построение коммунизма — главное в содержании советской литературы и искусства. «У советских людей разных национальностей,— говорится в Программе КПСС,— сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»[1]. Этому в огромной степени способствует непосредственное общение писателей, композиторов, художников, артистов, деятелей науки союзных и автономных республик между собой и с широкими массами трудящихся этих республик. Так, тесная братская дружба связывает мордовских писателей с писателями Российской Федерации, Узбекистана, Молдавии, Чувашской, Татарской, Удмуртской, Марийской АССР и других национальных республик.

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 405.

В Мордовии большими тиражами издаются произведения писателей народов СССР, а произведения мордовских писателей печатаются на языках многих народов Советского Союза. Так, например, в переводах произведений советской мордовской литературы на русский язык приняли и принимают участие примерно 50 прозаиков и поэтов. За последние пять лет вышло на русском языке в Саранске и Москве около 60 книг. Стихи и прозаические произведения были опубликованы и публикуются в 16 русских журналах, в таких, как «Огонек», «Дружба народов», «Советская женщина», «Советский воин», «Наш современник», «Костер» и др.

Постоянно переводятся произведения мордовских писателей на языки братских республик: чувашский, татарский, удмуртский, марийский, украинский, молдавский, эстонский, узбекский и другие языки.

Все это ведет к взаимообогащению культурной сокровищницы каждой нации, к их все более тесному сближению, к интернационализации культуры советских народов.

В Мордовии то и дело появляются писатели, пишущие не на языке своей национальности, а на том, который они, родившись и живя среди данного народа, с самой колыбели усвоили как родной язык и на котором, следовательно, они говорят и мыслят. Таким языком является русский. Конечно, это связано не с отмиранием мордовской нации, языка и литературы. Это результат ликвидации былых национальных перегородок и вхождения в национальные коллективы людей из других народов.

Нет ни одной сферы жизни и быта мордвы, которые бы не претерпели изменения за годы Советской власти. Исчезают и отмирают те черты и отличительные особенности национальных форм, которые не соответствуют новым условиям развития мордовской нации и взаимоотношениям между другими нациями. Уже в настоящее время в характеристике духовного облика мордовского народа определяющее значение имеют те общие черты, которые объединяют его с русской нацией и отражают их морально-политическое единство, общность жизненных интересов и целей в строительстве коммунизма.

В наших условиях интернациональное неотделимо от национального: национально то, что глубоко интернационально.

Благотворное влияние на сближение национальных культур оказывает великий русский язык, ставший вторым родным языком мордовского народа, живительным источником формирования и развития мордовского литературного языка и культуры.

«Мы, разумеется, стоим за то,— писал в свое время В. И. Ленин,— чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной...

Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки. Мы убеждены, что ...весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою... Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки»[1]. И это ленинское предвидение целиком сбылось. Примечательно то, что еще во время Всесоюзной переписи населения в 1959 году 10,2 миллиона человек из числа нерусских граждан назвали своим родным языком русский.

Обычно нации говорят на одном языке, но в условиях социализма и коммунизма будет увеличиваться число наций, которые говорят на двух-трех языках. Мордовская социалистическая нация развивает свою культуру на двух литературных языках — на эрзянском и мокшанском, вместе с тем вся мордва хорошо владеет русским языком. По этому пути, по сути дела, идут и марийцы и некоторые другие, особенно малые народности СССР, которым почему-либо трудно было преодолеть большие различия в диалектах и создать на базе одного из них единый литературный язык. А это значит, что они развивают свою национальную культуру на своих литературных языках, выросших из диалектов, и на русском литературном языке, который используется не только как средство межнационального, но и как средство внутринационального общения.

Использование русского языка как средства внутринационального общения при теснейших экономических, политических, культурных связях и повседневном общении с русским народом естественно и закономерно объединяет мокшанский и эрзянский народ, сближает их между собой, с великим русским народом.

Двуязычие (то есть знание, помимо мордовского, еще и русского языка) представляет собой одно из наиболее характерных явлений языковой жизни мордовского народа на современном этапе. Русский язык стал фактически родным языком или «вторым родным языком» мордовского народа.

Мордовское население того или иного района нашей страны не только владеет родным и русским языками, но и находится в среде людей, также свободно владеющих обоими языками. Стоит вспомнить, что во время переписи населения 1959 года из 374346 человек мордвы, живущей в городах РСФСР, 178513 человек, или более 47%, назвали русский язык родным языком[2].

В этом случае для взаимопонимания, строго говоря, безразлично, какой язык используется. Использование того или иного языка зависит от населения и настроения говорящих, хотя пристальное наблюдение вскрывает здесь существование определенных закономерностей, своего рода «разделение» общественных функций между мордовским и русским языками.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 55—56.

[2] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, Москва, 1962, стр. 190.

В Мордовской АССР государственная и общественно-политическая деятельность в республиканском, районном и сельском масштабе, проведение собраний, конференций, ведение документации осуществляется на русском языке. Русский язык обслуживает полностью производственную деятельность в промышленности. Мордовский язык сохраняет за собой области сельскохозяйственного производства, быта, художественной литературы и искусства. Перенимание мордвой русского языка было отражено, в частности, материалами переписи еще 1926 года, отметившими утрату некоторыми группами мордвы своего родного языка. Из каждых 100 человек, признавших себя мордвой по национальному самосознанию, 6 человек считали своим родным языком русский (у чувашского населения — 1 человек на 100). Количество мордвы, утратившей свой родной язык, составляло по СССР в 1926 году в сельской местности 5%, в городах — 35%.

В ходе углубления и расширения взаимного общения народов СССР все большее распространение получают межнациональные браки, наиболее резко разрывающие этнические связи. Так, в европейской части РСФСР за 1927 год среди мужчин-мордвы на 100 браков приходилось 7,16, среди женщин 4,48 межнационального брака, у татар 4,75 среди мужчин, 2,24 среди женщин; чуваши соответственно — 4,21 и 1,69[1].

Мы не можем анализировать происшедшие сдвиги в межнациональных браках в последующие годы в связи с отсутствием обобщающих данных, однако нам ясно, что в условиях братской дружбы народов межнациональные браки получили еще более широкое распространение. Показательны в этом отношении следующие данные: по переписи населения в 1959 году 96,6% мордвы, живущей в Мордовской АССР, считают родным языком мордовский, а из всей мордвы, проживающей в пределах РСФСР, родным языком своей национальности считают 78%, 22% признали родным языком русский.

В селах Мордовии свой родной язык утратили всего 1,6% мордвы, а в городах — более 20%, в Куйбышевской, Оренбургской областях в сельской местности русский язык стал родным для 12% мордвы, а в городах — для 47%. В Сибири почти 50% всей мордвы утратили свой родной язык.

В самом мордовском языке более 90% новых научно-технических, общественно-политических и других терминов составляют заимствования из русского языка.

---

[1] «История СССР», № 3, 1962, стр. 40.

Как известно, мордва как национальность создавалась на основе консолидации народностей эрзя и мокша. Эта консолидация, по существу, закончилась: при переписи 1959 года из 1285,1 тыс. человек мордвы отнесли себя к мокше 178,3 тыс. человек (14%); к эрзе — 164,8 тыс. человек (13%)[1]. Хотя и до сих пор у мокши и эрзи сохранились некоторые существенные различия в языке, но сознание принадлежности к одному племени сменилось сознанием принадлежности к одному народу. Эрзя и мокша осознают себя одним этническим целым — мордовским народом.

Параллельно с консолидацией в одну национальность мордва в значительной мере ассимилировалась с другими народами. В Мордовской АССР преобладает сельское население, с ростом производительности сельскохозяйственного труда в республике высвобождаются рабочие руки, и часть населения переезжает в другие районы страны, где и ассимилируется с местными жителями. В результате не только в Мордовской АССР, но и в целом по стране численность мордвы уменьшилась на 11,8%.

Если по переписи 1926 года мордовского населения в стране было 1370 тысяч человек, по переписи 1939 года—1456,3 тыс. человек (увеличение на 6,3%), то по переписи 1959 года численность мордвы составила 1285,1 тыс. человек, или сократилась на 11,8%[2].

Процесс смешения национальностей и в условиях капитализма В. И. Ленин считал явлением прогрессивным. Зло высмеивая еврейских реакционных мещан, кричавших против «ассимиляторства», В. И. Ленин в статье «Критические заметки по национальному вопросу» писал: «Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса, разрушения национальной заскорузлости...»[3]

Тем более прогрессивен процесс смешения национальностей в условиях социализма, где утвердились дружественные, братские отношения между народами.

Рабочий класс и его партия, учил В. И. Ленин, обязаны поддерживать «все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее, все, ведущее к слиянию наций. Поступать иначе — значит встать на сторону реакционного националистического мещанства»[4].

В СССР процесс сближения наций протекает не стихийно, а в результате планомерного создания под руководством партии интернациональной экономики и культуры коммунизма.

---

[1] *П. Т. Подъячих.* Население СССР, М., 1961, стр. 114.

[2] Численность и расселение народов мира, М., 1962, стр. 61.

[3] *В. И. Ленин,* соч. т. 24, стр. 127.

[4] *В. И. Ленин,* соч. т. 24, стр. 133.

«Исторический опыт развития социалистических наций,— говорится в Программе КПСС,— показывает, что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни. Развивается общая для всех советских наций интернациональная культура. Культурная сокровищница каждой нации все больше обогащается творениями, приобретающими интернациональный характер»[1].

Расцвет мордовской социалистической нации — это развитие ее экономики, политической сознательности, национальной культуры на базе сближения с русской социалистической нацией.

Экономической основой дальнейшего сближения советских социалистических наций является создание в нашей стране материально-технической базы коммунизма.

Через всесторонний расцвет и неуклонное сближение социалистических наций к их слиянию в развитом коммунистическом обществе — таково содержание этого процесса.

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 407.

К. А. Котков,
кандидат исторических наук

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Победа Великой Октябрьской социалистической революции ознаменовала собой триумф марксистско-ленинской теории, раскрывшей перед всем миром основные законы общественного развития, показавшей рабочему классу, как нужно использовать законы общественного развития в интересах трудовых масс народа.

Руководствуясь теорией марксизма-ленинизма, Коммунистическая партия, обеспечив строительство социализма в нашей стране, повела трудящихся по пути строительства коммунизма.

В шеренге строителей коммунизма идут и работники науки, деятели исторического фронта Мордовской республики.

Годы, прошедшие после XX съезда партии, явились для историков Мордовии, как и всей нашей страны, временем большого творческого подъема и серьезных научных сдвигов.

За это время еще шире развернулась работа по изучению ряда важных вопросов, имеющих научно-практическое значение в жизни нашей республики.

Мордовская историческая наука является детищем Великого Октября.

Со дня утверждения Советской власти в нашей стране началось создание подлинной научной истории мордовского народа.

В дореволюционное время дворянско-буржуазная историография, отражавшая интересы господствующих классов, стояла на позициях насильственной руссификации нерусских народов, она протаскивала всевозможные «теории» о том, что «малые» народы не имеют своей истории и у них нет перспектив на будущее историческое развитие.

Но даже в условиях царизма, произвола цензуры некоторые вопросы социально-политической истории, хозяйственной деятельности и быта мордовского народа нашли свое освещение в сочинениях ряда передовых ученых того времени: И. И. Лепехина, С. М. Соловьева, В. Майнова, В. О. Ключевского, Б. А. Ауновского, И. И. Дубасова и других.

Несмотря на то, что отдельные дореволюционные исследователи находились под сильным влиянием дворянско-буржуазной идеологии, тем не менее материалы, введенные ими в научный оборот, имеют определенное значение в деле изучения истории Мордовской АССР досоветского периода.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции выдвинула перед исторической наукой ряд совершенно новых проблем, связанных с непосредственной деятельностью трудящихся масс в строительстве новой жизни.

Задачи хозяйственного и культурного строительства, социалистического переустройства всей жизни советского народа, исходящие из принципов ленинской национальной политики, нашли свое живое воплощение в таких важных документах и решениях, как «Декларация прав народов России», «Ко всем трудящимся России и Востока», Программа РКП(б), принятая на VIII съезде партии, решения X, XII и других съездов партии.

X съезд РКП(б), определяя задачи партии по национальному вопросу, принял конкретную программу национального возрождения всех народов, которые при царизме были бесправными и угнетенными.

В своих решениях съезд указал, что «Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке...»[1].

Далее съезд указал на необходимость ликвидации остатков национального неравенства в хозяйственной жизни и планомерное строительство промышленных предприятий в национальных районах страны, которые были аграрными придатками царской России, районами жестокой эксплуатации трудящихся масс.

Претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, осуществляя задачи социалистического переустройства хозяйства, культуры и быта мордовского народа, с первых лет Советской власти началось систематическое изучение истории мордовского народа учеными Москвы, Ленинграда, Тамбова, Пензы, Казани, Саратова и других городов.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК, ч. I, стр. 559.

Научная работа по истории и культуре Мордовской АССР в первое время развертывалась в следующих направлениях:

1) Разыскивались этнографические и археологические материалы и коллекции, собирались и опубликовались документы и материалы, отражающие быт, культуру и историю мордовского народа на разных этапах его развития.

2) Развертывалась исследовательская работа по истории, археологии и этнографии.

3) Было положено начало работам обобщающего характера.

Нужно будет отметить, что в период господства культа личности историки Мордовии иногда отступали от исторической действительности, допускали искажение фактов.

Историческая наука, освободившись от вредных последствий культа личности, прочно встала на гранитную основу марксизма-ленинизма.

Истекшие годы после XX съезда КПСС характерны для нас появлением ряда статей, брошюр и монографий, посвященных почти всем периодам истории Мордовской АССР и особенно периоду социалистического и коммунистического строительства.

Наиболее важным событием в культурной жизни Мордовской республики за это время является выход в свет «Очерков истории Мордовской АССР» в двух томах. Этот труд охватывает историю Мордовской АССР с древнейших времен до 1960 года.

Двухтомные «Очерки истории Мордовской АССР» представляют собой итог большой коллективной работы местных историков в содружестве с учеными Москвы и других научных центров страны.

В деле изучения истории Мордовской АССР неоценимая помощь оказывалась нам академиками Ю.В. Готье, Б. Д. Грековым, членом корреспондентом АН СССР А. И. Яковлевым, докторами исторических наук А. А. Савичем, К. В. Кудряшовым, профессором В. В. Максаковым и другими.

В настоящее время в деле изучения истории Мордовии большую помощь оказывают нам: академик Б. А. Рыбаков, члены-корреспонденты АН СССР С. П. Толстов, П. Н. Третьяков, Б. А. Серебренников; доктора наук А. П. Смирнов, В. Н. Белицер, кандидаты исторических наук А. Е. Алихова, П. Д. Степанов, кандидат биологических наук К. Ю. Марк, этнограф Т. А. Крюкова, топонимист В. А. Никонов и другие ученые Москвы, Ленинграда и других городов нашей страны.

Историки Мордовии в содружестве с учеными Москвы, Ленинграда и других научных центров страны успешно трудятся над созданием «Истории Мордовской АССР» от древнейших времен до наших дней.

Хотя в деле изучения истории Мордовской АССР проделана значительная работа, но тем не менее есть еще у нас много вопросов, которые являются неразрешенными, дискуссионными и нуждаются в уточнении, о чем говорили на данной сессии.

В области изучения истории Мордовской АССР на ближайшие годы, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на разработку следующих вопросов:

В области изучения истории советского периода

Победа Великой Октябрьской революции в Мордовии. Пути и особенности формирования рабочего класса Мордовии. Коллективизация сельского хозяйства — важнейший фактор в формировании новых, социалистических отношений в деревне. Победа культурной революции в Мордовии. Этапы развития мордовской национальной государственности. Многовековая дружба мордовского народа с великим русским народом — важнейший фактор национального возрождения мордовского народа. Этапы формирования мордовской социалистической нации. Роль бригад коммунистического труда в формировании нового человека. Женщины Мордовии на путях к коммунизму.

В области истории досоветского периода

Изучить закономерность развития раннефеодальных и феодальных отношений у мордвы. Проследить пути развития скотоводства, земледелия и ремесла. Выяснить процесс формирования и дальнейшего развития мордовской народности. Определить этапы вхождения мордовского народа в состав русского государства и показать цивилизирующую роль русского народа в развитии хозяйства и культуры мордовского народа. Проследить пути капиталистического развития в Мордовии и осветить процесс складывания мордовской буржуазной нации. Показать ведущую роль русского пролетариата в революционном воспитании мордовского народа. Проследить пути и методы распространения марксизма-ленинизма среди трудящихся Мордовии в дореволюционные годы. Изучить миграционные и ассимиляционные процессы среди мордовского народа в дооктябрьский период. Шире изучить историю классовой борьбы на территории Мордовии на разных этапах общественного развития досоветского периода.

В области этнографической и антропологической наук

Богатство и своеобразие форм самобытной культуры мордовского народа с давних времен привлекали внимание виднейших ученых и краеведов.

Русскими учеными П. С. Палласом, П. И. Мельниковым-Печерским, И. Н. Смирновым, А. А. Шахматовым, М. Е. Евсевьевым и другими был собран и частично опубликован разнообразный материал, характеризующий отдельные стороны хозяйственной и культурной деятельности мордовского народа.

Но дореволюционные исследователи-этнографы занимались главным образом изучением только отдельных локальных групп мордвы и сбором этнографических коллекций.

Вследствие того, что в правительственных органах, научных и издательских учреждениях при царизме господствовала идеология великодержавного шовинизма, прогрессивные ученые не могли дать объективного представления о хозяйстве, культуре и быте мордовского народа. Но материалы, собранные и частично опубликованные по этнографии мордовского народа, являются ценными источниками для изучения истории мордовского народа в дооктябрьский период.

Всестороннее этнографическое изучение мордовского народа началось с победы Великой Октябрьской социалистической революции.

С первых лет Советской власти отдельные ученые Саратова, Москвы, Казани, Ленинграда, Горького и других городов, а также партийные, советские, профсоюзные работники, представители национальных отделов и секций губкомов РКП(б) и губисполкомов приступили к систематическому изучению культуры и быта мордовского народа с тем, чтобы помочь ему быстрее преодолеть отставание во всех сферах материальной и духовной жизни, которое было унаследовано от господства помещиков и капиталистов, и приобщиться к культуре великого русского народа.

Много внимания изучению этнографии мордовского народа в 20—30 годах нашего века уделили виднейший мордовский ученый М. Е. Евсевьев, проф. Саратовского гос. университета Б. М. Соколов, М. Т. Маркелов, П. Д. Степанов и другие.

В более широком плане этнографическое изучение мордовского народа началось с 1953 года, когда развернула свою работу Мордовская этнографическая экспедиция, образованная Институтом этнографии АН СССР и Мордовским научно-исследовательским институтом под руководством доктора исторических наук В. Н. Белицер. За 10 лет своей работы Мордовская этнографическая экспедиция добилась значительных успехов по изучению истории, культуры и быта мордовского народа.

Экспедиция собрала богатейший материал о хозяйственной и духовной культуре мордовского народа. Изучила антропологический состав современного мордовского, русского и татарского населения Мордовии. Проследила процессы взаимообогащения и взаимовлияния культур.

На базе большого этнографического материала, собранного комплексными экспедициями, Мордовский научно-исследовательский институт совместно с Институтом этнографии АН СССР с 1960 года приступили к серийному изданию трудов «Мордовской этнографической экспедиции», из которых два тома издательством АН СССР изданы, последующие три тома готовятся к печати.

Какие, на наш взгляд, основные направления исследований по этнографии и антропологии намечаются на ближайшие годы?

Охватить этнографическим и антропологическим изучением все районы нашей страны, где проживают компактные группы мордовского народа. У нас почти нет этнографических материалов по мордовскому населению, проживающему в районах Зауралья, Сибири, Средней Азии, Казахстана и Кавказа.

Слабо изучен вопрос происхождения мордовского народа по данным этнографии, антропологии и лингвистики. Необходимо полнее выяснить, какие компоненты приняли участие в формировании древнемордовских племен и мордовского народа. Следует расширить исследования по вопросам о взаимосвязи и взаимовлиянии культур.

В наших изданиях обращалось внимание на то, что мордовский народ перенял от соседей, главным образом от славянских племен и русского народа. Получалось одностороннее освещение культурных связей. Несомненно, немало мордовского вошло в сокровищницу мировой культуры, но об этом мы молчали. Это необходимо всесторонне изучить и показать. Проследить процесс складывания союзов племен и родоплеменных отношений у мордвы по данным этнографии, изучить процесс становления частной собственности на землю. На основе этнографических данных показать прогрессивную роль русской культуры в развитии культуры мордовского народа. Изучить обычное право, как источник познания социальных отношений в прошлом.

Представляет интерес изучение народной медицины у мордвы и использование ее приемов в современной медицине.

Следует всесторонне изучить изменения в области социально-экономического уклада жизни мордовского народа, которые произошли за годы Советской власти. Важным вопросом является изучение процесса становления коммунистического быта, складывание новых обычаев и развитие семьи.

За годы Советской власти значительные изменения произошли в семье. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин рассматривали семью как общественное явление, которое на протяжении жизни человеческого общества в связи с изменениями способа производства материальных благ подвергалось изменениям; что семейные отношения определяются теми социально-экономическими изменениями, которые происходили и происходят в человеческих коллективах. У нас, в Советском Союзе, в странах социалистического содружества в связи с социалистическими преобразованиями идет процесс сложения новой, социалистической семьи, зародились новые сердечные, дружеские, здоровые отношения между мужем и женой, родителями и детьми.

Этот прогрессивный процесс развития новой семьи мы должны изучить, показать жизненность и необходимость этих новых явлений в семье.

Социалистическое строительство внесло большие изменения в исторически сложившиеся формы народного жилища. Традиционные формы национального зодчества, являющиеся замечательными образцами современных колхозных сооружений, т. е. значительные изменения, происшедшие в строительстве новых домов, в расположении комнат, обстановке и убранстве квартиры, пока не нашли должного анализа в наших исследованиях.

Рост уровня материального обеспечения и культуры деревни обусловили изменения и в народном костюме. Колхозное крестьянство в основном перешло на одежду и платья фабричного производства. Чаще стали пользоваться услугами комбинатов бытового обслуживания и ателье.

Неисчерпаемо богата Мордовия народными талантами в области декоративно-прикладного искусства. В числе этого искусства важное место занимает орнамент, который за многие столетия приобрел разные геометрические и растительные вариации, мотивы и многообразие цветовых ритмов.

За годы Советской власти народное декоративно-прикладное искусство получило значительное развитие, приобрело новое направление.

Но мы до настоящего времени не подняли на должную высоту изучение всех особенностей и вариаций мордовского орнамента, миниатюрной живописи, скульптуры, художественной обработки древесины, кости и камня.

Одной из важнейших задач по этнографии является изучение быта рабочего класса Мордовии, который в основном сформировался после Великой Октябрьской социалистической революции.

В области археологии

Изучение археологических памятников в деле научной разработки истории в прошлом бесписьменного мордовского народа имеет важное значение. Но это изучение до Октябрьской революции велось в недостаточных масштабах.

Археологи и краеведы в доктябрьский период занимались главным образом собиранием коллекций. Многие из исследователей, находясь под влиянием буржуазных взглядов на развитие исторического процесса, не могли дать объективную характеристику исследуемых памятников.

Вопросы взаимовлияния культур почти совершенно не затрагивались. Недостаточно акцентировалось внимание на развитие самобытной культуры мордовского народа.

Мы отдаем должную дань виднейшим ученым — археологам конца XIX — начала XX вв. В. Н. Ястребову, В. М. Терехину, А. А. Спицину и другим, положившим начало изучению древних памятников мордовского народа.

Только в годы Советской власти археологическая наука прочно встала на подлинно научные основы и получила признание у широких масс трудящихся.

С первых лет Советской власти началось более глубокое изучение древних памятников мордовского народа такими виднейшими учеными страны, как В. А. Городцов, П. П. Ефименко, Б. С. Жуков, П. С. Рыков и другие.

В этот период развертывается научно-исследовательская деятельность крупнейших ученых нашей страны — чл.-корр. АН СССР П. Н. Третьякова, чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова, докторов исторических наук А. Я. Брюсова, А. П. Смирнова, Е. И. Горюновой, известных археологов П. Д. Степанова, А. Е. Алиховой, Н. В. Трубниковой и других, которые с позиций марксистско-ленинской методологии начали глубокое и систематическое изучение памятников материальной культуры Волго-Окского междуречья.

Археологическая работа, проведенная советскими учеными за годы Советской власти, дала очень значительные и ценные научные результаты как по изучению племен, обитавших на территории Мордовской автономной республики, так и, в частности, мордовского народа.

Изучено и систематизировано значительное количество памятников, относящихся к периоду неолита, бронзы и раннего железа. Намечены основные этапы в развитии первобытнообщинных отношений у мордовских племен, выявлены некоторые особенности развития местного края в эпоху неолита, бронзы и раннего железа.

Важным выводом археологов является то, что установлена генетическая связь городецкой культуры с древнемордовской. По этому вопросу высказано единое мнение на научной сессии.

Археологическими экспедициями Мордовского научно-исследовательского института совместно с Институтом археологии Академии наук СССР на территории Мордовии изучены памятники фатьяновской и срубно-хвалынской культур — эпохи бронзы, городецкой — эпохи раннего железа и древнемордовской культуры. Эти открытия дали возможность по-новому поставить ряд вопросов, касающихся истории древнемордовских племен и мордовского народа.

В области археологической науки на ближайшие годы, на наш взгляд, необходимо разрешить следующие вопросы:

Выяснить с позиции археологии, этнографии и лингвистики процессы этнических образований у мордовских племен.

Определить межплеменные связи племен эпохи бронзы и периода раннего железа. Глубже выяснить вопрос о двух мордовских племенах — мокши и эрзи, установить время формирования этих племен. Изучить вопрос об общемордовской культуре. Определить условия формирования этнических признаков обоих племенных союзов в материальной культуре, в языке, фольклоре, идеологии, физическом типе. Определить этапы развития металлообработки, ремесла и сельскохозяйственного производства у мордовских племен. Установить взаимовлияние и взаимообогащение культур и связь соседних племен с древнемордовскими племенами. Определить, как отразилось великое переселение народов в истории мордовских племен. Разрешить вопрос о рабстве у мордовских племен и определить характер рабства. Изучить процесс распада первобытнообщинного строя и образование племенной аристократии у мордовских племен, которая постепенно забирала в свои руки власть в общине и становилась феодалами.

Установить достоверность и хронологию летописных записей и сказаний восточных и древних авторов о мордовском народе.

Для разрешения всех этих вопросов необходимо проделать следующее:

Усилить поиски могильников и поселений первого и начала второго тысячелетия н. э.

Принять участие совместно с Институтом археологии АН СССР в составлении «Свода археологических источников» с темой «Мордовские древности» взамен устаревшего издания А. А. Спицина.

Для разрешения вышеперечисленных задач имеется большая необходимость постановки комплексных экспедиционных работ на территории расселения мордвы с участием археологов, антропологов, этнографов, историков и языковедов. Перед экспедициями поставить задачу: установить смену древних культур на территории расселения мордовских племен и осветить прошлое племен и народов с тем, чтобы получить надежную основу для разработки древней и средневековой истории мордовского народа.

В области этнолингвистики, топонимии и фольклора

В нашей исторической и филологической литературе очень слабо освещены вопросы этногенеза мордовского народа, по данным этнолингвистики, топонимики и фольклора. Эти три кладовых науки, хранящие в себе много тайн о жизни мордовских племен и мордовского народа в далеком прошлом, остаются до сих пор слабо изученными.

Некоторая работа в области этнолингвистики была проделана академиком А. А. Шахматовым и чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубрихом.

В области этнолингвистики финно-угорских народов по языку определенная работа проделана чл.-корр. АН СССР Б. А. Серебренниковым и проф. М. Н. Коляденковым. Но тем не менее нужно будет сказать, что в области этнолингвистики сделано пока очень мало. Наши филологи слабо изучают многообразие диалектов мордовских языков. С позиций диалектологии не определяют взаимовлияние и взаимообогащение мордовских языков. Нет работ, показывающих роль мордовских языков в развитии языков соседних племен и народов.

Нашими местными исследователями проделана некоторая работа в области топонимики. Некоторые товарищи стремились разгадать названия рек и речек, протекающих по территории Мордовии, исходя из созвучия слов. Так, например, происхождение названия реки Суры они выводили от слова «суро» — просо, утверждая, что в былые времена долина реки Суры давала тучные урожаи проса, и что с кашей связаны некоторые дохристианские обряды мордвы. Название реки Сивини объяснили словом «сывиль» — мясо. Эти товарищи утверждали, что луговые угодья поймы Сивини были хорошими пастбищными угодьями, а воды Сивини — изобиловали рыбой. Название речки Саранки, отсюда и города Саранска определили от слова «сараз» — курица — тетерев, утверждая, что долина речки Саранки была богата тетеревами и т. д. Здесь топонимисты к изучению топонимических названий подошли с позиций созвучности и этимологии слова, а не с позиций законов развития мордовских языков, истории племен и народов, обитавших на нашей территории.

Известно, что Волго-Окское междуречье в далеком прошлом ознаменовалось значительными культурными сдвигами и этническими образованиями, которые оставили не только памятники материальной культуры, но и, вероятно, названия отдельных мест, урочищ, рек и т. п. По всей вероятности, некоторые названия в более поздний период были заимствованы мордовскими племенами, а затем и мордовским народом.

Нам кажется, в вопросах изучения мордовской топонимики наши исследователи должны придерживаться той методики, которая высказана в трудах Б. А. Рыбакова, Б. А. Серебренникова и В. А. Никонова.

Историки ждут от фольклористов таких работ, где был бы разбор фольклорных произведений по тем социально-экономическим наслоениям, которые нашли отражение в произведениях.

В этом сообщении я остановился только на тех главных вопросах, которые необходимо разрешить на ближайшие годы с тем, чтобы помочь историкам-краеведам Мордовии в деле создания «Истории Мордовской АССР» от древнейших времен до наших дней.

Историки Мордовии в содружестве с учеными городов Поволжья и головных институтов Академии наук СССР уже работают над рядом названных мною проблем. Они усиленно готовятся к достойной встрече 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Все задачи, исходящие из практики социалистического переустройства культуры и быта, вытекающие из решений XX—XXII съездов Коммунистической партии Советского Союза, программы развернутого строительства коммунизма, поставленные и самой жизнью перед историками и филологами, работающими над мордовской проблематикой под руководством мордовской партийной организации, несомненно будут выполнены.

В этом благородном деле Мордовии окажут необходимую помощь ученые головных институтов Академии наук, научных учреждений Поволжья и других областей нашей Родины.

СООБЩЕНИЯ

А. Е. Алихова,
кандидат исторических наук

РАССЕЛЕНИЕ МОРДОВСКОГО НАРОДА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

О расселении древних мордовских племен с достоверностью можно говорить, начиная с нашей эры, когда в Западном Поволжье появились могильники.

В предшествующее время, в эпоху раннего железа, Западное Поволжье, включая и среднюю Оку, было заселено племенами городецкой культуры. Как было доказано в свое время Н. В. Трубниковой, городецкая культура не была едина, а представляла собой ряд локальных вариантов.

Однако не вся территория, населенная этими племенами, была археологически изучена. Поэтому на карте в работе Н. В. Трубниковой, как раз на месте расселения мордовских племен, имеется белое пятно. Очевидно, и на этой территории были отдельные группы.

Позже, когда появились на территории городецкой культуры могильники и выявилось несколько групп со своими специфическими чертами, оказалось, что они вполне совпадают с локальными вариантами городецкой культуры. Это группа рязанских могильников, группа муромских, цнинско-мокшанских и саратовских. Как я уже говорила сегодня, появление этих могильников было обусловлено социально-экономическими сдвигами среди племен городецкой культуры. Этот вопрос, очевидно, происходил не одновременно на всей территории.

У одной группы племен он начался раньше, например в кошибеевской группе; в другой чуть-чуть позже, например в рязанской. Часть этих групп, выделявшаяся рядом самобытных черт, упомянута в русской летописи — это мурома и мордва. Рязанская группа исчезла раньше. Очевидно, это была мещера, как это предполагает А. П. Смирнов. Поскольку выделение этих групп началось значительно раньше начала нашей эры, вполне закономерно, что в период появления могильников они уже имели свои этнографические особенности.

Ни у кого из исследователей не возникает никаких сомнений в их близком родстве. Но я считаю неправомерным объединять из всех под названием **«мордовские».**

Для обозначения их древней общности нужно придумать определенный термин, а лучше для этого употреблять существующий «Племена городецкой культуры». В 1 тысячелетии это явно уже не только мордва, но и мурома и другие, не сохранившие своего племенного названия и отчасти своего облика.

Позже внутри отдельных групп в результате длительных перегруппировок выработались стойкие этнические признаки. Говоря о мордве, я имею в виду территорию между Цной и Сурой. Как мы слышали сегодня, на этой территории в раннюю пору известны могильники собственно кошибеевского типа и Пензенско-Сурские, которые имеют много общих черт с Кошибеевскими.

За длительный период 1 тысячелетия облик материальной культуры мордовских племен сильно изменился. Ко второй половине этого тысячелетия выработались более или менее однообразные черты в материальной культуре мордвы. Отдельные черты, характеризующие мокшу и эрзю, начинают прослеживаться в конце этого периода. В VII—VIII веках появляется могильник с северной ориентировкой умерших — это один из стойких для эрзи признаков на протяжении значительной части II тысячелетия. Полное разделение на мокшу и эрзю произошло, по-видимому, вначале II тысячелетия. Говорить о границах расселения этих племен сейчас не приходится: далеко ещё не вся их территория изучена.

В период монгольского завоевания мордва поселилась в куйбышевском поволжье. Об этом свидетельствует типично мокшанский Муранский могильник. Часть мордвы переселилась в это же время и за Волгу — близ современного Куйбышева. Здесь, судя по материалам Барабашинского могильника, одновременно жила и мокша и эрзя.

М. Р. Полесских,
старший научный сотрудник Пензенского краеведческого музея

РАННИЕ ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОРДВЫ-МОКШИ

Проведенные за последние полтора десятилетия автором исследования древнейших могильников и поселений на территории Пензенской области в соединении с ранее накопленным дали материал для решения проблемы происхождения и развития аборигенного населения бассейнов рек Суры, Мокши, каковым является мордва. Одну из важнейших проблем раннего и раздельного существования мордвы-мокши в настоящее время можно считать в основном разрешенной, для другой проблемы — истоки и условия этногенеза — исследование представляет новые данные.

Изучению были подвергнуты могильники: Старший и Младший Селиксенский, Пензенский, Шемышейский, Ражкинский, Тезиковский, Армиевский (частью ранее изученный проф. П. С. Рыковым), а также некоторые поселения 1 тысячелетия н. э. и некоторые могильники конца 1 тысячелетия н. э. Все названные могильники (465 погребений) чётко членятся на три комплекса и соответственно на 3 хронологических периода. Это старший (селиксенский), переходный и младший (армиевский). К первому периоду относятся старшие погребения Селиксенского и Ражкинского могильников, погребения Шемышейского, Пензенского могильников. Ко второму периоду относятся погребения Старшего Селиксенского и Ражкинского могильников на втором этапе их существования, погребения Тезиковского могильника. Третий период составляют погребения Армиевского и Младшего Селиксенского могильников. Вещевой материал, представленный этими хронологическими периодами, дает ряд определяющих форм — прежде всего женских украшений, отражающих их эволюцию и непрерывность без каких-либо изъятий. Как же датируются эти хронологические периоды? Они охватывают следующие этапы развития: II, III, IV вв.— старшая группа, IV—V вв.—переходная группа, V—VI, VII вв.—

младшая группа. Последняя органически переходит в группу ранних погребений могильников типа Лядинского. Хронологическая систематика вещевых комплексов могильников приводит к тому, что, если нам известен этнос поздних памятников, в данном случае могильников лядинского типа, мы можем безошибочно определить этнос исходных более ранних памятников.

Руководящей формой этнического определения пензенских могильников является височная подвеска — стерженек с грузиком на нижнем и горизонтальной спиралькой на верхнем конце. Данная подвеска фигурирует в могильниках мокши позднего средневековья. Она оказалась во всех ранних пензенских могильниках типа Старшей Селиксы, в могильниках переходного и армиевского типов. Ранняя форма селиксенской подвески имеет особенность в устройстве грузика, имеющего вид двух сложенных основаниями конусов, более поздняя форма — биттрапецоидный грузик. Из других женских украшений характерны: бусы из красной стекловидной массы, вначале — отдельные; в переходной период — звеньевые, подражающие стеклянному четковидному бисеру; в конце периода — отдельные мелкие бусы, иногда деформированные. Много кольцевых застежек, особенно в армиевское время. Характерны шейные гривны, браслеты, перстни, накосники, нагрудные и поясные пластинчатые бляхи, подвески и другое. Среди всех этих украшений легко заметить ранние, переходные и поздние формы (рис. 1). Стр. 165

К переходным типам относятся следующие вещи: бусы красные звеньевые, по форме подражающие золоченому четковидному бисеру, по материалу — новые, в дальнейшем красные пастовые. Гривны — деревянный прут, обвитый бронзовой проволокой, или гривны с напущенными бусами — в раннем варианте. Пластинчатые бляхи, в которых утрачивается прорезь, сохраняется концентрический орнамент, прибавляется накладка или обоимицы с колечками. Кольцевые застежки — появление орнамента в виде насечек елочкой, пунктира, штриха,— в дальнейшем они перейдут в застежки с рубчатым краем. Сосуществование некоторое время (IV век) височных подвесок с разной формой грузиков (Ражкинский могильник), затем полное исчезновение биконического грузика. Общая форма подвески осталась неизменна.

Вещи из мужских захоронений отражают занятия древней мокши, в том числе характеризуют домашнее ремесло, военное дело и т. д.

На протяжении II—VII вв. прослеживается ритуал погребений, соединяющий в себе, с одной стороны, традицию трупоположений — положение вытянуто, на спине, с вытянутыми или сложенными руками; с другой—переход к новым формам, в т. ч. полной замене некоторых особенностей ритуала (ориентировка головой на юг в армиевских погребениях вместо ориентировки на запад в древнейших селиксенских погребениях (или к частичным нововведениям, например, трупосожжения в Армиевском и Младшем Селиксенском могильниках V—VI вв.

Анализ вещевого материала из могильников селиксенского типа (старшая группа) вскрывает черты прикамских культур: есть позднепьяноборские вещи (бляшки); прототипы такого специфического украшения, как височная подвеска с грузиком, также уходят в Прикамье, в частности к ананьинской культуре. В то же время сравнение керамики из Старшей Селиксы с керамикой со вновь открытого Ахунского городища (окрестности Пензы), датируемого рубежом н. э., дает значительное различие. Так, для Селиксы характерны баночные сосуды, иногда с загнутыми во внутрь краями, и отсутствие даже намека на рогожный орнамент. Для Ахунского городища средней поры городецкой культуры показательны сосуды в виде горшков с отогнутым в наружную сторону краем, иногда острореберные, нередко с рогожным отпечатком.

Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что носители культуры могильников старшего селиксенского типа являются пришлым населением, поселившимся на пензенских землях среди нечуждого ему городецкого населения. Инвентарь последующих этапов, особенно керамика могильников армиевского типа, отражает слияние пришлого и местного населения. Корни происхождения селиксенского населения уходят, по-видимому, в область культур Прикамья[1].

Следующая эпоха, связанная с могильниками переходного времени (Ражкинский, Тезиковский, часть Старшего Селиксенского — IV, отчасти V века), ознаменовалась рядом изменений в культурной жизни древних селиксенцев. Это нашло свое отражение, во-первых, в появлении новых форм вещей, конструктивные основы которых продолжали оставаться традиционными; во-вторых, в перемене ориентировки с запада на юг при сохранении в прежнем виде остальных особенностей ритуала. Причины этого явления, очевидно, следует искать, с одной стороны, в развитии экономической жизни, с другой,— в росте внешних связей, в непосредственном сближении с соседними родственными племенами. Это прежде всего относится к мордве-эрзе, с которой мы предположительно связываем могильники кошибеевского типа («протоэрзянские») и могильники окские типа Кузьминского и Борковского («древнеэрзянские»). В инвентаре Тезиковского могильника (55 погребений) ясно прослеживаются черты смешения кошибеевских элементов (северная и восточная ориентировка, лопастные височные подвески, ажурные броши, зубчатые застежки) и селиксенских элементов (височные подвески с грузиком и весь остальной инвентарь).

---

[1] Это предположение поддерживается палеоантропологическим анализом черепов из рассматриваемых могильников, в котором подчеркивается сходство населения, оставившего Старший Селиксенский могильник, с древним населением Волго-Камья. (Т. И. Алексеева. Рукопись статьи, 1964 г.)

Армиевский могильник открывает собой новую ступень развития этнической культуры. Именно с этого времени, с середины 1 тысячелетия н. э., начинается формирование этноса мордвы-мокши в ее устойчивых этнографических особенностях, основные черты которых дошли до позднего средневековья без принципиальных изменений. Предшествующий «селиксенский этап» характеризуется с этнической точки зрения как протомокшанский.

Время существования могильников армиевского типа было связано со значительным подъемом экономической жизни древней мокши и еще большим, чем в предшествующий период, культурным сближением с близко родственными ей другими мордовскими племенами. Первое нашло свое вещественное выражение в высокой военной организации, второе — в значительной, более, чем когда-либо, идентификации материальной культуры двух крупнейших мордовских племен — мокши и эрзи.

Это культурное сближение почти скрывает этнографическое своеобразие — раздельно — мокши и эрзи, а также, очевидно, других этнических групп мордвы последних веков 1 тысячелетия н. э. Становится ясным, почему ряд исследователей придерживается взгляда, согласно которому до указанного времени существовал единый этнический массив мордвы с единообразной материальной культурой (А. Е. Алихова) и единым языком (М. Н. Коляденков).

Но остается факт существования в 1 тысячелетии таких и разных и сходных между собой памятников, как Селиксенский и Кошибеевский, Армиевский и Кузьминский могильники, в принадлежности которых к мордве в науке серьезных расхождений нет. И с этим фактом не считаться нельзя.

Первое тысячелетие н. э. в истории мокши заканчивается переходом к новой эпохе, представленной могильниками лядинского типа (Пановский, «Красный восток» и другие), а также городищами и селищами (Кармалейское, Сядемские Калмы — Пензенская область и др.). Время этой эпохи — VIII—XII вв. В литературе она освещена достаточно полно.

История развития и становления мордвы-мокши на протяжении 1 тыс. н. э., начиная с первых веков, проходила не изолированно, а во взаимодействиях и связях с сопредельными племенами и народами, из которых на первое место надо поставить этнически родственную мордву-эрзю.

Археологический материал из пензенских могильников наглядно рисует самобытный характер материальной культуры древней мокши, притом на протяжении всей истории ее развития. С другой стороны, нельзя не видеть и последовательности сменявшихся культурных влияний, перерабатывавшихся мордовским народом в духе своего развития. Так, на селиксенском и ражкинском этапах заметно влияние поздних сармат; на армиевском этапе — алан: в конце 1 тсыячелетия н. э. отчетливо проступают элементы сначала салтовской культуры, потом культуры восточного славянства.

Какие же выводы позволяет сделать исследование пензенских могильников 1 тысячелетия н. э.?

1. Все исследованные могильники, за исключением, может быть Тезиковского, представляют мордву-мокшу.

2. Развитие культуры мокши по исследованным памятникам прослеживается от II века н. э. и беспрерывно, вплоть до памятников позднейшего времени.

3. Ядром мокши, по-видимому, явились пришлые с северо-восточной стороны, возможно из Прикамья, племена, носители культуры Старшего Селиксенского могильника.

4. Есть основание предполагать, что древние селиксенцы ассимилировали в своей среде местное городецкое население, в результате чего возникла новая культура того же этноса, выраженная в памятниках типа Армиевского могильника.

Этническая культура мордвы-мокши в ее устойчивых прогрессирующих формах начинается, как мы полагаем, с середины 1 тыс. н. э. и связана с могильниками типа Ражкинского и Армиевского, когда устанавливается неизменный в основных чертах погребальный ритуал и окончательно формируются типы женских украшений.

Вывод о принадлежности пензенских могильников II—VII вв. к мордве-мокше (а не мордве вообще) может считаться окончательным, если в ходе дальнейших исследований подтвердится предположение о принадлежности к мордве-эрзе синхронных с пензенскими окских могильников.

В. Ф. Черников,
старший научный сотрудник Горьковского музея-заповедника

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПО РАЗВЕДКАМ ГОРЬКОВСКОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
1959—1963 гг.

Изучение древней истории западной части Среднего Поволжья немыслимо без исследования археологических памятников на территории Горьковской области. Именно здесь, в силу благоприятных физико-географических условий, при слиянии рек—древнейших путей сообщения—Волги и Оки, в самые различные исторические эпохи вступали в соприкосновение те или иные культурные общности, эта территория была как бы перекрестком на путях передвижения этих общностей.

Многие исследователи вложили немало своего труда в изучение археологии горьковского Поволжья. Здесь работали В. А. Городцов, Б. С. Жуков, В. И. Каменский, М. В. Воеводский, О. Н. Бадер, Е. И. Горюнова, А. Е. Алихова, И. К. Цветкова, М. Ф. Жиганов, А. Х. Халиков и другие. Почти весь огромный археологический материал, накопленный к 1959 году, нашел место в отдельных работах археологов и в археологических картах, составленных П. Д. Степановым[1] и А. Х. Халиковым[2]. Но на территории нашей области еще много белых пятен, особенно к югу от Оки и Волги, поэтому, начиная с 1959 года, Горьковский музей приступил к обследованию южных районов области, где до недавнего времени были известны в основном только могильники эпохи железа. Нами было обследовано правобережье реки Тёши от Лукоянова до её устья, левобережье реки Сережи, правобережье и левобережье реки Оки от Мурома до Горького, оба берега реки Кудьмы, речки Имза, Сундокик, среднее и нижнее течение реки Пьяны.

Самые древние памятники, выявленные нами на этой территории, относятся к концу III тыс. до н. э. и ко II тыс. до н. э. Здесь мы находим стоянки балахнинской и балановской культур.

---

[1] *П. Д. Степанов,* Материалы для археологической партии западной части Среднего Поволжья, МИА № 111, стр. 221—271.

[2] *А. Х. Халиков,* Труды Марийской археологической экспедиции, т. I, Йошкар-Ола, 1960.

Стоянки Гремячево-1, Бутурлино и некоторые другие относятся к ранним балахнинским, а стоянки Паровое-1, Пасьяново-1 и другие, на которых керамика с растительными примесями, относятся к более позднему времени. К ранним памятникам нужно отнести и Гремячево-II — место разработки кремня.

Если к нашим памятникам присовокупить уже известные стоянки у Сонино и Сакон, то выявляется одна особенность, а именно то, что эта территория была довольно слабо освоена охотниками-рыболовами.

Поселения балановских племен чаще всего встречаются по правому берегу Волги. Поселения на Оленьей горе у Лысково, у с. Большая Ельня и другие атли-касинского времени XV—XIV вв. до н. э.), а Крутецкое, Маргуши и некоторые синхронные им относятся к ош-пандинскому времени.

Какие же были взаимоотношения между охотниками-рыболовами и балановским населением? Из данных археологической карты можно предположительно сделать заключение о мирном сосуществовании их. Слабая заселенность территории и обширные хозяйственные угодья этому благоприятствовали.

Во второй же половине II тыс. до н. э. южные районы начинают осваиваться поздняковскими племенами.

К ранним поселениям типа Поздняковской стоянки относятся поселения у с. Новая деревня, Ключевская, Наумовка-1 и другие. Время этих поселений предположительно XIII—XII вв. до н. э.

По данным наших разведок, процесс освоения территории поздняковскими племенами происходил довольно быстро, притом, возможно, в два этапа. Ко второму этапу нужно отнести памятники у с. Марьевка, у дер. Пошатово, у с. Румасово и всю группу памятников на речке Кишме.

К концу II тыс. до н. э. всё правопобережье Оки и Волги было освоено поздняковскими племенами. К этому надо добавить, что на Оке выше устья реки Клязьмы они переправились на левый берег, но ниже устья реки Клязьмы, вниз по Оке, они не продвинулись, вероятно, их задержали местные племена.

Следующие по времени идут поселения с «сетчатой» керамикой. Они датируются концом II тыс. до н. э. — первыми веками I тыс. до н. э.

Если взглянуть на карту распространения этих поселений, то можно заметить, что они зачастую занимают те же места, где раньше находились стоянки неолита, но можно их встретить и на высоких коренных берегах Волги и Оки. Культурный слой на поселениях достигает всего 15—25 см. Эти памятники приходятся на время сложения городецкой культуры.

Поселения с сетчатой керамикой сейчас известны и на Оке, и на Волге, и на Тёше, и на Сереже, и на Пьяне.

За время разведок нами открыто более 10 новых укрепленных поселений-городищ городецкой культуры. Городища Доскино-I, Ефимеево-II (Гусли), Приспецово и другие нужно датировать ранним временем, а такие городища, как Анненковское, Резеньское, Баранниковское, существовали, вероятно, как крепости-убежища вплоть до средневекового времени.

В особую группу памятников мы выделили поселения открытого типа, но синхронные по времени, вероятно, городищам. На таких поселениях, как Арзамас-1, II, IV и другие, расположенных на буграх речных террас и на дюнных всхолмлениях поймы, имеются нижний горизонт культурного слоя с сетчатой керамикой, выше которого лежит горизонт с гладкой неорнаментированной керамикой, притом стирильных прослоек между горизонтами не прослеживается.

Большое количество было открыто поселений только с гладкой неорнаментированной керамикой, которые предположительно мы датируем второй половиной 1 тыс. н. э. типа Силино-II, Низково-1 и другие. Поселения этого времени мы встречаем и на Оке и на Волге.

К поселениям XII—XIV вв. относятся селища «Красная речка», Силино-1, Кобылино-1 и многие другие. На этих поселениях была найдена мордовская гончарная керамика, краснолощеная булгарского типа, янтарные крестики, привозные пряслица из красной глины и другие вещи. Все эти поселения занимают огромные площади, они вытянуты вдоль террас на 300 и более метров.

За последние годы нами было зафиксировано несколько новых мордовских могильников:

1. Абрамовский близ г. Арзамаса — IX—X вв.
2. Дубровский XII—XIV вв.
3. У с. Б.-Покровское — XVII в.
4. Горьковский — XVI—XVIII вв.
5. Шишадеевский — XVII в.
6. Нижне-Верейский — IX—XI вв.— муромский.
7. Гавриловский — V—VI вв.? — разрушен.

В своем коротком выступлении я не думал давать каких-то определенных выводов, да это и невозможно сделать, ибо мы располагаем в основном подъемным материалом, но ознакомить с работой музея настала необходимость. Как видите, наши разведки дали много нового археологического материала. Есть памятники исключительной важности, и стационарное изучение их путем раскопок даст ценнейший материал для решения еще неясных вопросов в этногенезе мордовского народа.

Хотелось бы выразить уверенность, что изучение этих памятников мы будем вести совместно с нашими друзьями из Саранска.

А. Х. Халиков,
кандидат исторических наук

МОРДОВСКИЕ И БОЛГАРО-ТАТАРСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Сложные процессы формирования культуры и этноса современных народов протекали не изолированно, а в условиях тесных взаимоотношений с окружающими их как родственными по языку, так и иноязычными племенами и народностями.

Немаловажную роль в этнической консолидации финно-угорских народов Волго-Камья, в том числе и мордовского народа, сыграло взаимодействие их предков с тюркоязычными племенами, начало активного внедрения которых в край падает на вторую половину 1 тыс. н. э. Весьма плодотворными эти контакты оказались и для тюркоязычных племен, в культуре современных потомков которых — казанских татар[1] и башкир[2] — очень отчетливы финно-угорские элементы, а в культуре чувашей они даже преобладают[3]. Поэтому выяснение хода развития и результатов тюркско-финно-угорских взаимоотношений является важным звеном в общем процессе изучения этногенеза народов Поволжья.

В той или иной степени попытки освещения на археологическом материале вопросов взаимодействия финно-угорских, в частности мордовских, и тюркоязычных племен предпринимались различными исследователями.

Так, А. П. Смирнов в ряде своих работ[4] пишет о влиянии на мордовскую культуру болгарской и золотоордынской культуры. Эти же вопросы затрагивают в некоторых своих исследованиях А. Е. Алихова и М. Ф. Жиганов. Но эти авторы при освещении вопроса мордовско-тюркских взаимосвязей в основном исходят из положения о начале их не раньше времени возникновения Волжской Болгарии и полагают, что те элементы тюркских заимствований, которые наблюдаются в культуре мордвы, проникли в мордовскую среду поздно — в основном в золотоордынскую эпоху за счет обоснования на мордовских землях золотоордынских татар. Эта мысль особенно отчетливо прозвучала и в докладе М. Г. Сафаргалиева на научной сессии, итогам которой и посвящен настоящий сборник.

---

[1] *Н. И. Воробьев,* Казанские татары. Казань, 1953, стр. 347 и сл.

[2] *С. И. Руденко,* Башкиры, М. 1955, стр. 351.

[3] *Н. И. Воробьев, А. Н. Львова* и др. Чуваши, Чебоксары, 1956, стр. 35 и сл.

[4] *А. П. Смирнов,* Очерк древней истории мордвы. Труды ГИМ, вып. XI, М. 1940, стр. 145—146.

Он же. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, М. 1952, стр. 124 и сл.

Археологические исследования, проведенные в послевоенные годы в Среднем Поволжье, заставляют несколько иначе рассматривать поставленные вопросы и полагать, что мордовско-тюркские взаимоотношения имели гораздо большую древность и значительно большую сложность, чем предполагалось.

До середины 1 тыс. н. э. культура древнемордовских племен еще не подвергалась каким-либо серьезным воздействиям со стороны тюркоязычных племен, которые к этому времени уже начали свою экспансию в Восточную Европу. Такие древнемордовские могильники, как Ражкинский[1], Тезиковский[2], Ст.-Селиксенский[3] и др., датировка которых не выходит за пределы IV—V вв. н. э., ещё не обнаруживают предметов, связанных с тюркским, приуральским или прикаспийско-черноморским степным миром. Объяснять это неразвитостью межплеменных связей нельзя, ибо отчетливы контакты древней мордвы с другими финно-угорскими племенами — азелинскими[4], древнемарийскими[5] и т. п.

Но уже в мордовских могильниках VI—VII вв., причем не только на востоке (Мл.-Селиксенский и Армиевский)[6], но и на севере (Волчихинский)[7], на юго-западе (Серповский)[8] и на западе (Ст.-Кужендеевский)[9] в массовом виде появляются изделия восточного и южного происхождения, характерные и для раннего тюркского мира: удила, стремена, сабли, различные украшения, поясные наборы и т. п. Особенно характерны браслеты с расширенными концами, массивные пряжки и поясные накладки позднегуннского типа и т. п. В погребении 16 Серповского могильника найдено 12 золотых византийских монет второй половины VII века[1]. Не исключено, что и распространение своеобразного обряда трупосожжения, наблюдаемого с середины I тыс. в древнемордовских могильниках, связано с древнетюркским миром.

---

[1] *М. Р. Полесских,* Пензенские могильники мордвы IV—V вв. СА, 1962, № 4.

[2] Там же.

[3] *М. Р. Полесских,* Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области, СА, 1959, № 4.

[4] *В. Ф. Генинг,* Азелинская культура, ВАУ, вып. 5, Свердловск, 1963, стр. 92 и сл.

[5] *М. Р. Полесских,* Пензенские могильники мордвы IV—V вв. СА, 1964, № 4, стр. 181.

[6] *М. Р. Полесских,* Могильник «армеевского» типа в Пензенской области, КСИИМК, 55, 1954.

[7] Раскопки М. Ф. Жиганова в 1959 г.

[8] *А. Е. Ахилова,* Серповский могильник. АС, II, Саранск, 1959.

[9] *М. Ф. Жиганов,* Ст.-Кужендеевский могильник. СА, 1959, № 1.

Раннетюркское воздействие на мордовскую среду, вероятно, происходило с двух сторон.

Один путь — это воздействие так называемых именьковских племен, оставивших в V—VIIIвв. в восточных пределах Мордовии значительную группу ош-пандинских памятников. Едва ли правомерно рассматривать их как древнемордовские памятники[2], т. к. культура именьковских племен мало чего общего имеет с культурой древней мордвы[3]. В последнее время ряд исследователей на основе большого сходства именьковской культуры с памятниками кушнаренковской группы Башкирского Приуралья и Западной Сибири склоняется к мысли о тюркоязычности именьковско-ошпандинских племен, появившихся в Поволжье в IV—V вв.[4]. Не исключено, что в языковом отношении тюркоязычные именьковские племена наиболее близко стояли к прачувашской группе.

Ближайшая к мордве ош-пандинская группа именьковских памятников содержит ряд предметов древнемордовского облика (сюлгамы с усиками, бутыльчатые и трубчатые подвески, медные пронизи, трапециевидные привески, обломок пластинчатой гривны)[5], которые, однако, настолько немногочисленны, что в общей массе совершенно чужеродной для древней мордвы именьковской культуры они выступают лишь как предметы, попавшие в другую среду в процессе каких-то мордовско-именьковских взаимоотношений. В целом же, как это высказал основной исследователь ош-пандинской группы памятников П. Д. Степанов[6], именьковская культура резко отличается от древнемордовской и должна рассматриваться независимо от мордовских памятников.

Другой путь — это воздействие с юга. Обилие изделий раннекочевнического мира в древнемордовской среде с его устойчивым оседлым миром едва ли можно объяснить как следствие простого воздействия. Внезапное, на первый взгляд, появление южных изделий в древнемордовских памятниках VI—VII вв.

---

[1] А. Е. Алихова, Указ, соч., стр. 129.

[2] *А. П. Смирнов,* Этногенез мордовского народа по данным археологии (I тыс. н. э. до XV в.). См. настоящий сборник.

[3] *П. Д. Степанов.* Памятники угорско-мадьярских племен в Среднем Поволжье. 3 Уральское археол. совещание в г. Уфе. Тезисы докладов, Уфа, 1962.

П. Н. Старостин, О так называемых позднегородецких памятниках Среднего Поволжья. Труды МарНИИ, вып. XIX, Йошкар-Ола, 1964.

[4] *В. Ф. Генинг,* Указ. соч., стр. 21.

[5] Коллекции Мордовского краеведческого музея. Шифр О. П., г. Саранск.

[6] *П. Д. Степанов,* Указ. соч.

не случайно — это следствие начавшегося включения в южные районы Западного Поволжья новых этнических групп, влияние которых в это время распространилось не только на мордовские, но и на древнемарийские племена. Весьма любопытным в этом отношении памятником является Мл. Ахмыловский могильник, раскопанный в последние годы Г. А. Архиповым на левом берегу Волги и датированный V—VII вв. Здесь также имеется серия вещей южного происхождения: серебряные массивные накладки и пряжки гунно-аварского типа, арбалетовидные фибулы с ромбическим щитком и т. п.

О появлении новых этнических групп в южных районах мордовской земли свидетельствует ряд археологических памятников. А. П. Смирнов отмечает остатки погребений VI—VII вв. на Муранском могильнике с предметами так называемого аланского типа[1]. Но наибольший интерес в этом плане вызывает известное арцыбашевское погребение конного воина, обнаруженное в 1903 г. в б. Скопинском уезде Рязанской губ. А. Л. Монгайт, опубликовавший материалы этого очень богатого захоронения, пришел к выводу «о том, что южная часть Рязанского края была занята в VI—VII вв. населением, отличным от населения, оставившего Рязанские могильники»[2]. Последние, как известно, увязываются с древними мордвой и муромой. А. Л. Монгайт сопоставляет вещевой комплекс арцыбашевского погребения с материалами таких памятников, как Ново-Покровский могильник, Перещепинский клад, находки у с. Тополи и т. п.[3]. Памятники этого типа некоторыми исследователями относятся к числу древнетюркских, в частности гунно-аварских[4]. Очень близкие к арцыбашевским материалам комплексы известны в Заволжье — Шиповский могильник[5], в Башкирии — Новиковский могильник и несколько других погребений в г. Уфе[6]. Ещё далее на восток подобные же комплексы обнаружены в Казахстане[7]. Эти параллели позволяют рассматривать арцыбашевское, древние муранские и другие погребения со сходными комплексами как погребения тюркоязычного населения. Не исключено, что это были предки одного из ранних татарских племенных объединений Поволжья — мишарей, принявших в средние века активное участие в развитии истории Западного Поволжья. Небезынтересно в этой связи вспомнить наиболее ранние сведения восточных источников, помещающих племенные группы мадьяр (мажар), тюрок в районе Жигулей и к западу от них[1], а также высказанные рядом исследователей суждения об идентичности буртас и предков мишарей[2].

---

[1] *А. П. Смирнов,* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952.

[2] *А. Л. Монгайт,* Археологические заметки. КСИИМК, XII, 1951, стр. 129.

[3] *А. Л. Монгайт.* Из истории населения бассейна среднего течения Оки. СА, XVIII, 1953, стр. 169.

[4] *G. G. Laslo.* Etudes archeologigues sur l'historie de la societe des Avars. Archaelogia Hungarica. XXXIV, стр. 275 и сл.

[5] *T. M. Minaieva,* Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo. ESA, IV, Helsinki, 1929.

[6] *А. П. Смирнов,* Железный век Башкирии. МИА, 58, 1959, стр. 55 и сл.

[7] *М. К. Кадырбаев,* Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Труды ИИАЭ АН Каз. ССР, т. 7, Алма-Ата, 1959, стр. 195.

Следовательно, мы можем полагать, что возникновение мордовско-тюркских контактов относится ещё к доболгарскому периоду и что в этих контактах участвовали различные группы тюркских племен — древнечувашские (именьковские?) и древнемишарские (Арцыбашевское и др. погребения).

В VII—VIII вв. в правобережье Средней Волги проникают болгарские племена, объединение которых в Приазовье было к тому времени разгромлено хазарами. Археологическим подтверждением болгарской экспансии на Среднюю Волгу является Б.-Тарханский могильник в Тетюшском районе Тат. АССР, раскопки которого дали интереснейшие сведения о собственно болгарско-мордовских взаимоотношениях[3].

Авторы, изучавшие мордовские древности VIII—IX вв., неоднократно подчеркивали определенную близость инвентаря мордовских могильников к материалам памятников юго-востока Восточной Европы, в первую очередь к материалам памятников так называемого салтовского типа[4]. Но в большинстве случаев эти исследователи полагали, что вещи «салтовского» типа к мордве «попадали путем торговли с южными областями»[5]. Анализ инвентаря Б.-Тарахановского могильника так же, как и некоторое сравнительное изучение материалов мордовских могильников VIII—IX вв., показывают взаимопроникновение в эти комплексы отдельных предметов или явлений, свойственных для первого могильника или второй группы памятников.

В Больше-Тарханском могильнике имеется ряд предметов, специфичных для мордовских могильников V—VIII вв. К числу их в первую очередь следует отнести некоторые украшения, бытовавшие или получившие развитие у мордвы в период, предшествующий появлению болгарских племен. Это различные бубенчики, в том числе и прорезные, широко представленные в таких могильниках, как Серповский[6], «Заря»[7]; различные пронизи из перевитой проволоки, широко распространенные в финно-угорских памятниках и весьма специфичные также для мордвы, начиная с ранних памятников типа Армеевского[1] и Селиксенского[2] могильников и кончая поздними. Особенно своеобразными для мордовских древностей являются такие украшения, как трубчатые подвески цилиндрические или конусовидные из свернутого медного листка с многорядной нарезкой в нижнем конце и отверстием на сплющенной части второго конца[3], бытовавшие у мордвы с V—VI вв.[4] до X века[5]. К такому же типу украшений следует отнести подвески из тонкого медного листка трапециевидной формы с нарезкой в нижней части[6], широко представленные в мордовских могильниках, начиная от Армеевского и кончая Томниковским и Перемчалкинским[7]; различные широкие бутыльчатые подвески[8] имеют такой же хронологический диапазон[9]; звездчатые подвески конусовидной формы с вдавленными боками[10], появляющиеся еще в древнемордовских могильниках типа Армеевского и Ражкинского и бытующие вплоть до X в.[11]. Раннемордовским украшением является также и шумящая подвеска с трапециевидным щитком и прикрепленными к нему на 5 многозвеньевых цепочках узкими трапециевидными пластинами[12]. Шумящие подвески подобного типа появляются у мордвы еще в V—VI вв. (см., например, Старший Кужендеевский могильник)[13] и широко распространяются в памятниках VII—VIII вв. Число подобных предметов можно увеличить еще и за счет некоторых поясных украшений. Так, обнаруженные в погребениях Больше-Тарханского могильника поясная бляшка[14] и ременные наконечники[15] имеют аналогии только в мордовских памятниках. Поясная накладка с петлей и округлым щитком является специфичным древнемордовским обувным украшением[16], а ременные наконечники известны только в Перемчалкинском могильнике[1]. Из орудий труда следует отметить уникальный железный серп из Тарханского погребения 2[2], аналогичный подобному орудию из Крюковско-Кужновского могильника[3]. Весьма примечательно, что большинство вещей мордовского типа в Б.-Тарханском могильнике обнаружено в детских погребениях. Возможно, это результат перерастания простых связей в брачные отношения между болгарами и мордвой.

---

[1] *Б. Н. Заходер,* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М. 1962, стр. 28—29.

[2] *Б. А. Васильев,* Проблема буртасов и мордва. Труды ИЭ, том LXIII, М. 1960, стр. 187, 205 и сл.

[3] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков,* Ранние болгары на Волге. М., 1964

[4] *А. П. Смирнов,* Указ. соч., стр. 118—120.

[5] *А. Е. Алихова,* Из истории мордвы конца I тыс. н. э. А. С. II, Саранск, 1959, стр. 13.

[6] *А. Е. Алихова,* Серповский могильник. АС, т. II, Саранск, 1959.

[7] *М. Ф. Жиганов,* К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э. СА, № 4, 1961, стр. 173.

---

[1] *П. С Рыков,* Культура древних финнов в районе р. Узы, Саратов, 1930, стр. 11.

[2] *М. Р. Полесских,* Пензенские могильники мордвы IV—V вв., СА, № 4, 1962, стр. 180.

[3] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. XVI—10.

[4] *П. С. Рыков,* Указ, соч., стр. 28—29.

[5] *Б. Н. Ястребов,* Лядинский и Томниковский могильники МАР, № 10, табл. IV—2, 7, 12.

[6] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. XVI—9.

[7] *А. Е. Алихова,* Указ. соч., табл. XI—1.

[8] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков.* Указ. соч., табл. XVI—14.

[9] *П. С. Рыков,* Указ. соч., стр. 27—28.

[10] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков.* Указ. соч., табл. XVI—10, 17.

[11] *А. Е. Алихова,* Из истории мордвы конца I—начала II тыс. н. э. АС, т. II, Саранск, 1959, стр. 16.

[12] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. XVI—19.

[13] *М. Ф. Жиганов,* Старший Кужендеевский могильник, СА, № 1, 1959, стр. 220.

[14] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. XVII—11.

[15] Там же, табл. XVII—16, 18.

[16] *А. Е. Алихова,* Серповский могильник, АС, т. II, Саранск, 1959, табл. 50—1.

Говоря о мордовских и раннеболгарских взаимоотношениях, нельзя обойти и тот факт, что, начиная с VIII в., в могильниках мордвы чрезвычайно широко распространяются предметы юго-восточного облика, которые до сих пор рассматривались как результат связи древней мордвы с салтовским и северокавказским кругом населения. Значительное сходство подобных предметов с материалом Больше-Тарханского могильника и территориальная близость болгарских племен Средней Волги и мордовского населения Волго-Окского междуречья позволяет говорить больше о болгарском, нежели салтовском или северокавказском влиянии, хотя исключать последнее и нельзя.

Очевидно, под влиянием ранних болгарских племен Средней Волги у мордвы VIII—IX вв. широко распространяется различное конское снаряжение. Почти все типы удил, обнаруженные в Больше-Тарханском могильнике, известны и в мордовских памятниках. Так, удила с прямыми псалями[4] найдены в Лядинском могильнике[5], а другая форма удил[6] обнаружена в одном из погребений Крюково-Кужновского могильника[7]. Хорошо известны в мордовских древностях и характерные для Б.-Тарханского могильника[8] удила с S-овидными псалями (Лядинский[9], Иваньковский [10] и Крюковско-Кужновский[11] могильники). Ранней, специфически местной формой удил являются простые кольчатые удила, известные в мордовских могильниках еще в III—IV вв. н. э.[12] и найденные в Б.-Тарханском могильнике[13].

---

[1] *А. Е. Алихова,* Перемчалкинский могильник. Археологический сборник, т. I, Саранск, 1948, табл. V—1.

[2] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков.* Указ. соч., табл. X—9.

[3] *П. П. Иванов,* Крюковско-Кужновский могильник. Моршанск, 1952, табл. XIX—7.

[4] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. IX—1, 2.

[5] *В. Н. Ястребов,* Лядинский и Томниковский могильники. МАР, 10, Спб. 1893, погр. 55 и 120.

[6] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. IX—3.

[7] *П. П. Иванов,* Указ. соч., табл. XXXVII—1.

[8] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. IX—6.

[9] *В. Н. Ястребов,* Указ. соч., погр. 102.

[10] *Н. В. Трубникова,* Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 г. Учен. зап. Чув. НИИ, вып. XIX, стр. 56.

[11] *П. П. Иванов,* Указ. соч., табл. XXXVII—5.

[12] *М. Р. Полесских,* Могильник «армиевского типа» в Пензенской области. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 148—149.

[13] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. IX—8.

Также и основные типы стремян Б.-Тарханского могильника находят аналогии в мордовских могильниках. Стремена с выгнутой подножкой обнаружены в могильнике у пос. Заря[1], а стремена со слегка вогнутой подножкой[2] обнаружены в погребениях у пос. Красный Восток[3]; простые стремена с открытым кольцом[4] имеются в Иваньковском могильнике[5].

В Б.-Тарханском могильнике оригинальны кресала с ручкой в виде кузнечных клещей[6]. Они неизвестны в салтово-аланских древностях, но обнаружены в Перемчалкинском могильнике[7], где имеется также и медная трубка[8] для трута, близкая тарханской.

Хотя глиняные напрясла Б.-Тарханского могильника весьма оригинальны и почти не находят ближайших аналогий, но некоторые из них, как плоские цилиндрические[9] и блоковидные[10], вероятно, получили развитие под влиянием ранне-мордовских. Такого типа изделия, известные в Армеевском[11] и Ражкинском[12] могильниках, были специфичными для городецких памятников саратовского Поволжья. Прекрасная их коллекция представлена на Чардымском городище[13].

В мордовских памятниках также много железных пряжек и наконечников стрел, характерных для Б.-Тарханского могильника, так же как и специфичных деталей колчана—крючков, дужек-скоб и прорезных накладок[14]. Последние встречены в Крюковско-Кужновском[15] и Перемчалкинском[16] могильниках.

Сабли, найденные в Крюковско-Кужновском могильнике[17], также сходны с тарханскими[18].

Особенно много мордовско-болгарских параллелей в украшениях. Наряду с серьгами «салтовского» типа, широко известными в мордовских и болгарских группах[1], в обоих комплексах встречены сходные типы перстней[2], оригинальные шаровидные подвески с грибовидными ножками, так называемые «магдебургские полушария»[3], лунницы[4] и т. п.

---

[1] *М. Ф. Жиганов,* Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша. Археологический сборник, том II, Саранск, 1959, табл. 31—1.

[2] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. IX—11, 12.

[3] *А. Е. Алихова,* Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК, вып. XXIX, М., 1949.

[4] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. IX—13.

[5] *Н. В. Трубникова,* Указ. соч., стр. 56.

[6] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. X—5.

[7] *А. Е. Алихова,* Перемчалкинский могильник. АС, том I, Саранск, 1948.

[8] *А. Е. Алихова,* Там же, табл. IV.

[9] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. XI—2.

[10] *В. Ф. Генинг* и *А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. XI—3.

[11] *П. С. Рыков,* Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930, стр. 33.

[12] *М. Р. Полесских,* Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. СА, № 4, 1959, стр. 203.

[13] *П. С. Рыков,* Чардымское городище. Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения. Том VI, Саратов, 1933, стр. 61—62, стр. 86, табл. 3.

[14] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. XIII—2, 3, 6, 8, 14

[15] *П. П. Иванов,* Указ. соч., табл. XVIII—5; XXIX—13.

[16] *А. Е. Алихова,* Указ. соч., табл. IV, VII.

[17] *П. П. Иванов,* Указ. соч., табл. XXIV—5; XXV—2, XXXVII—6.

[18] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков,* Указ. соч., рис. 16.

Определенное сходство наблюдается и в медных пряжках, и в различных поясных украшениях, встреченных в Б.-Тарханском[5] и в таких мордовских могильниках, как Крюковско-Кужновский[6], Перемчалкинский[7], Лядинский[8], «Заря»[9] и др.

Можно было бы перечислить ещё ряд таких же сходных предметов, как, например, остатки чаш с серебряными накладками и т. п., но и вышеизложенного более чем достаточно для того, чтобы утверждать, что пришлые болгарские племена в VII—IX вв. вступили в довольно тесный контакт с древней мордвой, восприняли от нее некоторые типы местных вещей, но и сами сильное воздействие оказали на формирование мордовской культуры.

Еще более усиливаются мордовско-тюркские взаимоотношения в X и последующие века, когда рядом с мордовскими землями образовалось одно из ранних государств Восточной Европы — Волжская Болгария, культура и экономика которой, несомненно, влияли и на мордву. Более того, есть основания полагать, что в это время часть земель, заселенных мордвой, вошла в состав Болгарского государства. В особенности это относится к землям по Волге в районе Жигулей и по верховьям р. Суры. Археологически это подтверждается такими памятниками, как М. Пальцинское селище у г. Ульяновска, где в составе типично болгарского материала X—XI вв. найдены не менее типичная мордовская подвеска с ромбическим грузиком и другие украшения[10], а также ранним Тетюшским могильником, в погребальном обряде и инвентаре которого улавливаются мордовские черты[11]. Возможно, что такие мордовские памятники в районе Жигулей, как Муранский и Барбашинский могильники, начали функционировать не в XIV, а в X—XII вв.[12].

---

[1] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков,* Указ. соч., рис. 16. табл. XIV—5, 7, 10, *П. П. Иванов,* Указ. соч.

[2] Там же, табл. XIV—13, 14; А. Е. Алихова, Из истории мордвы.., стр. 21.

[3] Там же, табл. XV—16, 17; А. Е. Алихова. Указ. соч., стр. 19.

[4] Там же, табл. XV—21—23.

[5] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков,* Указ. соч., табл. XVII.

[6] *П. П. Иванов,* Указ. соч., табл. XXVIII—XXX.

[7] *А. Е. Алихова,* Перемчалкинский могильник, табл. XII.

[8] *А. Е. Алихова,* Из истории мордвы.., стр. 21—22.

[9] *М. Ф. Жиганов,* Указ. соч., стр. 163—174.

[10] *Т. А. Хлебникова,* Пальцинские селища X—начала XIII вв. МИА, 61, рис. 2.

[11] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков,* Указ. соч., стр. 87.

[12] *А. П. Смирнов,* Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957, стр. 22—23.

О проживании мордовского населения в городах Болгарии, в том числе и в ее столицах, свидетельствует обнаруженное в 1950 г. в подгорной части г. Болгара погребение XI—XII вв., совершенное по мордовскому обряду и сопровождавшееся мордовскими украшениями.

Юго-восточные пределы мордовской земли уже в домонгольское время были заняты тюркоязычным населением, оставившим в верхнем Посурье поселения и городища, в последнее время выявленные М. Р. Полесских[1]. Часть из этих памятников, в основном занимающие верховья р. Суры — Асеевское, Юловское, Золотаревское, Канаевское, Чаадаевское, Р. Труевское, Селиксенское, Нижнее и Среднее Липовские городища,— очевидно, возникла задолго до монгольского нашествия, о чем свидетельствуют найденные на них височные трехбусинные кольца с желудеобразными подвесками, желто-красная болгарская посуда с характерным ранним коричневатым лощением, шиферные напрясла и т. п.[2].

Вся эта система памятников, нанесенная на карту, непосредственно смыкается с домонгольским болгарским массивом в районе Жигулей и образует вместе с ними южную границу Болгарии.

Уже в X—XI вв. мордва таким образом была втянута в сферу экономического и политического воздействия Болгарского государства, и, несомненно, ряд товаров болгарского экспорта — лисьи и бобровые меха, мед, рыба и т. п. — поставлялся мордовскими землями. Часть из них шла в качестве дани, но не исключено и начало развития между мордвой и Болгарией товаро-денежных отношений, о чем свидетельствуют найденные в мордовских землях восточные диргемы (в том числе и чеканенные в гг. Болгаре и Суваре)[3], а также и найденные в Лядинском и Томниковском могильниках, ювелирные и другие изделия болгарских и восточных мастеров, как, например, прекрасный медный котелок с арабской вязью из погребения № 90 Лядинского могильника[4].

Нередко взаимоотношения мордвы с Болгарией перерастали культурно-экономические рамки и часто облекались в политическую форму. В связи с этим небезынтересно упоминание арабского купца Абу Хамид аль-Гарнати о выплате мордвой дани Болгарии в XII в.[5], так же, как и сообщения русских летописей о протекторате Болгарии над мордовскими землями, в частности над владениями князя Пургаса[1].

---

[1] *М. Р. Полесских,* В недрах времен. Пенза, 1956, стр. 81 и сл. Его же. Археологические разведки городищ и селищ XIII—XIV вв. Труды Саратовского музея, 1959, вып. 2, стр. 95 и сл.

[2] Коллекции Пензенского музея.

[3] *М. Ф. Жиганов,* Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII—XVI вв. АС, II, Саранск, стр. 156.

[4] *В. Н. Ястребов,* Указ, соч., стр. 45, рис. 22.

[5] *А. Л. Монгайт,* Абу Хамид аль-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. «История СССР», № 1, 1959, стр. 179—180.

В XII—начале XIII вв. мордва устанавливает контакты ещё с одной тюркской группой Восточной Европы — с половцами. Известны летописные сведения о военном мордовско-половецком союзе под 1229 г., когда «победи Пургаса Пурешев сын с половци и изби мордву всю»[2]. Не исключен и половецкий характер Мало-Терюшевских курганных захоронений[3].

Приведенные материалы позволяют утверждать, что мордовско-тюркские взаимоотношения установились и оформились задолго до монголо-татарского нашествия, и очевидно, что многие из тюркских заимствований, наблюдаемых этнографами в мордовском быту и лингвистами в мордовском языке, возникли в домонгольский период.

Монгольское нашествие одинаково пагубно отразилось как на булгарах, так и на мордве. В течение второй половины XIII века мордовские земли, опустошенные монголами, с трудом восстанавливали свою экономику и культуру. Характерно почти полное отсутствие памятников и монетных кладов этого времени.

Но к рубежу XIII—XIV вв. экономическая жизнь в крае восстанавливается, и мордовско-тюркские взаимоотношения вступают на новый этап. Вероятно, уже в конце XIII века оживают городки в Посурье, а также возникают новые поселения—городища и неукрепленные села — в верховьях рр. Мокши и Выши на наровчатской земле. Такие новые городища М. Р. Полесских отмечены у сс. Выша-пристань, Кармалейка, Катмис, Кичкиней, Леонидовка, Скановское, Николо-Райское, Неклюдовка[4]. Политическим и экономическим центром новых земель становится г. Наровчат-Мохша с характерной для золотоордынских городов планировкой и постройками.

Культура населения этих городов, как и в целом всей наровчатской земли, мало чем отличается от культуры домонгольского времени, т. е. продолжает развитие культуры предшествующего времени. Особый интерес в этом отношении представляют богатейшие коллекции из Наровчата-Мохши. В частности, наровчатская керамика обладает такими архаичными болгарскими чертами, как сосуды-триподы, кувшины и кринки с зооаморфными ручками и т. п., что несомненно ее развитие на основе болгарской домонгольской керамики. Вместе с тем в материалах наровчатских памятников археологи не находят почти никаких следов кочевнического мира XIII—

---

[1] ПСРЛ, т. I, стр. 191—192.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 192.

[3] *Д. Н. Анучин,* О раскопке курганов близ д. М. Терюшево Нижегородской губ. и уезда крестьянином Дружкиным. «Древности», т. X, М. 1885, стр. 34—40.

[4] *М. Р. Полесских,* Указ. соч., стр. 95—96.

XIV вв., поэтому есть все основания утверждать, что никаких серьезных этнических изменений в составе тюркского населения южной окраины мордовских земель в связи с монгольским нашествием не произошло.

Экономическое, а, вероятно, также и некоторое политическое возрождение болгаро-тюркских владений на южной окраине мордовских земель, где в конце XIII — начале XIV вв. оформляется Наровчатское княжество, отразилось и в материалах мордовских могильников этого времени. Почти все известные мордовские могильники XIII—XIV вв.,— Гагинский[1], Паньжинский[2], Мл. Кужендеевский[3], Сарлейский[4], не говоря уж о Муранском и Барбашинском[5],— в большом количестве содержат изделия наровчатских и болгарских мастеров-ювелиров (плетеные и пластинчатые браслеты[6], перстни[7], зеркала[8], медальоны[9], различного рода подвески[10]), медников (фигурные замки, ключи, накладки, весы[11]), оружейников (сабли, копья, боевые топоры и т. п.[12]) и других (серебряные диргемы с чеканом в гг. Болгаре, Мохше и др.)

Наиболее сильное воздействие при этом испытывало население, располагавшееся вблизи городков с тюркским населением. Поэтому особенно много отмеченных выше изделий выявлено в таких могильниках, как Старосотенский[13], расположенный у г. Наровчата-Мохши и Муранский[14], оставленный мордвой, жившей на северной окраине Жигулей.

В XIV веке город Наровчат-Мохша превращается в оплот золотоордынских ханов на мордовской земле. Здесь раскопками А. А. Кроткова в 30-х гг. XX в. и А. Е. Алиховой и М. Ф. Жиганова в последние годы вскрыты остатки монументальных сооружений — бань, мавзолеев, во многом напоминающих болгарскую архитектуру, жилых кирпичных и деревянных домов, подсобных построек, гончарных и металлургических горнов и т. п.[15]. В ряде явлений материальной культуры этого города ощущается и определенное золотоордынское воздействие, отразившееся впоследствии и в культуре потомков наровчатского населения — татар-мишарей.

---

[1] *А. Е. Алихова,* Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино. АС, II, стр. 169.

[2] *П. Д. Степанов,* Паньжинский могильник. АС, II, стр. 194 и сл.

[3] *М. Ф. Жиганов,* Новые археологические памятники в долинах рр. Вад и Теша, АС, II, Саранск, 1959.

[4] *Е. И. Горюнова,* Сарлейский могильник. АС, I, стр. 6 и сл.

[5] *А. Е. Алихова,* Муранский могильник и селище. МИА, 42, 1954, стр. 259.

[6] *Е. И. Горюнова,* Указ. соч., табл. XI—1, 3, 10.

[7] *А. Е. Алихова,* Указ. соч., стр. 279 и сл.

[8] Там же, стр. 283.

[9] Там же, рис. 17.

[10] Там же, стр. 281 и сл.

[11] Там же, рис. 10, рис. 17—48.

[12] Там же, стр. 291 и сл.

[13] *А. Е. Алихова,* Старосотенский могильник. АС, I, стр. 212 и сл.

[14] *А. Е. Алихова,* Муранский могильник и селище. МИА, 42.

[15] *А. Кротков,* В поисках Мохши. Труды об-ва ИАиЭ при Сар. ГУ, т. 34.

Превращение г. Мохши в один из улусных центров Золотой Орды знаменовало отрыв основной части мордовских земель из сферы экономического и политического воздействия Болгарии и их вхождение почти в полное золотоордынское подчинение. Археологические материалы подтверждают это. Золотоордынцами, очевидно, кроме Мохши, был основан ещё один улусный центр — г. Темников[1]. В XIV в. на мордовских землях широкое распространение получают золотоордынские монеты, чеканенные в различных золотоордынских городах и очень редко в г. Болгаре. Г. А. Федоровым-Давыдовым в этих районах учтено более 60 кладов монет, чеканенных от имени золотоордынских ханов в XIV—начале XV веков[2].

Но поволжская группа мордвы, обитавшая преимущественно по правому берегу Волги от Жигулей и выше до устья Камы, продолжала сохранять теснейшие контакты прежде всего с основным населением Волжской Болгарии — предками казанских татар. О заселении мордвой не только района Жигулей, где известно два таких крупных могильника, как Муранский и Барбашинская поляна, но и некоторых мест в центре Болгарии свидетельствуют памятники, выявленные в последние годы. Так, в 1952 г. на левом берегу р. Волги близ устья Камы Н. Ф. Калининым и мной изучены поселение (Багишевская поляна) и могильник XIV—XV вв. в окрестностях с. Карташиха. На поселении вместе с типичной болгарской поздней керамикой собраны фрагменты лепных сосудов, по форме и обработке поверхности аналогичные позднемордовским. Здесь же собран и некоторый металлический инвентарь — ножи, пряжки, украшения и т. п. Принадлежность поселения мордовскому населению прекрасно подтверждает расположенный рядом могильник, в котором были вскрыты погребения, лежавшие вытянуто на спине головой на юго-запад. В изголовье их найдены гончарный и лепной горшковидные сосуды, а на костях остатки ткани и металлических украшений, в том числе: сюлгамы с двумя подтреугольными усами, пряжки, пластинчатые браслеты, перстень. Все эти вещи имеют хорошие аналогии в таких, собственно, мордовских могильниках, как Старосотенский, Паньжинский, Муранский и др.

Карташихинская группа мордвы, очевидно, сохранялась и позднее — в XV—XVI вв., ибо в самом селе Карташиха в том же 1952 г. изучен еще один мордовский могильник, датированный по найденным здесь монетам серединой XVI в., а в с. Ташкермень — могильник XVI—XVII вв. Вполне вероятно, что это археологические остатки небольшой группы мордвы-каратаев,

---

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. I, Саранск, 1955.

[2] *Г. А. Федоров-Давыдов,* Клады джучидских монет. Нумизматика и эпиграфика, I, М. 1960, стр. 138 и сл.

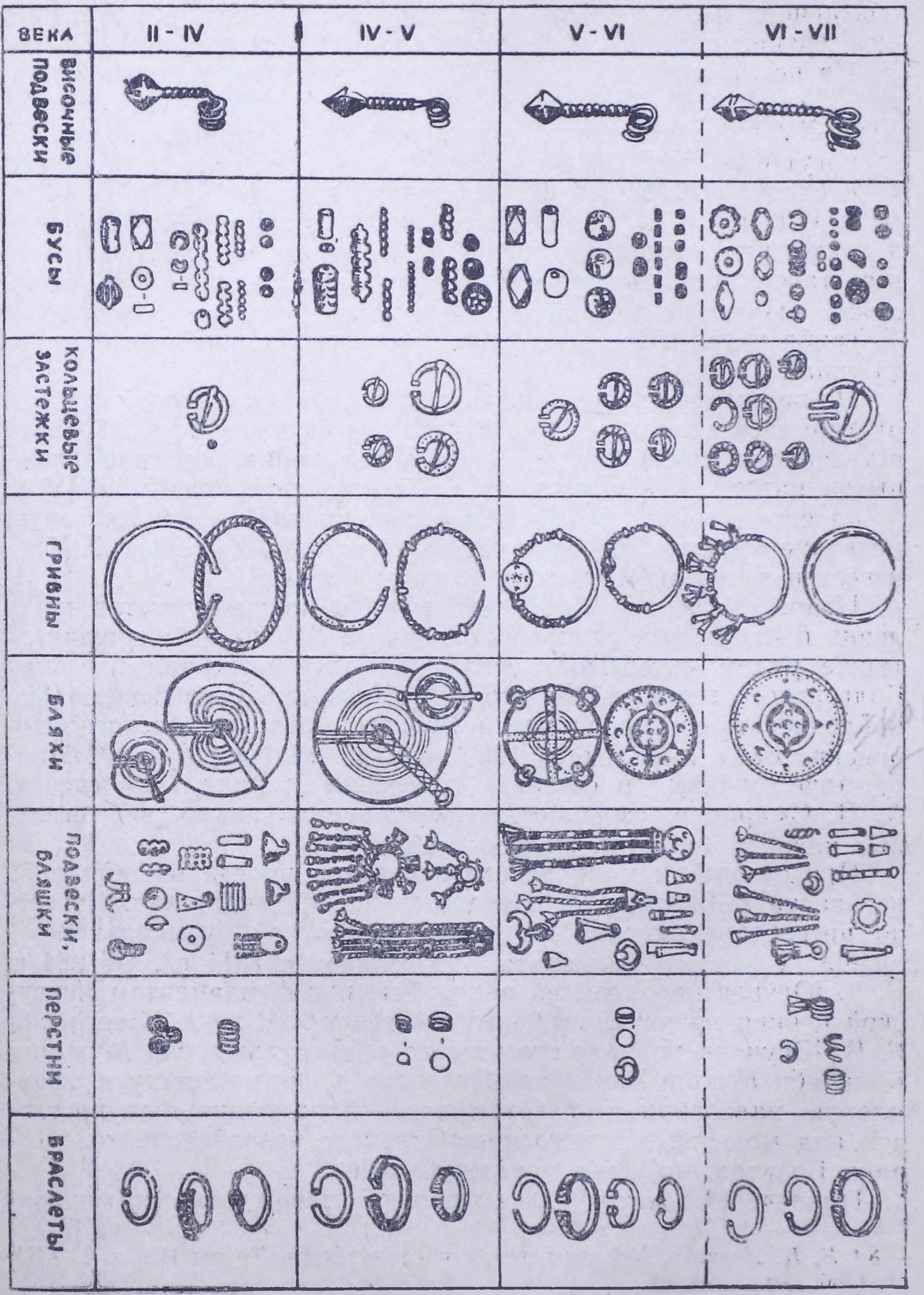

ВЕКА
II - IV
IV - V
V - VI
VI - VII
ВИСОЧНЫЕ ПОДВЕСКИ
БУСЫ
КОЛЬЦЕВЫЕ ЗАСТЕЖКИ
ГРИВНЫ
БЛЯХИ
ПОДВЕСКИ, БЛЯШКИ
ПЕРСТНИ
БРАСЛЕТЫ

Рис. 1. Хронологическая классификация женских украшений из ранних пензенских могильников.

обитающих в этом районе и поныне[1] и сохранивших легенды о переселении с левого на правый берег р. Волги.

Не исключено, что в правобережных районах Волги в пределах современной Татарской АССР мордовское население в XIV—XV вв. обитало и в других районах. Свидетельством этого могут быть остатки могильников в окрестностях сс. Б. Мими (исследования 1963 г.), Б. Фролово (раскопки А. М. Тальгрена в 1909 г.) и Елхово-Озерное (исследования 1957, 1964 гг.), а также ряд мордовских вещей, обнаруженных здесь же. Так, в составе Карашамского клада, зарытого в начале XV в., обнаружен сюлгам с четырьмя подвесками[2], а у дд. Акзигитово, Т. Тояба и др., известны находки железных топоров мордовского типа[3].

По-видимому, значительная часть этой мордовской группы отатарилась довольно рано. Во всяком случае уже в XIV веке встречаются такие факты. В этом отношении особенно любопытен надгробный камень из с. Азелей, датированный XIV в. и, по сведениям Г. В. Юсупова, сохранивший в списке имени название мухши. Еще один такой же камень, но только XVI в., известен в с. Кайбицы на притоке р. Свияги.

Непосредственное включение мордвы-мокши в состав населения центральных районов Болгарии в XIV в. подтверждается также рядом интересных сведений, полученных при изучении Болгарского городища. Выше уже отмечалось погребение XII в., найденное в подгорной части Болгар. Явно мордовское захоронение было выявлено в 1920 году на «Бабьем бугре»[4]. Присутствие мордвы в составе населения города, по мнению А. П. Смирнова, «хорошо документируется рядом вещественных находок (сюлгам, височных колец)»[5].

Представители мордовского населения иногда приобщались и к знати г. Болгара, а, следовательно, и государства. Известно погребение знатной мордовки в ханской усыпальнице — дюрбе у Малого минарета, изученное в 1914 г.[6]. В 1964 г. Г. В. Юсупов на одном из надгробий, под фундаментом Успенской церкви прочитал любопытный текст XIV века. С согласия Г. В. Юсупова приведу его чтение: «Ахмет хажи бин Мукьмин Куяк ибн Мухши Базан аль-Булгари». Судя по тексту и оформлению надгробия этот эпитафический памятник был поставлен над могилой знатного и почитаемого человека, жителя города Болгара, но сына мордвина-мокши.

Приведенные материалы позволяют утверждать, что мордовский народ и его предки в течение многих веков, начиная по крайней мере с середины первого тысячелетия, активно контактировались с тюркоязычными племенами и их потомками и эти контакты благотворно сказались как на формировании этноса и культуры мордовского, так и тюркоязычных народов Поволжья. По крайней мере без учета этих моментов немыслимо выяснение специфики происхождения ни мордовского, ни тюркоязычных народов края.

---

[1] *В. Н. Белицер,* Мордва-каратаи и их культура. Труды ИЭ, т. I, XIII. М. 1960, стр. 227 и сл.

[2] *Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков,* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Труды Каз. фил. АН СССР, Казань, 1954, рис. 37.

[3] Коллекции Нац. музея Финляндии. 5384—874, 1345, 3826.

[4] *А. П. Смирнов,* Волжские болгары. М. 1951, стр. 65.

[5] Там же.

[6] Там же.

В. Ф. Каховский,
кандидат исторических наук

МОРДОВСКО-ЧУВАШСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ДАННЫМ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Чувашский и мордовский народы, как и другие братские народы Среднего Поволжья, имеют тесные этнокультурные связи с древнейших времен; они прошли общий путь исторического развития.

Территория чувашского Поволжья с глубокой древности до переселения тюркоязычных булгаро-сувазских предков чуваш была заселена финно-угорскими племенами. По мнению ряда исследователей, племена неолитической культуры в Чувашии могут быть отнесены к числу племен, говоривших на языках финно-угорской группы[1]. Те перемены в этническом составе населения Поволжья, которые произошли в эпоху бронзы с приходом с юга и юга-запада племен индоевропейской языковой системы, носителей балановской и абашевской культур, в сложении которых участвовали и местные неолитические племена[2], в целом не вызвали коренного изменения общего хода этнического развития в Среднем Поволжье.

Начиная с раннего железного века северо-западная территория Чувашии была заселена племенами городецкой культуры, одним из компонентов которой являлась абашевская культура[3], сохранившая в текстильной керамике городищ первого тысячелетия до н. э. свои характерные орнаментальные мотивы.

---

[1] *А. П. Смирнов,* Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа. Сборник «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957, стр. 9, см. также *П. Н. Третьяков,* К вопросу о возникновении и древнейшей истории финно-угорских племен Поволжья. Сб. «Научная сессия по этногенезу мордовского народа». Саранск, 1964, стр. 5—7.

[2] *М. М. Герасимов.* Восстановление лица по черепу. М. 1955, стр. 518; *П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков,* Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, М. 1961, стр. 96.

[3] *А. П. Смирнов,* Железный век Чувашского Поволжья, МИА, № 95. М., 1961, стр. 87.

Чувашской археологической экспедицией под руководством А. П. Смирнова за последние годы осуществляется планомерное изучение памятников городецкой культуры. В значительных масштабах проводятся раскопки на городищах, известных ныне у местного населения под названием «Киве хула выране» или «Киве хула» (старый город). Н. В. Трубникова в течение продолжительного времени исследует городища: Малахай близ пристани Ильинка, Адабай на берегу речки Моргаушка, Ножа-Вар близ деревни Сареево, Мурзакасы, Чебаково, Пичке сарче (Бочка гора) у деревни Ягаткино Ядринского района и селища эпохи раннего железа[1].

Городища этого времени обычно расположены на мысах и укреплены мощными валами. Перед насыпкой вала возводился деревянный тын в несколько рядов, пространство между которыми заполнялось землей, обожженной глиной и плотно утрамбовывалось. После этого вся конструкция была засыпана землей, взятой с площади городища и из рва. Поверх валов был воздвигнут тын—деревянная ограда. Склоны мыса для усиления обороны городища обычно укреплены деревянной оградой, а края склонов выложены деревом, а местами битым камнем[2], обмазаны глиной и обожжены[2].

Конструкция укреплений городищ Чувашии аналогична с укреплениями городецких городищ[3].

Жилые строения, открытые на городищах, относятся к типу наземных деревянных домов размером 20—30 м², общее число которых достигает 10—12. В середине городищ оставлялось свободное пространство, что напоминает планировку городищ городецкой культуры[4].

Посуда ручной лепки из рыхлого теста с примесью дресвы и шамота, преобладающие формы сосудов с выпуклым и уплощенным туловом, с прямыми венчиками, с плоскими днищами, со шнуровым орнаментом широко распространены на поселениях этого времени в соседних районах Мордовии. Особого внимания заслуживают графические знаки на бытовых предметах. На обломке пряслица сохранился знак М, на обломке камня процарапан знак Х, встречающиеся на вещах из дьяковских городищ[5]. Инвентарь городищ: орудия труда (проушные топоры, долота, железные серпы с небольшим изгибом, ножи с горбатой спинкой, рыболовные крючки), предметы вооружения (дротики, трехлопастные и плоские треугольные наконечники стрел, наконечники копий с длинной втулкой, с валиком на конце), разнообразные украшения (бронзовые бляхи и спиральки для украшения головного убора, ожерелья из бус, браслетки из витой проволоки, шейная гривна из железного прута, подвески в виде колокольчиков, фибулы-сюльгаты (чув. шулькема и т. д.) — сближает памятники Чувашии с памятниками раннего железного века Мордовии[1].

---

[1] *Н. В. Трубникова,* Городища и селища раннего железного века в северо-западной Чувашии. «Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах». Ученые записки Чувашского НИИ. вып. XXV. Чебоксары, 1964, стр. 99—116.

[2] *Н. В. Трубникова,* Раскопки на городище Ножа-вар близ д. Сареево в 1958—1959 годах. УЗ ЧНИИ, вып. XXV, стр. 126—129.

[3] *П. С. Рыков,* Чардымское городище. Саратов, 1933, стр. 87, табл. 5; *М. Радищев,* Хвалынские городища. Труды Саратовской ученой архивной комиссии, вып. 31, Саратов, 1914, стр. 169—171.

[4] *В. А. Городцов,* Бытовая археология, М. 1910, стр. 377—378.

[5] *Н. В. Трубникова,* Раскопки на городище Ножа-вар, стр. 152—153.

Весьма характерно также то обстоятельство, что на городище Ножа-вар были вскрыты погребения в неглубоких ямах, относящиеся ко времени существования памятника. Захоронения имели, судя по положению покойников, характер жертвоприношения. Отголоски существования в древности человеческих жертвоприношений во время культовых церемоний, сопровождавших большие строительные работы (сооружение укреплений, постройка плотин и т. д.), сохранились в религиозных воззрениях и в фольклоре народов Поволжья. Так, в одной старинной мордовской песне сказано: «Без человеческой головы её (плотину — В. К.) не запереть»[2]. В преданиях чуваш также сохранились глухие воспоминания о человеческих жертвоприношениях, предназначенных для умилостивления хозяина вод при сооружении водяной мельницы[3]. Весьма возможно, что подобные обряды жертвоприношения имели общие корни происхождения.

Рядом с городищами расположены селища, инвентарь их однотипен. На более ранних селищах, существовавших до сооружения укреплений, прослеживается культурный слой с материалом типа «Хула сюч» (XII—IX вв. до н. э.).

Отдельные находки на городищах северо-западной Чувашии (бронзовая ажурная подвеска—круглый амулет с расходящимися лучами, бронзовые подвески в виде гусиных лапок, фигуры уточек и др.) связаны с памятниками ананьино-пьяноборской культуры.

В эпоху раннего железа происходила инфильтрация племен ананьинской культуры с Левобережья Волги. Отдельные памятники ананьинско-пьяноборской эпохи открыты на территории северо-восточной Чувашии (поселение на Криушинской дюне, городище близ деревни Ельниково Чебоксарского района[4], Чурачикский могильник[5], Чертово городище близ деревни Нерядово и др.).

---

[1] *Н. В. Трубникова,* Раскопки на городище Ножа-вар, стр. 154—155.

[2] *А. А. Шахматов,* Мордовский этнографический сборник, Спб., 1910, стр. 146.

[3] См. *П. В. Денисов,* Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959, стр. 39—40.

[4] *В. Ф. Каховский,* Новые археологические памятники УЗ ЧНИИ вып. XXV, стр. 266—269.

[5] *В. Каховский,* Чурачикский могильник, УЗ ЧНИИ, вып. 25, стр. 74.

В I тысячелетии н. э. продолжали еще существовать старые городища, имевшие характерные для чувашского Поволжья особенности.

В V—VI веках н. э., до прихода булгар в Среднее Поволжье, усилился процесс расселения племен городецкой культуры по Левобережью Волги и происходило дальнейшее проникновение племен пьяноборской культуры в Правобережье, что привело к некоторой нивелировке материальной культуры чувашского Поволжья.

Еще до прихода булгар и сувар территория Среднего Поволжья была заселена родственными финно-угорскими племенами: мордовские или родственные им племена занимали Правобережье Волги, включая и Чувашию; племена пьяноборской культуры (древние мари, удмурты) жили на левобережной территории. Древнемарийские племена в это время переселялись в Правобережье, заняли северную территорию Чувашского Поволжья, где они упоминаются в источниках под именем черемиса. Готский историк Иордан (VI в.), перечисляя народы Поволжья, указывает: мордву (Mordens), меря (Merens) и черемисов (Imniscaris)[1]. Черемисы позже упоминаются в ряде других источников. В «Начальной летописи» (под 1059) сказано: «А се суть инии языци, иже дань дають Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Мещера, Черемиса, Мордва»[2]. Немного раньше хазарский каган Иосиф (X в.) в письме к испанскому вельможе Хасдаю ибн-Шаффрута в числе народов Поволжья, плативших ему дань, указывает: бур-т-с, бул-г-р, с-вар, арису, ц-р-мисс. вн-н-тит, с-в-р, с-л-виюн[3].

Таким образом, черемисы выступают как определенная этническая группа, занимавшая территорию Чувашского Поволжья. На картах XVI—XVII веков черемисы указаны на территории Чувашии. На карте Дженкинсона «Russiae, Moscoviae et Tartariae descripto» (1592 год) названы Ceremise gorni, на карте Московского государства Исаака Массы отмечены Czeremisi Nagornoy и Czeremisi Logowy. Весьма возможно, что современные горные марийцы являются потомками древних черемисов, часть которых была ассимилирована булгарами и вошла в состав верховых чуваш. Чуваши, однако, себя не отождествляют с мари, которых они называют их собственным именем — сармăе («черемис»). В исторической литературе чуваш по традиции долгое время отождествляли с черемисами.

А. М. Курбский внес ясность в этническую терминологию Чувашского Поволжья. Он писал «Егдаж переправившаяся Суру реку, тогда и Черемиса горная, а по их Чуваша зовомые, язык особливый»[4].

---

[1] *Иордан,* О происхождении и деянии готов, М. 1960, стр. 89.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 5; т. V, стр. 84.

[3] *П. К. Коковцев,* Еврейско-хазарская переписка в X в.

[4] *А. М. Курбский,* История о великом князе московском, 1913, стр. 18.

Среди племен Поволжья в источниках выделяется еще другая этническая группа—буртасы. Буртасский племенной союз сыграл значительную роль в этногенезе мордовского и чувашского народов.

Этническую природу буртасов нельзя еще считать вполне установленной. Многие исследователи (П. С. Савельев, В. В. Бартольд, А. П. Смирнов и др.)[1] отождествляют их с мордвой. Другие ученые (Д. А. Сбоев, И. Н. Смирнов, М. Г. Сафаргалиев, Б. А. Васильев и др.)[2] буртас причисляют к тюркоязычным племенам. Между тем арабские авторы обычно указывают буртас вместе с мордвой и мокшей, не противопоставляя их друг другу. Этническую принадлежность буртасов, нам кажется, лучше всего можно установить по археологическим данным. Многочисленные археологические памятники, обследованные экспедициями Казанского филиала АН СССР под руководством Н. Ф. Калинина[3], отнесенные им к восточно-буртасской культуре с характерной керамикой типов А и Б, принадлежали племенам позднегородецкой культуры[4]. Керамика типа А с шероховатой поверхностью с шамотом или дресвой в тесте темно-серого цвета со следами сглаживания широко распространена на обширной территории, занимаемой племенами поздней городецкой культуры. Поэтому вряд ли правомерно выделение самостоятельной буртасской культуры. Как отмечает Н. Ф. Калинин, топонимические данные указывают на то, что «территория буртасов, начиная от северных частей Саратовской области до Свияжска, совпадает с территорией распространения археологических памятников, генетически связанных с племенами Среднего Поволжья, в первую очередь с мордвой и их соседями», т. е. с носителями городецкой культуры. Археологические данные не позволяют ставить буртасов в генетическую связь с тюркоязычными племенами, т. к. по всему материалу «буртасская», вернее позднегородецкая культура, резко отличается от булгарской. Обычно булгарская гончарная керамика на поселениях раннего средневековья составляет собою прослойку, залегающую над нижним горизонтом, содержащим керамику типа А и Б. «Процесс вытеснения лепной керамики (буртасского типа) гончарной, ремесленной домонгольско-булгарской,— отмечают Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков,— шел непрерывно и длительное время. Это указывает на то, что буртасское население — более древнее. Оно постепенно подвергалось воздействию булгарских племен, пришедших в Среднее Поволжье в VII в. н. э. Последние не уничтожали аборигентов, на землях которых они поселились, не изгнали их на другие места, а сожительствовали с ними, оказывая на них культурное влияние, подвергаясь в свою очередь влиянию аборигенов»[1].

---

[1] *П. С. Савельев,* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Спб., 1897; W. Bartold. Burtas; А. П. Смирнов. К вопросу о буртасах. «Краеведческие записки Ульяновского краеведческого музея, вып. II, Ульяновск, 1958, стр. 229—243.

[2] *В. А. Сбоев,* Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. Казань, 1856; *И. Н. Смирнов.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1855; М. Г. Сафаргалиев, Заметки о буртасах. Записки Мордовского НИИ, вып. 13. Саранск, 1951; *Б. А. Васильев,* Проблема буртасов и мордва. «Вопросы этнической истории мордовского народа». М. 1960, стр. 180—209.

[3] *Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков,* Итоги археологических работ за 1945—1952 годы. Казань, 1954, стр. 44—63.,

[4] *А. П. Смирнов,* Железный век Чувашского Поволжья, М. 1951. стр. 110—111.

На основе данных топонимики и письменных источников М. И. Зевакин считает необходимым искать землю буртасов в пределах Тамбовской, Пензенской и Ульяновской областей. Мордовской, Чувашской АССР, частью Воронежской и Горьковской областей и Татарской АССР. Основная масса буртасов обитала на территории нынешней Мордовской АССР и в сопредельных с нею районах по рекам Суре, Мокше и Оке[2].

Однако вряд ли имеется прямая генетическая связь между древними буртасами и топонимами «чуваш» в Мордовии (мордовские деревни Пустая Чувашская, Чувашское, Чувашевы, речка Чуваш, Чуваслей, Чувашлей, Ачувашская и др.) на землях древних буртасов в пределах мордовских уездов: Кадомского, Темниковского, Арзамасского. И. М. Зевакин пишет: «...топонимика с названием деревень, урочищ и мордовские имена с названием «чуваш» говорят о каком-то глубоком культурном взаимодействии между чувашами и мордвою и о частичном их расселении среди мордвы[3]. По всей вероятности, чувашские поселения появились на территории Мордовии сравнительно поздно, в XVII в., что было связано с участием чуваш в строительстве укрепленных линий и засечных черт.

Буртасы в основной своей массе слились с мордовским народом. Часть же буртасов участвовала в формировании чувашской народности. В некоторых топонимах Чувашии сохранился этноним «Буртас»: д. Буртасы (Пӑртас), д. Ыхра Пӑртас (Урмарский район), д. Буртак (Ибресинский район), Полевые Буртасы (Батыревский район); есть Буртасово поле (Партӑс уйне пӑрса, акрӑм» на Буртасовом поле посеял горох), Пӑртас вӑрмане — лес близ д. Ойкасы Ядринского района, название речки — Пӑртас Савале или Партас шыве»[4] и т. д.

Некоторые общие элементы в материальной культуре чуваш и мордвы могут быть сведены к древним буртасам, участвовавшим в сложении этих двух братских народов. Другие же этнические элементы, по-видимому, восходят к иным племенам городецкой культуры, обитавшим в северо-западной части территории современной Чувашии в эпоху раннего железа. В настоящее время здесь живут верховые чуваши (вирьялы), в культуре которых сохранились элементы, общие с мордвой, но отсутствующие у низовых чуваш. Так, этнографы обратили внимание на сходство гнездового расположения поселений у верховых чуваш и мордвы[1]. Подобное расположение деревень не характерно для соседних марийского и татарского народов. В одежде верховых чуваш сохранились весьма старинные элементы. Головная повязка (чалма) у чувашек имеет близкое сходство с праруця у мордвы-мокши. В. Н. Белицер находит сходство между твердым головным убором замужних чувашек «хушпу», «панга» у мордвы-эрзи, и «венец» мордвы-терюхан[2]. Предметы украшения более разнообразны и богаты у верховых чуваш, чем у низовых. Различные подвески (рожки-алка, серьги, ожерелья из бус и др.) весьма напоминают подвески у мокши[3]. Женские нагрудные украшения верховых чувашек (шулкеме, ама с нашитыми монетами, браслеты-сула и др.) имеют аналогию в материалах памятников раннего железного века и очень сходны с женскими украшениями мордвы.

---

[1] *Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков,* Итоги археологических работ, стр. 52.

[2] *М. И. Зевакин,* К вопросу об этногенезе буртасов. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 96, 1964 г. стр. 219.

[3] Там же, стр. 215.

[4] *Н. Н. Ашмарин,* Словарь чувашского языка, Вып. X. Чебоксары, 1936, стр. 143.

К древнему периоду истории Поволжья восходит, по-видимому, происхождение названий населенных пунктов с суффиксами — мас., мес (чув. Пармас, Ительмас, морд. Широмас, Коломас, Кочемас и др.) и гаш, геш (чув. Алгаш. Шигеш, Келгеш, морд.— гуш (Шайгуши, Каньгуши и др.)[4].

В говорах верховых чуваш имеется некоторое количество мордовских слов, два-три десятка чувашских слов сохранилось в мордовском языке[5].

Весьма примечателен тот факт, что имеется немало общих элементов в родовых знаках (тамги) и знаках счета, а также в орнаментальном мотиве мордовского и чувашского народов.

В источниках имеется указание о том, что в XVII веке мордва, чуваши и марийцы тысячами собирались на юге Чувашии для проведения общих мелкоплеменных языческих молений и жертвоприношений, связанных, по-видимому, общим религиозным культом, сложившимся в незапамятные времена.

Таким образом, весь комплекс исторических данных свидетельствует о том, что чувашский и мордовский народы имели тесные историко-культурные связи и оказывали друг на друга взаимные этнокультурные влияния.

---

[1] Н. *И. Воробьев, А. Н. Львов, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова,* Чуваши Этнографические исследования, Чебоксары, 1956, стр. 169.

[2] *В. Н. Белицер,* Народная одежда удмуртов. М. 1951, стр. 64.

[3] Там же, стр. 73.

[4] *Б. А. Серебрянников,* Происхождение чувашского народа по данным языка. Сб. «О происхождении чувашского народа», Чебоксары, 1957, стр. 36.

[5] *В. Г. Егоров,* Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1954, стр. 122.

Чувашский народ сложился в ходе длительного исторического развития. Его ядро составляют тюркоязычные булгаро-суварские племена. Булгарские племена, по археологическим данным, в IX—X вв. переселились в Правобережье Волги и заняли территорию современной Чувашии, где они ассимилировали аборигенов края — древнемарийские (черемисские), мордовские или буртасские племена, положив начало формированию верховых чуваш (вирьялы). Сувары (сувазы) в XIII в. под натиском татаро-монгольских завоевателей компактной массой переселились на территории между бассейнами рек Цивиль и Свияга и легли в основу образования низовых чуваш (анатри). В XIV—XV вв. в процессе сближения и нивелировки этих двух основных групп сложилась единая чувашская народность. Чуваши в 1551 году вместе с мордвой и горными мари участвовали в строительстве Свияжской крепости. Они добровольно вошли в Русское государство и навеки связали свою судьбу с русским народом, который оказывал благотворное влияние на экономическое и культурное развитие их. В совместной борьбе против самодержавной власти, помещиков и буржуазии крепли узы дружбы братских народов Поволжья.

В XVI—XVII вв. чуваши, русские, мордва, осваивая пустующие земли «дикого поля», селились в южной части территории современной Чувашии. В юго-западной части Чувашской АССР, где она граничит с Мордовской АССР, в это время появились мордовские (эрзянские) селения. Эрзяне селились также в чувашских деревнях. В настоящее время мордовское население живет во многих населенных пунктах Чувашии:

в Алатырском районе: Алшихово-Люльский, Баевка, Напольное, Новое Алтышево, Рындино, Студенец, Сырести; XI лет Чувашии (Вурнарский район); Шамкино, Яблоновка и Матаки (Батыревский район);

мордовско-русское население: Алтышево, Атрать (Алатырский район), Березовка (Вурнарский район);

чувашско-русско-мордовское население: пос. Киря и Мирный (Ибресенский район), Краснобар (Шумерлинский район); в Батыревском районе в селениях: Сигачи, Тарханы, Кармалы, Нурусово, Верхне-Буяново, Шемурша, Мордовские Тюки;

чувашско-мордовское-татарское население: в с. Трехбалтаево Батыревского района;

чувашско-мордовское население: в Бичурга-Баишево, Матаки, Баскаки (Батырский район) и др.

В селениях со смешанным населением национальные различия, за исключением родного языка, постепенно стираются.

Прежние обособленные районы русского, чувашского или мордовского населения в деревнях теперь исчезают, новые дома ставятся подряд, без соблюдения национальных различий. В планировке усадьбы и во внутреннем устройстве изб различия тоже не соблюдаются. Все народности стремятся к городской культуре. Избы строятся добротные, из 2—3 комнат. Все шире входят в быт диваны, ковры, никелированные койки, зеркала, радиоприемники, телевизоры и т. д.

В одежде смешанного населения не наблюдаются резкие национальные различия. Лишь пожилые мордовки носят длинную широкую юбку, блузку с широкими и длинными рукавами и фартук; верхняя одежда — типа стеганого полупальто носит мордовское название манарка. Чувашки носят платье с двумя оборками, по праздникам некоторые одевают украшения (теветь, майсиххи и тухью). Молодежь носит одежду городского типа.

Жители селений с различным национальным составом хорошо владеют русским, чувашским и мордовским языками, на собраниях же общепринятым является русский, иногда прибегают к чувашскому. С первого класса дети обучаются на русском языке. В отдельных мордовских семьях дети и дома говорят по-русски.

Народные праздники, игры и различные торжества чуваши, русские и мордва проводят вместе. Покойников хоронят на общем кладбище.

В селениях со смешанным населением происходят перекрестные браки, в результате этого усиливается процесс стирания национальных особенностей. При этом все более преобладает русская культура.

Между чувашским и мордовским народами с давних пор существуют тесные культурные связи. Мордовский просветитель—ученый Макар Евсевьевич Евсевьев, уроженец д. М. Кармалы (Батыревский район ЧАССР) был близким другом и сподвижником чувашского просветителя И. Я. Яковлева. Мордовские юноши учились в Симбирской школе, основанной И. Я. Яковлевым, вместе с русскими и чувашами. Немало учителей-мордвы вышло из этой школы. Сын И. Я. Яковлева проф. Алексей Иванович Яковлев внес достойный вклад в научную разработку вопросов истории мордовского народа.

В культурной связи братских народов важное место занимает распространение и переводы художественных произведений. Мордовский поэт Н. Рогожин (родился в д. Нурусово Батыревского района ЧАССР) перевел на мордовский язык поэму классика чувашской литературы К. В. Иванова «Нарспи». За последние годы в Чувашии издан в переводе на чувашский язык ряд произведений мордовской литературы: мордовские рассказы и сборник мордовских сказок, повесть Н. Эркая «Алешка», стихи Ивана Пиняева и др.

Братские народы Поволжья живут в единой дружной семье и вносят свой достойный вклад в коммунистическое строительство в нашей стране.

Т. А. Крюкова,
зав. отделом Поволжья Музея этнографии народов СССР в Ленинграде

МОРДОВСКО-МАРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ДАННЫМ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

При этнографическом исследовании с целью выявления связей и черт общности между отдельными народами значительный интерес представляют районы с различным национальным составом. Здесь есть возможность проследить взаимоотношения народов между собой, взаимопроникновение их культур в различные исторические периоды.

В этом отношении Поволжье — область сменяющихся древних культур в прошлом и многонациональный район в настоящее время — дает интересный и богатый материал.

В то же время эта многослойность культуры и наличие самых разнообразных компонентов в процессе формирования народов создают значительные трудности в изучении их этнической истории. При таком конгломерате взаимовлияний еще более сложно определить черты общности между двумя народами, определить происхождение некоторых элементов их культуры и среди общих черт наметить отдельные признаки, характерные именно для этих народов.

Это и является задачей моего небольшого сообщения.

Не претендуя на исчерпывающую полноту использования всех возможных источников для выявления культурно-исторических связей между мордвой и марийцами, я позволю себе ограничиться лишь сугубо этнографическими материалами. Мне представляется возможным и плодотворным проследить аналогии в отношении отдельных элементов материальной и духовной культуры путем выборочного их сопоставления, в основном на вещевых этнографических материалах — подлинных памятниках народной культуры.

Среди других элементов материальной культуры одежда, как наиболее стойко сохраняющая характерные этнические особенности и народные традиции, должна быть привлечена в качестве источника в первую очередь.

Анализ мордовского народного костюма в сопоставлении с одеждой, характерной для других народов Поволжья — марийцев, удмуртов, чуваш, и т. п. позволяет отметить наличие значительного количества общих черт. Об этих общих чертах в одежде местных волжских народов лесной полосы имеются неоднократные упоминания в этнографической литературе у ряда исследователей[1].

В качестве типичных признаков этого общего одежного комплекса в первую очередь указывается на отсутствие в женском костюме верхней поясной одежды типа юбки или паневы и на наличие взамен ее холщевой белой рубахи туникообразного покроя. Эта основная часть костюма является обычно богато орнаментированной и совмещает функцию нательной и верхней одежды, заменяющей платье. Она чаще всего сочетается также с распашной одеждой туникообразного покроя, типа шушпана. Плечевая одежда, как правило, стягивается поясом и нередко имеет целый набор поясных украшений (подвесок, кистей, полотенец). Аналогии обобщенного типа, которые неоднократно приводятся в литературе, касаются также и головных уборов, типичных для ряда волжских народов. При всем многообразии этих головных уборов можно сгруппировать их по типам, на которые и делаются ссылки при сравнении. Это — высокие каркасные, лопатообразные с твердой распоркой (типа сороки), трапециевидные, полотенчатые и т. п. Типичной и характерной для волжских народов обувью считается лыковая (лапти, ступни), надеваемая с шерстяными или холщевыми онучами.

Непременную принадлежность костюма составляют также различные украшения из монет, бисера, раковин-каури и т. п.

Такая суммарная сравнительная характеристика одежды волжских народов может иметь смысл при сопоставлениях в общем плане. Но для того, чтобы определить черты общности между двумя конкретными народами (в данном случае между мордвой и марийцами), необходимо при сравнительном анализе, помимо типологических признаков, рассмотреть соответствующим образом и национальные особенности, племенные и локальные отличия в их культуре, обратив внимание и на отдельные детали.

Локальные отличия зачастую могут служить ключом к решению вопроса о компонентах тех или иных этнических образований. В одежде мордвы эти локальные отличия проступают весьма отчетливо.

В соответствии с племенными и языковыми делениями мордвы на две основные группы—эрзю и мокшу—имеются разграничения и в их народной одежде. Значительные особенности имеет одежда мордвы-терюхан и каратаев.

---

[1] См. работы *В. Н. Белицер, Н. И. Воробьева, Н. И. Гаген-Торн, К. И. Козловой* и т. п.

Некоторые отличия имеют и более мелкие территориальные подгруппы. В свою очередь у марийцев одежда луговых весьма отлична от одежды горных. Все это надо иметь в виду при сравнительном рассмотрении отдельных частей их костюма.

Если взять основную часть женской одежды — рубаху, то у различных групп мордвы она будет иметь в деталях отличия, прежде всего по покрою. Эрзянская рубаха «панар», как правило, представляет собой типичный образец туникообразного покроя, который отнесен Б. А. Куфтиным[1] к подтипу «а», где полотнища холста перекидываются через оба плеча, а швы проходят: один — сзади на спине, один — спереди на груди и 2 сбоку. Стан, сшитый из двух полотнищ — узкий, длинный, без боковых клиньев. Некоторым вариантом и одновременно наиболее архаичным прототипом этой рубахи является экземпляр рубахи из коллекции Палласа XVIII века (№ 766—8 в колл. Музея антропологии и этнографии АН СССР)[2].

Стан её также сшит из двух полотнищ с продольными швами на груди и на спине. Однако рубаха значительно шире благодаря своеобразному покрою рукавов. Полоса холста как бы обвертывается вокруг руки, а затем спускается вниз во всю длину рубахи и сшивается со станом, образуя ряд боковых сторон или клиньев. Таким образом, ширина данной рубахи соответствует 6 точам холста. Этот тип рубахи не имеет аналогий в эрзянской одежде. И все же, являясь чрезвычайно архаичным и редким, он не является единичным. В коллекциях Гос. музея этнографии народов СССР имеется экземпляр рубахи, относящийся к так называемой «теньгушевской» мордве (№ 3454—58). Несмотря на позднюю датировку (начало XX века), она сохранила детали вышеописанного архаического покроя. Очевидно, для какого-то времени этот вариант покроя был типичным и не только для мордвы-эрзи.

Рубаха — «панар» или «щам» мордвы-мокши кроится по другому принципу, чем эрзянская. Это — тот же туникообразный покрой, но подтипа «б» (по Куфтину).

В ней перед и спина сделаны из одного полотнища, перекинутого назад, без шва на плечах. С боков к этому полотнищу с обеих сторон пришиты боковые полотнища. Таким образом, стан сшит из 3-х точей холста. Покрой подчеркивается и орнаментацией. Продольные полосы идут по швам среднего полотнища, как бы выделяя его. К какому же типу покроя примыкает марийская женская рубаха? Она кроится аналогично мокшанской рубахе, повторяя расположение швов и локализацию вышивки, выделяющей среднее полотнище.

Несомненно, в мелких деталях марийской рубахи имеются всегда свои особенности; главным образом это касается ворота рубахи (вернее выреза для шеи) и рукавов. И все же тип покроя является одинаковым для обоих народов.

---

[1] *Б. А. Куфтин,* «Материальная культура русской мещеры», 1926 г., стр. 22.

[2] *Т. А. Крюкова,* Коллекция Палласа по народам Поволжья. Сборник Музея антропологии и этнографии. т. XII, стр. 147.

Перекликается с мокшанским и способ надевания рубахи. Длинную рубаху, доходящую почти до щиколотки, с помощью пояса поддергивали обычно высоко, напуском. Горные марийцы, подобно мокше Рыбкинского и Краснослободского районов. подбирали ее до колен и выше. Имеются аналогии и в поясных украшениях: и для мариек и для мокшанок характерно наличие целого набора поясных подвесок. У марийцев это—«кьмда» и «лапкауштэ»— прямоугольные куски ткани с бахромой и, наконец, «солыки»— поясные полотенца. Подвески же мордвы-мокши — это кисти из различных материалов и опять-таки поясные полотенца. Поясных украшений типа эрзянского «пулагая» ни марийские женщины ни мокшанки в XIX веке не носили. Однако в более ранний период среди марийцев бытовало старинное поясное украшение «юпинэ», которое встречается и в марийских могильниках XVI века (Тоншаево и Пайгусово). Это украшение представляет собой именно назадник, составленный из целого ряда пронизок и латунных трубочек. Он во многом напоминает «пулагай» эрзянок.

Среди других украшений значительное место в одежде волжских народов занимают нагрудные украшения. Большое количество их характерно и для мордовского, и для марийского костюма. Для их изготовления использовали самые разнообразные материалы. У марийцев — серебряные монеты, бисер, раковины-каури, бляшки. У мордвы, кроме бисера и раковин, имеют место бусы, медные пуговицы, стеклярус, медные цепочки, жетоны и даже бубенчики. Но несмотря на такое обилие разнородных материалов, часто позднего происхождения, основу нагрудного украшения чаще всего составляет **пряжка-фибула** для скалывания рубахи на груди. По форме этой фибулы нередко можно узнать принадлежность украшения мордве-эрзе или мокше. Пряжка «сюлгам» у эрзянок, которая помещается обычно в центре снизка из различных материалов, имеет форму овала с незамкнутыми концами; у мокшанок это медный орнаментированный треугольник с кольцом и весь снизок (располагаемый вокруг этого треугольника) имеет вид трапеции. Несомненно, пряжки-фибулы наиболее архаическая часть нагрудного украшения мордвы. Прототипы их встречаются в мордовских женских погребениях.

Среди марийских нагрудных украшений фибулы имеются. Они разнообразны по форме и большей частью аналогичны мордовским. Можно встретить и овальную эрзянского типа, и трапецевидную — похожую на мокшанскую «сюлгамо». Таким образом, в отношении фибул марийцы тяготеют без предпочтения к обеим группам мордвы.

Интересный материал для сравнения представляют женские головные уборы. У мордвы они чрезвычайно разнообразны по форме, материалу, способу украшений, принадлежности.

Значительную группу среди них составляют высокие каркасные головные уборы на твердой основе. Это так называемые «панго», головные уборы мордвы-эрзи. Среди них имеются и рогообразные, и конусообразные, и цилиндрические, и в форме усеченного конуса и т. п. Самым архаичным и ранним по датировке является головной убор XVIII века из коллекции Палласа. (№ 766—3). Это тип высокого женского головного убора на твердой основе, состоящей из бересты и толстого деревянного прута. Высота его 30 см. Низ обшит полосами домотканины. На верхнюю ткань нашиты рядами резаные серебряные монетки, жестяные жетоны и бляшки. Головной убор покрыт куском шерстяной ткани и двумя вышитыми полотенцами. В XIX веке этот весьма архаичный головной убор уже не бытовал. Однако в более ранний период он, по-видимому, был типичным и имел распространение у мордвы. Это подтверждается, в частности, фактом существования подобных по типу и форме головных уборов у ряда сопредельных народов. У марийцев аналогичным может считаться старинный головной убор «шурка», бытовавший в XVIII — начале XIX века. Он представляет собой высокий берестяной конус, обтянутый холстом и кумачом и сплошь зашитый с лицевой стороны мелкими старинными монетами или их имитацией. Упоминание об этом головном уборе имеется еще у Олеария. К середине XIX века он бытовал уже только как обрядовый головной убор; некрещеные марийки надевали его во время жертвенных обрядов и на свадьбу. К концу XIX века он совершенно вышел из употребления.

Головной убор этот дополнялся вышитым платком, который накидывался сверху. Это своеобразное «покрывало» соответствовало головным полотенцам, прикрепленным к мордовскому головному убору. Таким образом, аналогия в смысле формы, материала и составных частей была почти полная.

У марийцев в XIX веке на смену «шурке» в тех районах, где она бытовала, появился женский головной убор «шымакш»— холщевый, вышитый, сшитый остроконечным конусом. Он надевался носительницей на туго скрученные волосы и на твердый берестяной или войлочный колпачок.

В этот период у мордвы-эрзи бытовали каркасные головные уборы «панго», о которых шла речь выше. Варианты по форме были близки различной манере надевания «шымакша» у марийцев (рогом, надо лбом, на затылке, конусом и т. п.). По-видимому, здесь мы имеем дело с результатом некоего процесса развития первоначальной формы старинного головного убора, происходящего у разных народов своеобразно.

Прототипом мягких головных уборов на распорке (из бересты или дерева) является у мордвы головной убор XVIII века из коллекции Палласа за № 766—5[1]. Это род чепца трапециевидной формы с широким позатыльнем. Лицевая сторона его сплошь вышита, в позатыльне же вышивка локализована по краям.

К этому архаическому головному убору примыкают все головные уборы мордвы (позднейшего времени) типа сороки, разнообразные по форме — трапециевидные, полусферические, лопатообразные и т. п.

Трапециевидная форма встречается в старушечьих головных уборах, носящих название «бабань панга», в ряде районов расселения мордвы-мокши, а также в старинных, вышедших давно из употребления головных уборах мордвы-каратаев. И те и другие богато украшены вышивкой наподобие экземпляра из коллекции Палласа.

Что же касается марийцев, то их головные уборы типа «сороки», которые можно сопоставить с мордовскими, были распространены в ряде районов их расселений. При этом наиболее близки по форме, расположению составных частей старинные сороки марийцев, живущих за пределами Марийской АССР в Кировской области, и старинные же головные уборы мордвы-каратаев. По характеру вышивки можно также проводить параллели между марийскими головными уборами и мокшанскими «панго» и т. п. Таким образом, при сопоставлении головных уборов марийцев и мордвы можно говорить о последовательной линии их сближения.

Давая сравнительную характеристику отдельных частей одежды этих народов, нельзя не коснуться ее орнаментации. В их народном изобразительном искусстве вышивка одежды играет значительную роль. При этом она имеет много общих черт — в характере орнаментации, в мотивах орнамента, в локализации и распределении элементов узора на плоскости, в технике и т. п. Сопоставление мордовской и марийской вышивок не раз проводилось отдельными исследователями. Чаще всего отмечалась близость вышивки луговых марийцев и мордвы-мокши. В монографии «Мордва» И. Н. Смирнова, например, указывается: «Эрзянские вышивки резко отличаются от черемисских по своим мотивам... Вышивки мокшанских рубашек и панго обнаруживают... значительную близость к... черемисским»[2].

Однако при ближайшем рассмотрении можно убедиться, что дело здесь не в близости марийцев исключительно мордве-мокше. Связь марийцев с мордвой прослеживается и на эрзянских материалах, но более ранней датировки. Тот же автор указывает: «Однородность узоров обнаруживается тем сильнее, чем далее мы углубляемся в прошлое»[3].

---

[1] Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XII, стр. 153.

[2] *И. Н. Смирнов,* «Мордва», 1895, стр. 138.

[3] *И. Н. Смирнов,* «Мордва», 1895, стр. 138.,

И действительно, если взять наиболее ранние экземпляры орнаментированной одежды мордвы, коллекцию Палласа, относящуюся к XVIII веку, то можно обнаружить, что «специфических отличий орнамента различных локальных групп (эрзи и мокши), четко прослеживаемых на материалах одежды мордвы, здесь не имеется»[1].

Очевидно, в ранних памятниках такого резкого разграничения не было. Некоторые из специфических черт орнамента, квалифицируемые как локальные и даже племенные отличия в одежде, не являлись когда-то исключительно принадлежностью той или иной группы. Подтверждение этому мы находим и в других ранних образцах мордовской одежды. В этом отношении исключительный интерес представляет мордовская женская рубаха ранней датировки (XVIII век), которая была обнаружена среди неаннотированных коллекций Московского исторического музея научным сотрудником Е. С. Карповой, определена ею и подготовлена к публикации. Орнамент ее по характеру напоминает образцы коллекции Палласа и, таким образом, подкрепляет выдвинутое положение.

Именно с такого рода вышивкой и могут быть сопоставлены старинные рубахи луговых марийцев (из коллекций ГМЭ), где резко очерчены контуры вышивки и общий характер ее является более легким, с просветами, без сплошной зашивки (ковровая вышивка у марийцев появляется в более поздних образцах). Техника вышивки также специфична для мордвы и марийцев этого периода: преобладают швы «контурный», «набор» и лишь в какой-то мере «счетная гладь». Вышивка исполняется с обратной стороны по счету ниток. Расцветка — традиционная, в пределах четырех цветов—синего, красного, зеленого и желтого, в определенной пропорции, одинаковой (для этого периода) и у мордвы и у марийцев.

В плане сопоставления интересно было бы проследить и другие элементы духовной культуры марийцев и мордвы, в частности, их верования. Однако это является серьезной большой темой, выходящей за рамки небольшого сообщения. Хочется все же упомянуть об одной интересной детали в обычаях этих двух народов, которая невольно напрашивается на сравнение.

В обрядности марийцев имеется обычай участия на поминках в 40-й день лица, заменяющего покойника, надевающего его одежду. Обычай этот бытовал в ряде районов, спорадически его можно встретить среди некрещеных марийцев вплоть до настоящего времени. Отголосок этого обычая мы находим также и в мордовской этнографии, в описании пережитков дохристианских верований, сохранившихся даже в начале XX века. Так, в материалах этнографа М. Е. Евсевьева имеется упоминание о присутствии на поминках у мордвы Ардатовского уезда лица, заменяющего покойника «сурень патося». Приводится и сам обряд[1].

---

[1] Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XII, стр. 146.

В другой записи подробно описываются все действия лица, заменяющего покойника и присутствующих при этом. Обряд почти с точностью воспроизводит марийский обычай, характерный для Моркинского района Марийской АССР. Интересен вариант обычая, встречавшийся у мордвы-эрзи Кочкуровского р-на в прошлом столетии, когда на поминках делали куклу, имитирующую покойника и ставили ее во время поминок в передний угол.

Все эти материалы опять-таки говорят об имеющихся общих чертах у марийцев и мордвы в их духовной культуре. Мы нашли интересным сопоставить эти материалы, тем более, что такого рода обычаи среди народов Поволжья существуют в таком варианте только у марийцев и мордвы.

В рамках краткого сообщения трудно осветить вопрос о связях с исчерпывающей полнотой, однако сопоставления ряда даже мелких элементов материальной и духовной культуры обоих народов допускают на основании их сделать некоторые, пока еще предварительные выводы. Такое изучение этнографических материалов и рассмотрение их в культурно-историческом плане позволяет отметить существование у марийцев и мордвы культурных связей издавна. Данные по одежде этих народов говорят о том, что эта общность прослеживается наиболее четко на ранних этнографических материалах. По-видимому связи между этими народами можно считать древними, связанными в какой-то мере и с их происхождением и этнической близостью.

Во всяком случае сравнительный анализ ряда материалов говорит о том, что общие черты являются не результатом позднего контакта. Связи между мордвой и марийцами, очевидно, существовали еще в то время, когда племенные различия эрзи и мокши не были четкими.

Однако эти предварительные выводы, полученные в результате рассмотрения лишь небольшого этнографического материала, могут найти окончательное подтверждение лишь на основании проверки их материалом смежных этнографии наук — истории, археологии, лингвистики.

Организованная сессия по этногенезу мордвы должна иметь большое значение в этом плане. Она должна помочь решению общих этногенетических проблем не только для мордвы, но и для всего Поволжья.

---

[1] Фонд Евсевьева, № 262, дело № 14.

Р. Г. Мухамедова,
научный сотрудник Казанского института языка, литературы и истории Академии наук СССР

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МОРДОВСКОГО И ТАТАРСКОГО НАРОДОВ ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ

Изучение культурных взаимосвязей народов нашей страны представляет существенный интерес для выяснения не только истории каждого народа в отдельности, но и процессов культурного взаимообогащения. Кроме того, оно дает возможность выявить истоки исторически сложившейся дружбы между народами.

Культурные взаимосвязи мордовского и татарского народов имеют многовековую историю. Археологические и этнографические данные показывают, что эти связи, обогатившие материальную и духовную культуру обоих народов, имели древнюю основу и создали благоприятные условия для развития дружбы между ними.

В данном выступлении мы будем говорить главным образом о культурных взаимосвязях мордвы с мишарской этнографической группой татар Поволжья. Этот вопрос уже давно привлекает внимание исследователей. Так, еще Мункачи Б., Паасонен Х., а также М. Е. Евсевьев отмечали наличие в мордовском языке значительного числа тюркских заимствований. Эти заимствования, по мнению исследователей, носят черты мишарского диалекта татарского языка, т. е. проникли в мордовский язык через мишарей.

Этнографы также отмечают наличие множества общих элементов в культуре и быте этих народов. Так, С. П. Толстов и М. Т. Маркелов указывают на некоторое сходство женских головных уборов у мордвы и волжских болгар (предков казанских татар). При этом они отмечают, что в решении вопросов этногенеза мордовского народа необходимо учесть, кроме сложных процессов взаимодействия финских племен друг с другом, еще и их тесные связи с болгарскими племенами и потомками древних можар — мишарями[1].

---

[1] *С. П. Толстов* и *М. Т. Маркелов.* К истории терюханской народной культуры. «Этнография», 1928, № 2.

В течение нескольких лет мы занимались изучением быта мишарей, проживающих на территории расселения мордвы. Как известно, бытовой уклад народов Среднего Поволжья в XIX веке представлял сложное явление: в нем слились воедино и сохранившиеся в той или иной степени древние элементы, восходящие к ранним историческим эпохам, и возникшие в более поздние времена. Сходство культуры и быта мордвы и мишарской этнографической группы татар обнаруживается как в тех, так и других компонентах.

В данном случае нас больше интересуют древние культурные связи. Поэтому остановимся несколько на аналогиях в быте этих народов, представляющих, по нашему мнению, результат очень ранних длительных и тесных исторических связей. Такие параллели проявляются прежде всего в сфере хозяйственной деятельности. Благодаря одинаковому уровню развития производительных сил и сходству природных условий у этих народов сформировался своеобразный комплекс хозяйства, представляющий прочный фундамент культурной общности между ними. Это плужное (пашенное) земледелие, основу которого составляет выращивание зерновых культур, с подсобным животноводческим хозяйством. В крае сложились также специфические типы пахотных орудий. Так, вплоть до XVII в., а местами и позже основными орудиями вспашки как у мордвы, так и у татар были «сабан», восходящий к древнеболгарскому плугу, и косуля, особенно широко распространенная у финно-угорских племен Среднего Поволжья. Из других специфических орудий земледелия у этих народов следует отметить серп с насечкой, также восходящий к болгарскому типу серпов[1]. К очень древнему периоду следует отнести и возникновение на территории Средней Волги способа сушки хлеба в своеобразных овинах-шишах, применявшегося как мордвой, так и татарами Поволжья вплоть до конца XIX века. Можно продолжить этот список, упомянув, например, о параллелях в способе укладывания снопов, в приемах молотьбы и т. д. Хочется подчеркнуть не только наличие одинаковых орудий, приемов или форм, но и нередко имевшую место идентичность их названий. Например, сянго (морд.) или синэк (миш.) — вилы, тепец — било цепи, одер — вид телеги. То же самое наблюдается в терминах, связанных с животноводством: алаша — лошадь, айгор — жеребец, айыл — подпруга, навта — узда.

Сходство основных занятий мордвы и мишарей привело к значительному сходству в их питании. В этом отношении заслуживают внимания блюда из пшена. Пшенная каша как у мордвы, так и у мишарей представляет главный вид ритуальной, обрядовой пищи при всех семейных и общественных церемониалах. В питании мордвы значительное место занимают пшенные блины, которые являются специфическим изделием мишарской кухни. К тому же они (как и пшенная каша) являются у них еще и обрядовым блюдом. Традиционной пищей у мишарей и у мордвы является салма — жидкое блюдо, заправленное кусочками теста. Наличие таких блюд у мордвы[1] и у мишарей и сохранение их в качестве ритуальной, обрядовой пищи говорит об очень древних, восходящих к периоду язычества мишарей культурных связях этих народов.

---

[1] *М. Ф. Жиганов,* Хозяйство мордвы в XIII—XVI вв. Сб. «Исследования по материальной культуре мордовского народа». Москва, 1963, стр. 16—20.

Сходство распространяется также на молочные изделия. Нередко мордва и мишари для обозначения этих изделий применяют один и тот же термин, например, «созмэ», «мичке» (творог). Следует также указать на наличие в питании этих народов таких общих молочных продуктов, как кислое молоко и утоляющий жажду молочный продукт типа татарского айрана, способ приготовления которых одинаков как у мордвы, так и у мишарей.

Небезынтересен также факт наличия у мордвы способа заготовки молочных продуктов впрок[2]. Как известно, заготовка молочных продуктов впрок характерна прежде всего для тюркоязычных народностей. Дополним наш перечень обрядовым напитком «буза» (морд. поза) как по названию, так и по способу приготовления напоминающим напитки тюркоязычных народов.

Древние связи мордвы и татар-мишарей прослеживаются также в типах поселений, в хозяйственных постройках, в типах жилищ, а также в их планировке. Так, для мишарей и для мордвы в прошлом были характерны скученность и беспорядочность населенных пунктов, кучное расположение усадеб, наличие открытых дворов с разбросанными постройками.

Наиболее простым по плану типом жилья у этих народов является однокамерная постройка, т. е. жилище без сеней — у мишарей «алачык», у мордвы «куд». Эти древние формы жилища к середине XIX века сохранились в виде хозяйственных построек. Так, «алачык» мишарей представлял собой срубное или саманное строение четырехугольного плана с потолком и двускатной крышей. Внутри возводилась глинобитная печь с очагом. Помещение имело волковое окно. Летом оно служило кухней, а зимой в нем содержали молодняк. Мордовский же «куд» превратился в баню.

Следующим по сложности типом жилища у мордвы и у мишарей является двухкамерная постройка, состоящая из отапливаемого жилого помещения и холодных сеней. Сени развились из легкой пристройки с навесом перед входом в жилье. Как известно, двухкамерное жилище в этом крае появляется довольно рано. Оно встречается еще в средневековье в виде разделения на две части полунадземных жилищ.

---

[1] *Е. И. Динес,* Традиционная пища и домашняя утварь мордвы. Указ. сб., стр. 104—127.

[2] Там же, стр. 109.

Не менее древним типом у этих народов является трехкамерное жилище (изба — сени — клеть или, позже, изба—сени—изба), которое исторически выводится также из древнего жилища.

Перечисленные три типа жилища в равной мере характерны как для мордвы, так и для мишарей. Конечно, это в значительной степени объясняется местными условиями (как социальными, так и природными), одинаковыми для этих народов. Но определенную роль здесь сыграли и культурные взаимосвязи.

Перейдем к внутренней планировке жилища. В наиболее древней избе мишарей, как и у мордвы, печь-каменка располагалась в переднем углу, устьем ко входу[1]. Как известно, эта планировка соответствует планировке полунадземных жилищ периода средневековья. Наличие ее у мордвы и мишарей подтверждает единый процесс развития жилища у этих народов с древнейших времен.

Характерным элементом материальной культуры мордвы и мишарей являются также висячие котлы в очаге, представляющие пережиток периода пользования открытым очагом. Происхождение однотипных комбинированных печей с очагом является другим примером, подтверждающим единый процесс развития элементов быта у этих народов, в данном случае комбинированных печей с очагами и с одинаковым способом приспособления в нем котла.

Однако наряду со значительным количеством параллелей во внутренней планировке жилища этих народов имеются и различия. Так, если у мордвы «красный угол» менял свое место в зависимости от расположения печи, то почетное место «тур» мишарей всегда оставалось у передней стены, т. е. против входа. В этом отношении планировка древнемишарской избы не отличается от планировки жилища других тюркских народов. Нары, расположенные на этом почетном месте и получившие одноименное название «тур», также увеличивают сходство между жилищами мишарей и казанских татар, башкир и других тюркоязычных народов. Эта специфичность во внутренней планировке мишарской избы, отличающая ее от мордовской, сохранилась и в более поздних планировках жилищ.

Рядом с вышеописанной внутренней планировкой избы развивалась другая, новая, особенностью которой является расположение печи в одном из углов задней стены, справа или слева от входа. Во второй половине XIX века этот тип планировки почти полностью вытеснил первый, стал преобладающим. На территории Мордовии новая планировка имела два варианта:

---

[1] Эта планировка сохранилась в банях и в «приделах» жилищ типа «изба с приделом»

1) устье печи обращено к передней стене и 2) печь повернута устьем к боковой стене. В том и другом варианте часть избы, находящаяся против устья печи, отделялась как кухня. В жилищах мишарей с подобной планировкой нары, как и в первом типе, располагались вдоль передней стены. Только в результате перемещения печи к заднему углу эти нары простирались во всю длину передней стены. Но название «тур» не распространялось для части нар, которая находилась против устья печи[1]. Название «тур» сохранилось, как при старом типе планировки, только за той частью нар, которая находилась против входа. Как видно, при всем единстве элементов внутренней планировки расположение их в некоторой степени отличалось. Эти различия позволяют говорить о самостоятельном пути развития внутренней планировки жилища у этих народов в результате их этнического своеобразия.

Древние связи мордвы и мишарей можно было бы показать и на примерах развития окон и связанных с ними деталей, конструкции крыши, на хозяйственных постройках и т. д. Но ограниченность времени не дает возможности подвергнуть сравнительному анализу все вопросы, связанные с жилищем.

Говоря о параллелях, имеющих место в жилищах этих народов, следует сказать, что мы, к сожалению, пока еще не знаем, какова роль того и другого народа в выработке общего типа жилища, издавна распространившегося на Средней Волге. Неизвестен также первоначальный источник некоторых других общих элементов, имеющих место в жилище и поселениях этих народов. Однако во многих сходных элементах можно видеть результат древних культурных связей между ними.

Сравнение одежды этих народов выявляет ряд аналогий, которые тоже можно объяснить их территориальной общностью. Например, сходство хозяйственно-географических условий в значительной степени определило у них материал для одежды и способы его обработки: преобладающим материалом для шитья одежды и у мордвы и у мишарей до середины XX века являлись домотканные материалы—полотно из конопли или льна и сукно из шерстяных ниток; и те, и другие применяли для окраски ткани подмаренник, листья и стебли которого шли на окраску ткани в желтый цвет, а корни — в красный. Однако одежда мордвы и мишарей имеет сходство и в покрое, и в дополняющих одежду украшениях, т. е. в тех элементах, в которых местные условия уже не играли определяющей роли. Так, туникообразный покрой рубахи в одинаковой степени характерен как для мордвы, так и для мишарей с глубокой древности вплоть до середины XIX века. Только мишарская рубаха за счет скоса ее боковых полотнищ, как и рубахи всех тюркоязычных народностей, имела большую ширину, чем и отличалась от узких рубашек мордвы. Верхняя одежда мордвы и мишарей имеет также много общих форм: суконная и овчинная одежда в талию, халатообразная одежда без застежек, подпоясываемая кушаком (подобие тулупа), безрукавки, напоминающие камзол. Одним из наиболее древних головных уборов как у мордвы, так и у мишарей являются полотенцеобразные покрывала и головные уборы типа чувашской «хушпу», мишарской «кашпау», башкирской «кашмау».

---

[1] Эта часть нар называлась мордовским термином «потмар».

В качестве украшений, дополнявших женский костюм, большое значение у этих народов имели различного рода бусы. Особенно заслуживают внимания параллели между украшениями из бисера и из монет. Бисер часто сочетался с металлическими подвесками, монетами. В качестве нагрудного украшения мордовки и мишарки, кроме нагрудников из монет, носили сюлгамы-каптырма. В ушных украшениях также можно подметить черты сходства, например, серьги с подвесками из металлических пластин и из монет носят как мордовские, так и мишарские женщины. Отдельные типы этих украшений, например, сюлгамы, металлические подвески характерны для мордвы с глубокой древности, и надо думать, что к мишарям они проникли через мордву.

Как видно, даже весьма поверхностный сравнительный анализ одежды мордвы и мишарской этнографической группы татар Поволжья дает возможность заключить, что, несмотря на значительное этническое своеобразие, одежда этих народов имеет много сходных элементов. Это объясняется тесными древними связями и взаимовлиянием культур.

Духовной культуре мордвы и мишарей также свойственна большая общность. Прежде всего она прослеживается в семейных обрядах, особенно в свадебных. Идентичны приемы сватовства, определения размера выкупа — калыма, обряды прощания невесты с девичеством, с родителями и родными, обряды, связанные с проводами невесты, со встречей ее в доме жениха и другие. Особенно привлекают внимание этнографов и фольклористов параллели, имевшие место в обрядах прощания невесты с девичеством, родителями и родными. Переезд невесты из родительского дома у мишарей и у мордвы сопровождался целым рядом драматизированных сцен. Утром, на рассвете, после первых петухов, невеста, обращаясь к заре, начинала тихо причитать:

Наступил ли уже рассвет?
Есть ли у него заря?
На рассвете я рыдаю,
Есть ли кто несчастнее меня?[1]

---

[1] Ай тан, микэн, тан микэн,
Таннын зарялары бар микэн?
Таннар аткан чакта кычкырып елыйм,
Миннєн язулырак бар микэн.

Затем она подходила к постели матери и продолжала:

Хлопьями, снежными хлопьями,
Облепило поленницу (дров)
Встань-ка, родная матушка,
Твоя несчастная дочь рыдает[1].

От постели матери невеста подходит к подругам:

Среди зеленой крапивы
Кричит, притаясь, молодой петушок.
Проснитесь, подруженьки, пора вставать,
Пора причитать «тан кучат»[2].

И после того как невеста подняла всех спящих в доме, она продолжала громко причитать. В дальнейших причитаниях ей помогали подруги. Подсев к ней, они накрывались одним платком или «чаршаум» и причитали все вместе. В этих причитаниях невеста упрекала отца, что он выдает ее рано, хочет избавиться от нее, мать — что она безжалостна, старшего брата и его жену — в том, что они считают ее лишним ртом в семье и стараются скорее выдать замуж. Причитания невесты полны предчувствий о горести жизни в «чужом доме».

Перед отъездом из родительского дома невесту подводили к отцу с матерью. Она, обнимая родителей и заливаясь слезами, причитала, прося у них благословения: «Подойди, отец, благослови (или — мама, родная, благослови), я уезжаю (от вас) навсегда».

После благословения родителей дядя по матери и одна из сопровождающих женщин брали невесту под руки и вели к выходу. Но у двери она сопротивлялась, цеплялась за дверной косяк, ее выводили силой из дома. Молодая прекращала рыдания только в кибитке, в которой ее перевозили в дом мужа.

Плач и причитания невесты в установленное традицией время были обязательны; этот обычай соблюдался даже тогда, когда она выходила замуж по любви. Сколько ни боролось духовенство против этого языческого обряда, он среди мишарей продержался вплоть до конца XIX века.

Те, кто знаком со свадебным ритуалом у мордвы, вероятно, заметили, насколько упомянутые мишарские обряды прощания с родителями и родными близки к обрядам прощания с девичеством и родными у мордвы[3]. Однако свадебные плачи невесты и связанные с ними обряды отмечаются и у крещеных татар[1], касимовских татар[2], чувашей[3]. Плач невесты при расставании с родным домом зафиксирован у таджиков[4], каракалпаков[5], киргизов[6], башкиров[7]. Как видно, плач и причитания невесты свойственны свадебным обрядам большинства тюркоязычных народов. Кстати, следует указать на наличие в лексике мордовского языка значительного числа татарских заимствований, связанных со свадьбой, браком и семьей. Например, той (приданое, выкуп), ят (чужой), кода(сват), балдуз(свояченица, сестра жены), базя (свояк), бабай (тёща).

---

[1] Буран гына бура бурыйдыр,
Палуна башларын сылыйдыр.
Торчы әни кәбәм, уянчы.
Язулы яшь балан, елыйдыр.

[2] Яшел кечеркәннәр эчендә.
Яшеренеп кычкыра тан кучат.
Торыгыз тинәрем, торыр чак.
Эйтегез мина «тан кучат».

[3] *М. Е. Евсевьев,* Мордовская свадьба, Саранск, 1959.

Большое сходство обнаруживается также в древних верованиях, в языческих молениях, в приемах «лечения» детских болезней и др. Интересно отметить наличие у мордвы и у мишарей одноименного календарного обряда «нардван» у мишарей, «нардываса кайсема» у мордвы[8]. Этот обряд, имеющий в своей основе аграрно-магический характер, имел широкое распространение под тем же названием среди тюркоязычных народов Среднего Поволжья: у крещеных татар (нардуган)[9], у чувашей (нартаван)[10].

В столь кратком докладе, к сожалению, мы не можем подвергнуть сравнительному анализу все элементы материальной и духовной культуры. Однако и то немногое, что здесь отмечено, дает возможность говорить о глубоких исторических связях мордвы с татарами Среднего Поволжья и о их культурных взаимоотношениях на протяжении длительного исторического периода.

Несколько слов о мордве-каратаях. Сравнительное изучение культуры и быта каратаев дает еще больше параллелей, чем указанные для мордвы в целом. Так, каратаи говорят на западном, т. е. мишарском диалекте татарского языка. Каратаевский говор совпадает с говором мишарей, проживающих на территории Мордовской АССР и в Пензенской области[11]. По бытовым особенностям мордва-каратаи также близки к мишарям. Особенно обращает на себя внимание женская традиционная одежда каратаев. Так, описанная в работе В. Н. Белицер в сборнике «Материальная культура мордовского народа» традиционная женская рубаха каратаек как по покрою, так и по названию напоминает древнемишарскую рубаху «дзюле кулмэк». То же самое следует сказать относительно верхней распашной одежды каратаек «чиба», которая имела очень широкое распространение среди тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья.

---

[1] *Н. Б. Бурганова,* Свадебные причитания невесты у крещеных татар Подберезинского р-на ТАССР. Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук, № 2, 1957, стр. 213—216.

[2] *Л. Т. Махмутова,* Старинная свадебная песня у касимовских татар, там же, стр. 217—220.

[3] *К. Прокопьев,* Брак у чувашей «Известия ОАИЭ, т. XIX, в. I, стр. 22—23.

[4] *Н. А. Кисляков,* Семья и брак у таджиков. Москва, 1959, стр. 128.

[5] *Н. Даверкеев,* Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Ташкент, 1959, стр. 48.

[6] *А. Джумагулов,* Семья и брак у киргизов Чуйской долины, Фрунзе, 1960.

[7] *Р. Г. Кузеев* и *С. Н. Шитова,* Башкиры. Уфа, 1963, стр. 108.

[8] Морд. респ. архив, ф. р.-267, оп. 1, ед. хр. 77.

[9] *Р. Давлет,* Святки у крещеных татар. ИОАИЭ, т. 3—4, стр. 196—202. *С. Матвеев,* Гадание на кольцах у крещеных татар. ИОАИЭ, т. XXIII, в. I, стр. 39.

[10] Полевые данные автора.

[11] *Л. Арсланов,* Кандидатская диссертация (рукопись).

Эту общность культуры и быта каратаев и мишарей невозможно объяснить лишь экономическими и культурными связями. Она, несомненно, представляет результат этнических смешений древнемордовских и тюркоязычных племен.

Встает вопрос: какие тюркские племена могли оставить такой мощный древнетюркский слой в культуре народов Среднего Поволжья и к какому периоду относится возникновение многочисленных параллелей в культуре и быте мордвы, мишарей, чувашей и др.? Этот вопрос в значительной степени связан с вопросом происхождения таких тюркоязычных народностей края, как татары Поволжья (в частности мишари), чуваши и другие.

До сих пор считалось, что на территории Средней Волги первыми тюркоязычными племенами были болгары, приход которых в этот край относится к VIII веку. Однако археологические данные говорят, что первыми тюркоязычными насельниками на Средней Волге были не болгары. Проникновение тюркоязычных племен сюда относится к несколько более раннему периоду. Некоторые археологи считают, что тюркоязычные племена были оттеснены на территорию Средней Волги гуннами в III—IV вв.[1]. Более активное же приникновение тюркской этнической группы на Среднюю Волгу следует отнести к середине I тыс. н. э. Часть этой волны, может быть, действительно представляющая результат гунского натиска, вероятно, прошла через Южный Урал и, пройдя по степным районам юго-востока Европы, осела на территории расселения мордвы. Свидетельством этого является Арцебашевское погребение в б. Скопинском уезде Рязанской губернии. Этническую группу, оставившую после себя это погребение и множество кочевнических изделий в мордовских погребениях, начиная с VI века, А. Х. Халиков называет древнетюркскими племенами и склонен видеть в них предков современных мишарей[2]. По нашему мнению, это предположение заслуживает внимания исследователей. Надо думать, что эти же древнетюркские племена оказывали значительное воздействие на культуру древне-мордовских племен, в свою очередь подвергаясь воздействию мордовской культуры.

---

[1] *В. Ф. Генинг,* К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1962, стр. 329—335.

[2] См. настоящий сборник, стр. 155—169.

Знает ли история такое раннее древнетюркское племенное объединение? Нам кажется, что знает. Таковыми могли быть тюркские племена, входившие в буртасское племенное объединение. В настоящее время не только доказана многоплеменность буртас, но и внесена поправка относительно времени их существования. В результате тщательного анализа письменных источников существование буртасского племенного объединения Б. Н. Заходер относит к V—IX вв.[1] Как видно, время проникновения тюркского этноса в степные районы Среднего Поволжья и существования буртасского племенного объединения абсолютно совпадает.

В заключение следует отметить, что процесс сближения и обогащения культуры мордовского и татарского народов, начавшийся с древнейших времен, продолжался и в течение последующего периода истории. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в СССР создали еще лучше условия для широкого взаимообогащения культуры мордовского и татарского народов. Прогрессивные традиции одного из них становятся достоянием другого. Это яркое свидетельство закономерного процесса сближения наций.

---

[1] *Б. Н. Заходер.* Каспийский свод сведений о восточной Европе. Москва, 1962, стр. 224.

Н. Ф. Мокшин,
кандидат исторических наук

О МОРДОВСКО-МАРИЙСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ)

Изучение религиозных верований мордвы и марийцев, как и всех других народов, имеет большое научное значение. В религиях отражалась историческая действительность, в которой жили наши предки, природные условия, древние формы хозяйственной деятельности, общественный строй. В религиях нашли отражение и этнические связи между народами, их взаимоотношения. Поэтому сравнительное изучение религиозных верований может дать ценный, достоверный материал для решения тех или иных этнических проблем.

В связи с тем, что дохристианские религии финноязычных народов Поволжья исследованы еще слабо, их сравнительная характеристика представляет большую трудность. В данном сообщении я делаю лишь попытку такого сравнительного изучения в плане выяснения мордовско-марийских этнических взаимоотношений, имелись ли они в действительности, и как они отразились в религиях этих народов. При этом я основываюсь главным образом на собственных полевых материалах и наблюдениях, собранных в результате экспедиционных работ среди мордвы и марийцев, удмуртов и коми-пермяков.

Сравнительное изучение религиозных верований и обрядов финноязычных народов Поволжья (мордвы, марийцев и удмуртов) показывает, что в этническом отношении среди них наиболее близкими к мордве являются марийцы. Сравнивая религию мордвы и марийцев, я пришел к выводу, что здесь речь должна идти не о «стадиальной» близости, а об общности их происхождения. Эта общность особенно ярко прослеживается на ранних ступенях развития той и другой религии.

При изучении дохристианских верований мордвы и марийцев прежде всего обращает на себя внимание поразительное преобладание женских божеств, причем многие из них не только по своим функциям, но и по своим названиям одинаковые или очень сходные. Сравните: мордовское божество воды *Ведь-ава,* марийское *Вӱд-ава*[1], мордовское божество земли *Мода-ава,* марийское *Мланда-ава,* мордовское божество поля *Норов-ава* или *Пакся-ава,* марийское *Нур-ава* или *Пасу-ава,* мордовское божество огня *Тол-ава,* марийское *Тул-ава,* мордовское божество дома *Кудо-ава,* марийское *Кудо-ава* и некоторые другие. Исходя из этого, мной сделано предположение, что у предков мордвы и марийцев, живших в эпоху материнско-родового строя и, возможно, несколько позднее, были единые или очень родственные религиозные верования.

При сравнении религиозных верований мордвы с аналогичными формами олицетворений разных стихий и сил природы и пр. в верованиях удмуртов того родства, какое выясняется при сравнении религий мордвы и марийцев, не обнаружено. В религии удмуртов аналогичные божества — олицетворения той или иной стихии, силы природы и пр. являются божествами мужского рода, хотя по своим функциям они мало отличаются от мордовских и марийских божеств (удм. божество леса — *Нюлес-мурт,* поля — *Бусы-мурт* или *Луд-мурт,* воды — *Ву-мурт,* дома — *Корка-мурт* и др.). Думается, что эти удмуртские божества имеют более позднее происхождение. Они проявляют большую близость к божествам коми, которые также мужские (сравните: удм. божество воды — *Ву-мурт,* коми-перм.—*Ва-морт*[2], удм. божество дома — *Корка-мурт,* коми-перм.— *Керку-морт* и др.).

На смену материнско-родового строя пришел отцовско-родовой или патриархально-родовой строй, породивший новые формы религиозных верований и обрядов. Для стадии патриархально-родового строя характерен культ предков — поклонение умершим прародителям и сородичам, вера в то, что умершие предки покровительствуют своим живым сородичам-потомкам. В связи с этим практикуются и соответственные умилостивительные обряды, устраиваемые в честь умерших прародителей и сородичей членами рода или семьи. В эпоху же материнско-родового строя культ предков, как правило, еще не развивается. Развившись в эпоху патриархально-родового строя, культ семейно-родовых предков вместе с пережитками этого строя держится чрезвычайно устойчиво и в классовом обществе, уживаясь рядом с чисто классовыми формами религии или сплетаясь с ними[3].

Культ родо-семейных предков у финноязычных народов Поволжья принял очень своеобразные формы. Их в свое время тщательно исследовал крупный знаток религиозных верований поволжских народов мордовский этнограф М. Т. Маркелов[1]. Культ предков особенно заметно проявился в обычаях семейных и родовых поминок по умершим — обычаях, соблюдаемых во многом и поныне. Если сам похоронный обряд у народов Поволжья, как и у очень многих других народов, был отмечен суеверным страхом перед покойником, то в обычаях поминок сказывалось совсем иное отношение к умершим: забота о них и в то же время стремление задобрить и заручиться их покровительством[2].

---

[1] Ава — женщина, мать (по-мордовски и по-марийски).

[2] Удмуртское *мурт,* коми-перм. *морт* означает *человек* — Н. М.

[3] *С. А. Токарев,* Ранние формы религии, М., 1964, стр. 266—267, 273—274; его же, Проблемы изучения ранних форм религии в советской науке. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 7.

По религиозным представлениям мордвы и марийцев, души умерших, покидая тело, направляются якобы на «тот свет» — *тона чи, тона ши* (у мордвы), *весь тӱньчӓ, весь туньа* (у марийцев) — и оттуда могут якобы приходить к живым сородичам, родственникам, покровительствовать им, помогать во всем, если они хорошо поминают и почитают их. Если же умерших предков не поминают, забывают о них, то они будто бы могут жестоко наказывать живущих родственников (послать болезни, различные беды и напасти).

Семейные поминки у мордвы и марийцев обычно проводились на 3-й, 7-й, 40-й день, через полгода и год после смерти, а общеродовые—весной, летом и осенью. Иногда практиковались внеочередные поминки, причиной их могли быть засуха, эпидемии и т. п. К умершим обращались как к живым, приглашали их на поминки, ходили для этого на кладбище, просили принять участие в поминках, топили для них баню, звали помыться, угощали их, кормили и поили, просили быть добрыми и помогать живым сородичам и потомкам. В этом заключалась основная идея поминок.

Приглашая покойников на поминки, руководитель поминального обряда у мордвы, старший или старшая в роде, говорил: «Прадеды и прабабушки, услышьте нас, стряхните с себя земную пыль, приходите к нам на праздник, на ваше имя мы блины пекли, брагу варили; соберите всех своих родных и приходите, может быть, между вами есть безродные, которых некому пригласить, вы и их возьмите с собой, чтобы и они не остались без праздника; у нас всего вдоволь, всем хватит; вот вам бочка пива, вот горшок каши, вот вам для отдыха место мы приготовили, после обеда отдыхайте тут»[3].

Подобные же поминальные молитвы наблюдаются и у марийцев. «Вот мы делаем в честь вас праздник,— говорили марийцы,— приходите, ешьте, пейте; не евши, не пивши, не уходите. Дайте нам здоровье, прибыль, богатство; расплодите число голов нашего скота: лошадей, коров, овец и пчел; скотине и прочим не вредите, а дайте здоровье, благополучие и мир; посеянный хлеб хорошо уродите, пригоните благотворный хороший ветер, дайте прибыль и богатство, в полном богатстве помогайте нам жить»[1].

---

[1] *М. Т. Маркелов,* Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов. Сборник «Религиозные верования народов СССР», М., т. II, 1931.

[2] *М. Т. Маркелов,* указ. работа, стр. 281; *С. А. Токарев,* Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 159; его же, Религия в истории народов мира, М., 1964, стр. 171.

[3] *М. Т. Маркелов,* указ. работа, стр. 194.

Одной из характернейших особенностей семейных поминок мордвы и марийцев, посвященных тому или иному умершему, являлось присутствие на них человека, игравшего на протяжении всех поминок роль умершего. Он называется *эземозай* (по-эрзянски), *вастозай* (по-мокшански), *вӱргемчише* (по-марийски).

Слова *эземозай* и *вастозай* сложные, образованные из двух слов. Эрзянское *эземозай* образовано от *эзем* — скамья и *озамс* — садиться (буквально «сидящий на скамье»), мокшанское слово *вастозай* образовано от *васто* — место и *озамс* — садиться (буквально «сидящий на каком-то особом месте»).

В качестве *эземозая, вастоза'я, вӱргемчише* представлялся обычно родственник умершего, похожий на него. Он одевался в одежды покойника и играл его роль. За ним ходили на кладбище, приводили его в дом, где начинали поминки, посадив *эземозая* на самое почетное место. Его угощали самой лучшей пищей, поили брагой (пуре), а он рассказывал, как ему живется на том свете, как живут там другие умершие. Когда поминки заканчивались, покойника опять «провожали» на кладбище, прося у него покровительства[2].

Таким образом, верования и обряды мордвы и марийцев, связанные с культом предков, также весьма сходны.

Как показывают археологические материалы, в конце I и начале II тысячелетия н. э. мордва пережила период больших хозяйственных, общественных и культурных сдвигов, свидетельствовавших о процессе распада первобытнородового строя и становления классовых отношений[3]. Примерно в это же время те же самые процессы переживали и марийцы. Изменения в социально-экономической структуре общества (возникновение частной собственности, антагонистических классов и государственных форм) нашли отражение и в религиях мордвы и марийцев, которые к этому времени уже довольно сильно разобщились, хотя продолжали и до сих пор продолжают сохранять значительное родство. Развитие религиозных верований получило определенную специфику.

В эпоху разделения мордвы и марийцев на классы эксплуататоров и эксплуатируемых во главе всех божеств появляются самые могущественные, верховные боги *Нишке, Шкай* у мордвы, *Кугу Юмо* у марийцев, подчинившие себе все другие божества. Вероятнее всего, что образ верховного бога *Нишке, Шкая* был создан мордвой по типу *инязор'а* (*ине* — великий, *азор* — хозяин, владыка) у эрзи, *оцязор'а* (*оцю* — большой, великий, *азор* — хозяин, владыка) у мокши. Словами *инязор, оцязор* мордва называла до присоединения к России своих мордовских владык, а после присоединения к России русских царей.

---

[1] *И. Н. Смирнов,* Черемисы, Казань, 1889, стр. 162.

[2] *М. Т. Маркелов,* Мокшэрзятнень эрямо пингест, М., 1929, стр. 170.

[3] *М. Ф. Жиганов,* К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э «Советская археология», № 4, 1961, стр. 158.

Идея и вера в верховного небесного бога возникла у мордвы до принятия ею христианства на базе собственного социально-экономического развития и изменения в связи с этим и соответствующих форм верований.

Ф. Энгельс писал, что «...единый бог никогда не мог бы появиться без единого царя...»[1].

Некоторая разница в звучании слов *Нишке* и *Шкай,* несмотря на общность их происхождения и общность обозначаемых ими понятий, объясняется наличием некоторых, уже появившихся к этому времени этнических различий между мордвой-эрзей и мордвой-мокшей. Однако следует отметить, что на религиозных верованиях различия эти сказались настолько несущественно, что с полным на это основанием можно говорить о единой религии мордвы.

Об этимологии слова *Нишке* имеются две разные точки зрения. Одни, очевидно, по сходству звучания, считают, что слово *нишке* произошло от слова *нешке,* что означает по-мордовски *улей* и поэтому объявляют *Нишке* божеством, покровительствующим пчеловодству (П. И. Мельников, А. И. Маскаев, И. М. Корсаков и др.)[2].

Другие же считают, что слово *Нишке* образовалось из двух слов: *ине* — великий и *Шкай* — бог. Впервые это предположение высказал Х. Паасонен. Видный финский ученый-исследователь религиозных верований мордвы У. Харва присоединился к этому взгляду[3]. Думается, что эта точка зрения наиболее убедительна.

В песнях, молитвах, сказках в качестве синонима к слову *Нишке, Нишке-паз* употребляется иногда слово *Вере-паз* (*вере* — верхний, *паз* — бог).

«...Мейс а ознат Нишке-пазнэ,
Мейс а энялдат Вере-пазнэ,
Секс а ознан Нишке-пазнэ,
А энялдан Вере-пазнэ,

---

[1] Письмо Ф. Энгельса К. Марксу от 18 октября 1846 года, К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 27, стр. 56.,

[2] *П. И. Мельников,* Очерки мордвы, «Русский вестник», т. 71, 1867, стр. 222; А. И. Маскаев, Мордовская народная сказка, Саранск, 1947, стр. 20; Очерки истории Мордовской АССР, т. I, Саранск, 1955, стр. 53, 61.

[3] U. Harva, Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952, S. 143.

Нишке-паздо мон сюпаван.
Вере-паздо мон эрьмеван»[1].

(Почему не молишься Нишке-паз'у, почему не обращаешься к Вере-паз'у? Потому не молюсь Нишке-паз'у, не обращаюсь к Вере-паз'у, я богаче Нишке-паз'а, я богаче Вере-паз'а), или

«...Ужо кевкстяса мон Нишке-пазонь,
Ужо кевкстяса мон Вере-пазонь,
Мери а мери канстонь кандомо...»[2]

(Вот спрошу я Нишке-паз'а, вот спрошу я Вере-паз'а, разрешит или не разрешит жертву принести...)

Мордва-мокша верховного бога называет чаще просто *Шкай,* хотя встречается и название *Оцю Шкай* (*оцю* — большой, *шкай* — бог) или *Вярьде Шкай* (*вярьде* — верхний, *шкай* — бог), или *Шкабаваз.*

Что касается марийцев, то можно предположить, что их верховный бог *Кугу Юмо* (*Кугу* — великий, *юмо* — бог) возник по образу *кугыж'и,* как небесный *кугыжа.* Словом *кугыжа* марийцы называли своих верховных властителей, а после присоединения к России — русских царей. Вероятно, по образу земного кугыжи и был создан небесный кугыжа — Кугу Юмо[3].

Таким образом, мордва и марийцы, разобщившись, начали создавать своеобразные, уже не родственные формы религиозных верований, хотя и в ряде случаев сходные друг с другом. Но это было уже «стадиальное» сходство, а не родство, какое мы наблюдали при изучении более ранних форм религии этих народов.

«Первоначальные религиозные верования,— писал Ф. Энгельс,— по большей части общие каждой родственной группе народов, после разделения таких групп развиваются у каждого народа своеобразно, соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям...»[4].

---

[1] H. Paasonen, Mordwinische Volksdichtung. Helsinki, B. I, 1938, S. 128.

[2] Там же, стр. 32.

[3] *Н. Ф. Мокшин,* Отражение матриархата и периода распада первобытнообщинного строя в религиях некоторых народов Поволжья (мордва, марийцы). Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 6—7.

[4] *Ф. Энгельс,* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 21, стр. 313.

П. Д. Степанов,
кандидат исторических наук

БУРТАСЫ И МОРДВА

Решением буртасской проблемы занимались ученые разных специальностей: историки, археологи, этнографы. Можно привести огромный список работ, авторы которых предлагают различные решения этой проблемы. Некоторые авторы сосредоточивают внимание на вопросе о местах обитания буртасов, но большинство старается определить этническую принадлежность их, причем непременно связывают их с тем или иным народом, живущим в настоящее время в Поволжье.

Можно считать традиционной ту точку зрения, что буртасы предки современной мордвы. В некоторых работах потомками буртас считаются чуваши, татары-мишари и даже чеченцы, а иногда и мордва.

В самое последнее время возникла гипотеза о том, что под именем «буртас» выступают группы племен или союз разноязычных племен. При таком подходе получают должное объяснение разноречивые сведения арабских авторов о занятиях, о местах обитания, об образе жизни, об обрядах буртас.

Слабой стороной многих работ является то, что авторы строили свои теории только на одном виде источников — на сведениях арабских авторов, часто к тому же используемых без критического анализа.

В самое последнее время появились работы, которые заслуживают нашего внимания. Мы имеем в виду работу Б. А. Васильева «Проблема буртасов и мордвы» и работу Б. Н. Заходер «Каспийский свод сведений о Восточной Европе».

В работе Б. А. Васильева дается подробный обзор всей основной литературы по буртасской проблеме. Правда, автор почему-то ставит вопрос об этнической принадлежности буртас только для X и XI вв. и о связях их «с племенами той же эпохи и народами, населявшими Восточно-Европейскую часть СССР в последующие века...»[1] Получается, что раньше указанных столетий буртас, по мнению автора, не было.

К сожалению, мы в этой работе не находим самого главного — разбора и критики арабских источников. Автор слепо доверяет тому, что у них написано, причем забывает о хронологической дате, взятой им для своей работы X—XI вв. и привлекает арабских историков IX в., хотя они, конечно, не могли говорить о временах более поздних.

Единственным положительным фактом в работе Б. А. Васильева является, по нашему мнению, солидаризация автора с мнением некоторых других исследователей, что «этническая история буртасов неразрывно связана с этнической историей предков мадьяр»[2].

Конечные выводы о связи буртасов с татарами-мишарами вряд ли убедят читателей. Слишком сложный путь прошли буртасы у автора, прежде чем превратились в татар-мишарей. В конечном итоге в работе нет «ощутимых результатов» для решения буртасской проблемы.

Совершенно иной характер носит работа Б. Н. Заходера, и она дает «ощутимые результаты» для буртасской проблемы.

Подвергнув всестороннему и глубокому анализу арабские источники, он приходит к выводу, что восточная письменность до X в. «не даёт достаточных оснований для проведения знака равенства между буртасами и каким-либо определенным народом, проживающим в настоящее время в областях Средней Волги»[3].

Автор обратил внимание на очень существенную особенность арабских источников, говорящих о буртасах, а именно, что термин «буртасы» в X в. требовал объяснения. Действительно, у Истарха мы видим: «буртасы — народ», «они — племя», «буртас — имя области, так же, как Рус, хазар и Серир»[4]. У Иби Хаукала — «буртас не народ, а народы (множ. число)»[5]. Другие же авторы, позднее, сокращая старые тексты, говорят о племени или народе, хотя это находится в явном противоречии со сведениями о размерах площади, занимаемой буртасами.

Делая краткое обобщение, автор говорит: «как явствует из всего вышеприведенного, сам материал, касающийся термина «буртас» и территории, ими населенной, настолько общ, расплывчат, что вряд ли может быть положен в основу каких-либо категорических выводов»[1]. Нельзя обойти молчанием и следующее наблюдение автора. Он предполагает, что «под буртасами восточные источники X в. разумели народонаселение, рассеянное на достаточно большой территории.:. что под этим народонаселением разумелось не одно племя, а несколько племен или, что вернее всего, союз племен»[2]. И далее: «Многоязычный, бесписьменный и в X в. уже исчезнувший без следа союз племен, именовавший себя буртасами, лег в этнологическую основу не только мордовской, но и других средневолжских народностей»[3].

---

[1] *Б. А. Васильев,* Проблемы буртасов и мордвы, сб. Вопросы этнической истории Мордовского народа. Тр. Мордовской этнографической экспедиции, М., 1960, стр. 180.

[2] Там же, стр. 184. Со ссылкой на Перени, Взаимоотношения между Венграми и вост. славянскими племенами (на венгер. яз.).

[3] *Б. Н. Заходер,* Каспийский свод сведений о Восточной Европе, М., 1962, стр. 231.

[4] Там же, стр. 231—232.

[5] Там же, стр. 232.

Далее автор пытается датировать время пребывания буртас в Поволжье: «Таким образом, сведения о буртасах, которыми располагала восточная письменность, приблизительно датируются V—IX вв.»[4], и в другом месте: «...это было время, когда одни из буртасов — кочевники — завладели господствующими позициями на Средней Волге, весьма вероятно, что это могло иметь место при распаде Гунской державы, сопровождавшемся движением части прототюркских элементов на север.

Несколько слов автор уделяет значению слова «буртас». Он считает, что оно могло означать «не только народ, но и династию, главенствующее племя или род».

Считая правильным большинство толкований автора, мы не можем согласиться с тем, что «буртас»— **самоназвание** племени или союза племен. Распространение в мусульманских странах понятия «ал-буртасье» в применении к пушным товарам, заставляет думать, что термин «буртас» как раз связан с этим занятием, в смысле «буртасы» — пушники, добыватели мехов пушных зверей.

В связи с тем, что в Хазарском государстве существовало обложение местного покоренного населения налогом, то совершенно естественно предположить, что термином «буртасы» назывались те, кто платил налог пушниной, а эта форма обложения во второй половине I тыс. н. э. была обычной в раннефеодальных государствах Восточной Европы. Таким образом, за этим термином исчезли все самоназвания племен, плативших дань хазарам. Поэтому в некоторых источниках дается путаное толкование термина «буртасы», дается различное описание занятий, обычаев, похоронного обряда и общественных отношений. И нет ничего удивительного в том, что в этих путаных описаниях мы находим элементы культуры, свойственные и мордве.

Решение проблемы кроется в археологических данных, а их, к сожалению, пока еще мало. Но все же есть возможность именно археологическими данными обосновать тезис о многоплеменном составе населения в VI—IX вв. н. э. на территории, отводимой арабскими источниками буртасам. Ниже мы даем карту размещения археологических памятников в Среднем Поволжье в V—VII—и VII—IX вв. н. э. (Карта).

---

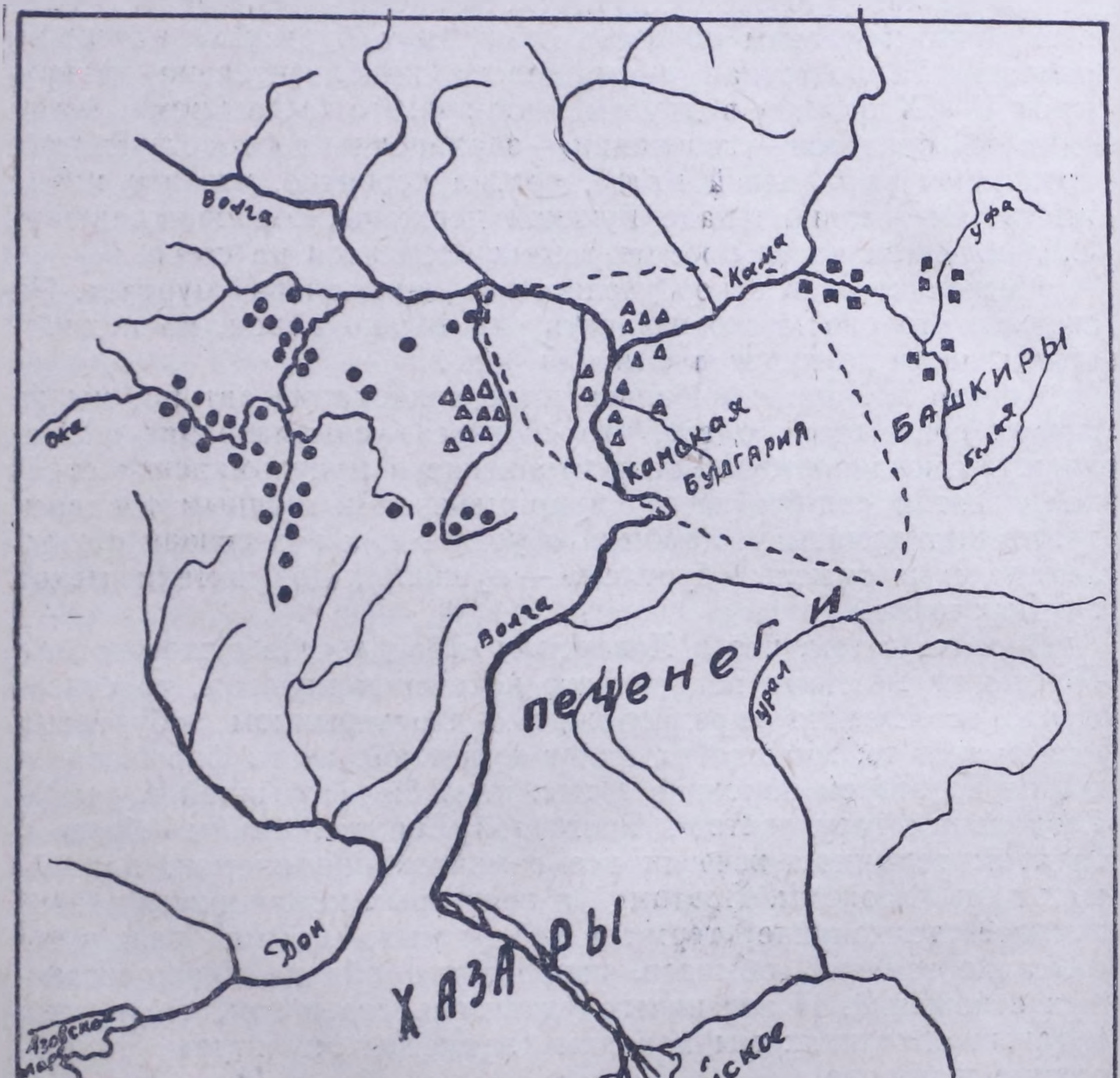
[1] *Б. Н. Заходгр,* Каспийский свод сведений о Восточной Европе, М., 1962, стр. 235.

[2] Там же, стр. 238.

[3] Там же, стр. 240.

[4] Там же, стр. 244.

Слабой стороной многих прежних работ является нежелание рассматривать историю Среднего Поволжья VI—IX вв. н. э. более широко, чем только историю булгар, хазар, буртасов. Результатом такого узкого взгляда было забвение истории мордвы, угро-мадъяр, печенегов и др. народов.


Волга
Кама
Уфа
Ока
Башкиры
Белая
Камская Булгария
Волга
печенеги
Урал
Дон
Азовское море
Хазары
Каспийское море
● 1
△ 2
■ 3

Карта размещения археологических памятников в Среднем Поволжье в II—XI вв. н. э.

1. Мордовские могильники.
2. Памятники Именьковской культуры.
3. Памятники Бахмутинской культуры.

Данные, почерпнутые из раскопок таких памятников, как Ош-Пандо, Ашна-Пандо и соседних селищ в Мордовии; Именьковского, II-го Маклашеевского городищ, святилища Шелом, Рождественского могильника, Щербетьевского I-го Островного поселения, Б.-Тарханского и Танкеевского могильников и других в Татарии; Бирского, Ново-Турбаслинского, Кушнаренковского могильников, городища Уфа-II и других в Башкирии, Армеевского, Ракскинского, Селиксенского, Шемышейского могильников в Пензенской области, позволяют хорошо объяснить причины ряда противоречивых показаний арабских авторов.

Оказывается, что все перечисленные памятники укладываются в хронологические даты V—IX вв. н. э., т. е. то время, когда существовала какая-то общность племен, именуемая у арабов «буртасами». Но эти памятники, как твердо установлено, принадлежат мордве-мокше, угро-мадьярам, булгарам и каким-то еще предположительно тюркоязычным племенам. Для буртас как племени или народа как будто не оказывается места.

Может быть, именем буртас в арабские источники вошли угро-мадъярские племена? Это вполне возможно, так как описание бытовых особенностей, территории расселения, а также хронологии пребывания мадъяр в Поволжье (VI—VII вв.), время ухода их на запад (IX в.) и разнообразный племенной состав отвечают ряду показаний арабских авторов. Можно считать поэтому вполне закономерным упоминание Ибы-Даста[1] угро-мадьяр под именем буртасов во время проживания их в Поволжье и под собственным именем мадьяр во время пребывания их между Дунаем и Днепром. Последние сведения перекликаются с данными Константина Багрянородного.

Гипотеза о том, что под буртасами арабских источников могли скрываться угро-мадьярские племена, не снимает нашего основного положения, что термин «буртас» имеет социальный характер, а не этнический. Об этом мы заявляли еще в 1941 г., а теперь это положение получает подтверждение в работе Б. Н. Заходера и в археологических данных. Термин этот, равнозначащий термину «ясашные», «посопные», характеризует категорию населения по форме обложения налогом в пользу государства, в виде «буртасья» — мехов пушных зверей. Этот термин с другими подобного рода терминами от камских булгар через татар Казанского ханства проник в русские документы XVI—XVII вв.

---

[1] *Д. А. Хвольсон,* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омара Ибы-Даста, СПб, 1869.

И. А. Кирьянов,
кандидат исторических наук

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ЛЕГЕНДЕ ОБ АБРАМОВОМ ГОРОДИЩЕ И НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Начальная история Нижнего Новгорода (Горького) уходит своими корнями в легендарное прошлое. Легенда, передаваемая в двух вариантах, утверждает, что в устье Оки до основания Нижнего Новгорода, существовало мордовское селение. По одному варианту легенды — о Скворце и Дятле — оно возникло задолго до основания города. По другому ее варианту Нижний Новгород возник на месте мордовской крепости — Абрамова городка, разрушенного русскими князьями.

Напомню эту последнюю легенду. Она говорит о том, что мордвин Абрам или Ибрагим пришел из-за реки Кудьмы и поселился на Дятловых горах со своим родом — 14 сыновьями и 3 дочерьми. Легенда указывает и место селения — там, где был дом архиерея, а теперь консерватория. Скоро поселение выросло. В нем стало 500 жителей, и его укрепили валом с частоколом и рвом.

Явившийся к Абрамову городку с суздальскими, муромскими и рязанскими войсками князь Мстислав потребовал подчинения городка Суздалю. Абрам вступил в переговоры, чтобы затянуть время. На помощь ему через тайные ворота пришли 5000 мордовских ратников. Потом был бой. Городок пал, пал в бою и Абрам.

Хотя это только легенда, но она попала в некоторые вузовские учебники, школьный учебник Шестакова. М. Н. Покровский построил на этой легенде целую концепцию о глубокой вражде русских князей к мордве.

Откуда взялась эта легенда?

Впервые ее опубликовал нижегородский историк Н. И. Храмцовский[1]. Об источнике ее автор говорит в примечании: «Слышал из уст одного любителя старины и владетеля множества старинных книг и манускриптов»[1]. Такая ссылка на безымянного грамотного современника, конечно, не выдерживает никакой критики. Особенно через 10 лет после публикации в местной печати другого варианта легенды П. И. Мельниковым 1845 г.

---

[1] *Храмцовский,* Краткий очерк истории и описание города Нижнего Новгорода, т. I, стр. 3, 4, 6, Н. Новгород, 1857.

Подозрительна она и по такому признаку, как упоминание малоизвестного князя Мстислава — руководителя русского похода на болгар в 1172 г. Книжный характер легенды виден и из точного — в соответствии с летописью — перечня участников похода — рязанцев, муромцев и суздальцев. Удивляет в ней также и указание о позднем выходе мордвы к устью Оки — почти вместе с русскими (по легенде Абрам сам был выходцем из-за реки Кудьмы).

На протяжении почти двух десятилетий автор вел систематические археологические наблюдения за всеми земляными работами в черте старой застройки Н.-Новгорода — г. Горького. В 1960 и 1964 гг. в Нижегородском кремле проводились археологические раскопки. В ходе этих наблюдений и по результатам раскопок была установлена весьма четкая картина развития города в XIII—XVII веках. Однако никаких следов Абрамова городка обнаружить не удалось — застройка повсеместно начинается с русского города. Предположение о том, что Абрамов городок был уничтожен оползнями также нельзя признать состоятельным — в кремле мы нашли остатки русской застройки XIII века.

Отсюда следует вывод, что прямой генетической связи между Н. Новгородом и легендарным Абрамовым городком не имеется.

Сильным аргументом в пользу Абрамова городка был факт находки в прошлом столетии небольшого финно-угорского могильника по ул. Свердлова у здания Госбанка. Вещи из него не сохранились, и датировать памятник поэтому нельзя. Следы этого могильника безуспешно искал такой крупный ученый, как А. Е. Алихова.

Но в 1961 году также в черте города Горького были обнаружены и доставлены в музей-заповедник вещи из другого аналогичного могильника у Печерского плодоваренного завода. По заключениям А. Е. Алиховой и А. П. Смирнова могильник датируется XVII столетием.

На основании материалов этого могильника можно прийти к заключению, что мордва жила в Нижнем в XVII столетии. Такой вывод никого не удивляет и ничего не дает. Но то же можно сказать и о могильнике у Госбанка. По нашим данным, эта территория вошла в состав застройки города не ранее XVI столетия. Следовательно, и в XIV и в XV веках там могли хоронить мордву. Отсюда факты находки финно-угорских могильников еще ничего не говорят в пользу легенды об Абрамовом городке. Для этого нужны могильники определенного времени —X—XII веков.

---

[1] Ук. соч., примечание № 10.

Тем, кто знает русские летописи, известно, что в них нигде не говорится об Абрамовом городке. Утверждение власти русских князей на устье Оки произошло в ходе взаимной борьбы Руси с болгарами. Русско-мордовские столкновения в этом районе начались лишь после основания Нижнего Новгорода.

Совокупность изложенного ведет к выводу о том, что легенда об Абрамовом городке в варианте Н. И. Храмцовского должна быть оставлена. Этот вариант не имеет фактической основы: ни археологической, ни исторической. Не выдерживает критики он и с точки зрения источниковедения. Мордовского города в устье Оки, генетически связанного с Нижним Новгородом, не существовало.

Но не следует отбрасывать другой вариант легенды. Этот вариант найден П. И. Мельниковым-Печерским в рукописном сборнике XVII века и был опубликован им в авторском пересказе (сборника нам найти не удалось).

Вот что в нем говорится: «Во времена стародавние на том месте, где теперь стоит Нижний Новгород, жил мордвин Скворец, у которого было 18 жен и 70 сыновей. Все они жили вместе, занимались скотоводством, пасли свои стада на горе и по вечерам гоняли их на водопой на Оку. Здесь же жил чародей Дятел. Скворец спрашивал Дятла о судьбе своих детей. Дятел ответил, что если дети Скворца будут жить в мире друг с другом, то долго будут владеть этими местами и, если поссорятся, то будут покорены русскими. Умер Дятел, и стало называться то место Дятловы горы. Умер и Скворец, потомки его размножились и стали враждовать. Тогда князь Андрей Боголюбский изгнал их с устья Оки, а его племянник Юрий построил здесь Нижний Новгород».

Давность легенды подтверждается документально не только ссылкой П. И. Мельникова на сборник XVII века. О ней говорит книга Большого Чертежа XVI в., называющая нижегородские горы Дятловыми.

По указаниям источников мы нашли и археологическое подтверждение этой легенды. Тот, кто знаком с Нижегородским летописцем, наверное, знает о существовании в нем весьма интересного сообщения: «В летописце пишет шестыя тысящи. В Нижнем Новгороде под старым городком вверх по Оке реке была слобода на берегу Оки реки. И божиим изволением грех наших ради ополэла гора сверху над слободою и засыпало в слободе 150 дворов и с людьми и со всякою скотиною. А тот городок поставлен, как князи суздальские ходили на взыскание градов, где град построить...»[1].

---

[1] Нижегородский летописец, под ред. А. С. Гацисского, стр. 27—28, Н. Новгород, 1886.

Поиск «вверх по Оке реке» по указанному адресу увенчался успехом. В 1956 г. через актив краеведов в Горьковский музей было доставлено большое количество сетчатой керамики, найденной на старинном оползне на высоте около 50 метров в полугоре над старым Казанским вокзалом (ныне территория завода «Труд»). Обследования места дали новые находки керамики, относящиеся к городецкой культуре. Здесь же наблюдается почти разрушенный участок вала городища (население зовет этот участок «Бугры»). Городище находится на берегу Оки. Такое же указание дается и в приведенной легенде. Отсюда есть основания считать, что городище городецкой культуры явилось материальной основой для приведенной записи Нижегородского летописца, для легенды о Скворце и Дятле и также, по-видимому, и для происхождения названия «Нижний Новгород» — город, лежащий ниже по реке от этого городища.

Отсюда следует, что вариант легенды, опубликованный П. И. Мельниковым-Печерским, подчеркивает неразрывность связи городецкой культуры с культурой мордовского народа, служит косвенным доказательством необходимости относить территорию района устья Оки к ареалу земель, связанных с этногенезом мордвы.

Что же касается порочной, надуманной и шовинистической легенды об Абрамове городке в варианте Н. И. Храмцовского, то ее следует вывести из оборота науки.

В исследованиях, посвященных истории мордовского народа, взаимоотношения Руси принято делить на два этапа. Первый из них характеризуется вольной и мирной колонизацией мордовских земель (VII—XI века). Второй — военный, феодально-княжеский , характеризующийся захватнической политикой русских князей, а позднее Русского централизованного государства (XII и последующие века).

Мы считаем, что полностью согласиться с таким мнением истории взаимоотношений мордвы с Русью нельзя. Еще в XIII столетии нам известны факты существования полузависимых мордовских княжеств около границ Руси (Пуреш — «ротник» Юрия Всеволодовича). В период золотоордынского ига мы снова видим факты существования вассального мордовского княжества, входящего в состав Нижегородского великого княжества. Об этом говорит следующая запись в недавно обнаруженном нами неопубликованном списке нижегородского летописца: «И в Нове городе Нижнем был гость Тарасий Петров сын. Окупил он из полону многих людей изо многих орд и больше его гостей не было в Нове городе Нижнем. И купил он себе вотчину у Муранчика князя за Кудьмою на речке на Сундовике». (Речь идет о с. Б. Мурашкино, где доныне рассказывают легенду о князе Мураше.)[1].

---

[1] Нижегородский летописец (рукопись XVIII в.). Библиотека Академии наук 4. 7. 27.

Из приведенного следует, что торговый гость в Нижегородском княжестве покупает вотчину у местного мордовского князька Муранчика — вассала русского князя. Вот это-то и характеризует взаимоотношения русских и нижегородских князей с мордвой и ее национальной верхушкой. Они были гибкими перед лицом внешнего врага. Видимо, поэтому и захват мордовских земель русскими по Пьяне начинается лишь после взятия Казани, когда наступил новый этап истории русско-мордовских отношений.

Отсюда следует, что к русско-мордовским отношениям периода феодальной раздробленности Руси и борьбы ее с Золотой Ордой нельзя подходить с меркой времени складывания Русского централизованного многонационального государства.

А. В. Циркин,
кандидат исторических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МОРДВЫ СО СЛАВЯНСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ В VII—XIII вв.

Экономические и культурные связи мордвы со славянами имеют непосредственное отношение к этногенезу мордвы, они дают возможность понять истоки складывания духовных ценностей у мордвы, помогают осветить ряд вопросов культурного взаимовлияния и взаимообогащения.

История русско-мордовских культурных и хозяйственных связей не нашла отражения в исследованиях дореволюционных историков.

Советская историческая наука провела большую работу по исследованию вопросов экономического и культурного взаимовлияния народов нашей Родины. Благодаря археологическим исследованиям, предпринятым на территории Мордовии, была раскрыта картина взаимоотношений мордвы с Русью, ее экономический и культурный уровень, и тем самым было опровергнуто мнение о культурной и хозяйственной отсталости, территориальной замкнутости мордовских племен по сравнению с соседними племенами.

Впервые интересные наблюдения о русско-мордовских отношениях сделаны А. П. Смирновым. В целом ряде работ автор постепенно подчеркивает мысль, что посторонние культурные элементы, вошедшие в культуру мордвы, не оставались неизменными, они видоизменялись и органически сливались с исконной мордовской культурой.

Первые признаки, указывающие на связь русских с мордвой, относятся к VI—VII вв. н. э. Вещи с выемчатой эмалью и различных форм фибулы заставляют нас обратиться в сторону Приднепровья, где имеются полные аналогии вещам, найденным в землях мордвы. Эти вещи могли попасть в древнемордовский край двумя путями: торговым и могли быть принесены самими колонистами. Проникновение славянских колонистов протекало по преимуществу мирным путем, хотя вполне понятно, что это не исключено в ряде случаев столкновений пришельцев с аборигенами края.

Во многих мордовских погребениях, именно в могильниках VIII—XII вв., можно наблюдать, наряду с трупоположением, немалое число захоронений, в которых покойник подвергнут кремации. При этом следует заметить, что при трупосожжении вещи кладутся или кучей или же распределяются на месте сожженных костей в порядке их ношения. На должном месте венчик, по бокам его височные привески, ниже гривна и т. д. Такой характер погребений показывает, что кремация пришла позже обычного трупоположения, что при сожжении старались сохранить обычный порядок, какой существовал и при трупоположении.

В некоторых погребениях мордовских могильников можно наблюдать и такую картину: когда мордва помещала своих покойников головой на запад, сопровождая их набором славянских вещей, но не сооружала намогильного холмика. Все это свидетельствует о достаточно устойчивых погребальных традициях местного населения, у пришлого населения они брали только то, что соответствовало их мировоззрению на данном этапе. В ряде случаев можно видеть отказ славянских колонистов — переселенцев от некоторых деталей своего обряда, считаясь с местным обычаем, они брали некоторые элементы погребального ритуала, господствовавшие в это время у мордвы— мокша и эрзя.

Следует отметить, что западным соседом мордвы на протяжении столетий (VIII—XII) было восточнославянское племя— вятичи. Причем, как указывает А. В. Арциховский, вятичи дольше всех племен сохранили обряд трупосожжения и лишь в XII в. у них распространился общерусский обряд курганного трупоположения. Очевидно, этот факт заслуживает пристального внимания, так как и у мордвы, как ближайшего соседа вятичей, мы наблюдаем интересную картину. Из 1287 погребений VIII—XI вв. 173 оказались с кремацией трупа, а в 76 случаях костяки были ориентированы головой на запад. Все эти 249 захоронений, по нашему мнению, могут быть связаны со славянами.

Если мы обратимся к нашей таблице I, то на основании цифр можно сделать следующие дополнительные выводы: число трупосожжений — обряда, связывающего со славянами,— нарастает от эпохи к эпохе. Это объясняется тем большим притоком славянских поселенцев на территорию указываемых могильников. Так, по группе памятников цнинской мордвы (Томниковский, Лядинский, Елизавет-Михайловский, Крюковско-Кужновский) количество трупосожжений в IX в. составило 17%, а погребений с ориентировкой головы костяка на запад — 6,8%. В XI веке число трупосожжений остается примерно на уровне прошлых веков, зато число погребений с западной ориентировкой увеличивается до 10,2%.

Точно такая же картина наблюдается и по группе среднеокских могильников, где процент трупосожжений возрастает с 7 до 15%, т. е. почти в два раза. Расположенный восточнее Кузьминского и Борковского могильников мокшанский могильник у пос. Заря имеет трупосожжения лишь в 6 случаях и в трех случаях ориентировка покойника головой на запад. Это свидетельствует о том, что славянские пришельцы уже в VIII в. достигали рубежа реки Вад и непосредственно врезались в гущу мордовского народа.

По времени проникновение славян в бассейн реки Вад осуществлялось значительно позже, чем в мокшанские могильники, и не носили, по-видимому, такого мощного культурного воздействия, какое мы наблюдаем в могильниках, расположенных по реке Цне. В Борковском и Кузьминском могильниках, а также в могильнике у пос. Заря сожжения трупов совершались вне могильника. В могилах лежали лишь остатки сожженых костей, иногда очень незначительные, а с ними в некоторых случаях уголь и зола. Затем в могилу клались вещи. Если это была женщина, то украшения, если мужчина, то вооружение и производственный инвентарь. Потом на засыпке разводился костер, и вокруг него совершались определенные обряды, связанные с поминанием покойника.

Аналогичная последовательность погребального обряда прослежена при исследовании Древнего Чернигова, где обитало одно из восточнославянских племен. Обрядом погребения древних славян, как рисуют его византийские писатели и как он выступает по археологическим данным, было трупосожжение. Таковы сопки, длинные курганы и в значительной мере поля погребений, которые с большей долей вероятности можно считать славянскими.

Каким образом мог появиться у мордвы обряд кремации, если принять во внимание, что в наиболее ранних мордовских могильниках, Армиевском и Кошибеевском, погребения совершались по обряду трупоположения?

Обряд кремации возникает одновременно с появлением древнеславянских вещей. Такое совпадение нельзя считать случайным. Эти два факта следует сопоставить и признать в трупосожжениях древних славян, проникших на территорию древней мордвы из соседних восточнославянских областей.

Существовали связи мордвы и с муромским краем, где обитала мурома, родственное мордве племя. С XI века мурома была ассимилирована русскими и утратила свои этнографические признаки. В нижнеокских памятниках мы встречаем такие русские вещи: трехбусиные серьги, лунницы, украшенные зернью и сканью, бронзовые бубенчики, оковка турьего рога, аналогичная той, что была обнаружена в древностях Чернигова. Однако культурные и экономические связи мордвы с северо-западным соседом носили менее оживленный характер. Замедленный культурный и экономический обмен в этом районе был связан, по-видимому, с столкновением нескольких этнических групп, населявших верховье реки Волги и устье реки Оки.

В XII—XIII вв. продолжается дальнейшее вольное проникновение русских в мордовские земли, хотя внешне эти процессы были заторможены великокняжескими набегами. В эти годы усиливается роль Владимирской Руси, князья которой стали инициаторами подчинения мордвы. Правда, попытки отдельных северо-восточных князей подчинить мордву в начале XII в., а точнее в 1103 году, не увенчались успехом. Мордва в начале XII в. представляла значительную силу, способную противостоять натиску русских князей.

К XIII веку русские поселенцы уже сидели довольно плотно на мордовских землях. Источники отмечают, что в это время появляется и оформляется Пургасова Русь. Это уже была не обыденная колония русских, а раннефеодальное мордовское объединение, способное выставлять совместное войско против общего врага.

В Волго-Окское междуречье уже проникали не отдельные русские семьи, а довольно компактные группы, которые, оседая на территории мордвы, создавали свои поселки. В этом отношении очень интересны наблюдения А. Е. Алиховой, производившей раскопки русского поселка XIII—XIV вв. у села Березовки Куйбышевской области. Согласно выводам автора, «русский поселок возник во II половине XIII века». Проникновение сравнительно больших групп русских оставило заметный след в географической номенклатуре края.

На славянскую принадлежность указывает целый ряд погребений древнемордовских могильников XII—XIII вв. (см. табл. 2). Правда, в ряде случаев трупосожжение еще имеет место, например, в Пановском могильнике он составил приблизительно 5,5%. Однако обряд трупосожжений для данной эпохи — это же архаический пережиток. В Муранском могильнике, датируемом XIV в., было зарегистрировано два случая кремации покойников. Но зато в могильниках этого периода господствующим типом захоронения становится опять трупоположение. Исходя из данных таблицы 2, погребения с западной ориентировкой занимают весьма высокий процент. Так, в наших примерах из 322 захоронений 62 погребения связываются с русским обрядом (т. е. западная ориентировка костяков), что составляет 18%. Известно, что число славянских погребений в могильниках VIII—XI вв. составляло 16%. Таким образом, приток русских колонистов в мордовские земли не уменьшился, а, наоборот, принимает более широкий размах.

Одним из условий, способствующих проникновению русских и их культурных элементов в среду местного населения, было прежде всего выгодное географическое положение областей мордвы. Достаточно обратиться к карте, чтобы воочию убедиться в этом. Многочисленные притоки Оки и Волги открывали превосходные пути сообщения между мордвой и славянами. Из наиболее близких и удобных путей сообщения назову лишь три: Днепр — Десна — Сейм, верховье Дона, Цны, Мокши... Этот путь выносил в земли цнинской мордвы славянских насельников со среднего Днепра. Второе направление — Днепр — Десна, волок Угра — Ока — Волга. Этот путь выносил в область рязанского течения реки Оки поселенцев не только из-под Киева, но и из земель смоленских кривичей. И третье направление: Днепр — Ильмень — Волжское. Этот путь выносил в области нижнего течения реки Оки русских поселенцев из Новгорода, Пскова, Ростова, Владимира. Помимо этих направлений, существовали и другие, не менее главные пути, но игравшие не последнюю роль в русско-мордовских культурных и экономических связях.

Экономическому расцвету мордвы, несомненно, способствовало то обстоятельство, что русские обогатили мордовское ремесло своими техническими приемами. На территории расселения мордвы найдено немалое количество славянских вещей, которые оказались здесь в результате оживленных торговых связей. Приводимая таблица дает суммарное, но далеко не полное представление о тех или иных находках, найденных в памятниках мордвы. Наибольшее количество вещей представлено украшениями: бусами, височными кольцами, фибулами, витыми браслетами и т. д. и меньше хозяйственно-бытовым инвентарем: шиферными пряслицами, керамикой, ножницами и т. д.

Наиболее раннее появление вещей славянской индустрии падает, как мы уже отметили, на VII в. В Моршанском краеведческом музее хранится ажурная привеска, украшенная выемчатой эмалью. Подобный технический прием украшения вещей был известен киевским ювелирам. Можно полагать, что данная привеска указывает на экономические связи района Цны с древним Киевом.

Об экономических связях мордвы со славянами во второй половине I тыс. н. э. документирует ряд могильников, расположенных по реке Цне. Так, например, в Томниковском, Лядинском, Елизавет-Михайловском, Пановском и особенно Крюковско-Кужновском могильниках в вещевых комплексах ряда погребений были найдены славянские вещи: лунницы, бусы, витые браслеты, височные семилопастные и семилучевые кольца, керамика, перстни и т. д. Все эти вещи оказались в мордовских землях в результате экономических связей.

В XI—XIII вв. наибольший наплыв русских вещей наблюдается в могильниках, расположенных в северных и северо-восточных районах мордовской земли. И это не случайно. Инициатива основания мордовских областей в этот период исходила из северо-восточных княжеств, образовавшихся на окраинах Киевской державы. В этот период мордва имела два района, где она непосредственно общалась с русскими — нижнее течение реки Оки в районе г. Мурома и Нижнего Новгорода, нынешнего города Горького, и среднее течение рек Мокши, Парцы и Вада. На территории ряда могильников мордвы, как и в предшествующую эпоху, встречаются различной формы бусы, плетеные и витые браслеты, бубенчики, кресты, стеклянные браслеты, перстни, шиферные пряслица и т. д. Всего в памятниках мордвы IX—XIII вв. найдено более 65 витых проволочных браслетов, более 45 шиферных пряслиц, 36 широкосерединных перстней и других изделий из русских ремесленных центров.

Исследуя русско-мордовские экономические связи, нельзя смотреть на мордовское ремесло только через призму русского влияния и достоинства его определять лишь степенью сходства с русскими формами и мотивами. Своеобразие и полнокровность мордовских украшений при таком решении вопроса ускользает от нашего внимания.

Совершенно бесспорно, что мордовские ремесленники, используя наиболее удобные и приемлемые формы изделий русских ювелиров и ремесленников, сами вносили в них племенной местный традиционный элемент. Так, например, в более поздних мордовских памятниках конца XIII — начала XIV вв. появляются лопастные сюлгамы, украшенные зернью и сканью. Расположение зерни на сюлгамах в виде треугольников почти полностью повторяет расположение зерни на многих славянских украшениях. В Кельгининском могильнике в погребении № 18 (раскоп 3) костяк женщины имел 18 лопастных сюлгам, украшенных зернью. Орнамент серебряных сюлгам с лопастями прямоугольников из Муранского могильника (30 погреб.) также выполнены техникой зерни. Эта техника характерна для русского ремесла.

Весь вышеперечисленный материал свидетельствует о воздействии древней Руси на культуру и быт мордвы.

При рассмотрении вопроса о культурных связях между русскими и мордвой исключительный интерес представляют находки мордовских вещей в славяно-русских древностях. С развитием ремесла у мордвы список товаров мордовской индустрии расширяется. Раннее проникновение элементов мордовской культуры в районы, где обитали славяне, относится ко второй половине IX века. Наиболее яркое проявление мордовской культуры прослеживается в землях вятичей — непосредственного соседа мордвы.

Таким образом, с выходом на историческую арену мордва не была изолированным народом и культурно участвовала в жизни других, соседних с нею народов. При анализе конкретных мордовских вещей в славянских древностях следует иметь в виду, что обилие шумящих украшений вообще характерно для финно-угорских племен. И когда мы говорим о той или иной мордовской вещи, мы рассматриваем ее сугубо относительно. Однако сюлгамы височные с пирамидальным грузиком и трапециевидные привесочки, шейные гривны, налобные венчики доживают у мордвы до XVI века, а в отдельных случаях до XVIII в., и таким вещам невозможно отказать в праве отнести их к типично мордовским.

В курганных погребениях близ села Седнева, у села Гочева Курской области среди типично славянского вещевого материала встречаются вещи, имеющие аналогию у мордвы. Нередкой мордовской находкой являются вещи в вятической земле у сел Воскресенское, Бестово, Чернево, Черемушек и в других пунктах. Встречаются мордовские вещи и на Смоленщине.

Среди украшений, найденных в Гнездовских курганах, интерес представляет группа мордовских вещей, по своей форме и технике изготовления они очень близко напоминают вещи из Лядинского могильника.

В последнее время трудами советских археологов были исследованы памятники в Смоленском Приднепровье и верхнем Подвинье П. Н. Третьяковым, Е. А. Шмидтом и др. Материалы этих памятников открывают перед нами картину довольно устойчивых культурных связей славян с финскими племенами, в том числе с мордвой.

Мордовские вещи найдены в славянских памятниках близ деревень Лопина, Дракова, Ярцева, в Михайловском могильнике, у села Цурова и в других пунктах. Отмечая некоторую особенность инвентаря памятников Смоленщины, исследователи подчеркивали, что встречаются вещи, имеющие близкую аналогию с вещами среднеокских могильников, и что плоские треугольные бронзовые подвески употреблялись как составной элемент более сложных украшений мордвы.

Встречаются мордовские вещи и в районе Пскова, о чем говорят материалы русской деревни X—XIII вв., представленные в государственном историческом музее.

Из всего сказанного становится совершенно очевидным, что между мордвой и русским населением Смоленщины и верхнего Подвинья существовали оживленные торговые связи.

Отдельные мордовские вещи, по-видимому, проникали и в земли радимичей, дреговичей, в Поонежье и в Ленинградскую область.

К сожалению, мы пока не располагаем прямыми данными о существовании у мордвы своих ремесленных центров. Но ряд указаний на этот счет имеется. При раскопках Троице-Пеленицкого городища В. А. Городцовым было найдено несколько литейных формочек для отлива шумящих украшений. Им же, а позднее А. Л. Монгайтом при исследовании городища Старая Рязань было найдено несколько бронзовых лент-заготовок для спиральных браслетов и перстней. Совсем недавно к такому же выводу пришла А. Е. Алихова. При исследовании Муранского селища исследовательница считает, что по своим размерам Муранское поселение, видимо, было мордовским ремесленным центром.

В целом культурное влияние мордвы на славян, разумеется, было не в такой степени сильным, чтобы в сложении той или иной восточнославянской культуры оказать решительный перевес. Это объясняется целым рядом причин политического и экономического характера. Славяне, пришедшие на берега Оки и в верховье Волги, имели в своем арсенале богатые традиции киевских и новгородских ювелиров. И все же следует признать, что мордва, ее культура по своему уровню была ничуть не ниже, чем культура соседних с нею народов. Таким образом, легенда о мордовской культурной отсталости не имеет под собой достаточных оснований и легко опровергается археологическими данными. Мордва сохранила свою самостоятельность и не растворилась как этническое целое в мощном потоке русской вольной колонизации, устремившейся в Окско-Волжское междуречье.

За довольно длительный период времени, начиная с VI—VII вв. и до татаро-монгольского нашествия, мы видим беспрерывный ход экономических и культурных связей русских с мордвой. Все русские элементы, вошедшие в культуру мордвы, не оставались неизменными, а перерабатывались, видоизменялись и органически сливались с исконной мордовской культурой.

Таблица № 1

Характеристика захоронений в мордовских могильниках VIII-XI вв.

	Могильники	Всего исследовано захоронений	Трупосожжение	Подкурганные захоронения	Положение костяков по сторонам горизонта								Скорченные погребения	Неопределенные захоронения
					з	ю-з	с-з	ю	ю-в	в	с-в	с		
IX	Томниковский	58	9		4	1	1	16	2	1	1	3		20
X	Лядинский	143	16		4			81	4	1	2	3		32
X	Елизавет-Михайловский	130	24		3									
X-XI	Крюковско-Кужновский	586	97		60	30	15	176	40	136	40			90
	Итого:	917	146		71	3	16	263	46	138	43	6		142
VIII	У пос. Заря	85	6		3			15						65
IX	Кузьминский	92	7			5	5		6		17	1		51
IX	Борковский	113	14	1	2	6	6	—	7	4	36	1		28
	Итого:	290	27	1	5	11	11	15	13	4	55	2		144
	Всего:	1207	173	1	76	14	27	278	59	142	98	8		283

Таблица 2

Характеристика захоронений в мордовских могильниках XII-XIII вв.

Эпоха	Могильники	Всего исследовано захоронений	Связываемые с русским обрядом захоронения				Связываемые с мордовским обрядом захоронения					Скорченные погребения
			з	ю-з	с-з	трупосожжение	ю	ю-в	в	с-в	с	
XI-XIII	Куликовский	14	1	1			1	11				
XI-XIII	Кельгининский	72	4	1	1		7	47	2			
XII-XIII	Ефаевский	29					21	5				3
XI-XIII	Пановский					5,5%						
XIII-XIV	Старосотенский	58	16	3	3		31	2	1		1	1
XIII-XIV	Паньжинский	35					13	2	1		2	1
X-XIV	Муранский	40		2	2	2		2				1
XIII-XIV	Мл. Кужендеево	8									8	
XIII-XIV	Гагинский	81	3		26		20			2	27	3
	Итого:	332	24	7	33	2	93	69	4	2	38	9

А. Е. Алихова,
кандидат исторических наук

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ СООБЩЕНИЯ М. Р. ПОЛЕССКИХ

Я хочу выступить по докладу М. Р. Полесских. Он вчера доложил ценный материал, являющийся результатом многолетних исследований докладчика в Пензенской области. М. Р. Полесских считает, что Пензенско-Сурские могильники, распространенные здесь с первых веков нашей эры, оставлены мордвой-мокшей. Против этого утверждения я и хотела бы возразить.

Применяя ретроспектный метод, т. е. направляя исследования от ближайших к нам исторических времен (от XVII—XVIII вв., когда началась христианизация мордвы) и в глубь веков, удается четко выявить отличия между мокшей и эрзей по характерному набору украшений и по погребальному обряду. Одним из стойких признаков для эрзи было положение умерших головой на север и для мокши — на юг. На рубеже первого и второго тысячелетий происходит полная смена всех украшений. Таким образом, этот признак, помогающий отличить мокшу от эрзи по археологическому материалу, отпадает. Остается второй признак — это ориентировка умерших при захоронении. На основании его с учетом занимаемой территории можно для конца первого тысячелетия несколько условно говорить о мокше и эрзе.

Однако докладчик считает возможным проводить это племенное членение и для более древнего времени вплоть до второго века н. э. Докладчик продемонстрировал ряд украшений, среди которых была височная привеска, характерная для раннего этапа Рязанских могильников, которые он считает эрзянскими. Но в качестве основного признака для мокши исследователь принимает спиральную височную привеску с грузиком, которая, по нашему мнению, является общемордовским украшением, генетически не связанным с мокшанским украшением. Основываясь на этом признаке, докладчик включает в одну группу в качестве мокшанских могильники, для которых характерны либо северная, либо южная, либо западная ориентировка погребенных. Встает вопрос — все ли эти могильники мокшанские?

В своем докладе тов. Полесских вскользь отметил, что Кошибеевский могильник и Рязанские принадлежали эрзе. Это им же было однажды высказано в такой же форме и в печати. Однако до сих пор им не приведены обоснования для такого заключения. С подобным выводом также нельзя согласиться по ряду причин. Во-первых, между эрзянскими могильниками второго тысячелетия и Рязанскими и особенно Кошибеевским существует значительный хронологический разрыв. Во-вторых, нет никакой преемственной связи в наборе характерных украшений. И, в-третьих, пожалуй, для данного времени самое главное, в Кошибеевском и Рязанских могильниках отсутствует устойчивая ориентировка погребенных.

Нам представляется, что в I тысячелетии н. э. существовало значительное количество племенных групп, которые на последних этапах существования первобытнообщинного строя образовали союзы племен. Среди них выделились два более мощных и жизнедеятельных — это мокша и эрзя.

В связи с этим племенные черты начинают выявляться сравнительно поздно — к моменту формирования классовых отношений. Поэтому делить могильники на мокшанские и эрзянские в столь раннее время, как это делает М. Р. Полесских, по нашему мнению, по тем материалам, которыми располагает археологическая наука, нельзя. В дальнейшем археологические работы пополнят наши знания по истории древней и средневековой истории мордовских племен и мордовского народа.

М. Г. Сафаргалиев,
доктор исторических наук

МОРДОВСКО-ТАТАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема мордовско-татарских отношений имеет прямую связь с этногенезом мордовского народа. Вопросы мордовско-татарских отношений в дореволюционной историографии не получили своего развития. Буржуазные историки этими вопросами не занимались. Советские историки в области изучения мордовско-татарских отношений сделали ряд попыток. Об этом писали А. А. Кротков, Н. П. Арзютов, П. Н. Черменский и др. Вопросы мордовско-татарских отношений не нашли должного освещения в лингвистической и этнографической литературе.

Сообщения на настоящей научной сессии Р. Г. Мухамедовой «Культурные взаимосвязи мордовского и татарского народов по данным этнографии» и А. П. Феоктистова «мордовско-татарские отношения по данным языка» заслуживают одобрения.

Монголо-татарское нашествие на мордву в 1236 и в 1239 годах принесло неисчислимые бедствия покоренному народу.

В ходе нашествия, господства монголо-татарских феодалов, разрушались материальные и духовные ценности, созданные мордовским народом за несколько веков.

Бедствия, страдания и свободолюбивый дух мордовского народа с достаточной полнотой отражены в устно-народном творчестве мордвы. Например, в народной песне «Вирь чиресэ» («У опушки леса») и в других песнях и сказаниях народа показывается не только ненависть к поработителям, но и страстный призыв к борьбе с захватчиками. О катастрофическом положении, в каком оказался мордовский народ в период и после завоевания, свидетельствуют данные Селиксинского, Кельгининского, Гагинского, Сарлейского и других могильников; Ефаевского, Аткарского, Итяковского и др. городищ и селищ. Материалы раскопок показали, что мордовские поселения в период господства монголо-татар из года в год пустели, то население, которое избежало меча победителя, из своих обжитых мест бежало в глухие леса и образовывало небольшие хутора-зимницы.

Монголо-татарское нашествие и длительное господство золотоордынских феодалов на долгое время задержало развитие производительных сил у народов Поволжья, в том числе и у мордвы. Из данных русских летописей, относящихся к первой четверти XIII века, видно, что у мордвы перед нашествием полчищ Батыя шел объединительный процесс, то есть слияние двух больших политических объединений, союзов племен мокши и эрзи, возглавляемых мордовскими князьями Пургасом и Пурешом в единую народность. Монгольское нашествие приостановило объединение мордовских племен. Владыка мокши—Пуреш был вынужден подчиниться Батыю. В качестве вассала он участвует в походе Батыя на запад и где-то на границе между Польшей и Германией погибает. Сын Пуреша, занявший место отца, оказал сопротивление монголо-татарским завоевателям. Он ушел на северные границы своих владений в весьма укрепленное место (твердь) с тем, чтобы бороться с захватчиками до тех пор, пока хватит сил.

В условиях монголо-татарского владычества мордовские земли не только подвергались разорению, но и раздроблялись, вследствие чего возникли татаро-мордовские беляки, нечто вроде небольших феодальных княжеств. В это время некоторая неистребленная часть мордовских феодалов переходит на службу к татарским ханам и принимает ислам. Началось отатаривание мордовского и других народов, подпавших под гнет монголо-татар. К этому периоду и относится ассимиляция части мордовского населения Заволжья с татарским (каратаи).

В своих исследованиях в области антропологии К. Ю. Марк установила тот факт, что в формировании антропологических типов мордвы известную роль сыграли монголо-татары. Нужно будет отметить, что вопросы этнических особенностей эрзи и мокши недостаточно отражены в литературе. Слабо изучены вопросы этногенеза мокши и эрзи. Весьма интересным является то, что само название мордовского племени эрзя первоначально только единственный раз упоминается под 1236 годом в сочинении персидского историка Рашид-ад-Дине, писавшего в 1317 году .В то же время о мокши-мокса-моксель часто пишут как восточные, так и западноевропейские авторы. Венецианец Иософето-Барбаро, писавший в 1475 году о стране мокса, распространяет этот термин на всю мордву. Характерно также, что современные татары всю мордву, в том числе и эрзю, называют мокшей. Казалось, что название мокша стало идентично с названием мордвы. Ногайский князь Юсуф в своей грамоте, посланной в Москву в 1549 году, писал: «де сколько ни будет чувашей, черемисов, эрзян и мордвы, всех он еси с Шигалием-царем в Казани послал».

Из вышеприведенного документа можно было бы сделать вывод, что в основе формирования мордовской народности лежали мокшанские племена. Однако эти предположения противоречат высказываниям современника событий — западноевропейского путешественника Рубрука, писавшего в 1254 году. Говоря о мордве, Рубрук имел в виду в первую очередь эрзю, называя ее мордвой. Он писал: «Сзади них махель, то есть моксель — мокша живут другие, именуемые мердас, которых латины называют мердинис». Из этих двух противоречащих друг другу высказываний трудно установить, которое из двух племен (мокша или эрзя) являлось основой формирования мордовской народности.

Из-за отсутствия достаточных данных трудно высказывать определенное мнение по данному вопросу. Труды специалистов, занимающихся в области мордовской археологии, языкознания, этнографии, помогут нам в разрешении данной проблемы.

Хан Золотой орды и татарская феодальная аристократия всякими путями пытались помешать объединению мордовских племен, используя для этого мордовскую социальную верхушку (мордовских князей и мурз).

Во время нашествия золотоордынского царевича Арапши на Нижегородско-Суздальское княжество в 1377 году мордовская социальная верхушка, натравливаемая татарскими феодалами во время битвы на реке Пьяне, тайно привела рать от Мамаевой орды на русскую рать. Битва закончилась разгромом войск русских князей.

Но нужно будет отметить и то, что трудовое мордовское население через головы своих князей и мурз выступило вместе с русскими против монголо-татарских феодалов. Так, во время нашествия царевича Мустафы на Рязанское княжество в 1444 году мордовское население приняло активное участие в разгроме полчищ Мустафы.

В своих сочинениях С. Герберштейн сообщает о том, что мордва часто и храбро отражала от себя разбои татар. Мордовское население вместе с русскими участвовало в разгроме Казанского ханства, выступало вместе с народами Поволжья в Ливонской войне, в борьбе с Крымским ханством, оно участвовало во всех походах русских войск против иностранных военных интервентов.

Мордва вместе со всеми народами во главе с русским народом боролась против царского самодержавия, помещиков и капиталистов.

Длительное сотрудничество, совместная многовековая борьба против внутренних эксплуататоров и внешних врагов способствовали обмену материальными и духовными ценностями, взаимному обогащению своих культур. Татары, будучи кочевниками и скотоводами, оказывали некоторое влияние на развитие скотоводства у народов Поволжья. Вследствие этого в мордовском языке появился ряд татарских терминов, связанных с скотоводством, например, алаша — лошадь, айгор — жеребец, бука — бык и т. д. Конечно, у мордвы раньше существовали свои названия этих животных, но они почему-то исчезли и восприняты названия татарские. В былые времена у мордвы существовал своеобразный коневодческий обряд, связанный с культом лошади, праздником («айгор») и жертвоприношением лошади. Об этом давно исчезнувшем обряде имеется интересный рассказ у венецианца Иософета Барбаро... «В известное время года,— писал Барбаро, они — мокса (мокша) водят в поле лошадь и привязывают ей все четыре ноги и голову к кольям, вбитым в землю, потом один из них, вооруженный луком и стрелами, став на известном расстоянии пускает ей в грудь стрелы до тех пор, пока она не упадет мертвой. После этого ее обдирают и, съев мясо, с некоторыми обрядами шкуру набивают соломой, весьма искусно зашивают ее, вместо ног вставляют прямые палки, дабы в случае она могла стоять, как живая лошадь».

О другом обряде, связанном с лошадью, пишет английский путешественник Флетчер, что если у кого-нибудь умирает его приятель, то он убивает своего лучшего коня и, содрав с него шкуру, несет ее на длинном шесте впереди покойника. Эти показания иностранцев подтверждаются данными археологии. При раскопках Кельгининского могильника в одном из погребений был обнаружен скелет лошади со снятой шкурой.

В связи с развитием животноводства у мордвы в рацион пищи вошли некоторые виды питания, заимствованные у татар: айран — питье из кислого молока. В некоторых мордовских диалектах мы встречаем термин каймак, толокно, поза — пуре, кага — бумага, сапн — мыло и другие. В свою очередь мордва передала татарам термины, связанные с предметами домашнего обихода, лесных промыслов. Длительная совместная жизнь двух народов нашла свое отражение в устном народном творчестве. Как мы уже видели раньше, нашествие татар вызвало появление в мордовском фольклоре ненависти к татарским феодалам, отраженной в таких песнях и сказаниях, как «У опушки леса», «Девушку татары полонили» и в других. Позже появились песни и сказания, отражающие дружбу между мордвой и татарами. В мордовской песне об Уляше, в сказании о Кривом Феодосии и других повествуется о том, что мордовская девушка вышла по своей воле замуж за татарина.

Известный фольклорист Б. Н. Соколов приводит предания, записанные в мордовском селе Лебежейке, в которых говорится о том, как мордва с любовью оберегала могилу сказочного татарского богатыря Смолько (Сулеймана), приходили к его могиле, возносили разные добрые причитания.

Все эти факты свидетельствуют об установлении экономических и культурных связей между татарами и мордвой.

А. А. Тронин,
кандидат исторических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕМ И ОСОБЕННОМ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИЙ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

(по материалам Марийской, Мордовской, Удмуртской и Чувашской АССР)

Программа КПСС, принятая XXII съездом партии, четко сформулировала задачи в области национальных отношений, которые должны решаться советским народом. Современный этап коммунистического строительства в СССР характеризуется дальнейшим сближением наций. Поэтому очень важно определить те предпосылки и условия формирования социалистических наций в СССР, которые способствовали и способствуют сейчас сближению народов. В то же время необходимо выяснить и те обстоятельства, которые препятствовали и тормозили процесс формирования социалистических наций. «Исторический опыт развития социалистических наций показывает,— говорится в Программе КПСС,—что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни»[1].

В процессе формирования социалистических наций в СССР определились общие закономерности, характерные для всех советских народов, а также специфические закономерности, свойственные только одному народу или группе народов. К числу общих закономерностей можно отнести диктатуру пролетариата и Советскую власть, образование советской государственности, помощь русского народа в борьбе за преодоление отсталости и др.

В понятие «особенные (или специфические) закономерности» следует отнести те из них, которые были свойственны всем народам автономных республик Поволжья и Приуралья, а также те, которые были отличительной чертой развития только одного народа. Понятие «особенные закономерности» можно разделить на следующие группы:

---

[1] «XXII съезд КПСС» (стенографический отчет), т. III, ГИПЛ, М. 1962 г., стр. 314.

а) исторически сложившиеся взаимоотношения между народами;

б) предпосылки формирования наций (уровень экономического и культурного развития и т. д.);

в) условия формирования наций (географическое размещение, природная среда и т. п.);

г) специфические отличия народов в языке и культуре.

В анализе и характеристике общего и специфического для социалистических наций важно диалектически рассмотреть все конкретные факты и явления, чтобы дать им соответствующую оценку. Диалектика же развития национальных форм и отношений заключается в том, что целый ряд факторов после Великой Октябрьской социалистической революции в новых условиях играет иную роль и приобретает иное значение. Главная задача заключается в том, чтобы выделить те закономерности, которые способствовали и способствуют сближению наций. В состав этих особенных закономерностей можно включить исторические и социально-экономические предпосылки и условия формирования социалистических наций Поволжья и Приуралья, большинство которых обусловили более высокие темпы сближения этих наций с русским народом. Условно их можно разделить на следующие группы:

1) Сравнительно раннее вхождение этих народов в состав русского государства. Они вошли в его состав более 400 лет назад, тогда как народы Средней Азии и Закавказья — 100 — 150 лет назад, что обусловило более длительное влияние более развитого русского народа и оказало большое прогрессивное значение на развитие экономики и культуры этих народов.

2) Смешанность сельского населения по национальному составу не только между отдельными селениями, но зачастую и в одной деревне создала благоприятную почву для выработки идеологии дружбы и взаимопомощи в борьбе с угнетением и царизмом, а после революции в построении социализма.

3) Раннее вхождение этих территорий в состав Русского государства и включение их в сферу влияния русского капитализма обусловили сравнительно высокий уровень развития капиталистических отношений в деревне. Дифференциация обостряла классовую борьбу в деревне и создавала условия для успешного решения задач социалистического преобразования деревни после революции. В силу того, что эти территории оказались в сфере влияния русского капитализма с момента его возникновения, здесь не возникло сколько-нибудь крупных промышленных центров, а кадры национального пролетариата были весьма немногочисленны. Этому способствовала также и политика царской власти. Поэтому после Октябрьской революции Коммунистическая партия одной из главных задач в этих районах ставила задачу организации социалистической промышленности и подготовки кадров национального рабочего класса.

4) Расположение данных территорий на важнейших промышленно-торговых коммуникациях России (рр. Волга и Кама, железнодорожные линии, трактовые дороги) между Центральным промышленным районом и Уралом, а также юга с западом создавали благоприятную основу для промышленного развития, но в условиях царизма она использовалась очень плохо, и прежде всего для угнетения и грабежа местных народов. Как писал В. И. Ленин, «...вся история самодержавия есть сплошной грабеж местных, областных, национальных земель...»[1].

Эти благоприятные условия в полной мере стали использоваться после революции для ликвидации фактической отсталости народов Поволжья и Приуралья и дальнейшего их развития.

Политика насильственной христианизации и руссификации, проводившаяся царизмом, привела к возникновению своеобразного переплетения христианства и остатков язычества. Такого своеобразия не наблюдалось в Средней Азии и Закавказье. Учитывая это своеобразие, Коммунистическая партия после революции вела борьбу как с православной религией, так и с пережитками языческих верований. Эта борьба осложнялась тем, что, наряду с пережитками язычества, у этих народов сохранялись и остатки патриархальных пережитков, а все это затрудняло процесс социалистических преобразований.

5) Однородность русского и национального хозяйства (пашенное земледелие, ремесло, охота, рыболовство и т. д.) благоприятствовала процессу сближения и не создавала таких преград, которые имели место в Средней Азии и Закавказье. Более того, уровень развития хозяйства не имел каких-то принципиальных отличий, что способствовало взаимовлиянию и росту экономики. Такое обстоятельство было использовано в ходе социалистического строительства.

6) Слабость развития национальной буржуазии, которая была представлена главным образом сельской и торговой буржуазией, после революции обусловила отсутствие националистического движения и националистических организаций.

В силу определенных экономических и политических причин сложилось резкое размежевание городского и сельского населения по национальному признаку. Подавляющая масса местных народов проживала в деревне, а в городах—русское население. Это затрудняло процесс формирования национального рабочего класса и местной интеллигенции. Поэтому после революции Коммунистическая партия решила эту задачу путем вовлечения в промышленность и строительство местного населения и подготовки кадров интеллигенции как непосредственно в новых государственных образованиях, так и в других городах страны.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 305. Аграрная программа с-д. в первой русской революции.

Одним из методов этой работы явилась так называемая коренизация.

7) В силу вышеуказанных причин, а также потому, что на данной территории гражданская война и иностранная интервенция закончились в 1919 году, ход социалистической революции и социалистического преобразования проходили одновременно или почти одновременно с Центральной Россией, а в Средней Азии и Закавказье эти процессы проходили значительно позднее.

Народы Марийской, Мордовской, Удмуртской и Чувашской АССР в условиях строительства социализма развивались по общим закономерностям, как и другие народы СССР, не прошедшие стадию капиталистического развития, и в то же время имели целый ряд особенных исторических и социально-экономических условий и предпосылок. Вместе с тем каждый из этих народов отличался своими специфическими чертами, прежде всего языком и культурой.

Кроме того, на развитие каждого из этих народов наложили отпечаток отдельные исторические и социально-экономические предпосылки и условия. Например, если в Удмуртии помещичье земледелие почти не имело места, то в Чувашии и Мордовии оно играло ведущую роль. В то же время в Удмуртии имелись крупнейшие по тому времени промышленные предприятия, каких не имелось в других районах.

Программа КПСС на научной основе определяет, что современный этап коммунистического строительства в СССР характеризуется дальнейшим сближением наций. Этот вывод опирается на марксистско-ленинское учение о нациях и путях их развития в условиях капитализма и после победы пролетарской революции.

В. И. Ленин еще до Октябрьской революции в ряде работ указывал, что возникновение и развитие капиталистического способа производства создаст материальную основу сближения народов. В. И. Ленин в 1913 г. писал, что вторая историческая тенденция, как мировой закон, характеризующая «...зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм...» выражается в следующем: «...развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»[1].

Этот процесс ломки национальной ограниченности в условиях капитализма происходит путем угнетения, жестокого подавления народов и войн. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в колониальных войнах и захватах, а также в угнетении народов внутри многонациональных стран. Царская Россия была сосредоточением всех форм национального гнета. «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим (нерусским) народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их»[1]. В этой резолюции X съезда РКП(б) в числе нерусских народов упоминаются башкиры, марийцы, чуваши и удмурты. Политика угнетения, проводимая царизмом, естественно, вызывала протест и ненависть ко всему русскому. В. И. Ленин в докладе о партийной программе на VIII съезде партии говорил: «Башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкир грабить. Поэтому в этих глухих местах имя великоросса для башкир значит «угнетатель», «мошенник»[2]. Эту характеристику можно с полным основанием отнести и к территориям, на которых проживали марийцы, мордва, чуваши и удмурты. В этом районе России проводилась насильственная христианизация и руссификация, что вызывало недоверие, национальную рознь между народами. Одновременно царизм стремился разжечь национальную рознь, препятствуя сближению и объединению трудящихся масс в их совместной борьбе против угнетения. В этой политике царские власти не брезговали самыми низкими и бесчеловечными методами, примером чему служит печально знаменитое Мултанское дело по обвинению удмуртов в человеческих жертвоприношениях.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 20, стр. 11. Критические заметки по национальному вопросу.

Однако при всех угнетательских методах и способах, применяемых буржуазией для уничтожения национальных рамок, нельзя не видеть общей прогрессивности этой исторической тенденции капитализма. «Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса разрушения национальной заскорузлости различных медвежьих углов — особенно в отсталых странах вроде России»[3],— писал В. И. Ленин, потому, что «капитализм ставит на место тупого, заскорузлого, оседлого и медвежьи-дикого мужика великоросса или украинца подвижного пролетария, условия жизни которого ломают специфически национальную узость как великорусскую, так и украинскую»[4].

Эта прогрессивная историческая тенденция подготавливает материальные предпосылки будущего социалистического хозяйства.

С уничтожением капитализма в России и построением социалистического общества происходил процесс создания новой экономической базы, на основе которой происходил процесс сближения народов. Сближение народов происходит на совершенно новой основе — диктатуре пролетариата и Советской власти.

---

[1] X съезд РКП(б), Резолюция «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 558.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 172, Доклад о партийной программе.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, стр. 13. Критические заметки по национальному вопросу.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, стр. 15, там же.

На этой принципиально новой основе процесс ломки национальных перегородок, создания единства экономической жизни и т. д., который при капитализме В. И. Ленин называл ассимиляцией, превращается в процесс сближения и слияния наций. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближений наций, но и слияние их»[1].

После победы пролетарской революции принципиально изменяется не только основа процесса сближения и слияния, но и пути, формы и методы этого процесса. При капитализме это путь насилия, грабежей, разжигания межнациональной розни, путь ассимиляции, при Советской власти и диктатуре пролетариата это путь равенства и добровольности. Основным принципом этого пути является предоставление всем без исключения народам права на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Поэтому этот принцип был внесен в Программу Коммунистической партии, а после революции был утвержден в качестве государственного закона.

Еще до Октябрьской революции В. И. Ленин говорил: «Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих, трудящихся масс всех наций»[2].

Гигантская практическая деятельность Коммунистической партии и Советского государства увенчалась созданием в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик. Но это не означало тогда и не значит даже сейчас, что вопрос о национальных различиях и учете их потерял свое значение. В. И. Ленин всегда учил, что коммунисты должны учитывать национальные различия и правильно применять основные принципы коммунизма в отдельных случаях и моментах. «Пока существуют национальные и государственные различия между народами и нациями,— писал В. И. Ленин,— а эти различия будут держаться еще очень и очень долго, даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе — единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это вздорная мечта для настоящего момента), такого применения основных принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы, в частностях, правильно приспособляло, применяло к национальным и национально-государственным различиям»[1].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 22, стр. 135. Социалистическая революция и право наций на самоопределение.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 24, стр. 52. Задачи пролетариата в нашей революции.

В своих выступлениях и статьях В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в строительстве социализма необходимо учитывать все местные условия, особенности экономического уклада, бытовые формы, степень подготовленности населения и пр. В. И. Ленин предостерегал от попыток шаблонизировать все районы страны, так как подчинить их «...известному шаблону будет величайшей глупостью»[2]. Эта же идея легла в основу одного из пунктов резолюции X съезда РКП(б) по национальному вопросу.

Эти ленинские указания ничуть не потеряли своей актуальности и для современного этапа коммунистического строительства в СССР. Игнорирование этих указаний может привести к рецидивам пережитков национализма и шовинизма. Поэтому Программа КПСС, принятая XXII съездом, специально обращает внимание коммунистов на необходимость вести борьбу против проявлений пережитков национализма.

Учет разнообразия национальных различий в современных условиях необходим в связи с тем, что в силу специфических исторических и социально-экономических предпосылок и условий формирования социалистических наций процесс сближения и слияния их в пределах СССР не происходит совершенно одинаково. Темпы сближения народов СССР различаются в разных районах и не представляют из себя какой-либо единый стандарт. О наличии разных темпов сближения народов СССР свидетельствует сравнительная таблица распределения некоторых наций по родному языку (таблица № 1).

Анализ данных этой таблицы дает основание сделать вывод, что в Поволжье и Приуралье темпы сближения значительно выше, чем в Закавказье и Средней Азии. Данные по 4 нациям Поволжья и Приуралья показывают большой рост (с 3% до 10%) количества лиц, для которых русский язык стал родным языком. В Закавказье и Средней Азии этот показатель не дает большого роста.

И если в Поволжье и Приуралье прежде всего четко наметилась тенденция к сближению с русским народом, то в Закавказье и Средней Азии более четко прослеживается тенденция к сближению основных наций между собой, а затем уже с русским народом. Основной причиной этих явлений, безусловно, являются исторические, социально-экономические, культурные и языковые различия наций.

---

[1] *Ленин,* т. 31, стр. 72. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

[2] *Ленин,* т. 32, стр. 198, X съезд РКП(б).

В-третьих, среди наций Поволжья и Приуралья темпы сближения и слияния с русским народом неодинаковы. Наиболее активно этот процесс происходит у мордвы, у чувашей и удмуртов — приблизительно на одном уровне и менее активно — у марийцев. Об этом свидетельствуют показатели переписей 1926 и 1959 гг. (см. таблицу № 2).

В период строительства социализма Коммунистической партии и Советскому государству пришлось вести сложную и трудную борьбу за ликвидацию реакционных условий, препятствовавших формированию социалистических наций. На основе претворения в жизнь ленинских принципов национальной политики все препятствия были преодолены в сравнительно короткий срок. При этом Коммунистическая партия умело использовала прогрессивные особенности в борьбе с реакционными пережитками.

Совокупность общих и специфических особенностей, свойственных народам Поволжья и Приуралья, обусловили одновременность формирования социалистических наций и одинаковый уровень развития, не имеющий существенных различий. Темпы сближения указанных народов, прежде всего с русским народом, сравнительно более высоки, чем, например, в Средней Азии и Закавказье. В ходе социалистического строительства СССР значительная часть специфических особенностей народов Поволжья и Приуралья совершенно потеряла свое значение, что еще больше способствовало сближению народов.

Сравнительное распределение населения по

	Поволжье и Приуралье						
	Всего	в т. ч. считают родным языком					Всего
		язык своей национальности	язык не своей национальности				
			русский		прочий		
			абс.	%	абс.	%	
1926	3390213	3287560	94863	3,0	6842	0,2	5094357
1959	3879879	3374787	402313	10,0	6781	0,2	4845659

Примечания: 1. Таблицы составлены на основани

2. Поволжье и Приуралье—марийцы, мордва, удмурт
киргизы, таджики, узбеки. Данные в границах СССР.

3. В приложении № 2 % вычислен по отношению к

Сравнительное

		Всё население						Город		
		всего	в т. ч. считают своим родным языком					всего		в
			язык своей национальности	язык не своей национальности						язык с национа сти
				русский		прочий				
				абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.
марийцы	1926	428192	425340	1685	0,4	1077	0,2	3576	0,8	3125
	1959	504205	479587	23152	4,6	1466	0,3	58973	11,7	44683
мордва	1926	1340415	1260388	77138	6,0	2138	0,2	29336	2,2	18835
	1959	1285116	1004112	280028	21,9	978	0,08	374346	29,1	195443
удмурты	1926	504187	498870	3971	0,7	1004	0,2	6109	1,2	5231
	1959	624794	556747	66730	10,7	1323	0,2	139003	22,2	96878
чуваши	1926	1117419	1102952	12069	1,0	1623	0,1	17847	1,6	14670
	1959	1469766	1334347	132403	10	3016	0,2	288730	19,6	205695

Раздел II

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ, ТОПОНИМИКЕ И ФОЛЬКЛОРУ

ДОКЛАДЫ

Б. А. Серебренников,
член-корреспондент АН СССР

ИСТОРИЯ МОРДОВСКОГО НАРОДА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Постановка специального доклада «История мордвы по данным языка» связана с целым рядом значительных трудностей.

Прежде всего необходимо заметить, что тема эта не новая. Многие исследователи, мы имеем в виду такие имена, как О. Доннер, В. Томсен, А. Андерсон, В. Томашек, И. Н. Смирнов, С. К. Кузнецов и др., уже касались этой темы в своих работах, и самое существенное, что можно здесь сказать, уже было сказано. Поэтому докладчик вынужден часто повторять уже известные истины.

Другая трудность состоит в том, что за последние полвека изучение этой проблемы не продвинулось настолько вперед, что давало бы возможность говорить о большом притоке новых сведений в интересующей нас области. Более того, в настоящее время даже нет достаточно благоприятных условий для постановки новых гипотез, поскольку данная проблематика ни в центре, ни на местах специально не разрабатывается.

Для получения новых сведений необходимы дальнейшие поиски следов иноязычного влияния в мордовской лексике, но для этого необходимо иметь полные словари мордовского языка и его диалектов. Необходимо собрать и выявлять архаическую лексику мордовского языка, в особенности специальную лексику, касающуюся различных ремесел, промыслов и т. д., где возможны иноязычные заимствования.

У нас не ведется никакой планомерной и систематической работы в области изучения мордовской топонимики и гидронимики на территориях, находящихся в настоящее время за пределами Мордовской республики, не ведется систематическое изучение русской диалектной лексики на территориях, некогда занятых муромой и мещерой, нет даже списков мордовских языческих имен, без наличия которых изучение мордовской топонимики становится очень затруднительным.

В дополнение ко всему сказанному необходимо указать на известную ограниченность языковых данных, как исторического источника.

Языковые данные не в состоянии восстановить историю народа во всей ее полноте и многообразии. В лучшем случае они могут наметить какие-то самые общие штрихи и вехи исторического пути данного народа, которые в сочетании с археологическими и историческими источниками могли бы быть соответствующим образом интерпретированы.

Первые сведения о существовании на территории России мордовского народа восходят к далекому прошлому. Еще в VI веке нашей эры готский историк Иордан, перечисляя племена, покоренные готским королем Германарихом, упомянул название Mordens.

Несколько веков позднее, в первой половине X века, византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении «De administrando imperio» («Об управлении государством») писал: «Страна печенегов отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании на шесть и от Мордии на десять дней...»

Однако эти высказывания свидетельствуют только о том, что в эти эпохи мордва уже существовала как отдельный этнос, предполагая, конечно, что данный историк не примешивал к мордве какие-нибудь другие народы, как это было, например, в дореволюционной России с татарами, которыми называли не только казанских и астраханских татар, но также кумыков, балкарцев, ногайцев и азербайджанцев.

Для определения вех древней истории мордовского народа требуется нечто более существенное, чем простое упоминание о нем.

Нам представляется, что более существенное может дать в этом отношении изучение связей мордовского языка с другими финно-угорскими языками.

Как известно, мордовский язык относится к финно-угорским языкам, которые в свою очередь объединяются совместно с самодийскими языками в уральскую группу языков. По предположению некоторых ученых, уральское языковое единство относится к седьмому тысячелетию до нашей эры. Совершенно естественно, что мы не можем вести историю мордовского народа, начиная с этого времени, поскольку в то время не было мордовского этноса, который сформировался на определенном историческом этапе.

Наибольшее число общих черт в области лексики связывает мордовский язык с прибалтийско-финскими языками, ср., например, такие лексические параллели, как эрзя-м. *пеземс* «мыть», финск. *pestä;* эрзя-м. *касомс* «расти», финск. *kasvaa;* эрзя-м. *лембе* «теплый», финский *lämpö* «тепло»; эрзя-м. *пултамс* «жечь», финск. *polttaa;* эрзя-м. *кизэ* «лето», финск. *kesä;* эрзя-м.

пе «конец», финск. *pää* «голова»; эрзя-м. *автемс* «открывать», финск. *avata;* эрзя-м. *кувака* «длинный», финск. *kaukainen;* эрзя-м. *ков* «луна», «месяц», финск. *kuu* и т. д.

В области морфологии мордовский язык связывает с прибалтийско-финскими языками одинаковое построение моделей суффиксов некоторых местных падежей, ср. суффикс исходного падежа **-sta, -stä, -st** в прибалтийско-финских и **-сто, -ста** в мордовском, ср. финск. *kaupungi-sta* «из города», эрзя-морд. *ош-сто,* мокша морд. **ош-ста,** суффикс местного падежа **-ssa, -ssä, -st** в прибалтийско-финских (исторически из **-sna, -snä)** и **-со, -са** в мордовском (исторически из **-сно, -сна**), ср. финск. *kaupunji-ssa* «в городе», эрзя морд. **ош-со,** «в городе», мокша-морд.— **ош-са.**

В марийском языке, как известно, соответствующие падежные суффиксы образуются по совершенно другой модели.

В прибалтийско-финских и в мордовских языках существует особый падеж, так называемый превратительный падеж или транслатив, характеризующийся суффиксом **-ksi, -ks,** ср. финск. *tulla insinööriksi* «стать инженером», мокша-морд. *тиезе кевкс* «превратился в камень».

В других финно-угорских языках транслатив с суффиксом **-ksi** или **-ks** не встречается.

В истории нашей науки было время, когда всякое упоминание о генетической связи мордовского языка с прибалтийско-финскими языками, в особенности с финским, квалифицировалось как серьезная политическая ошибка.

В настоящее время, когда эпоха сталинского культа уже находится позади, мы можем подойти к объективному факту этой связи более трезво и попытаться найти его объяснение.

Связь мордовского языка с прибалтийско-финскими языками может объясняться общностью исторической жизни предков современной мордвы и прибалтийско-финских народов, возможностью происхождения этих языков от одной, более древней языковой общности, длительным пребыванием на одной территории или смежных территориях и т. д.

Некоторые финно-угристы объединяли мордовский и марийский языки в одну группу, так называемую волжскую группу финно-угорских языков. Для такого объединения, пожалуй, нет достаточных оснований, так как типологически и лексически мордовский язык в большей степени связан с прибалтийско-финскими языками, чем с марийским. Вместе с тем не приходится отрицать наличия некоторых специфических мордовско-марийских языковых связей.

Помимо лексики общефинно-угорского происхождения, мордовский и марийский языки связывают несколько десятков почти одинаково звучащих слов, ср. эрзя-морд. *моро* «песня», мокша-морд. *мора,* мар. муро; эрзя-морд. *учомс* «ждать», мокша-морд. *учемс;* мар. вучаш; эрзя-морд. *лем* «имя», мокша-морд. *лем,* мар. *лӱм;* эрзя-морд. *мекш.* «пчела», мар. *мӱкш;* эрзя-морд.

киштемс «плясать», мар. кушташ; эрзя-морд. *ашо* «белый», мар. *ош;* эрзя-морд. *сия* «серебро», мар. *ший;* эрзя-морд. *ташто* «старый», мар. *тошто;* эрзя-морд. *шуж* «ячмень», мар. *шож* и т. д.

Имеются также некоторые специфические мордовско-марийские связи в области грамматического строя. В марийском и мордовском языках на базе отглагольного имени в форме направительного падежа на **-с** возник инфинитив, см. морд. *ловномс* «читать», мар. *лудаш* (из лудас).

В прибалтийско-финских языках нет этой формы. Древний направительный падеж на **-ка** в мордовском и марийском языках имеет полногласную форму, ср. морд. *вирьга* «по лесу». Когда-то эта форма имела значение «по направлению к лесу», ср. мар. *ончы-ко* «вперед», *вел-ке* «в сторону». В прибалтийско-финских языках этот падеж оканчивался на **-к** и не имел конечного гласного, ср. ингерманландское alak «вниз».

Формы 3-х лиц единственного и множественного числа повелительного наклонения в мордовском и марийском языках образуются по одной схеме с участием притяжательных суффиксов, ср. эрзя-морд. *кортазо* «пусть говорит» и марийск. *лудшо* «пусть читает», эрзя-морд. *кортаст* «пусть говорят» и мар. *лудышт* «пусть читают». Эта схема образования форм третьих лиц повелительного наклонения прибалтийско-финским языкам не свойственна.

Древние личные окончания первого и второго лица множественного числа **-mek** и **-tek** в марийском языке превратились в **-на** и **-да**, ср. мар. луды -на «мы читаем», луды-да «вы читаете». Нечто подобное, по всей видимости, происходило и в мордовском языке, ср. эрзянские формы *ловнота-но* «мы читаем» и *ловнота-до* «вы читаете». Различие между мордовским и марийским языками состоит лишь в том, что в мордовском языке эти окончания встречаются только в настоящем времени.

Наблюдаются некоторые элементы сходства в образовании форм 3-х лиц в прошедшем времени, ср. эрзя-морд. *тусь* «он ушел», *тусть* «они ушли», марийск. *возыш* «он написал» и *возышт* «они написали».

В мордовском и марийском языках есть прошедшее длительное время, образуемое с участием вспомогательного глагола «быть», ср. эрзя-морд. *молилинь* «я шел» из *моли улинь* и марийское *налам ыле* «я брал». В прибалтийско-финских языках прошедшее время этого типа отсутствует.

В марийском и мордовском языках суффикс **-ге, -к** с сопроводительным значением, ср. мар *вожге* «с корнем», эрзя-морд. *кудонек* «с домом»[1].

По сравнению с прибалтийско-финскими языками мордовский и марийский языки более аналитичны, они содержат большее количество послеложных конструкций, функционально заменяющих древние локальные падежи, ср. эрзя-морд. *вирень* эйстэ «из лесу» и марийское чодра гыч, эрзя-морд. *ки лангсо* «на дороге», мар. *курык ӱмбалне* «на горе» и т. д.

---

[1] *И. С. Галкин,* Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола, 1964, стр. 30—31.

Вместе с тем можно найти целый ряд общих черт, связывающих прибалтийско-финские, мордовский и марийский языки. Лексически эти языки ближе друг к другу, чем к остальным уральским языкам. Реконструированные древние падежные системы этих языков обладают наибольшим количеством общих черт. Финно-угристы предполагают, что уральское языковое единство сначала распалось на две языковых общности — финно-угорскую и древнесамодийскую. Финно-угорская общность впоследствии распалась на угорскую и финно-пермскую ветви, и, наконец, из финно-пермской общности позднее выделялись две ветви — пермская и финно-волжская. Из финно-волжской ветви позднее выделились прибалтийско-финские, мордовский, марийский и лапландский языки. В целях большей точности, финно-волжскую ветвь языков мы в дальнейшем будем просто называть западной ветвью.

Языки западной ветви — прибалтийско-финские, мордовский, марийский и лапландский в настоящее время довольно сильно разошлись и по этой причине очень трудно судить о характере первоначального единства западной ветви. Предполагают, что это единство существовало недолго, так как в западной ветви образовались диалекты, развившиеся позднее в самостоятельные языки.

На основании изучения связей мордовского языка с прибалтийско-финскими и марийскими можно сделать вывод, что после распада западной ветви древнемордовский язык занимал территорию, расположенную между протобалто-финским языком, предком современных прибалтийско-финских языков, и марийским, прилегая территориально ближе к первому.

Отмечая эту более тесную связь, все же необходимо указать на очень большое своеобразие мордовского языка. Современный мордовский язык отличается от финского и эстонского в значительно большей степени, чем русский язык отличается от литовского. Это свидетельствует о том, что связи между древнемордовским, протобалто-финским и марийским языками были прерваны еще до начала нашей эры.

По некоторым косвенным данным, уже в начале нашей эры предки современных финнов и эстонцев населяли южное побережье Финского залива. Такой вывод делается на основании изучения лексических заимствований из балтийских языков.

Выше уже говорилось о том, что современные мордовский, марийский и прибалтийско-финские языки некогда входили в одну языковую общность. Возникает вполне законный вопрос, где территориально могла быть расположена эта языковая общность?

Большую помощь в решении этой проблемы могут сказать так называемые фитогеографические и зоогеографические данные.

Давно известен тот факт, что распространение на земном шаре какого-либо растения ограничено вполне определенным географическим ареалом. В прибалтийско-финских, марийском и мордовском языках, помимо названий деревьев, присущих всем уральским языкам в целом, встречаются названия деревьев, произрастающих только в Средней России. К таким названиям относится прежде всего название дуба, ср. финск. *tammi*, эст. *tamm*, мар. *тумо*, эрзя-морд. *тумо*, мокша-морд. *тума*. В лесах Северной России дуб не встречается. Северной границей произрастания дуба обычно считают 58-ю параллель. В Финляндии эта граница заходит немного севернее. Показательно также название клена, ср. финск. *vaahtera*, эст. *vaher*, мар. *ваштар*, эрзя-морд. *укштор*, мокша-морд. *уштор*. Граница произрастания клёна не заходит далее 62-й параллели. Липа не растет севернее 63-й параллели, но в мордовском, марийском и прибалтийско-финских языках есть названия липы, ср. эрзя-морд. *пекше*, мар. *писте*, финск. *lehmus* и т. д.

В Архангельской и Вологодской областях не растет орешник, но в указанных языках есть название орешника, ср. эрзя-морд. *пешкс*, мокша-морд. *пяштерькс*, финск. *pähkinäpuu*, эст. *pähklipôôsas*. В финно-угорских и самодийских языках, находящихся на Севере, этих названий нет.

Из названий животных показательно название ежа, ср. финск. *siili*, эст. *siil*, эряз-морд. *сеель*, мокша-морд. *сеель*, горно-мар. *шӱлы*. Севернее 61-й, 63-й параллели еж не встречается.

Руководствуясь этими данными, можно с уверенностью утверждать, что территорию расселения предков мордовского народа совершенно бесполезно искать где-нибудь на Севере, в Вологодской или Архангельской областях. Она могла находиться только в Средней России.

Можно ли на основании привлечения каких-либо новых языковых данных определить границы этой предполагаемой территории более точно. Языковедческая наука применяет для этой цели два основных средства — изучение иноязычных лексических заимствований в данном языке и привлечение данных топонимики и гидронимики.

Начнем с определения приблизительной южной границы этой территории.

Языковеды давно установили в мордовском языке наличие слов иранского происхождения. К таким словам принадлежит прежде всего название золота *сырне*, ср. авестийск. *zaranya*, такие слова, как эрзя-морд. *азор* «хозяин», ср. др.-перс. *ahura* «господин»; мокша-морд. **юв** «мякина», эрзя-морд. **юв** «ость от зерна», финск. *jyvä* «зерно», авестийск. *yava* «зерно». эрзя-морд. *кшни* «железо» (из *kertni*), авест. *kareta* «нож»[1]; эрзя-морд. *паз* «бог», мокша-морд. *паваз* «бог», др.-инд. *bhaga* «бог», др.-перс. *baga* «бог»; эрзя-морд. *тарваз* «серп» из предполагаемого иранского *darghas* «серп»[2], эрзя-морд. *седь* «мост», др.-инд. *sētu* «плотина, мост», авест. *haetu* «плотина»[3] и т. д.

Вопрос о наличии иранских племен на юге России наукой уже давно решен положительно. Для нас важно знать, как далеко на север распространялись иранцы. Можно очень приблизительно допускать, что естественной границей, отделяющей угро-финские племена от иранцев, была граница леса и степи поскольку лесные местности были неблагоприятны для древних народов, главным занятием которых было скотоводство. Можно также предполагать, что отдельные группы иранцев могли просачиваться в лесостепную зону. Об этом свидетельствуют археологические материалы, найденные на территории Мордовии.

На востоке — в зоне левого берега Волги — пределы распространения иранцев были, по-видимому, продвинуты в большей степени к северо-востоку. Сарматы достигали территории современной Башкирии.

Если не принимать во внимание некоторые кочующие термины, можно предполагать, что южная граница распространения предков мордовского народа могла доходить до границы леса и степи. В противном случае очень трудно представить проникновение иранских лексических элементов в мордовский язык.

Прибалтийско-финские языки, мордовский и марийский языки не в одинаковой степени подвергались иранскому влиянию, что свидетельствует о том, что в то время они уже были самостоятельными языками.

Северная граница распространения древней мордвы не определяется достаточно четко. Данные мордовской топонимики и гидронимики, о чем будет речь ниже, не позволяют проводить ее в пределах северной части современной Горьковской области, а также в пределах Владимирской и Ярославской областей. Эти области в древности населяла меря, отношение языка которой к мордовскому языку неясно. Предполагают, что мерянский язык был близок к современному марийскому.

Западная граница расселения древней мордвы также не вырисовывается с достаточной определенностью.

В мордовском языке имеется ряд слов литовского происхождения, ср. эрзя-морд. *кардаз* «двор», лит. *gardas* «стойло, загородка» — явная этимологическая связь с немецким *Garten* «сад», русским «огород» и т. д.; эрзя-морд. *пеель* «нож». лит.

---

[1] B. Collinder, Fenno-ugric vocabulary, Uppsala, 1955, стр. 131.

[2] Там же, стр. 138.

[3] Там же, стр. 136.

peilis «нож»; эрзя-морд. *суро* «просо», лит. *sūra* «просо»; лит. *perkunas* «гром», эрзя-морд. *пурьгине;* лит. *sīksnа* «ремень», эрзя-морд. *кшна* «выделанная кожа»; лит. *parsas* «поросенок», мокша-морд. *пурхц* «поросенок» и т. д.

В настоящее время, когда литовский народ находится на значительном расстоянии от мордовского народа, возможность этих связей довольно трудно представить. Однако имеются некоторые данные, свидетельствующие о том, что в древности литовцы занимали территории, более продвинутые к востоку по сравнению с современным ареалом их расстояния.

В Ипатьевском списке Киевской летописи под 1147 годом говорится: «И шед Святослав и взя люди Голядь верх Поротве»[1].

Голядь, насколько известно, была одним из древнелитовских племен и территориально была расположена восточнее территории расселения других древнелитовских племен.

П. Д. Брянцев предполагает, что голядь занимала местность между реками Угрой и Протвой (притоки Оки)[2].

Академик А. И. Соболевский утверждает, что границей древней литовской земли на северо-востоке была Волга. Вазуза едва ли не вся была в литовских руках, верховья реки Протвы, близ нынешней Вереи, были заселены голядью. Вообще литовская земля занимала часть нынешних Витебской, Псковской, Тверской, Московской и, главным образом, Смоленской губерний, наиболее лесистых и болотистых[3].

С. К. Кузнецов также допускает, что в XII веке местность, населенная голядью, действительно ограничивалась верховьями реки Протвы, но первоначально голядь могли занимать более обширную территорию, включая низовья р. Протвы и область по течению реки Угры и по реке Упе. Последняя, по его мнению, звучит совершенно по-литовски (upe — вода)[4].

Соседство с голядью, по мнению С. К. Кузнецова, легко объясняет тот факт, почему в языке мордвы встречаются литовские слова.

М. Фасмер доводил северо-восточную границу балтийской топонимики до реки Цны (Цна — левый приток Оки и Цна — левый приток р. Мокши). Название «Цна» он связывал с древнепрусским *tusna* «тихий», «тихая»[5].

В связи с этим возникает сложная историческая проблема, в какой мере территория предков современной мордвы была приближена к территории расселения древнего литовского племени голяди.

---

[1] *А. И. Соболевский,* Где жила Литва? Изв. ИМИ Ак. наук. С.-Петербург, 1911, стр. 1052.

[2] *П. Д. Брянцев,* Очерк древней Литвы, Вильна, 1897, стр. 2.

[3] *А. И. Соболевский,* Ук. раб., стр. 1053.

[4] *С. К. Кузнецов,* Русская историческая география. Москва, 1910, стр. 136, 137.

[5] M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1958, Dritter Band, стр. 293.

С. К. Кузнецов пытался доказать в свое время наличие мордовского элемента в топонимике Тульской области. В качестве иллюстраций приводим некоторые из его толкований: *д. Вельмино* (от эрзянского *вельмамс* — выздоравливаю) — *Здравино; д. Елагина* (от эрзя-мокшанского *ялга* «товарищ, друг») — *Другова; Касимово* (от мокш. *касыма* — родина, эрз. *касомс* — произрастаю) — *Родное; д. Кочаки* (от эрз. *кочомс* — клюю) — *Клюево*[1]; *Кутьма* (от эрз. *кутямс* — щекочу) — *Щекуниха; Тула* от эрз. *туло* «клин»[2] и т. д.

Нетрудно заметить, что применяемый Кузнецовым метод расшифровки топонимических названий иллюстрирует пример так называемого вольного этимологизирования, не связанного никакими принципами. Поступая таким образом, мордовскую топонимику можно обнаружить где угодно.

По нашему мнению, каких-либо достаточных твердых оснований, которые давали бы возможность судить о былом наличии мордвы на территории Тульской области, нет.

В. А. Никонов в одном из своих докладов на заседании Русского географического общества проводил западную границу расселения мордвы по линии Кашира-Венев, Тула, Ливны[3]. Однако аргументация этого положения неизвестна, поскольку доклад не был опубликован.

Необходимо заметить, что проблема литовских лексических заимствований в мордовском языке в настоящее время сильно осложняется.

Слова, сходные с литовскими, встречаются также в пермских языках, ср. коми — зыр. *порсь* «свинья», лит. *parsas* «поросенок»; коми-зыр. *рам* «тихий», лит. *ramus* «спокойный»; коми-зыр. *агас* «борона», лит. *akėti* «боронить»; коми-зыр. *верöс* «муж», лит. *vyras* «муж, супруг»; коми-зыр. *копрасьны* «нагибаться», лит. *kupra* «горб» и т. д.

Территория расселения древнелитовского племени голяди никак не могла заходить далеко на восток.

В 1957 году нами было сделано предположение, что эти слова могли попасть в пермские языки из какого-то индоевропейского языка, близкого к современным балтийским языкам и находившегося в районе Волго-Клязьминского междуречья[4].

Большое значение для уточнения этого вопроса имеет статья Г. С. Кнабе «Словарные заимствования и этногенез (к вопросу о балтийских заимствованиях в восточных финно-угорских языках), напечатанная в журнале «Вопросы языкознания», № 1 за 1962 год.

---

[1] *С. К. Кузнецов,* Ук. раб., стр. 134.

[2] Там же, стр. 135.

[3] См. журнал «Вопросы языкознания», № 4 за 1959 г., стр. 136, 137.

[4] См. нашу статью «О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам». Труды Академии наук Литовской ССР, серия А, 1, 1957, стр. 69—71.

Г. С. Кнабе удалось доказать, что многие из слов в мордовском, марийском и пермских языках, которые рассматривались как заимствования из балтийских языков, в частности из литовского, не могли быть заимствованы из этих языков, например, эрзя-морд. *тейтерь* «дочь» не может быть выведено из литовского *dukte* «дочь». Марийск. *шӱжар* «сестра» также не может быть выведено из литовского *sesuo,* невыводимо непосредственно из литовского мокша-мордовское слово *тёжань* «тысяча» и т. д.

Заимствованные индоевропейские слова в мордовском языке не составляют одной группы. Они различны по времени, месту и источнику заимствования и даже заимствовались из каких-то индоевропейских языков, не совпадающих ни с одним из известных нам индоевропейских языков.

Поэтому вопрос о литовских заимствованиях в мордовском языке требует пересмотра, хотя полностью отрицать наличие литовского лексического элемента в мордовском языке не приходится.

С полной уверенностью также можно сказать, что древняя мордва не распространялась далеко по направлению к северо-востоку. В мордовском языке нет никаких следов вторичной связи с пермскими языками.

В восточном направлении древняя граница расселения мордвы не заходила дальше правого берега Волги.

Рассмотрим теперь, что говорят о границах расселения древней мордвы данные топонимики и гидронимики. На основании этих данных некоторые исследователи пытались делать определенные выводы.

По утверждению И. Н. Смирнова в древнейший период своей истории мордва занимала пространство, заключенное между реками Волгой, Окой, Сурой и притоками Мокши, уезды Нижегородский, Арзамасский, Княгининский, Лукояновский Нижегородской губернии; Алатырский и Ардатовский Симбирской, Городищенский, Инсарский, Краснослободский и Наровчатский Пензенской, Спасский, Темниковский и Шацкий Тамбовской губернии[1].

Профессор А. Е. Любимов в статье «Краткий исторический очерк мордовского народа» также приходит к выводу, что мордва с самых отдаленных времен занимала пространство между реками Волгой, Окой, Сурой и притоками Мокши, т. е. южную часть Нижегородской, западную Симбирско-Ульяновской, восточную Тамбовской губернии и всю территорию современной Пензенской губернии. Таким образом, по утверждению профессора А. Е. Любимова, мордва с самых отдаленных времен обитала в тех именно местах, где в настоящее время расположен ее основной массив.

---

[1] Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние. Под редакцией Г. А. Полумордвинова, Пенза, 1927, стр. 5, 6.

Рассмотрим, в какой мере данные мордовской топонимики и гидронимики подтверждают эти выводы.

Мордовская топонимика и гидронимика, подобно топонимике и гидронимике многих агглютингтивных языков, обладает одной интересной типологической особенностью. В основе ее лежит серийный принцип. Определенная группа топонимических или гидронимических названий всегда характеризуется каким-нибудь словом, которое выполняет роль индикатора серии. Так, например, почти все исконно мордовские названия рек оканчиваются на *лей* или *ляй,* что по-мордовски означает реку.

И. Н. Смирнов в своей известной работе «Мордва» (Историко-этнографический очерк) выделяет целую группу таких слов. К этой группе он относит слова *лей* «река», *веле* «деревня», *пандо* «гора», *кужа* «поляна», *ош* «город», *гарт* (Кузгордь), *дон* (устье реки) и *вирь* «лес»[1].

А. И. Попов в статье «К вопросу о мордовской топонимике» добавляет к этому списку слова: *эрьке* «озеро», *помра* «роща», *латка, латко* «овраг», *телем* «зимница»[2].

На современных территориях, занятых русским населением, но некогда заселённых мордвой, наиболее часто встречающимся и наиболее показательным является название населенных пунктов с окончанием *лей* или *ляй,* связанных с названиями рек. Показательны они потому, что названия рек обычно возникают раньше названий населенных пунктов.

Нет никакого сомнения в том, что мордва когда-то занимала всю территорию современной Пензенской области. Явно мордовская топонимика, названия населенных пунктов с характерным для мордовской топонимики окончания *лей,* встречаются на всей территории современной Пензенской области, ср. такие названия, как: Вачелей, Донгузлей, Вышелей, Чибирлей, Каргалей, Пичилейка, Урлейка, Шелалейка, Виляйка. Встречаются также названия типа Кувак-Никольское, ср. эрзя-морд. *кувака* «длинный».

Не вызывает также никакого сомнения былое пребывание мордвы на территории южной части современной Горьковской области, ср. такие явно мордовские названия населенных пунктов, как *Сарлей, Вилейка, Симбилей, Пергалей, Чембилей, Мочалей, Чупалейка, Пушлей* и т. д.

Былое пребывание мордвы на этой территории подтверждается также историческими документами. А. И. Попов сообщает об очень большом количестве мордовских топонимических названий в Арзамасских поместных актах 1578—1618 гг.[1]

---

[1] *И. Н. Смирнов,* Указ. раб., стр. 6, 7.

[2] *А. И. Попов* К вопросу о мордовской топонимике. Советское финноугроведение, т. II, 1948, стр. 204

На территории Горьковской области мордва доходила примерно до города Горького. Город Нижний Новгород (прежнее название города Горького) был построен как крепость против набегов мордвы.

Для северной части Горьковской области мордовская топонимика не типична, хотя не исключена возможность наличия на этой территории отдельных мордовских поселений.

Можно также предполагать наличие в древности мордовского населения в северной части современной Тамбовской области, о чем свидетельствуют явно мордовские названия типа *Алкужи, Балыклей, Пичер,* возможно *Алгасово* и *Шичаево*. А. И. Попов приводит название рек *Нару-Тамбов* и *Нор-Ломов,* связывая элемент *нар, нор* с мордовским словом *нар* «луг»[2].

Отдельные мордовские названия населенных пунктов встречаются и в Ульяновской области, хотя в гораздо меньшей степени, чем в Пензенской области, ср. напр., название *Большой Чурклей, Ахметлей, Сенгилей, Труслейка* и т. д. Древняя мордва, несомненно, знала Волгу. Об этом свидетельствует мордовское название Волги *Рав,* упоминание в сочинениях греческого географа Клавдия Птолемея (161—180 гг. нашей эры), где говорится о большой реке *Ра,* находящейся на востоке.

Мордовские названия встречаются и в южной части Чувашской АССР, главным образом, в районе Алатыря, например, *Чуварлей, Явлей* и т. д. Основная территория Чувашии в древности, по-видимому, была занята марийцами. На территории Татарской АССР встречаются только отдельные редкие мордовские названия.

В современной Рязанской области типично мордовские названия населенных пунктов встречаются не часто, но мордва, несомненно, населяла территорию этой области, главным образом ее восточную часть. Характерной чертой русских рязанских говоров является так называемое якание, например, *вядро, вясна, нясла* и т. д. Нечто подобное наблюдается и в мокша-мордовском языке, ср. мокша- морд. *ляй* — река и эрз. *лей,* мокша-морд. *сяземс* «разорвать», эрзя-морд. сеземс и т. д.

Не совсем ясно отношение мордовского языка к языку муромы и мещеры.

С. К. Кузнецов утверждал, что мурома была близка по языку к мере[3]. И. А. Попов, по-видимому, склонен ее отожествлять с мордвой. А. И. Попов отмечает, что, поднимаясь вверх по Оке, мы находили ряд типично-мордовских названий до Рязани и далее. Он приводит название озер на *-ерхи, -ерха, -орка, -орка* типа *Уторки, Вясьмерки, Кусторка* и т. д.

---

[1] *А. И. Попов.* Указ. работа, стр. 209, 225.

[2] *А. И. Попов,* Указ. работа, стр. 221.

[3] *С. К. Кузнецов,* Русская историческая география, Вып. I, Москва, 1911.

У нас, к сожалению, нет до сих пор специального монографического исследования топонимики и гидронимики на территории былого расселения муромы. Поэтому сказать что-либо определенное здесь трудно. Пожалуй, не более ясен и вопрос об этнической принадлежности мещеры. А. И. Попов считает мещеру мордовским племенем. «Много ясных топонимических следов мордвы,— замечает А. И. Попов,— в так называемой Мещоре, где, видно, еще совсем недавно говорили по-мордовски (много озер: Сенчерки, Ушерхи и пр.)[1].

В татарском диалекте так называемых мишарей, которых некоторые считают отатаренной мещерой, действительно встречаются отдельные мордовские слова, например, *панга* «гриб». В то же время приходится отметить, что у нас нет монографических исследований топонимики и гидронимики мещерского края.

Кроме того, русское название этого народа «мещера» имеет какой-то тюркский облик.

В русских летописях мещера даже не упоминается. Для утверждения о наличии в древности мордовского населения на территории Владимирской, Ярославской, Московской и Тульской областей, как нам кажется, нет достаточных оснований.

Во Владимирской и Ярославской областях есть некоторые названия рек с характерным окончанием -ль, например, *Нерль, Нергель, Поль, Которосль, Нересль* и т. д., и название *Нерль* даже созвучно с названием речки *Нерлейка* в Мордовской АССР. Но судить о каком-нибудь тождестве элементов **-ль** и **-лей** довольно трудно.

Трудно также приписывать мордве некоторые названия рек с окончанием **-ля,** например, *Пурля* (Рязанская область), *Кутля, Новля* (Тамбовская область), *Минзеля* (Татарская АССР).

Очень загадочна топонимика с характерным окончанием **-мар, -мер.** Слово *мар* по-мордовски означает «курган, холмик». Однако ареал распространения топонимики этого типа довольно велик и выходит далеко за пределы Мордовии.

Названия на **-мар** встречаются на территории Марийской республики (*Килемар, Кужмар, Помар, Паратмар* и т. д.), в Чувашской республике (*Вармар, Итмар, Кишмара* и т. д), в Горьковской области (*Кемары, Кутмары, Шешмара*), в Пензенской области *(Большая Ижмора)*, в Ярославской области *(Шимарово, Ошмара)*, в Рязанской области *(Ушмар, Кочемары)* и т. д.

Несомненно, тот же элемент содержится в прежнем названии города Куйбышева — *Самара,* ср. татарское название Самары — *Самар.*

---

[1] *А. И. Попов,* Указ. работа, стр. 222.

Можно предполагать, что слово *«мар»* в значении населенного пункта, деревни было свойственно многим языкам того времени, например, языку муромы, мери, мещеры и древнемордовскому.

Изучение мордовской топонимики и гидронимики сопряжено с большими трудностями. Несомненно, что значительное число этих названий в настоящее время исчезло. Восстановить эти названия можно в какой-то мере только при использовании уже не лингвистических, а исторических свидетельств.

Непосредственное использование топонимических и гидронимических названий не дает возможности определить первоначальное ядро древней мордовской территории, так как местонахождение мордвы в том или ином районе могло быть результатом древней колонизации мордовского населения. Топонимические и гидронимические данные необходимо сочетать с другими данными.

Данные топонимики и гидронимики не всегда могут точно определить географическое расположение данного этноса. На протяжении тысяч лет мордовский язык развивался и изменялся. Не исключена возможность того, что в древнемордовском языке были какие-то другие топонимические и гидронимические показатели. Так, по одним лингвистическим данным, пребывание предков современных прибалтийских народов в Средней России представляется несомненным. Однако никакой типичной для прибалтийских языков гидронимики в Средней России нет.

Необходимо заметить, что под мордовской топонимикой и гидронимикой на вышеуказанных территориях находится какой-то другой топонимический и гидронимический слой, по-видимому, более древний и чуждый мордовскому языку. На это обратил внимание в свое время И. Н. Смирнов, который писал по этому поводу следующее:

«Если мы, установивши типы мордовских названий, обратимся к карте для того, чтобы на основании их определить более точным образом границы мордвы, то нас поразит то обстоятельство, что типических названий селений донельзя мало, а названия вод относятся все к мелким речкам. Ни одна более или менее крупная река в пределах губерний Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской не носит типичного мордовского названия. Исса, Пенза, Мокша в Пензенской губернии, Ока, Выша, Керма, Катма в Тамбовской, Ока, Теша, Кульба, Ватьма в Нижегородской, Свияга, Сура в Симбирской — чужды мордовскому языку по составу, а главным образом, по окончаниям[1].

Сначала И. Н. Смирнов пришел к выводу о том, что прародину мордвы следует искать где-то в другом месте. Однако потом он изменил свое мнение, допуская, что типичное мордовское окончание -лей могло отпасть, например, **Сура** из **Сура-лей, Мокша** из **Мокша-лей, Варма** из **Варма-лей** и т. д.[1].

---

[1] *И. Н. Смирнов,* ук. раб., стр. 7.

Однако в финно-угорских языках как раз наблюдается обратная тенденция. Название «река» как раз скорее прибавляется к иноязычным речным названиям, поскольку они ощущаются как чуждые данному языку.

Более древний гидронимический слой характеризуется характерными речными суффиксами **-ма, -га, -ра, -да, -ша,** ср. такие названия рек, как *Урга, Инга, Шошма, Тыжма, Теша, Киша* (Горьковская область). *Катма, Вопша, Выша* (Тамбовская область). *Тума, Моша, Питомша, Верда* (Рязанская обл.).

Эта гидронимика свидетельствует о том, что мордовский язык формировался на каком-то иноязычном субстрате, чем, может быть, и объясняется его большое лексическое своеобразие.

По языковым данным можно судить не только о былом территориальном местонахождении народа, но и о его древней культуре.

Языковые данные показывают, что древние уральские народы были охотниками-звероловами, ср. общие названия стрелы и лука, встречающиеся во многих уральских языках. Из домашних животных была известна только собака.

Судя по языковым данным, предки мордовского народа, входившие в западную языковую общность, стояли уже на довольно значительном по тому времени уровне культурного развития.

Они в основном вели оседлый образ жизни, о чем свидетельствует общее название дома, ср. эрзя-морд. *кудо* «дом», мар. *кудо* «усадьба, двор, шалаш», финск. *kota* «хижина».

Было известно скотоводство, ср. финск *sika* «свинья», исторически из *tika, tuka,* эрзя-морд. *туво* «свинья» из *turo;* эрзя-морд. *лишме* «лошадь», финск. *lehmä* «корова»; эрзя-морд. *ваз* «теленок», финск. *vasikka.*

Финский глагол *lypsyä* «доить» этимологически родственен эрзя-мордовскому слову *ловсо* «молоко».

Любопытно отметить, что название домашних животных в прибалтийско-финских, мордовском и марийском часто не совпадают. Ср. эрзя-морд. *скал* «корова», мар. *ушкал* «корова», но в прибалтийско-финских языках это слово не засвидетельствовано.

В прибалтийско-финских языках нет соответствий эрзя-мордовскому *реве* «овца», марийскому *имне* «лошадь» и т. д.

Развитие скотоводства, по всей видимости, осуществлялось главным образом в то время, когда предки мордовского, марийского и прибалтийско-финских народов уже не составляли тесной общности.

---

[1] *Н. Н. Смирнов,* ук. раб. стр. 8.

Скотоводство в лесостепной зоне, естественно, требовало наличия постоянных, в особенности зимних помещений для скота. Об этом свидетельствует слово *кардаз* — «хлев, загородка», которое также имеет отражение и в финском языке, ср. финск. *kartano* «хутор». Слово того же корня встречается также у коми, ср. коми-зыр. *карта* «хлев».

Развитие скотоводства, естественно, предполагает умение обрабатывать кожу и изготовлять кожаную обувь, что находит отражение в языке, ср. эрзя-морд. *кшна* «выделанная кожа» и финск. *hihna* «ремень»; эрзя-морд. *кем* «сапог», мокша-морд. *кяме* «сапог», марийск. *кем,* ср. также коми-зыр. *кӧм* «обувь».

Более плодородная почва Средней России, а также соседство с индоевропейскими народами, способствовали развитию земледелия. Финское название пшеницы *vehnä* совпадает этимологически с эрзя-мордовским *виш* «полба». Ср. также такие совпадения, как финск. *jyvä* «зерно», мокша-морд. *юв* «мякина», др.-инд. *java* «зерно». Была также известна такая культура, как ячмень, ср. эрзя-морд. *шуж* «ячмень», марийск. *шож.* К глубокой древности восходит мордовское название серпа *тарваз* из древнеиранского *darghas* «серп».

Обращает также на себя общее название соломы в финском и мордовском языках, ср. эрзя-морд. *олгт* «солома», финск. *olki* «солома», *olkinen* «соломенный». Было известно разведение конопли, ср. мокша-морд. *каньф,* мар. *кыне,* финск *hamppu* и связанное с ней изготовление полотняных тканей. Разведение конопли было, по-видимому, заимствовано у скифов. О разведении конопли у скифов упоминает в своих сочинениях греческий историк Геродот[1]. Для распахивания полей охотнее выбирались естественные поляны, не требующие специальной расчистки леса. Об этом свидетельствуют такие лексические соответствия, как мордовское диалектное *нор* «луг» и марийск. *нур* «поле», финск. *nurmi* «лужайка». Любопытно этимологическое совпадение эрзя-мордовского *веле* «деревня» и эстонского *väli* «поле», финского *väli* «промежуток», *välillä* «между».

Выбор открытых полян отчасти объясняется тем, что в древности поля не пахали, а вскапывали. Финское *kyntää* «пахать» этимологически соответствует марийскому *кунчаш* «копать».

Предкам мордвы, марийцев и прибалтийско-финских народов с давних времен было знакомо пчеловодство, ср. эрзя-морд. *мекш* «пчела», мар. *мӱкш,* мокша-морд. *меш,* финск. *mehiläinen.*

Давно было подмечено, что название пчелиных сот, эрзя-морд. *керязт* и мар. *караш, кäраш,* очень напоминают греческое слово *kēros* «воск».

Относительно близкое соседство со степными кочевниками принуждало древнее мордовское население иметь крепости. В марийском языке имеется название крепости *ор*. В мордовских языках это слово, по-видимому, не сохранилось, но оно, несомненно, когда-то существовало и звучало как *ур*. Об этом свидетельствует отчасти топонимика, ср. название населенных пунктов типа *Сунгур, Елаур* (Ульяновская область), *Сампур* (Тамбовская область), *Ерахтур, Чаур* (Рязанская область) и т. д. Названия *Сунгурово* и *Кентаурово* даже встречаются севернее Горького.

---

[1] *Геродот,* История в девяти книгах. Перевод Ф. Г. Мищенка. Москва, 1885, том. I, кн. 4, стр. 74.

Довольно широко употреблялись металлы — железо, медь, золото, а также металлические орудия, ср. названия железа эрзя-морд. *кшни* (из *kerini*) и марийск. *кӧртньӧ* «железо», эрзя-морд. *узере* «топор», финск. *vasara* «молоток». Названия металлов в языках прибалтийско-финских, мордовского и марийского народов не обнаруживают абсолютного единства. В языках пермских и марийском больше заимствований названий металлов из иранских языков, в мордовском языке их уже меньше, а в языках прибалтийско-финских народов их еще меньше.

Из транспортных средств была известна лодка, ср. финск. *vene* «лодка», кар. *veneh,* эрзя-морд. *венч,* мокша-морд. *венч*. Любопытно также наличие общего названия весла, ср. эрзя-морд. *миле* «весло», эст. *mõla,* финск. *mela* «кормовое весло», «гребок».

Известны были также лыжи, ср. финск. *suksi* «лыжи», эрзя-морд. *сокс*.

Возможно известна была телега, хотя общего названия телеги в финно-угорских языках нет. Любопытно, что эрзя-мордовское название саней *нурдо* созвучно с названием саней, употребляемых у северных народов, ср. коми-зыр. *норт* «охотничьи санки».

О древней культуре мордвы, по данным языкам, можно было бы говорить подробнее, но этот вопрос больше относится к этнографии, чем к истории.

Более значительный интерес для языковеда представляет какое-то большое передвижение южных народов в районы лесостепной зоны Средней России, имевшее весьма ощутимые последствия. Если языковые данные явно свидетельствуют о тесной территориальной и языковой общности предков современных прибалтийско-финских народов, а также марийского и мордовского народов, то чем объяснить, что в настоящее время эти языки и народы территориально разобщены, иногда очень значительными расстояниями (мордва и прибалтийско-финские народы).

Западная группа языков, выделявшихся из финно-пермской общности, на каком-то историческом этапе была чем-то разъединена, что вызвало совершенно непонятную миграцию предков современных прибалтийско-финских народов в Прибалтику, сильно потеснило предков лапландцев, или саамов, к северу, а марийцев — к северо-востоку.

А. Погодин объяснял это событие следующим образом:

«IV век нашей эры представляет собою эпоху, когда политические перевороты, смены поселений и т. п. в Южной России всколыхнули и обитателей Средней. К этому времени можно отнести два крупнейших события во внутренней истории литовского и финского племен: часть финнов двинулась на северо-запад по направлению к Финляндии и Балтийскому морю, а перед ними потянулись на запад и литовские племена, соседившие с финнами»[1].

У Погодина допущена какая-то хронологическая неувязка, так как это передвижение происходило до начала нашей эры.

Необходимо отметить, что это событие в истории мордовского народа подтверждается антропологическими данными. К. Ю. Марк в своей статье «Этническая антропология мордвы» выделяет на территории Мордовии и смежных областей пять антропологических комплексов: 1) северо-западный, 2) восточный, 3) западный, 4) центральный и 5) северо-восточный[2].

К. Ю. Марк замечает, что западный комплекс, который был выделен ею среди мокши наиболее западных районов Мордовии, по признакам второго порядка мало отличается от северо-западного комплекса (уральский тип), но носители его более темно пигментированы, чем группы, относящиеся к восточному комплексу признаков. По цвету глаз и волос носители западного комплекса больше напоминают восточновеликорусский или северопонтийский типы, выделенные Г. Ф. Дебецом среди русских по долинам рек Мокши, Цны, Оки[3].

Далее К. Ю. Марк высказывает предположение, что грацильный узколицый европеоидный тип, несомненно, имеет южное происхождение. Не исключена возможность, что на территорию Волго-Окской области он проник также вместе с фатьяновцами... Во всяком случае этот тип проник сюда из более южных степных областей, где, по-видимому, жили иранские племена[4].

После различных этнических пертурбаций, происходивших в лесостепной зоне, языки западной группы были разобщены и в условиях длительной изоляции сильно разошлись между собою. Марийский язык приблизился к пермским и получил довольно много общих черт, сближающих его с этими языками.

Можно предполагать, что в X веке мордовский народ имел какие-то связи с булгарским царством на Волге. В мордовском языке действительно есть тюркский лексический элемент. Предполагают, что язык камских булгар был близок к чувашскому, но слов чувашского облика в мордовском языке очень мало.

---

[1] *А. Погодин,* Древние литовцы. Вильно, 1920, стр. 11, 12.

[2] *К. Ю. Марк*, Этническая антропология мордвы — в сборнике «Вопросы этнической истории мордовского народа», Москва, 1961, стр. 142, 143.

[3] Там же, стр. 144.

[4] Там же, стр. 145.

В качестве примера можно привести такие параллели, как чув. *ансак* «только», эрзя-морд. *ансяк,* чув. *турат* «ветка», эрзя-морд. *тарад,* чув. *уса* «польза», «мокша-морд. *асу* и т. д.

В. Г. Егоров отмечает, что в марийском языке более 500—600 чувашских слов, в удмуртском и языке коми свыше 170, а в мордовском не более двух-трех десятков. По его мнению, мордва, только частично подпав под власть булгар, жила независимой политической жизнью[1].

Абсолютное большинство заимствованных слов тюркского происхождения в мордовском языке приближается по внешнему виду к татарскому, ср. эрзя-морд. *толкун* «волна», тат. *дулкын;* эрзя-морд. *куяр* «огурец», тат. *куяр;* эрзя-морд. *каршо* «против», тат. *каршы;* эрзя-морд. *пек* «очень», тат. *бик;* эрзя-морд. *кендял* «клоп», тат. *кандала,* эрзя-морд. *сезьган* «сорока», тат. *сызган* и т. д.

Из татарского языка мордовским языком были заимствованы некоторые сельскохозяйственные термины, например, эрзя-морд. *пакся* «поле», тат. *бахча* «сад, огород»; эрзя-морд. *сянго* «вилы», тат. *сэнэк* и т. д.

Вообще влияние языков тюркских народов на мордовские языки не отличалось особой интенсивностью. После начала систематического контакта мордвы с русскими большое влияние, как известно, оказал на мордовские языки русский язык, но этот вопрос, естественно, не будет рассматриваться в нашем докладе, поскольку в нем освещаются главным образом проблемы древней истории мордвы.

В заключение нам хотелось бы сказать о причинах распадения некогда единого мордовского языка на два больших диалекта, которые в наше время стали двумя самостоятельными языками.

Учитывая относительную близость эрзянского и мокшанского языков, можно утверждать, что разделение языков произошло не более, чем полторы тысячи лет тому назад.

Название *ариса* (по всей вероятности эрзя) упоминается в письме хазарского хана Иосифа, датируемого приблизительно 961 годом.

Очень трудно сейчас судить, почему произошло это разделение. Возможно, что его причиной были какие-то этнические передвижения, происходившие на территории древней Мордовии. Мы предполагаем, что первоначально единый мордовский этнический массив был разрезан каким-то пришлым из южнорусских степей народом тюркского происхождения. Таким народом могли быть или мещеряки или буртасы. Возможно, что это был один и тот же народ и современные мещеряки являются потомками буртасов. Подобного рода точки зрения о тождестве мещеряков с буртасами уже высказывались[1].

---

[1] *В. Г. Егоров,* Словарный состав современного чувашского литературного языка. Уч. зап. Чувашского н.-и. института языка, литературы, истории и экономики, вып. VIII. 1935, стр. 127.

Позднее, когда могущество буртасов (resp. мещеряков) ослабло, мокша устремилась вновь на прежнюю территорию, чем объясняется смешанность населения современной Мордовии, где часто на одной территории проживают татары, мишари, эрзя и мокша одновременно.

Этот очень большой и серьезный вопрос, конечно, требует специального исследования, но предварительно можно было бы выдвинуть следующие аргументы:

1. Различия в физическом облике мокши и эрзи свидетельствуют о их более или менее длительной территориальной изоляции.

2. Тюркские заимствования, встречающиеся в мордовских языках, ближе по своему облику к татарскому, но полностью не совпадают с ним, ср. эрзя-морд. *сянго* «вилы», тат. *сэнэк.* Иногда они даже расходятся по значению, например, эрзя-морд. *пакся* «поле», тат. *бакча* «сад, огород».

3. Встречающееся в мордовских языках название лошади *алаша* не типично для тюркских языков, где нормой является ат «лошадь». Оно заимствовано у буртасов и широко употребляется у современных мишарей.

4. Буртасы не оставили на территории Мордовии специфической буртасской топонимики. Это лишний раз свидетельствует о том, что они вторглись на территорию, некогда уже освоенную мордвой.

Заканчивая доклад, нам хотелось бы еще раз подчеркнуть высказанную нами в самом начале мысль, что языковые данные не воссоздают древней истории народа. Они лишь дают возможность наметить самые общие штрихи, которые для воссоздания более полной картины должны быть дополнены другими данными.

---

[1] См. статью *В. А. Васильева,* Проблема буртасов и мордвы в сборнике «Вопросы этнической истории мордовского народа». М., 1960, стр. 206, 207.

М. Н. Коляденков,
доктор филологических наук

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ МОКШИ И ЭРЗИ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

В специальной литературе по вопросам этнической истории мордовского народа об исторической общности мокши и эрзи теперь уже принято писать как о совершенно очевидном факте. Так, В. И. Козлов в очерке «Расселение мордвы» пишет: «Близость эрзянского и мокшанского языков (общность в корнях слов и основах грамматики) свидетельствует о том, что оба они возникли из древнего **общемордовского языка,** а племена эрзи и мокши — из единой **родоплеменной организации»**[1].

А. П. Феоктистов в статье «Мордовские языки и их диалекты» также не отрицает этого положения. Он отмечает, что «большое сходство мокшанского и эрзянского языков не означает их тождества. Между этими языками имеются заметные различия. Эти различия выработались в течение нескольких веков, начиная примерно с середины 1 тысячелетия, **когда наметилось разделение мордвы на мокшу и эрзю**[2].

Никаких сомнений в том, что мокша и эрзя примерно полторы тысячи лет тому назад представляли собою единую этническую группу, авторы указанных работ не высказывают, но они и не приводят никаких фактов, подтверждающих их утверждения, кроме простого упоминания об общности корнеслова и элементов грамматики.

Однако общие черты в языках племен не являются ещё достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что тысячу с небольшим лет тому назад носители этих языков представляли собой единую этническую группу. Хорошо известно, что мокша и эрзя различаются между собой и элементами материальной и духовной культуры, особенно большие различия наблюдаются в женских костюмах мокшанок и эрзянок. Все это осложняет вопрос об исторической общности эрзи и мокши.

---

[1] *В. И. Козлов,* Расселение мордвы. Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции, вып. 1. Изд-во Академии наук СССР, Москва, 1960, стр. 7.

[2] *А. П. Феоктистов,* Мордовские языки и их диалекты. Там же, стр. 71—72.

Между тем общественность Мордовии заинтересована в том, чтобы историческая общность эрзи и мокши была доказана на более достоверном материале. Особенно важное значение такое доказательство приобретает при изучении вопросов формирования мордовской народности и мордовской нации. Этот интерес возрос после научной сессии по вопросам мордовского языкознания, происходившей в ноябре 1952 года, на которой вопрос о мордовской нации ставился с большой осторожностью.

Поэтому тезис об исторической общности мокши и эрзи требует подтверждения на основе более серьёзного изучения этой проблемы. Основным объектом, изучение которого может дать ключ для решения проблемы исторической общности мокши и эрзи, является все же язык. Поэтому наш доклад будет лингвистическим.

Такие языки, как финно-угорские, в течение тысячелетий расходятся между собой, накопляя различия. Эти различия обнаруживаются в лексике, фонетике и грамматике. Чем позже — различий больше, чем раньше — различий меньше. В глубине времен — различия минимальны. Такая картина развития различий между финно-угорскими языками позволяет прийти к выводу, что финно-угорские языки восходят к общему финно-угорскому языку-основе.

Если мордовские (мокшанский и эрзянские) языки в составе финно-угорских в некую древнюю эпоху представляли собою единый общемордовский язык единой родоплеменной организаци, то развитие различий между современными мокшанским и эрзянским языками шло таким же путем, как и различий между другими современными финно-угорскими языками: чем позже — различий больше, чем раньше — различий меньше; в древние эпохи — различия минимальны. Прослеживание путей возникновения различий между мордовскими мокшанским и эрзянским языками в области лексики, фонетики и грамматики должно дать нам возможность выяснить, могут ли мокшанский и эрзянский языки восходить к единому общемордовскому языку.

Нужно сразу же сказать, что эта задача чрезвычайно сложная и исчерпывающе изложить все вопросы в рамках небольшого доклада совершенно невозможно. Поэтому в данном докладе мы хотим сообщить лишь некоторые факты, свидетельствующие о возникновении различий в лексике, фонетике и грамматике мокшанского и эрзянского языков.

По словарному составу современные мокшанский и эрзянский языки имеют большие различия. Прежде всего встречаются десятки случаев словарных расхождений, например: мокш. *алаша*, эрз. *лишме* «лошадь», мокш. *тракс,* эрзян. *скал* «корова», мокш. *цебярь,* эрзян. *вадря* «хороший», мокш. *айдямс*, эрзян. *панемс* «гнать» и т. п. Словарные расхождения в составе лексики мордовских языков представляют собою наиболее существенные различия, присущие различным языкам. Однако часто эти особые слова одного из мордовских языков оказываются представленными и в другом языке. Так, эрзянское *лишме* «лошадь» имеется и в мокшанском языке, но в ином значении — *лишме* по-мокшански не просто лошадь, а хорошая лошадь, конь. Со словом *лишме* «лошадь» в мокшанском языке случилось то же самое, что и со словом *конь* в русском языке. До проникновения из татарского слова *лошадь* в русском языке словом *конь* называли лошадь вообще, любую лошадь; после появления в русской речи татарского «лошадь» слово *конь* приобрело особую стилистическую окраску. Так же используется слово *лишме* и в современном мокшанском языке.

Эрзянское слово *скал* «корова» также имеется и в мокшанском языке, но тоже в ином значении — *скал* по-мокшански не корова, а тёлка. Кроме того, коровье масло мокшане называют и *тракс вай* и *скал вай.* В мокшанском языке имеется и эрзянское слово *вадря* «хороший», но опять-таки в другом значении, в значении «гладкий». Что касается эрзянского слова *панемс,* то в мокшанском языке оно употребляется в том же значении «гнать», что и в эрзянском языке, и является синонимом мокшанского слова *айдямс.*

Если мы будем и дальше рассматривать словарные расхождения в мордовских языках, то обнаружим то же самое: слова, замененные в каком-либо из мордовских языков особыми словами, в большинстве случаев представлены и в другом мордовском языке, но с особым, изменившимся значением. А это значит, что слова, образующие в мордовских языках словарные расхождения, являются поздними, относительно новыми словами и подавляющее большинство их представляют заимствования из других языков. Если эти слова, как слова более позднего происхождения, изъять из словарного состава мордовских языков, то окажется, что в более древнюю эпоху мордовские языки по словарному составу были значительно ближе друг другу, чем теперь.

Есть в мордовских языках словарные расхождения и другого порядка. Новые слова появились не в результате заимствования их из других языков, а возникли на мордовской почве путем словообразования, например: мокш. *шобдава,* эрзян. *валске* «утро», «утром». Ясно, что слова подобного рода появились в каждом из мордовских языков сравнительно поздно, так как в эрзянском языке также есть слово *чоподава* «затемно», «пока ещё темно», «пока не рассвело» (уехать затемно), а в мокшанском есть слово *валдста* «засветло». Развитие их значения происходило независимо от влияния мокшанского языка на эрзянский и наоборот. Если изъять из словарного состава мордовских языков и эти слова (а их достаточно много), как более позднего образования, то в некую более древнюю эпоху мордовские языки окажутся по своему словарному составу ещё ближе друг другу.

Поступая таким образом и дальше, мы обнаружим, что в глубине времён оба мордовских языка имели в основном один и тот же общемордовский словарный состав. В лексическом отношении это был один общемордовский язык. Перейдем к фактам фонетики.

В настоящее время фонетические различия между мокшанским и эрзянским языками довольно значительны. Прежде всего современные мордовские языки различаются ударением. В эрзянском языке ударение не используется как средство образования слов. Естественно, при произнесении слова слоги не могут быть совершенно равными по силе произнесения, и создается впечатление, что на тот или иной слог падает ударение. Но это «ударение» свободно переставляется на любой слог слова, например: *ку́нсолома* «слушание», но можно услышать без разницы в значении *кунсо́лома, кунсоло́ма* и *кунсолома́*.

В мокшанском языке ударение падает в основном на первый слог. Но если в первом слоге или в нескольких первых слогах подряд наличествуют **у, и** (ы) или возникший из них редуцированный гласный, а дальше следует **а**, то ударение падает на этот **а**. Эта особенность ударения современного мокшанского языка в прошлом была присуща и эрзянскому языку. Наблюдая выпадение гласных первого слога, можно увидеть это былое сходство. Выпадение гласного возможно только в неударяемом положении. Если эрзянский материал показывает, что в первом слоге выпадали только **у** и **и** (ы), но не другие гласные, то мы вправе заключить, что неударяемыми в первом слоге могли быть только **у** и **и** (ы), другие же гласные в первом слоге были ударяемыми. Но **у** и **и** (ы) не всегда выпадали. Они выпадали в том случае, если во втором слоге был **а** или такие же **у, и** (ы), а за ними опять-таки **а**. Этот **а**, находясь после **у, и** (ы) или после нескольких **у, и** (ы) подряд, был носителем ударения. Это наблюдение над выпадением **у, и** (ы) первого слога принадлежит Д. В. Бубриху.

Итак, в прошлом эрзянское и мокшанское ударения подчинялись одинаковым закономерностям.

Различия между мокшанским и эрзянским языками имеются и в составе фонем. Так, эрзянский язык имеет пять гласных фонем, а мокшанский — семь: особыми фонемами в мокшанском языке являются **ӓ** (**а** переднего ряда) и редуцированный гласный.

В отношении фонемы **ӓ** следует сказать, что она наличествует и в части эрзянских диалектов, но используется обратно, т. е. фонеме **э** в эрзянском языке соответствует фонема **ӓ** в мокшанском, а там, где в эрзянском фонема **ӓ**, в мокшанском ей соответствует фонема **э**, например: эрзян. *кэд'* «рука», мокш. *кӓд'*, эрзян. *кӓд'* «кожа», мокш. *кэд'*. Исследование вокализма непервых слогов позволяет установить, что некогда фонема **ä** была и в тех эрзянских диалектах, где теперь ее нет — налицо только **э**, но использовалась она в эрзянском языке опять-таки иначе, чем в мокшанском языке. Как показывают родственные языки, мокшанская трактовка **ä** и **э** является более древней. например: в финском суоми *кäси'* (мокш. *кäд',* эрзян. *кэд')* «рука» и *кэси* (мокш. *кед',* эрзян. *кäд')* «кожица», «оболочка» или в карельском *кäз'и* (мокш. *кäд',* эрзян. *кэд')* «рука» и *кэз'и* (мокш. *кэд',* эрзян. *кäд'*) «кожица», «пленка».

Таким образом, различие между **э** и **ä** в большинстве современных эрзянских диалектов исчезло в пользу одного **э.** Но отсутствие различия между **ä** и **э** в тех или других эрзянских диалектах еще не служит указанием на то, что это различие им было всегда чуждо. Так, в 1946 году нами было замечено, что во многих эрзянских диалектах при **э** в первом слоге слова в непервых слогах появляется то **э**, то **и**, например: *т'эл'э* «зима», *т'эл'эн'* «зимы», то *вэл'э* «село», *вэл'ин'* «села», *сэпэй* «горький», но *сэр'ий* «высокий» и т. п. Дальнейшие исследования показали, что в этих эрзянских диалектах в непервых слогах слова вокализм строится так, как если бы в первом слоге различались **э** (в соответствии с мокшанским **ä**) и **ä** (в соответствии с мокшанским **э**), например: эрзян. *кэмэн'* при мокшанском *кäмэн'* «сапога», но эрзян. *кэмин'* при мокшанском *кэмен'* «десять» и т. п. Это нам дает право сделать вывод, что количество эрзянских диалектов, которым когда-то было свойственно различие между **э** и **ä**, было значительно большим по сравнению с количеством диалектов, которым оно свойственно теперь. Не исключается, что когда-то это различие было свойственно эрзянскому языку вообще. Не приходится также сомневаться и в том, что когда-то эрзянский язык использовал фонемы **ä** и **э** не обратно по отношению к мокшанскому языку, а в соответствии с ним. На это указывает использование этих фонем в родственных языках. То обстоятельство, что в части эрзянских диалектов установилось обратное по отношению к мокшанскому языку использование фонем **ä** и **э,** ничего особенного не представляет. В истории различных языков можно найти немало примеров установления подобного обратного соотношения между фонемами.

Таким образом, выясняется, что когда-то состав гласных фонем в эрзянском и мокшанском языках был одинаков.

В области фонетики наибольшие различия между современными эрзянским и мокшанским языками представляют собою явления в области вокализма непервых слогов. Для эрзянского языка весьма характерно, что **о** (у) во втором слоге и дальнейших слогах в определенных условиях заменяются через **э** (и), а **д, л, н, р, т** в тех же условиях смягчаются. Это явление называется перезвуковкой. Условий перезвуковки два: первое — если в предшествующем слоге имеется передний гласный **э** или

и (ы), например: *кудо* (куду) «дом», *кудосо* (кудусу) «в доме», *кудодо* (кудуду) «о доме», *кудот* (кудут) «дома» и рядом *веле* (вели) «село», *велесэ* (велисы) «в селе», *веледе* (велиди) «о селе», *велеть* (велить) «села»; второе — если предшествует мягкий согласный (в том числе также **й**), например: *сур* «палец», *сурсо* (сурсу) «пальцем», *сурдо* (сурду) «о пальце», *сурт* «пальцы» и рядом *парь* «кадушка», *парьсэ* (парьсы) «в кадушке», *парде* (парди) «о кадушке», *парть* «кадушки».

В современном мокшанском языке явлений перезвуковки нет. Но сохранились следы, которые говорят, что некогда и мокшанский язык знал те же закономерности перезвуковки, что и эрзянский язык. Однако следы эти в большом количестве случаев утеряны.

В мокшанском языке, как и в эрзянском, в непервых слогах слова когда-то были известны лишь **а, у** и **и** (ы). В эрзянских диалектах **у** и **и** (ы) в непервых слогах слова или сохранились как **у** и **и** (ы) (таких диалектов немного) или развились соответственно в **о** и **э** (таких диалектов, наоборот, много). Развитие старых **у** и **и** в непервых слогах слова соответственно в **о** и **э** полностью сохранило цепочный характер следования гласных в непервых слогах слова в эрзянском языке. В мокшанском языке старые **у** и **и** в непервых слогах слова в безударном положении совпали в одном редуцированном гласном. Это послужило причиной нарушения старого порядка следования гласных в непервых слогах слова в мокшанском языке. И все же старая закономерность следования гласных в непервых слогах слова в мокшанском языке обнаруживается в ряде довольно убедительных примеров. Д. В. Бубрих обращает внимание на следующее обстоятельство. Хотя старые **у** и **и** (ы) непервого слога слова в мокшанском языке в громадном большинстве случаев совпали в одном редуцированном гласном, но их былое различие сказывается в том, что после редуцированного гласного из **у** перед нами нет смягчения согласных, а после редуцированного гласного из **и** (ы) оно обычно есть. Такие случаи, как *ингэл’кс* «передник», объяснимы только из таких случаев, как *ингил’кс*, но никак не из таких случаев, как *ингул’кс:* мягкость **л’** обусловлена в свое время предшествующим **и**[1].

Былая закономерность вокализма непервых слогов слова в мокшанском языке сказывается и на таких примерах смягчения согласных в мокшанском языке, как, с одной стороны, *кизэ* «год» и *кизот* «годы» и, с другой стороны, *мазы* «красивый» и *мазыхт’* «красивые»: мягкость **т’** во втором случае обусловлена предшествующим гласным переднего ряда **и** (ы).

Таким образом, когда-то в закономерностях следования гласных в непервых слогах слова в эрзянском и мокшанском языках различий не было. Эта общемордовская закономерность следования гласных в непервых слогах слова находит некоторую параллель в сингармонизме гласных в родственных языках: финском (суоми), карельском и др.

---

[1] *Д. В. Бубрих,* Историческая грамматика эрзянского языка, Мордовское книжное издательство, Саранск, 1953, стр. 184.

Современные эрзянский и мокшанский языки отличаются между собой и по составу согласных фонем.

В некоторой части эрзянских диалектов существует согласная заднеязычная фонема **н^{г}**, например, *кон^{г}* «луна», *с’эд’эн^{г}* «сердце», *салон^{г}* «солёный», *сэр’эн^{г}* «высокий», *кудон^{г}* «домой», *вир’эн^{г}* «в лес» и т. п.

В других эрзянских диалектах вместо фонемы **н^{г}** мы находим: после задних гласных **в** (иногда й), после передних гласных **й** (иногда **в**), например: вместо *кон^{г} — ков,* вместо *с’эд’эн^{г}— с’эд’эй,* вместо *салон^{г} — салов,* вместо *сэр’эн^{г} — сэр’эй* (иногда сэр’ев), вместо *кудон^{г} — кудов* (иногда кудой), вместо *вир’эн^{г}— вир’эв* (иногда вир’ей) и т. п. Переход фонемы **н^{г}** в **в** и **й** представляет собою сложный путь развития этой фонемы в эрзянском языке.

В современном мокшанском языке фонемы **н^{г}** нет. Но когда-то она была и в мокшанском языке. На это указывают такие мокшанские случаи, как *салу* «соленый», *с’эр’и* «высокий», и т. п. То обстоятельство, что формы типа *куду* «домой» в мокшанском языке чередуются с формами типа *паксяв* «в поле», показывает, что раньше формы типа *салу* «соленый» имели форму *салув,* а форма множественного числа *с’эр’и^{х}ть* «высокие» прямо указывает на наличие **й** в составе этой формы (**йх**), т. е. раньше форма единственного числа была *с’эр’ий.* Формы *салув, с’эр’ий* в свою очередь указывают на **н^{г}**-овое начало, т. е. когда-то *салув, с’эр’ий* имели формы *салун^{г}, с’эр’ин^{г}.*

В современном мокшанском языке имеются еще особые согласные взуки: глухие **лх, рх, льх, рьх** и **йх,** которых нет в эрзянском языке. Но это сравнительно новые фонемы в мокшанском языке. Они возникли вследствие действия следующих закономерностей: все звонкие согласные в положении перед глухими, исключая **с, с’, ш,** заменились через глухие. Такие замены имеют место и в других языках, но они редко знаменуют собою появление новых фонем. Так, в русском языке **б** в слове *зубы,* заменяется через **п** в слове *зупки* (зубки), но это не привело к появлению новой фонемы, так как фонема **п** была в русском языке и до такой замены. Точно также замена **з** в слове *сказы* через **с** в слове *скаски* (сказки) не привела к появлению новой фонемы, т. к. фонема **с** также была в русском языке и до этой замены.

В мокшанском языке **н, н’, м** перед глухими **т, т’** заменяются через **т, т’, п,** например: *сант* «жилы» перешло в *сатт, нупон’т’* «мхи», перешло в *нупот’т’, пиземт* «дожди» перешло в *пизепт.* но такая замена не привела к появлению новой фонемы, т. к. фонемы **т, т’, п** в мокшанском языке были и до такой замены.

В мокшанском языке **в** перед глухими **т, т'** заменяется через **ф**, например: *ловт* «снега» перешло в *лофт, т'евт* «дела» перешло в *тефт'*. Эта замена привела к появлению новой фонемы: до этого у мокши **ф** не было.

В мокшанском языке **л, л', р, р', й** перед глухими **т, т'** заменяются соответственно через **лх, л'х, рх, р'х, йх**, например: *валт* «слова» перешло в *валхт, пäл'т'* «колья» перешло в *пал'хт', панарт* «рубашки» перешло в *панархт, пар'т'* «кадушки» перешло в *пар'хт', вайть* «масла» перешло в *вайхт'*. Эта замена также привела к появлению новых фонем — глухих **лх, л'х, рх' р'х** и **йх.**

Таким образом, появление глухих фонем **лх, л'х, рх, р'х, йх** в мокшанском языке явление сравнительно новое; в старом мокшанском языке их не было.

Вместе со словарными заимствованиями из русского языка, или через русский язык, в мордовские языки вошла новая фонема **х**, а в эрзянский язык также фонема **ф.** В мокшанском языке, как мы видели, фонема **ф** появилась на собственной почве, вследствие изменения фонемы **в.** Как бы то ни было, но ни в старом эрзянском, ни в старом мокшанском языках фонем **х** и **ф** не было.

Подытоживая анализ развития фонетических различий между эрзянским и мокшанским языками, мы приходим к следующим положениям:

1. Некогда, в достаточно отдаленное от нас время, в эрзянском и в мокшанском языках ударение падало в основном на первый слог слова. Неударяемыми в первом слоге или в нескольких первых слогах были **у** и **и**, если дальше за ними следовал **а**, на который и падало ударение. Были, разумеется, отдельные единичные отклонения или исключения, без которых дело вообще ни в одном языке не обходится.

2. В то отдаленное от нас время и в эрзянском, и мокшанском языках было шесть гласных фонем; из задних гласных: **а, о, у,** из передних гласных: **ӓ, э, и**(ы). Эти шесть гласных фонем употреблялись только в первом слоге слова, а в непервых слогах слова в обоих языках были только три гласные фонемы: **а, у, и**(ы).

3. По отношению к гласным непервого слога в обоих языках существовала следующая закономерность:

у непервого слога заменялось через **и** (ы) в случаях:

а) если в предшествующем слоге был передний гласный **ӓ, э** или **и** (ы) или же **и** (ы) в свою очередь заменившие **у,** например: *кудуду* «от дома», *кудусу* «в доме», но *вел'ид'и* «от села», *вел'ис'ы* «в селе» и т. под.;

б) если предшествовал какой-нибудь мягкий согласный, в том числе также **й,** например: *кал* «рыба», *калду* «от рыбы», *калсу* «в рыбе», но *кал'* «ива», *кал'д'и* «от ивы», *кал'сы* «в иве»; *л'ӓй* «река», *л'ӓйд'и* «от реки», *л'ӓсы* «в реке» и т. п.

Эта замена **у** через **и** (ы) носила цепочный характер и находила отражение в родственных языках: в финском-суоми, карельском, венгерском и др.

4. Состав согласных фонем в то отдаленное от нас время в обоих языках — и в эрзянском и в мокшанском — был один и тот же. Оба языка имели следующие согласные фонемы: из губных согласных — **б, п, в, м;** из переднеязычных согласных — **д, т, з, с, ц, л, р, н, д’, т’, з’, с’, ц’, л’, р’, н’, ж, ш, ч;** из среднеязычных согласных — **й;** из заднеязычных — **г, к, нг.**

Таким образом, как представляется нам из разобранного выше материала, древнемордовская речь в фонетическом отношении не распадалась, как теперь, на две разновидности, а была единообразной. Это касается, разумеется, основных фонетических фактов: состава фонем, ударения, основных закономерностей вокализма и консонантизма, т. е. всего того, что характеризует язык со стороны его фонетики. Отдельные же различия в произношении между различными группами народа, разумеется, были, как есть они в любом языке, у любого народа и теперь.

Перейдем к грамматическим особенностям.

При исследовании грамматических различий между эрзянским и мокшанским языками, которые в современном состоянии этих языков довольно значительны, бросается в глаза тот факт, что наиболее древние грамматические формы этих языков имеют минимальные различия, и, наоборот, формы более поздние характеризуются большими расхождениями. Этот факт свидетельствует о том, что наиболее древние формы сложились в общемордовской среде, тогда как формы, обнаруживающие различия, по-видимому, в общемордовском языке только намечались. Окончательно они оформились после распада единого мордовского языка.

Современная мордовская грамматика представляет собою систему форм именного словоизменения, глагольного словоизменения и форм формообразования и словообразования.

Именное словоизменение представляется в виде изменения имен по числам и падежам, что обычно называют склонением.

По своим особенностям мордовское склонение распадается на три разновидности: 1) основное (неопределенное) склонение, 2) указательное (определенное) склонение и 3) притяжательное склонение.

В основном склонении в эрзянском языке 11 падежей, в мокшанском — 12. Это уже большое различие в области склонения между эрзянским и мокшанским языками. Однако вопрос о составе падежей в мордовских язкыах разрешен не вполне удовлетворительно. Некоторые падежеобразные формы имен не включены в состав падежей, и, наоборот, отдельные падежи не имеют достаточных признаков для того, чтобы быть включенными в состав падежей. Это обстоятельство в известной степени осложняет установление различий в области склонения между мокшанским и эрзянским языками.

Различия в основном склонении сводятся к фонетическим разновидностям падежных окончаний. Представляется это в следующем виде:

1. **Номинатив,** именительный падеж. Представляет чистую основу, например: *мода* «земля», *веле* «село».

2. **Генитив,** родительный падеж. В обоих языках имеет окончание **-нь,** например: *мода-нь* «земли», *веле-нь* «села».

3. **Датив,** дательный падеж. В эрзянском языке имеет окончание **-нень,** в мокшанском **-нди,** например: эрзян. *мода-нень,* мокш. *мода-нди* «земле», эрзян. *веле-нень,* мокш. *веле-нди* «селу».

4. **Аблатив,** отложительный падеж. В эрзянском языке имеет окончание **-до, -де,** в мокшанском **-да,** например: эрзян. *мода-до,* мокш. *мода-да* «от земли», эрзян. *веле-де,* мокш. *веле-да* от села.

5. **Инессив,** местный падеж. В эрзянском языке имеет окончание **-со, -сэ,** в мокшанском — **-са,** например: эрзян. *мода-со,* мокш. *мода-са* «в земле», эрзян. *веле-сэ,* мокш. *веле-са* «в селе».

6. **Элатив,** исходный падеж. В эрзянском языке имеет окончание **-сто, -стэ,** в мокшанском **-ста,** например: эрзян. *мода-сто,* мокш. *мода-ста* «из земли», эрзян. *веле-стэ,* мокш. *велеста* «из села».

7. **Иллатив,** вносительный падеж. В обоих языках имеет окончание **-с,** например: *мода-с* «в землю», *веле-с* «в село».

8. **Пролатив,** переместительный падеж. В обоих языках окончание **-ва,** после согласных **-га,** например: *мода-ва* «по земле», *веле-ва* «по селу», эрзян. *кардаз-га* «по двору», мокш. *куд-га* «по дому».

9. **Компаратив,** сравнительный падеж. В обоих языках имеет окончание **-шка,** например: *мода-шка* «с землю», *веле-шка* «с село» (величиной).

10. **Транслатив,** превратительный падеж. В обоих языках имеет окончание **-кс,** например: *мода-кс* «как земля», подобно земле», *веле-кс* «как село, подобно селу».

11. **Абессив,** изъятельный падеж. В эрзянском языке имеет окончание **-втомо, -втеме,** в мокшанском **-фтома,** например: *мода-втомо* «без земли», *веле-втеме* «без села», мокш. *мода-фтома* «без земли», *веле-фтома* «без села».

12. **Каузалис,** причинный падеж. В эрзянском языке отсутствует, в мокшанском имеет окончание **-нкса,** например: *мода-нкса* «за землю», *веле-нкса* «за село».

Таким образом, основное склонение в обоих языках представляет собою единую стройную систему. Различие в количестве падежей (в эрзянском языке 11 падежей, а в мокшанском — 12) не нарушает ее стройности. Мы уже указывали, что это обстоятельство является результатом недостаточно удовлетворительного разрешения вопроса о составе падежей в мордовских языках. Д. В. Бубрих, например, утверждал, что в мокшанском языке меньше падежей, чем в эрзянском, т. е. всего 9 падежей. Каузальные образования типа *моданкса, веленкса* и транслативные — типа *модакс, велекс* Д. В. Бубрих в состав падежей мокшанского языка не вводил[1]. В данном случае существенно не включение тех или иных форм в состав падежей в учебниках мордовских языков, а важно установить, имеются ли эти формы в обоих мордовских языках и как они выражены.

Кроме перечисленных выше падежных форм, такими образованиями мы можем указать еще и следующие:

1. **Лативные** (направительные) образования типа эрзян. и мокш. *паксяв* «в поле», эрзян. *кудов,* мокш. *куду* «домой», эрзян. *вирев,* мокш. *вири* «в лес».

2. **Темпоральные** (временные) образования типа эрзян. *телень чине,* мокш. *тялонь шиня* «в зимний день», эрзян. *те иене,* мокш. *тя кизоня* «в этот год».

3. **Комитативные** (сопроводительные) образования типа эрзян. *кудонек,* мокш. *куднек* «всем домом», эрзян. и мокш. *веленек* «всем селом».

4. **Вокативные** (звательные) образования типа эрзян. *авай,* мокш. *тядяй* «мама, матушка», эрзян. *тетяй,* мокш. *аляй* «папа, батюшка».

Что касается **каузальных** (причинных) образований, то в эрзянском языке формальная часть *кисэ* (мокш. *инкса*) «за» употребляется отдельно от основы слова, например: *тень кисэ* «за то, по этой причине». В ряде случаев это — просто орфографический момент.

Итак, первичные (именные) словоизменительные формы, или формы основного склонения, и группирующиеся вокруг него падежеобразные формы в обоих мордовских языках представлены одинаково. Неодинаковые падежные окончания объясняются различиями фонетическими.

Так, различия окончаний аблатива (в эрз. **-до, -де,** в мокш. только **-да**), различия окончаний местных падежей (в эрз. **-со** и **-сэ, -сто** и **-стэ,** в мокш. только **-са** и **-ста**), различия окончаний абессива (в эрз. **-втомо** и **-вteme,** в мокш. только **-фтома**) объясняются утратой гармонии гласных в мокшанском языке и появлением в мокшанском языке фонемы **ф** из **в.**

Прочие варианты падежных окончаний также объясняются дествующими фонетическими закономерностями мордовских языков. Звонкий **д** окончания аблатива после глухих основ в обоих языках заменяется глухим **т:** эрз. *сёксь-те,* мокш. *сёксь-та* «от осени», эрз. *ош-то,* мокш. *ошта* «от города». Звонкий **г** окончания пролатива после глухих основ также заменяется глухим **к:**

---

[1] *Д. В. Бубрих,* Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск, 1953, стр. 193.

эрз. и мокш. *киякс-ка* «по полу (помещения)», эрз. и мокш. *кенкш-ка* «через дверь», «в дверь (выйти)».

Из всего этого можно сделать вывод, что все формы первичного именного словоизменения имеются в обоих мордовских языках. Падежные окончания, несмотря на наличие отдельных фонетических расхождений, в основном одинаковы.

Признаками множественного числа основного склонения в обоих языках являются **т (ть)** и **-н (нь)**.

Если в первичных формах именного словоизменения, т. е. в формах основного склонения, существенных различий между мокшанским и эрзянским языками нет, а те, что имеются, сводятся лишь к фонетическим вариантам, то в притяжательном склонении эти различия уже довольно значительны.

С этой точки зрения обращают на себя внимание двоякого рода формы притяжательного склонения: формы, совершенно одинаковые в обоих языках во всех падежах, и формы в одном языке, совершенно отличные от форм в другом языке.

К первым, одинаковым в обоих языках формам, относятся формы косвенных падежей — аблатива, инессива, элатива, иллатива, пролатива, компаратива и абессива, например: **аблатив:** эрзян. *кудо-дон,* мокш. *кудо-тон* «от моего дома»; **инессив:** эрзян. *кудо-сот,* мокш. *куд-сот* «в твоём доме», **элатив:** эрзян. *кудо-стонзо,* мокш. *куд-стонза* «из его дома» и т. д.

Ко второго рода формам, т. е. формам не имеющим параллелей, относятся формы номинатива, генитива и датива. Показателями этих падежей являются: **номинатива** со значением «мой» эрзян. **-м,** мокш. **-зе** (*кудо-м—кудо-зе* «мой дом»), генитива — эрзян. **-нь,** мокш. **-зень** (*кудо-нь — кудо-зень* «моего дома»), датива — эрзян. **-нень,** мокш. **-зенди** (*кудо-нень — кудо-зенди* «моему дому»); номинатива со значением «твой» — эрзян. **-т (ть)** мокш. **-це** (*кудо-т — куд-це* «твой дом»), генитива — эрзян. **-ть,** мокш. **-цень** (*кудо-ть — куд-цень* «твоего дома»), датива — эрзян. **-тень,** мокш. **-ценди** (*кудо-тень — куд-ценди* «твоему дому»); номинатива со значением «его» — эрзян. **-зо,** мокш. **-ц** (*кудо-зо — кудо-ц* «его дом»), генитива — эрзян. **-нзо,** мокш. **-нц** (*кудо-нзо — кудо-нц* «его дома»), датива — эрзян. **-нстэнь,** мокш. **-нцты** (*кудо-нстэнь — кудо-нцты* «его дому»); номинатива со значением «наш» — эрзян. **-нок (-нек),** мокш. **-ньке** (*кудо-нок — кудо-ньке* «наш дом»), генитива — эрзян. нет. мокш. **-ньконь** (*минек кудонть — кудо-ньконь* «нашего дома»), датива — эрзян. нет, мокш. **-нькенди** (*минек кудонтень — кудо-ньконди* «нашему дому»); номинатива со значением «ваш» — эрзян. **-нк,** мокш. **-нте** (*кудо-нк — кудо-нте* «ваш дом»), генитива — эрзян. нет, мокш. **-нтень** (*тынк кудонть — кудо-нтень* «вашего дома»), датива -- эрзян. нет. мокш. **-нтенди** (*тынк кудонтень — кудо-нтенди* «вашему дому»); номинатива со значением «их» — эрзян. **-ст,** мокш. **-сна** (*кудо-ст — кудо-сна* «их дом»), генитива — эрзян. нет, мокш. **-снон** (*сынст кудонть — куд-снон* «их дома»), датива —

эрзян. нет, мокш. **-сонды** (*сынст кудонтень — куд-сонды* «их дому»).

Здесь в числе восемнадцати пар форм нет ни одной пары со сходными показателями. Это тем более разительно, что далее, начиная с аблатива, во всех косвенных падежах в обоих языках наблюдается полный параллелизм. Это объясняется тем, что для форм косвенных падежей притяжательного склонения, начиная с аблатива, вполне достаточны были формы косвенных падежей основного склонения с присоединением к ним показателя притяжательного ряда. А в основном склонении, как мы видели, нет различий.

Иначе обстояло дело при создании форм первых трех падежей. Здесь создавались новые формы, правда, в генитиве и дативе с использованием элементов основного склонения. Для выражения же идеи принадлежности в эрзянском языке приняли участие личные местоимения, а в мокшанском, кроме того, и указательные местоимения. Расхождение наметилось уже в самом начале, т. е. при выборе средств построения форм.

Так, для форм значения **монь** «мой» номинатив в эрзянском языке оформлен показателем **-м:** *кудо-м* «мой дом», в мокшанском — показателем **-зе:** *кудо-зе* «мой дом». Оба показателя по происхождению связаны с личными местоимениями — эрзянский с местоимением первого лица, а мокшанский с местоимением третьего лица. Этот **з**-овый показатель был использован в эрзянском языке для образования формы значения «его»: *кудо-зо* «его дом», а в мокшанском — для образования формы значения «мой»: *кудо-зе* «мой дом».

Для формы значения **тонь** «твой» номинатив в эрзянском языке оформлен показателем **т-:** *кудо-т* «твой дом». В образовании этой формы приняло участие личное местоимение второго лица. В мокшанском языке показателем значения «твой» в номинативе служит **-це:** *куд-це* «твой дом». В образовании этой формы приняло участие указательное местоимение. На это ясно указывает форма номинатива значения «твой» в множественном числе: *куд-тне* «твои дома».

Итак, все формы первых трех падежей, т. е. все восемнадцать форм, которые мы рассмотрели, образованы с помощью особых средств в каждом языке. А это значит, что развитие форм притяжательного склонения и их окончательное оформление проходило в эпоху раздельного, самостоятельного существования каждого из мордовских языков.

Оригинальное явление представляет собою в мордовских языках указательное (определенное) склонение. Замечательно оно тем, что определенного склонения нет ни в одном из других родственных финно-угорских языков. Но оно имеется в обоих мордовских языках. В плане нашей темы это обстоятельство важно как факт, свидетельствующий о тесной близости мордовских языков.

В указательном склонении в эрзянском языке 10 падежей, в мокшанском — только 3: номинатив, генитив, датив. Формы этих падежей, за исключением номинатива, не имеют параллелей в эрзянском языке. Таким образом, в указательном склонении, как и в первых трех падежах притяжательного склонения, обнаруживаются большие различия.

Глагольное словоизменение в мордовских языках представлено в виде сказуемостного изменения неглагола, изменения глагола по лицам и числам субъекта (безобъектное спряжение) и изменения глагола по лицам и числам субъекта и объекта (субъектно-объектное спряжение).

Сказуемостное изменение неглагола и безобъектное спряжение глагола в обоих языках представлены совершенно одинаково. Различия в формах объясняются причинами фонетического порядка.

Сказуемостное изменение неглагола — это изменение имени и любого иного неглагола в позиции сказуемого по лицам и числам субъекта, подобно глаголу: ср. эрзян. и мокш. *од-ан* «я молод», *од-ат* «ты молод», эрзян. *од-тано,* мокш. *од-тама* «мы молоды», эрзян. *од-тадо,* мокш. *од-тада* «вы молоды» и т. п.

Сказуемостное изменение неглагола замечательно тем, что оно не встречается ни в одном из родственных языков, исключая самодийские. Оно, как и указательное склонение, является отличительной особенностью мордовских языков, объединяя их и отличая от других родственных языков. Любопытно то, что и указательное склонение и сказуемостное изменение неглагола в самодийских языках, например, в ненецком, представлены совершенно так же, как и в мордовских языках[1].

Объектное спряжение глагола также представляет очень интересное явление. Его формы содержат показателей субъекта и объекта действия: ср. эрзян. *сода-самам,* мокш. *сода-самань* «он меня знает», эрзян. *сода-тан,* мокш. *сода-те* «я тебя знаю» и т. п. В других родственных языках объектное спряжение также не встречается, кроме венгерского, обско-угорских и самодийских языков. По составу форм объектное спряжение в мордовских языках представляет собою чрезвычайно сложную систему. Это изменение глагола по трем лицам, двум числам и шести рядам объекта в семи наклонениях. Образуется по меньшей мере около сотни различных форм одного и того же глагола. Формы объектного спряжения в одном языке отличаются от соответствующих форм в другом языке, но от показа этих различий я отказываюсь ввиду большой сложности самих форм. Достаточно продемонстрировать эти различия на двух-трех приведенных примерах.

---

[1] См. сообщение Р. С. Ширманкиной «Способы связи слов как показатели отношений мордовских языков к другим финно-угорским».

По составу наклонений, а их в каждом языке семь, и по их показателям мордовские языки расхождений не имеют. Есть некоторые различия фонетического порядка. То же самое надо сказать относительно состава и форм времен глагола: в каждом языке они представлены одинаково.

Остается нам вспомнить еще лишь о словообразовательных и формообразовательных средствах мордовских языков. Следует сказать, что все основные суффиксы словообразования **и** формообразования в обоих языках одни и те же. Некоторые малопродуктивные суффиксы, вроде эрзянских собирательных **-де**, **-день**, (*ави-день* «у моей матери с другими»), отсутствуют в мокшанском языке, другие в ходе истории получили фонетические разновидности, например, глаголообразующие в мокшанском языке **-нд** из **нз-**, **пн** из **мн**, **-пт** из **мт**: *ково-нз-амс* и *ково-ндамс* «окаменеть», *келе-м-омс* «расшириться» и *келе-пн-емс* из *келе-м(-т)немс* «расширять», *акше-пт-омс* из *акше-мт-омс* «побелить» и некоторые другие. Основной же инвентарь словообразовательных средств в обоих языках представлен одинаковыми суффиксами. Значительная часть этих суффиксов имеется в других родственных языках, а другие представляют собою варианты общих финно-угорских суффиксов.

Подытоживая анализ грамматических различий между мокшанским и эрзянским языками, мы приходим к следующим выводам:

1. Первичные формы словоизменения — основное склонение, сказуемостное изменение неглагола и безобъектное спряжение глагола не имеют различий, в обоих языках эти формы представлены одинаково.

2. Словообразовательные формы, как древнейшие формы, также образуются в обоих языках с помощью одинаковых суффиксов.

3. Грамматические различия в мордовских языках наблюдаются преимущественно в формах, развитие которых проходило в более поздние исторические периоды жизни этих языков. В условиях изоляции могли, конечно, изменяться и старые формы.

Все это вместе взятое приводит нас к следующему общему итогу:

Современное состояние мордовских языков характеризуется большими различиями, в древнейшую эпоху этих различий было значительно меньше, а в ряде случаев они могут быть сведены к нулю. Такая картина образования различий между мордовскими языками позволяет нам прийти к выводу, что мокшанский и эрзянский языки развились из общего языка основы мордовских языков. Этот общий язык, естественно, был общим единым языком единой общемордовской родоплеменной организации.

В. Я. Евсеев,
доктор филологических наук

СВЯЗИ ФОЛЬКЛОРА МОРДВЫ И ДРУГИХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В СВЕТЕ ИХ ИСТОРИИ

Фольклор мордвы и других финно-угорских народов можно считать одним из существенных источников изучения их этногенеза, их истории.

Характер взаимосвязей в фольклоре этих народов, как и в их материальной культуре, их языке в известной мере определяется установлением и развитием древних контактов между финно-угорскими племенами.

Известно, что юго-восточными соседями мордвы были те угорские племена, которые, будучи оттеснены печенегами и другими кочевниками на запад, образовали венгерский народ. Их ближайшие родичи обские угры — ханты и манси — в древности жили, видимо, также по соседству с мордовскими племенами.

Однако самыми близкими соседями мордвы в прошлом были прибалтийско-финские племена и, в частности, этнические группы, принявшие участие в этногенезе эстонцев, карел и вепсов (летописной веси). Наконец, на протяжении тысячелетий с мордвой устанавливали взаимоотношения не только летописная меря, марийцы-черемисы, но и родственные им пермские народы: коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты.

Этно-культурное единство, общность в фольклоре финно-угорских народов не исключают появление исторических связей мордвы с русским и другими восточно-славянскими народами, с литовцами и вообще балтийцами, а также с тюркскими народами.

Соответственно этому при помощи отдельных фольклорных параллелей у мордвы и других финно-угорских народов можно иллюстрировать не только их генетическое единство, но и иногда типологические связи в их фольклоре. Иначе говоря, к фольклору мордвы и других народов необходимо подойти с учетом конкретных исторических условий развития этих народов. Тут нужно оговориться, что для появления одинаковых явлений в фольклоре не всегда было необходимо общение широких масс населения, подчас было достаточным длительное соприкосновение отдельных групп или отдельных представителей этих народов.

Установившееся в глубокой древности генетическое единство архетипов произведений разных жанров фольклора финно-угорских народов, как и в других случаях их типологическое сходство, в последующие исторические периоды осложнялось условиями самобытного развития этих образцов устной поэзии у каждого народа в отдельности; поэтому наряду с их очевидной близостью необходимо отметить и существенные различия между ними. Здесь придется касаться преимущественно идейно-исторического, сюжетно-тематического содержания песенного фольклора. На общности поэтики фольклора финно-угорских народов нет возможности останавливаться, но частично этой теме посвящена помещаемая ниже статья Л. С. Кавтаськина.

Наиболее древними, общими пластами в фольклоре многих народов являются всевозможные мифологические песни и предания. Некоторые исследователи фольклора финно-угорских народов отмечали совпадение отдельных деталей мордовской песни о большой березе с соответствующими песнями прибалтийско-финских народов о большом дубе. Если в мордовской песне поется, как береза

C̆i—pas eksems lopasundo,	Солнце скрыла своими ветвями,
kov—pas eksems suleidinde[1],	Месяц скрыла своей тенью,

то в финских, карельских, эстонских, ливских песнях таким же образом описывается огромный дуб, скрывший своими ветвями солнце и месяц.

Отражающие исторически существовавший культ священных деревьев мифы о мировом дереве у многих народов земного шара типологически близки, но космогонические песни мордвы, карел, финнов, эстонцев обнаруживают также и следы древней генетической связи, имеющейся не только в идейно-тематическом содержании, но и в художественной форме этих песен. Совершенно ясно, что песни об огромном дубе у карел и финнов могли возникнуть в более южных по сравнению с современными местах их расселения. Лишь в одном финско-ижорском варианте большое дерево называется не дубом, а березой, так же, как и у мордвы[2], но зато в ряде ижорских и мордовских текстов этой песни повествуется об огромной яблоне[3]. Очевидно, это более поздняя обработка древней песни.

В свете истории религиозных воззрений финно-угорских народов представляют интерес и общие мотивы между мордовскими космогоническими сказаниями о сотворении мира и аналогичными мифами родственных мордве, а также многих других народов.

---

[1] Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 27, стр. 35.

[2] Suomen kansan vanhat runot, V, 98.

[3] Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. I, Саранск, 1963, стр. 31—32.

Согласно мордовскому преданию Чимпас дал жизнь шайтану, нырнувшему на дно моря, поднявшему горсть ила, из которого Чимпас создал землю[1]. Аналогичные легенды имеются у марийцев, удмуртов, коми, манси, ханты, у ряда других народов Севера, а в Прибалтике, например, у латышей[2]. Встречается этот миф и у прибалтийско-финских народов. В тексте финско-ижорской песни говорится:

Piru painui meren pohjaan,	Пиру опустился на дно моря,
otti somerin meresta...	Достал горсть песку из моря,
se sorsaks teki itsee[3].	Превратившись в утку.

Хотя среди прибалтийско-финских народов более широко распространена другая версия сюжета о создании мира, согласно которой утка или ласточка снесла яйцо на колене Вяйнямейнена или на палубе судна и из осколков упавшего в море яйца создается мир, но вышеприведенный финско-ижорский вариант интересен тем, что в мироздании участвует Пиру, в архетипе прибалтийско-финский эквивалент русского дружинного языческого бога Перуна. Тот же Пиру в прибалтийско-финских преданиях мажет дегтем месяц на небе и соблазняет девушек. В этом своем качестве финский Пиру сближается с мордовским богом грома Пургине-пасом, уносящим девушку Литову на небо. Из прибалтийско-финских параллелей мифа о похищении девушки на небо можно отметить еще финско-ижорскую песню, где описывается, как такую девушку удерживают в облаках[4]. Существует мнение, что мордовско-прибалтийско-финский образ Пургине или Пиру, или Перхана генетически связан с литовским Перкунас. Видимо, среди восточных славян дружинный культ Перуна в Киевской Руси не получил широкого распространения и после принятия христианства скоро был забыт, тогда как имена других восточно-славянских языческих божеств еще долго сохранялись или сливались с именами христианских святых.

Академик Б. А. Рыбаков писал о том, как «важны сопоставления славянского язычества с литовским и германским, с одной стороны, и финно-угорским — с другой. Они безусловно могут дать интересные исторические результаты»[5].

---

[1] *П. И. Мельников,* Очерки быта мордвы. Русский вестник, 1867, IX, стр. 219.

[2] *А. Анцелане,* Латышские народные предания, Рига, 1962, стр. 23.

[3] Suomen kansan vanhat runot, IV, 4055.

[4] Suomen kansan vanhat runot, III, 1362, 2589.

[5] *Б. А. Рыбаков,* Основные проблемы изучения славянского язычества. Москва, 1964, стр. 2.

Хочется поставить вопрос: не распространялся ли культ языческого Перуна среди дружинников Киевской Руси, культ литовского Перкунаса, прибалтийско-финского Перхана или Пиру, мордовского Пургине-паса через посредничество летописной мери и веси?

Смутное представление о летописной мере могло сохраниться частично в некоторых общих песенных сюжетах мордвы и прибалтийско-финских народов. К таким, на наш взгляд, относится прибалтийско-финская баллада о трех сватах из моря (мери).

Согласно мордовской песне на почти тот же сюжет тюштянская девушка соглашается выйти замуж за землепашца, предварительно отвергнув сватовство плотника, а также рыболова Андямо, которому она говорит:

Яла калда андсамак,	Рыбой будешь меня кормить,
Калонь сювас шавсамак,	Рыбьей костью меня изведешь,
Аф васязят-полазят[1].	Не муж, не суженый ты мне.

Как в мордовской, так и в финской, карельской, эстонской версиях этой песни-баллады общим является то, что перед двумя другими женихами девушка отдает предпочтение землепашцу или жениху с хлебными дарами, поднявшемуся из «мери», которое ныне переводится в прибалтийско-финских языках как нарицательное «море».

Согласно большинству прибалтийско-финских вариантов этой песни девушка отвергает женихов, последовательно поднявшихся из мери-моря с золотыми и серебряными дарами. Встают вопросы: всегда ли в этой песне мери означало море? Не являлись ли рыболовы Андямо мордовской песни и промысловые рыболовы или женихи, поднимавшиеся из мери, прибалтийско-финских песен поэтическим олицетворением господствовавших на верхней Волге ушкуйников из летописной мери, своеобразных «поморов» озерно-речного плавания, осуществлявших одновременно свое торговое посредничество между разными, в частности финно-угорскими поселениями и попутно «сватавшихся» к девушкам?

В более поздних прибалтийско-финских вариантах этой песни (когда летописная меря потеряла свое значение) отвергаемые девушкой женихи являются либо немецкими купцами из Нарвы, либо представителями других профессий.

Квазимифологические и бытовые песни и баллады мордвы и других финно-угорских народов о сватовстве к девушке рыболова, плотника и землепашца Андямо, заморских женихов, сватов из мери, антропоморфизированных небесных светил, видимо, отражают в своих художественных образах конкретную историческую действительность, разные периоды жизни родственных и других соседних народов.

---

[1] Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. I, стр. 255—256.

В конкретных исторических условиях намечалось также и сюжетно-тематическое сближение других семейно-бытовых баллад мордвы и ряда финно-угорских народов. Здесь можно отметить довольно широко распространенный сюжет баллады «Убийство прежней жены». Эмигрировавший из Эстонии американский филолог Ф. Ойнас видит в мордовской и финско-ижорской песнях об убийстве прежней жены лишь обычное заимствование из якобы воспевающих низменные инстинкты русских и других славянских баллад[1]. Заслуживающее всяческого внимания объяснение условий возникновения и развития подобных песенных сюжетов дает А. И. Маскаев; он ссылается на старинный мордовский обычай женить малолетних мальчиков на взрослых женщинах, обычай, отраженный в соответствующей мордовской песне о женитьбе малолетнего мальчика[2], которая имеет параллель в редкой приладожско-карельской песне о том, как маленького Лаврушу в пеленках женили на такой толстой и великовозрастной невесте, которую даже лошадь не могла везти[3]. Очевидно, такие отображенные в песнях мордвы и прибалтийско-финских народов обычаи могли привести к появлению у этих народов песенных сюжетов и без якобы влияния русских баллад.

Некоторые из выше отмеченных семейно-бытовых баллад среди мордвы и других финно-угорских народов получили распространение уже в условиях развитого социального неравенства, отразив в себе общественные отношения эпохи феодализма, но их исторические корни уходят в более глубокую древность, в период разложения родового строя, установления патриархального уклада, военно-племенной демократии.

В этой обстановке, при последующем вхождении мордвы и некоторых иных финно-угорских этнических групп в состав Волжской Булгарии, а затем и Древнерусского государства (что сопровождалось борьбой язычества с насаждаемым христианством), несмотря на сильное сокращение непосредственных контактов, среди мордовских и других финно-угорских народов начали бытовать типологически одинаковые песни о построении крепостей и церквей и замуровывании девушек в их стены, песни об уходе племенного вождя от народа и соответственно новому историческому периоду — произведения других жанров фольклора.

Баллада о замуровывании девушки в крепостную или церковную стену встречается далеко не у всех финно-угорских народов, но, кроме мордвы (среди которой эта песня распространена довольно-таки широко)[1], этот сюжет представлен у венгров, частично у эстонцев, и заглушенные, стертые его следы появляются в карельском фольклоре. Но этот сюжет знаком и ряду других народов, в частности, русским Горьковской области, сербам, юнакам Югославии, албанцам, грекам, грузинам, немцам, латышам, притом мотив замуровывания в крепостную стену является исходным, который уже позднее связан с песней о постройке церкви. Но А. И. Маскаев прав, когда он пишет, что при крещении мордвы в XVIII веке «ни о каком фактическом человеческом жертвоприношении под основание церкви не могло быть и речи»[2]. Очевидно, этот сюжет появился среди мордвы еще тогда, когда их южными соседями были венгры, а непосредственными северо-западными соседями выступали эстонцы и другие прибалтийско-финские народы. Сюжет этой баллады у венгров, мордвы и других народов обстоятельно изучен венгерским фольклористом Вардьяшем[3]. Можно считать, что историко-этнографическим реалием в таких балладах был, видимо, когда-то действительно существовавший варварский обычай замуровывать девушку в крепостную стену.

---

[1] F. Oinas. An Ingrian-Finnish ballad and its Slavic backgroud. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 125, Helsinki, 1962, s. 392.

[2] *А. И. Маскаев,* Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964, стр. 69.

[3] Suomen kansan vanhat runot, VII, 1465, 2595.

Видимо, в условиях, предшествовавших вхождению мордвы в состав Русского государства, окончательно складываются современные версии мордовских песен о Тюштяне, хотя в них сохраняются также и очень древние мотивы. Песня, отразившая в себе исторически достоверные случаи переселения отдельных групп мордвы на новые места, изображает Тюштяна не только как племенного вождя, но и как местного князька или царька.

А. И. Маскаев детально анализировал мордовские песни о Тюштяне[4], и здесь остается привести лишь некоторые карельские параллели этой песни. Если в карельской руне Вяйнямейнен лишь предлагает отнести новорожденного сына Калевы на болото и убить его там, то старый Тюштян стремится сам расправиться с молодым Тюштяном. Параллели этому образу мордовской песни А. И. Маскаев не без оснований искал в фольклоре славянских народов, но это не исключает связи по финно-угорской линии, так же, как в мордовской песне совершенно очевидно влияние международных сказочных сюжетов.

Один из современных финских фольклористов М. Хаавио находил возможным сравнивать мордовскую эпическую песню об уходе племенного вождя Тюшты с типологически близкой к ней карельской руной об уходе Вяйнямейнена[5]. Если в карельской руне об уходе старого Вяйнямейнена разработана тема борьбы языческих воззрений эпохи родового строя против новой, внедряемой извне христианской религии, то в мордовской эпической песне намечается отражение конфликта племенного вождя мордвы Тюштяна с народом, согласным войти в состав Русского государства. Этим объясняется и то, что руна об уходе Вяйнямейнена почти не варьируется и не входит в контаминации с другими рунами, тогда как мордовская песня в разных записях контаминируется с другими мордовскими балладами более позднего происхождения, да и сюжет этой песни подвержен сильной модернизации: согласно ряду вариантов сам Тюштян выступает в роли феодала. На все эти детали обеих — карельской и мордовской — песен, сильно отличающие их друг от друга, М. Хаавио в своем кратком сопоставлении не обратил внимания.

---

[1] *А. И. Маскаев,* Указ. соч., стр. 79—112.

[2] *Маскаев,* Указ. соч., стр. 83.

[3] L. Vargjas, Herkund der ungarischen Ballade von der eingemauerten Frau. Asta Ethnographica, IX, N—2, Budapest, 1960, стр. 1—88.

[4] *А. И. Маскаев,* Указ. соч., стр. 172—223.

[5] M. Haavio. Väinämöinen. Porvoo, 1950, s. 170.

Фольклор мордвы и других финно-угорских народов продолжал обнаруживать сходные черты даже в период феодальной раздробленности Русского государства, хотя в этих условиях в какой-то мере непосредственные связи сохраняются лишь между отдельными, расселенными по соседству финно-угорскими народами; в ту эпоху еще очень слабо проявляется взаимовлияние опосредованно через русский фольклор. Поэтому характерные для этого периода новые явления в фольклоре мордвы и других народов могли сложиться независимо друг от друга, как одинаковое отражение общей для них исторической действительности. Как типичный пример такой идентичной тематики этой эпохи можно отметить произведения мордовского фольклора, коми-народной поэзии, карельские, финско-ижорские и эстонские предания об овладении огромными земельными угодьями, измеряемыми при помощи длинного ремня, разрезаемого из одной шкуры домашнего животного[1].

Ряд одинаковых или близких преданий можно приурочить также и к более позднему периоду централизации Русского государства. Укрепление крепостного права в царской России привело к тому, что отдельные группы крепостных из мордвы переводились помещиками не только в их частновладельческие села с удмуртским или марийским населением, но и в непосредственное соседство с карельскими поселениями вблизи Тамбова. Переселение в направлении Сибири также создавало селения со смешанным финно-угорским населением, что соответственным образом сказывалось в частности на фольклоре этих родственных народов.

Условия жизни народов России при феодально-абсолютистской монархии также привели к образованию некоторых сходных сюжетов песен мордвы и других финно-угорских народов. В частности, после введения рекрутчины длительная совместная военная служба представителей разных, в том числе родственных финно-угорских народов, обеспечила развитие среди них во многом одинаковых первоначально солдатских песен о царе Павле Первом и произведений других жанров их фольклора. Из разных исторических актов и донесений известно, что в окрестностях Петербурга, в Павловске сосредоточивались на длительное время, отбывая солдатчину, не только местные ижоры-финны, эстонцы и приладожские карелы, но и мордвины. В одном донесении от 1738 г. сообщалось, что часть набранных из мордвы для отправки в Петербург рекрут бежала[1]. Но во второй половине XVIII века рекрутский набор среди этих народностей стал более регулярным, и в такой разноязычной солдатской среде возникали благоприятные условия для складывания основы одинаковых песен о рекрутчине, которые свое дальнейшее развитие получали уже после возвращения солдат с военной службы в родные края. В таких случаях для установления взаимосвязи фольклора финно-угорских народов не было необходимости в массовом контакте всей мордвы с родственными ей народностями. Достаточно было более или менее длительного соприкосновения таких социальных или возрастных групп населения, как, например, рекрутов.

---

[1] M. Eisen. Esivanemate varandus, Tallinn. 1958, s. 187.

Крепостное право питало рекрутчину, ставившую в один строй новобранцев из мордвы, Карелии и других краев России. Видимо, в связи с этим мордовская историческая рекрутская песня о русском царе Павле обнаруживает значительную близость к одной уникальной записи русской исторической песни о Павле Первом[2], а также к основным мотивам приладожско-карельской и финско-ижорской песни о наборе рекрутов царем Павлом, об их муштре и отправке на войну. Об этой карело-финской исторической песне финский филолог В. Лаурила писал, что «возможно она возникла при царствовании Павла I или после него; она реалистически очень точно изображает набор солдат в Ингерманландии в начале и в середине XIX века»[3]. Изображение ужасов войны в этой карело-финской и эстонской рекрутской песне о Павле I имеет свою параллель в мордовской исторической песне о Павле I[4], которая в свою очередь повлияла, как это отмечается русскими и мордовскими фольклористами, на одну русскую песню поволжского происхождения «Каннибальское угощение»[5].

Однако у ряда прибалтийско-финских народов песня об ужасах войны: горах человеческих голов и костей и потоках крови — контаминируется не только с рекрутской песней о царе Павле

---

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. III, ч. II. Саранск, 1953, стр. 492.

[2] Народные исторические песни. Составитель Б. Н. Путилов, Москва, 1962, стр. 271—272.

[3] *V. Laurila.* Über die Dichtung der finnschen Leibeigegen und Donationsbauern. Deutsches Jahrbuch für Volkskunde, VI, стр. 338.

[4] Мордовские народные песни, Москва, 1957, стр. 148—149.

[5] *А. И. Маскаев,* Указ. соч., стр. 381.

Петровиче, но и с другими песнями исторического содержания, в частности, с песнями о русско-турецких войнах, русско-японской войне[1].

Некоторые одинаковые явления в народно-поэтическом творчестве Мордовии и других республик с финно-угорским населением отмечаются и в условиях советской действительности, где фактором, влиявшим на эти общие процессы, с первых лет Советской власти в какой-то мере являлась совместная служба мордвинов и представителей других, не только финно-угорских народов в Красной Армии. Имели место и другие пути непосредственных контактов. Например, известная мордовская сказительница Ф. И. Беззубова встречалась в Москве с нашей ведущей карельской сказительницей А. Ф. Никифоровой, от которой известно, что они беседовали между собой по поводу своих новых песен, что частично сказалось на их новотворчестве. Взаимовлияние в современном фольклоре финно-угорских народов и других народов СССР до Великой Отечественной войны проявлялось также и благодаря развитию художественной самодеятельности, художественной литературы, через радио, кино и др.

Позднее некоторую роль играла эвакуация гражданского населения, например, из Карелии в области и республики с мордовским, марийским, удмуртским и коми населением, а после Великой Отечественной войны перемещение отдельных групп вербованных переселенцев из мордвы, марийцев, эстонцев, например, на новостройки Карелии, в непосредственное соприкосновение с карелами, вепсами, финнами. В лесном поселке Нелгомозерского лесопункта южной Карелии работница-мордвинка Л. Н. Солдатова, вышедшая больше десяти лет назад замуж за рабочего-карела, при записи от нее на магнитофон летом 1964 года вместо известных ей эрзянских частушек предпочла петь карельские песни и прекрасно исполнила на южно-карельском диалекте карельскую шуточную песню «Красная девица». Оказывается, она была участницей местного карельского хора.

Недавно любитель-фольклорист весьегонский карел Манжин записал в деревне Трифаново Калининской области от мордвина Андрея Маскаева одну сатирическую сказку на местном диалекте, который им усвоен потому, что его семья давно проживает в карельской среде. Не исключены и обратные случаи.

Такие примеры взаимопроникновения фольклора между разными финно-угорскими и другими народами в условиях нашей советской действительности многочисленны.

Так, благодаря дружбе народов СССР, намечается сближение продолжающих бытовать и изменяться произведений отдельных жанров фольклора, что свидетельствует о том, как процесс этногенеза народов со временем переходит в процесс ассимиляции этнических групп, живущих на территории СССР.

---

[1] *А. И. Маскаев,* Указ. соч., стр. 360—385.

В. А. Никонов

ЭТНОГЕНЕЗ МОРДОВСКОГО НАРОДА И ТОПОНИМИКА

Археология красноречиво раскрывает материальную культуру далекого прошлого и даже социальный строй, но почти ничего не может сказать о языках создателей древних культур. И лингвистика нечасто располагает письменными памятниками глубокой древности. Но есть свидетели, доносящие до нас эхо далеких времен — географические названия. Они способны пережить века. От некоторых языков и народов ничего не осталось, кроме географических названий. При этом они, как правило, прикреплены к месту. Это делает их показания драгоценными источниками для этногенетических исследований.

Топонимика может в двух аспектах служить изучению этногенеза: с одной стороны, она выясняет, какие языки звучали на территории современного расселения мордвы, помогая представить, какие народы участвовали в формировании мордвы, а с другой стороны, она очерчивает ареал былого расселения мордвы и пути ее миграций.

Для этих целей всего чаще и всего неудачней привлекали топонимы, в основах которых слышали этноним. К сожалению, даже еще и в наши дни продолжаются попытки использовать названия Мещерское и Мериново как доказательства былого обитания там мещеры и мери. Документально доказано, что Мещерское, Мещерка и др. подобные названы по фамилии владевших ими князей Мещерских, получивших в XV в. земли за Калугой в обмен на их прежние владения, причем и князья эти были не мещерского, а татарского происхождения. Нечего и объяснять, что смоленское Мериново связано не с мерей. В Тульской обл. названия с. Немцово и д. Грековка не доказывают, что там жили немцы и греки,— скорей всего в их основах фамилии помещиков. Поэтому не больше обладает доказательной силой и названье д. Мордовка в той же области. Надежней, когда встречаем пару или целый ряд топонимов с этнонимическими основами — Русские Липяги, Мордовские Липяги, Чувашские Липяги. В таком ряду, конечно, можно уверенно связать определение мордовские действительно с мордвой. Но ведь таких случаев меньшинство.

Даже если удалось надежно отобрать топонимы с несомненным этнонимом в основе, исследователя подстерегает опасность ложных построений. Отметим на карте все топонимы, образованные из определенного этнонима. Правильно ли они очертят ареал расселения этой этнической общности? В гуще сплошных поселений одной народности названия из этнонима, если их не дадут со стороны, столь же мало оправданы, как название в тайге **д. Лесная,** где все деревни — лесные. Такие названия естественны только там, где эти основы служат различительным признаком, например, при соседстве леса со степью или различных этнических общностей. Поэтому топонимы с этнонимной основой отмечают обычно не зону чистого этноса, а, наоборот, пограничную полосу этнической чересполосицы. Это частный случай закона относительной негативности названий.

Так, многочисленны названья с. Буртас, с. Буртасы, р. Буртас, Буртасская дорога и проч., и все они расположены в полосе от среднего течения Мокши до Волги выше устья Камы, вопреки всем сведениям о буртасской территории, расположенной только к югу от этой линии. Напрасно это удивляло исследователей. Именно тут, по границе буртасского населения, как раз и естественны такие названия[1].

Для выяснения былых границ расселения надежней топонимы, не содержащие упоминания этнонима, но принадлежавшие языку этого народа. Встретив мордовские слова в основе многих топонимов Горьковской области, можно видеть следы прежнего расселения там мордвы. Но и этот путь мало надежен. Так, в названии *Палех* можно искать основу и мордовскую (эрзянск. *паломс* «гореть»), и угорскую (мансийск. *палых* «открытый»), и западно-финскую (вепск. *пало* «сожженная подсека, подсечное поле»), и тюркскую (чувашск. архаичн. *палăк* «признак, примета»). На ю.-з. Тульской обл. есть с. Тюртень,— привлекательно связать его название с мордовским *тюрьсэ* «струя» (в живой речи это слово не сохранилось, но уцелело в эрзянском фразеологическом сочетании *тюрьсэ чудемс* «течь струей»), однако, похожие слова найдутся и в тюркских языках — например чувашск. *тюртен* «прямо» и т. п. Это опасная игра со словарями. Сто лет назад любознательный дьякон Василий Орлов напечатал свое открытие, что г. Керчь назван мордовским словом *керш* «левый»,[2] — выходит, мордва приплыла Черным морем и Керчь попалась ей слева. К сожалению, подобные упражнения не перевелись и в наше время. Так, в стремлении объяснять любые гидронимы из марийского языка «перевели» названье р. Ширмокша по марийскому словарю «несоленая печенка». Набор звуков языка ограничен, и всех возможных комбинаций их несравнимо меньше, чем слов во всех языках мира. Поэтому случайные совпадения неизбежны. Таким способом можно «доказать», что на Суре в древности обитали индейцы, или найти следы мордвы в Африке.

---

[1] См. карту в моем докладе на VII Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук «Тонимика в историко-географической этнографии», М., изд-во «Наука», 1964.

[2] *В. Орлов,* Памятники мордовской старины. «Журнал министерства внутренних дел», СПБ, 1851, ч. 33.

Вот почему только с большой осторожностью можно привести смелую параллель. На южном берегу Крыма близ Симеиза большой утес называется Панда; названье остается необъяснимым (только далеко, в некоторых талышских диалектах иранской языковой семьи есть *панда* «гора»). Конечно, весьма заманчиво, но и весьма рискованно привлечь параллель с мордовским *пандо* «гора» (например Ош-пандо). Южные связи мордвы бесспорны. Исключительно важно проследить их и топонимически. Но о языке скифов известно немного, а о языке их предшественников киммерийцев неизвестно ничего. Особенно опасны «лобовые атаки», пытающиеся «объяснить» названия по словарям современных языков, подыскивая сходные по звучанию слова и игнорируя изменения, которые должны были произойти за века. К сожалению, историческая фонетика даже известных языков Поволжья еще очень слабо разработана, а историческое словообразование их почти не изучалось, так что топонимисту пока не на что опереться.

Надежней массово-повторяющиеся элементы. В топонимии Поволжья многократно встречается *лей* (эрз.), *ляй* (мокш.). При сплошном распространении таких названий можно увереннней утверждать, что на этой территории обитала мордва, хотя бы никаких письменных свидетельств не было.

Особенно часты служебные элементы — словообразовательные или грамматические. Они стали магистралью топонимической науки в последние десятилетия, например, исследования суффиксов.

Для этногенетических разысканий наиболее важна гидронимия, как более устойчивая по сравнению с названиями населенных пунктов. Анализ формантов выделяет в гидронимии Мордовии и всего Поволжья несколько гипотетических языковых общностей, указывая на волны заселения этой территории и тем самым помогая выяснить предшественников мордвы и ее предков.

С севера в правобережье Среднего Поволжья глубоким клином до левых притоков Дона врезались гидронимы на **-ас.** Среди них Атмас, Ачкас, Коломас, Покас, Вьяс, Шебдас, Шевлас, Явас и мн. др. Напрасно видеть в них непременно слово со значением «река, вода», хотя, напр., мансийское Ас «Обь» означало «Река» и широко вошло в состав гидронимии. Но большинство гидронимов на **-ас** едва ли удастся этимологизовать так. Это могло быть окончанием множественного числа или локатива, или каким-либо иным служебным элементом, не имевшим никакого самостоятельного лексического значения. Южная граница распространения **-ас** совпадает с рубежом документально известного расселения мордвы-мокши.

С северо-востоком связывают правобережное Поволжье и гидронимы **-ньга** (напр., Нюньга в бассейне Клязьмы, а в бассейне Дона — Няньга и Юньга)[1].

В широтном направлении распространялись **-ис:** Чаис, Маис, Шелдаис, Калдаис, Атмис, Сатис и др. в бассейне Мокши и в северной полосе современной Пензенской обл., восточней — на левобережье Средневолжья.

По «диагонали» пересекают Поволжье гидронимы на **-им.** Их юго-западное крыло проникает в бассейн Дона, а северо-восточное простирается за Урал. В Мордовии они представлены многими гидронимами: Ачим, Урледим, Вильдим, Шадым, Кулдым, Вертелим, Шукстелим, Слаим, Тештелим и др.

Этническая и даже языковая принадлежность этих ареалов остается загадочной, а в некоторых случаях сомнительно и само вычлененье форманта. При современном состоянии топонимических методов этот путь исследования хотя и лучше, чем «корнеискательство», но тоже не дает необходимой надежности. При этом необходимо учитывать, что гидронимы часто известны нам в измененной форме. Так, в очень многих гидронимах на **-ма** заключительное **-а** принадлежит русским, как показатель грамматического женского рода по нарицательному слову *река,* выражающему видовое понятие (башкирск. р. Дим, в русской форме — Дема), как, возможно, и многие гидронимы на **-нга.** Реконструкция первоначальной формы тут встречает те же трудности, как и при этимологиях основ.

Несравнимо чаще, чем словообразовательные или грамматические средства, повторяются в топонимии каждого языка его фонетические черты, будь это сочетание звуков, отличающее его от соседей, или характерная мена звука в определенной позиции и т. п. Мордовским языкам свойственно частое сочетание носовой согласной и **з**, соответственно между Сурой и небольшим отрезком среднего течения Волги находим гидронимы Пенза, Инза, Амза, Абумза, Промза (мокшан. Паранза), Крымза и др., западней — Инсар (возможно, само это различие глухого от восточных звонких соседей отмечает историческую речевую межу). Существенно, что этого сочетания, по-видимому, нет на других территориях, где историческое пребывание мордвы бесспорно.

---

[1] Однако ульяновские Тереньга, Биденьга, оба с ударением на последнем слоге, явно не северо-восточного, а тюркского облика, как подтверждает и производное **тереньгульский** (не тереньгинский!), предполагая утраченную форму Теренгул. Сравн.: озеро Теренкуль в Барабинской степи.

Языки различны не только ассортиментом таких признаков, а еще выразительней — их частотностью. Так, в русском языке **р** обычен в позиции после согласных и крайне редок перед ними, а в финно-угорских и тюркских наоборот. Различие настолько резко и последовательно, что для любой единой группы гидронимов один этот признак может стать определителем языковой принадлежности, если выбор идет между славянской, с одной стороны, а с другой — финно-угорской или тюркской. Так, то или иное окончание, частое в гидронимах, может быть и не формантом, а чисто фонетической чертой, характерной для определенного языка или семьи языков (напр., в языке коми частота **с** в абсолютном финале слова). Увы, фоностатистика финно-угорских языков почти не начата.

Выяснению этногенетических отношений внутри финно-угорской языковой семьи смогли бы помочь фонетические исследования дорусской гидронимии на пространстве, где происходило размежевание поволжской и прибалтийской ветвей, — напр., попытаться проследить границу шт/хт. Аналогично в гидронимии Среднего Поволжья следует искать различительные признаки поволжской и пермской групп, чтоб нащупать историко-фонетическую границу между ними (непременно учитывая, что она погребена под многовековым тюркским слоем). Никто и никогда этим не занимался.

С большей степенью вероятности можно уже и теперь наметить западную границу собственно мордвы, где ее застало древнерусское (точней — восточнославянское) расселение из Поднепровья на восток. Тут речь идет не о предшествовавших периодах истории финно-угорских языков, а о встрече непосредственно с языками мордовскими, и обращаться в поисках параллелей тут правомерно к живым мордовским языкам.

На этно-исторической карте, изображающей рубеж нашего и предшествовавшего тысячелетий, в самом центре страны зияет белое пятно: кого застали вятичи на Средней Оке? Выше современной Калуги обитала голядь, ниже современной Рязани мещера и мурома. А кто населял территорию современной Тульской и Рязанской областей? Одни исследователи по истории мордвы называют западным пределом ее распространения Рязань, другие не находят этому подтверждения, третьи, напротив, склонны продвинуть границу западней — до устья Москвы-реки. При скудности данных непростительно пренебречь топонимическими свидетельствами. В статье, остающейся пока лучшей работой по топонимике мордвы, А. И. Попов писал: «Вообще говоря, по Оке названия «мордовского склада» прослеживаются совершенно определенно до Московской, Тульской, Калужской областей»[1]. Однако он не привел ни одного примера, и это утверждение таким и поныне осталось «вообще говоря», позволяя скептикам отрицать пребывание мордвы на очерченной территории.

---

[1] *А. И. Попов,* К вопросу о мордовской топонимике.— Филологические доклады по вопросам финно-угорской филологии, т. 2. Саранск, 1948.

Типичный для мордовской топонимии формант **-ур,** обозначающий место, позволяет предположить мордовское происхождение гидронима Пещур на ю.-в. Московской обл. (может быть, из *пешкс* — эрз. «орешник», но этимологии не настолько бесспорны, чтобы обладать доказательной силой). На правом берегу Оки ниже впаденья Москвы-реки — с. Пирочи (эрзянск. *пире* «огород, сад», *пирямс* «городить»). Немного южней — р. Меча, тезка нескольких рек на ю.-в. Тульской обл. И. Д. Воронин связывает их название с мокш. *меш,* эрз. *мекш* «пчела», но это не доказано, и, может быть, гидроним старше, чем допустимые к истолкованию из мордовских языков.

Густая колония вероятных мордовских топонимов образует широкий веер, охватывая Венев с севера, запада и юга. Взятые по отдельности не были бы убедительны ни урочище Мордвинские Отвершки между Каширой и Веневом[1], ни гидроним Мордвез (приток Осетра); вместе их доказательность возрастает. Южней их поддерживают гидронимы *Веркоша* (эрз. *верка* «быстрый, бойкий») и *Уйна* (основа *уйн,* в эрзянском *уйнемс* «плавать»). Между Веневом и Тулой по старинным документам хорошо известна Картасеневская засека (позже Картасеневское лесничество). Если привлечь эрз. *кардаз* «двор» или мокш. *кардамс* «остановить», то для 2-го компонента необходимо учитывать микротопоним с. р. Проня — Сокасеновская пустошь в Кобыльском стане[2] с тем же оформлением и вероятной эрзянской основой (эрз. *сокамс* «пахать»). Грамота от 1552 г. на монастырские владения Николы Веневского в Старогородищенском стане упоминает полупустоши «за рекою за Веневою у медвежья пря». Упоминание этого названия не единично. Оно повторено в жалованной грамоте Грозного 1566 г. тому же монастырю: «да их же монастырская земля пустошь, а на ней они поставили деревню Медвежье за рекою за Веневою у медвежья пря»[3]. Позже на этом месте дер. Медведка (местоположение устанавливается по другим названиям, перечисленным в документе и сохранившимся до нас), ныне с. Медведки[4]. Несомненно, *пря* — мордовское «верх, голова». Так обозначался исток речки, овраг с начинающимся источником — сравн. русское диалектное, господствовавшее в этих краях, *верх* «овраг», *отвершек* «овражек», аналогично в тюркоязычной топонимии *баш* «голова» и «исток реки». В планах Генерального Межевания (рубеж XVIII—XIX вв.) в Рязанской и Тульской губерниях обычны названия оврагов *Лисий верх, Медвежий верх*[1]. Под Веневом в 1676 г. их десятки[2]. На этой сессии тов. Б. Е. Смирнов, краевед из Зубовой Поляны, в записке мне сообщил, что в их районе есть урочище Траксон-пря (*тракс* — мокш. «корова»). Это в самой западной части Мордовской АССР, в ее ближайшей точке к Веневу. Наличие этого микротопонима в пределах современной Мордовии не оставляет никаких сомнений, что и у *Медвежья-пря* под Веневом то же самое происхождение — из мордовского слова *пря.* Привлекая его для выяснения былой территории мордвы, этого достаточно; безразлично, пришло ли оно в русскую речь как имя собственное или еще как нарицательное и в прямом ли значении «голова» или, верней, во вторичном — «исток», диалектное *верх* «овраг».

---

[1] Писцовые книги Московского государства, под ред. Н. В. Калачова. т. II, СПБ, 1877, стр. 1367—68.

[2] Писцовые книги Рязанского края, под ред. В. Н. Сторожева, т. I, вып. 1. Рязань, 1898, с. 888.

[3] Грамоты опубликованы в книге М. Белоцерковского. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1915, с. 47.

[4] Тульская область. (Адм.-террит. деление). Тула, 1956, с. 45.

Юго-восточней Венева гидроним р. Чирица мог раньше быть мордовским (эрз. *чире* «край» или *чирь* «крутой»), юго-западней — р. Вьев (эрз. *виев* «сильный»). Таким образом, у Венева сомкнут плотный строй топонимов, которые трудно связать с иными языками, кроме мордовских.

Они продвинуты и западней. Северней Тулы — р. Вашана, правый приток Оки (эрз. *вашо,* мокш. *ваша* «жеребенок»). Между ней и Тулой, у с. Малахово, речка Покалей[3], с таким характерным признаком, как *лей.* Еще западней, близ Алексина, на высоком берегу Оки — с. Велегуж, название которого, вероятней, принадлежит к многочисленным мордовским топонимам, отмеченным в упомянутой статье А. И. Попова,— с *кужа, гужа* «поляна» (эрз. *веле* «село» означает тут определение к нарицательному «поляна»), чем из древнерусского Велегощ. Конечно, этот ряд пунктирен, и не все его звенья надежны, но в целом ими все же едва ли можно пренебречь.

Южней Тулы вплоть до Ефремова не обнаружено топонимических следов мордвы. Не исключено, что тщательный сбор микротопонимии зафиксирует их и там, но об этом напрасно гадать. На этом отрезке мордовская топонимика западней Дона неизвестна. Южней Ефремова — речка Меча, с. Порпуры (может быть, эрз. *пор* «мел»?) и с. Перехваль, название которого привлекает вниманье, перекликаясь с топонимом Перекаль на р. Осетр, южней Зарайска, то есть в тылу веневского гнезда. Существенна именно их парность. Эрзянскому *перька* «вокруг» соответствует мокшанское *перьфпяль* «вокруг, окрестность, близ». Это говорит в пользу мордовского происхождения обоих названий: северное отразило эрзянские черты, южное — мокшанские (переход **ф** и **хв** обычен в русской топонимии Среднего Дона: Форосань стала Хворостань).

---

[1] Центральный Гос. архив древних актов, фонд 1356.

[2] Труды Тульской ученой архивной комиссии. Кн. 2, Тула, 1915, стр. 149—153.

[3] Списки населенных мест, Тульская губерния. СПБ, 1862, стр. 3.

Еще южней между Ливнами и Ельцом впадает справа в Сосну р. Кшень. Как известно, акад. А. И. Соболевский относил его к иранским: «Этимология **к-с, к-ш** ясна: срав. др.-бактрийск. *кази* «малый, слабый»[1]. Но сочетанье **-кш-** слишком характерно для мордовских языков и столь часто в топонимии бесспорно мордовской, что иноязычного объяснения нет нужды искать, как нет нужды и немедленно требовать определенной мордовской этимологии, будь это *кши* «хлеб», *кшни* «железо» или совсем иное. Если получит обоснование этимология «железо», можно заметить, что и Ливны означают место обработки руды, как старославянский город Ливно в Боснии. Независимо от этого сессии по этногенезу мордвы небезразлична этимология мордовского нарицательного «железо». Оно не родственно с другими финно-угорскими языками (эстонск. raud, удмуртск. корт, венгерск. vas). Откуда же *кшни?* Параллель ему слышна действительно в иранских языках, только совсем иначе, чем представлял А. И. Соболевский, и не в осетинском, следы которого традиционно от Всев. Миллера до В. И. Абаева видят по всему югу нашей страны, а в курдском hesin «железо». Вместе с железом от ираноязычных соседей пришло и его наименование.

Наконец, еще южней, уж за Воронежем, предположительно можно привести гидронимы *Потудань* (правый приток Дона) с наивной этимологией «по ту сторону (платили) дань» и *Коблейка* (левый приток Тихой Сосны).

Таким образом, вероятная былая граница мордвы на западе намечается приблизительно по линии Тула—Ливны, с изгибами в обе стороны (к Оке под Алексином, к Дону под Епифанью), а несомненная — западней Венева. Представленный материал отнюдь не окончателен. До сих пор ни разу не собранный, он и приведен здесь как для обсуждения, так и для пополнения.

Задача этого сообщения вовсе не в том, чтобы предлагать готовые решения, а в том, чтобы показать, как сложно прочесть показания топонимики и воссоздать по ним историческую карту. Может быть, это предостережет от любительских увлечений. Необоснованные надежды — неизбежные разочарования. Исследование мордовской топонимии, как на территории Мордовской АССР, так и по всем радиусам за ее пределами лишь едва начато. Впереди необъятная и трудная работа. Значительная часть ее — вне возможностей топонимики (разработка исторической фонетики и исторического словообразования), но и на долю топонимистов достается немалый и нелегкий труд — прежде всего, не соблазняясь скороспелыми «переводами» топонимов, собрать их, спасать от бесследного исчезновенья. Ведь достаточно напомнить, что даже ареалы гидронимов **-кша** и **-кса** никем не положены на карты. Историческая диалектология мордовских языков, о которой пока еще и не слышно, получила бы неоценимые данные, если бы картографировать в топонимии и микротопонимии все формы нарицательного «поляна»: кужа, гужа, куши, гужи и пр. (с учетом и русских диалектных воздействий). Это лишь отдельные и едва ли главные примеры из многочисленных и увлекательных проблем, которыми хотелось бы заинтересовать научную молодежь Мордовии.

---

[1] *А. И. Соболевский*, Названия рек и озер русского Севера. «Известия 2 Отделения Ак. Наук». т. XXXII, с. 16.

СООБЩЕНИЯ

А. И. Маскаев,
кандидат филологических наук

СЛАВЯНО-МОРДОВСКИЕ СВЯЗИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

Каждый народ интересуется своим историческим прошлым. С ростом политического самосознания интерес его к своему историческому прошлому ещё более усиливается, возрастает.

В дореволюционное время бесписьменный мордовский народ свои представления о прошлом мог выражать главным образом в устно-поэтическом творчестве, в многочисленных сказаниях, преданиях, сказках, песнях и в произведениях других фольклорных жанров, поскольку не было ни своей государственности, ни своей письменности. Об отдельных исторических событиях мордовского народа имеются документы, но эти документы принадлежат соседним письменным народам. Естественно, что они не могли отразить все события внутренней истории мордвы.

Даже если о тех или иных событиях имеются исторические свидетельства, народная оценка событий, выраженная в песнях, может быть иной по сравнению с их оценкой в документах. Песня может даже вовсе не отметить этих событий. Таковы, например, песни о полоне, в которых герой встречается со своей сестрой, ставшей женой ногайца или кубанца[1]. По историческим документам известно, что полоненных иногда увозили в иноземное рабство, а в песнях мордовская полонянка становится женой полонителя, хозяйкой дома.

В легенде «О чудесном Гурьяне» мордву защищает богоподобный молодец Гурьян, чьи кони могут возноситься на небо, превращаться в гром и молнию и разить врагов мордовских поселений[2].

---

[1] *А. И. Маскаев,* Мордовские песни о ногайском полоне. Труды № 23 Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск, 1962, стр. 138—168.

[2] Рукописный отдел Мордовского научно-исследовательского института, фонд А. Гераклитова.

Следовательно, фольклорные произведения нельзя рассматривать как зеркальное отражение истории, нельзя в песенном царе видеть исторического царя, в образе полонителя — хана, в образе пашущего многосемейного старика Тюштяна — мордовского князя. К сожалению, попытки такого толкования песенного образа имеются[1].

Вплоть до нашего времени мордва не изжила этнических различий в языке, и ни одна этническая группа мордвой себя не называет. Поэтому фольклорные произведения могут быть только эрзянскими или только мокшанскими, и далеко не все эрзянские и мокшанские произведения совпадают между собой. Более того, даже произведения одних и тех же сюжетов, бытующих у эрзи и мокши, нередко отличаются. Это наблюдается и в содержании, и в форме фольклорных произведений.

Так, в мокшанских песнях XVII в. о полоне полонителем бывает, как правило, ногай (ногаец), в эрзянских — ногай, губан (кубанец), башкир. При этом, если в мокшанских песнях ногай, как правило, враг, противник, полонитель, то в эрзянских он нередко друг. В эрзянских песнях порой изображаются смешанные браки между ногайцами и эрзянами, переход отдельных ногайцев к мордве, где они женятся и остаются жить с мордвой и т. п. Таковы же отношения между эрзянами и башкирами, воспеваемые в песнях о смешанных браках[2]. Кстати, смешанные браки у мордвы и башкир были и есть и в самой действительности.

В эрзянских песнях героем бывает эрзянин, с эрзянским именем, в мокшанских песнях — мокшанин, с мокшанским именем. Правда, в некоторых эрзянских песнях о полоне один и тот же герой называется то эрзянином, то мокшанином.

Вирь чиресэ эрзянь цёра пенгть кери,	У опушки леса эрзянский парень рубит дрова
Виренть крайсэ мокшонь аля поленци[3]	У края леса мокшанский молодец складывает их.

Однако такое явление объясняется не стремлением изобразить внеэтнического мордвина: в песне речь идет об эрзянине, которого зовут эрзянским именем Паксине (Полюшко). В одном и том же произведении герой песни, сын одних и тех же родителей, называется то эрзянином, то мокшанином, благодаря структуре стиха эрзянской народной песни, в которой синонимический параллелизм вызывает синонимическую пару, поэтому головной стих «Эрзянь цёра пенгть кери» вызывает синонимическую фразу «Мокшень аля поленци». По этой причине вместо «мокшень алясь» может фигурировать и другая фраза, представляющая собой синоним первого стиха.

---

[1] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пензенская губерния. Часть II. Составил полковник генерального штаба Сталь. СПБ, 1868, стр. 244.

[2] Mordwinische Volksdichtung (H. Paasonen.). Band 1. Suomalais — ugrilaisen Seuran Toimituksia, LXXVII, Helsinki. 1938, стр. 221—226.

[3] Эрзя-мокшень морот, сказт ды балладат (П. С. Кириллов, Л. С. Кавтаськин, К. Т. Самородов), Саранск, 1958, стр. 26

В I томе «Избранных трудов» М. Е. Евсевьева опубликован другой вариант этой песни:

Вирь чиресэ эрзянь цёрась пенгть кери,	У опушки леса эрзянский парень рубит дрова.
Вирь крайнесэ эрзянь алясь поленци[1].	У края леса эрзянский молодец складывает их.

Как видно, в этом варианте песни мокша и не упоминается, потому что героем песни изображается эрзянин.

Даже произведения, изображающие общие судьбы мордовского народа, осознаются или как эрзянские, или как мокшанские, в зависимости от того, на каком языке они бытуют. Например, эрзянское сказание о происхождении эрзянского и мокшанского племен от первожителей Паксюта и Лифты, подопечных разумного говорящего медведя (думается нам тотема или демируга), героями являются эрзяне и прародительницей мордвы является эрзянка Лифта[2].

Отсутствие общемордовского языка порой ограничивает мордовского исследователя и писателя в использовании фольклорного материала. Эрзяне — авторы сказания Т. Е. Завражнов и С. А. Ларионов, назвавшие своё сочинение «Мордовской историей», представляют эту историю эрзянского народа, хотя в ней и упоминают мокшанские имена и называют мокшанские отдельные персонажи. Рассматривая историю мордовского народа с библейской легенды о вавилонском столпотворении, притягивая мордву к именам и событиям, взятым из мировой истории, вместе с тем они вплетают в это сочинение эрзянские песни и предания о предводителе Тюште, восточную сказку о царевиче, влюбленном в девушку по ее портрету, и сказку о мнимом, позднее разоблаченном, герое. О Тюште, о мнимом герое имеются фольклорные произведения и в эрзянском, и в мокшанском фольклоре, однако авторы произведения «Мордовская история» использовали только эрзянский фольклор; мокшанский, вследствие незнания мокшанского языка, остался для сочинителей недоступным[3].

При решении тех или иных вопросов по мордовским фольклорным материалам целесообразно различать: эрзянский он или мокшанский. Важным надо считать и то — интересующие нас фольклорные мотивы встречаются в произведениях и эрзянских и мокшанских, или только в эрзянских, или только в мокшанских. Ведь помимо поэтических различий, в песнях, сказках и в народных произведениях других жанров у эрзянского и мокшанского племен могут быть и есть исторические, бытовые различия и особенности.

---

[1] *М. Е. Евсевьев,* Избранные труды, т. I, Саранск, 1961, стр. 41.

[2] Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 134 (А. А. Шахматова) оп. I, № 11.

[3] *А. А. Шахматов,* Из области новейшего народного творчества, «Живая старина», вып. II—III, СПБ, 1909, стр. 162—177.

Мордовский народ относится к народам финно-угорской языковой группы. И если имеются затруднения в определении конкретных этнических связей между этими народами, то сравнительно легко обнаруживаются языковые связи, свидетельствующие о близкой и длительной общности народов этой группы, создавших много общих материальных и духовных ценностей, в том числе общие образы и мотивы в фольклоре.

В мордовском и карельском эпосе встречаются во многом одинаковые образы большого дерева, загораживающего солнце, чудесной, умеющей заклинать, сидящей на яйцах утки, образ вождя-чародея, который в одних произведениях является избранником народа, в других — приходящим в конфликт с племенем и уходящим от него, и многие другие[1].

Вместе с тем мордовский народ с древнейших времен связан не только с финно-угорскими, но и с русским и другими народами. В знаменитой летописи «Повесть временных лет» говорится, что мордва жила в соседстве с русскими княжествами и с XI века киевским князьям платила дань[2]. Многовековое соседство мордвы со славянскими племенами способствовало взаимному обогащению фольклора, выработке общих духовных ценностей в этой области.

В эрзянском и мокшанском, как и в эстонском фольклоре, многочисленны эпические песни и предания о построении города, укрепления, мельницы, церкви[3]. В русском фольклоре подобные песни не зарегистрированы. В русском фольклоре мне известны два предания о построении города — это сооружение Нижегородской стены — «Коромыслова башня»[4] и об основании Новгорода, под основание которых замурована человеческая жертва[5]. Зато в сербском, болгарском фольклоре такие балладные эпические песни многочисленны, в которых обманным способом завлекается в склеп ребенок или кормящая грудью ребенка женщина, нередко знатного происхождения[6]. Песня эта известна и у всех балканских народов, в том числе и славян.

---

[1] *А. И. Маскаев,* Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964, стр. 167—228.

[2] Повесть временных лет, ч. I, М—Л, 1950, стр. 13.

[3] *А. И. Маскаев,* Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964, стр. 79—112.

[4] Нижегородские легенды (Д. Булгаковской) СПБ, 1896, № III.

[5] *А. Хаханов,* Очерки по истории грузинской словесности, т. IV, М. 1906, стр. 98.

[6] Эпос славянских народов (ред. проф. П. Г. Богатырев), М., 1959, стр. 269—274.

Многие эпические песни нередко свободно переходят национальные границы и начинают жить новой жизнью у другого народа. Например, обнаружена сербская песня о Куликовской битве русских с татарами. Песня сложилась на Руси, перешла в Сербию и, изменившись, становится популярной и там, на сербском языке[1]. Что же касается балладных, эпических песен драматического содержания, то они известны многим народам мира, нередко переходят от одного народа к другому[2]. Это, разумеется, не значит, что сходство в песне непременно должно объяснится заимствованиями. Произведения у многих народов оказываются близкими, общими, как известно, и по типологическому сходству, но заимствования, взаимное обогащение фольклора соседних народов также бесспорны.

Известный венгерский ученый Л. Вардьяш считает, что песни о построении города у балканских народов и их соседей венгерского происхождения. Для доказательства этого заявления он произвел анализ 222 песен разных народов. Вместе с тем он утверждает, что венгры усвоили эту балладу в 7—8 веках на Дону в результате Кавказского культурного влияния[3]. Правдивость этого предположения можно подтвердить и тем, что у народов Кавказа, грузии, например, до сих пор бытуют песни о замуровании человека под основание возводимого сооружения и что в грузинских, сербских, венгерских, болгарских песнях этого сюжета наблюдается большая общность[4].

Тот же венгерский ученый Вардьяш наряду с общностью замечает некоторую разницу в деталях песни венгерской, сербской, грузинской и мордовской. Эта разница действительно имеется и обнаруживается при сопоставлении текстов.

Если сопоставить мордовские, венгерские, сербские и грузинские песни, то мы увидим, что в грузинских песнях, как правило, замуровывают взрослого парня, в песнях балканских и соседних им народов — кормящую грудью женщину-мать, в мордовских — взрослую незамужнюю девушку. Причина замуровывания жертвы в песнях всех названных народов одна и та же — стремление умилостивить местных богов, чтобы они не мешали строить сооружение. В мордовских песнях строители

Строить, строить — ошось калады	Строят, строят — город рушится,
Кепсить, кепсить — ошось лондады .	Ставят, ставят — город валится.

---

[1] *Л. С. Шептаев,* Сербская песня о куликовской битве. Русский фольклор, т. VIII, М—Л., 1963, стр. 181—185.

[2] *Л. Вардьяш,* Венгрия. Тезисы к докладу: «О некоторых основных вопросах изучения эпических жанров. VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

[3] Lajos Vargvas, Herkunft der ungarischen Ballade von der eingemauerten Frau. Acta ethnographica, Tomus IX, № 1—2, Budapest, 1960.

[4] *М. Я. Чиковани,* Грузинско-сербско-венгерские эпические встречи (к вопросу генезиса легенды о Сурамской крепости). Сообщения АН Груз. ССР, т. 16, № 10, Тбилиси, 1955, стр. 829—836.

В югославских:

Строят город вот уже три года,
Мастеров им триста помогают,
Основание возвести не могут,
А уж целый город и подавно:
Что им за день мастера построят,
Всё им вила за ночь раскидает[1].

Среди грузинских и мордовских песен о возведении сооружения имеются песни, в которых человек идет на жертву добровольно, чтобы ценой своей жизни помочь своему народу, племени, его процветанию, а в грузинских — и царю. В этих вариантах мордовской и грузинской песни поступки жертвы героичны и сама песня воспринимается как героическая. Однако в большинстве мордовских песен, как и в песнях венгерских, болгарских, сербских, жертвой бывает взрослая женщина (девушка) и закладывается она порой насильно, обманным способом и даже калечится, чтобы она не могла убежать из-под фундамента.

Правда, последняя деталь, вероятно, поздняя и возникает она в период исчезновения актуальности строительного обряда. Поздней надо считать и такую деталь, как отдача в жертву человека обездоленного, бедного, сироту, «за кого некому слова сказать» на мирском сходе старейшин.

Если считать доказанным, что в первую половину первого тысячелетия и ранее мордовские племена жили на территории Волго-Окского междуречья и южнее и что мадьярские (венгерские) и болгарские племена жили там же и мигрировали они не на восток и север, а на запад и юг, то вполне можно сделать вывод, что эти племена или все они откуда-то получили одну и ту же песню о построении города, или они сложили здесь, поэтому она вошла в национальный фольклор этих народов и уже потом у каждого племени, народа стала развиваться самостоятельно на своей национальной почве. Этим последующим самостоятельным развитием объясняется обращение героев песни и строителей крепости к местным божествам: вилам, самовилам, масторове, объектам сооружения. Показательны в этом отношении эрзянские песни о построении Казани, Симбирска или сельской церкви[2], Грузинско-Сурамской крепости[3], балканской — города Скарда.

При любом из названных предположений неизбежно вытекает вывод о былом наличии длительного соседства и тесного контакта между племенами, которые способствовали созданию общих элементов духовной культуры, в том числе и культуры песенной.

---

[1] Эпос славянских народов (хрестоматия под ред. проф. П. Г. Богатырева), М., 1959, стр. 269.

[2] *М. Е. Евсевьев,* Избранные труды, т. I, Саранск, 1961, стр. 79—122.

[3] Сообщения Академии наук Грузинской ССР, т. 16, № 10, Тбилиси, 1955, стр. 829.

Мордовско-болгарские эпические встречи известны не только по песням сюжета «Женщина в фундаменте». Общие мордовско-болгарские мотивы имеются и в других эпических песнях. Болгарская песня о женитьбе Солнца на земной девушке[1] начинается такой же ситуацией, какой и мордовская песня о девушке Литове (Сиряве, Васальге, Азравке), умыкаемой богом грома Нишки пазом, Вере пазом или Шкабавазом на небо[2].

В ряде мордовских песен, как и в песнях прибалтийских финских народов, мордовский небесный бог Шкабаваз или Пурьгине паз умыкает земную девушку тем же самым способом, что и Солнце в болгарской песне: схватывает с качелей, когда на них качалась героиня. Между болгарской и мордовской песнями этого сюжета нет полного тождества в содержании, однако начало песни, изображение процесса умыкания во многом одинаковы.

Различия в песнях сюжета «Литова» объясняются развитием этих произведений на национальной почве. А развитие это многовековое, ведь песни названного сюжета существуют до сих пор, несмотря на ослабление и угасание эпической традиции.

Мордовско-болгарские эпические встречи наблюдаются и в цикле поэзии древней, по классификации академика Н. С. Державина «мифологической», и в цикле более поздних песен — юнацких и хайдутских, что соответствует мордовским ранним и поздним сказочным, героическим балладам.

Болгарская песня «Золотая яблоня» во многом напоминает мордовские песни о парне и змее. В мордовских, особенно в эрзянских песнях, парень, нередко охотник, спасает змею, снимает её с горящего дерева и за это получает от спасенной чудесное лекарство, излечивающее больных членов семьи спасителя, а иногда, когда парень бывает неженатым, избавленная от гибели змея превращается в девушку и выходит замуж за избавителя[3].

В болгарской песне «Золотая яблоня» спасенная от огня змея, которая была на горящем дереве, дарит избавителю чудесную яблоню, трижды в год приносящую яблоки и деньги[4]. Сюжетная близость этих песен не подлежит сомнению.

Другой пример в песнях этого цикла. Болгарская мифологическая песня «Яна сиротка»[5] близко напоминает эрзянскую песню о борьбе между старым и молодым Тюштянами[1] и победе молодого правителя, рожденного без физического отцовства семидесятилетней вдовой.

---

[1] *М. Халанский,* Заметки по славянской народной поэзии. Русский филологический вестник, т. XIX, Варшава, 1888, стр. 38—44.

[2] Образцы мордовской народной словесности, вып. 1, Казань, 1882, стр. 172—186; Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. 1, (Л. С. Кавтаськин), Саранск, 1963, стр. 53—76.

[3] Proben der mordwiniscnen Volkslitteratur, gesammelt von H. Paasonen. Bd., JSFOu. IX. Helsinki. 1891.

Эрзянь морот (М. Е. Евсевьев), М., 1928, стр. 145.

[4] Болгарская народная поэзия (Н. С. Державин), М., 1944, стр. 43—47.

[5] Там же, стр. 54—64.

В болгарской песне сиротка Яна также родит необычного мальчика без физического отцовства, от камня. И в эрзянской, и в болгарской песне говорится, что царь чудесным способом узнает о рождении необычного мальчика, который должен заменить теперешнего правителя и стать вождем. Старый правитель принимает все меры к убийству мальчика, что, казалось, ему удалось, но мальчик остается в живых, идет войной против старого правителя, одерживает победу и становится правителем. Обе песни в равной мере родственны сказкам о судьбе, но каждая прикреплена к своему народу и воспринимается как повествование о событиях национальных.

Болгарская песня «Юнак и конь» о захоронении конем[2] своего хозяина напоминает эпическую песню о погибшем человеке, похороненном и оплаканном его умным конем. Правда, болгарская песня представляет собой только один фрагмент сюжета, тогда как эрзянская повествовательная песня подробна: она включает сказочные предметы и ситуации, как-то: железные лапти, волшебный нож, который покрывается кровью после гибели своего хозяина[3], и другие. Об умной лошади имеются и другие эрзянские песни. Эрзянские песни «Мурза»[4] и «Мокша»[5] о девушке-воине во многом приближаются к Алтайской героической поэме «Алтын Тууди»[6]. Вместе с тем эрзянские песни близки к песням о девушке-воине славянских народов, в частности польским, болгарским, русским, сербским.

Правда, песня о девушке-воине в фольклоре славянских народов больше приближаются к балладам западноевропейских народов[7]. Однако само их наличие в эрзянском фольклоре и в фольклоре славянских народов роднит эти песни в сюжетном отношении.

Таким образом, мордовско-болгарские связи в фольклоре несомненны. Трудно допустить, чтобы от мордвы к болгарам или от болгар к мордве шли эти песни через русских или других народов, у которых они не обнаружены. Напрашивается вывод, что мордовско-болгарская общность в эпической песне скорее объясняется длительным в прошлые времена соседством племен этих народов. Разумеется, при объяснении общности в песнях разных народов следует учитывать не только контакты между народами, но и фольклорные, художественные традиции этих народов. Традиции могут или содействовать появлению общности или стать в этом тормозящим фактором или даже барьером.

---

[1] Mordwinische Volksdichtung (H. Paasonen). Band I. Helsinki, 1938, стр. 82—90.

[2] Болгарская народная поэзия (Н. С. Державин), М., 1944, стр. 91.

[3] Mordwinische Volksdichtung, Bd., I. Helsinki, 1938, стр. 256—266.

[4] Образцы мордовской народной словесности, вып. I, Казань, 1882, стр. 162—168.

[5] Мордовские народные песни (Г. И. Сураев-Королев, Л. С. Кавтаськин). М., 1957, стр. 98—104.

[6] *Алтын Тууди* (ред. А. Коптелов), Новосибирск, 1950.

[7] *И. Сазанович,* Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче. Варшава, 1886.

Марийцы, удмурты, исторически и этнически когда-то связанные с мордовскими и другими финно-угорскими племенами, рассматриваемых эпических песен не имеют, поскольку у них отсутствует эпическая песенная традиция. В болгарском, сербском, русском, венгерском, мордовском песенно-эпические традиции имеются.

В мордовском фольклоре эпическая песня героического характера до сих пор, несмотря на ослабление эпических традиций, остается популярной в народе и воспринимается как повествование о бывших в прошлом событиях. Так воспринимаются эпические песни и у славянских народов, венгров, если даже содержание этих произведений бывает сказочным, фантастическим[1]. В этом одна из особенностей восприятия эпической поэзии этих народов.

Ни в эрзянском, ни в мокшанском фольклоре не обнаружено эпических песен о богатырях, защищающих свой народ от иноземных поработителей (как в фольклоре славянских народов, прошедших стадию государственности), но зато у мордвы зарегистрировано много песен сказочного содержания, баллад. Подобные эпические песни имеются в большом количестве и у славянских народов, и порой они близки к мордовским. Особенно эта близость наблюдается между мордовскими и русскими песнями исторической тематики и балладными песнями разной тематики. Более того, часть исторических песен является общей для русских и мордвы, так как она записана от обруселой мордвы, создавшей и исполняющей эти произведения на русском языке. Такова песня «Саманька» об участии мордовской девушки во взятии Казани войсками Ивана Грозного[2]. Таковы некоторые песни о крещении мордвы[3]. В ряде эрзянских бытовых баллад, например, о девушке, желающей умереть и просящей похоронить её у дороги, героем является русский молодец, говорящий на русском языке, поэтому и героиня говорит с ним по-русски[4]. В русской исторической песне «Полоняночка», изображающей побег русской девушки-аристократки из татарского плена, один из героев называется мордвином, мордовичем[5].

---

[1] *Н. Кравцов,* Сербский эпос. М.—Л., 1933, стр. 10.

[2] Архив АН СССР в Ленинграде, фонд 134, оп. 2, № 50, лл. 3—5.

[3] Саратовский этнографический сборник (М. Т. Маркелов, Б. М. Соколов), вып. I, Саранск, 1922, стр. 227—228; М. И. Зевакин, Кузьма Алексеев, Саранск, 1936 год, стр. 9—10.

[4] Мордовский этнографический сборник. (А. А. Шахматов), СПБ, 1910, стр. 449.

[5] Этнографический сборник, вып. VI, СПБ, 1864, стр. 92—93; Исторические песни (В. И. Чичеров), Л., 1956, стр. 161—162.

Таким образом, русская и эрзянская эпические песни имеют не только одинаковые сюжеты, но и одинаковых героев, если даже сюжет и тематика этих песен не совпадают. При прочных и длительных исторических и эпических связях между мордвой и русскими песенная общность неизбежна, поэтому труднее было бы объяснить её отсутствие, нежели наличие. Эта общность выступает и в деталях.

Так, эрзянская песня «Мокшо» («Мокшанин») и русская песня о девушке-воине[1] наряду с различиями имеют много общего не только в сюжете, но и в её деталях: у старика много дочерей и нет ни одного сына, вместо старика идет в солдаты на службу царскую его младшая дочь, которая долгое время оставалась в армии неузнанной.

В русском и мордовском фольклоре нередки близкие и даже параллельные песни о превращениях. Вот этому примеры. В эрзянской песне «Патят-сазорт колмонест» («Три сестры») повествуется о поисках тремя сестрами исчезнувшего младшего брата. Старшая сестра превращается в сокола, средняя — в ласточку, младшая — в пчелиную матку, они находят убитого брата, достают живой воды и воскрешают его[2].

В центральных и южных районах Российской Федерации живет песня «Сестры ищут брата», которая по содержанию и образам почти одинакова с мордовской: старшая из трех сестер превращается в щуку, средняя — в сокола, младшая — в звездочку. Они находят убитого брата и хоронят его[3].

Несмотря на то, что эрзянская песня по сравнению с русской содержит дополнительный мотив чудесного воскрешения, общность сюжета, образов очевидна, и обе песни приближаются к чудесным сказкам о превращениях.

В мордовском (эрзянском и мокшанском) фольклоре многочисленны песни о превращении героини в птицу. Особенно часто встречаются такие песни в цикле о мачехе и падчерице[4]. Так, в песне «Цеца», записанной в середине прошлого века от обрусевшей мордвы Нижегородского уезда, падчерица, изгнанная из дома, превращается в птицу и улетает, а потом прилетает в свою деревню, чтобы повидать родных[5].

В русском фольклоре этот сюжет встречается в редко исполняемой песне о мачехе и падчерице: мачеха избила падчерицу, падчерица превращается в кукушку, а позднее прилетает к родному дому[6]. Такое же сходство наблюдается и в песнях о превращении героини в дерево, песнях весьма древних по своему происхождению и известных многим народам. В русской песне «Рябинка» убитая женщина превращается в рябину[1], в мордовской песне «Бабанять колма стиренза» («У старухи три дочери») убитая девушка превращается в дерево с толстым стволом[2]. И в русской, и в мордовской песнях деревья разговаривают, рассказывают о причинах своего превращения.

---

[1] Песни, собран. П. В. Киреевским. Новая серия, в. 2, ч. I, М., 1917, стр. 79.

[2] Эрзянь морот (М. Е. Евсевьев), М., 1928, стр. 85—87.

[3] Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, в. 2, ч. 2, № 1775, М., 1929.

[4] *А. И. Маскаев,* Мордовская народная эпическая песня, Саранск, 1964, стр. 60.

[5] Нижегородские губернские ведомости, № 8, 1887, стр. 2—3.

[6] Русская баллада (В. И. Чернышев), Л., 1936, стр. 243—244.

Связь между русскими и мордовскими сказочными песнями наблюдается и в других сюжетных песнях, где превращений нет. В эрзянском фольклоре очень распространена песня о состязании коня с соколом. Известна эта песня и русскому фольклору[3]. И в русской, и мордовской песне конь и сокол состязаются между собой, чтобы определить, кто раньше достигнет заветного столба или колодца. Во всех случаях побеждает конь, так как сокол в пути останавливается терзать лебедушку.

В русских песнях стимул соревнования не всегда указывается, или называется случайная причина: сокол говорит, что у коня шерсть некрасивая, мясо черное и проч. После состязания стороны расходятся. В эрзянской песне причина спора общественная — конь хочет быть кормильцем мира, народа. В одной из песен «Соколт-ракшат» («Конь и сокол») так и говорится, что стороны хотят определить не только победителя в соревновании, но и кормильца мира, кормильца людей:

Се улезэ масторонь кирди,	Пусть тот будет держателем страны.
Се улезэ народонь анды[4].	Пусть тот станет кормильцем народа.

Таким образом, в эрзянской песне, такой же древней, как и русской, решается социальный вопрос, выдвинутый общественными идеями на стыке двух эпох, периода перехода от охоты к пашенному земледелию. Среди эрзянских песен есть песня, в которой конь-победитель разбивает дерево, на котором гнездится сокол, убивает птенцов[5], и этим как бы подчеркивает, что теперь он не только победитель, но и должен быть кормильцем народа.

Учитывая, что мордовские версии песни о состязании коня с соколом более полны и многочисленны, чем русские, более тесно связаны с историей, учитывая и то, что сравнительно давно мордва входит в Русь, находится в постоянном взаимном контакте с русскими, русский фольклорист и историк профессор А. В. Марков приходит к заключению, что в русской песне этого сюжета можно видеть мордовское начало[1]. Точка зрения профессора Маркова, несомненно, имеет основание и заслуживает внимания со стороны нашей исторической и филологической науки. Взаимное, а не только одностороннее обогащение русского и мордовского фольклора происходит с древних времен. Мордовский ученый М. Е. Евсевьев, собирая и изучая мордовские песни, сказки, материалы по обрядовой поэзии и сравнивая мордовские материалы с русскими, приходит к выводу о безусловном наличии русско-мордовских и мордовско-русских заимствований, хотя определенно и не указывает, кто у кого заимствовал те или иные конкретные произведения[2].

---

[1] Народные баллады (Д. М. Балашов), М.—Л., 1963, стр. 65—66.

[2] Мокшень фольклор (Кеняев Д. и Талышкина Т.), Саранск, 1940, стр. 120—121.

[3] Великорусские народные песни (А. И. Соболевский), т. I, СПБ. 1895, стр. 491—494.

[4] Эрзянь морот (М. Е. Евсевьев), М., 1928, стр. 132.

[5] Mordwinische Volksdichturg, Bd., I. Helsinki, 1938, стр. 494—499.

Такие заимствования осуществляются с давних пор, и чем ближе к нашему времени, мордовские заимствования с русского все более и более значительны. Близкое мирное многовековое соседство, одинаковый способ ведения хозяйства[3], близкие поэтические традиции русских и мордвы сблизили не только фольклор, но и национальные характеры этих народов.

Соседство мордвы и русских, одинаковые исторические судьбы, близость бытовых условий и национального характера содействовали появлению и бытованию типологически близких, созданных этими народами семейно-бытовых балладных песен.

И русская, и мордовская патриархальная семья в прошлом подавляла свободу личности не только в обществе, но и в семье. Укрепление хозяйства и семьи способствовало насильственной женитьбе и выдаче замуж. В целях скорейшего приобретения нового члена семьи, работницы и продолжательницы семьи и рода жениха, женили малолетних сыновей. И если в русской среде в какой-то мере сдерживался неравный брак церковью, то мордва, поздно крещенная, не имела и этой формальной ограниченности. Правда, практически церковь не всегда мешала ненормальному браку, т. к. ещё в XVIII и даже в XIX веке за взятки попы и архиереи венчали 10—12-летних мальчиков на взрослых девицах[4]. И в русском и особенно в мордовском фольклоре появляется много песен о расправе жены над маленьким мужем, в которых бесправная жена, протестуя против неравноправия, против жизни с ненавистным человеком, доходит порой до преступления, до физического уничтожения постылого муженька-мальчика[5]. По этой же причине появляются балладные песни о попытках мужа избавиться от ненавистной старой жены методом физического устранения жены из жизни[1].

---

[1] *А. В. Марков,* Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии. Известия Тифлисских женских курсов, т. 1, вып. 1, Тифлис, 1914.

[2] ЦГА МАССР, Р-267, оп. 1, № 24, стр. 65—66.

[3] *М. Г. Маркелов* и *С. П. Толстов,* К истории Терюханской народной культуры. Альманах «Этнография», книга VI, № 2, 1928, стр. 104—123.

[4] *М. Е. Евсевьев,* Мордовская свадьба, М., 1931, стр. 292—294.

[5] Русская баллада (В. И. Чернышев), Л., 1936, стр. 119—124; Мордовский этнографический сборник (А. А. Шахматов), СПБ., 1910, стр. 464—466, 529—531, 667—668, 677—679.

Они нередко воспринимаются как песни-были, прикрепляются к определенным именам и местности. Прикрепление песни к определенной местности и имени — это не только художественный прием, но и показатель того, что создание песни происходило на основе конкретных событий, прототипов. Такие конкретные прототипы и события содействовали художественному обобщению в песне и у русских и у мордвы самостоятельно. Здесь в песнях налицо типологическое сходство, рожденное самой жизнью, исторической действительностью, одинаковыми традициями и формами поэтического повествования.

По мере сближения мордвы и русских, русский язык для мордвы становится вторым родным языком, а русская песня, особенно семейно-бытовая, любовная, все более и более входит в репертуар мордовской песни и исполняется на русском языке.

Русская песня не просто заимствуется, не только оказывает влияние на мордовский фольклор, но и входит в мордовский фольклор целиком. Так стало с русскими историческими песнями о Степане Разине[2], о казаке Платове[3], которые поются в мордовском селе по-русски. Особенно много исторических и лирических русских песен поется там, где мало или нет своих мордовских песен об удалых людях и песен любовной тематики.

Итак, анализ ряда циклов эпических песен мордовского, венгерского, болгарского и русского народов обнаруживает большое сходство, общность в этих песнях. Это сходство могло сложиться в результате заимствования и создания общих традиций, сюжетов и образов благодаря многовековому близкому и мирному соседству мордовских племен с племенами венгерскими, болгарскими. Особенно много общего в эпической поэзии русского и мордовского народов. Это объясняется теми же причинами, что и общность между мордовскими, венгерскими и болгарскими произведениями. Для русско-мордовской общности исторические и бытовые связи с давних времен переплетаются со связями политическими и экономическими, что благотворно отразилось на общем процессе исторического развития мордовского народа.

Сопоставление мордовских песен с русскими, болгарскими и венгерскими вместе с тем убеждает нас, что между песнями этих народов, а также эрзянскими и мокшанскими песнями имеются не только сюжетные, но и поэтические различия. Они порождены определенными историческими условиями и особенностями жизненного уклада мокши и эрзи.

---

[1] Мордовский этнографический сборник, стр. 668; Русская баллада, стр. 225—227, 237—239.

[2] Саратовский сборник, том II, Саратов, 1881, отд. 2, стр. 16—17.

[3] Рукописный фонд Мордовского государственного университета. Материалы экспедиции 1958 г., записи А. Маскаева.

Л. С. Кавтаськин,
кандидат филологических наук

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ОБЩНОСТИ ПОЭТИКИ МОРДОВСКИХ ПЕСЕН И КАРЕЛО-ФИНСКИХ РУН

При научном исследовании этногенетических проблем, наряду с историческими документами и данными археологии, этнографии и антропологии, фольклору уделяется довольно большое место.

Стал неоспоримым тот факт, что устно-поэтическое творчество, творчество широких народных масс, возникшее в глубокой древности, в обрядовых и необрядовых фольклорных произведениях, отражало особенности социального устройства общественной жизни людей в различные исторические периоды, их быт, их взгляды, мировоззрение, традиции, их эстетические представления, переживания и их взаимосвязи с людьми других племен и народов, с которыми они общались и соприкасались.

Характеризуя многофункциональность и историзм фольклора, Н. Г. Чернышевский писал: «В народной поэзии сохраняются предания старины. Поэтому важность ее неизмеримо велика...»[1]. Эта оценка может быть безошибочно отнесена и к мордовскому фольклору.

Устно-поэтическое творчество мордвы отличается прежде всего сохранностью разнообразных жанров, древних черт их развития, сохранностью древних социальных мотивов и художественных приемов отображения действительности, свойственных фольклору.

Не говоря уже о народной обрядовой поэзии — свадебных, календарных произведениях, даже в необрядовых мордовских песнях пережиточно сохранились в большей или меньшей степени социальные мотивы и художественные образы, восходящие к самым ранним общественным формам родоплеменного строя. Об этом, например, говорят песни космогонического содержания о трех мифических рыбах, с образами которых связаны первобытные представления об образовании морей, суши и появлении небесных светил[1]. Так же древни в своем генезисе песни, отразившие пережитки тотемических взглядов о девушке, не послушавшейся родителей и оказавшейся женой медведя и прижившей с ним двух детей-медвежат[2]. (Заметим, что эти песни помнят и поныне певцы и сказители старшего поколения).

---

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Полное собрание сочинений в 15-ти томах, т. II, Госиздат худож. лит, М. 1949, стр. 306—308.

Период перехода от материнского рода (матриархата) к отцовскому роду (патриархату) отразился в цикле (бытующих и поныне) повествовательных песен о земной девушке Литове (или Элюве), поднятой (умыкание) на небо богом грома и выданной им замуж за своего сына — Молнию[3]. В старших вариантах сказаний о Литове, характеризующихся мифологическим содержанием, мы замечаем отголоски протеста и недовольства женщины патриархатом, ущемлением ее прав.

Переход к земледелию отразился в знаменитых песнях-мифах «Соколт-ракшат» («Сокол и конь»), в которых земледелие символизируется в образе коня, одержавшего в соревновании победу над соколом[4]. Эти песни свидетельствуют и о высоких идеалах трудового народа — творца эпоса. В чем соперничают сокол и конь? Каждый из них отстаивает свое право быть кормильцем и слугой народа[5].

Далее переход от родоплеменного строя к феодальному, период военной демократии отражен в известных песнях-сказаниях о мордовском князе (инязоре) Тюштяне, составляющих мордовский народный эпос, в котором запечатлены в ярких художественных образах давнишнее стремление мордвы жить вместе с русским народом, складывание дружественных русско-мордовских отношений в древние времена[6].

Даже такой период в истории мордовского народа, как период монголо-татарского ига, нашел свое отражение в многочисленных произведениях народной поэзии.

---

[1] См. H. Paasonen, Mordwinische Volksdichtung. 1. Band. Helsinki, 1938, стр. 8—12.

[2] Одна из таких песен под названием «Мишкат-Машкат» («Мишка с Машенькой») напечатана в сб. «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», Саранск, 1963, стр. 79—84.

[3] Там же, стр. 45—49.

[4] См. сб. «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», Саранск, 1963, стр. 29—31.

[5] Мысль об отражении периода перехода к земледелию в этих песнях впервые высказал А. В. Марков в статье «Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии в связи с вопросом о происхождении великорусского племени», напечатанной в «Известиях Тифлисских высших женских курсов». Кн. I, вып. I, Тифлис, 1914, стр. 48—94.

[6] Анализу песен и сказаний тюштянского цикла посвящена специальная статья мордовского фольклориста А. И. Маскаева «Образ Тюштяна в мордовском фольклоре», напечатанная в «Записках» Мордовского госпединститута, вып. II, Саранск, 1957.

Песни, сказания, как и произведения других жанров мордовского фольклора, являясь спутниками народа в его трудовых и ратных подвигах, в труде и отдыхе, отразили и последующие периоды истории.

Подчёркивая большое значение эрзя-мокшанской народной словесности, как исторического источника, необходимо сказать, что мордовские фольклорные памятники, вместе взятые, составляют своеобразную художественную летопись, отразившую исторические судьбы народа, его чаяния и надежды. Начиная с глубокой древности, мордовское народно-поэтическое творчество в его разнообразных произведениях было выразителем, хранителем и передатчиком народного опыта во всех областях жизни, народной мудрости и культуры. Произведения народного поэтического творчества мордвы, как и других народов СССР, были и первой неписаной историей народа, ибо «от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории»[1]. Жизнь подтверждает правдивость этих слов А. М. Горького, а равно и того, что «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества»[2].

Историческое содержание мордовского песенного фольклора, поступки и действия его героев и персонажей позволяют установить черты общности между мордовским и карело-финским эпосом. Это заметил, например, Е. М. Мелетинский в своей монографии «Происхождение героического эпоса», касаясь поэтической биографии Вайнямейнена и образа Тюшти, главного героя мордовского народного эпоса[3].

В разработке вопросов этногенеза не меньшее значение, чем содержание фольклорных памятников, имеет поэтика произведений мордовской народной словесности и в первую очередь поэтика произведений песенного фольклора, которая, к сожалению, почти не изучена. Многие формы поэтического языка и стиля песен и сказаний мордовского народа, равно как и поэтика фольклорных произведений других народов, являются столь же древними, как и сам фольклор, его содержание.

Анализ поэтики, художественной формы народной поэзии важен не только для изучения исторического и идейно-эстетического содержания фольклорных памятников, но и для исследования вопросов, связанных с выяснением социальной и художественной природы многих жанров песенного фольклора[4], для выяснения вопросов генетического родства народов, имеющих сходство в строе языка — этого первоэлемента произведений не только письменной литературы, но также и памятников народной поэзии.

---

[1] *М. Горький,* Собрание сочинений, т. 27, Гослитиздат, М. 1953, стр. 312.

[2] Там же, стр. 311.

[3] *Е. М. Мелетинский,* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. Изд-во восточной литературы, Москва, 1963, стр. 137—138.

[4] «Советская же фольклористика,— пишет Н. И. Кравцов,— интересуется не только сходством, но и различием, т. е. своеобразием эпоса каждого народа, стремится понять процесс формирования национальных традиций и национальных стилей, выработки богатства и многообразия художественных средств». (Сб. «Основные проблемы эпоса восточных славян», М. 1958,

К сожалению, рамки нашей статьи-сообщения не позволяют более или менее подробно и полно осветить намеченную нами тему. Мы остановимся кратко лишь на некоторых особенностях художественного изображения в народной поэзии мордвы и карело-финских рунах, позволяющих при учете данных других наук говорить о генетическом родстве этих народов, об элементах близости их духовной культуры.

Карело-финские руны и мордовские фольклорные песни отличаются не только отшлифованностью и высоким совершенством поэтической формы, но и богатством и разнообразием этой формы, неразрывно связанной с идейно-эстетическим и историческим содержанием произведений.

Говоря о некоторых моментах сходства художественного содержания мордовских и карело-финских эпических песен, хотелось бы указать на образ большого дерева, который встречается в народной поэзии мордвы, карел и финнов. Содержание эпопеи «Калевала», составленной Элиасом Лённротом из отдельных рун, в наших представлениях связано с большим деревом, могучий образ которого дан в ее начале и символизирует богатую природу и неиссякаемые, могучие силы народа.

«Среди многих финских филологов,— пишет В. Я. Евсеев,— довольно широкое распространение получило мнение о том, что по своему содержанию и, в частности, стилистическим особенностям наиболее древними являются руны на космогонические сюжеты. Например, И. Х. Тойвонен писал, что «руна о большом дубе принадлежит, очевидно, к древнейшим в нашей народной поэзии, хочется сказать, к самым древним образованиям и, очевидно, относится к той же группе мифов, что и руна о большом быке, руна о Сампо и руна о погоне за лосем Хийси»[1].

И повествование многих мордовских эпических песен и сказаний начинается с художественного образа могучего дерева, заслоняющего, подобно дереву, изображенному в карело-финских рунах, своими ветвями, раскинутыми по всему небу, небесные светила, солнце и луну[2].

Как уже мы сказали, при изучении этногенетических вопросов важное значение имеет также выяснение средств и приемов художественной выразительности, совокупность которых составляет существенные особенности стиля и художественного языка как произведений эпических, так и произведений иных жанров. Поэтику и художественную форму фольклорно-песенных произведений можно, как нам кажется, сопоставить в какой-то мере с грамматическим строем языка. «Изменения в поэтическом языке, художественной форме рун далеко не всегда наблюдались сразу же после перехода народного эпоса как наследия от одной эпохи к другой. Наоборот, многие поэтические приемы, особенно выражения художественных образов, благодаря взаимодействию разных форм общественного сознания, нередко переживали породивший их общественно-экономический базис. Будучи неотъемлемой частью эпоса, отшлифовавшиеся на протяжении столетий художественные средства языка карело-финских рун при изменении условий общественной жизни постепенно наполнялись новым идейным содержанием и подчас использовались как соответствующие формы образного выражения мировоззрения народа, его идеологии»[1]. Эти слова В. Я. Евсеева целиком и полностью можно отнести и к повествовательным песням мордвы. Среди разнообразных стилистических фигур и приемов художественной выразительности, составляющих систему изобразительных средств, многие имеют сходство в мордовском и карело-финском эпосе. За неимением времени мы коротко остановимся лишь на некоторых из них.

---

[1] *В. Я. Евсеев,* Исторические основы карело-финского эпоса. Изд-во АН СССР, М.—Л. 1960, стр. 335.

[2] См. одну из таких песен под названием «Умарь чувто» («Плодовое дерево»), напечатанную в сб. «Устно-поэтическое творчество мордовского народа», Саранск, 1963, стр. 31—33.

В ряду художественных особенностей поэтики следует выделить, помимо особых черт фоники и ритмики (имеющих общность в мордовской и карело-финской поэзии)[2], такие средства раскрытия художественных образов, как анафора, эпифора, параллелизм с его разными формами и другие.

В одной из карельских рун о состязании Лемминкяйнена с Пяйвеляйненом мы читаем такие стихи, анафорически оформленные.

Kumman miekka mielusampi,	У которого меч лучше,
Kumman kalpa kaunihimpi.	У которого щит красивее[3].

Карело-финская руна, из которой взяты данные стихи, приближается к саамской песне о сыне Пяйвы как по содержанию, так и по отдельным моментам строфики:

Kappan sourma soijeleppu',	У которого пальцы жилистые,
Kappan cude caugeseppu'.	**У которого ногти крепче.**

---

[1] *В. Я. Евсеев,* Исторические основы карело-финского эпоса. Изд-во АН СССР, М.—Л. 1960, стр. 94.

[2] Здесь попутно заметим, что касаясь такой стороны фоники, как аллитерация, В. Я. Евсеев не без основания подчеркнул: «Сравнительно-исторический метод изучения фольклора дает ценный материал для установления происхождения этого средства художественной выразительности в качестве общего явления в устной поэзии разных финно-угорских народностей» (Исторические основы карело-финского эпоса, кн. 2, стр. 135).

[3] Цит. по кн. В. Я. Евсеева «Исторические основы карело-финского эпоса», кн. 2, стр. 187.

Касаясь эстетической функции и времени возникновения этих лексических повторов, В. Я. Евсеев пишет, что анафора в этих отрывках карельской и саамской эпических песен выполняет одну и ту же исторически сложившуюся функцию усиления эмоционального восприятия эпизода единоборства героев через анафорическое подчеркивание указательного местоимения «который». Разница здесь лишь в том, что Лемминкяйнен состязался с Пяйвеляйненом на мечах, а саамский сын Пяйвы с великаном измеряет свою силу, схватившись руками и перетягивая друг друга, с условием: кто первый разожмет пальцы, тот считается побежденным. Возможно, что вышеотмеченный случай, далее пишет исследователь карело-финского эпоса, совпадения анафоры у карел и саамов наметился уже тогда, когда существовал древний способ единоборства, изображенный также и в карельской руне о Лемминкяйнене[1].

Эта особенность лексических повторов — анафора, или единоначатие, свойственна также и мордовскому песенному фольклору. Возьмем, например, начальные стихи повествовательной песни исторического содержания «Вирь чиресэ» («На опушке леса»):

Вирь чиресэ мокшень аля пенгть кери,
Вирь чиресэ эрзянь цёра пенгть лазны.

На опушке леса мокшанский молодец
дрова рубит,
На опушке леса эрзянский парень
поленья колет[2].

Или:

Покш бояр марто, атят, кортамо,
Покш ответэнь, дедат, максомо.

С большим барином, старики, говорить,
Большой ответ, дедыньки, держать[3].

Не менее часто, чем анафора, в мордовских пенсях, как и в карело-финском эпосе, встречается эпифора — разновидность лексических повторов, противоположная по своим стилистическим функциям анафоре. Вот пример из песни «Солдат полк»:

Монь тетян-аван эзинк нек?
Монь эйден-какшон эзинк нек?

---

[1] Цит. по кн. В. Я. Евсеева «Исторические основы карело-финского эпоса», кн. 2, стр. 187.

[2] *Кавтаськин Л. С.*, Эрзянь фольклор (Эрзянский фольклор), Мордгиз, 1939, стр. 234.

[3] Там же, стр. 245. Из песни «Сур веле» («Село Сабаево»).

Моих родителей не видели ли?
Моих детей не видели ли?[1]

Нередко в мордовской песне, подобно карело-финским, эстонским, саамским, одновременно появляется как анафора, так и эпифорическая концовка. Например, в одной из эпических песен слова полоненной сестры, обращенные к родному брату, захваченному также южными кочевниками в плен, содержат и анафору и эпифору:

Кодамо арсемат, Паксине, арсетян?
Кодамо превс минь, Паксине, кундатан?

Какую думу, Паксине, задумаем?
За какую думу мы, Паксине, возьмемся?[2]

Аналогичное явление мы видим и в следующих стихах одной из песен мифологического содержания:

Мейс а ознат Нишке пазнэнь,	Почему не молишься богу Нишке?
Мейс а энялдат вере пазнэнь?	Почему не поклоняешься богу всевышнему?[3]

Одни песенные стихи в мордовской народной поэзии, как и в карело-финских рунах, могут быть только анафоричными, т. е. без эпифоры, другие эпифоричны — без сочетания в них анафоры. Часто в мордовских народных стихах, как и карело-финских, одновременно наличествуют эти две разновидности лексических повторов.

Еще более часто в поэтике мордовского песенного фольклора встречается явление, когда анафорические и эпифорические слова в смежных стихах, как бы расширяясь и выступая в синонимических значениях, образуют пары стихов, в которых слова (понятия) одного стиха синонимны по отношению слов (понятий), стоящих в смежном стихе. Эти параллелизмы настолько характерны и распространены в устной словесности мордвы (в особенности эрзи), что их можно причислить к наиболее характерным национальным чертам поэтики мордовской устной народной поэзии. Например, в одной из эрзя-мордовских песен мы читаем строки:

Тон раужонь-паронь од цёра,
Топудань чиняз од аля![4]

Ты чернобровый славный парень,
Темно-русый пригожий молодец!

---

[1] *Кавтаськин Л. С.*, Эрзянь фольклор (Эрзянский фольклор), Мордгиз, 1939, стр. 253.

[2] Там же, стр. 235.

[3] *H. Paasonen*, Mordwinische Volksdichtung, т. 1, 1938, стр. 128.

[4] Центр. архив МАССР. Рук. архив М. Е. Евсевьева, фонд 267, д. 7, л. 37.

Или возьмем другую песню, начальные стихи которой имеют также форму параллелизма:

Велеськак паро Вишка Бозаев,
Велеськак вадря а покш Бозаев[1].

И село-то хорошее Малое Бозаево,
И село-то пригожее небольшое Бозаево.

В предыдущем примере все слова-понятия первого стиха синонимны по отношению слов-понятий следующего (смежного) стиха. И в последующем примере такое же явление, за исключением слова-понятия «и село-то», выступающего в качестве анафоры в одинаковой грамматической форме и значении.

Существует традиция, в силу которой народные певцы стремятся (насколько позволяет устный способ исполнения) анафорические, как и эпифорические слова, по возможности сделать не адекватными, а синонимными, чтобы разносторонне оттенить понятие, образ. В таком случае стихи приобретают больше всего амбейный характер, амбейную композицию. Амбейная композиция мордовских народных песен сильно роднит их с карело-финскими рунами. Во вступлении (руна первая) карело-финского эпоса «Калевала» мы читаем:

Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства!
Мы споем с тобою вместе,
Мы с тобою промолвим слово.
Наконец, мы увидались,
С двух сторон теперь сошлися![2]

Дореволюционные ученые финно-угроведы выдвинули мысль о связи этого особого вида композиционного параллелизма со способом исполнения карело-финских рун. Они предполагают, что в основе этой формы лежит, вероятно, фольклорный прием поочередного исполнения песен двумя исполнителями или двумя хорами. Это мнение не отвергается и советскими учеными, в частности В. Я. Евсеевым. Он пишет:

«Возможно, параллелизмы возникли в карело-финских рунах в какой-то зависимости от средневековой манеры их исполнения двумя певцами, взявшимися за руки. На такое исполнение рун указывал во второй половине XVIII в. финский филолог и историк Г. Портан»[3].

---

[1] *М. Е. Евсевьев,* Избранные труды, Морд. кн. изд-во, 1963, стр. 39.

[2] *Калевала,* Гос. изд-во худож. литературы, М., 1956, стр. 23.

[3] *В. Я. Евсеев,* Исторические основы карело-финского эпоса. Кн. 2. стр. 208.

Небезынтересно отметить, что видный русский ученый фольклорист Б. М. Соколов, один из зачинателей мордовской советской этнографии и фольклористики, замечая, видимо, эту характерную особенность поэтики мордовской народной поэзии, был уверен, что мордовские песни исполняются точно так же, как и знаменитые карело-финские руны: «Вы услышите здесь (в Саратовском крае — Л. К.) песню финна (мордвина), и способ исполнения как-то поразительно напоминает вам пение финских рун столь прекрасной Калевалы. Мы имели возможность наблюдать, как два мордвина, сев друг против друга, мерно покачиваясь и вперев глаза в глаза, пели свою мордовскую песню»[1].

Мы не имеем еще других сведений, чтобы подтвердить слова Б. М. Соколова. Но одно бесспорно: мордовские фольклорно-песенные произведения настолько насыщены амбейными формами стихов, что дают полное основание предположить об исполнении мордовских песен подобно карело-финским рунам.

Чтобы точнее и полнее использовать народную поэзию и как историко-этнографический источник, надо знать синонимическую сущность параллелизмов, которая зачастую дает ключ к пониманию отношения народа к тем или иным историческим лицам, песенным персонажам, явлениям действительности. Например, параллелизм стихов из исторической песни «Пугачев»

Кува лиси эрзянь боярось, прянзо шны,
Кува юты эрзянь началесь, прянзо шны[2]...

Где выезжает эрзянский боярин, там заявляет,
Где проезжает эрзянский начальник, там заявляет...

не дает повода судить, что речь идет о двух лицах — «барине» и «начальнике». В этих синонимных словах народ подчеркивает, что к ним едет одно лицо — мужественный герой, родной Пугачев.

Синонимные слова «мокшень аля» (мокшанский молодец), «эрзянь цёра» (эрзянский парень), стоящие в двустишии:

Вирь чиресэ мокшень аля пенгть кери,
Вирь чиресэ эрзянь цёрась пингть лазны

говорят о том, что народные певцы в эти слова вкладывали близкий (синонимный) смысл. В их понятии эти синонимные слова так близки и слиты, что осмысливались как «мордовский молодой человек».

Отсюда можно заключить, что мордовские народные певцы в лице мокшан и эрзян понимали близких, родственных людей, составляющих единое племя, единый народ.

---

[1] Саратовский этнографический сборник, вып. I-й, под редакцией проф. Б. М. Соколова, Саратов, 1922, стр. 22.

[2] *Кавтаськин Л. С.*, Эрзянь фольклор, стр. 233.

Иногда слово, стоящее во второй строке двустишия (параллелизма) и взятое в качестве синонима к слову, стоящему в первой строке двустишия, является не совсем близким по значению. В этом случае может показаться, что речь идет о двух вещах, о двух предметах. Например, одна из повествовательных песен о строительстве Казани начинается так:

Ней мезе тейтяно, кадтано,	Теперь что сделаем, предпримем,
Мезень превнес соватано?	Что мы задумаем?
Дайте строятано Казань ош,	Давайте построим город Казань,
Дайте кепедтяно Яик ош.	Давайте воздвигнем город Яик[1].

На первый взгляд может показаться, что здесь какая-то путаница — речь идет не то о строительстве Казани, не то Яика. Здесь повествуется о строительстве Казани: основной смысл выражается словом (или словами), стоящим в первой строке двустишия.

Параллелизмы, зачастую принимающие форму амбейности, настолько характерны и карело-финским рунам, что им посвятил специальную работу[2] известный немецкий филолог В. Штейниц, в которой он подверг подробному анализу параллелизмы в рунах северо-карельского сказителя Архипа Перттунена.

Надо сказать, что, явившись удобной формой для устного складывания произведений, поэтические параллелизмы, возникшие в первобытную эпоху, способствовали не только расширению средств художественной изобразительности мордовской народной поэзии, но и обогащению ее языка, лексики, способствовали одновременно запоминанию, сохранению слов и терминов, давно вышедших из обыденной разговорной речи.

Возьмем, например, стихи из свадебной песни, исполняемой в сцене «Привоз свахи и сбор поезжан»:

Сваха мельга мольтяно,	За свахой мы поедем,
Кудава мельга туйтяно	За кудавой мы отправимся
Кильдень-поводень лишмесэ,	На запряженных лошадях,
Камбрастонь-панцтонь ракшасо[3].	На оседланных, взнузданных конях.

В современной разговорной речи значение слова «запрячь» (кильдемс-поводемс) вряд ли выражают словами «камбрастамс-панцтамс».

Наверное, также в современной речи не употребляется слово «эрьвамс» (в значении «ждать»), которое сохранилось в качестве синонима в стихах свадебной песни:

---

[1] *М. Е. Евсевьев,* Избранные труды, т. I, Саранск, 1961, стр. 69.

[2] *W. Steinitz.* Der Parallelismusin in der finnische-karellschen Volksdichtung FFC, № 115, Helsinki, 1934.

[3] *М. Е. Евсевьев,* Мордовская свадьба, Центриздат, М., 1931, стр. 73.

Минь кемень-комсь иеть те чинесэнть учинек,
Минь кемень-комсь иеть те чинесэнть эрьвинек[1].

Таково в общих чертах историко-познавательное, этногенетическое значение поэтических параллелизмов мордовской народной поэзии, свойственных также и карело-финским рунам, и фольклору ряда других финно-угорских народов.

Не менее характерна для мордовского (прежде всего мокшанского песенного) фольклора, как и для карело-финской эпической поэзии, такая форма лексических повторов, как перехват, заключающийся в повторе последнего слова (или нескольких слов) предыдущего стиха в качестве первого слова (или слов) последующего стиха.

В карело-финской руне о мести сына Калевы мы читаем:

Miellä maksan naisen nakron,	Чем отомщу я за женские шутки,
Naisen nakron, piijan pilkan?	За женские шутки, за бабьи насмешки?[2]

Некоторые мокша-мордовские песни целиком строятся на таком перехвате, например, варианты песни «Вири молян, пиче керан» («Схожу в лес, сосну срублю):

Вири молян, узерь сяван,	В лес пойду, топор возьму,
Узерь сяван, пиче керан,	Топор возьму, сосну срублю,
Пиче керан, сока тиян и т. д.[3]	Сосну срублю, соху сделаю и т. д.

В этой песне поется о том, какой путь прошла рубашка, изготовленная из льняного полотна, прежде чем в нее одеться человеку.

Перехват и параллелизмы с их частными проявлениями в виде анафоры и эпифоры возникли, вероятно, в мордовской народной поэзии в далеком прошлом. Стилистический прием перехвата в мордовских песнях, как и в карело-финских рунах, связан в своем генезисе с примитивными цепными, комулятивными произведениями, в свою очередь образовавшимися, видимо, из древних трудовых песен.

Следует особо отметить, что стилистическая фигура перехват в мордовских (особенно мокшанских) песнях очень широко распространена и выступает в различных вариациях и формах.

В мокшанских песнях оформление перехвата проявляется так: конец одного (скажем, первого) стиха переносится в начало второго стиха. К этой перенесенной части добавляется (во второй строке) другая часть, уточняющая смысл перенесенной части, другая часть с конца второго стиха переносится в первую часть третьего стиха и т. д., пока не прервется эта «цепочка». Например:

---

[1] *М. Е. Евсевьев,* Мордовскаяу свадьба, Центриздат, М., 1931, стр. 83.

[2] Цит. по 2 кн. В. Я. Евсеева «Исторические основы карело-финского эпоса», стр. 190.

[3] Вариант записан Акмаевой В. И. в 1964 г. в селе Новлей Инсарского района Мордовской АССР.

Юван Алданясь — сиянь валдонясь,
Сиянь ведняса штафкясь-нардафкясь,
Штафкясь-нардафкясь — пес урядафкясь[1].

Иванова Авдотья — серебряный свет,
В серебряной воде вымытая-вытертая,
Вымытая-вытертая — до конца убранная[2].

Нередко к стихам, построенным в виде перехвата, добавляется слово «кати» (то ли), что придает песне особое звучание:

Тама аварди эсь кудсост-шисост,
Эсь кудсост-шисост, мргаса,
Кати мргаса — эзем лангса пеняса[3].

Домна плачет в своем доме,
В своем доме около печки,
То ли около печки — на лавке на (ее) конце.

Мы коснулись лишь части средств художественного изображения. Мордовской песне, отличающейся богатством и совершенством художественной формы, присущи, по нашим наблюдениям, и другие поэтические приемы (например, метафора, метономия и т. д.), которые также проявляют сходство с теми же художественными явлениями в карело-финской народной поэзии и которые позволяют говорить о близости исторического содержания и художественных форм мордовского и карело-финского песенного фольклора, о близости, которая объясняется и общностью этногенетических моментов.

Вероятно, подобные аналогии можно встретить и при сопоставлении эпосов других народов, но мы ставим задачу — проследить эти общности у народов угро-финских. И, как нам кажется, эти параллели у мордвы и карело-финнов довольно характерны.

---

[1] Сб. «Мокшень фольклор», стр. 237.

[2] Прерванная «цепь» перенесений может появиться в том же произведении снова, разумеется, с иными словами, дорисовывающими образ, усиливающими идею.

[3] См. Мокшень фольклор, стр. 236.

К. Т. Самородов,
кандидат филологических наук

О СВЯЗИ МОРДОВСКОГО НАРОДА С ДРУГИМИ НАРОДАМИ ПО МАТЕРИАЛАМ ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА

Советская фольклористика не может ограничиться изучением устно-поэтического творчества того или иного народа, не учитывая процессов взаимодействия и взаимосвязей фольклора разных народов, в частности, родственных по языку и культуре, а также народов-соседей.

При изучении этих процессов существенное значение имеет правильное применение метода сравнительно-исторического исследования материала.

В настоящем сообщении ставится задача, во-первых, обосновать, что большое сходство и некоторые различия между мокшанским и эрзянским обрядовым фольклором есть результат творчества исконно родственных племен, которые в дальнейшем своем этническом развитии дифференцировались. Во-вторых, установить, что сходство и различие между мордовским, с одной стороны, и русским обрядовым фольклором, с другой, есть результат взаимодействия, обусловленного сходством общественных отношений и территориальной близостью этих народов. В первом случае мы делаем сравнение историко-генетическое, во втором — сравнение историко-типологическое.

Большое сходство между мокшанским и эрзянским обрядовым фольклором проявилось как в идейно-тематическом содержании, так и в художественной форме. Но о полном сходстве, об их полной общности говорить нельзя. И не только потому, что они бытуют на мокшанском и эрзянском языках, но и потому, что они имеют некоторые различия в жанровых формах, а также в бытовании обрядов. Например, в прошлом эрзянских селениях, кроме общемордовских молений, бытовали еще женские обрядовые моления, как «бабань каша», «хирзари» (девичье пиво) и другие, которые у мокшан не обнаружены. Наоборот, в мокшанских деревнях Волгапино (бывш. Краснослободского уезда) и Вечкинино (бывшего Наровчатского уезда) М. Е. Евсевьевым в конце XIX столетия описаны интересные обрядные моления в честь покровительницы воды и деторождения Ведявы и покровительницы урожая Норов-авы. Эти обрядовые моления получили название «братчины» и представляли собой торжественные празднества с пением народных песен. Как правило, праздники эти устраивались во время пасхальной недели и отмечались всей общиной по группам родственных семей.

В жанровом составе обрядовой поэзии мокши и эрзи мы находим следующие различия: в календарной поэзии эрзянских селений наибольшее развитие и распространение получили песни-колядки, а у мокши — песни-таусян. Некоторые весенние календарные песни, как тундань серемат, толиямат, данюлямат, сохранились и бытовали только в мокшанских селениях, а песни рождественского дома (роштувонь кудо морот) и уянамат — больше всего в эрзянских селениях. Но такие весенние обрядовые песни, как уянамат, позярамат и вербамат, бытовали среди мордовского населения почти повсеместно.

В области свадебной обрядовой поэзии также можно заметить некоторое своеобразие. Если у эрзян наибольшее развитие получили причитания невесты, особенно те, которые она исполняет по вечерам до прихода свадебного поезда, то у мокшан уже во второй половине XIX века вечерние причитания невесты были необязательным элементом в свадебном обряде.

Одновременно у мокши стал развиваться жанр «паряфтнемат». Этому способствовало то обстоятельство, что у мордвы-мокши патриархальные порядки соблюдались значительно слабее, чем у эрзи. Так, по словам В. Майнова, у эрзян родители при женитьбе и выдаче замуж не спрашивали желания детей, а у мокшан это могли делать только с их согласия. Поэтому не случайно, что М. Е. Евсевьеву и другим собирателям не удалось записать ни одного варианта мокшанской свадьбы, где бы причитания, особенно вечерние, имели хорошую сохранность.

Далее, в эрзянском и мокшанском свадебном ритуале различно соблюдались обычаи наречения невесты и обрядовая церемония в честь богини воды Ведявы.

Можно было бы привести еще несколько таких характерных моментов из мокшанского и эрзянского обрядового фольклора, в частности, из похоронных обрядов мордвы. Но и приведенные факты свидетельствуют о том, что все эти расхождения возникали в позднейший период исторического развития, что в первоначальной своей основе они, несомненно, не различались, а были общими для всех племенных групп мордвы. В целом мордовский обрядовый фольклор характеризуется теми же общими закономерными процессами, которые присущи были фольклору марийского, удмуртского и других ранее бесписьменных народов финно-угорской языковой общности Поволжья.

Обрядовый фольклор у вышеперечисленных народов целиком пронизан воззрениями культа предков, в нем сохранились почти все общественные и семейные ритуальные обряды-моления (озксы) и тексты ритуальных песен (пазморот), с которыми люди веками были связаны.

Элементы драмы (сюжетные сцены, действия, диалоги, ряжения и т. д.) в обрядовом фольклоре остались только в форме первых своих проявлений: они не успели выделиться из культового действа в самостоятельный драматический жанр, так как этот процесс был прекращен рядом исторических причин.

У мордвы, марийцев и удмуртов общие фольклорные процессы были осложнены под воздействием фольклора соседствующих народов, особенно русских.

Рассмотрим русско-мордовские связи в области обрядового фольклора.

Сопоставляя фольклор мордвы с фольклором русского и других народов, мы находим целый ряд общих тем, мотивов, жанровых структур, сюжетов, образов, ситуаций, обрядовых действий и т. п., сходство которых связано с аналогичными социальными и культурными условиями и взглядами, возникшими в процессе совместной жизни и борьбы с эксплуататорами.

Эта совместная жизнь и борьба, общность хозяйственно-бытовых условий мордовского и русского народов не могли не привести к сближению их духовной культуры, что сказалось в общности их фольклора, особенно обрядовой поэзии.

По своему жанровому и тематическому составу обрядовая поэзия мордвы, как у русского и других земледельческих народов, делится на календарную поэзию, связанную с общинными аграрно-религиозными празднествами зимнего, весеннего и осеннего периодов и на внекалендарную, связанную с семейно-бытовыми явлениями — свадьбами, похоронами и другими обрядами.

Циклы мордовских календарных обрядов и песен в основном совпадают с русскими. Они начинаются со святок. Это самое веселое праздничное время (с 24 декабря по 6 января), когда запасы урожая еще полностью не иссякли. Святки у мордвы, как и у русских, сопровождались не только такими обрядами, как игры, пляски, гадания, ряжения, но и исполнением определенных песен. Особенно большое место среди них занимали песни-колядки и песни-таусян. Все они по содержанию почти ничем не отличаются от русских и связаны заботами о сельском хозяйстве и стремлениями крестьянства выйти из нужды. В них старались выразить благополучие, пожелания большого нового урожая, счастливого брака и потомства. Этой цели были подчинены все религиозно-магические действия, заклинания и словесные формулы, в которых сознательно художественно гиперболизируется воспеваемый объект или образ. Например, будущее просо рисуется таким, чтоб оно имело бы солому в оглоблю, зерно с яичный желток, а мякина — с ореховую скорлупу; колос ржи уподобляется кнутовищу.

Если в колядках многое заимствовано мордвой от русских, то в свою очередь русский таусень (или овсень) связан со старинным мордовским обрядом. Об этом свидетельствует тот факт, что он справлялся только в тех районах бывшей России, где издревле жила и живет мордва. Это мнение высказывается и многими русскими литературоведами. Так, В. Келтуяла писал: «Мордвины... молятся в день нового года богу таусею, Великому Васяю и просят его, чтобы он дал им поросят черных и белых, как он сам любит. Таусей — мордовских бог свиней. Великий Васяй — это Василий великий. Мордвины заимствовали у русских святого Василия великого, на которого по связи с новогодним поросенком перенесли черты своего национального бога свиней — Таусея. В свою очередь и русские заимствовали у мордовцев имя Таусея, переделав его в таусена, овсена, ависена, усена»[1].

По своему содержанию и форме песни тавусень во многом напоминают колядки. Исполняются они так же, как и колядки, с теми же обрядами. Магические функции, тематика, композиция и художественные средства их иногда совпадают с колядками, разница только в припеве: вместо «коляда» произносится «тавуся»:

— Тавуся! Бабай, панчк, пильгень палсть!
— Тавуся! Ков якить этькай?
— Тавуся! Якинь сюро ваномо.
— Тавуся! Кодат, этькай, сюротне?
— Тавуся! Алтюжякшкат зернатне,
Тавуся! Ажияшка олгозо,
Тавуся! Лутушки, латушки,
Тавуся! Давай, бабай, перякат...

— Тавуся! Бабушка! Отворите, ноги озябли!
— Тавуся! Куда ты, малый, ходил?
— Тавуся! Ходил просо смотреть.
— Тавуся! Какое, малый, просо?
— Тавуся! С яичного желтка зерно,
Тавуся! В оглоблю стебель.
Тавуся! Лутушки, латушки,
Тавуся! Давай, бабушка, пироги.

Иногда припев произносится только в начале каждой строфы песни:

Тавуся! Расступись земля,
Уродился хлеб,
Колос с дугу,
Зерно с кочедык,
А соломушка с оглоблюшку,

Тавуся! Зерно толки,
Пироги пеки,
Клади в окно:
Прилетит голубок,
Возьмет зернушки,
А мы пирожки. И т. д.

Песни-вийанамат. Двоеверие мордвы особенно заметно в так называемых великопостных обрядах и песнях-вийанамат

---

[1] *В. Келтуяла,* История русской литературы, т. 1, изд. второе. СПБ, 1913. стр. 378.

(вий — сила, бодрость, анама — прошение, то есть песни прошения силы, бодрости). Несмотря на христианский великий пост, начиная с чистого понедельника до страстной недели, на улицах девицы-мордовки, особенно эрзянки, пели особые краткие песни частушечного склада — уянамат или тундань морот (это почти то же, что у русских весенние песни). Вся молодежь считала своим долгом в каждый вечер этой недели до самой зари обходить всю деревню и перед любым домом, где есть парень или девица, исполнять одну из этих песен. В песнях парень и девица величаются как жених и невеста. Так они перебирают всех парней и девиц данной деревни. Вот образцы этих песен-вийанамат (уянамат):

1. Шапарякс ладяй	Редька приятна (дружит)
Од куваз мархта,	С новым квасом,
Маряня ладяй	Марюша дружит
Лёшаня мархта.	С парнем Алексеем.
Эсь завиднаец	Сама гордится
Эсь любовнаец,	Сама любуется,
Ярхцаза кургце,	Ешь пока приятно,
Тяза моль мяльце.	До полной сытости.
2. Лата ланга ведь шуди:	По крыше сарая вода течет,
Веднять эзга куйхть уендихть,	По воде змеи плавают,
Куйхнень прява кальхть касыхть,	На головах их тальники растут,
Кальхнень прява кумпрят шачихть.	На тальниках ужовки родятся.
Кие кумбрятнень сясезень?	Кто ужовки те сорвал?
Кие кумбрятнень нозозень?	Кто ужовки те набрал?
Мазы Иван сязезень.	Красивый Иван сорвал,
Мазы Иван нозезень,	Красивый Иван набрал,
Маврань кргас каязень.	На шею Мавре положил[1].

Песни вербные. В ночь на вербное воскресенье мордва устраивала особый праздник в честь Вермавы, то есть матери вербы. В субботу вечером в назначенной избе девицы приготовляли или приносили с собой всевозможные кушанья и перед едой свершали обряды. Заранее приглашенная, то есть избранная, старушка читала молитву (озному), в которой просила дать девицам здоровье и сохранить их от дурной славы, а также просила помощи у бога, чтобы уродился хлеб, размножался скот и т. д. Приходили на праздник в качестве гостей и женатые мужчины, их тоже угощали, но зато после ужина их прогоняли сквозь строй: парни и девицы с вербами в руках становились в два ряда, каждого гостя проводили между этими рядами и ударяли по одному разу вербою, будто иначе Вермава не даст им здоровья и урожая. Перед рассветом вся молодежь с вербой в руках отправлялась по домам участвовавших на вечере — хлестать спящих вербой. Подходя к дому девицы пели:

---

[1] *М. Евсевьев,* Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. Петроград, 1914, стр. 21.

Стяка, урякай, стяка!	Вставай-ка, невестушка, вставай-ка
Кели ортань панжема!	Широкие ворота отворять,
Тейтерь дякань нолдама.	Девиц-молодиц впускать!
Иляка пель, урякай,	Ты не бойся, невестушка,
Верминеса чавтадызь,	Вербой мы тебя похлещем!
Омбонь те шкас прафттадызь.	До другого года здоровья дадим[1].

Молодушка отпирала ворота, девицы входили в избу, хлестали всех спящих вербой и пели:

Вай, удыда, удыда!	Ой, спите, спите!
Иляда пель, сыргыстяд!	Не бойтесь, что проснетесь!
Верминеса verматадызь	До другого года здоровья дадим
Чачи сюрынь чачемга,	Для хорошего урожая.
Чюмбра чининь улемга.	Для доброго здоровья[2].

Когда были обойдены дома всех участников, молодежь направлялась на берега реки, к тому месту, куда приходили молодые люди из другой половины деревни. Здесь девицы становились друг против друга, и каждая партия хулила другую песней:

На той стороне девушки
Прядут нитки, годные для ватолы,
Холсты ткут, что полога,
Вышивают узоры слабые (то есть неплотные) и т. д.

Особенно много общих или сходных обрядов и сцен с русскими встречается в мордовской свадьбе. Например, сватанье, смотрины дома жениха, печение каравая, встреча молодых в вывороченной шубе, осыпание их хмелем, битье горшков, хождение невесты в баню, расставание с девичеством и другие. Соблюдается и одинаково назначение свадебных чинов при различных названиях: «уредев» («торонь канды» у мокши) в мордовской свадьбе соответствует «дружке» в русской свадьбе, «кудава»— свахе, «кудат»— поезжанам и т. д.

Имеют сходство с русскими и некоторые символические образы и такие мотивы, как расставание с девичеством, упрек родителям и тому подобные. Например, в русской свадьбе невеста после ухода сватов причитывает:

Кинулся ты, батюшка,
На стакан вина,
На каравай хлеба...

---

[1] *М. Евсевьев,* Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. Петроград, 1914, стр. 22.

[2] Там же.

Аналогичный упрек звучит и в причитаниях невесты в мордовской свадьбе (см. В. Е. Евсевьев, Мордовская свадьба, 1959, стр. 166).

Особенно сходны с русскими мотивы в причитаниях, связанных с обрядом «расставание с девичеством, волюшкой».

В мордовских свадебных песнях и причитаниях мы можем обнаружить не только много сходных с русскими мотивов, но и немало отдельных русских и даже целых предложений. Это обстоятельство наводит на мысль о заимствовании их друг у друга. Но установить, в каких случаях мы имеем дело с историческим сходством и в каких случаях может идти речь о прямом заимствовании, очень трудно.

Правильное решение этого вопроса возможно только в результате всестороннего историко-сравнительного изучения свадебных песен и причетов не только у народов финно-угорской языковой группы (мордвы, марийцев, удмуртов, карелов), но и русских, украинцев, татар и других.

М. Е. Евсевьев, прослеживая взаимоотношения между русскими и мордвой в области свадебной поэзии, пришел к выводу, что «многие русские свадебные обряды берут свое начало от финно-угорских народов». Можно смело сказать, что мордовская свадьба в своей основе самобытна, говорил М. Е. Евсевьев. Для доказательства он приводит несколько убедительных примеров. В частности, обряд «битье горшков», «встреча молодых после венчания в вывороченной шубе», «осыпание молодых хмелем или зерном» и другие, которые практикуются у русских и у мордвы, но у последних они имеют совсем иное значение, чем у русских. Следовательно, многие из этих обрядов мордовской свадьбы бытовали еще в те времена, когда тесных взаимосвязей с русскими еще не было.

Конечно, влияние русской свадьбы на мордовскую было закономерным явлением, этому способствовало и то, что у мордвы русский язык уже в XIX веке становился вторым родным языком. Однако при исследовании мордовской свадьбы многие ученые заметили и обратное влияние. В этом отношении интересны наблюдения А. Маркова, М. Евсевьева и других.

А. Марков, исследуя свадебные песни и причитания у обрусевшей мордвы Нижегородской губернии, устанавливает мордовское происхождение некоторых русских свадебных причитаний. Он отмечает, что хотя невеста-тюреханка причитывает по-русски, но вместе с тем в ее причитаниях наличествуют элементы мордовской традиционной свадебной поэзии, и приводит такой пример:

Благослови, печка-матка!
Родимая матушка!
По твоим братьям,
По моим дядькам,
По твоим сестрам,

По моим теткам,
С милыми подружками
Походить, погулять и т. д.

Данное обращение во многом сходно с обращением стряпух к хранителю печи в мордовской свадьбе:

Каштом кирди матушка!	Богиня печи, матушка!
Каштом кирди сияка!	Владыка печи, серебряная!
Пидинть-панинть мазы прякат...	Испеки пироги красивые...

Известно, что в мордовской традиционной свадебной поэзии широко распространено обращение к языческим божествам, а в русской подобные образы неизвестны.

Таковые некоторые взаимосвязи мордовского и русского обрядового фольклора, общие условия их бытования.

Однако общность мордовского и русского обрядового фольклора еще не дает основания говорить о том, что они возникли одновременно и в условиях совместного творческого процесса. Об этом свидетельствуют их национальные различия в содержании и форме.

Надо полагать, что мордовская общественная (календарная) и семейно-бытовая обрядовая поэзия возникла на самобытной основе в ту эпоху, когда предки мордвы-мокши и эрзи жили как единые, еще не расчлененные племена в доклассовом патриархальном родовом строе среди других волжских этнических групп.

Н. Ф. Цыганов,
кандидат филологических наук

СЛЕДЫ ЭТНОНИМА «МОРДВА»

Этноним «мордва» давно стал предметом внимания лингвистов и историков.

С расшифровкой этнонимов финно-угорских народов некоторые исследователи связывали решение проблем, касающихся определения границ былого распространения на обширной территории Восточной Европы славянских, финно-угорских, балтийских и иранских народов, установления их первоначальных мест пребывания и степени влияния их друг на друга в древнейшие эпохи их истории.

В своей выдающейся работе «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях» акад. А. А. Шахматов писал:

«Разрешение вопроса о славянской прародине стоит в прямой зависимости от решения вопроса, где искать первоначальных мест жительства финно-угорских племен, западных и поволжских. Действительно, весьма существенным представляется вывод, к которому пришли исследователи лексического состава финских языков: Финны (западные и поволжские: Мордва, Черемисы) только в сравнительно позднее время пришли в столкновение со Славянами, между тем, как связи Финнов с Иранцами, Балтийцами (Литво-латышами и Прусами), а в частности еще западных Финнов с Германцами относятся к гораздо более ранним эпохам: из языков этих народностей заимствован Финнами ряд слов, что свидетельствует частью о живых культурных сношениях Финнов с Иранцами и Балтийцами, западных Финнов с Германцами, частью даже о тесном сожительстве Финнов с названными народностями. Замечательно при этом, что поволжские языки (мордовский, черемисский) не содержат в себе сколько-нибудь древних славянских элементов; вряд ли даже можно указать, например, в мордовском языке такие заимствования из русского языка, которые возводились бы к эпохе общерусского праязыка; между тем те же языки подверглись несомненно в очень старое время влиянию иранских языков, а мордовский обнаруживает довольно значительное число заимствований из языков балтийских»[1]. Этноним «мордва» в том виде, в каком он сейчас бытует, дошел до нас, как известно, из русских летописей XI века: «По Оце реце, где потече в Волгу, Мурома язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык»[2]. Но нам известны и более ранние свидетельства. Это упоминание готского историка Иордана (VI в. н. э.) о тиудах, меренсе и морденсе и сообщение византийского императора Константина Багрянародного (X в. н. э.) о существовании Мордии.

Расшифровка значений этнонимов народов Поволжья, в том числе и этнонима «мордва», связывалась с расшифровкой этнонимов Северной Скифии, приводимых Геродотом в его «Истории греко-персидских войн». Исследователи стремились установить связь между названиями народов у Геродота с этнонимами народов, населяющих Восточную Европу, и таким путем установить историческую преемственность между ними. В зависимости от этого и решался вопрос о прародине этих народов, о путях дальнейшего передвижения и степени их культурного и языкового взаимовлияния. Относительно этнонима «мордва» и народа, носящего это имя, в этом плане были высказаны две точки зрения. Сторонники одной из них отожествляли мордву с геродотовскими андрофагами (венский проф. Томашек, финский проф. Х. Паасонен, акад. А. А. Шахматов, историк И. Н. Смирнов), сторонники другой отожествляли мордву с геродотовскими будинами (историки Забелин, Семенкович, Гераклитов А. А., акад. Н. Я. Марр). Противоположная точка зрения была выдвинута проф. Д. В. Бубрихом.

Венский проф. Томашек при расшифровке названий племен и народов Скифии, сообщаемых Геродотом, исходил из предположения, что собственные названия племен и народов, входивших в состав Скифии, переводились греками с древнеиранского языка на греческий язык соответственно выражаемому этнонимом значению. Исходя из этих соображений, он отождествил андрофагов с мордвой, а меланхленов с марийцами. Вслед за Томашеком акад. А. А. Шахматов невров Геродота отождествил с предками современных суоми, эстов, вепсов и карел. Он пишет: «Но если в **Меланхленах и Андрофагах** можно, вслед за Томашеком, видеть Восточных Финнов, то ясно, что сидевшие от Андрофагов на Запад **Невры должны** быть признаны **Западными Финнами, предками Суоми, Эстов, Вепсов, Карел** и т. д.»[3].

---

[1] Известия Академии наук. VI серия, № 9, 1911 г. СПБ, стр. 707—708.

[2] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, Саранск, 1940, стр. 123.

[3] *А. А. Шахматов*, Введение в курс истории русского языка, ч. I, Петроград, 1916, стр. 38.

По мнению Томашека, слову androphagos в древнеиранском языке должно соответствовать mordxwar, что означает «людоед» или «людей пожирающий».

Теорию В. Томашека о возможности отождествить Андрофагов Геродота с Мордвой акад. А. А. Шахматов назвал «блестящей догадкой». В пользу этой догадки акад. Шахматов от себя приводит следующее соображение: «Сама мордва и до сих пор не называет себя этим именем: мордвин говорит про себя, что он Эрзя или Мокша»[1].

Как ни авторитетна оценка Шахматовым гипотезы В. Томашека, все же сама расшифровка этнонима «мордва» может быть признана неудачной. Этимология этого слова, как доказывал проф. Д. Д. Бубрих, оказывается искусственной, ложной.

А ведь акад. Шахматов был близок к истине. Через несколько строк после приведенной нами цитаты он пишет: «Мордвой эрзян и мокшан называют русские. Очевидно, шедшие с юга русские, встретившись с мордвой, и назвали ее старым южнорусским, по происхождению скифским названием — «мордва» (там же).

Теория Томашека подверглась критике только в советское время. Она была рассмотрена в работах акад. Марра. Последний указывал, что Томашек искусственно сочинил термин «мордва» с помощью созвучных иранских слов[2].

С точки зрения фактов истории самого мордовского народа, теория Томашека-Паасонена подверглась серьезной критике в сборнике «Документы и материалы по истории МАССР».

Комментируя высказывания Геродота, составители сборника замечают: «Нет никакого серьезного основания приписывать людоедство мордве, а черные плащи—марийцам. Во всех этих сближениях андрофагов и других с мордвой и марийцами решающую роль играют априорные соображения, умозаключения от фактов последующего обитания здесь этих народов. Но, во-первых, первые определенные указания о последних отделены от Геродота очень большим промежутком времени (о мордве, приблизительно, тысячелетием), во-вторых, территориальные определения Геродота весьма спорны и неясны; примером может служить отнесение одними учеными будинов Геродота то к востоку от андрофагов, то приурочение их к восточному берегу Днепра, или к северу-западу от него, в связи с чем они признаются то удмуртами (вотяками), то литовцами, то славянами (Шафарик). В силу этого сближение андрофагов с мордвой представляется не выдерживающим критики»[3].

Серьезной и обстоятельной критике подверглась этимология этнонима «мордва», предложенная Томашеком, в работах проф. Бубриха: «Лингвистические данные к вопросу о древности связей между мордвой и восточными славянами»[1] и «Можно ли отождествлять мордву с андрофагами Геродота»[2].

---

[1] *А. А. Шахматов,* там же, стр. 38.

[2] *Н. Я. Марр,* Избранные работы, т. IV, стр. 200—201, т. V, стр 216—217.

[3] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I. МНИИЯЛИ, Саранск, 1940, стр. 12.

В первой работе Бубрих пишет: «Интересно, наконец, Иорданское *морденс.* Оно неотделимо от восточнославянского *мърдъва.* Это восточнославянское *мърдъва* представляет собой собирательное образование с суффиксом *-ъва* (ср. братва и т. п.) Рядом могло существовать *мърдия,* собирательное образование с суффиксом **-ия** (ср. братия и т. п.). Данное название отражает тогдашнее мордовское *мурди,* к нашему времени приобретшее вид *мирде:* перед сочетанием двух старых мягких согласных **у** к нашему времени заменилось через **и** (**ы**). Что в данном случае раньше было именно **у**, ясно из того, что данный случай представляет собою заимствование иранского *Мортийо* — «человек, муж», а иранское **о** могло давать мордовское **у**.

Мордовское *мурди,* ныне *мирде* значит «муж» и в роли этих значений самоназвания не употребляется. В роли названия мордвы это мордовское слово использовано восточными славянами[3].

В другом месте он замечает: «Совершенно ясно, что название *мордва* не имеет никакого отношения к Скифскому *мордхвар, мордхва* в целом». И далее делает вывод: «Таким образом отпадает основание отождествлять мордву с геродотовскими андрофагами. Кто именно были андрофаги — неизвестно»[4].

Историю вопроса о происхождении этнонима «мордва» можно было бы считать законченной, если бы доцент П. Д. Степанов не предложил еще одну этимологию. В примечании к своей статье «К вопросу о происхождении мордвы»[5] он пишет: «Мы считаем, что термин мордва — сложный и состоит из части *mor* или *mort* — человек, народ, люди, муж и *tuwa (tuwo)* «свинья». Этимология маловероятная. Ясно, что из всех этимологий этнонима «Мордва» наиболее научно убедительной является этимология проф. Д. В. Бубриха.

Можно сделать вывод, что основной причиной спора между исследователями было не отрицание иранского происхождения корня этнонима «мордва». Все ученые признают, что корень этого этнонима *mort, murt* «человек, муж» заимствован из иранских языков. Этот вывод находит поддержку в статье проф. В. И. Лыткина «О вокализме финно-угорских языков»[6].

Вот как объясняет это слово И. М. Оранский в своей работе «Иранские языки»: *murtk (murdk)* — имя существительное «мужчина», совр. перс. *märd,* тадж. *mard,* н.-перс. *mard,* ср.-перс. *mart,* др.-перс. *martiya*[1].

---

[1] «Записки» МНИИЯЛИ, № 7, Мордгиз. Саранск, 1947, стр. 5—6.

[2] «Записки» МНИИСК, № 3, Мордгиз, Саранск, 1941, стр. 29—33.

[3] Записки МНИИЯЛИ, № 7, Мордгиз, Саранск, 1947, стр. 5—6.

[4] Записки МНИИСК, № 3. Мордгиз, Саранск, 1941, стр. 30.

[5] Записки Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры, № 3, Саранск, 1941, стр. 26.

[6] Вопросы финно-угорского языкознания, издательство АН СССР, 1962, стр. 41.

Споры, как мы видим, касались главным образом суффикса **-ъва.** Есть ли следы слова *морт* в мордовском языке?

Нам известно, что в мордовских языках обнаружено было только одно слово *мирде* со значением «муж» из иранских *мурт, морт.* Вместе с тем в пермских языках существует слово *мурт, морт.* В удмуртском он имеет значение «человек, муж, жених, посторонний — чужой» и звучит как *мурт.* В коми языке это слово употребляется в значениях «человек, свой, чужой» и одновременно употребляется в сочетании с именами родства: *«мужик морт»* «мужчина», *нывморт, нылморт* «девушка», *ныв баба морт* «женщина»[2].

Коми и удм. *морт, мурт* в мордовском соответствует по значению *ломань* (слово тоже иранского происхождения). «Ломань» употребляется в значении «человек» и «чужой»: *ломань кедьсэ эри.* «У чужих живет, у людей живет, а не у себя». *«Те аволь минек, те ломанень».* «Это не наше, это чужое». Слово *ломань* употребительно в сочетании с именами родства: *ава ломань* — «женщина», *атя ломань* —«старик», *цёра ломань* —«мужчина», *тейтерь ломань* —«девушка».

Таким образом, мы установили полное совпадение в употреблении коми-зыр. слова *морт,* удм. *мурт* и морд. *ломань* «человек».

Перечитывая старый рассказ писателя Мокшони «Тимок», я нашел следующие строки: *«аватне, стир'хня кштирдить,* а *идь морхня тонафтнема ушедыхт* (женщины, девушки прядут, а дети начинают учиться). Мое внимание обратило сочетание «Идь морхне «дети». Это была находка. Затем в словаре дипломника П. С. Кудаева, приложенного к его дипломной работе на тему «Особенности дракинского говора», я обнаружил слова: *ава мор* «женщина», *атя мор* «мужчина», *цёра мор* «мальчик», *стирь мор* «девочка». При анкетной проверке употребления слова *мор* оказалось, что оно встречается в мокшанских деревнях: Анадово, Новые Выселки, Вадово Селище (Зубово-Полянский район), Лопатино, Ст. Дракино (Торбеевский район МАССР), Салазгорь, Самазлейка (Рыбкинский район МАССР), с. Мордово-Муромка (Мокшанский район Пензенской области).

Слово *мор* употребляется в определительных словосочетаниях как определяемое слово. Определениями в таких словосочетаниях выступают имена родства в абсолютной форме: *цёра* «мужчина», «парень», *стирь* «девушка», «дочь», *атя* «старик», *баба* «бабушка», *ава* «мать», *идь, шаба, жаба* «ребенок», *аля* «мужчина».

---

[1] *И. М. Оранский.* Иранские языки. Изд. Восточной литературы. Москва, 1963, стр. 170.

[2] Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар, 1961, стр. 223.

Необходимо отметить, что не во всех селениях, проверенных нами, слово **мор** употребительно с перечисленными именами родства. Так, в с. Вадово-Селище (Зубово-Полянский район МАССР) *мор* встречается только в двух случаях: *стирь мор* «девушка» дочь», *цёра мор* «сын, парень». В селе Новые Выселки (Зубово-Полянский район) встречается в трех случаях: *атя мор* «дедушка, старый человек», *баба мор* «бабушка», *стирь мор* «девушка, девочка, дочь».

В с. Самозлейка (Рыбкинский район МАССР) слово *мор* встречается в сочетании почти со всеми именами родства: *стирь мор* «девушка, девочка», *цёра мор* «парень, сын», *атя мор* «старик, старый человек», *баба мор* «бабушка», *аля мор* «мужчина», *ава мор* «женщина». Некоторые примеры на этих словосочетания: *Вана, стирь морсь колазе вальмять* «Вот, девушка разбила окно». *Минь стирь морсь якай цёра мархта* «Наша девушка дружит с парнем». *Минь цёра морсь ёрай рвяямс* «Наш парень собирается жениться». *Минь атяморсь мярнай ды мярнай* «Наш старик журит да журит». Почему же понадобилось употреблять слова *«мор»* или *«ломань»* со значением «человек» при таких именах существительных, как *ава* «женщина, мать», *атя* «старик», *аля* «мужик», *цёра* «парень, сын» и т. д.? Это происходит потому, что указанные имена существительные передают значение естественного пола любого живого существа, сравни мордовск. *авакш* «птичья самка», *атякш* «самец птицы, петух», *ава туво* «свиноматка», *ава* или *авака гала* «гусыня», *атя гала* «гусак», *ава* или *авака курка* «индюшка», *атяка курка* «индюк». В мокшанско-русском словаре слова *ава, атя* имеют следующее раскрытие: ава 1) женщина; 2) (в некоторых диалектах) мать; 3) свекровь; 4) в сочетании с названиями животных и птиц указывает на их принадлежность к женскому полу, например: *ава-леф* «львица», *ава гульня* «голубка», *ава верблюд* «верблюдица», *ава врьгаз* «волчица», *ава тува* «свиноматка», *ава маци* «гусыня», *ава офта* «медведица».

Слово *атя* передает значения: 1) старик; 2) дед, дедушка; 3) в сочетании с названиями животных образует название самцов, например: *атякага* «кот», *атямаци* «гусак», *атясява* «козёл»[1]. Подобные словосочетания мы обнаруживаем и в других финно-угорских языках, например, в марийском языке слово *ава* передаёт значения: мать, свекровь, самка, матка: *ава́ пучӧ* «самка оленя», *ава́ лу́до* «утка», *ава́ ко́мбо* «гусыня», *авав сӧснӓ* «свиноматка»[2].

Причина ясна: *мурт, морт, мор* или *ломань* «человек» употребляются для передачи значения человека женского или мужского пола.

---

[1] Мокшанско-русский словарь, Москва, 1949 г.

[2] Марийско-русский словарь, Москва, 1956, стр. 11.

Далее, слова *мурт, морт, мор,* а также *ломань* «человек» употребляются и в значении «чужой, не свой», скорее «не мой, не наш».

Употребление слова *мор* «человек» нами пока установлено в небольшом количестве населенных пунктов мокшанских районов. В эрзянских районах мы этого слова не обнаружили.

Употребление слово *мор* «человек» установлено в селениях, в которых обнаружено так называемое *экание* или икание, т. е. в говорах, где общемордовское ӓ в первом слоге слова совпало с общемордовским **э,** или в говорах, где общемордовское **ӓ** заменяется через **э,** а общемордовское **э** заменяется через **и.** (Тӓште — Теште, Веле — виле)[1]. Это те селения, которые когда-то примыкали к Тамбовской и Пензенской Мещере.

Часто задают вопрос, почему заимствовала мордва слова **мор** и **ломань,** разве у мордвы не было своего слова со значением «человек»? На этот вопрос можно ответить так. Такое слово, конечно, существовало, и оно существует и сейчас, это слово — эрзя или мокша. Эрзя — это человек, принадлежащий к племени **эрзя,** мокша — человек, принадлежащий к племени **мокша**. Если человек не принадлежит к племени, то как его называть? Очевидно, указанные иранские слова заимствованы с той целью, чтобы выразить значение «человека» вообще, а человек, **не принадлежащий** к эрзе или мокше — это «чужой, не свой человек».

Этим объясняется антонимичность значения заимствованных из иранских языков слов *мурт* (морт, мор) и *ломань* «человек» в пермской и волжской группах финно-угорских языков.

1. Обнаруженное нами в мокшанских диалектах слово *мор* «человек» в сочетаниях: *атя мор* «старик», *ава мор* «женщина», *аля мор* «мужчина», *стирь мор* «девушка», *идь мор* «ребенок» указывает, что этноним *мордва* вовсе не является чуждым мордовскому народу и не содержит ничего оскорбительного.

2. Тот факт, что в определенных районах расселения современной мордвы «человек» был назван словом **мор,** а в других *ломань;* т. е. словами иранского происхождения, указывает, что эти слова заимствовались различными племенными группами мордвы. Племенная группа, сохранившая заимствованное слово **мор,** видимо, ближе стояла к пермским племенам.

3. Слово *мурт* в его разновидностях — *морт, мар, морт, мор* в значении «человек» ныне засвидетельствовано в пермской и волжской группах финно-угорских языков. Оно составляет основу этнонимов *мордва, мари, мурома, удмурт*[2]. Этот факт дает основание предполагать, что предки современной мордвы,

---

[1] См. *Цыганов Н. Ф.,* Гласные первого слога слова в мордовских диалектах, Морд. гос. университет, Ученые записки, № 43, серия мордовская филология. Мордовское книжное издательство, Саранск, 1964.

[2] Проф. *Лыткин В. И.,* О вокализме финно-угорских языков (сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», изд. АН, Москва, 1962, стр. 41).

удмуртов, мари, коми и пермяков в геродотовскую эпоху, возможно, носили общее название **муртов** и занимали территории, лежащие где-то на юге-западе, непосредственно соприкасались с иранцами северного Черноморья и, возможно, входили в состав империи скифов.

А. П. Феоктистов,
кандидат филологических наук

К ПРОБЛЕМЕ МОРДОВСКО-ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Мордовский народ с древних времен вступал в торговые и политические связи со своими иноязычными соседями, что не могло не наложить отпечатка на развитие мордовского языка и в первую очередь — его лексики.

Мордовская лексика по своему составу далеко не однородна. Кроме общемордовского фонда, преимущественно финно-угорского происхождения, в словарном составе современных мокша- и эрзя-мордовских языков выделяются иноязычные лексические пласты — иранский, балтийский, тюркский, восточнославянский и т. д. Первое место по количесту в мордовских языках занимают русские (в том числе древнерусские) заимствования, а второе — заимствования из тюркских языков.

В настоящей статье затрагиваются некоторые вопросы мордовско-тюркских отношений по данным лексики мордовских языков.

Установлено, что многие финно-угорские языки, такие, как венгерский, марийский, мордовские, удмуртский и некоторые другие, подвергались влиянию со стороны многочисленных тюркских языков. Следы тюркского влияния в отдельных языках финно-угорской семьи обнаруживаются не только в словарном составе, но также в фонетическом и даже грамматическом строе.

Сильное влияние тюркских языков на протяжении многих столетий испытывал венгерский язык. «После того как венгерский народ отделился от своих соплеменников и направился на юг, он поселился вначале на равнине, простирающейся севернее Кавказа, в районе реки Дон... К этому времени относятся древнейшие тюркские заимствования в венгерском языке. Один, более ранний, слой заимствований в языке правенгров относится ко времени их пребывания в районе Урала; другой, более поздний и больший по объему,— к 5—6 вв. н. э.

Большое влияние на дальнейшую судьбу и обогащение венгерского языка оказало соседство с могучей Хазарской империей. В этот период одно из хазарских племен, говорившее на древнечувашском языке, слилось с венграми и приняло участие в их дальнейшей жизни.

Тот тюркский народ, из языка которого венгры заимствовали целый ряд слов, был близок к тюркским болгарам, в свое время основавшим великую Болгарскую империю»[1].

Марийский язык в древности переживал эпоху интенсивного взаимодействия с чувашским языком. Специалисты предполагают, что «чувашский язык формировался на марийском субстрате, поскольку современная территория Чувашии, по крайней мере её северная часть, в древности была населена марийцами»[2].

Интенсивные связи удмуртов с татарами в течение многих веков также создавали благоприятную почву для взаимодействия удмуртского и татарского языков. Этому немало способствовали внешние факторы: непосредственное соседство удмуртов с татарами, наличие татарских населенных пунктов на удмуртской территории и др. Воздействию татарского языка на удмуртский язык предшествовало влияние языка волжских булгар. «Действительно, предки коми и удмуртов ещё в общепермскую эпоху восприняли от булгар несколько десятков слов, обозначающих разные предметы сельского хозяйства, материальной культуры и т. п. ... Булгары на Средней Волге занимали господствующее положение в 6—13 вв. Они ... оказали сильное культурное влияние на общепермян (общепермянами заимствовано из языка булгар свыше двадцати слов) и ещё более сильное — на удмуртов, которые оставались в сфере влияния камско-волжских булгар значительно дольше, чем предки коми»[3].

Из всех финно-угорских языков,— по мнению Б. А. Серебренникова,— марийский и удмуртский «подверглись влиянию тюркских языков в наибольшей степени. Влияние тюркских языков в марийском более значительно, чем в удмуртском. Это объясняется тем, что процесс взаимодействия удмуртского языка с татарским был менее интенсивным. Процесс взаимодействия марийского языка с чувашским был более длительным и дал более ощутительные результаты»[4].

---

[1] *Й. Балашша,* Венгерский язык. Перевод с венгерского О. В. Громова, И. В. Салимона и Ю. И. Шишмонина. Редакция, предисловие и примечания К. Е. Майтинской. Издательство иностранной литературы, Москва, 1951, стр. 15.

[2] *Б. А. Серебренников,* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. Москва, 1960, стр. 259.

[3] *В. И. Лыткин,* Историческая грамматика коми языка. Часть первая. Введение. Фонетика. Учебное пособие для высших учебных заведений, Сыктывкар, 1957, стр. 23—24.

[4] *В. А. Серебренников,* Категории времени и вида.., стр. 269.

Но, по-видимому, не менее глубоким было влияние тюркских языков и на венгерский. Как отметила К. Е. Майтинская, многовековые связи венгров с тюркоязычными племенами «оставили настолько глубокие следы в венгерском языке, что в течение нескольких столетий, вплоть до конца прошлого века, продолжались споры о том, к какой семье языков принадлежит венгерский: финно-угорской или тюркской»[1].

Тюркские заимствования в финно-угорских языках, особенно в венгерском и марийском, уже подвергались исследованию[2]. Весьма обстоятельная работа «Тюркские заимствования в мордовском» принадлежит перу Хейкки Паасонена[3]. К этой работе по тематике примыкает другая статья Х. Паасонена «Так называемые каратай-мордвины или каратаи»[4]. Продолжением тематики указанных работ является статья Пааво Равила «Некоторые татарские заимствования в мордовском»[5]. Отдельные замечания о составе тюркских заимствований в мордовских языках содержатся в книге М. Е. Евсевьева «Основы мордовской грамматики»[6]. Этим ограничивается перечень очень небольшого количества работ, в которых специально рассматривается вопрос о тюркских лексических элементах в мордовских языках.

---

[1] *К. Е. Майтинская,* Венгерский язык. Часть I. Введение. Фонетика. Морфология, Москва, 1955, стр. 10—11.

[2] Приведем здесь лишь некоторые работы известных финно-угроведов о тюркских элементах в финно-угорских языках: *Beke,* Ödön. Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen.—«Keleti szemle», 15. Budapest, 1914—1915. *Beke,* Ödön. Zur lautgeschichte der tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen.— «Finnisch-ugrische Forschungen», 23. Helsinki, 1935. *Donner*, Kai. Zu den ältesten Berührungen zwischen Samojeden und Türken.—«Journal de la Société Finno-ougrienne», 40. Helsinki, 1924. *Fuchs.* D. R. Übereinstimmungen in der finnisch-ugrischen und türkischen sprachen.—«Finnisch-ugrische Forschungen», 24. Helsinki, 1937. *Gombocz,* Z. Honfoglalás elötti török jövevényszavaink. Budapest, 1908. *Gombocz,* Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache.—«Mémoires de la Société Finno-ougrienne», 30. Helsinki, 1912. *Kannisto,* Artturi. Die tatarischen lehnwörter im wogulischen.—«Finnisch-ugrische Forschungen», 17. Helsinki, 1925. *Paasonen,* H. Über die türkischen lehnwörter im ostjakischen.—«Finnisch-ugrische Forschungen», 2. Helsinki, 1902. *Ramstedt,* G. J. Zu den samojedisch-altaischen berührungen.—«Finnisch-ugrische Forschungen», 12. Helsinki, 1912. *Räsänen,* Martti. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen.—«Mèmoires de la Société Finno-ougrienne», 48. Helsinki, 1920. *Räsänen,* Martti. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen.—«Mémoires de la Société Finno-ougrienne», 50. Helsinki, 1923. Räsänen, Martti. Über die langen vokale der türkischen lehnwörter im ungarischen.—«Finnisch-ugrische Forschungen», 24. Helsinki, 1937. *Räsänen,* Martti. Türkische lehnwörter in den permischen sprachen und im tscheremissischen.—«Finisch-ugrische Forschungen», 23. Helsinki, 1935.

[3] См. в немецком оригинале: Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen von H. Paasonen.—«Journal de la Société Finno-ougrienne», 15. Helsinki, 1897.

[4] См. в немецком оригинале: Die sogenannten Karataj-mordwinen oder Karatajen von H. Paasonen.—«Journal de la Société Finno-ougrienne», 21. Helsinki, 1902.

[5] См. в немецком оригинале: Ravila, Paavo. Einige tatarische lehnwörter des mordwinischen.—«Finnisch-ugrische Forschungen», 20. Helsinki, 1929.

[6] См. *М. Е. Евсевьев,* Избранные труды в пяти томах. Том четвёртый. Основы мордовской грамматики, Саранск, 1963, стр. 16.

Контакты мордовских племен с тюркоязычными племенами, по-видимому, начались с приходом гуннов в районы Прикаспия и Донских степей (4 век н. э.). Хотя гунские орды не доходили до районов непосредственного расселения мордовских племён (Среднее Поволжье), но «некоторое передвижение населения из области лесостепи к северу имело место и привело к появлению чуждых племенных групп»[1].

Мордовско-тюркское языковое взаимодействие должно было усилиться после образования Хазарской державы (7—8 вв. н. э.), в непосредственном подчинении которой находилась часть мордвы[2].

После прихода булгар на Среднюю Волгу, создавших в 10 в. сильное государство под названием Волжская Булгария, и особенно после татаро-монгольского нашествия контакты мордовских языков с тюркскими языками приняли беспрерывный характер. В определенных размерах они продолжаются и в настоящее время.

В современных мордовских языках насчитывается более двухсот тюркских заимствований. Лексических элементов тюркского происхождения в мордовских языках, по-видимому, было значительно больше, чем теперь. Однако благодаря широкому проникновению русской культуры в быт мордовского народа в последние столетия (16—20 вв.) многие тюркские лексические элементы в мордовских языках, по-видимому, были вытеснены словами, заимствованными из русского языка.

В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков, опираясь на новые археологические данные, пришли к заключению, что «пришлые болгарские племена, оказавшись на Средней Волге, вступили в довольно тесный контакт с территориально близкими мордовскими племенами, восприняв от них некоторые типы вещей и в свою очередь оказав сильное воздействие на формирование материальной культуры последних»[3]. Выводы археологов в общем подкрепляются и данными языка. В современных мордовских языках сохранилось более двух десятков чувашских (в том числе, по-видимому, и булгарских) заимствований. Установлено чувашское происхождение следующих слов: мокш. *аер, аера, айра* «резкий, пронизывающий, холодный (о ветре, погоде и т. д.)». Ср. в чув. *уяр* «вёдро, ясная погода».

Мокш. *ака* «старшая сестра», «тётя». Ср. в чув. *акка* «старшая сестра».

---

[1] См. *А. П. Смирнов,* Этногенез мордовского народа по данным археологии (1 тысячелетие н. э. до 15 в.).— Научная сессия по этногенезу мордовского народа (тезисы, краткое содержание докладов). Саранск, 1964, стр. 15.

[2] См. Очерки истории Мордовской АССР, т. 1. Саранск, 1955, стр. 36.

[3] *В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков,* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник), Москва, 1964, стр. 159.

Мокш. *асу* «польза, выгода, толк». Ср. в чув. *усă* «польза».

Мокш., эрз. *ила* «обряд, обычай». Ср. в чув. *йăлă* «обычай»,

Мокш. *иса́* «ива, серебристая ива». Ср. в чув. *ăвăс* «осина». Мокшанское *иса* Х. Паасонен возводит к чув. **uvəsa,* которое в мордовском вначале дало **уйса* и затем *иса.*

Мокш. *каба: сельме каба* «веко». Ср. в чув. *хупă* «крышка, покрышка, покров, верхний слой чего-либо и т. д.», *кус хупаххи, кус хупанки* «веко», а также в тат. *куз кабагы* «веко».

Мокш. *келда,* эрз. *кендял* «клоп». Ср. в чув. *хăнкăлă* «клоп».

Мокш., эрз. (устар.) *кереметь* «место жертвоприношения, языческая жертва, имя божества». Ср. в чув. *киремет* «грозный, мстительный дух, зловредный».

Мокш., эрз. *комля* «хмель». Ср. в чув. *хăмла* «хмель».

Мокш., эрз. *кушма, къшма, кушмань, кшумань* «хрен, редька». Ср. в чув. *кăшман: йӳс кăшман* «редька». Не является ли, однако, чув. *кăшман* обратным заимствованием из мордовского или какого-нибудь другого финно-угорского языка — марийского, удмуртского и коми, в которых это слово также представлено? См. удм., коми *кушман* «редька», мар. *ушме́н* «редька», мар. горное нареч. *у́шман* «брюква». Исследователи финно-угорских языков (Ю. Вихман, М. Рясянен и др.) считают это слово заимствованием из чувашского языка. Автор недавно вышедшего «Этимологического словаря чувашского языка» В. Г. Егоров слово *кашман* отнес к числу неясных по происхождению, поскольку в других тюркских языках оно не имеет соответствий. Может быть, древнечувашский и финно-угорские языки это слово заимствовали из какого-нибудь неизвестного языка самостоятельно, без посредства тех или других языков? См. на этот счет H. Paasonen. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen, стр. 7.

Мокш. *борзи, порзи* «перец», «очень горький, пересолёный», эрз. *порцька* «стручковатый перец». Ср. в чув. *пăрăс* «перец», но также в тат. *борыч* «перец».

Мокш. *сирек,* эрз. *сирть* «ясень, вяз». Ср. в чув. *с,ирек* «ольха» и в тат. *зирек* «ольха».

Мокш., эрз. *тарад, тарадо* «ветвь (у дерева)». Ср. в чув. *турат* «ветвь».

Мокш. *цюкор,* эрз. *сюкоро* «пирог, коврига, каравай». Ср. в чув. *с,ăкăр: с,аврака, с,ăкăр, пус,ламан с,ăкăр* «каравай, коврига» и др.

Касаясь чувашских заимствований, Х. Паасонен отметил, что они больше всего встречаются у западной мордвы б. Пензенской и Тамбовской губерний. Эта часть мордвы теперь не имеет никакого отношения к чувашам и о существовании такого народа до последнего времени мало знала. Ничего определенного не было в отношениях между обеими народностями с приходом в 13 в. татар. По мнению Х. Паасонена, «все эти слова относятся к дотатарскому периоду, во время которого... старые булгары... для мордвы... без сомнения играли более важную роль, чем их обедневшие предки»[1].

Некоторые слова в мордовских языках не могут быть возведены к соответствующим словам современного чувашского языка, поскольку они сохраняют древнюю чувашскую форму. К таким словам Х. Паасонен относит, в частности, мокш. *серя* «медь, латунь» (из предполагаемого древнечувашского *s'er* = татарскому *jiz* «латунь, желтая медь». Слово *йĕс* «жёлтая медь, латунь» Х. Паасонен отнес к новым татарским заимствованиям в чувашском языке), мокш. *сюма* «корыто» (из предполагаемого чувашского *s'uma*-турецкому *sumak* «сосуд, посудина, чаша», а также башкирскому *сθм* «глубокий (о посуде и т. д.)». В современном чувашском языке слово не представлено), мокш., эрз. *синдемс,* многокр. *синдеремс, синтремс* «переломить, надломить, сломать» (ср. в татарском *сындыру* «ломать». В чувашском языке не представлено) и др.

Из тюркских заимствований в мордовских языках первое место по количеству занимают татарские слова. Слов несомненно татарского происхождения в обоих мордовских языках и их диалектах насчитывается, по приблизительным подсчетам, не менее двухсот.

Примечательно то, что татарские (как и все тюркские) заимствования в мокша- и эрзя-мордовских языках и особенно в их диалектах представлены не в одинаковом объеме.

Одни татарские заимствования в равной мере встречаются если не во всех диалектах, то в большинстве говоров обоих мордовских языков. К таким словам, например, относятся мокшанско-эрзянские: *айгор* «жеребец», *алаша* «лошадь», *имож, эмеж* «плод, ягода», *карциган, карьхциган* «ястреб», *карша, каршо* «навстречу, напротив», *курка* «индюк», *куда* «сват, поезжанин, *куймак* «блин, дрочёна», *нокта, нофта, новта* «уздечка», *орадомс, урадомс* «размотать (нитки и т. д.)», *байтяк* «изрядно, значительно, порядочно», *балдоз, балдуз, палдоз* «свояченица, сестра жены», *базя, пазя, бальзя* «свояк», *пазяй, пазе* «посконь», *башка, пашка* «отдельно, кроме», *пек, пяк* «очень, весьма», *поза* «брага, квас», *бор, пор, бур, пур* «мел», *сакал, сакало* «борода», *салмат* «род галушек», *сапонь* «мыло», *сёка, цёка* «кисть, бахрома», *сокор* «слепой», *цёлак* «ленивый, неспособный (к рукоделию и т. д.)», *цёра* «парень, сын, мужчина», *сюконямс* «кивнуть, поклониться», *цётмар, чёкмар* «дубинка, палка с шишкой на конце», *тага, таго, танга* «опять, ещё», *таз, тазт* «парша, чесотка», *той* «выкуп (за невесту), свадебный пирог», *дуга, туга, туган* «младший брат, друг, товарищ», *чавка* «галка», *улав* «подвода, воз», *зыян* «вред, ущерб, потеря» и др.

---

[1] *H. Paasonen,* Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen, S. 7.

Другие татарские заимствования встречаются в эрзянском языке, но отсутствуют в мокша-мордовском. Например: *берянь* «плохой, дурной», *паряк* «может быть», *толкун* «волна», *улов* «покойник, мёртвое тело», *уця* «хребет, позвоночник, горб», *шаршав* «занавес, спущенный полог, кружево», *тур* «стол», *муюк* «ость ячменя», *мусколямс* «издеваться», *дюм* «очень, весьма», *дарман* «сила» и др.

Многие татарские слова обнаруживаются лишь в мокшанском языке: Например: *адерлямс* «нарядиться, одеться, собраться (в путь и т. д.)», *айдямс* «гнать, торопить», *аердомс* «отойти, отстраниться, оставить, посторониться», *акыр* (устар.) «плохой, гибельный, последний, конечный», *алоштомс* «обмануть, обманывать», *араламс* «защитить, спасти, заступиться», *арзя* «сундук», *ару* «чистый», *эзна* «муж моей сестры», *яраштомс* «годиться, пригодиться», *ёру* «в шутку, нарочно», *гай-, кай-: гайтов, кайту* «туда», *кашан* «норовистый, капризный», *коян* (диал.) «заяц-самец», *конак* «гость», *коряс* «по сравнению с..., сравнительно с...», *матыр* «красивый вид» (диал. *Сонь цебярь шама маторняц* «у него красивый облик», *маторня* «складка для красоты на платье»), *осал* «плохой, худой, скверный», *бала, пала* «несчастье, беда»: *повомс палас* «попасть в беду, неприятную историю», *безярдемс, пезярдемс* «гнушаться, пренебрегать, брезгать», *савор* «тихо, медленно, смирно», *сянгяря* «зелёный, зеленовато-голубой», *цебярь* «хороший, добрый, милый», *цёмара* «вид пельменей из ржаной муки», *сузма* «творог», *такор* «гладкий, проторённый (о дороге и т. п.)», *дёба, дёбаня, тёба, тёбаня* «бугор, возвышение, холмик, кочка» (ср. *тёганя* «макушка»), *топ* «мяч», *топаз, топаза* «короткий и толстый, тупой, окладистый», *тотмак, токмак* «дубина (короткая и толстая)», *шра, ширя* «стол», *уцез* «дешёвый», *уторцек* (диал.) «друг против друга», *утору* «напротив, навстречу» и др.

Количество татарских заимствований в мокша-мордовском языке в целом превышает их число в эрзя-мордовском. Это, бесспорно, объясняется наличием в прошлом у носителей мокшанских говоров более тесных контактов со своими тюркоязычными соседями. Известно, что мокша исторически занимала более южные районы мордовской территории и чаще соприкасалась с тюркоязычными племенами. А в период господства Золотой Орды для управления мордвой завоеватели создавали военные и административные центры, расположенные также в районах преимущественного расселения мордвы-мокши[1].

Данные современных мордовских диалектов свидетельствуют о наиболее тесных контактах мордвы с носителями западных говоров татарского языка, получившими название татар-мишарей или просто мишарей. Как установлено, мишари живут отдельными группами преимущественно в ареале расселения мордвы — в правобережье Волги, в пределах Горьковской, Куйбышевской, Пензенской, Саратовской и Ульяновской областей, Мордовской, Татарской и Чувашской АССР[1]. В одной только Мордовской АССР насчитывается около 80 мишарских населенных пунктов, находящихся в окружении мордовских и русских сёл и деревень[2].

---

[1] См. Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, Саранск, 1955, стр. 43.

Об интенсивности взаимодействия мордовских говоров с мишарскими свидетельствуют не только многочисленные мишарские лексические элементы в мордовских языках, но и обратные случаи заимствования из мордовских диалектов в мишарский. В западном (мишарском) диалекте татарского языка специалистами по татарской диалектологии (Л. Т. Махмутовой и др.) зафиксировано немало лексических заимствований из мордовских языков. Например: миш. *кяркéш* «бечёвка, оборки» (ср. морд. *карькст* «оборы»), *пизéл* «рябина» (ср. морд. *пизел* «рябина»), *мошко* «конопля» (ср. морд. *мушка, мушко* «волокно, кудель», эрз. диал. также «конопля»), *мъшкя* «творог» (ср. мокш. *мичке* «молозиво, творог»), *пангы* «гриб» (ср. мокш. *панга,* эрз. *панго* «гриб»), *лапама* «большой, огромный» (ср. мокш. *лапама* «валёк для белья», а также мокш. диал. (Забёрёзово Краснослободского района Мордовской АССР) *лапамашка* «огромный», т. е. «большой как валёк», *челги* «бородавка» (ср. морд. *цильге, сильге* «бородавка»), *чирахман* «град» (ср. мокш. *цярахман* «град») и др.[3].

Язык мордвы-каратаев, которые в настоящее время живут в деревне Шершалан Балтачевского сельсовета, селе Мордовский Каратай Сюкеевского сельсовета и в селе Заовражный Каратай Уразлинского сельсовета Камско-Устьинского района Татарской АССР[4], являет собой пример наиболее глубокого взаимодействия мордовских и татарских диалектов. Кто такие мордва-каратаи? Крещеные ли татары, испытавшие сильное влияние материальной и духовной культуры мордвы после принятия первыми христианства, или же мы имеем дело с какой-то частью мордовского населения, которая в результате длительного тюркоязычного окружения (сначала булгар, а позднее татар) совсем забыла мордовский язык и полностью перешла на татарский? По этому поводу в специальной литературе нередко встречаются взаимоисключающие мнения.

---

[1] См. *Р. Г. Мухамедова,* К вопросу о расселении татар-мишарей.—«Материалы по татарской диалектологии», 2. Казань, 1962, стр. 86—92.

[2] См. *М. Г. Сафаргалиев,* К истории татарского населения Мордовской АССР.—Труды Мордовского научно-исслед. института языка, литер., ист. и экон», т. 24. Серия историческая. Саранск, 1963, стр. 64—79. См. также: Мордовская АССР, Административно-территориальное деление. На 1 июля 1960 г., Саранск, 1960.

[3] См. *Л. Т. Махмутова,* Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области (по материалам экспедиций 1958—1960 гг.).—«Материалы по татарской диалектологии», 2, стр. 150.

[4] См. Татарская АССР, Административно-территориальное деление. На 1 марта 1960 года. Составитель И. Ш. Усманов. Казань, 1960, стр. 127—131.

По сведениям татарского диалектолога Л. С. Арсланова (Елабужский гос. пединститут Татарской АССР), говор мордвы-каратаев обнаруживает черты, сближающие его с западным диалектом татарского языка. И больше того, Л. С. Арсланов нашел возможным включить говор мордвы-каратаев в состав западного диалекта татарского языка в качестве его самостоятельного и специфического говора[1].

В лексике говора мордвы-каратаев имеются слова, которые встречаются и в мордовских языках. Всего таких общих слов, относящихся преимущественно к терминологии родства и свойства, насчитывается до двух десятков, а именно:

1. Слова, общие для говора мордвы-каратаев и обоих мордовских языков[2]: карат. *аляй* «старший брат мужа». Ср. мокш. *аля* (обращ. *аляй*!) «отец, мужчина», перен. «молодец»; эрз. *аля* (обращ. *аляй*!) «мужчина, дядя, старший брат мужа», фольк. «молодец». Судя по семантике («старший брат мужа»), каратаевский говор в этом слове обнаруживает большую общность с эрзянским языком.

Карат. *авай* «свекровь». Ср. мокш., эрз. *авай*! — обращение невесты к свекрови. В эрзянском языке: *ававт* «свекровь».

Карат. *аваня, авани, авай* «младшая из двух сестёр мужа». Ср. эрз. *авне* «младшая золовка», мокш. *аваняй*!— обращение «матушка, маменька».

Карат. *пяндервя* «жена младшего брата сестры». Ср. эрз. *пенерьва* «жена брата моего мужа», мокш. *пяльнерьвя* «жена младшего брата сестры».

2. Слова, общие только для говора мордвы-каратаев и мокша-мордовского языка: карат. *акай* «старшая сестра, сестра моего отца или матери». Ср. мокш. *ака* (обращ. *акай!*) «старшая сестра, тётка».

Карат. *утсякай* «старшая тётка по отцу или матери». Это слово, по нашему мнению, образовано из мокш. *оцю* «большой», «старший» и чув. *акка* «старшая сестра, тётя».

Карат. *акыля, акыли, акли* «старшая сестра мужа, жена старшего брата мужа». Ср. мокш. *акля* (обращ. *акляй*!) «старшая сестра мужа». (Ср. в этом отношении также мокш. диал. *улмань* «младшая сестра мужа»).

Карат. *кифта, кифтай* «третий из младших братьев мужа и следующие за третьим братом». Ср. мокш. *кефта, кифта* (обращ. *кефтай, кифтай*!) «брат мужа».

Карат. *мазнась* «старший из младших братьев мужа». Ср. мокш. *мазня* «младший брат мужа». Мокш. *мазня* или *мазедня*

---

[1] *Л. С. Арсланов,* Говор мордвы-каратаев. Рукопись кандидатской диссертации, стр. 7.

[2] Приводимые ниже слова записаны нами в августе 1956 г. в селе Мордовский Каратай. Учтен также лексический материал из статьи Х. Паасонена о мордве-каратаях (см. выше) и из упомянутой рукописной работы Л. С. Арсланова, которому здесь выражаем свою благодарность.

Х. Паасонен возводит к *мазы* (или *мази*) «красивый» и *идня* «ребёнок» (уменьшит. от *идь* «дитя»). В говоре мордвы-каратаев есть слово *кытсась,* обозначающее также младшего брата, который, однако, моложе мазнася. Происхождение не установлено.

Карат. *эстърнясь, стернясь* «старшая из младших сестёр мужа». Ср. мокш. диал. *стердня, стередня* «младшая сестра мужа». Образовано от *стирь* «дочь», «девушка» и *идня* «ребёнок» («Х. Паасонен).

Карат. *щавай* «жена старшего брата моей матери». Ср. мокш. *щава* (обращ. *щавай*!) «бабушка по матери»

Карат. *ъщъняй* «муж старшей сестры отца, старший брат моей матери». Ср. мокш. *щеня* (обращ. *щеняй!* «дядя по матери».

Карат. *учяляй, уцяляй* «старший брат отца». Ср. мокш. *оця* (обращ. *оцяй*!) или мокш. диал. *оцяля* (обращ. *оцяляй*!) «старший брат отца». Каратаевское *уцяляй* происходит, по Х. Паасонену, из мокшанского *оцю* «большой» и *аля* «отец» (здесь также «дядя». Ср. эрз. *аля* «мужчина, дядя»).

3. Слова, общие только для говора мордвы-каратаев и эрзя-мордовского языка: карат. *авкай* «бабушка по матери». Ср. эрз. *авкай,* чаще *авакай* «матушка». Ср. также эрз. *ававт* «свекровь» и *бабай* «бабушка по отцу».

Карат. *ляляй* «старший брат, брат отца или матери». Ср. эрз. *леля* (обращ. *леляй*!) «старший брат, дядя».

Карат. *пустяй, пуссяй* «дедушка по отцу или матери». Ср. эрз. *покштя* «дедушка, дед (по отцу)». Ср. также эрз. *васол-покштя* и *васол-бодя* «дедушка по материнской линии», букв. «дальний дед», эрз. *васол-баба* «бабушка по матери», букв. «дальняя бабушка».

Карат. *тятяй* «отец, свёкор». Ср. эрз. *тетя* (обращ. *тетяй*!) «отец». Заимствовано из русского языка: *тятя.*

Карат. *веряш, вряш* «жена старшего брата, жена младшего брата матери». Ср. эрз. *уряж* «жена старшего брата» и др.

Из бытовой лексики в работе Л. С. Арсланова приводятся следующие:

Карат. *пупмар* «буфет». Ср. мокш., эрз. *потмар* «шкаф для посуды, ящик под лавкой для посуды и т. д.». В чувашском языке и татарских диалектах это слово считается заимствованием из мордовского языка. См. чув. *путмар* «нары», *путмар сакки* «деревянные нары», тат. диал. *пут'емар, пут'ымар* «украшение, состоящее из трех-четырех рядов нанизанных монет. Обычно накладывается на грудь на уровне подмышечных впадин». (Диалектологик сузлек. Диалектологический словарь. На татарском языке. Том 3. Казань, 1958, стр. 130). Однако приведенное татарское слово скорее всего связано с удм. *бутьмар* «женское украшение, надеваемое на грудь через левое плечо», чем с морд. *потмар,* семантика которого сильно отличается от семантики тат. *пут'емар*. Наличие палатализованного *т'* в тат. *пут'емар* также препятствует его сближению с морд. *потмар,* в котором имеется *т* непалатализованное.

Карат. *пал'ман* «стойка у печи, подпирающая полати». По-видимому, происходит из эрз. *палмань* «столб».

Карат. *улай* «линяет». Это слово соотносится с морд. *оламс* «линять, выгореть, выцвести».

Карат. *ляпяня* «вторая полка пупмара». Ср. в мокшанских говорах (Рыбкинский район МАССР) *лапаня* «(обычно открытая) полка в простенке и т. д.».

Карат. *тчерпок* «подпилка». Можно увязать с мокшанским диалектным (с. Заберёзово Краснослободского района МАССР) *тярпук* «подпилок, напильник», которое, по-видимому, в свою очередь восходит к турецкому *тӧрпӳ* (более древн. *тӧрпӳг*), откуда объясняется и русское *терпуг* «рашпиль, напильник». (См. Н. К. Дмитриев, Строй тюркских языков. Москва, 1962, стр. 568, а также Max Vasmer. Russisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1958, Bd. III, s. 99).

При исследовании мордовско-тюркских языковых контактов необходимо оперировать только диалектными данными как мордовских, так и тюркских языков, поскольку взаимодействие мордовских языков с тюркскими носило устный и локальный характер. При изучении же, например, мордовско-русских языковых отношений вопрос о влиянии письменной формы русского языка на мордовскую речь мог бы стать одним из основных аспектов подобного рода исследований. Особые трудности возникают при выявлении древних тюркских элементов в мордовских языках. Это связано с отсутствием достаточных сведений о лексическом составе и грамматическом строе древних тюркских диалектов. Не ясно также, с каким из тюркоязычных племен мордва имела контакты в тот или иной исторический период. Более или менее удовлетворительной научной паспортизации пока что поддаются лишь татарские и чувашские (в том числе булгарские) заимствования.

Не совсем ясно в этом отношении происхождение в мордовских языках таких тюркских заимствований, как мокш. *аел,* эрз. *аель* «подпруга», мокш. диал. *атна* «очень маленький», мокш. эрз. *ярмак, ярмакт* «деньги», мокш. диал. *риз* «счастливый», эрз. *човалят* «бисер», эрз. *талай* «долго, давно, порядочно (о времени)» и некоторых других, которые не имеют прямых параллелей в современных татарском и чувашском языках, но соотносятся с соответствующими словами других тюркских языков—башкирского, киргизского, турецкого, узбекского и т. п.

Слова арабского происхождения, такие, как мокш. *кагод* «бумага», мокш. эрз. *зепе, сепе, цепе* «карман», мокш. диал. *такья* «шапка» и др., а также слова персидского происхождения, например, мокш., эрз. *азаргадомс* «разбушеваться, разболеться, разъяриться», мокш. *эрь,* эрз. *эрьва* «каждый», «любой», мокш., эрз. *пакся* «поле», мокш., эрз. *цилим* «трубка», эрз. *шаршав* «занавес, спущенный полог», мокш. *таза* «здоровый, сильный», мокш. *тенька* «деталь нагрудного украшения» и др. принято считать заимствованными через посредство тюркских языков, поскольку эти слова в них широко представлены. В большинстве случаев, по-видимому, эти заимствования в мордовские языки попали действительно из тюркских языков. Но правомерно ли совершенно исключать возможность заимствований в мордовские языки прямо из арабского или персидского языка? Такая постановка вопроса нисколько не противоречит фактам конкретной истории носителей мордовских диалектов. Как отметил А. П. Смирнов, в первом тысячелетии «территория современной Мордовии не являлась глушью, а была связана... со своими соседями, а через них и с культурными центрами того времени»[1]. «В столице Камской Болгарии,— говорится в первом томе «Очерков истории Мордовской АССР»,— в гор. Болгары, который являлся крупным торговым центром в районе средней Волги, наряду с купцами разных стран выступали со своими товарами и мордовские купцы»[2].

То же самое необходимо сказать и о таких словах тюркского происхождения, которые в мордовские языки проникли якобы через посредство восточных славян. Однако и здесь в большом количестве случаев подобные слова могли проникнуть в мордовские языки, минуя посредство языка восточных славян. Общими для русского и мордовских языков являются, например, следующие тюркские заимствования: *айда, арба, аркан, казна, калым, пай, безмен, батман, барсук, изюм, балык, арбуз, аршин, буран, капкан, кинжал, табун, таган, сундук* и многие другие.

Контакты между мордовскими и тюркскими языками имеют место и в настоящее время. На территории одной Татарской АССР насчитывается 72 населенных пункта с мордовским населением[3]. Из этих сёл в двух вместе с мордвой живут и татары, в трёх — кроме мордвы, чуваши и русские, в одном — мордва и чуваши. На территории Чувашии, по данным сектора культуры населения Статуправления при Совете Министров Чувашской АССР, в 51 населенном пункте проживает около 25 тысяч мордовского населения. В Башкирской АССР имеется около 90 мордовских населенных пунктов с населением свыше 43 тысяч человек. Вопросы взаимодействия мордовских языков с башкирским, татарским, чувашским и другими современными языками представляют большой научный и практический интерес, но до них пока что не касалась рука исследователя.

---

[1] *А. П. Смирнов,* Этногенез мордовского народа по данным археологии (1-е тысячелетие н. э. до 15 в.), стр. 15.

[2] Очерки истории Мордовской АССР, том 1, стр. 39.

[3] См. Татарская АССР, Административно-территоральное деление. Казань, 1956.

Всестороннее изучение в мордовских языках тюркских элементов (наряду с заимствованиями иранскими, балтийскими, восточнославянскими и современными русскими) следует рассматривать не только как материальную основу для решения чисто лексикологических проблем, а также для построения сравнительной грамматики и этимологического словаря мордовских языков, но и как важнейший источник для решения сложных вопросов этногенеза мордовского народа. История мордовско-тюркских отношений должна стать предметом более пристального внимания и филологов — лингвистов, фольклористов и других, а не только археологов и историков. Лишь в этом случае разыскания в области этногенеза мордвы могут увенчаться должным успехом.

Р. В. Бабушкина,
научный сотрудник Мордовского научно-исследовательского института

ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК ФАКТЫ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ МОРДОВСКОГО НАРОДА С ДРУГИМИ ФИННО-УГОРСКИМИ

В науке установлено, что финно-угорские языки произошли от общего языка-основы. Предполагается, что на этом языке говорили племена, общность которых распалась в результате действия определенных исторических факторов: произошло расселение этих племен. Отдельные племена постепенно утрачивали связь между собой, их говоры, с течением времени все больше и больше обособляясь, стали развиваться своими путями и, в конце концов, отошли от языка-основы, иными словами,— нарушилась общность языка.

Однако общие черты сохранились до сих пор, что и позволило лингвистам убедительно доказать родство языков, составляющих финно-угорскую языковую семью.

При установлении родства языка имеются в виду следующие три момента:

1. Установление закономерных звуковых соответствий.
2. Установление общности элементов грамматического строя (суффиксов, окончаний и т. п.).
3. Установление общности лексики.

Разумеется, наиболее достоверными данными являются грамматические и фонетические особенности. Общие лексические элементы могут быть менее надежными в том смысле, что лексика является наиболее проницаемым элементом языка. Общий лексический слой двух или нескольких языков может быть объяснен не только как результат генетического родства этих языков, но и как следствие длительных контактов соседящих народов.

Цель нашего сообщения состоит в том, чтобы показать общие лексические элементы мордовского языка и родственных финно-угорских языков на материале терминологии родства.

Термины родства, как известно, относятся к той части лексики, которая наиболее тесно связана с историей народа. На эту особенность указывал Ф. Энгельс. Он говорил: «Обозначения: отец, ребенок, брат, сестра — не какие лишь почетные звания, они влекут за собой вполне определенные, весьма серьезные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя этих народов»[1].

Этими словами Ф. Энгельс подчеркивает, что понятие «термины родства» охватывает родовые и семейные отношения и что это является одним из важных моментов при изучении истории того или иного народа.

Для изучения вопроса о терминах родства как факта генетической связи мордовского народа с другими финно-угорскими (преимущественно с прибалтийско-финскими и самодийскими языками) собран необходимый материал.

Известно, что специальному исследованию терминов родства в прибалтийско-финских языках посвящена диссертация эстонского ученого Вяяри[2], который детально исследовал эту область лексики. Он приводит немало понятий родства, общих для финно-угорских языков. Дополнительные наблюдения по этому вопросу позволяют значительно расширить перечень.

В мокша-мордовском языке сохранился термин родства со значением «половина» *пяльне,* который передает понятие «самый младший брат по отношению к старшей сестре». Подобное явление наблюдается и в удмуртском языке, где термин *кузпал* означает «половина пары»[3]. Общими являются термины *киял, кел,* «сноха», ибо параллели его также находим во многих финно-угорских языках: удм. *кали* «старшая сноха», хант. *кули,* фин., приб.-фин. kali. Во всех названных языках этот термин может означать не только невесток и снох родных братьев, но и вообще жену младшего родственника, жен двоюродных и троюродных братьев.

Общими являются и такие термины, как морд. *сазор,* водск. *sezar, sezare,* эст. *sosar,* ижор. *siar, sosar* (диал.), фин. *sisar,* марийск. шӱжар «сестра»; мокша-мордов. **ов**, эст. *väi, vevi, kodu vevi* (букв. «который поселился в дом жены», фин. *vävy,* не не ц *uj,* марийск. *veŋe* «зять», морд. *пола,* эстон. *teinepool* «муж или жена» (букв. «другая половина»), удм. *кузпал,* вод. *naispoli.*

Значительный интерес представляет термин *ni,* который во многих финно-угорских передает понятие «жена». Любопытно то, что он начальствует и в самодийских языках, которые, как известно, являются самыми отдаленными. Приведем параллели:

эрз. морд. *ni*
хант. *ni, ne*
ненец. *ne*

---

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Соч., т. 21, изд. 1961 г., стр. 35.

[2] Вяяри, Терминология родства в прибалтийско-финских языках. Автореферат.

[3] *Плесовский,* К вопросу о развитии семьи у коми и удмуртов (историко-филологический сборник, Сыктывкар, вып. 1960 г.).

водск. *naine, nain*
эст. *naine, noine* (диал.)
фин. *nainen* «жена, женщина».

Термин *ni* относится к числу весьма древних терминов. В прошлом в ненецком языке он в одинаковой мере мог относиться к лицам мужского и женского пола[1]. В настоящее время его значение сузилось, он означает родственное понятие только по отношению к женщине. В этом значении он сохранился и в некоторых других финно-угорских языках (хантыйском, эрзянском и др.). Данный пример лишний раз подтверждает древнюю общность предков современных финно-угорских народов.

Все вышеприведенные термины родства свидетельствуют о генетическом родстве общности мордовского народа с другими финно-угорскими народами. Этот факт подтверждают не только отдельные слова, передающие понятия родства, но и способы их оформления.

Из собранного нами материала по данной теме особый интерес представляет сходство терминов родства мордовского и ненецкого народов.

Ведь самодийские языки, насколько позволяют об этом судить данные археологии и этнографии, отделились от финно-угорских приблизительно 6 тыс. лет тому назад. Правда, общих слов очень мало, но способы их оформления общие. Термины родства в силу своей лексико-семантической специфики обычно употребляются с суффиксами принадлежности. Но в различных языковых семьях они имеют неодинаковую форму. Так, в тюркских языках за некоторыми терминами родства закрепился суффикс принадлежности 3-го лица единственного числа, в финно-угорских языках — суффикс 1-го лица единственного числа.

-m в эрзя-мордовском и марийском языках, **-ni** в финском, **-b** — в ненецком — лично-притяжательные суффиксы 1 лица единственного числа. Примеры:

эрзя-морд. — *ava -m* „моя мама“ от *ava* „мать“; мар. βiηε *-m* „мой зять“ от βиηэ „зять“: *оньо-m* „мой тесть“ от *оньо* «тесть»; фин. *veliseni* «мой братец» от *veli* «брат»; ненец. *ирив* «мой дед» от *ири* «дед», *хадав* «моя бабка» от *хада* «бабка» и др.

Термины родства, как особый пласт лексической системы языка, сохраняют следы прежних стадий развития человечества. Так, мокшанский термин родства *оця* «старший» дядя по отцу (при обращении к нему младших) возник в период общинного строя. Мордва, как и другие народы, при первобытнообщинном строе жили родовыми коллективами, общинами, которые состояли из ряда семейств. Каждая община охватывала несколько поколений. У каждой семьи был свой очаг, жили они вместе одним двором, сообща обрабатывали свои поля, сообща владели излишком дохода. Во главе этой общины стоял старший, домохозяин[1], который у мордвы-мокши именовался *оця,* что означает «старший». Это значение сохранилось до сих пор. И сейчас говорят «оцювоньке сась» (наш старший пришел).

---

[1] *Куприянова,* Терминология родства в устном народном творчестве ненцев. УЗЛПИ, т. 101, 1954, стр. 159—179.

Другими показательными примерами являются термины родства *урьва, уряж,* что означает «сноха». Фонетический облик их неодинаков, но этимология их общая, возникли они из **уре,** что означает «раб». Сравните фин. **orja,** «раб, невольник»[2], эст. **ori** с тем же значением.

Возникновение этих терминов предположительно относится ко времени господства патриархата, когда женщина действительно выполняла обязанности рабыни, особенно молодая (невестка). При этом любопытно отметить, что термины *рьвяня, урьва, уряж* не имеют суффикса **-й**, столь характерного для современного состояния некоторых финно-угорских языков (в коми-зырянском литературном языке *мамӧ-й* «мама» от *мам* «мать»[3], в мордовском — *авай,* «мама» от ава «мать», в марийском — *авай* «мама» от *ава* «мать»), что также говорит о древности их возникновения, поскольку суффикс **-й** является заимствованным из тюркских языков в более позднюю эпоху.

В терминах родства сохраняются пережитки глубокой старины, особенности, характерные для туранской системы родства, возникшей вместе с первой формой семьи[4]. Например, в ненецком языке до сих пор четко вырисовывается мужская и женская линии. Термины *папа, папако* означают «любой в семье моложе меня (брат и сестра), любой моложе в моем роде (сыновья и дочки старшего брата)». Эти термины относятся к родным по мужской линии; термин *мяӈг* означает «любой моложе меня, в моем роде по женской линии».

В мордовских языках эта система утратилась, но реликты её сохранились. Например, в мокша-мордовском языке термин *уймакш* означает «любой младший по возрасту (мужчина или женщина) в роде матери». В эстонском языке термин *tädi* в отдельных диалектах передает понятие «старший (мужчина или женщина) в роде матери»; термин *keli* в эст. языке в недалеком прошлом мог означать как лицо женского, так и мужского пола по женской линии.

Пережитком туранской системы родства является употребление особых терминов для обозначения старших и младших.

Ненец.: *надо* — все мужчины в роде моложе мужа и жены;
или — все мужчины в роде старше отца или матери;
хада — все женщины (бабушка, прабабушка, свекровь, теща,

---

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* соч., т. 21, изд. 1961, стр. 62.

[2] *Л. Хакулинен,* Развитие и структура финского языка, часть II, стр. 32.

[3] *В. И. Лыткин,* Древнепермский язык, М., 1952, стр. 102.

[4] *Морган,* Древнее общество, 1934, стр. 217.

старшая сестра отца и матери) в роде старше отца или матери; *нябака* — все женщины (младшая сестра отца и др.) в роде моложе отца;
чинека — старший брат, мужчины моего рода моложе отца.

Мокш.-морд.: *патя* — старший брат и все мужчины старше меня в роде отца и матери, *пяльне* — младший брат, *сазор* — младшая сестра.

Отмечая данную особенность, небезынтересно отметить деление невесток по старшинству в мокша-мордовском языке. Известно, что старшую сноху мордва-мокша называет термином *мазя*, вторую по старшинству — *тезя*, третью — *вежа*, четвертую — *пава*, пятую — *тетя*. Бесспорно, все эти названия являются терминами более позднего образования, чем *рьвя, урьвя, уряж*. Возникли они в силу необходимости дифференцированного выделения невесток внутри одной семьи.

Разумеется, что терминология родства в прошлом в количественном отношении была богатой по сравнению с терминологией родства, употребляемой в современных финно-угорских языках. В дальнейшем своем развитии она утратила целый ряд своих первоначальных особенностей. Некоторые термины были заменены или обобщающими названиями, или новыми словами, созданными по принципу описания, по которому «кровные родственники описываются либо основными терминами родства, либо комбинацией этих терминов»[1]. Соответственно этому в мордовских языках вместо *племянник* могут сказать «брадрьвянь шаба», что будет означать «дитя жены брата», вместо *унок* «эйкакшонь эйкакш», что букв. означает «дитя дитяти», *пяльньрьвя*, что букв. означает «жена младшего брата» и некоторые др.

В финском языке «внук» обозначается термином *poianpoika*, что буквально означает «сын сына»; «сын дочери» — *tuttärenpoika*; «дочь брата» — *veljentytär;* «дочь сестры» — *sisarentytär*; «сын брата» — *veljenpoika;* «сын сестры» — *sisarenpoika*.

В эстонском языке «внучка по дочери» обозначается термином *tütarlaps*, что буквально означает «дитя дочери»; «внук по дочери» — *tütarpoeg*, что буквально означает «сын дочери», «дитя дочери»; «двоюродная сестра» — *täditütar*, что буквально означает «дочь тети по отцу или матери»; «падчерица» — *voorastütar*, что буквально означает «чужая дочь» (сравните мордовские *аф родной стирь, а родной тейтерь* «падчерица»).

В лексике мордовских и других финно-угорских языков сохранились свидетельства о существовании в древности смешанного брака, прямым следствием которого была невыясненность отцовства. В таких условиях отцом (моим) с полным правом мог считаться как мой возможный отец, так и все его братья, даже все отцы моих отцов. Все вместе они составляли класс старших мужчин, и применяемые к ним термины носили более широкий характер[1]. Яркими примерами служат такие термины: в мордовском языке — *аля* «отец» и любой другой зрелый мужчина в отличие от молодого парня; в эстонском языке *isa* «отец», *isa-isa* «дедушка»; в финском языке *isä* «отец», *isoisä* «дедушка»; в венгерском языке *mies* «муж и мужчина»; *apa* «отец», падуара «дед»; *férj* «муж», *férfi* «мужчина».

---

[1] *Морган*, Древнее общество, 1934, стр. 222.

В связи с постепенными изменениями систем родства у финно-угорских народов отдельные термины начинают выходить из употребления, например, мокша-морд. *уймакш* (родственник по женской линии), другие — приобретают общее значение (*альгя, акля* и др.) В некоторых случаях из более общего, широкого понятия постепенно выделяется более узкое понятие. Убедительным примером является термин *ава,* который в далеком прошлом означал «мать» — родоначало вообще по отношению ко всему живому. Он применялся не только к человеку, но и к любому живому существу. Таким образом, здесь наблюдается семантическая аналогия: *ава* «мать», *авака* «самка» и т. п.

Большой интерес представляют термины, наличествующие во многих финно-угорских языках, но передающие разные понятия родства, например: морд. *tädä, tidä* (диал.) «мать»; эст. *tädi,* ижор. *tädi,* водск. *täti* «тетя по матери»; в ненец. *tidä* означает понятие «младший брат матери»; водск. *vel'l'i, vel'l'e,* эст. и фин. *veli,* саам. *vel'l'*[2] передают понятие «родной брат», морд. *ivelä* «троюродный брат по отцу или вообще родственник по отцу» (по отношению к его дочери или сыну); мокша-морд. *патя* «старший брат и любой мужчина» (обычно употребляется в сочетании с именем), эрз. *патя* — «старшая сестра» и «любая тетя», «женщина» (также употребляется преимущественно в сочетании с именем); водск. и мар. *ätä,* ижор. *ätti* передают понятие «отец», мокша-морд. *ätä* означает «дед», «старик».

Может возникнуть вполне уместный вопрос: почему же отдельные одинаково или сходно звучащие термины имеют явно противоположные значения даже в близкородственных языках, например, *патя* в мокша-мордовском языке относится только к лицам мужского пола, в эрзянском — к лицам женского пола? Объяснить это нелегко.

Однако на основе анализа отдельных данных языка можно предполагать, что подобные различия в семантике, возникшие в близкородственных языках в процессе их дифференциации, могут объясняться:

а) сменой значений терминов в условиях изолированного существования отдельных финно-угорских языков;

б) влиянием на развитие отдельных языков иноязычных субстратов;

---

[1] *О. Н. Трубачев,* История славянских терминов родства... М., 1959, стр. 212.

[2] *Г. М. Керт,* Основные сходства и различия в саамских диалектах Кольского полуострова. Приб.-фин. языкознание, 1961, стр. 133.

в) воздействием соседних родственных или неродственных языков.

Некоторые лингвисты (А. С. Сидоров)[1] различие терминов родства в семантике объясняют сменой одной общественной формации другой общественной формацией.

Анализируя этимологию термина *патя* в мордовских языках, вероятным следует считать предположение, что когда-то термином *патя* обозначали лиц только женского пола, преимущественно старших. Правда, прямых доказательств этого предположения нет, но некоторые языковые данные его подтверждают: в некоторых диалектах мокша-мордовского языка термин *патя* в значении «брат» (темяшевский диалект) не употребляется.

В дальнейшем в связи с определенными историческими условиями, а именно: подчинением мордвы-мокши татарам, термин *патя* у мокши был вытеснен термином *ака*, заимствованным из тюркских языков. Правда, этот термин в различных тюркских языках имеет совершенно различные значения. В языке томских тюрков он означает следующие понятия: мой брат старше меня, младший брат моего отца, сын брата моего отца, сын сестры отца старше меня, сын старшей сестры моего отца; брат матери, моложе ее; сын моей сестры, старше меня и т. п. В чувашском же языке *akka* означает: старшая сестра, сестра отца или матери, сестра бабушки со стороны отца[2]. Последнее значение и было усвоено мокшанами. Термином же *патя* стали обозначать противоположное значение, т. е. лиц мужского пола (брата, дядю).

Далеко не полный анализ терминологии родства в финно-угорских языках служит явным подтверждением генетической общности мордовского языка с другими финно-угорскими языками.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Русск.	Мокш.	Эрз.
Отец по отношению к детям	*аля* (зват. ф. *аляй*), *аляка* (зват. ф. *алякай*)	*тетя* (зват. ф. *тетяй*)
Мать по отношению к детям	*тядя* (зват. ф. *тядяй*), *тядяка* (зват. ф. *тядякай*), *тедака* (зват. ф. *тедакай*), *тяря* (зват. ф. *тяряй*), *ава* (зват. ф. *авай*)	*ава* (зват. ф. *авай*)

---

[1] *А. С. Сидоров*, «Термины родства у коми». Лингвистический сборник, Сыктывкар, 1952, стр. 62—66.

[2] *Л. Покровская*, «Термины родства в тюркских языках», сб. Историческое развитие лексики тюркских языков. Изд. АН СССР, 1961, стр. 35.

Русск.	Мокш.	Эрз.
Старшая сестра по отношению к младшим братьям и сестрам	*ака* (зват. ф. *акай*)	*патя* (зват. ф. *патяй*)
Младшая сестра по отношению к старшим братьям и сестрам	*сазор* (зват. ф. *сазор*)	*сазор* (зват. ф. *сазор*), уменьш.-ласк. форма *сазорка*, (зват. ф. *сазоркам*)
Старший брат по отношению к младшим братьям и сестрам	*патя* (зват. ф. *патяй*), *дядя* (зват. ф. *дядяй*), *альняка* (зват. ф. *альнякай*)	*леля* (зват. ф. *леляй*)
Старший брат из младших по отношению к старшим сестрам	*дуган* (обращаются по имени; употребительна и зват. ф. от уменьш.-ласк. формы *дуганняй*)	*ялакс* (зват. ф. *ялаксом*), уменьш.-ласк. ф. *ялакске* (зват. ф. *ялакскем*)
Самый младший брат по отношению к старшим сестрам	*пяльне* (обращаются по имени)	*ялакс* (зват. ф. *ялаксом*, уменьш.-ласк. ф. *ялакске* (зват. ф. *ялакскем*)
	дуган (обращаются по имени)	*дугай*, уменьш.-ласк. форма — *дугиней* (зват. ф. *дугинем*), *пиже дугине* ф. (зват. ф. *пиже дугинем*)
Сын по отношению к родителям	*цёра*, *сёра*, *цёрокш* (зват. ф. *цёрай*, *сёрай*), *аляня* (зват. ф. *аляняй*)	*цёра* (зват. ф. *цёрам*), в диалектах — *цёратяка*, *цёраэйде* (зват. ф. *цёратякам*, *цёраэйдем*)
Дочь по отношению к родителям	*стирь*, уменьш.-ласк. ф. *стирькай* (зват. ф. *стирькай*), *стирня* (зват. ф. *стирняй*)	*тейтерь* (зват. ф. *тейтерем*), уменьш.-ласк. ф. *тейтерька* (зват. ф.— *тейтерькам*), в диалектах *тейтерьтяка*, *тейтерьэйде*
Прабабушка	*сире* баба (зват. ф. *сире бабай*)	*сыре* баба (зват. ф. *сыре бабай*)
Дед по отцу по отношению к внукам	*атя* (зват. ф. *атяй*), *деда* (зват. ф. *дедай*)	*покштя* (зват. ф. *покштяй*), деда (зват. ф. *дедай*)
Прадед по отцу по отношению к внукам и правнукам	*сире атя* (зват. ф. *сире атяй*)	*инепокштя* (зват. ф. *инепокштяй*)

Русск.	Мокш.	Эрз.
Дед по матери по отношению к внукам	*щятя* (зват. ф. *щятяй*)	*васол деда* (зват. ф. *васол дедай*)
Бабушка по отцу по отношению к внукам	*баба* (зват. ф. *бабай*)	*баба* (зват. ф. *бабай*)
Бабушка по матери по отношению к внукам	*щава* (зват. ф. *щавай*)	*васол баба* (зват. ф. *васол бабай*)
Старший дядя по отцу по отношению к племянникам	*оця* (зват. ф. *оцяй*)	*леля* (зват. ф. *леляй*)
Сын двоюродного брата деда, бабушки по матери, отцу по отношению к детям последних или другой дальний родственник	*уймакш* (зват. ф. имя+*уймакш*, напр., *Степа уймакш* «дядя Степа»)	*леля* (зват. ф. *леляй*)
Старший дядя по матери по отношению к племянникам, их детям	*щеня* (зват. ф. *щеняй*)	*леля* (зват. ф. *леляй*)
Старшая тетя по матери по отношению к племянникам	*щава* (зват. ф. *щавай*, Обычно употребляется в сочетании с именем, напр., *Гавра щавай* — «бабушка Груня»)	*патя* (зват. ф. *патяй*)
Жена старшего бядя по матери по отношению к племянникам	*щака* (зват. ф. *щакай*) часто употребляется в сочетании с именем, напр., *Алда щакай* «тетя Дуся»	*уряж* (зват. ф. *уряж*)
Зять для родителей его жены	*ов*, старшие при обращении называют по имени, младшие—*эзна* (зват. ф. *эзнай*)	общее название *содамо* (зват. ф. для младших *леляй*), при обращении часто употребляется в сочетании с именем, напр., *Ванька леляй* «дядя Ваня», старшие называют по имени
Жена	*рьвя, ава* (обращаются по имени), часто по прозвищу; *рьвя* употребляется в сочетании с именем мужа, при этом осталась только часть *ра*, напр., *Васярясь* «жена Васи», *Ванярясь* «жена Вани»	*ни, козяйка* (обращаются по имени); *ни* употребляется только в сочетании с именем мужа, напр., *Васяни* «жена Васи»

Русск.	**Мокш.**	Эрз.
Муж	*мирде, пола* (более архаичная форма); в недалеком прошлом жена обращалась к мужу со словами: *эй, маряйть* «слышал», *марясак* «слышишь» или по прозвищу, напр., *гальця курга* и др., что означает «большеротый»; в настоящее время преимущественно обращаются по имени.	*мирде, пола* (обращаются по имени)
Сноха по отношению к свекру и свекрови	*рьвяня* (зват. ф. *рьвяня*); если несколько снох, то термин *рьвяня* употребляется в сочетании с именем мужа, напр., *Васярясь рьвяня* «жена Васи»	*урьва* (зват. ф. *урьва*), в лирических песнях как синоним к нему встречается термин *умёт*
Жена старшего брата по отношению к младшим братьям и сестрам	*маза* (зват. ф. *мазай*)	*уряж* (зват. ф. *уряж*)
Жена второго брата по старшинству по отношению к братьям и сестрам	*тязя* (зват. ф. *тязяй*)	*уряж* (зват. ф. *уряж*)
Жена третьего брата по старшинству по отношению к братьям и сестрам	*вяжя* (зват. ф. *вяжяй*)	*уряж* (зват. ф. *уряж*)
Жена четвертого брата по старшинству по отношению к братьям и сестрам	*пава* (зват. ф. *павай*)	*уряж* (зват. ф. *уряж*)
Жена пятого брата по отношению к братьям и сестрам	*тятя* (зват. ф. *тятяй*)	*уряж* (зват. ф. *уряж*)
Самая младшая сноха по отношению к свекру и свекрови	*рьвяня* (зват. ф. *рьвяняй*), *ёмла рьвяня* (зват. ф. *ёмла рьвяня, ёмла рьвяняй*)	*веженсе урьва* (зват. ф. *урьва, веженсе урьва*)
Внук	*унок* (обращаются по имени), уменьш.-ласкат. *уноконя* (зват. ф. *уноконяй*)	*нуцька* (обращаются по имени), синоним с поэтическим оттенком — *буё* (обращ. по имени)

Русск.	Мокш.	Эрз.
Младшая тетя по матери	*ака* (зват. ф. *акай*) обычно употребляется в сочетании с именем, а в диалектах — *щака* (зват. ф. *щакай*)	*патя* (зват. ф. *патяй*)
Мачеха	*од тядя* (зват. ф. *тядяй*), *од тяря* (зват. ф. *тяряй*), *од ава* (зват. ф. *авай*)	*од ава, а родной ава* (зват. ф. *авай*), синоним к нему с поэтическим оттенком в песнях — *мазава*
Отчим	*аф родной аля* (зват. ф. *аляй*)	*аволь родной тетя* (зват. ф. *тетяй*)
Младший брат свекра по отношению к снохе	*альгя* (зват. ф. *альгяй*), *альгявозь*	*леля* (зват. *леляй*) преимущественно употребляется в сочетании с именем, напр., *«Иван леляй»* «дядя Иван».
Жена младшего брата свекра по отношению к снохе	*акля* (зват. ф. *акляй*)	*од баба* (зват. ф. *од бабай*)
мать невестки по отношению к зятю (теща)	*матка* (зват. ф. *маткай*), *авозь, ава* (зват. ф. *авай*)	*тёштя баба* (зват. ф. *бабай, тёштя бабась*)
Тесть	*батька* (зват. ф. *батькай*), диал. *патька* (зват. ф. *патькай*), *атя, атявозь* (зват. ф. *атяй*)	*покштя* (зват. ф. *покштяй*)
Мать невесты по отношению к матери жениха	*кудава* (зват. ф. *кудавай*), *сваха* (зват. ф. *свахай*), *куданя* (зват. ф. *куданяй*).	*кудава* (зват. ф. *кудавай*), *сваха* (зват. ф. *свахай*)
Отец невесты по отношению к отцу жениха	*куда, сват* (зват. ф. *сват, кудай*)	*сват, ятонь ломань*, что означает «родня из чужого рода» (зват. ф. *сват*)
Муж старшей золовки по отношению к младшей снохе	*эзна* (зват. ф. *эзнай*)	*содамо* (зват. ф. *леляй*)
Пасынок	*аф родной цёра* (обращаются по имени)	*а родной цёра* (обращаются по имени)
Падчерица	*аф родной стирь* (обращаются по имени)	*а родной тейтерь* (обращаются по имени)

Русск.	Мокш.	Эрз.
Родственник	*радня* (зват. ф. *радня, радняй*)	*родня, раське* (устар.), употребляется только в парном сочетании *роднят-раськть,* что означает «родственники»
Отец свекра по отношению к снохе	*сире атя, сире атявозь* (зват. ф. *сире атяй*)	*инепокштя* (зват. ф. *инепокштяй*)
Мать свекрови—для снохи	*сире ава, сире авозь* (зват. ф. *сире авай*)	*инебаба* (зват. ф. *инебабай*)
Старший деверь по отношению к снохе	*альгя* (зват. ф. *альгяй*)	*леля* (зват. ф. леляй)
Жена старшего деверя по отношению к снохе	*акля* (зват. ф. *акляй*)	*сырькай патя* (зват. ф. *патяй*)
Младший деверь по отношению к снохе	*кефта* (обращаются по имени), *веждедня* (зват. ф. *веждедня*)	*альне* (зват. ф. *альне*)
Старший брат свекра по отношению к снохе	*сире атя, сире атявозь* (зват. ф. *сире атяй*)	*леля* (зват. ф. *леляй*)
Жена старшего брата свекра по отношению к снохе	*сире ава, сире авозь* (зват. ф. *сире авай*)	*од баба* (зват. ф. *од бабай*)
Старшая золовка по отношению к младшей снохе	*акля* (зват. ф. *акляй*)	*патя* (зват. ф. *патяй*), *патька* (зват. ф. *патькай*)
Младшая золовка по отношению к ст. снохе	*улмань* (обращаются по имени)	*парыя* (зват. ф. *парыям*)
Свекровь	*баба, ава, авозь* (зват. ф. *авай*)	*ававт* (зват. ф. *авай*), в разговоре с посторонними сноха её называет *бабась,* напр., *минек бабась* «моя свекровь»
Муж старшей сестры свекра по отношению к снохе	*эзна* (зват. ф. *эзнай*)	*содамо* (зват. ф. *леляй*), часто употребляется в сочетании с именем, напр., *Вася леляй* «дядя Вася».
Свояченица (сестра жены)	*балдоз* (обращаются по имени), диал. *балц* (обращаются по имени)	*балдуз* (обращаются по имени или *балдуз*)

Русск.	Мокш.	Эрз.
Свойственник, шурин	*свояк* (обращаются по имени, иногда *свояк*)	*бальзя* (обращаются по имени или *бальзя*)
Жена старшего дяди по отцу по отношению к детям младшего брата	*мазы баба* (зват. ф. *мазы бабай*)	*од баба* (зват. ф. *бабай*)
Жена дяди по отцу по отношению к детям старшего брата	*маза* (зват. ф. *мазай*), *пава* (зват. ф. *павай*), *вяжя* (зват. ф. *вяжяй*) и т. д. в зависимости от того, как нарекли во время свадьбы	*уряж* (зват. ф. *уряж*)
Младшая тетя по отцу по отношению к детям последнего	*ака* (зват. ф. *акай*), часто употребляется в сочетании с именем: *Аринакай* «тетя Ирина»	*Сыре патя* (зват. ф. *сыре патяй*)
Старшая тетя по отцу по отношению к детям последнего	*ака* (зват. ф. *акай*), употребляется в сочетании с именем, например, *Кулинакай* «тетя Акулина»	*Сыре патя* (зват. ф. *сыре патяй*)
Старший женатый брат свекра для снохи	устар. диал. *веженьдя атя* (зват. ф. *веженьдя атяй*); *од атя* (зват. ф. *од атяй*)	*леля* (зват. ф. *леляй*)
Сын сестры деда по отцу по отношению к снохам деда и его внукам	*ивяля* (зват. ф. *ивяляй*). Если несколько сыновей, то данный термин употребляется в сочетании с именем, например, *Тимошкавяляй* «дядя Тимофей», *Сема ивяляй* «дядя Семен».	*леля* (зват. ф. *леляй*)
Старшая сестра свекра по отношению к снохе	*акля* (зват. ф. *акляй*), употребляется и в сочетании с именем, например, *Лёксакляй* «тетя Шура»	*Сыре патя* (зват. ф. *сыре патяй*)
Самая младшая золовка для снохи	*улмань* (обращаются по имени)	*парыя* (зват. ф. *парыям*)
Средняя из младших золовок для снох	*улмань* (обращаются по имени)	называют по имени

Русск.	Мокш.	Эрз.
Жена правнука по отношению к прабабушке	*ёмла рьвяня, унок рьвяня, унок рьвяня* (й), *ёмла рьвяня*(й).	*пенерьва* (зват. ф. *пенерьва*)
Жена сына сестры деда по отцу по отношению к снохе, к её детям	*ивака* (зват. ф. *ивакай*)	*киял* (зват. ф. *патяй*)
Старший троюродный брат	*ивяля* (зват. ф. *ивяляй*)	*леля* (зват. ф. *леляй*)
Мл. сноха по отношению к старшей золовке, старшим сестрам свекра	*пяльнерьвя* (зват. ф. *рьвяня, рьвяняй*)	*пенерьва* (зват. ф. *пенерьва*)
Самая старшая сноха по отношению к младшим снохам	*кел, киял* (обращаются по имени), *келава* (обращаются по имени)	*киял, сырькай* (зват. ф. *сырькай, патяй*)
Свекор по отношению к брату снохи	*сват* (зват. ф. *сват*)	*кудапокштя* (зват. ф. *кудапокштяй*)
Свекровь по отношению к брату снохи	*сваха* (зват. ф. *свахай, кудавай*), *куданя* (зват. ф. *куданяй*)	*сваха баба* (зват. ф. *сваха бабай*)
Родные жениха при сватании невесты	*кудат*	*кудат*
Старшая сестра дедушки по отцу по отношению к детям последнего, если у деда отец самый младший	*сире баба* (зват. ф. *сире бабай*)	*сыре патя* (зват. ф. *сыре патяй*)
Старший брат дедушки по отцу по отношению к детям последнего	*сире атя* (зват. ф. *сире атяй*)	*од покштя* (зват. ф. од покштяй), *од деда* (зват. ф. *од дедай*)
Младший брат дедушки по отцу по отношению к детям последнего	*атя* (зват. ф. *атяй*)	*покштя* (зват. ф. *покштяй*), *деда* (зват. ф. *дедай*)
Старшая сноха по отношению к детям младшей снохи	*од баба* (зват. ф. *од бабай*)	*од баба* (зват. ф. *од бабай*)
Младшая сноха по отношению к детям старшей снохи	*мазы баба* (зват. ф. *мазы бабай*)	*уряж* (зват. ф. *уряж*)

Русск.	Мокш.	Эрз.
Жена старшего брата по отношению к золовке	*алярьвя* (обращаются по имени, которым нарекли во время свадьбы: *мазяй, тязяй* и т. д.)	*уряж* (зват. ф. *уряж*)
Жена деверя по отношению к младшей снохе	*рьвяня* (зват. ф. *рьвяня*)	*патя* (зват. ф. *патяй*)
Муж золовки для снохи	*ов* (обращаются по имени)	*содамо* (обращаются по имени)
Дочь старшего деверя по отношению к снохе	*акля* (зват. ф. *акляй*)	по имени.
Невестка для свекра и свекрови	*рьвяня, од рьвяня* (зват. ф. *рьвяня, рьвяняй*)	*урьва* (зват. ф. *уряж*)
Старшая троюродная сестра	*ака* (зват. ф. *акай*)	*патя* (зват. ф. *патяй*)
Жена старшего троюродного брата	*ивака* (зват. ф. *ивакай*)	по имени
Жена сына старшего брата по отношению к снохе	*рьвяня* (зват. ф. *рьвяняй*), обычно в сочетании с именем мужа, например, *Мишарясь рьвяня* «жена Миши»	*урьвине* (зват. ф. *урьвинем*)
Жена внука по отношению к бабушке по отцу	*унок рьвяня* (зват. ф. *унок рьвяня, унок рьвяняй*)	*урьвине* (зват. ф. *урьвиней*)

Р. С. Ширманкина,
научный сотрудник Мордовского научно-исследовательского института

СПОСОБЫ СВЯЗИ СЛОВ КАК ПОКАЗАТЕЛИ ОТНОШЕНИЙ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ К ДРУГИМ ФИННО-УГОРСКИМ

До последнего времени родство финно-угорских языков в науке устанавливалось путем сравнительного изучения лексики, фонетики и грамматики — морфологии. Совершенно почти не принимались в расчет явления синтаксиса. Однако в последние годы финский ученый Лаури Хакулинен, советские — Б. А. Серебренников, К. Е. Майтинская и некоторые другие обратили внимание и на синтаксис финно-угорских языков.

Выяснилось, что если в фонетике и морфологии между финно-угорскими языками много общего, то в синтаксисе почти всё одинаково. Правда, большинство синтаксических общностей являются общими и для многих неродственных языков, но имеется немало общих синтаксических черт, присущих финно-угорским языкам в целом. Характерной чертой финно-угорских языков является трехплановая система местных падежей, которую образуют падеж местонахождения со значением где? в чем? (инессив), падеж вхождения со значением куда? во что? (иллатив) и падеж отделения со значением откуда? (элатив).

В финно-угорских языках встречается двоякое выражение местонахождения падежом со значением куда? и падежом со значением где?

Эрз. экшелясь лейсэ — купался в реке (где? инессив), но ваясь лейс — утонул в реке, дословно: утонул в реку (куда? иллатив).

Финск. Minä istutin omenapuuta puutarhassa — я сажал яблоню в саду (где? инессив), но Minä istutin omenapuun puutarhaan — я посадил яблоню в саду, дословно: я посадил яблоню в сад (куда? иллатив).

Эст. suples jŏes — купался в реке (где? инессив), но uppos j̄okke — утонул в реке, дословно: утонул в реку (куда? иллатив).

Водский. Jvana ikine koĭra, naĭz̄e̯ tappe̯ narvā tél. Иван —

проклятая собака, жену убил на нарвской дороге (где? инессив). tappe surma soldali tele — убила смерть солдата на дороге, дословно: убила смерть солдата на дорогу (куда? иллатив).

Хантыйский: унтны янхыс — ходить в лесу (где? местный), но унт/а тапыс — заблудился в лесу, дословно: заблудился в лес (куда? направительный).

Ненецкий: мякана хоны — спит в чуме (где? местно-творительный падеж), но: мят'хонэй'' — заснул в чуме, дословно: заснул в чум (куда? дательно-направительный падеж).

Ижорский язык: ujui joez — купался в реке (где? инессив), uppoz jokke — утонул в реке, дословно: утонул в реку (куда? иллатив), hän on soaz — он был на войне (где? инессив), но hän on sotta tabetta — его убили на войне, дословно: его убили на войну (куда? иллатив).

Другой характерной чертой финно-угорских языков является употребление в некоторых случаях отделительного падежа (элатива), тогда как в индоевропейских языках здесь выступает локальная конструкция, соответствующая некоторым финно-угорским падежам местонахождения, например, в финском:

Sormus löytyi lattialta — кольцо нашлось на полу, дословно: кольцо нашлось с пола (откуда? элатив).

Эрз. Сурксось муевсь кияксто — кольцо нашлось на полу, дословно: кольцо нашлось с пола (откуда? элатив).

В советской лингвистической литературе впервые эти факты в финно-угорских языках пермской и волжской группы отмечены Б. А. Серебренниковым в работе «Категория времени и вида в финно-угорских языках».

Д. В. Бубрих, по-видимому, не знал о них, так как вопросами синтаксиса он вообще не интересовался.

Б. А. Серебренников вместе с тем отмечает, что такая трехплановость местных падежей наблюдается и в тюркских языках. Однако это не снижает значения этой общности для финно-угорских языков. Тем более, что мы находим их во всех самодийских и обско-угорских языках.

Общими в мордовских языках с другими финно-угорскими языками являются способы выражения связи определения с определяемым словом. В мордовских языках определение не имеет форм связи с определяемым словом, связь эта осуществляется препозитивным положением определения по отношению к определяемому слову. Так обстоит дело и в других финно-угорских языках. Например:

в эст. языке: kivimaja — каменный дом, дословно: камень дом, sügispäev — осенний день, дословно: осень — день.

В саамском языке: kΘpp—olmin’c — больной человек, дословно: болезнь — человек.

В водском: nahkaperednikka — кожаный передник, дословно: кожа — передник.

В эрз. яз.: *тумо лопа,* мокш.— *тума лопа* — дубовый лист, дословно: дуб — лист.

В хант. яз.: *сумыт йиηк* — березовый сок, дословно: береза — вода;

в ненец. яз.: *пя харад* — деревянный дом, дословно: дерево — дом;

в ижорск. яз.: talvi päivä — зимний день, дословно: зима — день;

в коми яз.: *мöс сюр* — коровий рог, дословно: корова — рог.

Постановка определения перед определяемым словом свойственна и другим неродственным языкам, однако, когда дело доходит до оформления определения, то здесь уже выступает общий для финно-угорских языков генетивоподобный показатель. Например: эрз. *кеве-нь* кудо, мокш. *кево-нь куд,* финск. kivi-nen talo «каменный дом».

Общим является и тот факт, что старые, неоформленные пары сохраняются в языках наравне с новыми парами.

Так, в мордовской речи стало возможным: в эрзянском языке наравне с *кизэ чи* и *кизэнь чи* — летний день, в мокшанском языке наравне с *тума лопа* и *тумонь лопа*—дубовый лист, в финском языке наряду с *kivi talo* и *kivinen talo* — каменный дом, в коми языке наравне с *пу кöлуй* и *пуа кöлуй* — деревянная посуда.

Однако оформленность определения создает некоторый оттенок особого значения, и эти значения опять-таки являются общими во всех языках. Например: эрз. *олго лато,* финск. *olki lato* обозначает сарай для соломы, но эрз. *олгонь лато* и финск. *olkinen lato* сарай из соломы, ненецкое *лы хыдя* — костяная чашка, дословно: кость — чашка, но *лы'' хыдя* — чашка для костей, дословно: костей чашка.

Чрезвычайно любопытными являются синтаксические особенности мордовских языков, объединяющие их с самодийскими. В самодийских языках так же, как и в мордовских, субъект находит свое выражение в формах не только глагольного, но и именного предиката. Это так называемые сказуемостные формы неглагола.

Морд.: *эрз.* покш-ан, мокш. оцюв-ан, ненец. нгарка-дм «я большой»,
эрз. покш-ат, мокш. оцюв-ат, ненец. нгарка-н «ты большой»,
эрз. покш-тано, мокш. оцюф-тама, ненец. нгарка-ва «мы большие»,
эрз. покш-тадо, мокш. оцюф-тада, ненец. нгарка-да «вы большие».
Третье лицо в обоих языках не оформлено.

В сказуемостных формах мордовских и самодийских языков всё одинаково. Личные окончания как в мордовских, так и в самодийских языках имеют местоименное происхождение.

Формальное значение сказуемого первых двух лиц как в мордовских, так и самодийских языках совпадает с вещественным значением личных слов:

морд. *мон*	ненец. *мань* «я»
морд. *тон*	ненец. *пыдар* «ты»
морд. *минь*	ненец. *маня’* «мы»
эрз. *тынь* мокш. *тинь*	ненец. *пыдара’* «вы».

В мордовских и самодийских языках сказуемостное изменение неглагола и спряжение глагола представляют собой единую систему форм.

Нам представляется, что генетическая связь мордовских и ненецких сказуемостных форм очевидна. Всё же некоторые исследователи, например В. Паль в работе «Времена и наклонения в мордовских языках», полагают, что мордовские сказуемостные формы неглагола возникли под влиянием тюркских языков, и таким образом отпадает как бы их сравнение с ненецкими формами.

Однако изменение по лицам сказуемого неглагола и изменение глагола в безобъектном спряжении подчинено в мордовских языках одной и той же схеме:

сок-ан «я пашу»	*сока-тано* «мы пашем»
сазора-ан «я сестра»	*сазор-тано* «мы сестры»
сока-т «ты пашешь»	*сока-тадо* «вы пашете»
сазор-ат «ты сестра»	*сазор-тадо* «вы сестры».

Если изменение по лицам неглагола заимствовано из тюркских языков, то, стало быть, и схема безобъектного спряжения глагола также заимствована из тюркских языков.

Совершенно очевидно, что и формы имени, и формы глагола представляют собой первичные формы изменения слов по лицам, возникшие еще в древнейшую эпоху, когда имя и глагол не различались. Кроме того, где и в каком месте мордва могла иметь столь длительное сожительство с тюркскими народами, чтобы воспринять целую систему форм из тюркских языков? И какие еще грамматические формы в мордовских языках заимствованы из тюркских, что естественно ожидать при наличии такого интенсивного языкового взаимодействия, помимо системы форм сказуемостного изменения? Все это В. Паль должен был разъяснить или отказаться от своего объяснения мордовских сказуемостных форм.

Между тем мордовские языки объединяются с самодийскими также и по линии некоторых других грамматических черт.

Общими с мордовскими являются падежные окончания:

н-овый датива:	морд. *мода-нень,*	ненец. *я-н’*	«к земле»
	морд. *вакан-нэнь,*	ненец. *хыдя-н’*	«к чашке»
	морд. *эрьке-нень,*	ненец. *то-н’*	«к озеру»

д-овый аблатива:	морд.	*мода-до,*	ненец.	*я-хад*	«от земли»
	морд.	*вакан-до,*	ненец.	*хыдя-хад*	«от чашки»
	морд.	*эрьке-де,*	ненец.	*то-хад*	«от озера»
н-овый локатива:	морд.	*мода-сна,*	ненец.	*я-хана*	«на земле»
	морд.	*вакан-сна,*	ненец.	*хыдя-хана*	«на чашке»
	морд.	*эрьке-сна,*	ненец	*.то-хана*	«на озере»

На эти общие черты, объединяющие финно-угорские языки с самодийскими, указывал в свое время еще Д. В. Бубрих.

Типологически общим у мордовских языков с самодийскими является и грамматический показатель определенности предмета. В мордовских языках таким показателем является **-сь, в** мокшанском также и **-ць,** в ненецком **хова:** эрз.-мошк. *мода-сь,* ненец. *я-хова* «земля-та»,

эрз.-мокш.	*эрьке-сь,*	ненец.	*то-хова*	«озеро-то»
эрз.	*мон-сь,*	ненец.	*мань-хова*	«я-то», «я-сам»
эрз.-мокш.	*атясь,*	ненец.	*вэсако-хова*	«старик-то»

Определенные или указательные формы имени сопровождают его во всех наличествующих в ненецком и мордовских языках падежах, образуя в том и другом языке целую систему форм определенного склонения.

1. Ном. ненец.	*то-хова*	*эрьке-сь*	«озеро-то», эрз.
2. Ген.	*то-хова’*	*эрьке-нть*	«озера-то»
3. Дат.	*то-хован’*	*эрьке-нтень*	«к озеру-то»
4. Ак.	*то-ховам’*	*нет*	
5. Лок.	*то-хована*	*эрьке-сэнть*	(сна) «по озеру-то»
6. Абл.	*то-ховад*	*эрьке-денть*	«от озера»
7. Пролатив	*то-хована*	*эрьке-ванть*	«по озеру».

Естественно, что при наличии таких средств, а их при более тщательном разыскивании окажется значительно больше, было бы более целесообразно сравнивать в плане установления генетического родства мордовские сказуемостные формы имени с соответствующими ненецкими, а не с тюркскими.

Специфичными для финно-угорских языков являются и способы выражения членов предложения. В этом отношении особый интерес представляет прямое дополнение. Прямое дополнение привлекло внимание некоторых ученых, посвятивших его исследованию специальные работы (Ю. С. Елисеев, «Прямое дополнение в финском языке», Э. А. Якубинская, «Прямое дополнение в мордовском языке» и некоторые другие).

Особенность выражения прямого дополнения заключается в том, что некоторые финно-угорские языки имеют специальный падеж для его выражения — аккузатив, другие языки такого падежа не имеют, и все же общность выражения прямого дополнения в тех и других языках прослеживается со всей очевидностью. Особенно показательным в этом отношении является финский-суоми язык, где имеется аккузатив, и мордовские языки, где аккузатива нет.

В финском языке прямое дополнение выражается аккузативом, когда он обозначает объект полного охвата, и партитивом, когда он обозначает объект неполного охвата.

В мордовских языках прямое дополнение, обозначающее объект полного охвата, выражается номинативом и генетивом, соответствующими финскому аккузативу. Прямое же дополнение, обозначающее объект частичного охвата в мордовских языках, может обозначаться аблативом, соответствующим финскому партитиву.

Особенно интересным для нас является тот факт, что в финском языке прямое дополнение в партитиве выражается при глаголах незаконченного действия, в мордовских языках также прямое дополнение выражается в аблативе и инессиве при глаголах незаконченного действия. Например: эрз. *ярсынь калдо*, финск. *söin kalaa* — я поел рыбы, но эрз. *сэвинь кал* и финск. *söin kalan'* — я съел рыбу.

Некоторый интерес при выявлении общих черт финно-угорских языков представляют собою так называемые парные слова или, как их называют некоторые ученые, «слова-близнецы». Например: эрз. пенчть-вакант «столовая посуда» буквально: ложки-чашки, венг. adásvétel «торговля», буквально: купля-продажа, хант. вой-хуть «животный мир», буквально: зверь-рыба, ненец. нисяха'-небяха', «родители», буквально: два отца — две матери.

Парные слова во многих языках начинают исчезать, например, в эстонском и финском. Но во всех языках сохранились следы их былого наличия, поэтому для нас они представляют интерес как показатель общности мордовских языков с другими финно-угорскими.

В заключение следует сказать, что количество примеров, иллюстрирующих эти общности, можно было бы, вероятно, намного увеличить, но по причине недостаточной изученности структурных особенностей предложения финно-угорских языков мне не удалось собрать чего-либо большего.

Д. В Цыганкин,
кандидат филологических наук

СВИДЕТЕЛЬСТВА ДИАЛЕКТОЛОГИИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Диалектология — это история мордовских языков. Данные диалектологии оказываются крайне необходимыми не только при изучении истории мордовского языка, но также и при исследовании различных проблем этногенеза мордовского народа.

Современное состояние изученности мордовских говоров дает основание утверждать, что отличие одних мордовских говоров (соответственно эрзянских и мокшанских) от других сводится в основном к различной степени проявления их частных особенностей и сохранения архаических черт: одни говоры сохранили архаические элементы, восходящие к общемордовскому источнику, а иногда даже к финно-угорскому языку-основе, в других они изменились, в третьих утратились. Это говорит о большой близости языков мордовских племен в далеком прошлом. Однако и общие явления разных говоров и диалектов могут быть весьма различны по своему происхождению. В одних генетически тождественны и возникли в результате длительной совместной жизни их носителей в прошлом. В других случаях та или иная языковая особенность, возникнув первоначально на ограниченной территории, могла распространяться на другие районы. В третьих — общие черты в разных говорах могли возникнуть независимо друг от друга, благодаря общей в своей основе системе, общим тенденциям развития, которые в дальнейшем в разных говорах независимо друг от друга могли привести к одним и тем же сходным результатам. И, наконец, общие черты могли возникнуть в результате влияния других языков.

Известно, что влияние одного языка на другой отражается в словаре, в звуковом составе, в формах слов и словесных конструкций. В этом плане (плане влияния других языков на мордовские языки, в плане взаимовлияний русских и мордовских говоров, а также говоров эрзянского и мокшанского языков) особый интерес представляет проблема происхождений говоров мордовского Присурья. В них нашли отражение языковые особенности древних диалектов мордовского языка. По территории распространения этих говоров проходит целый ряд изоглоссных языковых явлений неэрзянского происхождения, включая и такие, которые являются основными при определении характера, специфики говоров. Прежде всего сюда относится изоглосса, представленная редукцией гласных с различной качественной направленностью, создающая своеобразную, отличительную от других эрзянских говоров структуру вокализма эрзянских говоров мордовского Присурья и отражающая судьбу мокшанского населения в данном районе. Редукция — устойчивая черта этих говоров, и она присуща в основном всем говорам мордовского Присурья, а также захватывает говоры наскафтымской мордвы (селения Наскафтым, Армиево, Ст. Мачим Шемышейского района Пензенской области).

Кроме того, в этих говорах отмечены некоторые особенности, свидетельствующие о существовании в прошлом здесь мокшанского населения и отсутствии эрзянского (приблизительно в конце XV в. и начале XVII в.). В то же время они свидетельствуют о длительном процессе скрещения двух близкородственных языков, очевидно, происходившем позднее.

Сложен генезис эрзянских говоров мордовского Присурья. Однако одно обстоятельство несомненно: первоосновой для образования большинства говоров (говоров селений Морд. Давыдово, Сабаево, Кочелай, Пермиси, Шугурова, Кабаева и др.) послужили мокшанские говоры. Полоса по реке Суре протяженностью более 130 км (от истоков Пырмы до Большой Сарки, притока Суры) в прошлом была занята мокшей (эту полосу мы условно называем мордовским Присурьем).

Впоследствии, очевидно, в связи с усилением отлива части мордвы-эрзи Арзамасского уезда и массовым проникновением русских из центральных уездов на восток — в пределы бывшего Алатырского уезда и далее, мокша, проживавшая в бассейнах рек Синяш, Штырма, Черменей, Дошаги, Кша, Чеберчинка, Большая и Малая Сарка и др., оказалась в известной мере оттесненной, а отдельные группы мокши, жившие в этих местах, продвинулись на территорию, занимаемую ими теперь. Большая же часть её, по-видимому, осталась на своих местах и слилась с прежним эрзянским населением; впоследствии она ассимилировалась, оставив заметный след в фонетике, лексике, а также в грамматике. В ряде говоров (там, где больше всего элементов мокшанского языка) нарушено общеэрзянское фонетическое явление — гармония гласных, в связи с этим изменилась структура непервого слога слова; в других говорах (там, где менее заметны мокшанские элементы) сохранились и типичные черты эрзянских говоров в отношении вокализма непервого слога слова.

Интерес в этом отношении представляет косогорская группа говоров. Наличие редукции заставляет думать, что в далеком прошлом носители говора также испытали влияние со стороны мокшанского языка. Но здесь во многих, строго определенных случаях сохранилось традиционное общеэрзянское произношение гласных непервого слога слова, т. е. сохранились признаки говоров приалатырской мордвы, откуда переселились предки современных жителей сёл Косогоры, Гузынцы, Дегилевки. Более 300 лет прошло с тех пор, как представители говора оказались в бассейне реки Суры, однако, несмотря на влияние мокшанского языка, элементы древнего вокализма оказались более устойчивыми и сохранились по настоящее время. Данной группе говоров свойственно такое произношение, какое мы наблюдаем, например, в эрзянских селениях Лукояновского района Горьковской области. Редукция гласных здесь — явление позднее и вторичное по отношению к гармонии гласных.

Особняком стоит старо-турдаковская группа говоров. В этих говорах нет редукции, характерной чертой их является произношение **у**, сохранение гармонии гласных и отсутствие в них мокшанских элементов. Это типично эрзянская укающе-окающая группа говоров и по своим особенностям, как на это указывает в своих исследованиях этой группы говоров В. Д. Объедкин[1], она сближается с говорами приалатырской мордвы (говоры сел Лобаски, Ичалки и др.), а также с некоторыми говорами этого типа в Горьковской области. Это сходство позволило В. Д. Объедкину предположительно определить территорию первоначального расселения носителей этой группы говоров.

Таким образом, исследование говоров мордовского Присурья поможет выяснить некоторые детали истории расселения мокшанского и эрзянского населения на данной территории и подкрепить выводы, положения, выдвинутые ранее исследователями истории мордовского народа.

Так, Гераклитов в своей работе «К вопросу о границе между мокшей и эрзей в начале XVII века»[2] предполагает, что в начале XVII века полоса, где встречались, а следовательно, были в соседстве мокша и эрзя, простиралась по северо-восточной окраине бывшего Саранского уезда в направлении от реки Суры по реке Штырме, далее к верховьям рек Нуя, Кша, Аморда. Далее А. А. Гераклитов отмечает, что мокша владела угодьями в этих местах даже после переселения на другие места. Причем она длительное время продолжала пользоваться этими угодьями, несмотря на большую их отдаленность от местожительства. Этот вывод очень интересен, и он подкрепляется, как мы уже отмечали, фактами диалектологии. Однако эта полоса «встречи» была значительно дальше от Б.-Березников, и по реке Суре она доходила до рек Большой и Малой Сарки и простиралась дальше к истокам рек Нуи и Аморда.

---

[1] См. *В. Д. Объедкин,* Фонетика старо-турдаковского диалекта эрзя-мордовского языка, Записки Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск, 1958 г., № 18, стр. 114.

[2] См. Бюллетень ЛОНКФУН, вып. 4, Ленинград, 1929.

В этой связи требует уточнения гипотеза М. Е. Евсевьева о причинах появления сел. Морд. Давыдова, Кочелай и Сабаево в пределах мордовского Присурья, предложенная им в работе «Мордва Татреспублики», Казань, 1962 г.

М. Е. Евсевьев утверждает, что население открытых им 3 мокшанских сёл Сабаева, Кочелай, Морд. Давыдова Саранского уезда — когда-то жило вблизи Казани, причем он устанавливает полное тождество мордвы этих сёл. Но кроме этих сёл, на территории мордовского Присурья имеются еще селения, жители которых в разговоре сочетают мокшанские речевые элементы с преобладающими эрзянскими элементами, такие, как Пермиси, Шугурово, Старая и Новая Пырма и т. д., о которых ничего не сказано в работе М. Е. Евсевьева.

Однако, как уже было сказано, территория мордовского Присурья ещё до падения Казани была занята мокшанским населением. И те селения, о которых говорит М. Е. Евсевьев, очевидно, уже существовали до возвращения части мордвы (эрзи и мокши), угнанной татаро-монгольскими завоевателями. После падения Казани угнанная часть мордвы-мокши вернулась на старые места жительства. Не исключена возможность, что в этих селениях, т. е. Сабаеве, Кочелаеве, Морд. Давыдове, сосредоточилась большая часть той мордвы, которая была угнана и насильно переселена татарами в приволжские районы, к югу от Казани.

Язык, будучи связан с определенной артикуляционной базой, имеет слишком глубокие корни в жизни народа, слишком глубоко связан с его навыками и традициями, с его психическим складом. Поэтому переход с одного языка на другой есть процесс сложный и трудный. Особенности родного языка, утратившие в основном свои характерные специфические черты, все же частично сохраняются в фонетике, лексике, синтаксисе и продолжают и дают знать о себе в новой языковой среде. Это одна из проблем, где наиболее очевидным и осязаемым образом история языка переплетается с историей народа. Нам пришлось наблюдать некоторые русские говоры (например, говор села Пичеуры Чамзинского района, с. Судосево, русскую часть этого села), а также говор группы населения, именуемой в ряде работ терюханской мордвой. Этот говор резко выделяется из среды других соседних русских говоров Горьковской области. В этих говорах обнаруживаются особенности, возникшие в результате влияния мордовских языков. Например, вместо мы, вы, бы и т. д. там произносят ми, ви, би. Это объясняется влиянием мордовской фонетики. Интересно ещё и то, что эти говоры цокающие, хотя цоканья у окружающего населения нет. В связи с этим любопытно привести ещё одну параллель. Л. Э. Калнынь в работе «К истории коломенских говоров»[1] отмечает, что на востоке Коломенской земли славянские племена ассимилировали мещеру. Скрещение с языком племени мещеры наложило соответствующий отпечаток на русские говоры. Так, в говорах восточной окраины Коломенской земли следы этого скрещения представлены в цоканье, а в некоторых говорах ещё в шепелявом произношении мягких з', с', д', т'.

Об этом же говорит О. Н. Мораховская в работе «Говор деревни Уляхино Курловского района Владимирской области»[2]. Эта деревня находится на территории так называемого Мещерского края или Мещерской стороны на севере Рязанской области. В данном говоре, по утверждению автора, явление цоканья распространено повсеместно, кроме того, наблюдается довольно редкая фонетическая особенность, а именно: своеобразное чередование губного в с задненёбным не только в середине и в конце, но также и в начале слов, преимущественно перед губным (антонохка, русск. лит. антоновка) и т. д.

Характерно то, что подобное явление наблюдается и у так называемых терюхан — обрусевшей мордвы в Горьковской области.

Н. Б. Бахилина в работе «Мещерские говоры Пензенской области»[3] указывает, что цоканье в мещерских говорах не объясняется северо-русской основой данных говоров, а представляет собой один из реликтов иноязычного субстрата.

Т. Г. Строганова в работе «К изучению говоров междуречья Оки-Клязьмы» (северо-западная часть Рязанской области) отмечает: «единственно, в чем можно видеть непосредственный след иноязычной мещерской подосновы говора — это широкое распространение по всей территории междуречья Оки и Клязьмы цоканья, а также шепелявое произношение согласных»[4].

Таким образом, наличие субстрата в исследованных автором русских говорах несомненно. Делать отсюда вывод, что этот субстрат принадлежит языку какого-то мордовского племени, пока преждевременно и притом рискованно. Нужны еще факты. Требуется тщательное изучение русских говоров за пределами Мордовской республики. Однако «цоканье» заставляет обратить на себя внимание. Примечательно, что эрзянский язык слова русского происхождения с наличием аффрикаты «ч» усваивает через «ц». Ср. бочка — боцка, час — цас, печка — пецка, спички — спицки, точило — тоцила и т. д. Сходство здесь явное.

---

[1] Труды института языкознания, т. VII, Москва, 1957 г., стр. 85.

[2] См. там же, стр. 203.

[3] См. Труды института языкознания, т. VII, Москва, 1957 г., стр. 262.

[4] См. там же, стр. 157.

Нельзя пройти мимо таких фактов, как топонимические названия, многие из которых имеют, по-видимому, мордовское происхождение. Например, в пределах Коломенской земли (восточный край) мы находим названия рек: Велеушка, Мезинка, Мерьска, в междуречье Оки и Клязьмы названия населенных пунктов: Теса, Тесерьма, Чинур, название рек: Пры, Нинур, Чистур и т. д.

В силу исторических причин мордовские говоры оказали влияние на формирование и развитие некоторых русских говоров. Это наблюдается в тех случаях, когда носители того или иного мордовского говора растворились, ассимилировались среди носителей русского говора. Этот процесс протекал в прошлом, протекает и в настоящее время. Возможность изучения русских и мордовских говоров в этом аспекте всё более ясно осознается в настоящее время. В последние годы этот вопрос затрагивался в ряде отдельных работ (правда, большей частью речь шла о словарных заимствованиях). Большой интерес представляет работа Л. Я. Смоляковой «Некоторые особенности мордовского субстрата в фонетике русского говора Кара-Елги», помещена в сборнике «Вопросы теории и методики изучения русского языка», Иошкар-Ола, 1964 г.

Говор деревни Кара-Елги относится к владимирско-поволжской группе. Он характеризуется оканьем, уканьем (утрабатывать, ут меня). В то же время, говорит автор, этот говор не является таким классическим, типично владимирско-поволжским говором, как, скажем, русские говоры Волжско-Свияжского междуречья.

Своеобразной чертой говора Кара-Елги является расширение узких гласных — **у, и, ы,** — в заударных конечных слогах и совпадение их соответственно с гласными, близкими к **о** и **е**.

Это качество — новое явление. И основа его (по мнению Смольковой) не русская. Автор отмечает, что при объяснении такого явления следует отказаться от объяснения его законами русской фонетики, и вообще его трудно объяснить, исходя из истории русского языка. Правильно, на наш взгляд, поступил исследователь данного говора, обратившись при объяснении этого явления к говорам мордовского-эрзя языка, в частности, к говорам регрессивно-ассимиляторного типа, так как русское население Кара-Елги в прошлом было мордовским, и, очевидно, переход мордовского населения на русский язык происходил в тот момент, когда в мордовском говоре явление расширения **у, и** еще не распространилось на конечный слог.

Разумеется, выводы автора носят предварительный характер, и они в известной степени спорны, но влияние иноязычного субстрата в данном говоре существенно изменило характер конечного слога слова. Этот факт говорит о том, что русские диалекты могли возникать не только в результате естественного внутреннего развития языка и его дифференциации, но и в ассимиляции этим языком других языков, в данном случае — мордовских. Изучение субстратных явлений — это один из путей изучения истории расселения мордовского народа, который развивался в условиях сложного этического взаимодействия с другими народами.

В заключение следует отметить, что более подробное исследование мордовских говоров (особенно мокшанских), сочетаемое с изучением истории расселения и территориального размещения их носителей, было бы весьма полезным как для лингвистов, так и для историков.

Не подлежит также никакому сомнению, что и изучение прошлого и настоящего мордовского народа, истории его расселения, хозяйственного быта и всего того, что составляет историю этого народа, должно содействовать уточнению истории образования диалектов и говоров мордовских языков. Изучение диалектов и говоров поможет историкам выяснить некоторые проблемы этногенеза мордовского народа и истории его отдельных групп мордовского народа. В связи с этим пора начать составление атласа говоров мордовского языка. Особенно важно внимательное изучение словарного состава говоров (к сожалению, мы почти не имеем по этому вопросу работ). Оно может дать многое и для изучения материального быта в отдельных районах расселения мордвы. В этом отношении особое значение имеет исследование терминологии, связанное с различными формами материальной культуры.

В. И. Алатырев,
кандидат филологических наук

УДМУРТСКО-МОРДОВСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Удмуртско-мордовские лексические отношения являются весьма интересными не только для лингвистов, но и для историков. Между тем эти вопросы специально никем пока не исследовались. Правда, в лингвистических работах многие удмуртские слова сопоставляются с соответствующими мордовскими словами, но они, как правило, сравниваются в общефинно-угорском плане, т. е. в плане выяснения общефинно-угорских звукосоответствий, общефинно-угорских словарных соответствий.

Тема удмуртско-мордовских лексических отношений сама по себе является весьма сложной. Она может быть более или менее полно и удовлетворительно разрешена только после того, как мы будем иметь полные диалектологические словари удмуртского и мордовских языков. В современных словарях литературных языков многие слова, которые имеют или могут иметь важное значение при выяснении тех или иных историко-лингвистических закономерностей, отсутствуют. Диалектологические словари особенно нужны тогда, когда речь идет об истории языков, об истории их носителей.

В данном своем сообщении я не собираюсь приводить лингвистические выкладки и устанавливать какие-то новые закономерности, относящиеся к удмуртско-мордовским лексическим связям. Это дело будущего. Моя задача очень скромная — основываясь на соответствующих лексических материалах, извлеченных из нормативных и сравнительных словарей, мне хотелось бы поставить некоторые вопросы, разрешением которых, как мне представляется, следовало бы заниматься не только лингвистам, но ученым смежных дисциплин (историкам, этнографам, археологам, антропологам).

Полагаю, что небезынтересно иметь представление о количестве общих удмуртско-мордовских слов, включенных в нормативные и сравнительные словари финно-угорских языков. Учет количества общих слов может иметь определенное значение при разрешении вопроса об интенсивности и длительности контактов между сравниваемыми языками. Поэтому позволю себе привести в этом плане некоторые факты.

В Мокшанско-русском словаре, составленном С. Г. Потапкиным и А. К. Имярековым, мы нашли около 300 корневых слов, которые имеют параллели в удмуртском языке. Примерно столько же общих эрзянско-удмуртских слов в Эрзянско-русском словаре, составленном М. Н. Коляденковым и Н. Ф. Цыгановым (Москва, 1949 г.). Этимологически спорных слов около 100. В сравнительном словаре финно-угорских языков И. Буденца (Magyar-ugor összehasonlitó szótár, 1873—1881) приводится примерно 900 мордовских и около 360 удмуртских слов (корневых и производных). Общих удмуртско-мордовских слов в этом словаре насчитывается около 140.

В этимологическом словаре венгерского языка Г. Барци (Magyar szófejtö szótár, 1941) общих удмуртско-мордовских слов примерно 90. В хрестоматии Уотила (syrjänische chrestomathie, Helsinki, 1938) насчитывается 130 общих удмуртско-мордовских слов. В сравнительном словаре финно-угорских языков Б. Коллиндера (Finno-ugric vocabulary, Uppsala, 1955) в этимологическом плане анализируется больше 500 мордовских слов, около 525 удмуртских, около 700 марийских и около 600 коми слов. Сюда входят корневые слова, несколько производных и древние заимствованные слова (индоиранские). Общих корневых слов, употребляющихся в мордовских и удмуртском языках, в этом словаре насчитывается примерно 150. Это составляет половину количества общефинно-угорских слов в мордовском и удмуртском языках. Так, согласно подсчетам Г. Берецкого, в мордовских языках насчитывается 300 общефинно-угорских корневых слов (из них 18 имеют спорную этимологию), в удмуртском языке 318 (из них 12 имеют спорную этимологию), в коми 355 слов, в марийских языках общефинно-угорских слов примерно 680 (Г. Берецки, Взаимоотношение марийской лексики с лексикой мордовских и пермских языков, Тезисы докладов на Всемирном конгрессе финно-угроведов в Венгрии).

Ниже мы даем перечень общих мордовско-удмуртских слов, классифицированных по определенным семантическим признакам. Это делается нами из следующих соображений: а) в литературе, посвященной мордовскому и удмуртскому языкам, пока еще такой подборки слов не производилось. Между тем этот перечень имеет не только познавательное, но и определенное теоретическое значение; б) данный лексический материал может быть использован историками, археологами, этнографами и антропологами, занимающимися вопросами происхождения мордовских и удмуртского народов; в) наконец, приведенные ниже слова могут служить определенным лингвистическим основанием для постановки конкретных вопросов, непосредственно относящихся к древнейшим связям протомордовских и протоудмуртских родовых групп (об этих вопросам см. ниже).

В семантическом отношении общие удмуртско-мордовские слова распадаются на следующие группы:

Слова, обозначающие явления природы и временные отношения. Морд.[1] *ведь* «вода»— удм. *ву*. Морд. *сёвонь* «глина»— удм. *сюй* «земля (почва)». Морд. *тол* «огонь»— удмуртское *тыл*. Эрз. морд. *теле*, мокш. морд. *тяла* «зима»—удм. *тол*. Морд. *эй* «лед»— удм. *йӧ*. Эрз. морд. *пель* «облако, туча»— удм. *пилем*. Морд. *лов* «снег»— удм. *лымы*. Морд. *кев* «камень»— удм. *кӧ*. Морд. *ве* «ночь»— удм. *уй*. Морд. *сод* «сажа»— удм. *су*. Морд. *сёксь* «осень»— удм. *сизьыл*. Эрз. морд. *ченгемс* «сгореть, обуглиться; выгорать от жары», чентямс «опалить, сжечь»— удм. *чын* «дым». Эрз. морд. *кужо* «поляна; место хоровода»— удм. *куш* «поляна». Эрз. морд. *чов* «пена», мокш. морд. *шов* — удм. *шукы* (?). Мокш. морд. *меля*, мелямба «в прошлом году»— удм. *мыым* (?). Мокш. морд. *сяям* «трут», эрз. морд. *сем* — удм. *сеньки* (?) и др.

Названия части тела

Эрз. морд. *турва* «губы», мокш. морд. *трва* — удм. *тырпы*. Морд. *толга* «перо» (птичье) — удм. *тылы*. Морд. *эзне* «сустав, сгиб, колено»— удм. *ёз* (ёз-ви). Морд. *пиле* «ухо»— удм. *пель*. Эрз. морд. *пизэ* «гнездо», мокш. морд. *пиза* — удм. *пуз* «яйцо». Морд. *пей* «зуб»— удм. *пинь*. Эрз. морд. *нерь*, мокш. морд. *нярь* «рыло, клюв, морда, нос (корабля)»— удм. *ныр*. Мокш. морд. *мяште*, эрз. морд. *меште* «грудь»— удм. *мылазь* «грудь (животных)». Эрз. морд. *максо*, мокш. морд. *макса* «печень»—удм. *мус*. Эрз. морд. *ловажа* «кость»— удм. *лы*. Мокш. морд. *ирдез*, эрз. морд. *ирдекс* «ребро»— удм. *урд*. Морд. *вий* «сила, мощь, энергия»— удм. *ви*: кать-ви «сила». Мокш. морд. *кядь*, эрз. морд. *кедь* «рука»— удм. *ки*. Морд. *куво*, кува «корка (хлеба), скорлупа, кожура»— удм. *ку* «кожа». Мокш. морд. *кяль*, эрз. морд. кель «язык»— удм. *кыл*. Морд. *кенже* «ноготь, коготь, копыто»— удм. *гижы*. Морд. *сан* «жила»— удм. *сӧн*. Мокш. морд. *седи*, эрз. морд. *седей* «сердце»— удм. *сюлэм*. Морд. *сельме* «глаз»— удм. *син*. Морд. *сиве* «ворот, воротник»— удм. *силь*: сильсьӧр «затылок». Эрз. морд. *сюло*, мокш. морд. *сюла* «кишка»— удм. *сюл*. Мокш. морд. *сюра*, эрз. морд. *сюро* «рог»— удм. *сюр*. Мокш. морд. *сяпе* «желчь, горечь», эрз. морд. *сэпе* «горечь»— удм. *сэп* «желчь». Мокш. морд. *вер*, эрз. морд. *верь* «кровь»— удм. *вир* и др.

---

[1] В тех случаях, когда в мокшанском и эрзянском языках слово звучит одинаково, употребляется термин «морд». В других случаях указывается конкретный язык: «эрз. морд.», «мокш. морд.»

Слова, обозначающие количество предметов (числительные)

Мокш. морд. *фкя*, эрз. морд. *вейке* «один»—удм. *одйг*. Мокш. морд. *кафта*, эрз. морд. *кавто* «два»— удм. *кык*. Мокш. морд. *колма*, эрз. морд. *колмо* «три»— удм. *куинь* (из кульма<кольма). Морд. *ниле* «четыре»— удм. *ньыль* (в диалектах ниль, нюль). Морд. *вете* «пять»— удм. *вить*. Мокш. морд. *кота*, эрз. морд. *кото* «шесть»— удм. *куать* (в говорах квать). Морд. *сисем* «семь»— удм. *сизьым*. Морд. *комсь* «двадцать»— удм. *кызь*. Мокш. морд. *сяда*, эрз. морд. *сядо* «сто»— удм. *сю*.

Местоимения

Морд. *мон* «я»— удм. *мон*. Морд. *тон* «ты»— удм. *тон*. Морд. *сон* «он, она, оно»—удм. *со*. Морд. *минь* «мы»—удм. *ми*. Морд. *тинь* «вы»— удм. *тй* (ti). Эрз. морд. *те* «этот»— удм. *та*. Эрз. морд. *ки*, мокш. морд. *кие* «кто»— удм. *кин*. Морд. *мезе* «что»— удм. *ма*, мар. Морд. *эсь* «свой»— удм. *ас* и др.

Слова, обозначающие различные виды растений

Морд. *куз* «ель»— удм. *кыз*. Мокш. морд. *инези* «малина» (ягода)— удм. *эмезь*. Морд. *виш* «полба»— удм. *вазь* «полба». Морд. *лепе* «ольха»— удм. *лулпу* (пу «дерево»). Мокш. морд. *нар* «мелкая стелящаяся трава, растущая на утоптанных местах — вдоль дорог» и т. д.—удм. *ньӧр* «вица, розга». Эрз. морд. *пазе* «посконь», мокш. морд. *пазяй* «посконь, кудель»—удм. *пызэр*. Эрз. морд. *пизёл*, мокш. морд. *пизел* «рябина (ягода)»—удм. *палэзь*. Морд. *пиче* «сосна»— удм. *пужым*. Эрз. морд. *пешке* «орешник», *пеште* «орех», мокш. морд. *пяште* «орех»—удм. *паш*: пашпу «орешник» (пу «дерево»). Морд. *юв* «ость, мякина»— удм. *ю* «хлеб (в зерне)». Эрз. морд. *шуж*, мокш. морд. *шуж* и чуж «ячмень»— удм. *чужъем* «солод». Эрз. морд. *тумо*, мокш. морд. *тума* «дуб»— удм. *ты*—: тыпы «дуб». Эрз. морд. *чевге*, мокш. морд. *чивге* «калина»— удм. *шу*. Эрз. морд. *пой*, мокш. морд. *пою* «осина»— удм. *пи*—: пипу. Мокш. морд. *путьке* «почка, прыщ», путькотьке «побег, росток (на дереве)»— удм. *бычы* «почка, росток». Мокш. морд. *кетть* «шелуха, чешуя, очистки»— удм. *киль* «перхоть, мякина, шелуха». Эрз. морд. *сирть* «ильм»— удм. *сир*—: сирпу «вяз». Морд. *суро* «просо»— удм. *сурем* «мякина, шелуха от проса». Эрз. морд. *керь*, мокш. морд. *кяр* «кора, лубок»— удм. *кур*. «лубок».

Слова, обозначающие разные виды животных, зверей, птиц, насекомых, пресмыкающихся

Морд. *скал* «корова»— удм. *скал*. Морд. *ривезь* «лиса»— удм. *зичы*. Морд. *пине* «собака»— удм. *пуны*. Эрз. морд. *пурс*, мокш. морд. *пурхц*, пурхцкя «поросенок»— удм. *парсь* «свинья». Эрз. морд. *ведрекш*, мокш. морд. *ведраж* «телка»— удм. *вал* «лошадь». Мокш. морд. *уча* «овца»— удм. *ыж.* Эрз. морд. *чеерь,* мокш. морд. *шеер,* шяяр «мышь»— удм. *шыр.* Морд. *чавка* «галка»— удм. *ӵана.* Эрз. морд. *шенже* «утка»— удм. *ӵöж.* Эрз. морд. *пизьгата* «стриж», мокш. морд. *пзьгата* «ласточка»— удм. *пöськы* «стриж». Мокш. морд. *меш* «пчела», эр. морд. *мекш* — удм. *муш.* Эрз. морд. *локсей* «лебедь», мокш. морд. *локсти* — удм. *юсь.* Эрз. морд. *дига* «гусь»— удм. *дӥге-дӥге* (dige-dige) «зов гусей». Эрз. морд. *кренч* «ворон»— удм. *кырныж.* Эрз. морд. *варси* «грач», мокш. морд. *варси* «ворона»— удм. *варыш* «ястреб». Эрз. морд. *ки* «моль»— удм. *кей.* Эрз. морд. *гуй* «змея», мокш. морд. *куй* — удм. *кый* и др.

Слова, обозначающие орудия труда, средства передвижения, предметы домашней утвари, элементы постройки, части сбруи и т. п.

Мокш. морд. *байдек* «палка»— удм. (?) *боды.* Морд. *ажия* «оглобля»— удм. *вайыж.* Эрз. морд. *сивекс* «хомут»— удм. *сиес.* Эрз. морд. *сэме* «щетка для расчесывания мочки при ручном прядении»— удм. *сын* «расческа, гребень». Эрз. морд. *тор* «обрядовый нож, жезл»— удм. (?) *тӥр* (tir) «топор». Мокш. морд. *тула* «клин, засов», эрз. морд. *туло* «пробка, затычка, клин, запор, засов, вешалка»— удм. *тул* «клин». Морд. *недь* «черенок, рукоятка»— удм. *ныд.* Морд. *нал* «стрела»— удм. *ньöл.* Морд. *пенч* «ложка»— удм. *пуньы.* Эрз. морд. *чев* «лучина», мок. морд. *шяв,* шявня — удм. *чаг.* Эрз. морд. *штере* «веретено», мок. морд. *кштирь* — удм. *черс* (??). Мокш. морд. *сюре* «пряжа (нитки)»— удм. (?) *серы* «цевка, шпулька» (в ткацком деле)». Эрз. морд. *кудо* «дом, изба», мокш. морд. *куд* — удм. *куа, куала* «шалаш или амбар, где в летнее время готовят пищу и кушают», *куно-куа* «квартира» (куно «гость»). Мокш. морд. *моркш* «стол»— удм. (?) *мырк* «пень, пенек» (в говорах «чурбан»). Морд. *сель* «сажень»— удм. *сул* «мера длины раскинутых рук». Морд. *вакс* «четверть, пядь (мера длины)»— удм. *вись* «четверть (мера длины)». Последние два слова — сул и вись — первоначально обозначали части тела.

Слова, обозначающие отвлеченное свойство-качество (существительные) или качество, признак предмета (прилагательные), или качество действия или признака (наречные слова), или же слова, обозначающие пространственные отношения

Мокш. морд. *ал* «низ», *ала* «нижний», эрз. морд. *алга* «под, низом, понизу», *алдо* «снизу»— удм. *ул* «низ, нижний, улысь «снизу». Эрз. морд. *малав* «близко, ближе, около», мокш. морд. *мала* — удм. *матын.* Эрз. морд. *тей,* тезэнь «сюда»— удм. *татчы.* Мокш. морд. *прокс* «всегда, навсегда, постоянно, безвыходно»—

удм. *пыр* «всегда». Эрз. морд. *косо* «где»— удм. *кытын* «где». Морд. *пря* «кончик, вершина, голова»— удм. *бер* «зад». Эрз. морд. *курга* «горло, шея», мокш. морд. *кргапарь* — удм. *гырк* «дупло, полый». Эрз. морд. *пе* «конец, предел»— удм. *пум*. Эрз. морд. *велькс* «верх, верхняя часть; крышка, покрывало», мокш. морд. *вельф* «верх, через»— удм. *выл* «верх, поверхность». Эрз. морд. *чуро* «редкий», мокш. морд. *шура* — удм. *шер* «редкий, редко». Морд. *пси* «жаркий, горячий, жар»— удм. *пöсь*. Эрз. морд. *тюжа* «желток, темножелтый», мокш. морд. *тюжя* — удм. *ӵуж* «желтый». Эрз. морд. *пакша* «дитя, ребенок»— удм. *покчи* (??) «маленький». Морд. *ношка* «тупой»— удм. *ныж*. Морд. *од* «новый, молодой»— удм. *выль* «новый». Морд. *ожо* «желтый»— удм. *вож* «зеленый». Эрз. морд. *мазый,* «красиво», мокш. морд. *мазы* — удм. *мусо* «милый». Мокш. морд. *ляпе* «мягкий» — удм. *ляб* (??) «слабый, непрочный, тихий», или эрз. морд. *лавшо* «слабый»— удм. *ляб* или *лопшо* (?) «свободный» (об одежде). Эрз. *позаня* «кислый, мутный»— удм. (?) *пож* «мутный». Эрз. морд. *румомс* «посинеть, покрыться синяками»— удм. (?) *ӝомыт,* «тусклый, сумрачный; сумерки, сумрак». Эрз. морд. *ине* «большой, великий», мокш. морд. *инь* «самый, наи»— удм. *уно* «много». Морд. *кельме* «мороз, холод, холодный»— удм. *кын* «мерзлый, застывший». Эрз. морд. *корсяна* «горький; угарный, чадный»— удм. *курыт* «горький, горько». Мокш. морд. *коське* «сухой, высохший»— удм. *кöс*. Эрз. морд. *сумбуря* «хмурый; пасмурный»— удм. *сумбрес* (?) «неуклюжий, неповоротливый». Мокш. морд. *вишкс* «жесткий, лютый; сильный»— удм. *вож:* вожпотыны (?) «злиться, сердиться». Эрз. морд. *паро* «добрый, хороший, добро, хорошо», мокш. морд. *пара* — удм. *бур*: ӟеч — бур «здравствуй», бур «правый». Морд. *кепедемс* «поднять, восстановить»— удм. *капчи* «легкий, легко» и др.

Слова, обозначающие родственные отношения

Эрз. морд. *чачома*, мокш. морд. *шачема* «рождение», шачемс «родиться»— удм. *ӵыжы:* ӵыжы — выжы «родня». Эрз. морд. *ни* «жена, супруга»— удм. *ныл* «девушка, дочь» (Буденц. Сравнительный словарь, 401). Может быть мордовское **ни** соответствует удмуртскому **нэнэ** «мама, мать?» Эрз. морд. *эйкакш* «дитя, ребенок»— удм. *эке* (?) «ребенок (сынок)» (Буденц. Сравнительный словарь, 810). Эрз. морд. *атя* «пожилой мужчина, старик, муж, старый», мокш. морд. *атя* «старик, дед, дедушка»— удм. (?) *атай* «отец».

Слова, обозначающие продукты питания

Мокш. морд. *лям* «щи», эрз. морд. *ям* «щи»— удм. *лым* «бульон». Мокш. морд. *сиволь* «мясо, говядина», эрз. морд. *сывель* «мясо»— удм. *сӥль*. Мокш. морд. *лофца* «молоко», эрз.

морд. *ловсо* — удм. *йӧл* (??). Эрз. морд. *ой* «масло, жир», мокш. морд. *вай* — удм. *вӧй*. Морд. *куя* «жир, сало, жирный, сальный»— удм. *кӧй*. Мокш. морд. *кяряст* «соты», эрз. морд. *керязт* — удм. *карс*. Морд. *сал* «соль»— удм. *сылал*.

Слова, обозначающие разного рода отвлеченные понятия

Мокш. морд. *лув*, лувкс «число, количество», эрз. морд. *ловнома* «чтение»— удм. *лыд* «число, количество». Морд. *лем* «имя»— удм. *ним*. Морд. *эськелькс*, аськелькс «шаг»— удм. *учкыл* «шаг» (диалектальное). Эрз. морд. *пель* «половина, часть, доля», мокш. морд. *пяле* — удм. *пал* «половина, сторона». Морд. *казне* «подарок, награда»— удм. *кузьым*. Сюда относятся существительные, образованные от соответствующих глаголов, например: мокш. морд. *бзнама* «жужжание»— удм. *бызгетон*. Мокш. морд. *визькс* «стыд»— удм. *возьдаськон*. Мокш. морд. *кельмома* «охлаждение, простуда»— удм. *кынмон*. Морд. *керома* «рубка, порез»— удм. *коран*. Морд. *козома* «кашель»— удм. *кызон* и др.

Единичны общие мордовско-удмуртские слова, обозначающие личность (персону), и все они представляют собою заимствования. Например: морд. *азор* «хозяин»— удм. *узыр* «богач, богатый». Мокш. морд. *мирде* «муж»— удм. *мурт* «человек». Эрз. морд. *андямо* «человек» (в фольклоре) — удм. *адями* «человек». Морд. *руз* «русский»— удм. *ӟуч*.

Названия таких металлов, как «железо» (морд. *кшни* из *кртни, *кортни, удм. *корт*) и «золото» (морд. *сырне*, удм. *зарни*) в мордовских и удмуртском языках заимствованы из древнеиранских языков (см. ниже).

Глаголы, обозначающие конкретные действия или движения

Мокш. морд. *чакодемс* «стукнуть»— удм. *шуккыны*. Морд. *уемс* «плыть, переплыть»— удм. *уяны*. Морд. *тонгомс* «сунуть, засунуть, просунуть, всунуть, вдеть»— удм. *донгыны* «толкнуть, подтолкнуть, столкнуть; воткнуть, протолкнуть, оттолкнуть». Эрз. морд. *чапомс* «рубить сруб, делать зарубку; отбивать (жернов)», мокш. морд. *шапомс* «рубить сруб»— удм. *ӵупыны* (ӵыпыны) «рубить сруб, сделать зарубку». Мокш. морд. *шорямс* «мешать, стеснять, вмешиваться; замешать, размешать, месить, перемешать»— удм. *сураны* «мешать, смешать, перемешать, замешать». Эрз. морд. *юксемс*, мокш. морд. *юксомс* «развязать, отвязать, расстегивать»— удм. *юскыны* «распрягать, выпрягать». Мокш. морд. *юводомс* «разбить, разломать на куски»— удм. *юдыны* «крошить, мелко резать, раскрошить». Морд. *явомс* «разделить, раздать, разбить на группы, распределить, разложить, отделиться, разложить, выделиться, сдавить, раздавить, разойтись, разъединиться»— удм. *люкыны* «раздать, раздевать, распределить, разделить, развести, разлучить». Мокш. морд. *пуштомс* «поджарить, жарить, эрз. морд. *пуштамс* «калить, прокалить»— удм. *пуштыны* «жарить, сушить, зажарить». Эрз. морд. *пелемс* «сверлить», мокш. морд. *пялемс* — удм. *пильыны* «расколоть, колоть». Эрз. морд. *перьгавтнемс* «распрягать», *перьгавтомс* «распрячь», мокш. морд. *прьгафтомс* — удм. *пертчыны* «развязать, отвязать». Морд. *потамс* «отступить, отступать, отходить, уступать» (ср. потма «внутренность, полость») — удм. *потыны* (?) «выйти, выходить». Эрз. морд. *понжафтомс* «веять, провеять», мокш. морд. *понжафтомс* — удм. *пужныны*. Морд. *понамс* «вить»— удм. *пуныны*. Морд. *пиземс* «идти (о дожде), дождить»— удм. *пызраны* «идти мелкому дождю», Мокш. морд. *пезомс* «воткнуться, вонзиться»— удм. *пезьдыны* «сорваться (о пружине), отскочить, спуститься». Эрз. морд. *нерьгемс* «втоптать»—удм. *ныркыны* «месить». Мокш. морд. *нарнемс* «стирать, вытирать, вычеркивать, зачеркивать», эрз. морд. *нардамс*, «мести, вытереть»— удм. *нюръяны* (??) (диалектальное) «скоблить, вычеркивать или *нарӟыны* «образоваться мозоли, натереть (о мозоли)». Эрз. морд. *невелезь* «облезший» (о коже и т. д.) — удм. *ньылдыны* «ободрать, содрать» (шкуру, кору). Эрз. морд. *муськемс* «стирать, выстирать, полоскать», мокш. морд. *муськомс* — удм. *миськыны* «мыть, купать, выкупать». Морд. *лаксемс* «тесать, обтесать»— удм. *лусйыны*. Эрз. морд. *порксамс* «разбить (расколоть), раскрошить»— удм. *пыргытыны* «расколоть, разбить, крошить, раскрошить, раздробить». Эрз. морд. *почкавтомс* «прорвать, пробить голову, пробить дыру», мокш. морд. *почкафнемс* «нарывать, продырявиться, прорваться»— удм. *пасяны* «сделать дыру, дырявить». Эрз. морд. *пукштятемс,* «лопнуть»— удм. *пуштыны* «взорваться, лопнуть». Эрз. морд. *пшти* «острый», *пштилгавтомс* «заострить»— удм. *бышканы* (?) «колоть». Эрз. морд. *раседемс* «царапать, рвать одежду, чесать»— удм. *ӟезьыны* «распороть, пороть». Эрз. морд. *виемс* «отнести, возратить», мокш. морд. *вимс* — удм. *вайыны* «принести, привезти, завезти». Эрз. морд. *габордамс* «сцапать, охватить, украсть»— удм. *кабыртыны* «сцапать, отцапать, схватить». Мокш. морд. *итемс* «повесить, завязать, привязать»— удм. *итыны* «соединить, удлинить, добавить (завязывая)». Морд. *кадномс* «оставлять, покидать»— удм. *кельтыны*. Эрз. морд. *скирдамс* «ущипнуть, царапнуть», мокш. морд. *киськордамс* — удм. *кесяны* «рвать, разорвать, порвать». Морд. *карамс* «рыть, прорыть, ковырять, отрыть, выдолбить, отковырять»— удм. *кырыны* «прорвать, разрыть, потрошить, распороть». Морд. *каямс* «бросить, кинуть, налить, высыпать, насыпать, прибавить, выкинуть, сажать, метать, скинуть, снять»— удм. *куяны* «бросать, выбрасывать, отбрасывать». Морд. *кодамс* «ткать, вязать, плести»— удм. *куыны* «ткать». Эрз. морд. *керчамс* «запутать, спутать, связать»— удм. *керттыны* «связать, завязать». Эрз. морд. *керсемс* «рубить, подрубить, разрезать», *керямс* «рубить, срубить, сечь», мокш. морд. *керомс* «рубить, отрубить, срубить, резать, отрезать, высечь; ударить; пронизать»— удм. *кораны* «рубить». Мокш. морд. *крмоштамс* «сжать, зажать (пальцы в кулаке); забрать в руки»— удм. *кырмыны*. Эрз. морд. *комавтомс* «наклонить, согнуть, нагнуть; поставить вверх дном; выпить до дна»— удм. *кымaны* «опрокинуть, поставить вверх дном, накрыть». Эрз. морд. *курксемс* «брить, бриться», мокш. морд. *кргамс* «скоблить, скрести»— удм. *куръяны* «скоблить, скрести». Морд. *кундамс* «поймать, задержать, ухватиться, взяться»— удм. *кутыны* «поймать, схватить, принять (на работу)». Мокш. морд. *сатомс* «догнать, нагнать, наверстать, достигнуть, занять», эрз. морд *сасамс* — удм. *сутыны* «догнать, нагнать, наверстать». Эрз. морд. *сеземс* «сорвать, оборвать, разорвать», *сезнемс* «рвать, срывать»— удм. *сэстыны* «мять (лен, коноплю); избить». Эрз. морд. *скимемс* «убыть (о воде)»— удм. *синыны* «убыть (о воде), спасть, уменьшиться». Морд. *соламс* «растопиться, расплавиться, растаять; раствориться, смягчиться»— удм. *сылмыны* «растаять, раствориться; развариться». Мокш. морд. *срадомс* «рассыпаться, разрушаться; расходиться в разные стороны»—удм. *сэраны* «развязаться, размотаться». Эрз. морд. *соракавтомс* «встряхнуть, заставить вздрогнуть», морд. *сорномс* «дрожать» — удм. *зурканы* «трястись, сотрясаться». Эрз. морд. *сормамс* «сморщить»— удм. *сырмыны* «стать морщинистым, сморщиться». Эрз. морд. *пекстамс* «запереть, закрыть, заткнуть»— удм. (?) *пыканы* «подпереть, запереть (ворота и т. д.), подпирать». Эрз. морд. *ашкодомс* «спрятать, обмотать, запрячь», мокш. морд. *ашкодомс* «завернуть, обернуть, закутать, укутать, свернуть»— удм. *ыштыны* «потерять, растерять». Эрз. морд. *келемс* «идти вброд»— удм. *коланы* «переходит, идти вброд, ходить по лужам, зачерпнуть». Морд. *вайсемс* «нырять, тонуть, вязнуть»— удм. *выйыны* «тонуть». Эрз. морд. *вальтямс* «стесать»— удм. *вӧлыны* «тесать». Мокш. морд. *велямс* «прилечь, свалиться, валиться»— удм. *выдыны* «лечь, слечь, залечь, прилечь» и др.

Слова, обозначающие психические, физиологические явления, или мыслительную деятельность человека

Эрз. морд. *мель* «желание, стремление, мнение, мысль, дума», мокш. морд. *мяль* — удм. *мыл:* мыл потыны «желать, хотеть», *мылкыд* (мылкыд) «желание, намерение, стремление, мысль». Морд. *он* «сон, сновидение»— удм. *ум* «сон», *умме усьыны* «уснуть»; сюда же относится мордовские *удомс* «спать». Эрз. морд. *кокс* «кашель», мокш. морд. *коз* — удм. *кызон*. Мокш. морд. *урмаськодомс* «заболеть, захворать, занемочь», эрз. морд. *ормаскалемс* «беситься»— удм. *урмыны* «взбеситься, стать бешеным, неистовствовать. Эрз. морд. *уксномс* «рвать (о тошноте)», мокш. морд. *уксондомс* «рвать, вырвать»— удм. *ӧскыны;* по-видимому, сюда же морд. *аксордамс* «харкнуть», *аксорямс* «харкать», оплевывать». Мокш. морд. *увамс* «лаять, облаять», эрз. морд. *увномс* — удм. (?) *утыны*. Мокш. морд. *тяремс*, таромс «трястись», эрз. морд. *тяремс* — удм. *дырекъяны* «дрожать, трястись». Эрз. морд. *торозезь* «набухший, упругий», мокш. морд. *таргоземс* «распухнуть, опухнуть, отечь»— удм. *тордыны* «вздуться, разбухнуть, раздуться». Морд. *тонадомс* «научиться, выучиться, привыкнуть»— удм. *тунаны* «ворожить». Эрз. морд. *сееремс* «кричать», *серьгедемс* «крикнуть, позвать, призвать»; по-видимому сюда относятся исторически эрз. морд. *цирнемс* «визжать, верещать», морд. *тердемс* «звать, позвать, отозвать, вызвать, приглашать»— удм. *черекъяны* «кричать, окликать», *чир-чир* «пронзительный крик». Мокш. морд. *ювадемс* «крикнуть, вскрикнуть, закричать»— удм. *юаны* (?) «спросить, спрашивать». Эрз. морд. *пеелемс* «посмеяться, насмехаться»— удм. *паль потыны* «улыбнуться, улыбаться». Эрз. морд. *пужомс* «вянуть, зачахнуть»— удм. *пашмыны* «чахнуть, зачахнуть, выродиться». Морд. *поремс* «грызть, глотать, жевать»— удм. *пурыны* «искусать (о собаке)». Эрз. морд. *паркстамс* «фыркнуть»— удм. *пырсйыны* «внезапно рассмеяться». Морд. *парамс* «реветь, блеять, мычать»— удм. (?) *бурсыны* «мычать» (вполне возможно, что исторически с этим же словом связано удм. *бӧрдыны* «плакать»). Морд. *ноламс* «лизнуть, слизнуть», *нолсемс* «лизать, слизывать»— удм. *нюлыны*. Морд. *нилемс* «проглотить»— удм. *ньылыны*. Морд. *морамс* «петь, спеть, запеть, прославить»— удм. *мыргетыны* «ворчать; говорить с самим собой». Эрз. морд. *мелямс* «мыслить», мокш. морд. *мяляфнемс* «вспоминать, припоминать, запоминать, замечать»— удм. *малпаны* (?) «думать», «мыслить». Эрз. морд. *пувамс* «дуть, вздуть, задуть»— удм. *пелляны* «дуть». Эрз. морд. *ловномс* «читать, прочитать», мокш. морд. *лувомс* — удм. *лыдзыны,* «читать, почитать». Эрз. морд. *вешемс* «просить, выпросить, попросить»— удм. (?) *вазьыны* «отозваться, откликнуться, заговорить, обратиться (к кому-нибудь), звенеть». Морд. *виздемс* «стыдиться, стесняться»— удм. *возьдаськыны*. Морд. *каземс* «наградить, подарить»— удм. *кузьманы*. Морд. *кардамс* «запретить, остановить, отучить, укротить, усмирить» — удм. (?) *курдатыны* «угрожать, пугать, стращать». Морд. *козомс* «кашлять»— удм. *кызыны*. Морд. *куломс* «умереть» — удм. *кулыны;* по-видимому сюда же относится морд. *колемс* «испортиться, прогнить». Эрз. морд. *конямс* «закрыть (глаза), зажмурить», мокш. морд. *конемс* — удм. *кыньыны*. Эрз. морд. *кулямс* «слышать новости; извещать, сообщать», мокш. морд. *кулемс* «слушать, услышать»— удм. *кылыны* «слышать, услышать». Морд. *сельгемс* «плюнуть»— удм. *сяланы* «плевать». Мокш. морд. *сивомс,* эрз. морд. *сэвемс* «кушать, есть»— удм. *сиыны*. По-видимому, сюда же относятся эрз. морд. *симемс,* мокш. морд. *симомс* «пить». Морд. *сускомс* «укусить, закусить»— удм. *сыскыны* «жевать, разжевать». Эрз. морд. *азаргавтнемс* «натравливать, растравлять, заставлять буянить»— удм. *узатыны* «натравлять, растравлять». Эрз. морд. *вачомс* «проголодаться», мокш. морд. *вачемс* — удм. *васяны.* Эрз. морд. *варчамс* «отведать, пробовать, испробовать, разведать, разузнать», мокш. морд. *варчсемс* — удм. *веръяны.* Морд. *андовомс* «наесться, насытиться», мокш. морд. *андомс* «покормить, накормить»— удм. *удыны* «напоить» и др.

Имеются общие мордовско-удмуртские слова, которые по происхождению, по-видимому, являются ономатопэтическими или изобразительными. Сюда относятся изобразительно-наречные слова или глаголы, имеющие явно изобразительный характер.

Эрз. морд. *бизнэвемс* «зажужжать», *бизнэмс* «жужжать», мокш. морд. *бзнамс* — удм. *бызгетыны;* быз-быз-быз передает звуковой образ жужжания (пчелы, шмели и т. д.). Мокш. морд. *моцордомс* «хрустеть»— удм. *вачыр каре* «клюпает, клохочет, хрустит», *вачыртыны* (вочыртыны) в том же значении. Эрз. морд. *дубор-дубор* звукоподражание; употребляется для обозначения шума, происходящего при беге или пляске; мокш. морд. *дубордомс* «греметь, грохотать»— удм. *дубыр-дабыр* выражает звуки грохота, сильного шума, дыбыртыны (дубыртыны) «грохотать». Мокш. морд. *жоль-жоль* «буль-буль»— удм. *жаль-жаль* выражает зрительно-слуховой образ журчания воды, жальыртыны, жильыртыны «журчать». Эрз. морд. *цёкордомс* «петь, свистеть»— удм. *ӟукыр-ӟукыр* звукоподражание скрипу, ӟукыртыны «скрипеть, ворчать». Эрз. морд. *карномс* «каркать»— удм. *корккетыны,* кроккетыны (диалектальное) «каркать». Эрз. морд. *корномс* «храпеть», мокш. морд. *крнамс* — удм. *кор-кор* передает слуховой (звуковой) образ храпа, коргетыны «храпеть». Мокш. морд. *калдордомс* «стучать, греметь, грохотать», эрз. морд. *кальдердемс* «дребезжать, зазвенеть»— удм. *колтыртыны* «дребезжать, стучать, греметь» (и калтыртыны). Мокш. морд. *каштордомс* «шуршать, шелестеть»— удм. *куаштыртыны* или в говорах кыштыртыны «шуршать, шелестеть». Морд. *лабордомс* «болтать, говорить вздор»— удм. диалектальное *лабыртыны,* лябыртыны «болтать, говорить беспрерывно». Эрз. морд. *лакордомс* «скрипеть»— удм. *лакыртыны* «бренчать, хлюпать; издавать звуки, как при варке каши»; вполне возможно, что сюда же исторически относится морд. *лагордомс* «стучать, трещать, дребезжать». Мокш. морд. *мокнай* «косноязычный»— удм. *мык-мак* выражает образ нелогичной, сумбурной речи: *мык-мак вераське* «разговаривает нелогично, путанно». Мокш. *мрнамс* «мурлыкать»— удм. *мыр-мыр* (мр-мр) передает звуковой образ мурлыкания. Мокш. морд. *торамс* «греметь, грохотать»— удм. *тор-тор* выражает периодические звуки (ударов и т. д.). Мокш. морд. *чачордомс* «скрипеть»—

удм. *чакыр-чакыр* выражает звуковой образ скрежета. Эрз. морд. *ципадемс* «ударить по воде с целью образовать рябь», *ципаемс* «рябить»— удм. *чапыль* передает звуковой образ плеска, *чапыльтыны* «плескаться с шумом». Эрз. морд. *цят* «треск, хруст, трескучий», мокш. морд. *цят* звукоподражание треску—удм. *чат*: *чат пилиськиз* «с треском раскололся», *чатыр-чатыр карыны* «трещать, переломать с треском», сюда же эрз. морд. *цятор* «хруст», *цятордомс* «хрустеть, скрипеть, *цятор-цютыр* изобразительное слово для обозначения треска, *цётор-цятор* «хруст-хруст». Мокш. морд. *чёмболгодомс* «бултыхнуться», эрз. морд. *шумбордомс* — удм. диалектальное *шомбыль* «бултых», т. е. выражает звуки бултыхания и др.

Частицы или служебные слова

Отрицательные частицы мокш. морд. *изень,* изеть, эрз. морд. *эзинь,* эзить и т. д.— удм. *уг, уд* (я не, ты не) и т. д. Эрз. морд. *я* «ну»: *я, паро* «ну, хорошо»— удм. *я* «ну»: *я, ужалэ* «ну, работайте». Мокш. морд. *ни* «уже, уж»— удм. *ни,* ини (?) «уже». Мокш. морд. *кодяма,* эрз. морд. *кандямо* «подобно, наподобие, вроде»— удм. *кадь* (?) «как, подобно». Эрз. морд. *аська* «авось, может быть»— удм. *иське* (?) «стало быть, значит».

В нашем перечне насчитывается примерно 330 слов, включая некоторые производные и заимствованные слова; этимология около 20 слов является спорной. Даже при беглом анализе данных слов можно сделать определенные выводы, а именно:

1. Не может быть сомнения в том, что большинство из этих слов в языке должны были возникнуть в тот период, когда начали формироваться древние родовые языковые группы, т. е. в ту эпоху, когда складывались протофинно-угорские (или, может быть, протоурало-алтайские) родовые группы. Если это в общих чертах верно, то нельзя не допустить, что древнейшие первоначальные протомордовские и протоудмуртские родовые группы обитали на единой территории и имели тесные культурно-экономические связи. Иначе трудно понять наличие этих общих корневых слов в современных мордовских и удмуртском языках.

2. Общие мордовско-удмуртские слова, обозначающие части тела, некоторые отвлеченные понятия (*мысль, желание, шаг, имя, подарок* и т. д.), качества — свойства предметов (*зеленый, красивый, желтый, кислый, горький, холодный, сухой, длинный, добрый — хороший, легкий* и т. д.), отдельные действия и состояния (*плыть, рубить, спать, смешать, развязать, вить, ткать, сеять, колоть, топить, бросить, связать, поймать, нырять, звать, кричать, спрашивать, смеяться, лизать, мыслить, читать, дарить, умереть, зажмурить, слышать, есть (кушать), кашлять, кормить* и т. д.), явления природы (*снег, вода, осень, лед* и т. д.), числительные (до 8), личные и некоторые указатель-

ные местоимения, некоторые виды растений (*ель, полба, ольха, рябина, сосна, дуб* и т. д.), некоторых животных, птиц, насекомых (*корова, лиса, утка, стриж, гусь, ворона, моль* и т. д.) и некоторые орудия труда (*топор, клин, стрела, рукоятка*) и продукты питания (*бульон — щи, мясо, масло* и т. д.) несомненно говорят о широких культурно-экономических связях древнемордовских и древнеудмуртских родовых групп.

3. Удмуртский язык исключительно богат ономатопоэтическими и разного рода изобразительными словами. И в этой области лексики между удмуртским и мордовскими языками имеется определенный стык. По мнению видных лингвистов (А. Ашмарин, О. Есперсен, А. Шлейхер, В. Вундт и др.) этот слой лексики восходит (по своему происхождению) к древнейшему периоду развития языков. Если это так, то нельзя ли допустить, что в период (или в какой-то определенный период) образования и возникновения некоторых ономатопоэтических и изобразительных слов протомордовские и протоудмуртские родовые группы имели между собою тесный контакт, а может быть «выработка» определенной части указанных категорий слов происходила в единой древнемордовско-древнеудмуртской социальной среде.

4. В период, когда существовал тесный контакт между древнемордовскими и древнеудмуртскими родовыми группами, развитие родственных отношений еще не достигло уровня эпохи крупных племенных объединений или начальной эпохи образования народов. Этим, повидимому, объясняется тот факт, что в общей мордовско-удмуртской лексике нет ни одного исконного слова, обозначающего конкретные родственные отношения (глагол мокш. морд. *шачемс* «родиться, уродиться», эрз. морд. *чачомс* и удм. *ӵыжы*: *ӵыжы-выжы* «родство, родственник» не обозначают конкретные связи родства).

Необходимо заметить, что многие слова, приведенные выше, восходят к урало-алтайскому периоду, т. е. к более раннему периоду развития протомордовских и протоудмуртских родовых групп. Ниже даются некоторые из этих слов.

Морд. *ал* «низ»— удм.*ул*. Морд. *ки,* кие «кто»— удм. *кин*. Морд. *кель,* кяль «язык»— удм. *кыл*. Морд. *куз* «ель»— удм. *кыз*. Морд. *минь* «мы»— удм. *ми*. Морд. *мон* «я»— удм. *мон*. Морд. *ноламс* «лизать»— удм. *нюлыны*. Морд. *нал* «стрела»— удм. *ньӧл*. Морд. *тон* «ты»— удм. *тон*. Морд. *седей* «сердце»— удм. сю*лэм*. Морд. *уемс* «плыть»— удм. *уяны*. Морд. *чеерь* «мышь»— удм. *шыр* и другие.

Судя по словарю Коллиндера (Finno-ugrie vocubulary, 1955), дофинно-угорских слов (урало-алтайских и уральских) в лексике мордовских и удмуртского языков насчитывается около 70.

Имеются общефинно-угорские слова, которые наличны в удмуртском (а также в некоторых других финно-угорских языках), но отсутствуют в мордовских языках. Однако следует заметить, что данное наше положение основано только на фактах, извлеченных нами из сравнительного словаря Коллиндера и этимологического словаря финского языка Тойвонена и Коми хрестоматии Уотила. Вполне возможно, что в отдельных диалектах или говорах мордовских языков некоторые из приведенных ниже слов функционируют. Но мы, из-за отсутствия мордовского диалектологического словаря, не смогли их сверить. Ниже даются только такие слова, которые наличны и в финском (употребление их в других финно-угорских языках нами не указывается).

Удм. *ай,* айы «отец, самка»— финск. äijä «стар. мужчина». Удм. *ожо* «целина», «трава»— финск. aho. Удм. *ӧды* «сила, мощь»— финск. into «рвение, усердие, вдохновение». Удм. *гид* «хлев»— финск. kentä «поле, площадь». Удм. *ин* «небо»— финск. ilma «воздух». Удм. *юн* «сильно, сильный, крепко, крепкий»— финск. julma «грозный, страшный». Удм. *юыны* «пить»— финск. juoda. Удм. *кожыны* «сворачивать (от дороги)»— финск. kääntää «поворачивать». Удм. *косыны* «приказать», финск. käskeä. Удм. *луо* «песок»— финск. liiva. Удм. *лул* «дух, душа»— финск. löyly. Удм. *луыны* «быть, стать, становиться»— финск. liene- «может быть». Удм. *ичимень* «сноха»— финск. miniä «невестка». Удм. *мыныны* «идти, ехать»— финск. mennä. Удм. *нюр* «влага, сырость, болото»— финск. noro «ложбина». Удм. *октыны* «собирать»— финск. ahtaa «наполнять, набивать». Удм. *улыны* «жить»— финск. elää. Удм. *пи* «сын, детеныш»— финск. poika «сын». Удм. *пу* «дерево»— финск. puu. Удм. *тыш* «обух, тупая сторона»— финск. tahko «точило». Удм. *ва-:* вапум «столетие, эпоха»— финск. vuosi «год». Удм. *азь* «перед»— финск. otsa «лоб, чело». Удм. *валес* «постель»— финск. vuode. Удм. *вузаны* «продать»— финск. ostaa «купить». Удм. *тӧл* «ветер»— финск. tuuli и др.

Приведенные слова обозначают такие предметы и действия-движения, что понятия о них должны были возникнуть в сознании первобытных предков финно-угров еще в древнейшие эпохи. Поэтому наличие их в удмуртском, финском и в некоторых других финно-угорских языках и отсутствие (их) в мордовских языках невольно наталкивают на мысль, что данные слова в мордовских языках или исчезли (в силу ряда исторических причин) или же их вообще не было (в первобытных мордовских языках). Если же их искони не было, то возникает вопрос: не образовались ли они в ту эпоху, когда между древними мордовскими языками, с одной стороны, и древними удмуртским, финским и некоторыми другими финно-угорскими языками, с другой, контакта уже не было? Или же в определенный период их жизни — в период, когда эти слова возникали — контакт между ними временно был прерван. Полагаем, что анализ данных слов или таких слов, следовательно, соответствующих им реалий, в социально-экономическом плане с учетом определенных исторических эпох мог бы в какой-то мере помочь раскрыть некоторые проблемы, относящиеся к истории формирования мордовских племен.

Имеются в мордовских языках общефинно-угорские слова, которые отсутствуют в удмуртском. К таким словам, например, относятся: эрз. морд. *ялго,* мокш. морд. *ялга* «нога»— финск. jalka, марийск. *ял, ёл,* венгер. gyalog «пешком». Мокш. морд. *калма,* эрз. морд. *калмо* «могила»— финск. kalma. Морд. *эрьхке* «озеро»— финск. järvi, марийск. *ер, йäр.* Мокш. морд. *кару* «муха»— марийск. *кармы,* ливск. *кäрми* «Fliege». Мокш. морд. *тиемс,* эрз. морд. *теемс* «делать, сделать, создать»— финск. tehdä, венгерск. tēnni. Морд. *седь* «уголь»— финск. sysi, марийск. шӱ, шӱй. Все эти шесть слов считаются уральскими (Летисало. FUF, XXI). Морд. *ош* «город»— финск. vihi «reiserner Zaun». Морд. *чичав* «блоха»— финск. sonsar, sonsari. Морд. *покш* «большой»— финск. pitkä «длинный, высокий». Мокш. морд. *оця* «дядя»— финск. isä «отец». Мокш. морд. *оцю* «большой, крупный, значительный»— финск. iso и др.

Вряд ли может быть сомнение в том, что указанные слова восходят к эпохе первобытного финно-угорского единства. Поэтому отсутствие их в удмуртском языке заставляет думать, что данные слова (в удмуртском языке) могли исчезнуть позднее, например, при установлении контактов с новыми этническими (следовательно, с новыми языковыми) группами; или же в эпоху, когда эти слова возникали, древнемордовские родовые группы уже утратили контакты с древними родовыми группами удмуртов, а также с некоторыми другими финно-угорскими родовыми коллективами. Нам кажется, что и этот слой лексики при изучении ее в социально-экономическом плане мог бы помочь в какой-то степени раскрыть некоторые вопросы, связанные с древней историей удмуртского и мордовских народов.

В историческом отношении интересны следующие факты. Как известно, древние финно-угорские родовые или племенные группы имели культурно-экономические отношения с индоевропейскими племенами, прежде всего с индоиранскими. Установлено, что почти во всех финно-угорских языках наличны индоевропейские слова. И вот при сравнении таких слов, функционирующих в удмуртском и мордовских языках, выявляется следующая картина. Индоевропейских заимствованных слов, наличных в удмуртском и мордовских языках, насчитывается около 18—20. Сюда относятся такие слова, как: удм. *зарни* — морд. *сырне* «золото», удм. *узыр* «богатый»— морд. *азор* «хозяин», удм. *корт* «железо»— морд. *кшни,* удм. *сылал* «соль»— морд. *сал,* удм. *ю* «хлеб» (в зерне)— морд. *юв* «ость», удм. *лыд* «число»— морд. *ловома* «счет», удм. *мурт* «человек»— морд. *мирде* «муж», удм. *куа* «дом, изба»,— морд. *кудо,* удм. *муш* «пчела»— морд. мекш, удм. *му* «мед»— морд. *медь,* удм. *сюр* «рог»— морд. *сюро,* удм. *сю* «сто»— морд. *сядо*, удм. *сузэр* «мл. сестра»— морд. *сазор* «сестра», удм. *вож* «зеленый»— морд. *ожо* «желтый», удм. *вайыж* «оглобля»— морд. *ажия,* удм. *вайыны* «принести»— морд. *виемс* «отнести, возвратить» и др.

Даже при беглом просмотре этих слов возникают вопросы:

1) В тот период, когда эти слова заимствовались, не жили ли древние предки удмуртов и мордвы на одной территории?

2) Не был ли этот период эпохой, когда древние удмурты и мордва впервые стали употреблять в своей экономической жизни такие металлы, как железо, золото?

3) Не в этот ли период древние предки удмуртов и мордвы стали впервые заниматься бортным пчеловодством? Если даже допустить, что указанные выше слова в языки древних предков мордвы и удмуртов попали тогда, когда последние жили разрозненно, т. е. на разных территориях, то все же проникновение этих слов в мордовские и удмуртские родовые языки могло происходить примерно в одну эпоху.

4) Нельзя ли допустить, что период заимствования указанных слов из древних индоиранских языков древние предки мордвы и удмуртов стояли сравнительно на высокой ступени развития. Иначе трудно объяснить проникновение и употребление таких слов, как *сылал* «соль», *сю* «сто» и т. д.

Далее, имеются в удмуртском языке индоиранские заимствования, которым нет соответствия в мордовских языках. К таким удмуртским словам относятся: *уйыны* «гнать», *муры* «яловая», *мында* «столько», *ош* «бык», *пыдэс* «дно», *сюрс* «тысяча», *турын* «трава», *зарезь* «море», *тылыс* «шалаш», *вуг* «узел» и т. д.

Этим словам удмуртского языка в мордовских языках соответствуют слова другого корня.

При анализе таких удмуртских слов невольно возникает вопрос: в тот период, когда эти слова заимствовались, не жили ли предки удмуртов обособленно от предков мордвы? Точнее, может быть данные слова удмурты заимствовали позднее, когда мордовские племена, обособившись от удмуртских племен, далеко ушли на юго-запад и оказались в контакте с предками литво-латышей?

В мордовских языках имеются такие индоевропейские заимствования, которых нет в удмуртском языке. К таким словам в мордовских языках относятся: *арсемс* «мыслить, думать», *вирез* «ягненок», *узерь* «топор», *верьгиз* «волк» *уроз* «сирота», *паз, паваз* «бог», *одар* «вымя», *рисьме* «цепь», *седь* «уголь», *сея* «коза», *тарваз* «серп» и т. д. Таких слов около семнадцати.

Нужно полагать, что эти слова попали в мордовские племенные языки тогда, когда удмуртские племени жили в отдалении от мордовских. Для обозначения указанных выше реалий удмуртский язык имеет свои особые слова. Часть из них заимствована из тюркских языков, например: *öксыз* «сирота», *кеч* «коза» и т. д.[1]. В заключение следует сказать, что данный наш анализ мордовско-удмуртских лексических отношений является далеко не полным.

Мордовско-удмуртские словарные отношения, конечно, гораздо сложнее и извилистее, чем наш общий и краткий обзор. В будущем специалистам по удмуртскому и мордовским языкам следовало бы осуществить следующие мероприятия: 1) составить словарь всех общих мордовско-удмуртских слов, включая иноязычные заимствования; 2) установить точные звукосоответствия в области гласных и согласных звуков между мордовскими и удмуртскими языками; 3) детально исследовать общие морфологические элементы (в синхроническом и диахроническом плане) и общие синтаксические нормы в мордовских и удмуртском языках. Только после такой работы можно будет приступить к широким теоретическим обобщениям, относящимся к вопросам древнейшей жизни мордовских и удмуртского народов. При этом должны также учитываться результаты таких наук, как археология, этнография, антропология.

---

[1] Все эти выводы отражают личную точку зрения автора данной статьи. Примечание редактора.

А. Г. Борисов,
старший преподаватель Мордовского педагогического института

МОРДОВСКАЯ СВАДЬБА КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди явлений общественной жизни свадебный обряд с его множеством обычаев и связанной с ним поэзией по праву считается одним из наиболее сложных явлений жизни народа. Свадьба с древнейших времен была актом социально-экономического характера, где коллектив (община, группа родственных семей, «большая патриархальная семья» и т. п.) принимал самое активное участие в брачных церемониях, не только их санкционируя, но и оказывая материальную помощь (коллективная уплата калыма за невесту, участие в свадебных приготовлениях и т. д.). Свадьба — это общественное событие, имеющее глубокие исторические корни. В ней нашли свое отражение как особенности ранних эпох (анимистические представления, магия и т. п.), так и более поздние христианские религиозные представления и семейно-бытовые отношения.

Мордовский свадебный обряд развивался в непосредственной зависимости от конкретных исторических условий. На каждом этапе своего развития он прежде всего отражал современную ему эпоху. С другой стороны, свадебный обряд — это продукт многих эпох, поэтому в нем сохранилось немало архаических элементов, восходящих к более отдаленным временам.

В мордовском свадебном обряде сохранились необычайно древние элементы. Многие из них существовали еще в XIX — начале XX века.

Изучая особенности мордовского свадебного обряда, нельзя не обратить внимания на то, что свадьба в основном приурочена к осени, зиме или первому периоду весны.

Этот факт говорит о непосредственной её связи с хозяйственными работами и заботами о будущем урожае. В свадебном обряде чувствуется здравый хозяйственно-экономический расчет, что находит отражение во многих сценах свадьбы.

Развиваясь в условиях натурального крестьянского хозяйства, традиционный свадебный обряд отразил многие черты деятельности человека. Например, в песне стряпухи определенно говорится о земледелии:

Норов ава — матушка!
Козо, козо видезят?
Козо, козо чачозят?
Пойма паксяс — од модас,
Раужо човаля од модас[1].

Норов ава — матушка!
Где, где ты посеяна?
Где, где уродилась?
В поемном поле — в новой земле,
В новой земле — чернобисерной.

Другие песни проникнуты стремлением создать крепкое хозяйство и семью и обеспечить благополучие молодых. Так, поезжанам, едущим за невестой, наказывают:

Кудов — кардазов тынь ускинк
Пизэнь — ашконь пурнамо,
Левксэнь — эйдень ливтеме[2].

Домой на двор привезите
Для собирания гнездышка,
Для вывода птенцов-детей.

С трудом невесты в домашних условиях связана, например, песня свахи, обращенная к свекрови после привоза невесты:

Мон ускинь тенть, патякай,
Кувака кесаконь штердиця,
Келей коцтонь кодыця[3].

Я привезла тебе, сестрица,
Пряху, прядущую длинные мотушки,
Ткачиху, ткущую широкие холсты.

Некоторые свадебные песни воспроизводят отдельные черты домашнего быта, хозяйства (печение пирога, приготовление вина, варку пива и др.), и особенно много места занимают женские работы, широко распространенные в прошлом крестьянском быту (прядение, ткачество, вышивание и шитье), которые выполняли также и в период подготовки даров и нарядов. В традиционной мордовской свадебной песне такое воспроизведение было объединено вокруг соответствующих обрядовых действий: приготовление даров, печение пирогов, раздача даров и т. п. Все это было характерно для натурального хозяйства.

Интересно заметить, что в причитаниях, особенно в сцене прощания и расставания с родным домом, гораздо больше внимания уделяется своему роду-племени, соседям, чем своим родителям:

Велень бодят, бодинень,
Велень бабат, бабинень,

Сельские деды, мои дедушки,
Сельские бабы, мои бабыньки,

---

[1] *М. Евсевьев,* Мордовская свадьба, Саранск, 1959, стр. 65.
[2] Там же, стр. 95.
[3] Там же, стр. 221.

Велень урят, алинень,	Сельские мужи, мои дяденьки,
Велень урят, уринень!	Сельские снохи, мои невестушки!

У мордвы еще в XIX веке существовал такой обычай, когда невеста в день отъезда из родительского дома ходила по родственникам и искала у них защиты от «чужих» людей, которым продал её отец[1]. Все это говорит о том, что еще в сравнительно недавнем прошлом в свадьбе принимала участие не только семья, но и более общинные коллективы — община, группа родственных семей и т. д., что свидетельствует о значении большого рода при решении отдельных вопросов.

С изменением экономического уклада и быта переосмысливались и многие мотивы свадебных песен, включались новые мотивы, отражающие эти перемены. В песнях и причитаниях начинает отражаться расслоение и характер дореволюционной мордовской деревни, общинного землепользования периода разложения общины[2].

В традиционном свадебном обряде, песнях и причитаниях воспроизведены (хотя бы и в пережиточных формах) различные способы приобретения невесты и заключения брака.

Обряд отражает пережитки. Отголосками умыкания являются обычаи окутывания невесты в кошму, прятания невесты в специально приготовленном доме, вынос невесты на руках, наречение[3] молодой, обрезание гужей, подпруг (упряжи лошади) у поезжан и другие.

В этом отношении интересны также песенные мотивы взятия «девичьего города» поезжанами, погони за куницей и т. д. В песнях говорится, как поезжане внезапно появляются и налетают на «девичий город», похищают скрытую от поезжан девушку. Например, сваха, глава поезда, поет:

Вай, адядо, адядо,	Ой, пойдемте, пойдемте,
Тейтерь ошонь яжамо,	Девичий город разбивать,
Тейтерь ошонь синтреме![4]	Девичий город ломать!

Таким образом, инсценировки обычая умыкания в свадебном обряде, мотивы песен и причитания воспроизводят тот древнейший способ приобретения невесты, который известен из материалов русских ученых конца XVIII столетия.

Распространенной формой заключения брака был покупной брак. Он у мордовского населения просуществовал вплоть до Октябрьской революции. Калым был основным вопросом переговоров, предшествующих свадьбе.

---

[1] *И. Смирнов,* Мордва, Известия об-ва археол., этнограф., истории, т. XI, выпуск 5, Казань, 1893 г., стр. 475.

[2] *М. Евсевьев,* Мордовская свадьба, Саранск, 1959, стр. 65, 105.

[3] Наречение — дача невесте нового имени в доме жениха.

[4] *М. Евсевьев,* Мордовская свадьба, Саранск. 1959, стр. 172.

«Бывают случаи,— пишет М. Евсевьев,— что сваты не сходятся в цене и дарах, и свадьба расстраивается». В свадебных песнях невеста называется «живым товаром», «купленной снохой», а сваты сами себя называют «купцами».

В свадебных песнях и причитаниях изображается бесправное положение женщины в патриархальной семье. Так, в импровизациях свекрови говорится, что в семье мужа невесту ожидает не только тяжелая работа, но и высокомерное отношение к ней со стороны его родственников.

Ультяя тон, дугинем,	Будь-ка ты, сестрица,
Таргань резинкань кондямо	Как тягучая резинка,
Касы роспухонь кондямо,—	Как греческая губка,—
Ков таргатан, тов таргавт,	Куда потяну — потянись,
Ков пуватан, тов пувавт.	Куда подую — подуйся.
Кильдиндерятан корневойкс,	Если запрягу в корневые,
Чирьке велькска иля вант[1].	Не поглядывай через дугу.

Поэтому свекровь учит невесту, как жить в её доме, говорит о нравах своей семьи. Она хочет, чтобы молодая забыла о своем человеческом достоинстве, была покорной и безропотной. О бесправии женщины говорит и то, что в свадебной поэзии мордвы имеется цикл песен о неравном браке. В песнях изображается возрастное неравенство, насильная выдача замуж за малолетних или за постылого нелюбимого мужа.

Через все причитания красной нитью проходит символический образ иноземных насильников (татар, ногайцев), от которых невеста хочет укрыться за семь сел, за семь полей, за семь лесов, чтобы они не нашли её. В мордовском фольклоре появление этого образа определено историческими условиями и связано с монголо-татарским нашествием в XIII веке. В дальнейшем, в XVI—XVII вв., соседство с ногайскими племенами и их постоянные набеги на мордовские земли обусловили появление в свадебных причитаниях образа «ногайца».

Образ «иноземного насильника» в свадебных причитаниях в то же время теснейшим образом связан с борьбой женщины за свое равноправие, против насильственной выдачи замуж и звучит в форме протеста против умыкания. Насильственное вторжение жениха в жизнь девушки сравнивалось с действиями ногайцев, которые, совершая набеги на мордовское население, уводили в плен женщин и детей. В одном из причитаний невесты говорится:

Айдо саимизь, лелинень,	Возьмите меня, братцы мои,
Илязан муев ногайнень[2].	Чтобы не могли меня найти ногайцы.

---

[1] *М. Евсевьев,* Мордовская свадьба, Саранск, 1959, стр. 24.

[2] Там, же, стр. 167.

Ясно, что здесь речь идет не об исторических ногайцах, а о жениховых поезжанах. Нельзя не отметить давнее происхождение и историчность этого сюжета и его устойчивость в традиции.

В свадебной лирике отражены отдельные исторические мотивы, древнейшие формы верований и миропонимание людей. При изучении свадебного обряда нельзя не обнаружить его глубокую связь с историей и бытом мордовского народа.

Интересно отметить наличие языческих мотивов. В свадебном обряде и связанной с ним поэзии выступают характерные для мордовской демонологии божества. Исполнители обряда наделяют языческие божества человеческими свойствами и качествами (они — антропоморфные существа). Наиболее почитаемыми в свадебном обряде являются: Нишке паз (бог-создатель), Норов ава (богиня плодородия), Юртонь кирди (хранительница двора), Кудонь кирди (хранительница дома), Кардо сярко (покровительница скота). В сохранившейся свадебной поэзии отмечается принадлежность отдельных божеств к определенному родовому очагу. Например, во всех свадебных песнях и причитаниях «Кардо сярко», Юртонь кирди (хранительница двора), Кудонь кирди (хранительница дома) выступают как культы семейно-родовых святынь.

Вот почему невеста в своих причитаниях обращается:

Тетянь юртонь кирдизэ!	Хранитель двора батюшки!
Тетянь кардо сяркозо![1]	Кардо сярко родительское!

Такая форма обращения вполне соответствует патриархальной стадии родовой организации, в условиях которой возник этот обряд.

К числу древнейших пережитков, отразивших ранние формы верований и представлений человека, следует отнести различные формы магии как профилактической, так и продуцирующей. Они были характерны для мордовской свадьбы вплоть до 20-х годов нашего столетия.

К магии профилактической следует отнести обряды, связанные с употреблением различных амулетов (накалывание на зипун иголок, вооружение уредева кинжалом и т. п.), якобы обладающих магической силой. Сюда же относятся различного рода ритуальные фикции (иносказательный разговор во время сватовства невесты, опоясывание жениха нитками и тряпочкой с песком, перемена пути следования поезда, проход молодых между двумя кострами и т. п.)

Возникновение и развитие профилактической магии связано с древнейшими анимистическими представлениями (вера в существование колдунов, нечистой силы и т. п., вредящих человеку). Характер этих представлений определял и конкретные формы борьбы с вредоносными силами. Они содержали в себе мотив изгнания и предупреждения от возможной порчи злых духов.

---

[1] *М. Евсевьев,* Мордовская свадьба, Саранск, 1959, стр. 33.

Стимулирующие обряды (обувание ног молодых с зернышками, укладывание молодых в амбаре или в конюшне, осыпание молодых хмелем и зерном и т. п.).

Здесь наблюдается переплетение семейно-брачных, аграрных, эротических мотивов с мотивами будущего благополучия. Исполнители обряда с помощью магических действий стремились воздействовать на сверхъестественные силы, чтобы пожелать молодоженам материального достатка и детей.

Магические обрядовые действия, исполнявшиеся на традиционной мордовской свадьбе, имеют большое познавательное значение. Как никакой другой материал этнографии, свадебная обрядовая магия помогает изучению истории развития мордовской демонологии и форм народных воззрений.

Наряду с этим следует отметить сходство отдельных черт мордовского свадебного обряда с русским. Эта близость проявилась в сходстве таких элементов обряда, как выпечка каравая, девичья баня, расставание с девичеством, расплетание и заплетание косы и т. п.

Лыбопытно сходство функций действующих лиц свадьбы при различных названиях. «Уредев» в мордовской свадьбе соответствует «дружке» в русской, «кудава» в мордовской свадьбе — русской «свахе».

Можно указать на наличие общих мотивов (расставание с девичеством, вольной волюшкой, упреки родителям и т. п.) Например, в русской свадьбе невеста после ухода сватов причитывает:

Кинулся ты, батюшка,
На стакан вина[1].

Аналогичный упрек звучит в причитании невесты и в мордовской свадьбе:

Радовак, тетяй, радовак,	Радуйся, батюшка, радуйся
Анок усконь пойластень[2].	Готовым привезенным напиткам.

Аналогичное явление наблюдается и в области свадебной поэзии. Здесь встречаются не только отдельные русские слова, но и целые стихи.

Это явление наблюдалось не только у той части мордовского населения, которая начала русифицироваться. Оно было общим для всего мордовского народа.

---

[1] *А. Троицкий,* Свадебные песни. Сборник Пензенского статич. ком., вып. VI, 1905, стр. 29.

[2] *М. Евсевьев,* Мордовская свадьба, Саранск, 1959, стр. 166.

Устанавливая некоторые черты сходства в мордовском и русском свадебных обрядах, мы можем одновременно констатировать факты исторически сложившихся культурных связей, взаимное влияние обоих народов друг на друга, в частности, в области свадебного обряда.

Вместе с тем затронутая нами проблема требует специального исследования. Мы отметили лишь некоторые, особенно яркие случаи совпадений.

Мордовский традиционный свадебный обряд является продуктом многих эпох, начиная с первобытнообщинного строя, кончая капиталистическим. На протяжении своего многовекового существования он испытывал влияние различных исторических условий. Свадебный обряд и свадебно-обрядовая лирика бытовали в крестьянской среде и тесно были связаны с бытом мордовской деревни. Поэтому они верно отображают жизнь деревни и в основном дают правильное представление о социально-исторических фактах.

Мордовская свадьба может дать много ценного материала для изучения исторического прошлого мордовского народа.

Л. Ш. Арсланов,
старший преподаватель

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА МОРДВЫ-КАРАТАЕВ

Мордва-каратаи живут в трех селениях Камско-Устьинского района ТАССР — Мордовских Каратаях, Шершалане и Заовражных Каратаях.

Единственной работой, посвященной говору мордвы-каратаев, является статья Х. Паасонена «Die sogenannten Karataj-mordwinen oder Karatajen»[1], которая представляет собой описание фонетических и лексических особенностей данного говора[2]. Изучением этого говора занимался Ф. С. Фасеев (Казань). Однако его материлы до сих пор еще не опубликованы.

Анализ языковых особенностей говора мордвы-каратаев показывает, что он является одним из интереснейших говоров западного диалекта татарского языка, сохранившим в себе такие древние черты, которые в настоящее время отсутствуют в других говорах западного диалекта. Однако некоторые из них отмечены и в других тюркских языках.

Наличие архаических черт в исследуемом говоре свидетельствует о ранней тюркизации этой небольшой группы мордовского народа, которая, усвоив тюркский язык, затем в силу пока еще неизвестных нам причин территориально обособилась от основной массы тюркско-мишарского населения. А это в свою очередь способствовало сохранению древних черт в данном говоре.

Основной словарный состав говора мордвы-каратаев является общим со словарным составом татарского языка. Однако, в отличие от татарского литературного языка, в нем прежде всего обращают на себя внимание слова, характерные для западного диалекта. Следует отметить, что большая часть этих слов совпадает со словами, свойственными мишарским говорам татарского языка, распространенным на территории Мордовской АССР и Пензенской области. Это, по-видимому, объясняется тем, что предки нынешних мордвы-каратаев до переселения на современное место их обитания жили по соседству с предками татар-мишарей на той же территории. Поэтому вряд ли можно согласиться с предположением Паасонена о том, что мордва-каратаи в XVII веке были двуязычными.

---

[1] Sournal de la societi Finno-ougrienue, XXI, Helsingissä, 1903.

[2] Морфологические особенности не нашли своего отражения в указанной статье.

Как известно, многие мордовские селения на территории ТАССР стали появляться в основном начиная с XVII века. Казалось, что ранняя христианизация каратаев должна была бы способствовать некоторому обособлению их от татар соседних селений и вместе с тем облегчить установление более тесных контактов с мордвой, живущей в соседних селах. Между тем, насколько можно судить по бытующим у мордвы-каратаев легендам, уже в древности между ними и соседней мордвой отсутствовали брачные отношения в силу незнания ими мордовского языка. Это дает нам возможность предполагать, что мордва-каратаи переняли тюркский язык не на территории современной ТАССР, а на основной территории расселения мордвы. Выше мы говорили, что в говоре мордвы-каратаев имеется значительное число слов, общих с говорами западного диалекта. К ним, в частности, относятся слова, выражающие конкретные и абстрактные понятия:

ыртын — скрытно, исподтишка, миш. *ырынтын; пес′у* — кроить., миш. *печӱ; д′ж″ебенӱ* — мокнуть, миш. *ебенӱ; д′ж″егенӱ* — просить, умолять; *кузлӓу* — родник, миш. *кузлӓу; кырмалау* — репей, миш. *кырмалау, кырмавык; вӓке* — прорубь, *пенз. вӓке; д′ж″ӓйӓк* — щека, миш. *джӓйӓк; тӓре* — до (предлог) пенз. *чӓре; сартын* — для, вследствие, миш. *сартын; ашу* — больше, темн. *аша; нӱгӓдӓк* — свадебная карета; миш. *мӓдӓк; баруси* — похожий темн. бару; *т′ч″айыр* — сера, миш. *тчайырй* и т. д.

Заслуживает внимания употребление в говоре древних названий дней недели: *баш кен* — понедельник; *буш кен* — вторник; *кан кен* — среда; *кес′ атна* — четверг; *атна кен* — пятница: *ара кен* — суббота; *урыс атна* — воскресенье, которые характерны и для западного диалекта татарского языка.

Приведенные примеры с достаточной ясностью свидетельствуют о том, что говор мордвы-каратаев сформировался в условиях тесного взаимодействия с говорами западного диалекта, расположенными на территории Мордовской АССР и Пензенской области.

Большой интерес представляют слова, которые Паасонен возводит к языку буртасов. Однако среди приведенных автором слов имеются и такие, которые употребляются и в собственных говорах и диалектах татарского языка, особенно в его западном диалекте. Эти слова сохранили более древний фонетический облик и дают ценный материал для исторической фонетики и лексики татарского языка.

Правда, часть этих слов претерпела некоторые семантические изменения, остальная часть подверглась фонетическим изменениям или же сохраняет древний фонетический облик.

Наиболее характерными из них являются следующие: в некоторых словах сохраняются древнетюркские сочетания **рт-лт**: себертке — метла, лит. себерке; д′ж″ымыртка — яйцо, лит. йомырка; алд — перед, лит. ал.

Для некоторых слов характерно соответствие звуков **й**//з д//с′: без′ек — высокий, лит. биек; без′ӱ — плясать, лит. бию; эз′нä — иголка, лит. энä; эс′т — собака, лит. эт.

К древнему пласту мы относим также слова:

т′ч″äрик — тапочки. тур. чäрик — грубая обувь крестьян, кирг. чäрик — куски кожи, которыми обвязывают ноги;

ад′и — мать, лит. ени. В диалектах татарского языка это слово не встречается. Однако в других тюркских языках можно найти варианты данного слова. Например, узб. ача — бабушка; казах. эже — бабушка, алт. эд′е — тетка, старшая сестра; якут. эд′и — тетка; баш. äсä — мать;

калт′ч″а — кошель для денег. В словаре И. Гиганова[1], который отражает лексику восточного диалекта татарского языка, калта — кошель, мешочек, ср. также: калита у Н. К. Дмитриева[2]. В словаре В. Даля калта — сума, сумка, мешок, подвесной карман;

байрак — гора, возвышенность, тур. вајиг — возвышенность. У Даля «буерак», байрак»— южн. тат. сухой овраг, водороина, местность, изрытая природою, овражистая»;

т′ч″оба — женское платье. В мензелинском говоре среднего диалекта чоба — плащ из белого самотканного холста;

д′ж″ӱле — женское платье, миш. йӱлäу — шить;

курум — навес, алт. лагерь, тур. постройки;

кырымз′ау — солдатка, тур. кырмызы — красный.

Нами отмечено также слово кыз′ан — буран, метель, этимологию которого трудно установить. Оно зафиксировано нами также в нурлато-кайбицком говоре в сочетании буран-кыжан — буран и метель.

Мордовские лексические элементы в говоре мордвы-каратаев занимают по отношению к общетюркской лексике сравнительно небольшое место. Они относятся в основном к терминам родства, названиям вышивок и лишь незначительная часть их — к бытовой лексике. Названия вышивок и одежды, отмеченные в упомянутой статье Паасонена, в настоящее время в связи с выходом из употребления самих вещей почти не сохранились.

---

[1] *И. Гиганов,* Словарь Российско-татарский... Санкт-Петербург, 1809.

[2] *Н. К. Дмитриев,* О тюркских элементах русского словаря, Лексикографический сборник, вып. 3, Москва, 1958, стр. 45—46.

Что касается мордовских терминов родства, то они прочно удерживаются в лексике говора[1]. К числу их относятся:

акай — старшая сестра, сестра отца или матери, мокш. ака, чув. акай — старшая сестра; мар. акай — в том же значении;

акыл′и — старшая сестра мужа или жена старшего брата мужа; мокш. акл′а — золовка;

аван′и — младшая из двух сестер мужа;

эстернäс′ — старшая из младших сестер мужа;

пäндервä — сестра матери мужа для жены, мокш. пан′ерва, эрз. пен′урва;

верäш — жена моего брата, мокш. ир′аш, ур′аж;

шщавай — жена старшего брата моей матери, мокш. шщава — бабушка со стороны матери.

ал′ай — брат мужа, который старше его, мокш. ал′а — 1) отец, 2) мужчина;

мазнас′ — самый старший из младших братьев мужа, мокш. маз′н′а — в том же значении;

кытсас′ — второй младший брат мужа после мазнас′а;

кифтай — третий младший брат мужа. Если муж имеет четыре или более братьев, то обычно самого младшего называют «кифтай». мокш. кефта — деверь, брат мужа.

лäлäй — старший брат, младший брат отца или матери, эрз. лел′а;

ут′ч″äлäй — старший брат матери;

эшщäнäй — старший брат моей матери, мокш. шщеня — брат матери;

аукай — бабушка со стороны матери, эрз. авка, авкай в том же значении;

бабай — бабушка со стороны отца, мокш. бабай;

пусс′ай — дедушка со стороны отца, эрз. покшт′а;

тäтäй — отец, свекор, отец мужа, мокш. тет′а, тäтäа, т′ат′а.

Остальные термины родства либо тюркского, либо русского происхождения. Например: шурин, сват, баз′а, балдыз и др.

Кроме терминов родства в говоре мордвы-каратаев обнаружено нами несколько мордовских слов, относящихся к бытовой лексике. К ним относятся: *пупмар* — буфет для посуды, эрз. *пот′мар* — шкаф для посуды: *ылаус′а* — полка, мокш. *лавця* — полка; *пал′ман* — столб; *т′ч″ерпук* — напильник, мокш. *терпук;* миш. *тäрпук; улый* — линяет, мокш. *олай; лепене* — вторая полка *пупмара.*

Кроме того, зафиксированы слова: *паз* — бог, *маз′ин′ай* — красивый, *дугин′ай* — дорогой, которые встречаются в плачах — свадебных причитаниях невесты.

Последние два слова непонятны носителям говора.

---

[1] Эти же термины родства отмечены и Паасоненом.

Например:

	Перевод:
Паз′ин′ай, дугин′ай,	Дорогой, красивый,
Маз′ин′ай, дугин′ай,	Красивый, дорогой.
Пасиба тä̆тä̆кäй,	Спасибо, отец,
Пасиба ад′икай	Спасибо, мать.
Мине эс′ен ашлык т′ч″ä̆с′кä̆нäгезгä[1].	За то, что для меня посеяли зерно.

Анализ мордовских элементов в говоре мордвы-каратаев показывает, что среди них имеются и мокшанские, и эрзянские слова.

Несмотря на то, что мордва-каратаи долгое время находились в окружении носителей камско-устьинского говора среднего диалекта, все же они испытали незначительное влияние со стороны последнего, что подтверждается очень небольшим количеством лексических заимствований из этого говора. Основные из них следующие: *безерäк* — немного; *кымбакты* — подсолнуха: *туйра* — дуб; *шыган* — шиповник; *нӱгäрäп* — погреб; *кäри* килӱ — очутиться, совпадать; *т′ч″инле* — до (предлог).

Кроме общетюркской и мордовской лексики, в говоре мордвы-каратаев представлено большое число русских заимствований.

Судя по имеющимся материалам, начало заимствований русских элементов относится, по-видимому, к периоду до переселения мордвы-каратаев на современную территорию их обитания. Это подтверждается сравнением русских элементов с соответствующими заимствованиями в других говорах западного диалекта. Они усвоены по тем же фонетическим законам, что и в говорах западного диалекта.

Например: *Кул′ос* — колесо, миш. *кул′аса; путалак* — потолок, миш. *путалак; шти — щи,* миш. *шти;* жар — жара, миш. жар; *дерäн* — плохой, миш. *дерäн; ызнай* — постоянно, миш. *ызнай; запун* — передник, миш. *запун* и другие звучат так же, что и в говорах западного диалекта. Эта особенность также является свидетельством того, что мордва-каратаи усвоили их в тот период, когда они, по-видимому, жили в соседстве с древними мишарями.

В говоре мордвы-каратаев имеется и небольшое число арабо-персидских заимствований, которые усвоены, по-видимому, также через язык предков мишарей. Этим-то и может быть объяснен их одинаковый облик как в говоре мордвы-каратаев, так и в западном диалекте.

Ср., например: *мазарка* — кладбище, *гона* — грех, *д′ж″äмäгäт* — семья; *заман* — быстро; *рäнз′у* — мучение, обида; *багыт* — время; *энäр* — ремесло; *ӱмер* — жизнь; *адат* — привычка, миш.

---

[1] Эти причитания записаны и Х. Паасоненом.

адӓт; айып — вина; *денз'ӓ* — мир, которые звучат так же, как и в западном диалекте.

Таковы основные лексические особенности говора мордвы-каратаев.

Анализ лексических особенностей описываемого говора показывает, что он обнаруживает явное сходство с говорами западного диалекта татарского языка, распространенными прежде всего на территории Мордовской АССР и Пензенской области. Сохранение в говоре некоторых тюркских слов, не свойственных говорам западного диалекта, а также других татарских диалектов, по-видимому, свидетельствует о ранней тюркизации этой небольшой группы мордовского народа.

По мнению М. Е. Евсевьева[1], мордва-каратаи были насильно переселены в эпоху Казанского ханства для обработки земель.

Утверждать, что мордва-каратаи переняли тюркский язык от буртасов, а затем подпали под влияние мишарей, по-видимому, неубедительно, так как мы не имеем никаких сведений о языке буртасов. По всей вероятности, язык, перенятый мордвой-каратаями, представлял более древнюю стадию развития мишарского диалекта или какой-то другой этнической группы (племени), участвовавшей в формировании мишарского (западного) диалекта татарского языка.

Таким образом, вопрос о происхождении мордвы-каратаев является сложным и ждет своего дальнейшего изучения.

---

[1] *М. Е. Евсевьев,* Мордва Татреспублики, Казань, 1925.

А. Г. Самошкин,
старший преподаватель педагогического института

О ВЗАИМОСВЯЗЯХ МЕЖДУ РУССКОЙ И МОРДОВСКОЙ ЧАСТУШКОЙ

Взаимовлияние фольклора русского и мордовского народов имеет историческую давность.

Связи между частушками мордвы и русских в области содержания и формы есть продолжение этих традиций. Частушка отразила в себе все многообразие русского и мордовского народно-поэтического творчества.

Влияние русской частушки на мордовскую неоспоримо. Прямым результатом такого влияния являются следующие разновидности частушек:

1. Руские частушки, исполняемые мордвой.
2. Частушки, переведенные на мордовский язык.
3. Макаронические частушки.

В настоящее время очень трудно определить, какие разновидности русских частушек мордва переняла раньше и какие позже, поскольку собиранием русских частушек, распространенных в мордовской среде, занимались мало. Однако можно предполагать, что раньше всего в мордовской среде привились русские частушки с интимно-лирическим содержанием, поскольку первые мордовские частушки имели по преимуществу такое же содержание.

Русские частушки проникают в мордовскую среду из соседних с Мордовией областей. При сопоставлении текстов легко устанавливается, что в Мордовии распространены те же русские частушки, что и в Пензенской, Горьковской, Куйбышевской, Воронежской областях. И все-таки в настоящее время очень трудно ответить на вопрос, откуда конкретно проникла в Мордовию та или иная отдельно взятая частушка. При современных средствах транспорта, связи, наличии книг и газет в Мордовии могли привиться частушки, возникшие в отдаленных от нее местах. И все же анализ большого частушечного материала позволяет наметить основные линии, по которым шло развитие этого процесса.

Тематика русских частушек, исполняемых мордвой, самая разнообразная. Мордва поет широко распространенные частушки о партии, о Ленине.

Куплю Ленина портрет,
Золотую рамочку,
Вывел он меня на свет,
Темную крестьяночку.

(Рук. ф. НИИ, ед. хр. № Л-265)

Мордва усвоила русские частушки о трактористах. Вот одна из этих частушек:

Переборы рассыпает
Деревенский гармонист.
Песни новые играет
Знаменитый тракторист.

(Рук. ф. НИИ, ед. хр. № Л-215).

Встречаются также частушки с сатирическим содержанием, высмеивающие порочные явления общественной и колхозной жизни. Среди них и убийственная по своей обличительной силе частушка о бригадире:

Бригадир, бригадир,
Лохматая шапка.
Кто пол-литра принесет,
Тому и лошадка.

(Рук. ф. НИИ, ед. хр. № Л-282).

Но больше всего среди мордвы распространены русские частушки интимно-лирического содержания. Мордва усвоила многие русские частушки о миленке, о любви, расставаниях, переживаниях и т. п.

Другим типом частушек являются переводные частушки.

Хотя мордовские частушки до революции и не записывались, мы можем с определенностью утверждать, что переводные частушки и в то время существовали. Наличие переводных частушек подтверждается записями 30-х годов XX века. Так, в записях, произведенных научными сотрудниками Мордовского научно-исследовательского института Л. Кавтаськиным и Ф. Чесноковым в 1936 году, встречаем следующую частушку:

Неужели садось коськи?	Неужели сад засохнет?
Вейксэ иеть валныя.	Поливала девять лет.
Неужели монь кацамам?	Неужели меня бросит (милый)?
Вишкинестэ вечкия.	Любила его с малых лет.

(Рук. ф. НИИ, ед. хр. № 117):

Очевидно, что эта частушка переводная, поскольку она почти дословно повторяет русскую частушку, бытующую в Пензенской области.

Неужели сирень сохнет?
Поливала восемь лет.
Неужели милый бросит?
Полюбила с малых лет[1].

Иногда в переводах допускаются отклонения от оригинала, однако композиция и общее содержание частушки сохраняются.

Те кодамо сивой конць?	Это что за сивый конь?
Столбастонть а юкстыве.	От столба не отвязывается.
Те кодамо Наум Петясь,	Это что за Петя Наумов,
Пингозот а стувтове?	До сих пор не забывается?

(Рук. ф. НИИ, ед. хр. № 40)

В Пензенской области бытует значительно измененный вариант русской частушки:

Неужели серый конь
От ворот отвяжется?
Неужели милый мой
От меня откажется?[2]

С особой отчетливостью переводные мотивы улавливаются в мордовских частушках с общественно-политическим содержанием. В Куйбышевской области бытует следующая частушка:

Ты Покровка, ты Покровка,
Где ты поселенная?
Кругом лес, поля и горы,
И луга зеленые[3].

Жители села Карсаевка Пензенской области приспособили эту частушку, так сказать, к своим, местным условиям:

Ой, Карцайка, тон Карцайка,	Ой, Карцайка, ты Карцайка,
Кодамо тон цебярят.	Какая ты хорошая!
Кругом вирнек, кругом веднек,	Кругом лес, кругом вода
Тишенянек сенгярнят.	И луга зеленые.

(Рук. ф. НИИ, ед. хр. № Л-265).

---

[1] *А. Анисимова,* «Частушки Пензенской области», Пенза, 1955, стр. 64.
[2] Частушки Пензенской области, Пенза, 1955, стр. 64.
[3] Волжские частушки, Куйбышев, 1955, стр. 30.

Следует заметить, что общее число переводных частушек невелико. Это объясняется, по-видимому, сложностью перевода русских частушек на мордовский язык. Простым, рядовым исполнителям частушек, мордвинам, не всегда до конца понимавшим смысл русских частушек, это сделать было нелегко.

Гораздо большее распространение в мордовской среде имеют частушки макаронические.

Произвольное употребление русских слов в мордовской речи ведет к образованию особой мордовской шуточной лексики и фразеологии, употребление которой в частушке вызывает комический эффект. В этом виде частушек употребление русской лексики преднамеренное, объясняемое исключительно желанием вызвать веселое настроение у слушателей. Существуют самые разнообразные способы введения русской речи в мордовскую. Шуточные, комические частушки представляют собой или неполный перевод с русского или же заканчиваются измененным на мордовский лад русским словом, вследствие чего концовка становится неожиданной и эффектной.

Панарозе бордовай,	Платье мое бордовое,
Алга кели кружева.	Внизу широкое кружево.
Кельгомазе кадомань,	Любимый бросил меня,
Мяркшнень, аран без ума.	Я думала, сойду с ума.

(Рук. ф. НИИ, ед. хр. № Л-265).

Особо употребителен в макаронической частушке прием рифмовки мордовских слов с русскими:

Ох, авай, авай, авай,	Ох, мама, мама, мама,
Сорок копеек давай,	Дай мне сорок копеек.
Еще рубль прибаван,	Еще добавлю рубль,
Эстеень мирде раман.	Куплю себе муженька.

(Рук. ф. НИИ, ед. хр. № Л-265).

Рассмотренные случаи являют собой примеры введения в мордовский текст русской лексики. Наблюдаются случаи обратного порядка, то есть введения мордовской лексики в русский текст. Эти частушки строятся на контрастах лексического звучания обоих языков. Благодаря резкому фонетическому контрасту, создается комический эффект частушки:

Самовар, самовар,
Золотые ножки,
Посадили модамарь (т. е. картошку),
Выросла картошка[1].

---

[1] Из записей автора.

Русская и мордовская лексика в частушке иногда причудливо переплетаются, создавая своим необычным звучанием веселое настроение у слушателей:

На горе стоит подвал,
Мон басямо (я поговорить) — сон (он) удрал[1].

Такое смешение двух языков свойственно мордовским скороговоркам и каламбурным частушкам, которые часто бывают лишены какого-либо серьезного смысла и рассчитаны лишь на эффект лексического звучания.

Рассмотренные типы частушек свидетельствуют о сильном влиянии русской частушки на мордовскую.

Существовало и обратное влияние (хотя и менее заметное) мордовской частушки на русскую. Каким образом оно осуществлялось?

Русская частушка, проникая в мордовскую среду, не могла оставаться без изменений. Одни поэтические традиции в ней могли заменяться другими, более соответствующими мордовской народной поэзии и ее языковым особенностям.

Иногда «усовершенствования», вносимые мордвой, были настолько удачны, настолько они соответствовали духу частушки, что не только оставались в мордовской среде, но и перенимались русскими. Так, на наш взгляд, не без участия мордвы появилась частушечная серия «Матаня», возникшая в бывшей Саратовской губернии в конце XIX века.

О «всюду проникшей» «Матане» писали в те времена многие газеты приволжских губерний. А. М. Горький неоднократно характеризовал её как предшественницу современной частушки.

И тут возникает вопрос о происхождении самого слова «матаня». Некоторые исследователи переводили его словом «возлюбленный». Но если говорить о переводе, то с какого же языка он сделан?

Впервые вопрос о мордовском происхождении этого слова поставила пензенская поэтесса А. Анисимова. В предисловии к сборнику «Частушки Пензенской области» она писала: «Общаясь на сезонных работах, русские, мордва, чуваши, татары многое воспринимали друг от друга. Возможно, что слово «матаня», услышанное в мордовских песнях и мордовской речи, заинтересовало русских песельников и они приняли его»[2].

Действительно ли слово «матаня» мордовского происхождения? На основе анализа фольклорного материала мы можем утверждать, что «матаня» исконное мордовское слово, которое широко встречается в различных жанрах мордовского фольклора, и не только в частушках, но и в традиционно-песенной поэзии, а также в причитаниях.

---

[1] Частушка записана автором от молодежи, с. Шугурово Б.-Березниковского района, Мордовской АССР.

[2] *А. Анисимова,* «Частушки Пензенской области», стр. 12.

Вот отрывок из записи мордовской традиционной песни, сделанной Х. Паасоненом в 1899 году:

Щакшни-карякшни,
Сон напряжакшни,
Сон оцю ульцяв, вай, адерлякшни.
Листе, поланяй, листе, матаняй,
Мондинь тоньфтемот ульцясь аф мазы.
Модинь тоньфтемот карзись аф кайги.

Наряжается-собирается он.
Выйди, вай, на большую улицу,
Выйди, любимая, выйди, матаня,
Мне без тебя и улица не красна,
Мне без тебя и скрипка не поет.

Частое употребление находит это слово и в специфических мордовских причитаниях:

Вай, аваняй-матаняй,
Вай, аваняй, тага мярьган,
Мазы лопаняй,
Мес кулоть мазы пингоняват?

Вай, матушка-матаняй,
Вай, матушка, еще скажу,
Красивый ты листочек,
Зачем ты умерла в свое красивое время?

Но чаще в частушках мордвы употребляется «матаня» в значении «милый», «возлюбленный».

Каким образом могло проникнуть мордовское слово «матаня» в русскую частушку? Можно сделать следующее предположение: русские частушки, попадая в мордовскую среду, подвергались значительным изменениям, и прежде всего изменялась их лексика. Иногда заменялось всего одно или два слова. Вполне возможен тот факт, что мордва с самого начала производила замену часто встречающихся в частушках слов «милый», «дорогой», «касатик» и т. п. мордовским словом «матаня». Таким образом, частушки со словом «матаняй» возникли сначала в среде мордвы. Затем в условиях тесных связей мордвы с русскими последними они были подхвачены, так как особых затруднений в понимании частушек в связи с «матаней» не возникало. Наоборот, новое слово вносило своеобразный колорит во многие частушки, где оно было употребляемо.

Русская частушка сыграла важную роль в оформлении мордовской частушки. Мордва переняла русскую частушку. Русская частушка значительно ускорила процесс создания мордовской частушки на основе её собственных поэтических традиций. Мордовская частушка — это не переработка и приспособление русской частушки к мордовским национальным особенностям. Она есть результат развития собственных фольклорных традиций. В её содержании отражаются особенности жизни и быта мордовского народа.

Л. П. Смолякова,
кандидат филологических наук

К ВОПРОСУ ОБ ЭРЗЯ-МОРДОВСКОМ СУБСТРАТЕ В РЯДЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ВОЛГО-КАМЬЯ

В некоторых русских говорах Волго-Камской территории обнаружено одно любопытное явление в области заударного вокализма. Гласные **у, и (ы)** в конечном заударном слоге расширяются соответственно в **о, е** (*зна́йо, он’е́ йдот нар’а́дне, он ко́с’ет, ла́пт’е* и под).

Данное явление подробно описано нами в статье «Некоторые особенности мордовского субстрата в фонетике русского говора Кара-Елги»[1]. Здесь же дается краткое описание этой особенности. Явление расширения узких гласных, во всяком случае в том виде, в каком оно представлено в русских говорах Волго-Камья, не находит себе объяснения в русской фонетике. Это явление очень ярко представлено в говоре д. Кара-Елги Заинского (по старому адм. делению Акташского) района Татарской АССР и в ряде соседних деревень. Кара-Елга в недалеком прошлом была мордовской деревней, и лишь сравнительно недавно жители ее полностью перешли на русский язык. Таким образом, эта фонетическая особенность может быть результатом влияния мордовского субстрата.

В мокша-мордовском языке **у, и (ы)** в интересующем нас положении совпали в редуцированном звуке. В эрзя-мордовских говорах судьба этих гласных в данном положении различна. Нас интересуют прежде всего те эрзя-мордовские говоры, в которых гласные **у, и (ы)** непервого слога перешли в **о, е.** К таким говорам относятся (по классификации чл.-кор. АН

---

[1] См. «Вопросы теории и методики изучения русского языка», в. 3, Йошкар-Ола, 1964.

Явление перехода заударных **у, и (ы)** в **о, е** описано также в статье З. П. Здобновой, посвященной говору Вольного Сухарева Уфимского района БАССР и помещенной в одном из выпусков Ученых записок Башкирского университета. Никаких попыток объяснения явления в названной статье не дается.

СССР Д. В. Бубриха) регрессивно-ассимиляторные и простейшие на **о, е.** К одному из этих типов и должен был принадлежать в прошлом эрзя-мордовский говор Кара-Елги[1].

В статье дается также предполагаемое распространение границ расширения тех или иных узких гласных конечных заударных слогов на территории Волго-Камья. В настоящее время мы можем представить изоглоссы этих явлений более точно.

Данные выездов с магнитофоном в мордовские села, расположенные неподалеку от Кара-Елги, летом 1961 и 1964 гг., а также в ряд русских деревень летом 1961, 1962, 1963 и 1964 годов значительно пополнили наши представления о явлении расширения узких гласных в указанной выше позиции. Во время этих выездов выяснилось следующее. В мордовских деревнях, соседних с Кара-Елгой и несколько южнее, живет и в настоящее время мордва-эрзя. Все это, по свидетельству местных жителей, более или менее одновременный поток мордвы-эрзи, вышедшей из бывшей Пензенской губернии. Мордовские деревни этой территории сейчас находятся на различных стадиях сближения с русским языком. В качестве примера остановимся на двух мордовских деревнях.

В деревне Верхний (или Мордовский) Акташ Заинского (в прошлом Акташского) района имеет место двуязычие. Все слои населения совершенно свободно говорят как по-мордовски, так и по-русски. Языком общения между собой является мордовский. В д. Кузайкино Ямашинского района[2] по-мордовски говорят старики. Молодежь мордовского языка почти не знает. При этом даже в мордовской речи старшего поколения большое количество слов основного словарного фонда заменилось русскими словами, а соответствующие мордовские совершенно забылись.

Следующий этап, очевидно, представлен Кара-Елгой. У жителей Верхнего Акташа сохранилось воспоминание о том, что еще в прошлом веке старшее поколение Кара-Елги помнило мордовский язык, что Кара-Елга также некогда переселилась из Пензенской губернии, была эрзя-мордовской по языку и её говор не отличался существенным образом от говора Верхнего Акташа и Кузайкина.

Магнитофонные записи мордовской речи в Верхнем Акташе, Кузайкине, также в Старом Куваке Шугуровского района, где в настоящее время мордовское население проживает совместно с русским (в разных концах), показали, что говоры всех деревень однотипны и относятся к простейшим на **о, е.** На основе говоров такого типа вполне закономерным было сложение русских говоров с расширением узких гласных в конечных заударных слогах. Таким образом, по нашему мнению, объяснение данного фонетического явления эрзя-мордовским субстратом вполне правомерно.

---

[1] В статье «Некоторые особенности мордовского субстрата в фонетике русского говора Кара-Елги» мы склонялись к тому, что эрзя-мордовский говор Кара-Елги был регрессивно-ассимиляторным, что не подтвердилось в ходе дальнейшей работы.

[2] Все наименования районов даем по старому административному делению.

Явление расширения узких гласных в конечных заударных слогах отмечено в Акташском районе в следующих населенных пунктах: Қара-Елге, Буте[1], Верхнем Маврине. Несколько севернее явление отмечено также в с. Афаносове Челнинского района.

Второй ареал распространения названного фонетического явления в пределах Волго-Камья находится в Волжско-Свияжском междуречье и к западу от Свияги. Сюда относятся следующие населенные пункты: Багаево, Бушанча, Эбалаково Қайбицкого района, Қабы-Қопры и Шонгуты Апастовского района. В ослабленном виде явление отмечено также в Русланове (Арасланове) Қайбицкого района и в ослабленном виде и лишь у части населения в с. Ивановском Теньковского района.

В Волжско-Свияжском междуречье, в частности в бывшем Свияжском уезде, по данным писцовой книги XVI века[2], в прошлом было большое количество мордвы. М. Е. Евсевьев предполагает, что здесь была мокша и частично эрзя[3]. Небольшие группы эрзянского населения, ассимилировавшись с русскими и перейдя на русский язык, могли оставить свой след в виде субстратного явления расширения узких гласных в определенной позиции в русских говорах указанных деревень. Логично предполагать, что и эрзя-мордовские говоры этих мест в прошлом также были простейшими на **о, е.**

Явление расширения узких гласных отмечено также в Башкирии. Причем здесь интересующие нас говоры не представлены более или менее компактно, как в Татарии, а разбросаны в различных местах территории. Имеем в виду следующие населенные пункты: Красный Яр и Вольное Сухарево Уфимского района, Қилеево Бакалинского района, Бордовка Қушнаренковского района. Менее ярко это явление выражено в Удельных Дуванеях Благовещенского района. Выяснить, откуда возникло явление расширения узких гласных этих населенных пунктов, довольно затруднительно. Некоторые деревни выселились из других недалеко расположенных деревень и, возможно, просто

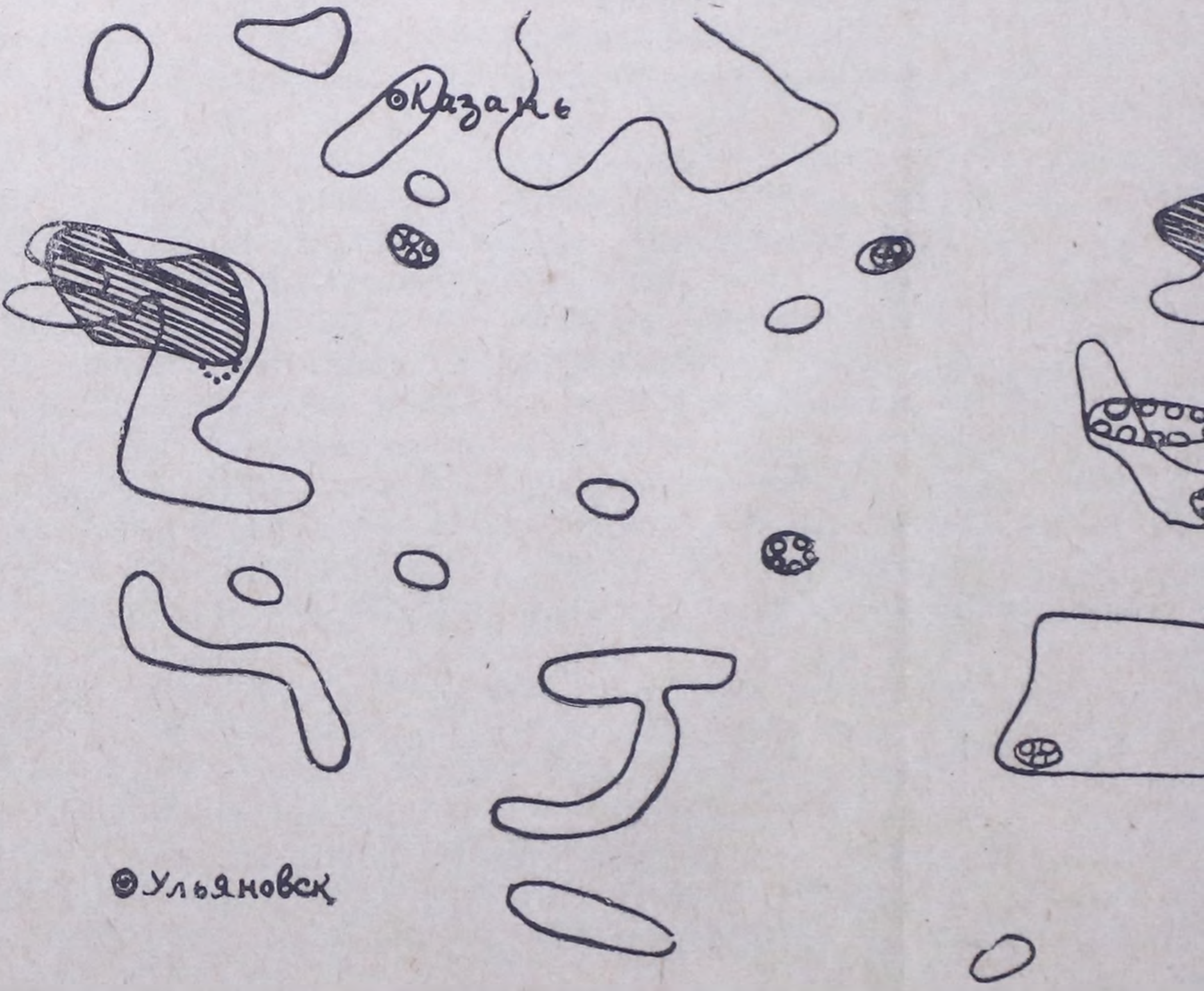
---

[1] Относительно Буты также имеются воспоминания населения о том, что она в прошлом была мордовской деревней.

[2] См. «Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина» (1565—1567), Қазань, 1909.

[3] *М. Е. Евсевьев*, «Мордва Татреспублики» (сб. статей «Материалы по изучению Татарстана», в. 2, Қазань, 1925).

Произношение узких глас



▨ Распространение расширения всех узких гл
Границы распространения отдельных явлен

явление типа ЗНА́ЙО (ЗНА́ЙО̑).
явление типа РУ́К·Е (РУ́К·Е̑), ОГЛО́БЛ·Е (
явление типа ХОД·И́Л·Е (ХОД·И́Л·Е̑), ЗНА́
явление типа ВЫП·ЕЛ (ВЫП·Е̄Л) и под.
Граница распространения редукции на мест

принесли с собой явление расширения узких гласных. Так, население Вольного Сухарева Уфимского района выехало в прошлом из Удельных Дуваней. В Удельных Дуванеях явление нами также отмечено, но представлено значительно слабее. Население Николаевки Чекмагушинского района выехало, по преданию, из Бордовки. В Бордовке Кушнаренковского района данное явление отмечено очень широко и ярко. Но каких-либо дополнительных данных, проливающих свет на возникновение этого явления в Бордовке (как и в Удельных Дуваниях), нам получить не удалось[1].

Итак, на территории Башкирии очень трудно проследить, откуда шло население; ряд же пунктов возник сравнительно недавно, выселившись из отдельных деревень, более или менее близких мест.

В целом же можно, нам думается, утверждать, что в Волго-Камье в прошлом ассимилировались небольшие группы эрзя-мордовского населения, носители, очевидно, простейших говоров на **о, е,** и оставили свой след в русских говорах в виде расширения узких гласных **у, и (ы)** в конечных заударных слогах. В какой-то мере процесс перехода эрзя-мордовского населения на русский язык продолжается на части этой территории и в настоящее время. То, что подосновой русских говор с расширением узких гласных здесь явились простейшие на **о, е,** отчасти подтверждается и тем, что эрзя-мордовские говоры в Мордовии к северу от реки Алатыря (т. е. как раз в направлении Татарии) представлены именно большим массивом простейших на **о, е**[2].

Возникает еще один вопрос, на который мы пока не можем дать четкого ответа: почему явление расширения узких гласных затронуло только позицию конца слова? Может быть, какую-то роль сыграла при этом особая выпуклость конечных слогов как в эрзя-мордовских говорах нашей территории, так и во многих (если не во всех) русских говорах с расширением **у, и (ы).** Этот момент, безусловно, нуждается в дополнительном исследовании и уточнении.

---

[1] О селе Красный Яр Уфимского района Башкирии известно только, что оно возникло в 1635 г. (см. «Списки населенных мест Российской империи», т. XIV, Уфимская губерния, СПБ, 1877). Условия возникновения явления расширения узких гласных в этом селе неизвестны. К тому же, это единственный пункт из перечисленных 17-ти, в котором мы не были лично (указанное явление отмечено в нем мл. научным сотрудником КИЯЛИ АН СССР Н. С. Казакевич. Материалы экспедиции же явления расширения узких гласных обычно или вообще не отмечают, или дают несколько случайных изолированных примеров в ответах на 19 и иногда на 16 вопросы «Программы собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка»).

[2] По сообщению Д. В. Цыганкина.

ОБРАЗЦЫ ЗАПИСЕЙ СВЯЗНЫХ ТЕКСТОВ

Тогда́ е́та/ вот снощу́—ть воз'му́т/ дъ байьт св'о́каър/ ты баит и́збъ—тъ м'ет'и́ дь со́р на у́л'ицу н'ь вык'и́дывай// вот е́дък вот/ на́м/ сно́хъм—т'ь... Йа́ и н'е зна́йу ит' е́ть чо́ он сказа́л/ св'екро́в'и—ть ба́йом/ ма́мън'ка!—чово́?—е́ть мъл т'а́т'ьн'ка чо́ сказа́л? и́збо м'ет'и́ а со́р н'ь вык'и́дъвъй на у́л'ицо/ а йово́ куды́ мъл д'ова́т'—та? йей бо́ о пра́вда!/ е́ть н'е́ч° ьвъ ба́йет йа годо́ф вос'мна́ццът'и выход'и́ла// ну́// е́ть ба́йьт вот чо́ до́ч°ън'ка—чово́?—вот чо́ в дому́—ть д'елъцца та́м kowo пъругайо́т ал'коо́/ чowо́—нъ л'уд'а́х н'икол'и́ н'е ска́зывъай// во́т вот во́т/ да́/ во́т т'ее и фс'о́/ а йе́с' в'ет' е́та: «У на́с с'о́дн'е руга́л'ес'— под' о́т ф шабры́—у на́с руга́л'ес' ал'еь драл'и́с'» е́ть вот ба́йьт н'икол'и н'е ба́йт'е/ во́т/ вот тако́ жыз'н' была́/ да́// ...фс'о́ холшшо́во/ и т'еп'е́р'/ с п'е́рвых—ть годо́ф дък холшшо́въ нос'и́л е а ту́т вот што го́т—то/ е́ть уш//

— в холщовом-то тяжело, наверное, было ходить?

— Дък а́ н'ьчово́ н'е́т/ пр'ил'и́шнай/ наро́т/ и бъɣач'и́' е́дък/ з'ьмл'ьвлад'е́л'цы был'е/ и то́ е́дък'ь нос'и́л'/ во́т/ да́// во́т е́дък боɣа́тей/ бы́л/ ч'ьелов'е́к' ет'/ н'ев'е́сту сва́тъл/ з гост'и́нцъм пойе́хъл/ да́/ на́дъ нър'ад'и́цца/ топ'е́р' снар'а́ д'уцца ф суко́ннъ в'ьт'/ од'о́жо/ п'ьджак'и́ и/ шърова́ре/ и руба́шко/ кака́йа там/ фс'а́к'е/ шта́п'ьл, дъ ч'ово́/ а е́тъ б'е́л'ьн'ка ръбашо́нъч'ка/ кьз'ен'е́тъвъйе штан'и́шк'е/ е́ть шърова́ре//бъɣач'и́/пр'а́мъ из д'ер'е́вн'е/ з'ьмл'ьвлад'е́л'це бы́л'е/ да́/ ръскула́ч'ьл'е их ту́т/ да́// ну́ и/ с'е́л'и за сто́л—ъет/ о́н розд'е́лса/ б'е́л'ьн'ка руба́ха/ пъс'ид'е́л и и фс'о́/ да́/ а шърова́ре—т'ь къз'ин'е́тьве ше́рс'толсть уш со́рт так... а топ'е́р дак/ топ'е́р' н'ефто́ ма́н'ьн'къй е́дыкъй о́н фс'о́ ф суко́ннъм ид'о́т// да́ да да́ и обу́тк'е/ и ла́пт'е' пропал'е топ'ер'а// а то́ в лапт'ах// и боɣатъи и б'еднъй, ид' от фс'о ровно́ в лапт'а́х// ф с'ьноо́с быва́лъ спл'ету́т ла́пт'е/ мордо́фск'е йей бо́ɣо! голо́фк'е/ е́ть/ зд'е́льйут/ мордо́фск'е/ ла́пт'е/ л'о́гьн'к'е//

...Фс'е́ мордва́ ста́л'е топ'е́р' фс'е́ по-ру́ск'е ба́йот/ мордва́—ть и то́—фс'е́ по-ру́ск'е/ а то́ н'е́то/ да́// топ'е́р' уш н'е́то/ топ'е́р' н'е но́с'от/ од'о́жо н'е но́с'от/ фс'о́ ру́ск'е...

А п'о́с йейо зна́т/ и н'ь слыха́т' го́лъсо// фс'о вр'е́м'а сто́н'ет// хвора́т//

скажу́ йа т'ейе́// и́дот/ сва́тъйот н'ев'е́сто// дар'и́т/ платка́м'е//

нъчына́йьт там п'ива́ ста́в'ет'// съб'ира́т жен'и́х т'е́х/ родны́х// пр'ийе́дот/ поб'е́дъйот/ и пойе́дот// пойе́дот/ пр'ийе́дот/ и́х там фстр'е́т'от// г жън'иху́ н'ев'е́сто во́з'от// с'еча́с н'е́т/ воз'м'о́т по́д ръкъ дъ ув'ед'о́т// п'ива́ ста́в'ил'е//

— а насильно раньше отдавали замуж?

— н'ьково́ н'е́то/ нас'и́л'на/ н'ь уддава́л'е// пра́вда одна́ роска́зывъла: м'ен'а́ с'ило́м о́ддъл'ь зъ йово́/ с'ило́м м'ен'а о́ддъл'е// фс'у́ жыз'ьн' г ъвор'и́т ма́йос'/ н'ь л'убл'у́//

н'ев'е́ста/ зъ столо́м она с'ид'ит/ ж жън'ихо́м// б'ер'о́т за́ косо/ а она́ во́йет во́йет/ н'ь дайо́т/ ръспл'ота́т'—от// кото́ра бо́л'нън'ь дайо́т во́йьт//

Вот фс'о́ с'п'и́шеш/ и фс'о́ ф‿кн'и́гь што́л'и?

Была́ мн'е уп'ера́цыйа/ е́тьмо гла́зо// и мн'е́ зав'а́зывъл'е/ л'ека́рсвь поло́жът и зав'а́жот/ и с'н'има́т‿н'ь дайу́т// ста́рша// она̄́ в'ьт' с'л'опа́ была́/ пото́м выл'ьч°ьлес'[1] хо́д'ит с оч°ка́м'е̄// Овдо́т'йа йе́з'д'ила на сва́р'бъ°-то// д'ете́ й мно́гъ/ и фс'е жыве̄// кака́ сама́/ так'е́ и д'е́т'е// она́ ско́къ-тъ уход'и́ла/ кал'а́къл'е́/ д'ефч°о́нк'е ба́йут зову́т/ в Астръкан'//

Показывает на двух тепло закутанных ребятишек: ка́к м'ъдв'ъжа́те!

(Записано в 1963 г. в д. Бушанча Кайбицкого района Татарии от Сысуевой Анастасии Яковлевны, 83 лет, родилась в Бушанче. Запись на слух).

---

[1] Очевидно, из: вы́л' ьч° ълас' → вы́л' ьч° ълъс' — вы́л' ьч° ълыс' — вы́л' ьч° ълес'.

Г. И. Ермушкин,
аспирант института языкознания АН СССР

ХАРАКТЕРИСТИКА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГОВОРОВ ЭРЗЯ-МОРДОВСКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ИХ НОСИТЕЛЕЙ

Термин «северо-западные говоры» вводится для обозначения говоров эрзя-мордовского языка, расположенных в верховьях рек Теши и Пьяны с их притоками (Лукояновский, Шатковский, Первомайский и Гагинский районы Горьковской области).

Северо-западные говоры территориально граничат на западе с Ардатовским районом, на севере — с Арзамасским и Перевозским, на северо-востоке — с Сергачским и Салганским районами Горьковской области, на востоке — с Б.-Игнатовским районом Мордовской АССР, а на юге — с Починковским и Наруксовским районами Горьковской области и с Ельниковским и Темниковским районами Мордовской АССР.

В 27 эрзя-мордовских населенных пунктах, расположенных на территории распространения северо-западных говоров, проживает около 27000 человек. Большинство интересующих нас населенных пунктов начинает упоминаться в письменных источниках с конца XVI и начала XVII вв.[1]. Но поскольку ко времени переписи бортничьих и мордовских деревень в Арзамасском уезде в 1628 г. многие населенные пункты имели большое количество населения, известный историк мордвы А. А. Гераклитов пришел к выводу о существовании большинства эрзянских селений задолго до появления первых письменных документов о них[2].

Ареал северо-западных говоров мордвы-эрзи еще в XVI—XVIII вв. простирался значительно дальше на север и на запад по сравнению с его современными границами[3]. Это, в частности, подтверждается мордовским происхождением названий многочисленных населенных пунктов, расположенных севернее и западнее рассматриваемой зоны — в Ардатовском, Дальне-Константиновском, Богородском и других районах Горьковской области, в которых в настоящее время проживает исключительно русское население, например: **Леплей** (*лепе* — ольха, *лей* — овраг), **Верякуши** (*вере* — верхний, *кужо* — поляна), **Кевлей** (*кев* — камень, *лей* — овраг), **Кудлей** (*кудо* — дом, *лей* — овраг), **Вармалей** (*варма* — ветер, *лей* — овраг), **Серякуши** (*сэрей* — высокий, *кужо* — поляна), **Кужутки** (*кужот* — поляны) и другие.

---

[1] См. *С. Б. Веселовский,* Арзамасские поместные акты, Москва, 1915 (в дальнейшем сокращенно: АПА).

[2] *А. А. Гераклитов,* Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII—XVIII вв. Саратов, 1930, стр. 33—42.

[3] См. *А. А. Гераклитов,* указ. соч., стр. 18—32:

Область распространения северо-западных говоров, по-видимому, сокращалась преимущественно за счет отхода эрзянского населения в более южные районы и естественного обрусения.

Русский язык оказал и продолжает оказывать исключительно большое влияние на северо-западные говоры. Широко распространенными в говорах являются случаи замены исконных лексических единиц русскими словами, например. *лиса* (вм. эрз. *ривезь*), *песок* (вм. эрз. *чувар*), *сорока* (вм. эрз. *сезьган*), лёд (вм. эрз. *эй*) и многих других.

Грамматический строй северо-западных говоров также испытывает определенное влияние русского языка. Суффиксы сказуемостного изменения во многих говорах стали малоупотребительными, например: *мон сэрей* (вм. *мон сэреян*) — я высокий; *тон кудосо* (вм.: *тон кудосат, кудосоят*) — ты дома и др.

Формы указательного и притяжательного склонений часто заменяются формами основного склонения, например: *Атя моли паксяв.* («Старик-то идет в поле». Или: «Какой-то старик идет в поле». Или: «Мой старик идет в поле») и др.

Все северо-западные говоры распадаются на 4 группы.

I группа расположена на востоке от г. Лукоянова по притокам р. Пьяны: сс. Чиргуши, Новоселки, Пичингуши, Крапивки, Б. Уда, Какино, Итманово, Кельдюшево, Пандас.

II группа расположена к северу от г. Лукоянова по притокам р. Пьяны: села Алемаево, Вечкусово, В. Враг, Старое Иванцево, Новое Иванцево, дер. Крапивка и Березовка.

III группа расположена к западу от г. Лукоянова по притокам р. Теши: сёла Атингеево, Салдоманово, Шандрово, Иванцево, дер. Мессинговка, Григорьева, Николаевка.

IV группа расположена к северо-западу от г. Лукоянова: сёла Б. Макателем, Кардавиль, Понетаевка, Корино.

Отметим наиболее характерные различия между четырьмя группами северо-западных говоров.

Различия в области фонетики

1. Согласный **в** перед глухими согласными в I, II и III группах говоров произносится как **ў** (типа неслогового **у** в русских диалектах). В IV группе происходит оглушение **в** в **ф**, например:

I—III группы	IV группа	Значение
каўто	*кафто*	два
озаўтыз'	*озафтыз'*	посадили его
каўксо	*кафксо*	восемь
л'эўкс	*л'эфкс*	детеныш и др.

2. В I—III группах говор *й* всегда является звонким. В IV группе (исключая села Кардавиль, Понетаевка) перед глухими согласными **й** оглушается и реализуется в виде аллофона *йх*, например:

I—III группы	IV группа	Значение
вэйкэ	*вэ*^{й}*хкэ*	один
вэйксэ	*вэ*^{й}*хксэ*	девять
т'эйт'эр'	*т'э*^{й}*хт'эр'*	девушка, дочь
тан'т'эйт'	*тан'т'э*^{й}*хт'*	вкусные, сладкие и др.

3. Сочетание **-вт-** (**-вт'-**) после гласных в I—III группах не изменяется, а в IV группе **-вт-** переходит в **х**, например:

I—III группы	IV группа	Значение
пир'аўт	*пир'ах*	изгородь
ат'аўт	*ат'ах*	свекор
аваўт	*авах*	свекровь и др.

В положении после переднеязычных согласных (кроме свистящих и шипящих) эквивалентами **-вт-**, **-вт'-** могут быть в I—III группах **-т-**, **-т'-**, а в IV группе **-ф(т)-**, **-ф(т')-**. Такое явление наблюдается: а) в существительных, образованных из страдательных причастий, например:

I—III группы	IV группа	Значение
мат(т)	*матф*	погреб
кот(т)	*котф* (ср. кодамкс-ткать)	холст
кан'т'	*кан'ф* (ср. мокш. каньф)	конопля
т'эн'т'	*т'эн'ф*	веник и др.

б) в глаголах на **-втомкс, -вт'эмкс**, имеющих значение «заставить что-то сделать» или «довести до какого-либо состояния», например:

I—III группы	IV группа	Значение
салтамкс	*салфтамкс*	засолить
мат'т'амкс	*мат'фт'амкс*	уложить и др.

в) в существительных в изъятельном падеже:

I—III группы	IV группа	Значение
салтомо	*салфтомо*	без соли
кэт'т'эмэ	*кэт'фт'эмэ*	без руки

4. Четвертая группа говоров характеризуется также наличием **х** и **ф** в исконных словах и полным отсутствием их в первых трех группах. Как известно, в четвертой группе **ф** появляется вместо **в** перед глухими согласными, а **х** — на месте **ф** (из **в**) в положении после гласных (см. примеры выше).

В заимствованных словах **х** в четвертой группе остается без изменений, а в первых трех переходит в **к**.

I—III группы	IV группа	Значение
кр’он	*хр’он*	хрен
коз’эйка	*хоз’эйка*	хозяйка и др.

В заимствованных словах **ф** имеет различную передачу. В I—III группах **ф** передается как **к** или **кв** (**кў**), а в четвертой в виде **к** или **х**.

I—III группы	IV группа	Значение
конар’	*конар’*	фонарь
камэл’ийа	*камэл’ийа*	фамилия
саракўан	*сарахан*	сарафан
кук(ў)айка	*кухайка*	фуфайка

В более новых заимствованиях в IV группе *ф* передается как **ф**, а в **I—III—кв(ў)**, например:

I—III группы	IV группа	Значение
кўан’эра	*фан’эра*	фанера
квирма	*фэрма*	ферма и др.

5. В IV группе говоров перед сочетанием **ш**+ согласный (кроме **к**) всегда появляется **к**, например:

I—III группы	IV группа	Значение
шл’амкс	*кшл’амкс*	мыть (руки, лицо)
шчэр’э	*кшчэр’э*	веретено
шчэр’д’эмкс	*кшчэр’д’эмкс*	прясть
штанат	*кштанат*	штаны

Но слово *кшнамкс* — хвалить (ср. эрз. лит. *шнамс*) имеет **к** и в первых трех группах.

6. В употреблении согласных **д** и **з** в лично-притяжательных суффиксах 3 л. отличие наблюдается между I, II и III, IV группами говоров, т. е. между говорами бассейна реки Пьяны, с одной стороны, и Теши, с другой, например:

I, II группы	III, IV группы	Значение
кудондо	*кудонзо*	его дома
кэд’индэ	*кэд’инзэ*	его руки
сурдондо	*сурдонзо*	о его пальце
сондэ (сон’д’э)	*сонзэ (сон’з’э)*	его
т’эндэ	*т’энзэ*	ему и др.

Таким образом, в области консонантизма IV группа противопоставляется первым трем. В консонантизме IV группы много общего с говорами теньгушевской эрзи, а также с мокшанским языком.

В системе вокализма больших различий между северо-западными говорами не наблюдается.

В употреблении гласных первого слога слова нет никакого различия (употребляются все 5 гласных: **а, о, у, и, э**; ограничено употребление **ы** — варианта фонемы **и**).

Некоторые отличия встречаются в гласных непервого слога. Здесь противопоставляется в основном II группа говоров всем остальным. В I, III, IV группах говоров в непервом слоге слова на месте литературного **о, э** обычно выступают **у** и **и (ы)** при появлении в слове других, кроме **о** и **э**, гласных, т. е. эти группы говоров относятся к регрессивно-ассимиляторному типу говоров. II же группу можно отнести к простейшему типу говоров.

Например:

I, III, IV группы	II группа	Лит. яз.	Значение
истуутан	*истоутан*	*истовтан*	я забуду
пачкуд’и	*пачкод’и*	*пачкод’и*	он дойдет
кунсул’и	*кунсолы*	*кунсолы*	он слушает
кэпид’из’	*кэпэд’из’*	*кэпэд’из’*	они подняли его
мол’ивил’ин’	*мол’эвл’ин’*	*мол’эвл’ин’*	я бы пошел
а пор’иви	*а пор’эви*	*а пор’эви*	не разгрызть

В области морфологии

1. Во всех говорах, кроме с. Б. Макателема, в дательном падеже всех склонений выпадает конечный согласный **-н’**: *скалнэ* (корове); *скалын’т’э* (I, IV), *скалоз’д’э* (II), *скалын’т’э (скалс’т’э)* (III) (корове — той); *ауанстэ* (матери его).

2. В притяжательном склонении существительных в I—III группах говоров по ряду *«тон’т’»* (тебя) при обозначении множественного числа обладаемого выпадает показатель притяжательности, а в IV группе сохраняется, например:

I, III группы	II группа	IV группа	Значение
суру	*суры*	*сурут*	пальцы твои
вазу	*вазы*	*вазут*	телята твои
кэд’и	*кэд’и*	*кэд’ит’*	руки твои
кудо	*кудо*	*кудот*	дома твои и др.

3. В притяжательном склонении по ряду *«сын’эск»* (их) в I—III группах употребляется показатель **-ск**, а в IV группе **-ст**, например:

I—III группы	IV группа	Значение
сын’эск кудоск	*сын’(и)ст кудост*	их дом(а)
валуск	*валуст*	их слова
вэл’эск	*вэл’эст*	их сёла и др.

4. В говорах I, II групп имеются сложные указательные местоимения, в говорах IV группы им соответствуют простые. В говорах же III группы могут выступать и простые, и сложные указательные местоимения, например:

I, II группы	III группа	IV группа	Значение
эт’э (э=+т’э)	*эт’э, т’э*	*т’э*	этот
эс’э (э=+с’э)	*эс’э, с’э*	*с’э*	тот
эн’э (э=+н’э)	*эн’э, н’эт’н’э*	*н’э*	эти
эс’эт’н’э(э=+с’э=..)	*эс’эт’н’э*	*с’эт’н’э*	те

(Корино здесь примыкает к III группе говоров).

5. В употреблении форманта генитива указательного склонения наблюдаются различия по всем говорам. В I, IV группах говоров употребителен лишь формант **-н’т’**, во II группе — только **-с’т’**, а в III группе — и **-с’т’**, и **-н’т’** (с. Корино примыкает к III группе).

I, IV группы	II группа	III группа	Значение
кудон’т’	*кудос’т’*	*кудон’т’,-с’т’*	дома-то
вазын’т’	*вазос’т’*	*вазын’т’*	теленка-то
калын’т’	*калос’т’*	*калын’т’,* *калс’т’*	рыбы-то и др.

После основ на гласный и **з** в III группе выступает лишь формант **-н’т’**.

6. В объектном спряжении глагола изъявительного наклонения по ряду «его» в 3 л. ед. ч. в I, II, IV группах выступают формы *кансазо, кансаз, кансаск (-ст)*, а в III группе — *кансас, кансы* (он его принесет).

В повелительном же наклонении объектного спряжения от всех групп говоров отличается IV группа.

I—III группы: *Тон сын’эск канды.* (Ты их принеси). IV группа: *Тон сын’(и)ст кандыт’.* (Ты их принеси).

7. В повелительном наклонении безобъектного спряжения в ед. ч. отличие наблюдается между I—III и IV группами. Если показатель повелительного наклонения **-к** присоединяется к гласной корня, то различия нет, например:

I—III группы	IV группа	Значение
удок (инф. удо-мкс)	*удок*	спи
с’т’ак (инф. с’т’а-мкс)	*с’т’ак*	встань и др.

К согласной основе глагола в повелительном наклонении I—III групп присоединяется показатель **-к**, а в IV группе **-т**:

мат'к (инф. мад'-мэкс)	*мат'т'*	ложись спать
кир'к (инф. кир'д'-эмкс)	*кир'т'(т')*	держи
ванк (инф. ван-мокс)	*вант*	смотри и др.

Таким образом, в области фонетики и морфологии северо-западные говоры не составляют единства, распадаясь на 4 группы, из которых четвертая группа резко противопоставлена своими отличиями первым трем, обнаруживающим между собой больше сходства, чем различий. Приведенный материал позволяет говорить о том, что, вероятно, носители IV группы говоров пришли по р. Сатису со стороны Теньгушева, носители III группы говоров — из низовьев р. Теши, где в настоящее время живут только русские, а расположенные по притокам реки Пьяны — с востока, т. е. имеют сходство с большеигнатовским диалектом[1] и другими северо-восточными говорами эрзя-мордовского языка.

Список населенных пунктов на территории распространения северо-западных говоров эрзя-мордовского языка

1. С. **Алемаево** (эрз. *ал'а вэл'э* «село Али». Эрзянское *Ал'а,* видимо, сокращенная форма от мордовского языческого имени Алемай) Смирновского сельсовета Шатковского района. Первое упоминание в документах под 1596 г.[2]

В 1628 г. было 23 человека[3], в 1646 г. — 17, в 1677 — 60, в 1719 г.—107, в 1745—167, в 1916 г.—1312, в 1959 г.—1351, в 1964 г.—1500.

2. С. **Атингеево** (эрз. *ат'ин'бийо* — племя, род Атингея) Шандровского сельсовета Лукояновского района. Сельсовет эрзянский. Наиболее раннее упоминание о селе относится к 1592 г. В 1628 г. проживал 51 человек, в 1646 г.—39, в 1677 г.—48, в 1716 г.—145 (обоего пола), в 1723 г.— 685 (обоего пола), в 1916 г.—1885, в 1959 г.—1283, в 1963 г.—1232 ч.

3. Дер. **Березовка** (эрз. *бэр'озоўка*) Крюковского сельсовета Лукояновского района. Первопоселенцы вышли из с. Нового Иванцева (см. № 7) незадолго до 1713 г. В настоящее время население смешанное: русско-эрзянское.

В 1713 г. в деревне было 12 человек обоего пола, в 1745 г.—19 ч. (мужского пола), в 1959 г.—412.

---

[1] См. *М. М. Давыдов,* Больше-Игнатовский диалект эрзя-мордовского языка.— «Очерки мордовских диалектов», т. II, Саранск, 1963, стр. 118—233.

[2] Сведения о количестве населения с 1628 по 1745 г. взяты по А. А. Гераклитову из приложения № 1 к «Арзамасской мордве»; за 1916 г.—по СНМ (списку населенных мест) Нижегородской губернии; за 1959 г. — по Всесоюзной переписи.

[3] Сведения о первом упоминании о селе приводятся из АПА.

До 1916 г. приводится лишь количество мужского трудоспособного населения.

4. С. **Великий Враг** (эрз. *Ин'эл'эй*—большой, великий овраг, от эрзянского *ин'э* — большой, великий, *л'эй* — овраг) Староиванцевского сельсовета (эрзянского) Шатковского района. В АПА упоминается и под названием Новое Тюгелево, указывающее на происхождение первых насельников деревни. Первое упоминание под 1586 г. В 1628 г. здесь проживал 31 человек, в 1646 г.—89, в 1677 г.—73, в 1719 г.—146, в 1745 г.—408, в 1916 г.—2483, в 1959 г.—1843, в 1963 г.—1910.

5. С. **Вечкусово** (эрз. *вэчкэз вэл'э* — село Вечкиса, Вечкиша. *Вечкись, Вечкиш*—эрзянское языческое имя) Костянского сельсовета (русского) Шатковского района. В документах XVI в. именуется Старым или Великим Тюгелевым, Вечкишевым или Вечкушевым[1]. Первое упоминание в документах под 1586 г., но несомненно оно существовало задолго до этого, т. к. к 1586 г. из него уже выделилось селение Великий Враг (Новое Тюгелево).

В 1628 г. здесь проживало 10 человек, в 1646 г.—43, в 1677 г.—32, в 1719 г.—45, в 1745 г.—198, в 1916 г.—1135, в 1959 г.—723, в 1964 г.—1049[2].

6. С. **Иванцево** (эрз. *иван'бийо* — род, племя Ивана) Иванцевского сельсовета (смешанное население: из 7 селений 2 эрзянских) Лукояновского района. Первое упоминание под 1595 г.

В 1628 г. проживало 40 человек, в 1646 г.—42, в 1677 г.—17, в 1723 г.—250 (обоего пола), в 1916 г.—800, в 1956 г.—2079, в 1959 г.— 2128.

7. С. **Новое Иванцево** (эрз. *одвэл'э*—новое село) Староиванцевского сельсовета (эрзянского) Шатковского района. Первые насельники вышли из Старого Иванцева, о чем говорят названия села и легенды, существующие в обоих селах, почти не отличающиеся говоры обоих сел.

В 1628 г. было здесь 20 человек, в 1641 г.—49, в 1677 г.—35, в 1719 г.—102, в 1745 г.—256, в 1916 г.—1286, в 1959 г.—991.

8. С. **Старое Иванцево** (эрз. *ташто вэл'э* — старое село) Староиванцевского сельсовета Шатковского района. Первое упоминание в документах относится к концу XVI в.[3].

В 1628 г. здесь проживало 19 человек, в 1646 г.—56, в 1677 г.—37, в 1719 г.—91, в 1745 г.—275, в 1916 г.— 1195, в 1959 г.—1025.

9. С. **Итманово** (эрз. *вид'ма вэл'э* — село Видьмы, от *Видман, Одман* — эрзянских языческих имен) Итмановского сельсовета (русского) Гагинского района. Село со смешанным населением, с русским языком общения. В документах первое упоминание под 1595 г.

В 1648 г. проживал 31 человек, в 1646 г.—110, в 1677 г.—80

---

[1] АПА, № 391.

[2] Сведения за 1964 г. даны вместе с деревней Крапивка.

[3] АПА, № 125.

(впервые вселились 11 человек русских); в 1719 г.—134, в 1745 г.—450, в 1916 г.—3560, в 1959 г.—1265.

10. С. **Какино** (эрз. *Какина* — этимология неизвестна) Какинского сельсовета Гагинского района. Население эрзянское. Наиболее раннее упоминание в документах под 1586 г.

В 1628 г.—31 человек,в 1646 г.—64, в 1677 г.—62, в 1719 г.—40, в 1745 г.—235, в 1916 г.—3800, в 1959 г.—1385, в 1964 г.—1227.

11. С. **Кардавиль** (эрз. *кардавил'* — огороженное село, от *калда, кардо* — изгородь, *вил'* от *вэл'э* — село) Понетаевского сельсовета Шатковского района. На эрзянском языке умеет говорить лишь старшее поколение. Дети не понимают эрзянской речи.

Первое упоминание в документах встречается под 1589 г., но уже в то время по числу дворов и количеству населения это было крупное село, о чем говорит челобитная жителей села[1]. Появление русских зарегистрировано дважды: в 1641 и 1721 гг., но в последующие годы население именуется мордвой.

В 1628 г.— 53 человека, в 1646 г.— 197, в 1677 г.— 71, в 1719 г.— 68, в 1745 г.— 231, в 1916 г.— 1071, в 1959 г.— 533, в 1964 г.— 440.

12. С. **Кельдюшево** (эрз. *Кел'дуж вэл'э* — село Кельдюша, от Кельдюш — языческое эрзянское имя) Кельдюшевского сельсовета (эрзянского) Лукояновского района. Наиболее раннее упоминание от 1587 г. В 1628 г.—16 человек, в 1646 г.—42, в 1677 г.—30, в 1716 г.—67, в 1745 г.—189, в 1916 г.—2979, в 1950 г.—2291, в 1963 г.—2104.

13. Дер. **Крапивка** (эрз. *Крапиўка*) Костянского сельсовета Шатковского района. Вероятно, она возникла не ранее 1678—79 гг.

В 1713 г.—32 человека обоего пола, в 1719 г.—40, в 1745 г.—106, в 1916 г.— 591, в 1959 г.— 296.

14. Дер. **Крапивки** (эрз. *ало куро* — нижний околоток) Пичингушского сельсовета (эрзянского) Лукояновского района. В документах д. Крапивки — Пичингуши Старые — упоминается уже в 1588 г.

В 1628 г.—63 человека, в 1646 г.—160, в 1677 г.—71, в 1746 г.— 99, в 1745 г.— 132, в 1916 г.— 1208, в 1955 г.— 646.

15. С. **Корино** (эрз. *Корина* — этимология неясна) Архангельского сельсовета (русского) Шатковского района. Раннее упоминание под 1601 г., но текст документа свидетельствует о существовании этого селения еще в XVI в.

В 1628 г.— 70 человек, в 1646 г.— 175, в 1677 г.— 70, в 1719 г.— 148, в 1745 г.— 206, в 1916 г.— 1770, в 1959 г.— 669.

16. С. **Большой Макателем** (эрз. *кат'эл'ом* — этимология неясна) Б.Макателемского сельсовета (русского) Первомайского

---

[1] См. *А. А. Гераклитов,* Арзамасская мордва, стр. 97.

района. Село со смешанным эрзянско-русским населением. Говорит на эрзянском языке лишь старшее поколение. Дети говорят на русском языке, хотя понимают и эрзянский.

В исторических документах село называется Макателемом Большим или Старым. Оно основано, вероятно, задолго до конца XVI в., т. к. из него выделилось село Малый (Новый) Макателем, упоминаемое в документах под 1593 г.

В 1628 г. проживало 46 человек, в 1646 г.— 183, в 1677 г. 192, в 1719 г.—135, в 1745 г.—236, в 1916 г.—1073, в 1959 г.— 676, в 1964 г.— 603.

17. Деревня **Мессинговка** (эрз. *д'эр'эӯн'а* — деревня) Шандровского сельсовета Лукояновского района. Название деревни происходит от имени владелицы — помещицы Мессинг, при которой жители деревни отделились от с. Салдоманова в конце XIX в.

В 1916 г. здесь проживало 344 человека, в 1959 г. — 623, в 1963 г.— 525.

18. Село **Новоселки** (эрз. *од вэл'э* — новое село) Пичингушского сельсовета Лукояновского района. В документах упоминается лишь один раз под 1723 г. Проживало в то время в данном селении 506 человек, в 1959 г.— 848.

19. Село **Пандас** (эрз. *пондаз, бондаз* — этимология не установлена. Название села идет от названия речки, на которой данное село стоит. Вероятно, можно сравнивать с марийским пундаш (дно), ибо известно, что на этой территории были марийские селения до появления эрзи) Шутиловского сельсовета Первомайского района. Входит в состав русского сельсовета. Населенный пункт основан приблизительно в 1820—30 гг. выходцами из с. Чиргуш Лукояновского района.

В 1916 г. здесь проживало 582 человека, в 1959 г.— 831, в 1964 г.— 700.

20. С. **Пичингуши** (эрз. *пичэн'гужо* — сосновая поляна из *пичэн'* — сосновая, *кужо* — поляна) Пичингушского сельсовета Лукояновского района. В исторических документах называются Новые или Средние Пичингуши. Селение образовано в конце XVII — начале XVIII вв. По названию можно судить, что первые жители данного села являются выходцами из Старых Пичингуш (Крапивок)[1].

В 1713 г. здесь проживало 100 человек, в 1721 г.— 149, в 1745 г.— 155, в 1959 г.— 818.

21. С. **Понетаевка** (эрз. *пон'атайофка, пин'атайофка* происходит от названия Понетаевского монастыря. Другое эрзянское название села *Кирмало.* Этимология неясна). Понетаевского сельсовета Шатковского района. В состав сельсовета входит 8 селений, из них 2 эрзянских. Население двуязычно. Язык общения русский с примесью эрзянских слов.

---

[1] *А. А. Гераклитов,* Арзамасская мордва, стр. 124.

В АПА не упоминается. Предполагают, что возникло в XVII в.[1].

В 1628 г. здесь проживало 15 человек, в 1646 г.—47, в 1677 г.— 21, в 1719 г.— 21, в 1745 г.— 53, в 1916 г.— 1808, в 1959 г.— 1102, в 1964 г.— 620.

22. С. **Салдоманово** (эрз. *салман'бийо* — род, племя Салмана, Соломона) Шандровского сельсовета Лукояновского района.

Наиболее раннее упоминание о селе под 1593 г.[2]. К 1677 г. из деревень Салдоманова и Лобаски Арзамасского уезда поселились Лобаски на Гремячем ключе.

В 1628 г. здесь проживало 22 человека, в 1646 г.— 58, в 1677 г.—29, в 1723 г.—380 (обоего пола), в 1916 г.—1201, в 1959 г.— 840, в 1963 г.— 764.

23. С. **Большая Уда** (эрз. *покш уды вэл'э* — село Большая Уда. Название происходит от речки Уды, на которой стоит село) Ушаковского сельсовета Гагинского района. Самое раннее упоминание о селе под 1596 г.

В 1628 г. проживало 17 человек, в 1646 г.—19, в 1677 г.—24, в 1721 г.—123, в 1745 г.—173, в 1916 г.—846, в 1959 г.—628.

24. С. **Чиргуши** (эрз. *чир'гужо* от *чир'* — наклонный, *кужо* — поляна) Никулинского сельсовета Лукояновского района.

В 1628 г. здесь проживало 33 человека, в 1646 г.— 60, в 1677 г.—42, в 1721 г.—255 (обоего пола), в 1746 г.—256, в 1716 г.—2038, в 1959 г.—1004 человека.

25. С. **Шандрово** (эрз. *аорэ,* вероятно, означает население не крепостное) Шандровского сельсовета Лукояновского района. Самое раннее упоминание в документах о селе встречается под 1593 г.

В 1628 г. здесь проживало 14 человек, в 1646 г.— 28, в 1677 г. — 34, в 1716 г. — 33, в 1916 г. — 1631, в 1959 г. — 1584, в 1963 г.— 1427 человек.

26. Дер. **Григорьевка** Иванцевского сельсовета Лукояновского района. В 1959 г. здесь проживало 111 человек. Других сведений нет.

27. Дер. **Николаевка** Ульяновского сельсовета Лукояновского района. В 1959 г. здесь проживало 203 человека. Других сведений нет.

---

[1] *А. А. Гераклитов,* Указ. соч., стр. 121.

[2] *А. А. Гераклитов,* Арзамасская мордва, стр. 114.

Раздел III

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

П. Н. Третьяков,
член-корреспондент АН СССР

Мне думается, что, подводя итоги настоящей сессии и определяя задачи дальнейших исследований, мы должны особо указать те из них, которые являются наиболее важными, наиболее животрепещущими. Мы слушали здесь доклад тов. Коткова, в котором была сделана попытка определить задачи исследований в области этногенеза мордовского народа. Товарищ Котков, по моему мнению, правильно обрисовал эти многочисленные и сложные задачи. Но он не выделил те вопросы или темы, которые следует считать самыми главными, первоочередными. А таких вопросов, мне думается, два. Они были правильно поставлены на настоящей сессии, обсуждены, но еще далеко не решены.

Первым из них является вопрос о двуедином составе мордовского народа. По мнению тов. Коляденкова, два современных мордовских языка — мокшанский и эрзянский — имеют общий источник, единый древний общемордовский язык. Но в докладе тов. Коляденкова осталось не вполне объясненным, что же представлял собой этот древний язык, отличающийся, повидимому, большей диалектной пестротой, но не имеющий противопоставляемых друг другу мокшанских и эрзянских черт? Осталось неясным, в результате каких исторических процессов и в какой период возникли два мордовских языка? Когда же этого вопроса коснулись историки и археологи, то выяснилось, что сколько было выступающих, столько оказалось различных мнений. Я не специалист в данной области, я по преимуществу славист и я не буду пополнять эту коллекцию мнений. Хочу лишь указать, что на примере возникновения славянских народностей известно, что пути возникновения народностей и их языков были в высшей степени сложными и в ходе их образования процессы этнической дифференциации (разделения) сочетались с процессами интеграции (объединения), которые в период возникновения народностей бесспорно господствовали. Сначала, после распада первобытных племен (и их языков), сложилось, по-видимому, несколько небольших славянских народцев (и их языков), которые лишь впоследствии слились в более крупные образования. Процессы дифференциации у славян были следствием их широкого расселения в VI—VII вв. А имелись ли подобные условия в мордовской среде? Как будто бы нет. Почему же тогда произошло деление общемордовского языка? На этот вопрос еще нет ответа.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос о двуедином составе мордовского народа имеет большую практическую актуальность. Те, кто близко стоит к проблемам национального строительства в республике, кто задумывается над перспективами национальной политики, над будущим мордовской народности, тот неизбежно сталкивается с проблемой двуязычья. И то обстоятельство, что эта проблема в теоретическом плане является во многом спорной, еще далеко не разъясненной, несомненно, мешает решению ряда вопросов из практики национального строительства.

Второй вопрос, который я выдвинул бы на первое место в плане дальнейших научных исследований,— это вопрос о формировании мордовской социалистической нации.

Мы слушали доклад тов. Яшкина о мордовской социалистической нации на современном этапе. Меня этот доклад в высшей степени заинтересовал. С рядом положений, высказанных в докладе, я совершенно согласен. Но некоторые из них заставили меня задуматься. Вопрос о социалистических нациях является одним из существенных вопросов строительства коммунизма в нашей стране. Речь идет о судьбах наших наций, о перспективах их развития.

В своем докладе тов. Яшкин, говоря о возникновении и развитии мордовской социалистической нации, рассматривал свой материал в плане общих закономерностей. Это правильно. Но наряду с этим, наряду с теми явлениями, которые закономерны для любой социалистической нации, надо было особо выделить те явления, которые составляют особенность развития мордовской национальности. Эти особенности, их изучение очень существенны для практики национального строительства. У мордовской нации — свои особенности, у русской—свои, у польской или чешской — свои. Поэтому перед нами стоит задача — конкретно изучать вопрос о социалистических нациях, чтобы это привело к практическим выводам.

Сегодня мы слушали и другой доклад на тему о социалистических нациях. Это доклад тов. Тронина о формировании социалистических наций у народов Поволжья и Приуралья. Здесь, по моему мнению, очень интересно и правильно были определены основные особенности этого процесса у данной группы народов. Недостатком доклада было то, что его автор, ограниченный регламентом, был предельно краток. Он не развил своих положений, почти не дал фактического материала, ограничившись как бы «алгебраическими формулами».

Тема формирования социалистических наций в нашей стране в высшей степени важна. Вопрос об особенностях формирования мордовской социалистической нации тесно связан с первой отмеченной темой — вопросом о возникновении двуязычья мордовского народа. Один вопрос обращен в прошлое, другой в будущее, но оба они жизненно актуальны. Без решения первого вопроса нельзя будет правильно решить второй. В нашей резолюции эти два вопроса, две задачи целесообразно поставить в качестве важнейших тем будущих научных исследований.

В заключение хочу поблагодарить устроителей настоящей сессии за проделанную ими работу. Сессия была очень интересной и полезной. Она всех нас научно обогатила, и, несомненно, ее результаты положительно скажутся на дальнейшем развитии исследований в данной области.

А. П. Смирнов,

доктор исторических наук

Поступил ряд вопросов, на которые считаю необходимым ответить.

1. Можно ли допустить проникновение в среду мордвы античной культуры?

Ответ. Античные вещи проникали далеко на север, вплоть до побережья Белого моря. В области лесостепи античные вещи встречаются в большом количестве. Известны античные монеты, а также римская посуда. Античные вещи, проникая в среду народов лесостепной полосы, могли оказывать известное влияние.

Понятие самобытной культуры сложное, каждый народ общается с другими народами, поэтому понятно взаимное их влияние. Мордовские племена общались с соседями, а через них и со странами высокой цивилизации. Заимствованные сюжеты перерабатывались в соответствии со своим укладом и вкусами.

Таким образом, мы можем говорить об известной самобытности мордовской культуры, понимая этот термин условно.

Товарищи! На исторической секции было заслушано 13 докладов, из них часть была посвящена вопросам расселения мордвы по археологическим данным, часть — рассмотрению исследованных за последние годы могильников — с таким докладом выступил тов. Полесских. С интересными докладами выступили научные работники Горьковской области по вновь открым на территории города памятникам, которые дают возможность критически отнестись к известной легенде про мордовского князя Абрама. Весьма важны доклады о взаимосвязях мордвы с чувашами, татарами и русскими.

Все названные доклады были построены в основном на историческом, археологическом и этническом материалах. Интересную дисскусию вызвал доклад тов. Степанова о буртасах.

За последние годы работники Горьковского заповедника-музея провели значительные археологические работы, результаты этих работ также были доложены на заседании нашей секции.

Кроме того, был обсужден ряд вопросов, касающихся формирования социалистических наций. С очень интересным докладом выступил тов. Тронин на тему «К вопросу о формировании социалистических наций Поволжья и Приуралья».

Все 13 докладов вызвали широкий интерес и обсуждение.

Б. А. Серебренников,
член-корреспондент АН СССР

На филологической секции в течение 9—10 декабря было заслушано 12 докладов из 14 намеченных. Два докладчика не явились. Из общего числа докладов 7 было на лингвистские темы и 2— на этнографические. Авторы докладов значительно пополнили и углубили отдельные положения докладов, заслушанных на пленарном заседании. Они сделали уточнения, привлекли новый материал, поставили новые интересные проблемы.

Заседания филологической секции достаточно ясно показали, что в настоящее время в Мордовской республике уже имеются необходимые условия для дальнейшей более углубленной разработки проблем, касающихся этногенеза мордовского народа.

Особо отрадно отметить появление новых молодых кадров лингвистов, языковедов, литературоведов, этнографов и историков. Можно надеяться, что в дальнейшем они будут более углубленно работать над проблемой этногенеза мордовского народа.

РЕКОМЕНДАЦИИ НАУЧНОЙ СЕССИИ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Научная сессия по этногенезу мордовского народа, состоявшаяся в г. Саранске 8—10 декабря 1964 года, явилась крупным событием в научной жизни Мордовской АССР и районов Среднего Поволжья. В её работе приняли активное участие ученые Москвы, Ленинграда, Горького, Казани, Чебоксар, Йошкар-Олы, Таллина, Сыктывкара, Саратова, Уфы, Петрозаводска, Ижевска, Пензы, Оренбурга и ряда других городов нашей страны.

Велико и многогранно значение данной сессии. Она наглядно подтвердила жизненность и правильность главных направлений научных исследований ученых в области истории, языка и литературы мордовского народа. В последние годы по проблемам истории мордовского народа, его языка и литературы появилось значительное количество монографий, брошюр, статей и сборников документов, получивших положительную оценку и признание научной общественности.

Сессия убедительно показала возросшую научную зрелость ученых республики, могущих решать задачи, вытекающие из исторических решений XXII съезда и Программы КПСС в области идеологической работы.

Особенно велико значение сессии для растущей научной молодежи Мордовской республики и всего Поволжья.

Научная сессия укрепила и расширила непосредственные творческие контакты ученых всего Среднего Поволжья с учеными Москвы, Ленинграда и другими научными центрами страны.

Успешная работа сессии способствовала уточнению и определению главных задач ученых республики и основных направлений на ближайшие годы.

Первоочередной задачей всех наших исследователей, несомненно, является активное участие в общенародной борьбе за коммунизм.

Ученые Мордовского научно-исследовательского института, разрабатывающие главным образом некоторые проблемы в области языка, литературы, истории, должны всемерно содействовать в условиях республики формированию нового советского человека — строителя коммунизма, развивать национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру, неустанно способствовать дальнейшему культурному сближению мордовского народа с великим русским и другими братскими народами Советского Союза.

Важной задачей наших ученых остается дальнейшее повышение научно-теоретического уровня всех исследований и публикаций.

Настало время, когда ученые республики, в частности Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, должны выходить на межреспубликанскую арену. Необходимость постановки этой задачи вытекает из всего хода экономического и культурного развития Мордовии и всего Среднего Поволжья. Мы должны теперь, в период развернутого строительства коммунизма, все больше брать темами своих исследований узловые проблемы, касающиеся всех народов Среднего Поволжья, что даст возможность шире и ярче показать роль каждого народа в борьбе за социализм и коммунизм, убедительнее раскрыть многогранный и сложный процесс культурного взаимовлияния, выявить некоторые дальнейшие пути культурного и экономического сближения братских народов.

Сложность и важность задач, поставленных перед нашими учеными Коммунистической партией и Советским правительством, настоятельно требует дальнейшего совершенствования научных контактов, координации научно-исследовательских работ в масштабе города, республики и всего Среднего Поволжья.

Настоящая сессия обсудила доклады, посвященные общим и частным вопросам этногенеза мордовского народа. Представители различных наук: археологии, языкознания, фольклора, топонимики, этнографии, антропологии и истории — ознакомили сессию с состоянием этих наук в Мордовии.

Широта постановки проблем на данной сессии позволила выявить общие вопросы финно-угроведения и проследить историю формирования финно-угорской общности по языку и этническую историю мордовского народа. Привлечение материала соседних народов Поволжья позволило углубить этнические и культурные связи мордвы с другими народами.

В настоящее время наметилась основная линия сложения древней истории мордовского народа, начиная со времени выделения его из финно-угорской языковой общности. Прослежены этапы развития от племенного строя, народности и кончая формированием и развитием социалистической нации. В основных звеньях исторического процесса вскрыт сложный ход этнической и социальной истории мордовского народа, развития его языка и культуры.

Вместе с тем следует отметить, что уровень исторической науки позволяет проследить пока только общую линию развития, но оставляет нерешенными многие вопросы сложения этноса, языка и культуры мордвы.

Значительные и ответственные задачи встают в области исторических наук, в свете решений XX—XXII съездов КПСС и Программы КПСС.

Историки Мордовии, расширяя научные контакты с ведущими научными центрами страны, должны уточнить многие вопросы начальной истории мордовского народа, решить проблему феодализма, глубже рассмотреть уровень, характер и процесс складывания капиталистической формации у мордвы, особенно в эпоху империализма, ибо от правильного решения этой проблемы во многом зависит решение вопроса о том, от какого уровня экономики и культуры началось движение мордовского народа к социализму. Процесс борьбы мордовского народа за свое социальное освобождение и национальное возрождение по-прежнему должен быть в центре внимания исследователей, которые в этом плане должны специально разработать такие темы, как история мордовского крестьянства, рабочего класса и интеллигенции, начиная с периода их формирования до наших дней.

Наши археологи под руководством ведущих ученых страны должны значительно расширить масштабы своих исследований по вопросам эпохи неолита, бронзы и раннего железа. Необходимы накопление и систематизация материала по всем этапам истории мордовского народа. Большое внимание следует обратить на разработку проблемы феодальных отношений у мордвы и связанную с этим историю борьбы феодального замка и деревни.

Необходимо предпринять поиски и раскопки средневековых поселений как больших, типа городов, так и малых, типа замка.

Можно рекомендовать постановку раскопок таких центров, как Темников, Арзамас, и продолжение раскопок Наровчата.

Есть все основания полагать, что все города XIII—XV вв. возникли на месте старых поселений городищ городецкого типа.

Вместе с тем следует продолжить работу по изучению мордовских могильников.

Еще большие задачи стоят перед этнографией, где усилия ученых должны быть сосредоточены не только на восстановлении по этнографическому материалу далекого прошлого народа, но и на развитии культуры и быта современной мордовской социалистической нации.

В области языкознания необходимо и дальше вести работу по созданию многотомного академического мордовского словаря. Параллельно с этим наши лингвисты должны много еще сделать в области истории мокшанского и эрзянского языков, обратив внимание на общность их происхождения, как двух диалектов некогда единого языка.

Большие задачи стоят перед учеными и в исследовании современных языковых процессов, ибо в период развернутого строительства коммунизма национальные языки играют большую роль в жизни своих народов, в развитии их культуры, сближении социалистических наций.

В области литературы нашим исследователям необходимо наращивать усилия по линии дальнейшего изучения устного народного творчества как единственной основы национальной мордовской дореволюционной культуры — так и нового в развитии письменной мордовской советской литературы, которая уверенно выходит на общесоюзную арену, внося свой посильный вклад в общее дело развития литератур братских народов.

Таковы главные задачи и основные направления по дальнейшему изучению многовековой истории мордовского народа, внесшего определенный вклад в сокровищницу русской и мировой культуры, активно участвующей, вместе со всеми народами СССР, в претворении в жизнь величественной программы коммунистического строительства.

Книга печатается по рекомендации научной сессии по этногенезу мордовского народа и решению Ученого Совета Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Алт. — Алтайский
А. С. — Археологический сборник
Баш. — башкирский
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ИАК — Известия археологической комиссии
ИА и Э — истории, археологии и этнографии
ИИАЭ — Институт истории, археологии, этнографии
ИОАИЭ — Известия отделения археологии, истории, этнографии
ИЭ — Институт этнографии
Казах. — казахский
Кирг. — киргизский
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры
Лит. — литературный
МАР — Материалы по археологии России
Мар. НИИ — Марийский научно-исследовательский институт
МИА. — Материалы и исследования по археологии СССР
Миш. — мишарский
МНИИЯЛИ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Мокш. — мокшанский
НИИ — Научно-исследовательский институт
ОАК — Отчеты археологической комиссии
Пенз. — Пензенский
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Рук. Ф. НИИ — рукописный фонд научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР
СА. — Советская археология
САИ — Свод археологических исследований
Темн. — Темниковский
Тр. ГИМ — Труды государственного исторического музея
Тур. — турецкий
УЗ — Ученые записки
Узб. — узбекский
Уз. ЧНИИ — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института
ЧАССР — Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика
Чув. НИИ — Чувашский научно-исследовательский институт
Эрз. — эрзянский
Якут. — якутский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Академик *Б. А. Рыбаков* 3

Раздел I. История

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

П. Н. Третьяков. К вопросу о возникновении и древней истории финно-угорских племен Поволжья 7

А. П. Смирнов. Этногенез мордовского народа по данным археологии I-XV вв. н. э. 18

К. Ю. Марк. Этногенез мордовского народа по данным антропологии 29

П. Д. Либеров. Исследование лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР на Среднем Дону за 11 лет . . 36

П. Д. Степанов. Андреевский курган 47

Н. В. Трубникова. Древние мордовские племена в начале I-го тысячелетия н. э. 53

А. Е. Алихова. Распад первобытнообщинных отношений и становление феодальных отношений у мордвы 62

В. Н. Белицер. Этногенез мордовского народа по данным этнографии 69

Г. Я. Меркушкин. Вхождение мордовского народа в состав русского централизованного многонационального государства 75

Л. Г. Филатов. К вопросу о формировании мордовской народности 84

М. В. Дорожкин. Великая Октябрьская социалистическая революция и начало формирования мордовской социалистической нации . 100

И. А. Яшкин. К вопросу развития мордовской социалистической нации на современном этапе 118

К. А. Котков. Задачи изучения этнической истории мордовского народа 131

СООБЩЕНИЯ

А. Е. Алихова. Расселение мордовского народа по данным археологии 142

М. Р. Полесских. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши 144

В. Ф. Черников. Новые материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья по разведкам Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника 149

А. Х. Халиков. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии 152

В. Ф. Каховский. Мордовско-чувашские отношения по данным материальной и духовной культуры 168

Т. А. Крюкова. Мордовско-марийские отношения по данным материальной и духовной культуры 177

Р. Г. Мухамедова. Культурные взаимосвязи мордовского и татарского народов по данным этнографии 185

Н. Ф. Мокшин. О мордовско-марийских этнических связях (по материалам религиозных верований) 195

П. Д. Степанов. Буртасы и мордва 201

И. А. Кирьянов. Некоторые данные о легенде об Абрамовом городище и Нижнем Новгороде 206

А. В. Циркин. Экономические и культурные связи мордвы со славянскими племенами в VII—XII вв. 211

А. Е. Алихова. Некоторые замечания по поводу сообщения М. Р. Полесских 221

М. Г. Сафаргалиев. Мордовско-татарские отношения 223

А. А. Тронин. К вопросу об общем и особенном в формировании социалистических наций Поволжья и Приуралья 227

Раздел II. Филология

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ, ТОПОНИМИКЕ И ФОЛЬКЛОРУ

Б. А. Серебренников. История мордовского народа по данным языка 237

М. Н. Коляденков. Историческая общность мокши и эрзи по данным языка 257

В. Я. Евсеев. Связи фольклора мордвы и других финно-угорских народов в свете их истории 272

В. А. Никонов. Этногенез мордовского народа и топонимика . . 281

СООБЩЕНИЯ

А. И. Маскаев. Славяно-мордовские связи по материалам эпической песни 290

Л. С. Кавтаськин. О некоторых чертах общности поэтики мордовских песен и карело-финских рун 303

К. Т. Самородов. О связи мордовского народа с другими народами по материалам обрядового фольклора 315

Н. Ф. Цыганов. Следы этнонима „мордва“ 323

А. П. Феоктистов. К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов 331

Р. В. Бабушкина. Термины родства как факты генетической связи мордовского народа с другими финно-угорскими 344

Р. С. Ширманкина. Способы связи слов как показатели отношений мордовских языков к другим финно-угорским 359

Д. В. Цыганкин. Свидетельства диалектологии как источник изучения истории мордовского народа 365

В. И. Алатырев. Удмуртско-мордовские лексические отношения . 372

А. Г. Борисов. Мордовская свадьба как историко-этнографический источник 389

Л. Ш. Арсланов. Некоторые лексические особенности говора мордвы-каратаев 396

А. Г. Самошкин. О взаимосвязях между русской и мордовской частушкой 402

Л. П. Смолякова. К вопросу об эрзя-мордовском субстрате в ряде русских говоров Волго-Камья 408

Г. И. Ермушкин. Характеристика северо-западных говоров эрзя-мордовского языка в связи с историей их носителей 414

Раздел III

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Выступления **П. Н. Третьякова, А. П. Смирнова, Б. А. Серебренникова** 427, 429, 430

Рекомендации научной сессии по этногенезу мордовского народа . . 431

Список условных сокращений 436

Этногенез мордовского народа

Мордовское книжное издательство, 1965, 440 стр.

Редактор издательства *П. Коровин*
Технический редактор *М. Попова*
Корректор *Н. Николаева*

Сдано в набор 30|VIII 1965 г.
Подписано к печати 14|II 1966 г.
Ю00174. Бумага $60\times90^{1}/_{16}$. № 2, сорт 1.
Печ. листов 28. Уч.-изд. листов 26,69.
Тираж 1500 экз. Заказ № 3712.
Цена в переплете 1 руб. 70 коп.

Книжное отделение типографии „Красный Октябрь“
Управления по печати при Совете Министров
Мордовской АССР, г. Саранск, Московская, 115.

Цена 1 руб. 70 коп.

1 0 2 07